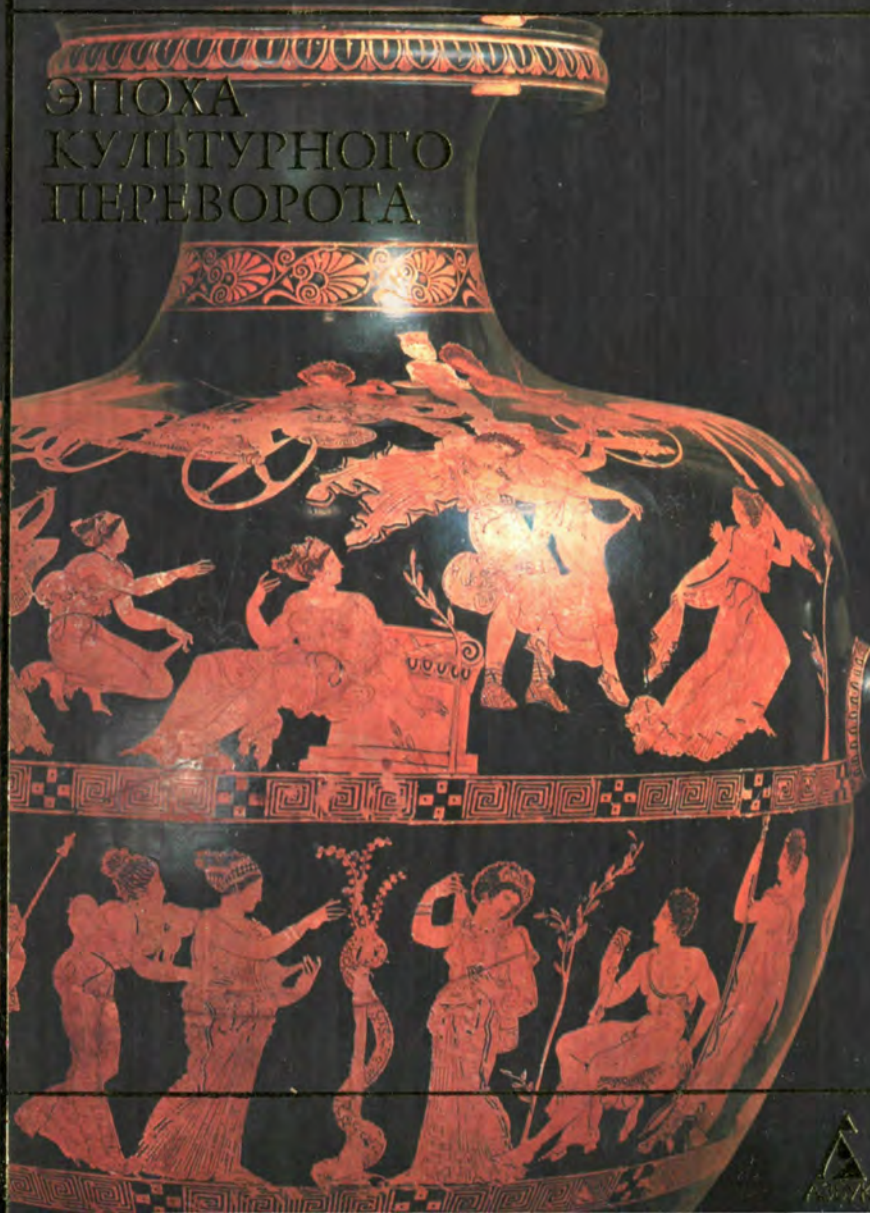

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ЭПОХА
КУЛЬТУРНОГО
ПЕРЕВОРОТА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Эпоха
культурного
переворота

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2004

УДК 82
ББК 83.3(0)3
Х 91

СОСТАВИТЕЛЬ МИХАИЛ ПОЗДНЕВ

Оформление Вадима Пожидаева

Х 91 Хрестоматия по литературе Древней Греции: Эпоха культурного переворота / Пер. с др.-греч.; Сост. М. Поздnev. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 928 с.

ISBN 5-352-00988-2

Хрестоматия по литературе Древней Греции — учебное издание, ориентированное на вузовскую программу курса зарубежной литературы.

В том включены памятники древнегреческой литературы VIII—V вв. до н.э. — эпохи так называемого «культурного переворота», которая представлена именами выдающихся поэтов, драматургов, философов и историков.

© М. Поздnev, состав, статьи, перевод, 2004

© С. Апт, перевод, 1971, 2004

© М. Гаспаров, перевод, 2004

© Е. Ермолаева, статья, 2004

© А. Зайцев (наследник), статья, 2004

© Н. Казанский, перевод, 2004

© С. Ошеров (наследник), перевод, 2004

© Л. Поплавская, статьи, 2004

© В. Ребрик, статьи, 2004

© О. Румер (наследник), перевод, 2004

© Р. Светлов, статьи, 2004

© С. Трохачев, статьи, перевод, 2004

© «Азбука-классика», 2004

ISBN 5-352-00988-2

ОТ РЕДАКЦИИ

Вся европейская литература прямо или через посредников восходит к древнегреческой. Значение последней нельзя, однако, ограничивать ее влиянием на литературу Нового времени. Ясно, что если бы произведения древнегреческих писателей не имели высокой художественной ценности, не было бы и самого этого влияния. Между тем, читатель, который только начинает знакомство с античной литературой — а на такого читателя в основном и рассчитана наша хрестоматия, — наверняка не раз испытает разочарование. Дело в том, что качество переводов, особенно поэтических, неоднородно и почти всегда неравносильно оригиналу. Как невозможно требовать от поэтов основательного знания древних языков и античной культуры, так нельзя обвинять и ученых в отсутствии поэтического дарования. Возможно, стоило бы издать для каждого поэтического текста точный прозаический перевод (как это давно принято на Западе), тогда поэты получили бы темы для своих вариаций. Современного читателя от античной литературы отделяют барьеры, на преодоление которых уходят годы. В результате только профессиональное знание античности дает возможность наслаждаться древнегреческой литературой. Поэтому наша основная задача — учебная. Мы старались организовать материал таким образом, чтобы яснее отобразить специфику каждого жанра и дать, хотя бы в общих чертах, картину развития отдельных жанров и эволюцию древнегреческой литературы в целом. Сопроводительные статьи, чуть более подробные, чем принято в такого рода сборниках, призваны сообщить читателю общее представление о литературных направлениях и о самих писателях. К сожалению, объем книги не позволил включить достаточное количество частных пояснений. Они даны в постраничных примечаниях и в словарно-справочных материалах, помещенных в конце второго тома.

Настоящее издание — результат коллективного труда петербургских филологов и историков. Подготовкой разделов занимались те специалисты, чьи научные интересы непосредственно связаны с соответствующими вопросами античной литературы. Надеемся, что некоторая пестрота сборника — и по части оформления, и в идеологическом плане — извиняется компетентностью комментариев.

Составляя хрестоматию, мы пытались по возможности сохранить концептуальное единство, что облегчалось принадлежностью абсолютного большинства участвовавших в создании книги к одной научной школе.

Хрестоматия по определению не может претендовать на исчерпывающую полноту. Самой досадной для составителей является необходимость выкраивать фрагменты из книг. Мы стремились привести как можно больше текстов целиком, так что читатель не должен удивляться отсутствию в книге многих знаменитых произведений, например «Государства» Платона и др. Другая трудность связана с тем, что целый ряд текстов, важных для понимания древнегреческой литературы, нельзя назвать литературными произведениями в прямом смысле. Некоторые образцы научной литературы мы приводим поэтому в Приложениях; печатаем, в частности, новый перевод «Поэтики» Аристотеля. Сведения о ранних философах (досократиках) читатель найдет в Приложении к первому тому; их оценку с литературной точки зрения — в разделе «Философская проза» второго тома.

Подготовка книги заняла более двух лет. Редакция выражает глубокую благодарность всем, кто принял участие в этой работе, особенно О. И. Зайцевой за готовность предоставить материалы из архива А. И. Зайцева; Л. Жмудю за энергичное содействие их оформлению; А. Гаврилову за ценные советы в связи с публикацией статей А. Доватура; В. Зельченко за бескорыстную помощь в редактировании книги; Т. Ярцевой и Т. Орестовой, принимавших участие в переводе статьи У. фон Виламовица; и, наконец, Р. Светлову, организовавшему проект и участвовавшему в редактировании ряда текстов.

А. И. Зайцев.

ВВЕДЕНИЕ В АНТИЧНУЮ ЛИТЕРАТУРУ*

Определение литературы. Ее функции. Значение античной литературы.

Что такое литература и где она начинается? Прежде всего, бесспорное положение: литература состоит из устного народного творчества (фольклора) и собственно литературы, литературы письменной. Фольклор, пока он жив, бытует только в устной форме, литература — и в письменной, и в устной — в частности, в авторском чтении.

Более спорны существенные признаки литературы. Встает вопрос о границе между литературой и другими формами словесного творчества. Ведь есть и промежуточные памятники, такие как «История» Карамзина, Соловьева и др. Важную роль играет вымысел, но он еще не является конституирующим признаком литературы. Решающим является применение специальных приемов, рассчитанных на эмоциональное воздействие. Эти приемы могут применяться сознательно или бессознательно, но они *должны быть* в литературном произведении. Эмоции могут быть разнообразны: восхищение героем, сочувствие жертве, потрясение, смех, но слушатель или читатель должен стремиться получать такого рода эмоции вновь и вновь — иначе произведение окажется никому не нужным.

* Рукопись хранится в семейном архиве А. И. Зайцева. Редакция благодарит О. И. Зайцеву за любезно предоставленные материалы, д. ф. н. Л. Я. Жмудя за помощь в подготовке публикации, а также к. ф. н. С. А. Тахтаджяна и к. ф. н. Н. А. Алмазову, чьи записи, дополняя друг друга, дают зеркальную картину знаменитых лекций. То же самое относится и к публикуемому ниже «проэмию» к Гесиоду. (Вставки из лекций отмечены угловыми скобками.) Курс истории античной литературы А. И. Зайцев читал в первом семестре 1988 г. Сам А. И. говорил, что «потерпел полное фиаско». Однако всякий, кто был тогда в числе слушателей, признает, что это замечание нужно относить только на счет нерадивости студентов. Лекции А. И. Зайцева, несмотря на простоту изложения (они предназначались для первого курса), не только глубоко научны, но и включают специальный материал, — поэтому редакция снабдила их примечаниями.

При этом, как правило, наиболее впечатляющими оказываются те художественные произведения, создатель которых сам переживал те эмоции, которые должно вызывать его произведение, — творил с вдохновением. Эти приемы могут быть самыми разнообразными. Опыт развития литературы показывает, что практически любое отклонение от сложившихся норм устной и деловой письменной речи может служить художественным целям: в стихах это уже ритм, рифма, в фольклоре, например, пение на определенный мотив или, скажем, «лишние» постоянные эпитеты: «добрый» молодец, «красна» девица (в сказке). Сюда же относятся длинные прямые речи действующих лиц; использование вышедших из употребления слов и оборотов. В греческой литературе есть произведение, в котором для благозвучия вообще не используется звук «s» (греческая буква «сигма»)*. Таковы и повторы, или, наоборот, — современный разорванный стиль, пытающийся передать «поток сознания».

С какой целью используются все эти художественные приемы? Ради чего старается автор? Фольклор и литература, как и другие виды искусства, могут быть полифункциональны и монофункциональны. Монофункциональное литературное произведение ставит своей задачей *только* эмоциональное воздействие своими художественными приемами, *только* эстетическое наслаждение — в этих случаях говорят об «искусстве для искусства». Скажем, французская поэзия знает направление так называемых парнасцев. В русской литературе такие тенденции проявлялись слабо, но можно назвать, прежде всего, имя Афанасия Фета, который пренебрегал какими-либо другими аспектами воздействия своей поэзии, кроме чисто эстетического. Была такая литература и в Древней Греции. Однако ведущее положение в литературе всегда занимала литература полифункциональная. Ее характерная черта заключается в соединении задачи художественного воздействия со стремлением добиться через воздействие на читателя или слушателя каких-то определенных целей; это сближает ее с обыденной и деловой речью. Так, Достоевский или Лев Толстой (например, в романе «Воскресение») вполне отчетливо преследовали цель нравственного обновления русского общества. Тенденциозны, как говорят в таких случаях, романы Тургенева, политическая лирика Пушкина. Полифункциональна, как мы увидим, в своей значительной части и античная — древнегреческая и римская — литература. <В таких случаях, для того чтобы отнести произведение к литературе, в нем должен быть *minimum* художественности. Так заговор или вообще любой обряд становится фольклором.> Опыт тысячелетнего развития ли-

* «Кентавр», поэма Ласа из Гермонины (VI в. до н. э.). Лас был соперником Симонида.

тературы показывает, что самые выдающиеся произведения мировой литературы органически сочетали установку на перделку человека и общества с высокой степенью эстетического эмоционального воздействия. При этом оказывается не столь существенно, какой аспект считает более важным сам автор. Одностороннее преобладание одного из аспектов снижает значение памятника в литературном процессе. Важно следующее руководящее правило: полифункциональное художественное произведение сохраняет свое значение и в том случае, если практические цели, которые оно ставило, достигнуты полностью или утратили актуальность. Рекламные стихи Маяковского, меткие и чеканные, принадлежат отечественной поэзии, а творения типа «Хлеба к обеду в меру бери», даже если они помогают бороться с расточительством (это следовало бы проверить), находятся за пределами литературы. Для античной литературы характерно стремление к внелитературным, внеэстетическим целям.

В истории всемирной литературы есть по крайней мере три литературы, которые возникли непосредственно из фольклора, без влияния предшествующих литератур, и начинают собой каждая самостоятельную ветвь литературного развития. Это древнегреческая, древнеиндийская и древнекитайская литературы. Фольклорные корни необходимы для любой живой литературы, но во всех прочих случаях этого оказалось недостаточно. На формирование русской классической литературы, например, повлияла греческая. Древнеиндийская и древнекитайская литературы конституировались несколько позднее, чем древнегреческая. Но более важная причина особого положения греческой литературы заключается в ее необыкновенном богатстве и выразительности, которые, в сочетании с особыми историческими судьбами Европы, привели к тому, что европейская литература, опирающаяся на греческую и римскую, заняла ведущее место в мировом литературном процессе. В ее русле развиваются, в общем, даже современные литературы Индии и Китая. Таким образом, древнегреческая литература представляет собой, так сказать, начало магистрального пути развития литературы.

Шаги к созданию художественной литературы совершались еще до греков. Предшественницей древнегреческой литературы, кроме фольклора, была письменность, не породившая художественной литературы, или, скорее, давшая отдельные памятники, находящиеся на грани литературы. В целом этот важный вопрос освещен в специальной статье С. С. Аверинцева*. В Двуречье и в Египте существовала письменная словесность, полифункцио-

* Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»: Противостояние и встречи двух творческих принципов // Типология и взаимосвязи литературы древнего мира. М., 1971. С. 206–266.

нальная, со сдвигом в сторону утилитарного значения. На грани литературы находятся лирические стихотворения Древнего Египта, шумерские гимны, и в особенности «Эпос о Гильгамеше» — вершина того, чего достигла письменная словесность на пути превращения в литературу до греков. О достижениях фольклора тех времен мы можем только догадываться. Влияние египетской и шумеро-аккадской письменности на становление древнегреческой литературы исчезающе мало. Шумеро-аккадская словесность оказала известное влияние на древнееврейскую письменность, которая представлена для нас Ветхим Заветом, но в целом литературное развитие Египта и Двуречья оказалось тупиковым. Вот почему правомерно начинать историю всей мировой литературы с древнегреческой.

Почему литература возникла именно в Греции? Греция — абсолютное начало не только литературы, но и науки, демократии, особого изобразительного искусства. Греками ценились самые разные достижения. В Греции «развязались» таланты*.

Возникновение литературы в Греции. Фольклорный период.

До VIII в. следует констатировать нулевой период греческой литературы. Судить о фольклоре трудно. Древнегреческий фольклор нам принципиально недоступен; его можно только реконструировать по отражениям в литературе. Греки почти не записывали фольклор. Несколько помогает наличие общих закономерностей, которых в фольклоре больше, чем в литературе. Но все равно памятников ничтожно мало. Между тем, греческий фольклор важен: ведь греческая литература возникла именно из него, без ощутимых внешних влияний. Хотелось бы знать, были ли предпосылки для развития литературы уже в фольклоре. Вырисовывается такая картина: существовали привычные жанры фольклора; для большинства из них нет оснований полагать исключительность. Известны: рабочая песня (Аристофан. «Мир», 512–519; песня мукомолок, записанная Плутархом**), детская игровая, обрядовая (песня в честь Лина***), любовная и др.****. Наиболее яркий пример — Хелидонисма, родосская песня о ласточке:

* Более подробно об этом см.: Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции (VIII–V вв.). Изд. 2-е. СПб., 2000.

** «Пир семи мудрецов», 14.

*** Первоначально в «Илиаде», XVIII 570; затем превратилась в плач («трен»).

**** Можно указать песню «Эйресиона», ссылки на которую есть у Аристофана и Плутарха, детскую считалку «Хейлихилона», а также Локрийскую любовную песню, упоминаемую Афинеем.

Прилетела ласточка
С ясною погодою,
С ясною весною,
Грудка у нее бела,
Спинка черненькая,
Что ж ей ягод не даешь
Из дому богатого?
Дашь ли в чашке ей вина,
Сыру ли на блюдечке
И пшенички?
И от каши ласточка
Не откажется. Уйти ль нам или же получим?
Открой, открой скорее дверцу ласточке,
Перед тобой не старики, а деточки*.

Эти образцы фольклора, записанные поздно, не говорят еще о каком-то особом его развитии. Однако о нем косвенно свидетельствует развитие микенского искусства (отчасти под влиянием минойского). Но главное — о нем говорит расцвет мифологии, едва ли не беспрецедентный. (Предрассудок, будто мифология была везде, но не дошла до нас, как, например, римская, славянская и др.) Мифы повествуют о богах и о героях, и хотя и те и другие являются объектами культа, рассказы о них должны были быть художественны, должны были действовать на эмоции. Они, следовательно, должны были принадлежать к определенному жанру, в данном случае — фольклорному. В литературе жанрово неопределенные произведения с трудом принимаются, а в фольклоре они не закрепляются, невозможны.

Какой же это был жанр? Основным фольклорным жанром, в рамках которого развивалась греческая мифология, был героический эпос. Это видно и ретроспективно, из гомеровского эпоса, и по другим признакам, в том числе по эпической форме имен персонажей. Таким образом, для фольклорно-предлитературного периода приходится постулировать развитие богатого народного эпоса. Он резко доминировал среди других жанров и в значительной степени был выразителем идеологии того общества. Поэтому некоторая односторонность станет одним из факторов последующего расцвета литературы.

<Мифы о богах возможны только там, где богам приписываются человеческие черты (антропоморфизм). Иначе нечего будет рассказывать. Для греков характерна очень высокая степень антропоморфизации, — на Олимп переносились человеческие установления. Как часто бывало и в земных династиях, Зевс выступает в качестве узурпатора. На Олимпе живет его семейство. Мир поделен между ним и его братьями, Посейдоном

* Афиней. 8, 360 С.

и Аидом. Стержнем религии является культ. В религиозно-культовом отношении Зевс ведал громом и молнией, ведал дождем, а в Греции это вопрос жизни и смерти. Мифология — вещь самостоятельная; она наслаивается на религиозные представления, но приписывает героям то, чего требует художественность. Главное, что мы находим о Зевсе в поэзии, — его любовные связи. У него множество детей, следовательно, возникают конфликты. Это благодатная почва для художественного вымысла: сестра и супруга Зевса Гера — хранительница очага и семьи — ссорится с Зевсом, мстит его женщинам и детям. Посейдон — морское божество. Там, где профессия больше зависит от обстоятельств, больше и суеверий. Кораблекрушения объясняли гневом Посейдона. На гибель в море того или иного человека могла наслоиться целая история о том, как он прогневил Посейдона («Одиссея» в этом смысле — типичный для мифологии рассказ). Аид (Плутон) — бог подземного царства. Туда попадают люди после смерти. У Аида не было культа, ему не молились, так как почти не надеялись, что можно избежать смерти, — считалось, что к Аиду бесполезно обращаться. Почти нет и мифов об Аиде. Миф о похищении им Персефоны, дочери Деметры, связан с культом этих богинь — элевсинскими мистериями.

Другая группа мифов относится к младшему поколению богов, таких как дочь Зевса Афина. У нее нет матери, она рождена из головы Зевса. Афина имеет многочисленные и важные культы. Первоначально ее функция — военная: она — вооруженная защитница города, помогает в войне, обычно — в оборонительной войне; покровительница ремесел, прежде всего — женских, затем и мужских. Прослеживается экспансия ее культа: Афина захватывает все новые области. Она рано становится богиней всяческой мудрости. Гермес, сын Зевса, — сначала пастушеский бог. В древнее время пастухи имели плохую репутацию, и Гермес — бог плутней. Любые фольклорные рассказы о плуте у греков прикрепляются к Гермесу. Афродита — богиня любви и красоты. Греки мало связывали любовь и красоту со здоровой семьей. И Афродита — разрушительное божество. Любовная страсть (которой у греков подвержены прежде всего женщины) изображается в литературе как нечто пагубное. Греки не довольствовались одним военным божеством. В отличие от Афины Арес ведает непосредственно боевыми действиями, и только ими. Гефест — бог-кузнец, бог огня и всяческого ремесла. В древнее время кузнецы, очевидно, часто были хромыми (нормальный мужчина — воин и пахарь). И Гефест — хромец. Согласно мифу, Гефест законный сын Зевса и Геры, но матери он не понравился, она сбросила его с Олимпа, и он стал хромым. Аполлон заимствован из Малой Азии. В гомеровских

поэмах он противник греков. Затем — избавитель от всякой напасти (стало быть, сам ее и посылает). Кто наслал мышей на поле? Аполлон. Значит, ему и надо молиться. В греческой мифологии огромна роль лука и стрел. Ими пользуется Аполлон, но его стрелы страшнее стрел Эроса — они посылают гибель; сначала и на мужчин, и на женщин. Впоследствии, если без видимой причины умирал мужчина, считалось, что его поразили Аполлон, если женщина — Артемида. Артемида и Аполлон — дети Зевса и Лето (Латоны). Последнюю особенно преследует Гера, не давая ей спокойно родить. Мотив ревности Геры сказан и в мифах о Дионисе, сыне Зевса и смертной Семелы. Дионис — божество производительных сил природы, растительности, винограда и вина. Культ его оргиастический, в нем прежде всего участвуют женщины — менады. В жизни такому культу противодействовали, а в мифах выступают цари, которые пытались обуздать буйства Диониса. Но Дионис в мифах обычно побеждает своих преследователей, и культ его закрепился. Культ этот гетерогенный, корни его и греческие, и восточные, отсюда второе имя — Вахх. Божественные спутники Диониса, кроме менад, — нимфы и козлоногие сатиры: здесь скрыты корни трагедии.

Боги — обычный объект религии разных народов, но греческие *герои* — нечто необычное. Герои, с одной стороны, — люди (верили, что они когда-то жили на Земле, от них вели свое происхождение, они — предки), с другой стороны — они возвышались над уровнем обычных людей, что связывалось с их полубожественным происхождением, от них ждали помощи, существовал их культ (на их могилах приносили жертвы, но иначе, чем богам). Герои очень давно стали действующими лицами фольклорного эпоса. В рассказах о героях проявляются те же черты, что и в рассказах о богах. Как и боги, герои никак не могли на долитературной стадии рассматриваться как этический идеал; когда это произошло, это было литературным новшеством. Главный из героев — Геракл, сын Зевса и Алкмены. Тип рассказов о нем древний: половина его подвигов связана с чудовищами. Этот тип мифа с художественной стороны не является особенно выигрышным для последующего литературного развития (канон 12 подвигов Геракла сложился позднее). В истории с Кербером самое выигрышное для литературы — страх Еврисфея и его приказ отвести пса обратно. Вообще, литература выбирает из мифов предпочтительно другие сюжеты. Геракл — не прямолинейно положительный герой. Преследующая его Гера насылает на него безумие, и Геракл убивает жену и детей, — этот эпизод прочно вошел в греческую литературу. Общий урок, извлекаемый нами из мифов о героях — только некоторые эпизоды были благоприятны для дальнейшего использования в литерату-

ре. И о втором по значению греческом герое — Тесее — в долитературную эпоху существовали разнообразные истории, как бесперспективные для литературы (укрощение марафонского быка), так и дававшие почву для литературной обработки (путешествие на Крит). Но особенно благоприятное влияние на развитие литературы оказали троянский и фиванский циклы. В них речь шла не о чудовищах, но о человеческих делах. Из мифов этого типа росла греческая литература.>

ЭΠΟΣ

Гомер

(VIII в. до н. э.)

Судя по «Илиаде» и «Одиссее», эпическое творчество в долитературную эпоху уже находится в руках профессионалов*. Это были певцы-аэды, часто слепые. Они пели под аккомпанемент лиры — семиструнного музыкального инструмента. Началом ускоренного развития греческой культуры, и в частности литературы, является VIII в. до н. э. Вновь появляется утраченная греками на несколько веков письменность — уже алфавитная, заимствованная у финикийцев**. И тут же, как чудо, возникают два удивительно совершенных и объемных произведения, приписываемые одному и тому же поэту — Гомеру. Хотя родина Гомера неизвестна — древние греки в ту эпоху не фиксировали биографии поэтов, — скорее всего он происходил из ионийских греческих колоний. В его слепоте сомневались уже в древности***. Гомер — имя странное, оно не толкуется убедительно, возможно, это имя не греческое.

Гомеровский эпос, написанный гексаметром, имеет праиндоевропейские корни. Очевидны раннемикенские элементы: шлем с кабаньими клыками, щит Аякса и микенского героя Перифета. Как показали раскопки Шлимана и Блегена, Троянская война была в действительности. Имело место взятие Трои хеттским царем; возможно, был и неудачный поход против Трои греков. На основе этих реальных событий возникла фантастическая история взятия Трои, переросшая в цикл поэм, которые начали складываться на материке. Обе поэмы Гомера находятся между фольклором и литературой. Они несомненно должны были быть записаны сразу после исполнения — иначе, в таком объеме и столь совершенные, они не могли бы передаваться и непременно разрушились бы. Но поэт создал их под влиянием устной импровизационной техники. Таким образом, гомеровский эпос представляет собой сочетание фольклорной традиции и индивидуального творчества. Главный вопрос, возникающий в связи с этим: какие общие черты фольклорного эпоса

* Например, «Одиссея» I, 341; IV, 17; VIII, 480.

наблюдаются в «Илиаде» и «Одиссее» и в чем своеобразие гомеровских поэм?

Литературный героический эпос очень индивидуален. «Энеида» Вергилия — не то, что «Освобожденный Иерусалим» Тассо или «Герман и Доротея» Гете. Фольклорные же эпосы — русский, народов Югославии (сербский и др.), киргизский, финский — имеют общие черты в поэтике. Посмотрим, как это соблюдается у Гомера.

1. Композиция. Эпическая песня либо рисует один эпизод (русские, сербские былины), либо объединяет их в жизнеописание героя (киргизский «Манас», но не «Калевала»). Между тем, в «Илиаде» (первый тип) через действие, сконцентрированное на протяжении короткого промежутка времени в ходе десятого года Троянской войны, через второстепенный, казалось бы, эпизод гнева Ахилла было вызвано переживание всех перипетий Троянской войны. Такого не знает ни фольклор какого бы то ни было народа, ни догреческая письменность. «Одиссея» (второй тип) берет одного героя, возвращавшегося из-под Трои, и ему приписывает необыкновенные приключения (можно было бы и другим, например Диомеду с его путешествием в Италию, на берег Адриатического моря). События излагаются не в хронологическом порядке. Опять берется небольшой отрезок из десятого года после отплытия Одиссея из-под Трои. Действие начинается на Олимпе, переносится на Итаку — описывается путешествие Телемаха, затем на остров Огигию, где Одиссей живет уже несколько лет у нимфы Калипсо. Описывается неудачное путешествие на плоту. Одиссей у феакийцев; и на пиру у царя Алкиноя он рассказывает о своих приключениях. Именно в этом рассказе появляются самые фантастические детали: поэт как будто не хочет брать на себя ответственность за эти рассказы, возлагая ее на своего героя. Затем феакийцы доставляют Одиссея домой, на Итаку, он встречается с Телемахом. Только после этого композиция упрощается, действие развивается быстро и прямолинейно: Одиссей расправляется с женихами своей супруги Пенелопы. С этим можно сравнить «Эпос о Гильгамеше», в который вставлен рассказ о Потопе.

Такая сложная композиция, в частности с перебоем временных планов, невозможна в фольклоре, незнакома ближневосточной письменности, но сразу подхватывается греческой и римской литературой, в частности «Энеидой» Вергилия. Средневековая литература мало использует этот прием, но он вновь появляется в эпоху Возрождения. Сосуществуя с прямолинейным изложением событий, смещение временных планов существенно обогащает арсенал средств художественной выразительности.

2. Для фольклора характерны клише — они облегчают импровизацию, создают у слушателя ощущение чего-то привычного, знакомого. Это его радует, а кроме того — так легче для творца. Клише могут заключаться в стойком эпитете, в застывшем словосочетании («дружинушка хоробрая»), в стереотипном описании типических ситуаций: воитель-богатырь вооружается, идет в бой и т.п. В целом здесь Гомер стоит на почве фольклора — он явно сформировался как

поэт, творящий при помощи импровизационной техники. Бог Аполлон у него не раз характеризуется как «сребролукий», а Ахиллес как «быстроногий», хотя способность Ахилла быстро бегать не играет особой роли в развитии действия «Илиады». Небо именуется «звездным», даже когда действие происходит среди бела дня («Илиада» VIII, 46; XV, 371). В I песни «Илиады» в описании жертвоприношения мы читаем:

Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им подняли вверх, закололи, теля освежили,
Бедрa немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.

.....
Бедрa сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, ахейце пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;
И когда питием и пищею глад утолили... (458–461, 464–469).

Во II песни (421–424, 427–432) эти стихи в греческом тексте повторяются слово в слово (что не отражено в переводе Гнедича).

Однако приемы индивидуальной и обусловленной ситуацией характеристики героя уже проявляются отчетливо в гомеровских поэмах. Эпитет «ужасный» необычен для Ахилла (он применяется чаще всего к Аяксу, сыну Теламона), и, когда мы читаем в XXI песни «Илиады»:

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного; все пред героем
Трои сыны, убегая, толпились; противоборства
Более не было... (526–529),

невозможно представить себе, что Ахилл назван «ужасным» случайно, а не в соответствии с ситуацией и как бы увиденный глазами Приама. В «Илиаде» отчетливо заметны уже и приемы речевой характеристики действующих лиц. В частности, явно индивидуальна манера речи престарелого царя Пилоса Нестора в Илиаде (в «Одиссее» он действует эпизодически). А ведь индивидуально-речевая характеристика — самое трудное для писателя, не только тогда, но и сейчас! Характерны гомеровские сравнения. В «Илиаде» они особенно выразительны; служат для того, чтобы разбавить монотонность батальных сцен. В «Одиссее» их меньше, но здесь в сравнениях выступают современные Гомеру детали, например железо.

3. Для фольклорного эпоса, как и вообще для фольклора, не характерна индивидуализация образов: они функционально обусловлены. Поэтика фольклора, и в частности поэтика народного героического эпоса, тяготеет к однозначной характеристике действующих лиц: герой наделяется необыкновенной силой, храбростью, красотой и всеми возможными в представлении поэта прекрасными качества-

ми, а его враги предстают обрисованными в одних только черных красках. Гомеровские поэмы уже очень далеки от такой прямолинейности. Главный герой «Илиады» Ахилл, сильнейший из сильных и храбрейший из храбрых, не выдерживает обиды, нанесенной ему верховным предводителем ахейцев под Троей Агамемноном, отобравшим от него любимую им пленницу Брисеиду. Разгневанный Ахилл перестает участвовать в сражениях и через свою мать Фетиду просит у Зевса, чтобы тот ниспослал ахейцам поражения, которые заставят их раскаяться в обиде, нанесенной самому могучему из героев. Гомер признает, что у Ахилла были все основания прийти в ярость, и все же он называет гнев Ахилла «губительным, пагубным» (I, 2; в переводе Гнедича — «грозный») и шаг за шагом показывает, как поведение Ахилла привело к гибели его лучшего друга Патрокла. Рисует он и раскаяние Ахилла. Гомер изображает Ахилла преступившим в ненависти к Гектору божеские и человеческие законы: Ахилл глумится над телом мертвого Гектора. Однако в последней песни «Илиады» Гомер показывает Ахилла, смягченного горем явившегося к нему отца Гектора Приама, выдающего ему тело Гектора для погребения и плачущего вместе с Приамом (XXIV, 509—512).

Гектор, главный противник Ахилла и всех ахейцев, предстает перед нами героем, готовым погибнуть, защищая свой город, любящим мужем и отцом (VI, 404—493). Именно в уста Гектора вкладывает Гомер слова, которые выглядят как прочувствованная формулировка его собственного мироощущения:

Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
Зевса, который и смертных, и вечных богов повелитель!
Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!
(XII, 241—243.)

В. Вересаев писал о Гомере: «Как серьезно и уважительно относится он вообще к троянцам! И как это необычно! Возьмите, например, наши былины: „собака Калин-царь“, „татары поганные“. А попробуйте себе представить Гомера говорящим „собака Приам“, „проклятый Гектор“, „троянцы поганные“»^{*}.

Фольклорная тенденция однозначной характеристики имеет глубокие психологические корни. В жизни однозначные злодеи нечасты — иногда это уже психически неполноценные люди. Но каждый из нас, сталкиваясь со злом, склонен видеть его в абсолютно черной краске. Себя люди склонны идеализировать. Тенденция однозначно окрашивать образы господствует в фольклоре, не изжита до сегодняшнего дня в литературе, но преодолевается у Гомера! Это преодоление характерно для большинства жанров греческой и римской литературы.

Образы фольклорных героев не только однозначно охарактеризованы — они статичны. Нет развития ни в образе сказочного Ивана-царевича, ни в образе Ильи Муромца. Между тем, в образе главно-

^{*} Литературная учеба. 1940. № 2. С. 71.

го героя Илиады Ахилла заметно развитие: в сцене с Приамом это уже не тот человек, что в I песни, когда он ссорится с Агамемноном. В I песни потребовалось появление Афины, чтобы предотвратить его расправу с Агамемноном. Приама Ахилл сам предупреждает, чтобы тот нечаянно не привел его в ярость. Ахилл сам уже боится взрывов своего гнева. Таковы вкратце художественные достижения Гомера.

Какова идеологическая ориентация гомеровского эпоса? Древнегреческий героический эпос складывается в эпоху переходную между родоплеменным строем и государственным. Это типично для фольклорного эпоса всех народов. Это эпоха всегда тяжелая для тех, кому приходится в ней жить. Старые родоплеменные нормы жизни, в основе которых лежит солидарность, разрушились; новые, записанные законы, которые хоть как-то обеспечивают само существование слабого и бедного, еще не появились. Эпоха формирования эпоса — эпоха произвола и насилия богатых и сильных. Идеология этой эпохи находит отражение в гомеровских поэмах. Война изображена как серия поединков племенных вождей (они именуются в поэмах царями). Исход сражения зависит только от их доблести. Рядовых воинов и предводителей низшего ранга Ахилл или Гектор, Аякс или Агамемнон убивают в таком количестве, чтобы только не надоело слушателям. Те не в состоянии противостоять героям-царям, от них ничего на поле боя не зависит. Соответственно, мала их доля в военной добыче, они абсолютно бесправны при решении вопросов, которые касаются войска в целом. Когда один из рядовых воинов, Терсит, призывает ахейцев отправиться домой, Гомер, во-первых, изображает его уродом и ругателем, а во-вторых — рисует, как Одиссей его побил, тот завыл от боли и все над ним смеялись.

Гомер явно на стороне господствующей верхушки, хотя сам, очевидно, не происходит из нее: он с удовольствием говорит однажды, что у дрянного Копрея, глашатая царя Еврисфея, оказался достойный сын Перифет («Илиада» XV, 638—640). Последовательно аристократическая идеология такие случаи либо отрицает, либо замалчивает. Но в целом гомеровские поэмы освящают порядок вещей, который очень далек от справедливого.

Как получилось, что гомеровские поэмы все же оказались отражающими идеологическую ориентацию греческого народа в целом? Очевидно, дело прежде всего в том, что греческие племена эпохи формирования эпоса, несмотря на господство вопиющей несправедливости, были спаяны достаточно прочными узами внутривременной солидарности. Такой царек, как Агамемнон, мог творить страшный произвол, но он и его приближенные составляли ядро вооруженной силы племени: без них племя в условиях непрерывных междоусобиц было обречено на разорение; они обеспечивали рядовым воинам-общинникам хоть какую-то долю в грабительской добыче, взятой у соседей. Такая солидарность и дает возможность производству, отражающему идеологию привилегированных слоев, получить общепризнанное признание (ср. «Войну и мир»).

Аристократическая ориентация гомеровских поэм проявляется в весьма любопытной форме и в том, как у Гомера изображается вмешательство богов в человеческие дела. Гомеровские герои постоянно получают от богов указания, как им надо поступить в том или ином случае. Конечно, эти указания оказываются такими, какие нужны поэту для такого развития действия, которое ему нужно: например, Ахилл не закалывает Агамемнона; Пандар по указанию Афины выстрелом в Менелая нарушает перемирие. Но Терсит без всякого божественного внушения едва не срывает осаду Трои. Мотивировка его поведения совсем иная: он всегда вел себя безобразно, он дрянной человек, его поведение в данном случае определяется свойством его характера. Боги оказываются ненужными. Очевидно, очень древняя идея о руководстве людей богами используется Гомером для того, чтобы приподнять его аристократических героев над рядовыми воинами и над людьми его, гомеровского времени. Недаром герои Гомера и происходят от браков богов со смертными: Ахилл и Эней сыновья богов, Сарпедон сын Зевса, кто-то еще внук или правнук, и т. д.

Однако сами боги Гомера изображены так, что не вызывают никакой симпатии. Они антропоморфны, то есть очеловечены, и притом в высокой степени. Но гомеровские боги не только похожи на людей, — они демонстрируют далеко не лучшие образцы человеческого рода. В «Илиаде» Зевс непрерывно ссорится с Герой, Гера его обманывает. В «Одиссее» рассказывается история о прелюбодеянии Ареса и Афродиты. Гера бьет Артемиду, дочь Зевса от своей соперницы Лето, по щечкам. Боги капризны, жестоки: Гера добивается непременно гибели Трои и предлагает Зевсу в обмен, если он пожелает, разорить три ее любимейших города. Герои эпоса нравственно выше богов. Боги в очень малой степени являются гарантом нравственного порядка. Этика гомеровских поэм земная.

Ничего хорошего после смерти гомеровские герои для себя не ждут. Здесь проявляется религиозный скептицизм Гомера. Выше всего его герои ценят славу, в том числе посмертную; Ахилл предпочитает славную гибель в молодости бесславной старости. Слава эта — в первую очередь слава подвигов, и в этом Гомер находится в русле еще фольклорной традиции героического эпоса. Ср. у Ф. Тютчева:

.....
Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

.....
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

(«Два голоса», 1850)

Немало у Гомера натуралистических картин, которые, очевидно, должны были как-то импонировать слушателям-воинам (например, падение возничего с колесницы вниз головой). И все же, что совсем необычно для фольклора, мы находим и отчетливые признаки разочарования в войне, которая для героического эпоса есть смысл существования человека. Проклятия в адрес войны звучат в «Илиаде», тоска по дому ахейцев представлена кратко, но выразительно.

Гомеровские поэмы мгновенно распространились по всему греческому миру, тогда как их предшественницы, скорее всего, даже не были записаны. По «Илиаде» учились грамоте. Многие греки знали обе поэмы наизусть. (В Ольвии еще около 100 г. н.э. таких людей было немало.) Гомера именовали божественным или вообще просто «поэт». У Гомера вскоре появляются подражатели. Фольклорная традиция о Троянской войне систематизируется в цикле литературных эпических поэм, так называемых циклических. В них последовательно описывалась предыстория Троянской войны от свадьбы Пеллея и Фетиды и суда Париса до возвращения ахейских героев из-под Трои. Нам известны названия этих поэм («Киприи», «Малая Илиада», «Эфиопида», «Падение Илиона», «Носты» — возвращения), известно их содержание, но сами они не дошли до нас, сохранились ничтожные обрывки. Не дошли до нас и поэмы фиванского цикла, «Гераклиды», «Тесеиды». Они были гораздо слабее гомеровских поэм, их в конце концов перестали читать и переписывать, и уже в позднеантичную эпоху их, по-видимому, нельзя было достать.

Между тем, в науке идут споры, существовал ли вообще Гомер, имеют ли гомеровские поэмы определенного автора. Как известно, нет возможности говорить об определенном авторе произведений фольклора. Ряд исследователей пытаются видеть в поэмах Гомера памятник фольклора, а не произведения индивидуального творчества, созданные с опорой на фольклорную традицию. Споры вокруг происхождения гомеровских поэм носят название «гомеровского вопроса». Уже в античности, правильно подметив, что в «Одиссее» больше черт нового в быте и нравах, некоторые исследователи Гомера сделали вывод, что «Илиада» и «Одиссея» созданы разными авторами и что «Одиссея» написана позже. Но в античности господствовало мнение (его высказывал Аристотель), что Гомер создал «Одиссею» в старости, — вероятно, так и было на самом деле. В 1795 г. появилась книга немецкого филолога Фридриха Августа Вольфа «Введение к Гомеру». Правильно отметив отсутствие в древности достоверных сведений о личности Гомера и исходя из ошибочного представления о появлении у греков письменности лишь где-то ок. 600 г. до н.э., Вольф сделал вывод о том, что гомеровские поэмы возникли в результате объединения в единое целое ряда сравнительно небольших фольклорных поэм в середине VI в. Последователи Вольфа пытались реконструировать эти песни: Лахманн анализировал «Илиаду», Киркгоф — «Одиссею». Попытки доказать позднее происхождение поэм и постепенное их возникновение продолжают до сих пор.

Однако теперь мы знаем, что алфавитная письменность существовала и использовалась в Греции уже в VIII в. до н.э. Сопоставление гомеровских поэм с подлинно фольклорным эпосом показало их глубокие различия. Каждая поэма, несмотря на многочисленные второстепенные несогласованности, несет на себе отпечаток индивидуальной воли творца. Более сложный вопрос, принадлежат ли обе поэмы одному автору и звали ли его Гомером. Я бы ответил на оба вопроса положительно.

А. И. Зайцев

ИЛИАДА

ПЕСНЬ I

Язва. Гнев

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
5 Птицам окрестным и псам (совершалась Зевсова воля), —
С одного дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному
спору?

Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
10 Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриса.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить и, принеся бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
15 Красный венец, умолял убедительно всех он ахейн,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышнопоножные мужи ахейцы!
О! да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
20 Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
25 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!

- Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
30 В Аргосе, в нашем доме, от тебя, от отчизны далеке —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

- Рек он; и старец трепещет и, слову царя покорясь,
Идет, безмолвный, по берегу немолчношумящей пучины.
35 Там, от судов удалившись, старец взмолился печальный
Фебу царю, лепокудрая Леты могущему сыну:
«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
40 Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов, — услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»

- Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
45 Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
50 В самом начале на месков* напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

- Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
55 В мысли ему то вложила богиня державная Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходилась народ, и когда воедино собрался,
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
60 В дома свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.
Но испытаем, Атрид, и спросим жреца, иль пророка,
Или гадателя снов (и сны от Зевеса бывают).
Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
65 Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
Или от агнцев и избранных коз благовонного тука
Требуется бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

* Мески — мулы.

- 110 Будто народу беды дальномечущий Феб устроит,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокою деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девой взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
- 115 Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
- 120 Вы же то видите все — от меня отходит награда..

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:

125 Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угодение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Троию разрушить».

- 130 Быстро, к нему обратясь, вешал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
- 135 Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из куши исторгну
Или твою, иль Аякову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
- 140 Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим
И сведем Хрисеиду, румяноланитую деву.
В нем да воссядет начальником муж от ахейан советных,
- 145 Идомоней, Одиссей Лаэртид иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополчение страшнейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилишь жертвой священной!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою
мздолюбец!

- 150 Кто из ахейан захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?

- Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Преду мною ни в чем не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
155 В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
- 160 Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромяют.
- 165 Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
- 170 В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».
- Быстро воскликнул к нему повелитель мужей

Агамемнон:

- «Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
175 Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратись, с кораблями беги и с дружиной своею;
- 180 Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вмению в ничто; а напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу, — и в моем корабле, и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из куши твоей Брисеиду
- 185 Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

- Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалось мыслей:
- 190 Или, немедля исторгнувши меч из влагиалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.
В миг, как подобными думами разум и душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал он, — явилась Афина,

- 195 С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратясь, познал несомненно
200 Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
«Что ты, о дочь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
205 Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

Сыну Пелея рекла светлоокая дочь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным
покорен,

- С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она и спасает.
210 Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трижды тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирися и нам повинуйся».
- 215 К ней обращаясь вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

- Рек, и на сребряном черене стиснул могучую руку
220 И огромный свой меч в ножны опустил, покорясь
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
225 «Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем елени!
Ты никогда ни в сраженье открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахейн
230 Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет,
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты, —
Или, Атрид, ты нанес бы обиду последнюю в жизни!
Но тебе говорю и великою клятвой клянуся,
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
235 Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет, — на нем изощренная медь обнажила

- Листья и кору, — и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
- 240 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».
- 245 Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
Против Атрид Агамемнон свирепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
Речи из уст его вещей, сладчайшие меда, лилися.
- 250 Два поколения уже современных ему человеков
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал старец.
Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
- 255 О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трои безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распря, —
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
- 260 Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
С ними в беседы вступал, и они не гнушались мною.
Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,
Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксаций, Кеней, Полифем, небожителям равный
- 265 И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!
Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
- 270 Дальнюю Апии землю: меня они вызвали сами.
Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стяжаться
Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
Но и они мой совет принимали и слушали речи.
Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
- 275 Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доныне еще не стяжал ни единый
Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
- 280 Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.

Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской».

- 285 Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
290 Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?»

- Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угодил я, безмолвный.
295 Требуй того от других, напыщенный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружием в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
300 Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вокруг копья моего заструится!»

- Так воеводы, жестоко друг с другом словами сражаясь,
305 Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахейн.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь Агамемнон легкий корабль ниспустил на пучину,
Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
310 Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;
Быстро они, устремясь, по влажным путям полетели.
<...>

ПЕСНЬ VI

Свидание Гектора с Андромахой

- <...>
370 Скоро достигнул герой своего благозданного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной.
С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышел, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,

- 375 Стал на пороге и так говорил прислужницам-женам:
«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андромаха супруга, куда удалилась из дому?
Вышла ль к золовкам своим, иль к невесткам пышноодежным,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
380 Жены троян благородные грозную молят богиню?»
И ему отвечала усердная ключница дома:
«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.
Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андромаха,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
385 Жены троян благородные грозную молят богиню, —
К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,
Будто троян утесняет могучая сила ахейн;
И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,
Словно умом иступленная; с ней и кормилица с сыном».
- 390 Так отвечала, — и Гектор стремительно из дому вышел
Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогнам.
Он приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скейским воротам (чрез них был выход из города в поле);
Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала,
395 Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;
Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликийн властитель державный;
Оного дочь сочеталась с Гектором меднодоспешным.
Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц
400 Сына у персей держала, бессловного вовсе, младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
405 Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему и такие слова говорила:
«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
410 Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
415 В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,
Но не смел обнажить: устрасался нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест могилы той улымы

- 420 Нимфы холмов насадили, Зевеса великого дщери.
Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
- 425 Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная матерь,
- 430 Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
- 435 Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идомений знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их вешнее сердце».
- 440 Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной
троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
445 Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.
- 450 Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе, тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
455 Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперя,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
460 Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражались вкруг Илиона!
Скажет — и в сердце твоём возбудит он новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!

Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
465 Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой
услышу!»

Рек — и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашаясь любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
470 Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедленно снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
475 Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
480 Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радуется матери сердце!»

Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
485 Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
«Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
490 Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним*
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболее ж меня, в Илионе священном рожденных».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
495 Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих,
Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила:
500 Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.
Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не прийти, не избежать от рук и свирепства данаев.
<...>

* Служанкам.

ПЕСНЬ XVIII
Изготовление оружия

<...>

- И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
«Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на просторном Олимпе,
430 Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покори́л человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
435 В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
440 Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Ныне, хотя и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
445 Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.
Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахейя
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
Сына молили и множество славных даров предлагали.
450 Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом оделял;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.
Билися целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
455 Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным
сыном;
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шелом, и поножи,
460 Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!»

- Ей немедля отвечивал Амфигией знаменитый:
«Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.
О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко
465 Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,
Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!»

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.
Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.
470 Разом в отверстия горнильные двадцать мехов задышали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.
Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,
475 Олово бросил, серебро, драгоценное золото; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот крупнейший взял, и клещи захватил он другою.

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,
Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод
480 Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.
Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,
485 Все прекрасные звезды, какими венчается небо:
Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.

490 Там же два града представил он ясновещивых народов:
В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества зрелись.
Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогам градским провожают.
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
495 Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.
Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
500 Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вокруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;
505 Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого золота,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
510 Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:

- Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
515 Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вожлями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всем отличны они; человеки далёко их ниже.
520 К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К берегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
525 Скоро стада показались; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец сереброрунных:
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
530 В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принесли.
Строем становятся, битвою бьются по берегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копья.
535 Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то непронзенного ловит
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
540 И один пред другим увлекают кровавые трупы.

- Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
545 Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь поспешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и золотая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он чудо представил.

- 550 Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая.
Здесь полосой непрерывною падают горстни густые;
Там перевязчики их в снопы перевязками вяжут.
Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,

- 555 Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжущим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится,
Вестники одаль, под тению дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вокруг него суетятся; а жены
560 Белую сеют муку для сладостной вечера жнущим.

- Сделал на нем отягченный гроздием сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на серебряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темно-синий и белую стену
565 Вывел из олова; к саду одна пролегала тропа,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
570 Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны
Голосом тонким; они же вокруг его пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

- Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из злата одних, а других из олова сделал.
575 С ревом волы из оград вырываясь, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному берегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, златые,
И за ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,
580 Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
585 Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них и назад убегают.
Далес — сделал роскошную паству Гефест знаменитый:
В тихой долине прелестной несчетных овец сереброрунных
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей куши.

- 590 Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кносе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками.
595 Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой, как елсем, сияют;

Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
600 Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
605 Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
Коим под верхним он ободом щит окружил велелепный.

Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, светлее, чем огненный пламень;
610 Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
615 И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

ПЕСНЬ XXIV

Выкуп Гектора

Сонм распущён; и народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неутешный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
5 Все умиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,
Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;
Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
Все вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
10 То на хребет он ложился, то на бок, то, ниц обратясь,
К ложу лицом припадал; напоследок, бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и Денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
15 Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволок вокруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куше; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,
Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом

- 20 Бог милосердовал: тело его золотым он эгидом
Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

- Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;
25 Всем то казалось угодным; но только не Гере богине,
Ни Посейдону царю, ни блистательною Афине;
Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
30 Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.

- Вестница утра, в двенадцатый раз восходила Денница;
И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:
«Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
Недра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?
35 Вы ж не хотите и мертвое тело героя избавить;
Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и последнею честью почтили!
Вы Ахиллесу грабителю быть благосклонны решились,
40 Мужу, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца
Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь мыслит.
Лев, и душой дерзновенной и дикою силой стремимый,
Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить, —
Так сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
45 Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.
Смертный иной и более милого сердцу теряет,
Брата единоутробного или цветущего сына;
Плачет о трате своей и печаль наковец утешает:
Дух терпеливый Судьбы даровали сынам человеков.
50 Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
В прахе волочит! Не славное он и не лучшее выбрал!
Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!»

- 55 Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
«Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
60 Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всем нам, бессмертным.
Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!»

- Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
65 «Гера, супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.
Честь браноносцам не равная будет; однако и Гектор
Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
Жертвенник мой никогда не скудел в приношениях обильных
70 Туков, вин, благовоний: сия бо нам честь подобает.
Но похищение оставим; возможности нет от Пелида
Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
Мать Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
75 Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит».

- Рек, — и как вихрь устремилась Ирида крылатая с вестью;
Между священного Сама и грозноутесного Имбра
Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;
80 Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.
Там в пещере глубокой находит Фетиду и с нею
Многих богинь Океана. Она посреди их сидела,
85 Плача об участи храброго сына, которому должно
В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.
Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: «Фетида!
Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель».

- Ей отвечая, рекла среброногая дочь Нерей:
90 «Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!
Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный».

- Так говоря, облеклась Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
95 Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ирида
Быстро пошла; расступались окрест их волны морские.
На берег вышед, богини к высокому бросились небу.
Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.
100 Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала в руки
И утешала словами. Фетида, испив, возвратила.
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;
105 Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
Но возвешу, для чего на Олимп я тебя призываю.

- Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря восстала:
Гектор герой и Пелид градоборец богов разделяют.
Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса бога;
110 Я же, напротив, ту славу хочу даровать Ахиллесе,
Нежность к тебе и почтение в сердце навек сохраняя.
Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
115 Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.
Если страшится меня, да немедля отпустит он тело.
Я ж посылаю Ириду к Приаму царю с повеленьем
В стан мирмидонский идти к искуплению милого сына,
Несть и дары Ахиллесе, приятные сердцу героя».

- 120 Так произнес, — и ему покорилась Фетида богиня;
Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросаюсь.
Скоро досигла Пелидова стана; и в куще находит
Сына, печально стнящего; многие в куще героя
Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;
125 Ими закланый лежал на помосте овен густорунный.

- Подле печального сына воссела почтенная мать;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Милое чадо, почто ты себе, и стена и тоскуя,
Сердце крушишь; не помыслишь о пище, ниже о покое?
130 Но приятно с женой опочить и любви насладиться.
Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.
Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса:
Боги, он рек, на тебя прогневаются; он же, владыка,
135 Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.
Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупленье».

- Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
«Пусть предстанет предлагающий выкуп, — и тело получит,
140 Если решительно так заповедует мне Олимпийский».

- Тою порою, как мать и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ириду к Приамовой Трое священной:
«Шествуй, Ирида крылатая, холмы оставив Олимпа;
145 Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.
Но да единый, никем не спутствуем, шествует старец;
Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править

- 150 Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму:
Старцу такого пошлем мы спутника, Гермеса бога;
Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;
155 И, когда приведет он Приама пред очи героя,
Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он навсегда милосердо молящего милует мужа».
<...>

Старцу отвечивал вновь благодетельный Гермес
посланник:

- 390 «Ты испытываешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
395 Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамемнона гневный.
Я Ахиллесов слуга, в одном корабле с ним приплывший;
Родом и я мирмидонец: родитель мой храбрый Поликтор;
Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;
400 Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Ныне осматривать поле пришел от судов я: завтра
Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.
Все негодуют они на долгую праздность; не могут
Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахеян».
405 Гермесу паки отвечивал старец Приам боговидный:
«Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида слуга,
Друг, не сокрой от меня, умоляю, поведай мне правду:
Сын мой еще ль при судах иль уже Ахиллес быстроногий
Тело его рассеченное псам разметал мирмидонским?»

- 410 Старцу отвечивал вновь благодетельный Гермес
посланник;

- «Старец, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
Он и поныне лежит у судов Ахиллеса, под кушей,
Всё, как и был, невредимый: двенадцатый день, как лежит он
Мертвый, — но тело не тлснет, к нему не касаются черви,
415 Быстрые черви, которые падших в бою пожирают.
Правда, его ежедневно, с восходом Денницы священной,
Он беспощадно волочит вокруг гроба любезного друга;
Но мертвец невредим; изумишься ты сам, как увидишь:
Свеж он лежит, как росой умытый; нет следа от крови,

420 Члена не видно нечистого; язвы кругом затворились,
Сколько их ни было: много суровая медь нанесла их.
Так милосердуют боги о сыне твоём знаменитом,
Даже и мертвом: любезен он сердцу богов олимпийских».

Рек он, — и старец, наполняя радости, быстро воскликнул:
425 «Благо, мой сын, приносить небожителям должные дани!
Гектор, — о если бы жил он! — всегда в благоденственном
доме
Помнил бессмертных богов, на великом Олимпе живущих;
Боги за то и по смертной кончине его помянули.
Но преклонися, прими от меня ты прекрасный сей кубок
430 И, охраняя меня, проводи, под покровом бессмертных,
В стан мирмидонский, пока не приду к Ахиллесовой куше».

Вновь Дарданиду отвечивал Гермес, посланник Зевеса:
«Младость мою соблазняешь ты, старец, но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мне, тайно принять от Пелида.
435 Я уважаю Пелида и сердцем страшусь от героя
Дар похищать, чтобы после меня беда не постигла;
Но с тобою сопутствовать рад я землею и морем;
Рад я тебя проводить и до славного Аргоса града;
И с таким путеводцем к тебе не приблизится смертный».

440 Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриуний;
Быстро и бич и бразды захватил в могучие руки;
Коням и мескам вдохнул необычную рьяность и силу.
И когда принеслися ко рву и стене корабельной,
Где незадолго над вечерей стражи ахейн трудились, —
445 Всех их в сон погрузил благодетельный аргобуйица;
Башни запор отодвинул, врата растворил и Приама
Ввез внутрь стены и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куше великой
(Кушу царю своему мирмидонцы построили в стане
450 Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
Около куши устроили двор властелину широкий,
Весь ограда частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахейн вдвигали,
455 Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро), —
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянул на дол с колесницы и так проवेशал к Дарданиду:
460 «Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.

- Я совершил и к Олимпу обратно иду; всенародно
Я не явлюсь Ахиллеса очам: не достойно бы было
Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.
465 Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллеса колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу».

- Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прянув на землю,
470 Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдаленье сидели; но двое,
Отрасль Ароя Алким и смиритель коней Автомедон,
475 Близо стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищи вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует, —
Страшные руки, детей у него погубившие многих!
480 Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом, — с изумлением все на пришельца взирают, —
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумились все и один на другого смотрели.
485 Старец же речи такие вещал, умоляя героя:
«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.
490 Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегося в дом из-под Трои.
Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил
бранисных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
495 Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
Сын оставался один, защищал он и град наш и граждан;
500 Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегося храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!

- 505 Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

- Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
510 Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда насладился Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило, —
515 Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведаль!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
520 Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
525 Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях: боги одни беспечальны.
Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронион,
530 В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет, — поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными презрен.
Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
535 С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.
Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
В доме своем поколения, сына, наследника царства.
540 Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доньше
Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
Здесь я в Троаде сию и тебя и твоих огорчаю.
Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде.
Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
545 Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный:
Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.
Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
Будь терпелив и печалью себя не круши бесперывной:

550 Ты ничего не успеешь, о сыне печалясь; плачем
Мертвого ты не подымеешь, но горе свое лишь умножишь!»

Сыну Пелея отвечивал старец Приам боговидный:
«Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
555 Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупление:
Мы принесли драгоценное. О, насладись им и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!»

Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быstroногий:
560 «Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Матерь моя среброногая, нимфа морская Фетида.
Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
565 Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не
скрылся,
Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
Смолкни ж и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молителъ,
570 В куще моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу».

Так говорил; устрасился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился в двери;
Но не один, за царем устремилися два из клеветов,
Сильный Алким и герой Автомедон, которых меж друзей
575 Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;
В кущу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
580 Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканый,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастьми
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
585 Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвинулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида, ---
590 Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
Он же тогда возопил, именуя любезного друга:

«Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
595 В жертву тебе и от них принесу я достойную долю».

Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
«Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный
старец;
600 Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище вспомним.
Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
Мать, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
605 Юношей Феб поразил из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемида, гордая луком.
Мать их дерзала равняться с румяноланитою Летой:
Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
610 Девять дней валялися трупы; и не было мужа
Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
Плачем по ним истомая, и мать вспомнула о пище.
Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
615 Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут, —
Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
Время тебе остается оплакать любезного сына,
620 В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет».

Рек — и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закаляет; друзья, обнажив и опрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
625 Хлеб между тем принеся, поставил на стол Автомедон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
630 Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушая старцевы речи.
<...>

ОДИССЕЯ

ПЕСНЬ I

<Совет богов>

- Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
5 Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
10 Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

- Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
15 Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращением времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
20 Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
25 Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
30 Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:

- «Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?
35 Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство

Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.

- 40 „Мсть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет“, —
так было

Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинейя Паллада

- 45 Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
50 Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,
55 Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
60 Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»

Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.

- 65 Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
Столь отличенного в сонме людей и умом, и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,
70 Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,
Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
75 Как бы отчизну ему возратить. Посейдон откажется
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинейя Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!

- 80 Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусобийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
- 85 В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахейн и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
- 90 Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава».
- Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
- 95 Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рождение.
<...>

ПЕСНЬ V

<Одисей прибывает на о. Схерию>

- Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председатель им
В тучах гремющий Зевес, всемогущею властию первый.
- 5 Стала Афина рассказывать им о бедях Одиссея,
В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптоносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
- 10 Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, —
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
- 15 Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать

- 20 Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон».

Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж
25 Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку».

- Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
30 Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постыжному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
35 Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почеть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
40 Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусобийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
45 Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
<...>

- 295 Разом и Евр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе мне! Что претерпеть, наконец, мне назначило небо!
300 С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
305 Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О, троекратно, стократно счастливы данан, в пространной

- Трое нашедшие смерть, угодная Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
310 В день тот, как множество медноокованных копий трояне
Бросили разом в меня над бездыханным телом Пелида;
С честью б я был погребен, и была б от ахейн мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...»
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
315 Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус и райну.
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
320 Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
325 Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
330 По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею его перебрасывал Нот, то шумящий
Евр, им играя, его предавал произволу Зефира.

- Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкотея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
335 После богиня, бессмертия честь воспринявшая в море.
Стало ей жаль Одиссея, свирепой гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердо сколоченный плот и сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
340 В сердце разгневан своим и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
345 Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
350 Брось от земли далеко и, глаза отвортив, удалися».
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.

После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.

- Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
355 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасение будет.
360 Ждать я намерен по тех пор, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волненье могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства».
365 Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
370 Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Калипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготоясь, потом он отважно
375 Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой потряхнул головой и воскликнул:
«По морю бурному плавай теперь на свободе, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;
Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен».

- 380 Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгий, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
385 Бурно свирепствовать; волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благородный, и смерти и Парк избежавши.
Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
390 С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрии. Поднятыйверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье

- 395 Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных, —
Столь Одиссей был обрадован брега и леса явленьем.
Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.
- 400 Но, от нее на таком расстоянье, в каком человеческий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленою пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
405 Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
410 К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибаясь, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избежать.
415 Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
420 Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчало,
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой
В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец».
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
425 Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и к нему
прицепившись,
Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
430 Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам;
К резкому так прилепилась утесу лоскутьями кожа
435 Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.

- Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
440 Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
445 «Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
450 Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту».
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилось сердце;
455 Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец, бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
460 Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалась ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
465 «Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишённого сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
470 Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным».
Так размышлял он; ему, наконец, показалось удобней
475 Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
480 Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая

- 485 Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Груду увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
- 490 В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей, под листья зарывшись, грелся, и очи
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

ПЕСНЬ VI

<Одиссей и Навсикая>

- Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакиан,
Живших издавна в широкополянной земле Гиперейской,
- 5 В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их
В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
- 10 Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумием богу подобный.
В дом Алкиной вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
- 15 В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь молодой, почивала
Дочь Алкиной, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
- 20 Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ приявшая девы молодой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошел к Навсикае, богиня сказала:
- 25 «Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заране
Платье, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
- 30 Мать и отец веселятся, любуясь нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на реку мыть соберитесь все вы

- Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девою;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
- 35 В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явися немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично --
- 40 Путь к водоемам от стен городских утомительно долог».

- Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подьмет метелей зима, где безоблачный воздух
- 45 Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
- 50 Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье
Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
- 55 Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей
феакийских.

- С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклад все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
- 60 Должно, чтоб ты, заседа в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в летах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
- 65 Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе».
Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
«Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
- 70 Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».
Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинувась,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.

- Взяв из хранильницы платья и в короб уклад их, царевна
75 Все поместила на быстроколенной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
80 Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подружки ее и служанки.
85 К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому берегу потока пустили
90 Сочно-медвяной травой питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста их
Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
95 На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
100 Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая.
Так стрелоносная, ловлей в горах веселясь, Артемиды
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
105 С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей и любитесь ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.
110 Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в короб уклали одежды.

Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись,
царевна

В город людей феакийских ему указала дорогу:

- 115 Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул;

- Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область
120 Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
125 Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать».
С сими словами из чаши кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жиловатой рукою покрытых листьями
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
130 Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый голодом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.
135 Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.
Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тиной;
В трепете все разбежались врозь по высокому берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
140 Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
Оба ль колена обнять у прекраснокудрявыя девы?
Или, в почтительном став отдаленье, молить умиленным
Словом се, чтоб одежду дала и приют указала?
145 Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
Словом молить умиленным, в почтительном став отдаленье
(Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).

- С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
«Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
150 Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станом высоким;
Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины
живущих,
То несказанно блаженны отец твой и мать и блаженны
155 Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный,
который

- В дом свой тебя уведет, одаренную венком богатым.
- 160 Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
Взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем.
В Делосе только я -- там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, —
Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
(В храм же зашел, окруженный толпою спутников верных,
- 165 Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
Так и тебе я дивлюсь! Но, дивясь тебе, не дерзаю
Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.
- 170 Только вчера, на двадцатый мне день удалось избегнуть
Моря: столь долго игралищем был я губительной бури,
Гнавшей меня от Оигии острова. Ныне ж сюда я
Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;
Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
- 175 Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога
В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лóскут
Грубой обвертки, в которой сюда привезла ты одежды.
- 180 О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с изобилием в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
- 185 Людям на зависть и горе, себе на великую славу».

Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
«Странник, конечно твой род знаменит: ты, я вижу,
разумен.

- Дий же и низким и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
- 190 Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
- 195 В граде живет и землей здесь владеет народ феакийя;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».
Тут обратилась царевна к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежались вы, устрашась иноземца?
- 200 Он человек незломысленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может

- Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакиян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
205 Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику пищи с питьем принести поспешите, подруги;
210 Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
215 После, принеши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
«Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
220 Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.
Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляясь, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившись, тину,
225 Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его обленившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
Дочь светлоокая Зевса Афиа тогда Одиссея
230 Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
235 Так красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
«Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
240 Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
245 Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги».
<...>

ПЕСНЬ IX

<Одиссей рассказывает Алкиною о своем плавании>

- «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Сладко вниманье свое нам склоняет к песнопевцу, который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
- 5 Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
- 10 Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданиях моих ты желаешь
Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?
- 15 Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
Я Одиссей, сын Лаэртос, везде изобретеньем многих
- 20 Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
В солнечносветлой Итаке живу я; там Нэрион, всюду
Видимый с моря, подымлет вершину лесистую; много
Там и других островов, недалеких один от другого:
Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закинф; и на самом
- 25 Западе плоско лежит окруженная морем Итака
(Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
- 30 Тщетно меня чародейка, владычица Эи, Цирцея
В доме держала своим, убеждая, чтоб был ей супругом, —
Хитрая лесть их в груди у меня не опутала сердца;
Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
- 35 Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
<...>

<Циклоп>

- 170 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:

- «Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удалясь,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
175 Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
180 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
185 Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
190 Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
195 Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Еванфеев
Сын, обитавший в разрушенном Исмаре, им наделил нас
В дар благодарный за то, что его мы с женою и с сыном —
200 Сан уважая жреца — пощадили во граде, где жил он
В роще густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил
Целых двенадцать больших мне скуделей вином,
драгоценным,
- 205 Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
210 В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.
Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вешнее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
215 Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней

- Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
220 Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным
в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
225 Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я на беду отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
230 Даст нам подарок; но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерняя пищи, явился
235 Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
240 Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
245 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
- 250 Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
255 Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок отвечив так я циклопу:
«Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же

- 260 Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
265 Город великий разрушив и много врагов истребивши,
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
270 Мстит за пришельцев отверженных строго небесный
Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник».
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
275 Нам, циклопам, нет нужды ни в божестве Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
280 К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами отвечивал злому циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего берега на камни
285 Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалось».
Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
290 Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый голодом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святогатного дела свидетели, руки со стоном
295 К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
300 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящую медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится
печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:

Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
305 Слабую нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.

С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос;
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
310 Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
315 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным:
В козье закуске стояла дубина циклопова, свежий
320 Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиной и весом.
325 Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на углях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
330 Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я спутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
335 Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье, иль демон его надоумил).
340 Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.

345 Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:

- «Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
- 350 Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
- 355 Чаши. «Налей мне, — сказал он, — еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает;
Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром сладким».
- 360 Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
«Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
- 365 С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
«Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь ты самый
последний
- 370 Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
- 375 Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
- 380 Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
- 385 Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
- 390 Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,

В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге — так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.
395 Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.

В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
вырвав

Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступление
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
400 Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
405 Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
410 «Если никто, для чего же один так реवेशь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
415 Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
420 Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
425 Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злему циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
430 Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждом
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран;
обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым

- Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)
435 Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.

- Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще недоенные, жалко блеяли в закутах,
440 Брызжа из длинных сосцов молоко; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
445 Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время
о многом.

Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же последний
последний

- Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
450 Сладкорастущей травой питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,

- Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
455 Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
460 Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал, и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
465 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
470 Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстояние, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:

- 475 «Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных
гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
480 Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На́ голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;
485 Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
490 Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянии от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий, — они говорили, — зачем ты чудовище дразнишь?
495 В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
500 Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
«Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
505 Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».
<...>

ПЕСНЬ XII

<Сирены; Скилла и Харибада>

- <...>
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинаясь кормилу и ветру.
Я ж, обратясь к спутникам, так им сказал, сокрушенный:
«Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
155 То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть».

- Прежде всего от волшебного пенья сирен и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
- 160 Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежной плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы, — двойными скрутите мне узами руки и ноги».
- 165 Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.
- 170 Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони
- 175 Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
- 180 Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстояние, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С берегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:
«К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
- 185 К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеусладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы всё, что случилось в троянской земле и какая
- 190 Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится».
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
узы мои разрешили; они же удвоенной силой
- 195 Начали гресть; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники выпули воск размягченный, которым
- 200 Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел
Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув

Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
205 Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обожеал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:

«Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
210 Нас, заключенных в пещере свирепую силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
215 Острыми веслами бейте; быть может, Зевес покровитель
Нам от гибели близкой уйти невреждено поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвести от волненья и дыма,
220 Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью, — иначе корабль несомненно погибнет».
Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, гресть переставши,
225 Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напасти.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копья, подошел к корабельному носу
230 В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщетно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недро утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
235 Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
240 Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.
245 Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схватя их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою

- Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
 250 Имя мое прокричали с последнею скорбью сердца.
 Так рыболов, с каменистого берега длинно-согбенной
 Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
 Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
 Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает --
 255 Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
 Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
 Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
 Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
 Зреть никогда в продолжение странствий моих не случилось.
 <...>

ПЕСНЬ XXII

<Истребление женихов>

- Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
 Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
 Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
 На пол у ног и потом, к женихам обратясь, воскликнул:
 5 «Этот мне опыт, друзья женихи, удалось окончить;
 Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
 Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
 Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
 Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
 10 Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
 Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
 Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
 Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
 Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
 15 Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
 Горло стрела; острое смертоносное вышло в затылок;
 На бок упал Антиной; покатила по полу чаша,
 Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
 Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
 20 Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
 Хлеб и другое), смешавшись, свалилась на пол. Ужасный
 Подняли крик женихи, Антиноя узрев умерщвленным.
 Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
 Бегаючи по стенам обнаженным, искали оружия --
 25 Не было там ни щита, ни копья, заостренного медью.
 Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
 «Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
 Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
 Мужа, из всех, обитающих в волнообъятый Итаке,

- 30 Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван».
Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
Сети, которую близкая всех их опутала гибель.

- Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
- 35 «А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшая ни гнева
- 40 Их, ни от смертных людей за дела незаконные мести!
В сеть неизбежной гибели все наконец вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
- 45 «Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоём и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, зломышлений всегдашний зачинщик,
- 50 Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронион, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
- 55 Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем».
- 60 мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Нет, Евримах, — и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, —
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровию вашей обиды моей дочиста не омою.
- 65 Выбор теперь вам один: или со мной, защищаясь, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, —
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».
Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам уstraшенным, воскликнул:
- 70 «Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь

- 75 Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
 Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
 Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
 Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».
 Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
- 80 Медный, с обеих сторон заостренный, и с криком ужасным
 Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
 Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень
вонзившись,
 Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
 Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
- 85 Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
 Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,
 Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
 Пяток он стул опрокинул; его наконец потемнели
 Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
- 90 В бой; уповав, что против него Одиссей не замедлит
 Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
 Бросил копье Телемах, заостренное медью; вонзилось
 Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
 Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно
- 95 Прочь отскочил; он копья не хотел из убитого вырвать,
 Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение, сбоку напавши,
 Кто из ахейн его, занятого копья исторженьем,
 Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
 Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
 <...>
- Очи водил вокруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ль
 Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
 Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
 Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
- 385 На берег вытащив их из глубоко-зеленого моря
 Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
 Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
 Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
 Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.
 <...>

ПЕСНЬ XXIII

<Встреча Одиссея и Пенелопы>

<...>

- 85 С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
 Что ей приличнее: издали ль с ним говорить, иль, приблизясь,
 Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши

- Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
90 Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
95 Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
«Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для чего же
Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
100 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственной
камня».

- Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
105 «Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнести не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
110 Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».
Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
115 В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей
Виде меня Одиссеем признать и почтить, как прилично...»
<...>
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
155 Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;
Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
160 Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышел из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
165 Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
«Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским

Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
170 Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Еврикля; постель приготовь одному мне;
Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».

Но Одиссею разумная так отвечала царица:
«Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
175 Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему, Еврикля, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
180 Мягких овчин, на овчины же полость с широким покровом».
Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же из спальни ту вынес кровать? Человеку своею
185 Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалась тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
190 Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
Сению, пышно-густая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
195 После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отвсюду
Острою медью его по спуту обтесав, основаньем
Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
200 Золотом их, серебром и слоновою костью украсив;
Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть может,
Сняли ее, подпилив в основании масличный корень».

205 Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
«О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был

- 210 Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
Мне, что не тотчас, при виде твоём, я к тебе приласкалась;
- 215 Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой иноземный
Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покорясь,
- 220 В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахейне ратью
Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
- 225 Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителем мне при замужестве;
Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
- 230 Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу».
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнул он к сердцу испытанной, верной супруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
- 235 В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутно-соленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
Радостно землю объемят они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любясь супругом,
- 240 Рук бело-нежных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их застать златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
- 245 С нею летающих, Лампа и брата его Фазтона
(Их в колесницу свою заложив), выводить запретила.
Так благонравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
«О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предлежит мне трудов несказанных,
- 250 Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
Некогда в области темной Аида, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и спутникам день возвращенья.
Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
- 255 Сон погружившись, свои успокоить усталые члены».

- Умная так отвечала на то Одиссею царица:
«Ложь, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае отчизны;
260 Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди». Одиссей отвечал ей:
«Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.
265 Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: „Покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
270 Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак:
Если доброй ты путника встретишь и путник тот спросит:
275 «Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
280 Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим
и народным
Счастьем богатый“. Вот то, что в Аиде сказал мне Тиресий».

- 285 Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
«Если достигнуть до старости нам позволяют благие
Боги, то есть упованье, что наши беды прекратятся». —
Так говорили о многом они, беседуя сладко.
Тою порой Евринома с кормилицей, факелы взявши,
290 Ложь пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,
Лечь на постелью свою, утомясь, пошла Еврикля;
Факел пылающий в руки взяла Евринома и в спальню
Их повела, осторожно светя перед ними; с весельем
295 В спальню вступили они; Евринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.

- 300 Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидях: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
305 Съедено ими и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась
повесть.
- 310 Он рассказал: как вначале ограбил киконов; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
315 Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к берегу лихих лестригонов, они же
Разом его корабли и спутников меднообутых
320 Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким
Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тиресия велено было спросить, быстроходным
Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
325 Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавучих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избежал, прошел невредимо;
330 Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказание за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных спутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К берегу Оигии острова был принесен, где Калипсо
Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
335 В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
340 Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:

- 345 В сердце своем убедившись, что сном безмятежным на ложе
Подле супруги довольно уже Одиссей наслаждался,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
- 350 «Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, на́долго с милой отчизной моей разлученный.
Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
- 355 Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
Надобно прежде, однако, наш сад плодovitый и поле
- 360 Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осмотрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,
Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
- 365 Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».
Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
- 370 Вышли они, Одиссей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.
<...>

Гесиод

(VIII в. до н. э.)

Младшим современником Гомера был другой выдающийся поэт эпического жанра — Гесиод. Мы кое-что знаем из его биографии. Отец его жил в Кумах, греческой колонии в Малой Азии, но вернулся в материковую Грецию и поселился в Аскре в Беотии, около Геликона, где «обитали» музы. Каким-то образом приобрел земельный участок, занимался сельским хозяйством и передал его детям — Гесиоду и его брату Персу, с которым у Гесиода была тяжба из-за наследства: Гесиод жалуется, что Перс его обобрал, подкупив судей. Гесиод занимался сельским хозяйством и в то же время речитировал эпос, сочинял сам и, вероятно, исполнял также чужие произведения.

Все это мы извлекаем из его сочинений, все это он считал возможным и необходимым как-то отразить в своих поэмах: в противном случае мы бы ничего о нем не знали, как не знаем ничего о Гомере, который сам о себе в своих поэмах не говорит. Дело в том, что греки — во всяком случае вплоть до V в. до н.э. — не проявляли желания запечатлеть в литературе биографии людей, произведениями которых они сами же восхищались.

Как я уже сказал, произведения Гесиода, так же как и гомеровские, относятся к эпосу, написаны тем же стихотворным размером, гексаметром, что является признаком принадлежности к эпосу. Но это другая разновидность эпоса — не героический эпос, а дидактический, то есть поучительный. До нас дошли полностью две поэмы Гесиода — «Труды и дни» в другом переводе «Работы и дни» и «Теогония» («Происхождение богов»).

«Труды и дни» по форме своей обращены к беспутному брату Гесиода Персу и представляют собой в целом некое увещание, призыв трудиться, уснащенный многими вставными эпизодами. Справедливость и правда, труд — ключевые слова, повторяющиеся в тексте поэмы. В отличие от стройной композиции гомеровских поэм композиция «Трудов и дней» «рыхлая», мы не везде видим единую руководящую идею, некоторые эпизоды можно было бы переместить. В языке и стиле Гесиода, в частности в его «Трудах и днях», отчетливо заметно влияние Гомера и фольклорного героического эпоса. По-видимому, как-то повлиял на Гесиода жанр поучения, широко распро-

страненный в ближневосточной письменности. <Но здесь возможно и параллельное развитие. Если восточное влияние действительно было, то это были устные рассказы (правда, основанные на письменных памятниках). Были ли у Гесиода непосредственные предшественники в жанре дидактического эпоса? Мы ничего об этом не знаем. Может быть, Гесиод стал основоположником этого жанра. В античной литературе не раз встречается самостоятельное создание нового жанра.

Поэма «Труды и дни» проникнута религиозным духом. Подобно многим мыслителям Гесиод пытается наполнить религию таким высоким содержанием, которое неизвестно религии народной. Он хочет увидеть в богах гарантов мирового порядка и справедливости. От Зевса он ожидает высшей правды (1–8). Искать защиты на небесах типично для тех, кто ущемлен.> Однако, как это обычно для крестьянской идеологии, надежда на сверхъестественную помощь сочетается у Гесиода с цепким земным практицизмом. Гесиод считает упорный труд вернейшим залогом благополучия человека. Находим мы у Гесиода яркие слова о силе соревнования в труде между людьми (20–23). Необычно для греческой литературы заявление: «Нет никакого позора в работе: позорно безделье».

Гесиод дает яркую картину классового конфликта между различными группировками свободных и недвусмысленно выражает позицию ущемленных людей, к которым принадлежал и он сам. В центре негодования Гесиода — берущие дары несправедливые цари-судьи («дароядцы») и дающие эти дары богачи. Обращение к Зевсу за справедливостью оказывается ярким проявлением социального протеста низов, пожалуй самым ярким во всей античной литературе (248–249). В гомеровских поэмах есть немало мрачных суждений об участи человека. Но Гесиод развивает целую систему пессимистического мировосприятия. В нее встроен и миф о Пандоре. (Вообще, греческая и римская, да и средневековая литературы — женоненавистнические.) Боги собрали всяческие беды в сосуд и сотворили некую зловредную деву Пандору, которая открыла крышку сосуда, так что беды разлетелись. А затем по приказу Зевса (того самого, на которого надеется Гесиод) Пандора захлопнула крышку, надежда, которая могла бы облегчить существование людям, осталась в сосуде. <Гесиод рассказывает о пяти поколениях людей, первое из которых жило при золотом веке, после чего идет постепенная деградация: серебряный, медный век, в котором жили люди, похожие на героев «Младшей Эдды», эпоха героев — своеобразная интермедия в этом ухудшении (поколение героев — гомеровская эпоха; они сейчас на «островах блаженных») — и, наконец, наиболее страшный железный век, к которому Гесиод причислил себя и свое поколение. Для греков в целом характерно представление о том, что жизнь становится хуже (вера в прогресс повсеместна только с XVIII в.). Несправедливость ныне живущих людей Гесиод иллюстрирует басней о соловье и ястребе, которая восходит к басенному фольклору нуэпоу. И все же, несмотря на эти сетования, Гесиод верит в

то, что справедливость и труд в конце концов как-то вознаграждаются. У людей в сердцах есть правда, в отличие от зверей, живущих «по рыбьему закону». После 380-го стиха начинается вторая половина поэмы — календарь сельского хозяина. Эта часть представляет собой рекомендации: в какие дни следует выполнять те или иные сельскохозяйственные работы и домашние дела.

Поэма «Теогония» повествует о происхождении богов. Начинается поэма с Хаоса, заканчивается перечислением богинь, сочтавшихся со смертными. Некоторые ученые полагают, что один и тот же автор не мог написать обе поэмы. Но их доводы несостоятельны. Избрав другую тему, Гесиод высказывает и несколько другие идеи. Для крупных художников вообще не характерна педантичная последовательность. Любопытно вступление к поэме, отмеченное еще одной автобиографической деталью. Гесиод говорит, что в юности пас стада на Геликоне и его посетили музы, дав посох рапсода и призвав к поэтическому творчеству. Рассказ о призвании поэта будет впоследствии развиваться, вплоть до пушкинского «Пророка».

Эпигонам Гесиода принадлежит поэма «Каталог женщин». Интересна идея — привести в систему сказания различных племен. Потребность в систематизации вызвана спорами вокруг претензий на божественное происхождение. Поэма является сводной родословной наиболее знатных родов Древней Греции. В начале н. э. она была утрачена и снова стала известной из папирусных находок. С художественной точки зрения это посредственный памятник.>

А. И. Зайцев

РАБОТЫ И ДНИ

- Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,
 Я призываю, — воспойте родителя вашего Зевса!
 Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль бесчестье —
 Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
- 5 Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть,
 Счастье отнять у счастливого, безвестного вдруг возвеличить,
 Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному
 сгорбить —
 Очень легко громовержцу Крониду, живущему в вышних.

- Глазом и ухом внимай мне, во всем соблюдай
 справедливость,
- 10 Я же, о Перс, говорить тебе чистую правду желаю.
 Знай же, что две существует различных Эриды на свете,
 А не одна лишь всего. С одобреньем отнесся б разумный

- К первой. Другая достойна упреков. И духом различны:
Эта — свирепые войны и злую вражду вызывает,
15 Грозная. Люди не любят ее. Лишь по воле бессмертных
Чтут они против желанья тяжелую эту Эриду.
Первая раньше второй рождена многосумрачной Ночью;
Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в эфире живущий, и более сделал полезной:
20 Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с насадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна.

- 25 Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

- Перс! Глубоко себе в душу сложи, что тебе говорю я:
Не поддавайся Эриде злорадной, душою от дела
Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжб.
30 Некогда времени тратить на всякие тяжбы и речи
Тем, у кого невелики в доме годовые запасы
Вызревших зерен Деметры, земель посылаемых людям,
Пусть, кто этим богат, затевает раздоры и тяжбы
Из-за чужого достатка. Тебе же совсем не пристало б
35 Сызнова так поступать; но давай-ка рассудим сейчас же
Спор наш с тобою по правде, чтоб было приятно Кронида.
Мы уж участок с тобой поделили, но много другого,
Силой забравши, унес ты и славил царей-дароядцев,
Спор наш с тобою вполне, как желалось тебе, рассудивших.

- 40 Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина,
Что на великую пользу идут асфодели и мальва.

- Скрыли великие боги от смертных источники пищи:
Иначе каждый легко бы в течение дня наработал
Столько, что целый бы год, не трудясь, имел пропитанье.
45 Тотчас в дыму очага он повесил бы руль корабельный,
Стала б ненужной работа волов и выносливых мулов.
Но далеко громовержец источники пищи запрятал,
В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный.
Этого ради жестокой заботой людей поразил он...

- 50 Спрятал огонь. Но опять благороднейший сын Иапета
Выкрал его для людей у всемудрого Зевса-Кронида,
В нарфекс порожний запрятав от Зевса, метателя молний.
В гневе к нему обратился Кронид, облаков собиратель:

«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых!

- 55 Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал
На величайшее горе себе и людским поколениям!
Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться
Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им».

Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных.

- 60 Славному отдал приказ он Гефесту как можно скорее
Землю с водою смешать, человеческий голос и силу
Внутрь заложить и обличье прелестное девы прекрасной,
Схожее с вечной богиней, придать изваянью. Афине
Он приказал обучить ее ткать превосходные ткани,
65 А золотой Афродите — обвеять ей голову дивной
Прелестью, мучающей страстью, грызущей члены заботой.
Аргоубийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий
Внутрь ей вложить приказал и двуличную, лживую душу.

Так он сказал. И Кронида-владыки послушались боги.

- 70 Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой
Тотчас слепил из земли знаменитый хромец обоногий.
Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина.
Девы-Хариты с царицей Пейто золотым ожерельем
Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры
75 Пышные кудри цветами весенними ей увенчали.
[Все украшенья на теле оправила дева Афина.]
Аргоубийца ж, вожатай, вложил после этого в грудь ей
Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу.
80 Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал,
Ибо из вечных богов, населяющих дома Олимпа,
Каждый свой дар приложил, хлебоядным мужам на погибель.

Хитрый, губительный замысел тот приводя в исполнение,
Славному Аргоубийце, бессмертных гонцу, свой подарок

- 85 К Эпиметею родитель велел отвести. И не вспомнил
Эпиметей, как ему Прометей говорил, чтобы дара
От олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять, чтобы людям беды не случилось.
Принял он дар и тогда лишь, как зло получил, догадался.

- 90 В прежнее время людей племена на земле обитали,
Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
95 Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине за краем сосуда

- В крепком осталась своим обиталище, — вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда, по воле эгидодержавного Зевса.
- 100 Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду,
Ибо исполнена ими земля, исполнено море.
К людям болезни, которые днем, а которые ночью,
Горе неся и страданья, по собственной воле приходят
В полном молчании: не дал им голоса Зевс-промыслитель.
- 105 Замыслов Зевса, как видишь, избегнуть никак невозможно.

Если желаешь, тебе расскажу хорошо и разумно
Повесть другую теперь. И запомни ее хорошенько.

- Создали прежде всего поколение людей золотое
- 110 Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских,
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
115 Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили.
А умирали как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства, —
- 120 Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных.
После того как земля поколение это покрыла,
В благостных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
- 125 Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась.

- После того поколение другое, уж много похуже,
Из серебра сотворили великие боги Олимпа.
Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью.
- 130 Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком,
Дома близ матери доброй забавами детскими тешась.
А наконец возмужавши и зрелости полной достигнув,
Жили лишь малое время, на беды себя обрекая
Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах
- 135 Были они воздержаться, бессмертным служить не желали,
Не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам,
Как по обычаю людям положено. Их под землею
Зевс-громовержец сокрыл, негодуя, что почестей люди
Не воздавали блаженным богам, на Олимпе живущим.

- 140 После того как земля поколение и это покрыла,
Дали им люди название подземных смертных блаженных,
Хоть и на месте втором, но в почете у смертных и эти.

- Третье родитель Кронид поколение людей говорящих,
Медное создал, ни в чем с поколением не схожее прежним.
145 С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многомошных.
150 Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель.
Все низошли безыменно; и, как ни страшны они были,
155 Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца.

- После того как земля поколение и это покрыла,
Снова еще поколение, четвертое, создал Кронион
На многодарной земле, справедливее прежних и лучше, —
Славных героев божественный род. Называют их люди
160 Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва.
В Кадмовой области славной одни свою жизнь положили,
Из-за Эдиповых стад подвизаясь у Фив семивратных;
В Трое другие погибли, на черных судах переплывши
165 Ради прекрасноволосой Елены чрез бездны морские.
Многих в кровавых боях исполнение смерти покрыло;
Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
170 Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит.

- Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
175 Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
[Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага.
180 Зевс поколение людей говорящих погубит и это
После того, как на свет они станут рождаться седыми.]
Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.

- 185 Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
- 190 И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
- 195 Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
- 200 Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Басню теперь расскажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.

- 205 Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такую к нему обратился:

«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.

- 210 Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим:
Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!»

Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица.

Слушайся голоса правды, о Перс, и гордости бойся!
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто повыше,

- 215 С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Только лишь горе случится. Другая дорога надежней:
Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнает это глупый.

Ибо тотчас за неправым решением Орк поспешает.

- 220 Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дароядные люди.
С плачем вослед им обходит она города и жилища,
Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

- 225 Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит, —
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка.
- 230 И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут:
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.
Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою,
- 235 Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всякие блага у них в изобилие. И в море пускаться
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебодарных.

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,
Тем воздает по заслугам владыка Кронид дальнзоркий.

- 240 Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

- Беды великие сводит им с неба владыка Кронион, —
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
- 245 Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.

- Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.
Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги
- 250 И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,
Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
- 255 По миру всюду они, облеченные мглою туманной.
Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
- 260 И о неправде людской сообщает ему. И страдает
Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду
Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.
И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!
Правду блюдите в решениях и думать забудьте о кривде.

- 265 Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.
Злее всего от дурного совета советчик страдает.

Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;
Хочет владыка, глядит, — и от взоров не скроется зорких,
Как правосудье блюдетсЯ внутри государства любого.

- 270 Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
Да заказал бы и сыну; ну как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.

Перс! Хорошенько запомни душою внимательной вот что:

- 275 Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье.
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды.
Людам же правду Кронид даровал — высочайшее благо.
280 Если кто, истину зная, правдиво дает показанья —
Счастье тому посылает Кронион широкоглядящий.
Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется,
Тот, справедливость разЯ, самого себя ранит жестоко.
Жалким, ничтожным у мужа такого бывает потомство;
285 А доброклятвенный муж и потомков оставит хороших.

С доброю целью тебе говорю я, о Перс безрассудный!
Зла натворить сколько хочешь — весьма немудреное дело.

Путь не тяжелый ко злу, обитает оно недалеко.

Но добродетель от нас отделили бессмертные боги

- 290 Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога,
И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины,
Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.

Тот — наилучший меж всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заране предвидит, что выйдет из дела.

- 295 Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
К сердцу не хочет принять — совсем человек бесполезный.

Помни всегда о завете моем и усердно работай,

Перс, о потомок богов, — чтобы голод тебя ненавидел,

- 300 Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно

Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,

- 305 Сам не трудяся, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвеньем.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.

Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
310 Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.

Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься — скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,
315 Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.

Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу, —
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.
320 Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным силой.
Если богатство великое кто иль насильем добудет,
Или разбойным своим языком, — как бывает нередко
С теми людьми, у которых стремлением жадным к корысти
Ум отуманен и вытеснен стыд из сердца бесстыдством, —
325 Боги легко человека такого унижат, разрушат
Дом, — и лишь краткое время он тешиться будет богатством.
То же случится и с тем, кто обидит просящих защиты
Иль чужестранцев, кто к брату на ложе взойдет, чтобы тайно
Совокупиться с женою его, — что весьма непристойно! —
330 Кто легкомысленно против сирот погрешит малолетних,
Кто нехорошо бранью отца своего обругает, —
Старца, на грустном пороге стоящего старости тяжелой.
Истинно, вызовет гнев самого он Кронида, и кара
Тяжкая рано иль поздно постигнет его за нечестье!

335 Этого ты избегай безрассудной своею душою.
Жертвы бессмертным богам приноси, сообразно достатку,
Свято и чисто, сжигай перед ними блестящие бедра.
Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья,
Спать ли идешь, появленье ль священного света встречаешь,
340 Чтобы к тебе относились они с благосклонной душою,
Чтоб покупал ты участки других, а не твой бы — другие.

Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, — когда еще пояс подвывает
345 Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.

Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка.

В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких.

Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.

Точно отмерив, бери у соседа взаймы: отдавая,
350 Меряй такую же мерой, а можешь, — так даже и больше,
Чтобы наверно и впредь получить, коль нужда приключится.

Выгод нечистых беги: нечистая выгода — гибель.

Тех, кто любит, — люби; если кто нападет, — защищайся.

Только дающим давай; ничего не давай не дающим.
355 Всякий дающему даст, не дающему всякий откажет.

Дать — хорошо; но насильно берущего смерть ожидает.

Тот, кто охотно дает, если даже дает он и много, —
Чувствует радость, давая, и сердцем своим веселится.
Если же кто своевольно берет, повинуюсь бесстыдству, —
360 Пусть и немного он взял, — но печалит нам милое сердце.

Если и малое даже прикладывать к малому будешь,
Скоро большим оно станет; прикладывая только почаще.

Жгучего голода тот избежит, кто копить приучился.

Если что заперто дома, об этом заботы немного.

365 Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.

Брать — хорошо из того, что имеешь. Но гибель для духа
Рваться к тому, чего нет. Хорошенько подумай об этом.

Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка,
Будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость.

370 Другу всегда обеспечена будь договорная плата.

С братом и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях делай.

Как подозрительность, так и доверчивость гибель приносит.

Женщин беги вертихвосток, манящих речей их не слушай.
Ум тебе женщина вскружит и живо амбары очистит.
375 Верит поистине вору nocturno, кто женщине верит!

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком, и опять одного лишь оставит.
<...>

695 В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь
подходящий.

До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:

Лет тридцати ожениться — вот самое лучшее время.

Года четыре пусть зреет невеста, женитесь на пятом.

Девушку в жены бери — ей легче внушить благонравье.

700 Взять постарайся из тех, кто с тобою живет по соседству.

Все обгляди хорошо, чтоб не на смех соседям жениться.

Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете,

Но ничего не бывает ужасней жены нехорошей,

Жадной сластены. Такая и самого сильного мужа

705 Высушит пуще огня и до времени в старость загонит.

Кару блаженных бессмертных навlechь на себя опасайся.

Также не ставь никогда наравне товарища с братом.

Раз же, однако, поставил, то зла ему первым не делай

И не обманывай, чтобы язык потрепать. Если ж сам он

710 Первый тебя обижать или словом начнет, или делом,

Это попомнив, вдвойне отплати ему. Если же снова

В дружбу с тобой он захочет вступить и обиду загладить,

Не уклоняйся: друзей то и дело менять не годится.

Только чтоб видом наружным не ввел он тебя в заблужденье!

715 Слыть нелюдимым не надо, не надо и слыть хлебосолом;

Бойся считаться товарищем злых, ненавистником добрых.

Также людей не дерзай попрекать разрушающей душу,

Гибельной бедностью: шлют ее людям блаженные боги.

Лучшим сокровищем люди считают язык неболтливый.

720 Меру в словах соблюдешь — и всякому будешь приятен;

Станешь злословить других — о себе еще хуже услышишь.

На многолюдном, в складчину устроенном пире не хмурься;

Радостей очень он много дает, а расход пустяковый.

Также, не вымывши рук, не твори на заре возлияний

725 Черным вином ни Крониду, ни прочим блаженным

бессмертным;

Так они слушать не станут тебя и молитвы отвергнут.

Стоя и к солнцу лицом обратившись мочиться не гоже.

Даже тогда на ходу не мочись, как зайдет уже солнце,

Вплоть до утра — все равно по дороге ль идешь, без дороги ль;

- 730 Не обнажайся при этом: над ночью ведь властвуют боги.
Мочится чтущий богов, рассудительный муж либо сидя,
Либо — к стене подойдя на дворе, огороженном прочно.

Совокупившись, не стой неодетый, с.....
Перед огнем очага, но держись в это время подальше.

- 735 Также, не с похорон грустно-зловещих домой воротившись,
Сей потомство свое, а с пира пришедши бессмертных.

Прежде чем в воду струистую рек, непрерывно текущих,
Ступишь ногой, помолись, поглядев на прекрасные струи,
И многомилоу, светлой водою умой себе руки.

- 740 Рук не умывши, души не очистив, пойдешь через реку, —
Боги тебя покарают, несчастье пославши вдогонку.

На пятипалом суку средь цветущего пира бессмертных
Светлым железом не надо с зеленого срезывать суши.

- Также, в то время как пьют, черпака на кратерную крышку
745 Не помещай никогда: не весельем окончится это.

Дом себе строить начав, приводи к окончанию постройку,
Чтобы не каркала, сидя на доме, болтушка ворона.

Также не ешь и не мойся из тех горшконогов, в которых
Не приносилось жертв: и за это последует кара.

- 750 Мало хорошего, если двенадцатидневный ребенок
Будет лежать на могиле, — лишится он мужеской силы;
Или двенадцатимесячный: это нисколько не лучше.
Также не мой себе тело водою, которою мылась
Женщина: ибо придет и за это со временем кара
755 Тяжкая. Если увидишь горящую жертву, не смейся
Над непонятною тайной: воздаст тебе бог и за это.
Также, смотри, не мочись никогда ни в истоки, ни в устье
В море впадающих рек, — берегись и подумать об этом!
Не опоражнивай в них и желудка, — то будет не лучше.

- 760 Так поступай: от ужасной молвы человеческой бегай.
Слава худая мгновенно приходит, поднять ее людям
Очень легко, но нести тяжеленько и сбросить не просто.
И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь богиня.

- 765 Тщательно Зевсовы дни по значенью и сам различай ты
И обучай домочадцев. Тридцатое — день наилучший
Для обозренья свершенных работ, для дележки припасов.

Вот что различные дни у Кронида всемудрого значат,
Если в сужденьях народов об этом содержится правда.

- 770 Дни священные: день перед первым числом и четвертый.
День седьмой, — в этот день родился Аполлон златолирный, —
Также восьмой и девятый. Особенно ж в месяце два есть
Дня при растущей луне, превосходных для смертных свершений,
День одиннадцатый и двенадцатый; оба счастливы
775 для собиранья плодов и для стрижки овец густорунных.
Но между ними двоими — двенадцатый много счастливей.
Ткет паутину высоко парящий паук в это время,
Летом, — в ту пору, когда *запасливый* кучу готовит.
Женщина пусть в этот день к тканью на станке приступает.

- 780 Сев начинать на тринадцатый день опасайся всемерно;
Но для посадки растений тринадцатый день превосходен.

В среднем десятке шестое число для растений опасно,
Но хорошо для зачатия мальчика. Девочке вредно
Замуж идти в этот день, равно как и на свет рождаться.

- 785 Также и в первом десятке шестое число для рожденья
Девочек мало полезно; козлят вылегчать и баранов
В это число хорошо и поскотину строить для стада.
День недурен для зачатия мальчика: будет любить он
Шутки, лукавые речи, обманы и шепот любовный.

- 790 В день восьмой кабанов подрезай и протяжно мычащих,
Крепких быков, а в двенадцатый день — выносливых мулов.

- День наиболее длинный меж чисел двадцатых рождает
Мужа искусного, — будет весьма он умом выдаваться.
День недурной мужеродный — десятый; а день женородный —
795 В среднем десятке четвертый; овец и собак острозубых,
Тяжелоногих, рогатых быков и выносливых мулов
В этот же день хорошо приручать. Берегися в четвертый
День после новой иль полной луны допускать себе в сердце
Скорби, грызущие дух: ибо день этот очень священный.

- 800 Также в четвертый вводи к себе в дом молодую супругу,
Птиц перед тем вопросив, наилучших для этого дела.

Пятых же дней избегай: тяжелы эти дни и ужасны;
В пятый день, говорят, Эринии пестуют Орка,
Клятвопреступным на гибель рожденного на свет Эридой.

805 В среднем десятке седьмого священные зерна Деметры
Вей на току округленном, душою отдавшись работе.
В этот же день лесорубы пусть рубят домовые бревна
И деревянные части для стройки судов быстроходных.
А за постройку саму приниматься четвертого надо.

810 В среднем десятке девятка лишь к вечеру лучше бывает.
Что же до первой девятки — вреда не несет она людям:
День для посадки растений хорош, для рожденья ребенка —
Мальчика ль, девочки ль. Очень он плох никогда не бывает.

Мало кто знает, как в месяце третья девятка полезна:
815 Бочку ль с вином начинать, налагать ли ярмо на затылки
Мулам, быкам и коням быстроногим, спускать ли на воду
Многоскамейчатый, быстрый корабль — в этот день
превосходно.
Мало, однако, таких, кто про день этот правильно скажет.

Винную бочку вскрывай четвертого; самый священный
820 День меж четвертыми — средний; про тот, что идет за
двадцатым,
Мало кто знает, что утром хорош он, но к вечеру хуже.

Эти вот дни для людей земнородных — великая польза.
Прочие все — ничего не несущие дни, без значенья.
Каждый различное хвалит. Но толком лишь мало кто знает.
825 То, словно мачеха, день, а другой раз — как мать человеку.

Тот меж людьми и блажен и богат, кто, все это усвоив,
Делает дело, вины за собой пред богами не зная,
Птиц вопрошает и всяких деяний бежит нечестивых.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ (ТЕОГОНИЯ)

С Муз, геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
На Геликоне они обитают высоком, священном.
Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник...

5 Нежное тело свое искупавши в течениях Пермесса,
Иль в роднике Иппокрене, иль в водах священных Ольмея,
На геликонской вершине они хоровод заводили,

- Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
10 Ночью они приходили и пели чудесные песни,
Славя эгидодержавца Кронида с владычицей Герой,
Города Аргоса мощной царицею златообутой,
Зевса великую дочь, синеокую деву Афину,
И Аполлона-царя с Артемидою стрелолюбивой,
15 И земледержца, земных колебателя недр Посейдона,
И Афродиту с ресницами гнутыми, также Фемиду,
Златовенчанную Гебу-богиню с прекрасной Диопой,
С ними — Лето́, Иапета и хитроразумного Крона,
Эос-Зарю и великого Гелия с светлой Селеной,
20 Гею-мать с Океаном великим и черною Ночью,
Также и все остальное священное племя бессмертных.

- Песням прекрасным своим обучили они Гесиода
В те времена, как овец под священным он пас Геликоном.
Прежде всего обратились ко мне со словами такими
25 Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы:

«Эй, пастухи полевые, — несчастные, брюхо сплошное!
Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.
Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!»

- Так мне сказали в рассказах искусные дочери Зевса.
30 Вырезав посох чудесный из пышнозеленого лавра,
Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули,
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать непрестанно...
35 Впрочем, ну как я могу говорить о скале или дубе?

- С Муз песнопенье свое начинаем, которые пеньем
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе,
Все излагая подробно, что было, что есть и что будет,
Хором согласно звучащим. Без усталости сладкие звуки
40 Льют их уста. И смеются палаты родителя — Зевса
Тяжкогремящего, лишь зазвучат в них лилейные песни
Славных богинь. И ответно звучат им жилища блаженных
И олимпийские главы. Богини же гласом бессмертным
Прежде всего воспевают достойное почестей племя
45 Тех из богов, что Землей рождены от широкого Неба,
И благодавцев-богов, что от этих богов народились.
Зевса вторым после них, отца и бессмертных и смертных,
В самом начале и в самом конце воспевают богини, —
Сколь превосходнее всех он богов и могучее силой.

- 50 Племя затем воспевая людей и могучих Гигантов,
Радуют разум великий отцу своему на Олимпе
Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы.
Семя во чрево приняв от Кронида-отца, в Пиерии
Их родила Мнемосина, царица высот Елевфера,
55 Чтоб улетали заботы и беды душа забывала.
Девять ночей сопрягался с богинею Зевс-промыслитель,
К ней вдалеке от богов восходя на священное ложе.
После ж того как исполнился год, времена обернулись,
Месяцы круг совершили и дней унеслося немало,
60 Единомысленных девять она дочерей народила,
С рвущейся к песням душой, с беззаботным и радостным духом,
Близ высочайшей вершины одетого снегом Олимпа.
Светлые там хороводы у них и прекрасные дома.
Рядом жилища имеют Хариты и Гимер-Желанье,
65 В празднествах жизнь проводя. Голосами прелестными Музы
Песни поют о законах, которые всем управляют,
Добрые нравы богов голосами прелестными славят.

- Песнью бессмертной своею и голосом тешась прекрасным,
Музы к Олимпу пошли. И далеко звучали их гимны,
70 Милый их топот по черной земле раздавался в то время,
Как возвращались богини к родителю. В небе царит он,
Громом владеющий страшным и молнией огненно-жгучей,
Силою верх одержавший над Кроном-отцом. Меж богами
Все хорошо поделил он и каждому почесть назначил.
- 75 Это вот пели в дворцах олимпийских живущие Музы,
Девять богинь, дочерей многославного Зевса-владыки, —
Девы Клио и Евтерпа, и Талия, и Мельпомена,
И Эрато с Терпсихорой, Полимния и Урания,
И Каллиона, — меж всеми другими она выдается:
80 Шествует следом она за царями, достойными чести.
Если кого отличить пожелают Кронидовы дщери,
Если увидят, что родом от Зевсом вскормленных царей он, —
То орошают счастливцу язык многосладкой росой.
Речи приятные с уст его льются тогда. И народы
85 Все на такого глядят, как в суде он выносит решения,
С строгой согласные правдой. Разумным, решительным словом
Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
Если к суду обратятся они, без труда возмещение
90 Полное дать, убеждая обидчиков мягкой речью.
Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди.
Как на собранье пойдет он, меж всеми он там выдается.

- Вот сей божественный дар, что приносится Музами людям.
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
95 Все на земле и певцы происходят, и лирики-мужи.
Все же цари от Кронида. Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если неожиданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
100 Песню услышать служителя Муз, песнопевца, о славных
Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился.

- Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
105 Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,
Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите, — как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилось шумное, реки,
110 Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;
Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
115 И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.

- Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
119 Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
120 И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос.
Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
125 Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

- Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
130 Нимф, обитающих в чащах нагорных лесов многотенных;
Также еще родила, ни к кому не всходявши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,
Коя и Крия, еще — Гипериона и Иапета,
135 Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,
Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.

После их всех родился, меж детей наиболее ужасный,
Крон хитроумный. Отца многомогущного он ненавидел.

- Также Киклопов с душою надменною Гея родила, —
140 Счетом троих, а по имени — Бронта, Стеропа и Арга.
Молнию сделали Зевсу-Крониду и гром они дали.
Были во всем остальном на богов они прочих похожи,
Но лишь единственный глаз в середине лица находился:
Вот потому-то они и звались «Круглоглазы», «Киклопы»,
145 Что на лице по единому круглому глазу имели.
А для работы была у них сила, и мощь, и сноровка.

- Также другие еще родились у Геи с Ураном
Трое огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, —
Котт, Бриарей крепкодушный и Гиес — надменные чада.
150 Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомогущных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

- Дети, рожденные Геей-Землею и Небом-Ураном,
155 Были ужасны и стали отцу своему ненавистны
С первого взгляда. Едва лишь на свет кто из них появился,
Каждого в недрах Земли немедленно прятал родитель,
Не выпуская на свет, и злодейством своим наслаждался.
С полной утробой тяжело стонала Земля-великанша.
160 Злое пришло ей на ум и коварно-искусное дело.
Тотчас породу создавши седого железа, огромный
Сделала серп, и его показала возлюбленным детям,
И, возбуждая в них смелость, сказала с печальной душою:

- «Дети мои и отца нечестивого! Если хотите
165 Быть мне послушными, сможем отцу мы воздать за злодейство
Вашему: ибо он первый ужасные вещи замыслил».

Так говорила. Но, страхом объятые, дети молчали.
И ни один не ответил. Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный, немедля отвечивал матери милой:

- 170 «Мать! С величайшей охотой за дело такое возьмусь я.
Мало меня огорчает отца злоимянного жребий
Нашего. Ибо он первый ужасные вещи замыслил».

- Так он сказал. Взвеселилась душой исполинская Гея.
В место укромное сына запрятав, дала ему в руки
175 Серп острозубый и всяким коварствам его обучила.

- Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он
Около Геи, пылая любовным желаньем, и всюду
Распространился кругом. Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный
180 Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом.
И не бесплодно из Кроновых рук полетел он могучих:
Сколько на землю из члена ни вылилось капель кровавых,
Все их земля приняла. А когда обернулись годы,
185 Мощных Эриний она родила и великих Гигантов
С длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих,
Также и нимф, что Мелиями мы на земле называем.
Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
190 По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою —
195 Травы под стройной ногой вырастают. Ее Афродитой,
«Пенорожденной», еще «Кифереей» прекрасновенчанной
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной», — что в Кипре, омытом волнами, родилась.
<...>

Батрахомиомахия

«Батрахомиомахия» (или «Битва мышей и лягушек») — небольшой эпос, пародирующий Гомера. Его сюжетной основой служит басня Эзопа о том, как мышь нечаянно утопила лягушку. Этим маленьким существам автор поэмы придает квазигероическое обличие, а нехитрый Эзопов рассказ становится «гомерическим» повествованием о приключениях и битвах героев. Гомер, по которому в школе проходили грамматику, примеры из которого приводили риторы и историки, которого с малолетства заучивали наизусть, постепенно стал для греков автором настолько обесцвеченным педагогикой и вообще культурой, что у многих возникало желание иронизировать: не над самим Гомером, а, так сказать, на гомеровские темы. В «Батрахомиомахии» пародируются хрестоматийные черты героического эпоса, в частности такие, как вмешательство в действие богов (боги решают держаться подальше от битвы между столь страшными противниками; Зевс посылает раков на помощь лягушкам и пр.), единоробства, хвалебные саморекомендации героев и др.

Существовал и другой пародийный эпос — «Маргит» (в названии — имя главного героя), известный нам по нескольким позднеантичным ссылкам. В науке об античности есть традиция возводить «Маргита» к фольклорным источникам, сказке и пр. Главный герой — дурачок, который умеет считать только до пяти и не понимает, что делать с женой. Маргит не знает, кто его родил — отец или мать (в этом видят пародию на сомнения Телемаха в том, был ли Одиссей его отцом).

Любопытны суждения античных писателей об авторстве пародийно-эпических поэм. Согласно Аристотелю, «Маргит» принадлежал Гомеру. Авторы позднеантичных жизнеописаний Гомера, а также латинские поэты Стаций и Марциал считали «Батрахомиомахию» произведением Гомера. Но не следует забывать, что в античности Гомеру приписывали довольно большой корпус героико-эпических поэм (о большинстве которых известно из хрестоматии Прокла). Однако Плутарх называет создателем «Батрахомиомахии» карийца Пигрета, жившего, по-видимому, в VI в. до н. э., а византийский словарь «Суда» (возможно, с опорой на Плутарха) приписывает Пигрету и «Батрахомиомахию», и «Маргита».

В связи с этим ряд ученых предлагает датировать «Батрахомиахию» концом VI в. до н.э. Другие, в частности Р. Пфейфер, отмечают в поэме элементы языка и стиля Каллимаха и относят ее к значительно более поздней эпохе.

М. М. Позднев

К первой строке приступая, я муз хоровод с Геликона
Сердце мое вдохновить умоляю на новую песню, —
С писчей доской на коленях ее сочинил я недавно, —
Песню о брани безмерной, неистовом деле Арея.

- 5 Я умоляю, да чуткие уши всех смертных услышат,
Как, на лягушек напавши с воинственной доблестью, мыши
В подвигах уподоблялись землею рожденным гигантам,
Дело, согласно сказанью, начало имело такое.

Раз как-то, мучимый жаждою, только что спасшись от

кошки,

- 10 Вытянув жадную мордочку, в ближнем болоте мышонок
Сладкой водой упивался, — его на беду вдруг увидел
Житель болота болтливый и с речью к нему обратился:

«Странник, ты кто? Из какого ты роду? И прибыл откуда?
Всю ты мне правду поведай, да лживым тебя не признаю.

- 15 Если окажешься дружбы достойным, сведу тебя в дом свой
И, как любезного гостя, дарами почту торовато.

Сам я прославленный царь Вздудоморда и здесь на болоте
Ископи всепочитаемый вождь и владыка лягушек.

Родом же я от Грязного, который с царевною Водной

- 20 На берегах Эридана в любви сочетался счастливо.

Впрочем, и ты, полагаю, из роду не вовсе простого:

Может быть, царь скиптродержец и мощный в боях

предводитель.

Ну, не таи же, открой мне скорее свой род именитый».

Тут на расспросы лягушки мышонок пространно ответил:

- 25 «Что ты о роде моем все пытаешь? Он всюду известен:

Людам, бессмертным богам и под небом витающим птицам.

Имя мое — Крохобор, я горжусь быть достойным потомком

Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой,

Ситоглизуньи, любезнейшей дочки царя Мясоеда.

- 30 А родился в шалаше я и пищей обильной взлелеян:

Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью.

Дружба же вряд ли меж нами возможна: мы слишком не схожи.

Жизнь вся твоя на воде протекает, а мне вот, на суше,

Пища привычна людей, и меня на дозоре не минет

- 35 Ни из красиво плетенной корзины калач белоснежный,
Ни с чечевичной начинкой пирог с творогом многослойный,
Ни окровавленный окорок, ни с белым жиром печенка,
Ни простокваша, ни сыр молодой, ни парная сметана,
Ни пирожочки медовые, — их же вкушают и боги, —
- 40 Словом, ничто из того, что к пирам повара припасают,
Вкусно приправами всякими пишу людей улашая.
Не убегал никогда я с опасного поля сраженья,
Первому следуя зову, я в первых рядах подвигаюсь.
Даже его не страшусь, человека с огромнейшим телом:
- 45 Смело на ложе взобравшись, цепляюсь за кончики пальцев
Или пяту ухвачу, и, хоть боль до людей не доходит,
Скованный сном человек моего не избегнет укуса.
Но, признаюсь, опасуюсь и я двух чудовищ на свете:
Ястреба в небе и кошки — великое с ними мне горе, —
- 50 Также и скорбной ловушки, где рок затаился коварный.
Эти напасти — все страшные, напуганнейшая — кошка:
Даже к зарытым в норе норовит она ловко пробраться.
Редьки же грызть я не склонен, ни толстой капусты, ни тыквы,
И не питаюсь ни луком зловоннейшим, ни сельдереем, —
- 55 Яства отменные, впрочем, для тех, кто живет у болота...»

На Крохобора слова Вздумоморда со смехом ответил:
«Что ты, о друг, все о брюхе толкуешь? Поверь мне, немало
Есть и у нас, на воде и на суше, чему подивиться.
Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил Кронион:

60 Можем мы прыгать по суше, можем плясать под водою
И обитаем в жилищах, обеим стихиям открытых.
Если желаешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
На спину только мне прыгни, держись, понадежней усевшись,
А уже я тебя с радостью в самый свой дом переправлю».

- 65 Так убеждал он и спину подставил, и тотчас мышонок,
Лапками мягкую шейку обняв, на лягушку взобрался.
Был он вначале доволен: поблизости виделась пристань,
Плыл на чужой он спине с наслаждением... Но как внезапно
Буйной хлестнуло волною в него, проклиная затею,
- 70 Жалобно тут завопил он, стал волосы рвать и метаться,
Горестно лапки под брюхом ломать, а трусливое сердце
Билось неистово и порывалось на берег желанный.
От леденящего страха стенаньями глушь оглашая,
Правит меж тем он подвижным хвостом, как послушным
кормилом,
- 75 И умоляет богов привести его на берег целым.

Так, чем он более тонет, тем стонет безудержней, громче,
И наконец исторгает из уст своих слово такое:

- «Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу
Вол, что по волнам провел до далекого Крита Европу,
80 Как, свою спину подставивши, в дом свой меня перевозит
Сей лягушонок, что мордой противною воду пятнает!»

Вдруг над равниною водной, высокую вытянув шею, --
Вот уж где ужас обоим, -- явилася грозная гидра.

- Гидру увидев, нырнул Вздумоморда, о том и не вспомнив,
85 Гостя какого, коварный, на верную смерть обрекает.
Сам углубился в болото и гибели близкой избегнул,
Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь упала,
Лапками лагодя влагу и жалобный писк испуская.
Часто ее заливала волна, но, живучая, снова
60 Наверх она выплывала... Однако судьбы не избежешь...
Шерстка намокшая с большей все тяжестью книзу тянула,
И, уж волной заливаем, пред смертью промолвил мышонок:

«Ты, Вздумоморда, не думай, что скроешь коварством
проступок:

- Как со скалы потерпевшего в море кораблекрушение,
95 С тела меня ты низвергнул... В открытой борьбе или беге
Не превзошел бы меня ты на суше. Так наглым обманом
В воду меня заманил... Но всевидящий бог покарает
(Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиной)!»

- Так он сказал и свой дух на воде испустил. Но случайно
100 Это узрел Блюдолиз, на крутом побережье сидевший.
С писком ужасным пустился он весть сообщить всем
мышатам.

- Эти же, новость проведав, вспылали ужаснейшим гневом
И повелели глашатаям громко прокликать, чтоб утром
Прибыли все на собрание в палаты царя Хлебогрыза,
105 Старца отца Крохобора, которого труп по болоту
Выплывший жалко носился, — не к берегу родному, однако,
Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину.
Спешно, с зарей, все явились, и первым в собрание поднялся,
Скорбью по сыну томимый, отец Хлебогрыз и промолвил:

- 110 «Други, хотя и один я теперь претерпел от лягушек,
Лютая может беда приключиться внезапно со всяким,
Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился:
Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки,
Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.
115 Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули,
С необычайным искусством из дерева хитрость устроив,

Эту-то пагубу нашу ловушкой они называют.

Третий же сын, был и мой он любимец, и матери нежной...

Ах, и его погубил Вздумоморда, сманивши в пучину.

120 Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек,

Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи».

Речью такую он всех убедил за оружие взяться.

Их возбуждал и Арей, постоянный войны подстрекатель,

Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,

125 Ловко для этого стручья зеленых бобов приспособив, —

Их же в течение ночи немало они понагрызли.

А с камышей прибережных сняв шкуру растерзанной кошкой

Мыши, ее разодравши, искусно сготовили латы.

Вместо щита был блестящий кружочек светильни, а иглы —

130 Всякою медью владеет Арей — им как копья служили.

Шлемом надежным для них оказалась скорлупка ореха.

Во всеоружье таком на войну ополчились мышата.

Живо узнали про это лягушки, и, вынырнув, тотчас

В место одно собрались, и совет о войне учредили.

135 Только пошли пересуды, откуда и кто неприятель,

Вражий внезапно явился, жезлом потрясая, глашатай —

Творогоеда бесстрашного сын, Горшколаз знаменитый.

Он, объявляя войну, к ним со словом таким обратился:

«Я от мышей к вам, лягушки, и послан я с вызовом грозным:

140 Вооружайтесь поспешно, готовьтесь к войне и сраженьям.

Ибо в воде увидали они Крохобора, в чьей смерти

Царь Вздумоморда повинен. Так будьте теперь все в ответе.

Тот же из вас, кто храбрее, на бой пусть скорее дерзает».

Так объявил им глашатай, и, грозное слово услышав,

145 Затрепетали сердца и у самых бесстрашных лягушек,

Но Вздумоморда, поднявшись, их речью такой успокоил:

«Други, не я убивал Крохобора и даже не видел,

Как он погиб: верно, сам утонул он, резвясь у болота,

В плаванье нам подражая. А эти гнуснейшие мыши

150 Вздумали ныне меня обвинять. Ну, тем лучше. Изыщем

Способ мы раз навсегда весь их род уничтожить коварный.

Вот что я вам предложу и что кажется мне наилучшим:

В броню себя заковавши, мы сомкнутым строем, все рядом

Станем у края болота, на самом обрывистом месте,

155 Чтобы, когда устремятся на нас ненавистные мыши,

Каждый ближайшего мог супостата, за шлем ухвативши,

Вместе с оружием грозным низвергнуть в пучину болота.

Там уже, плавать бессильных, мы быстро их всех перетопим,
Сами же мы, мышейбойцы, трофей величавый воздвигнем».

- 160 Речью такой убедил он лягушек облечься в доспехи:
Голени прежде всего они листьями мальвы покрыли,
Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья.
Вместо копья был тростник у них длинный и остроконечный,
165 Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка.
Так на высоком побережье стояли, сомкнувшись, лягушки,
Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги.

- Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает
И, показав им величье войны и воителей храбрых,
170 Мощных и многих, на битву огромные копья несущих,
Рати походной кентавров подобно иль гордых гигантов,
С радостным смехом спросил, не желает ли кто за лягушек
Иль за мышей воевать. А Афине промолвил особо:

- «Дочка, быть может, прийти ты на помощь мышам
помышляешь,
175 Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслаждением,
Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаюсь».
Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина:

- «Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану,
Даже и в лютой беде их: от них претерпела я много:
180 Масло лампадное лижут, и вечно венки мои портят,
И еще горшей обидою сердце мое уязвили:
Новенький плащ мой изгрызли, который сама я, трудясь,
Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно.
Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
185 Плату великую просит, а это богам всего хуже.
Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем.
Так вот с мышатами... Все ж и лягушкам помочь не желаю:
Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно,
С битвы когда, утомленная, я на покой возвращалась,
190 Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки,
Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась.
И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.
Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам:
Острой стрелою поди и бессмертного могут поранить.
195 Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет.
Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться».

Так говорила Афина. И с ней согласились другие.
Тотчас все боги, собравшись, пошли в безопасное место.

Временем тем комары в большие трубы к сраженью
200 Вражеским станам обоим знак протрубили, а с неба
Зевс загредел Громовержец, начало войны знаменуя.

Первым Квакун Сластолиза — тот в первых рядах
подвизался —

Метким копьем поражает в самую печень по чреву:
Навзничь упал он, и нежная шерстка его запылилась.
205 С грохотом страшным скатился, доспехи на нем зазвенели.
Этому вслед Норолаз поражает копьем Грязевого
Прямо в могучую грудь. Отлетела от мертвого тела
Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет.
Острой стрелою тут в сердце Свекольник убил Горшколаза.
210 (В брюхо удар Хлебоеда на смерть Крикуна повергает:
Наземь упал он стремглав, и от тела душа отлетела.
Гибель героя увидев и мщеньем за друга пылая,
Камень огромный, на жернов похожий, схватил Болотняник,
В шею метнул Норолазу; в глазах у того потемнело.
215 Тут уже жалость взяла Травоглода, и дротиком острым
Он упредил нападение врага. Но и сам поплатился:
Ловко копьем дальнолетным в него размахнулся Облиза,
Меток удар был, под самую печень копые угодило.
Он на Капустника, по побережью бежавшего, яро
220 Ринулся, но, не смутившись, тот сам обратил его в бегство.
В воду злосчастный упал и живой уж не выплыл, багровой
Кровью окрасил болото, и, вздутый, с кишками наружу,
Долго еще труп героя у берега горестно бился.)

Творогоед же от смерти и на берегу не сберется.
225 В ужас пришел Мятолюб, когда Жирообжору увидел:
Бросивши щит, он проворно спасается бегством к болоту.
Соня Болотный убил знаменитого Землеподкопа
(А Водорад поразил беспощадно царя Лизопята),
Тяжким булыжником череп ему раскроив. Размягченный
230 Из носу мозг его вытек, и кровью земля обагрилась.
Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный,
Дротик свой бросив, и тьма ему взоры навеки покрыва.
Это увидел Чесночник, и, за ноги труп расторопно
Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бросил.
235 Тут за убитого друга герой Крохобор заступился,
Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево.
Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела.
Болотолаз, то увидев, горсть грязи швырнул в Крохобора:

- Тина лицо облепила, он зренья чуть не лишился.
240 Гневом вспылал Крохобор и, могучей рукой ухвативши
Камень из долу огромный, — земли многолетнее бремя, —
В Болотолаза метнул его яростно. Вся раздробилась
Правая голень его, и, подрубленный, пал он на землю.
Тут и Пискун на него напустился и сильно ударил
245 В чрево. Проникло в утробу копьё глубоко, и как только
Крепкой рукою копьё извлек из брюха противник,
Тотчас наружу за ним и все внутренности потянулись.
Видя, что на побережье от смерти не убережешься,
Еле плетясь и измученный страшно, сражение покинув,
250 В ров Зерногрыз пробирался, чтоб гибели лютой избегнуть.
В пятку копьём уязвив, поразил Хлебогрыз Вздудоморду
(Позже, хотя раненный тяжко, он вынырнул вновь из болота).
Видя, что, дышащий трудно, во прахе простерт Вздудоморда,
К первым рядам устремившись, копьё в него Луковник бросил,
255 Но уцелел крепкий щит, и копыя острие в нем застряло.
Также и дивный Полынник, в сражениях равный Арею,
Сбросить не смог с головы Вздудоморды тяжелого шлема,
Хоть средь лягушек воинственных витязем первым считался:
Слишком уж много врагов на него устремилось. Пред грозным
260 Натиском не устоял он и спешно в болоте укрылся.

- Был средь мышей еще юный, но храбростью всех
превзошедший,
Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба.
Из дому вызвавши сына, отец его в бой посылает.
Этот же витязь, с угрозою весь истребить род лягушек,
265 Гордо вперед выступает, пылая с врагами сразиться.
Тотчас лягушки, объятые ужасом, в бегство пустились.
Силой владея великою, тут бы их всех погубил он,
Если бы зоркий Кронион, отец и бессмертных и смертных,
Гибнущих видя лягушек, к ним жалостью вдруг не проникся
270 И, головой сокрушенно качая, богам не промолвил:

- «Боги! Великое диво я вижу своими глазами.
Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник,
Что на болоте свирепствует. Впрочем, его успокоим.
Тотчас Афины пошлем или шумного в битвах Арея:
275 Эти его, хоть отважного, живо от битвы отвядят».

Кроноса сын так промолвил. Арей же ему возражает:

«Ныне, Кронид, уж ни мудрость Афины, ни сила Арея
Лютую смерть отвратить не сумеют от жалких лягушек,
Разве на помощь им все мы направимся, да и оружие,

280 Коим когда-то сразил Капанея, могучего мужа,
Дерзостного Энкелада и дикое племя гигантов,
Ты и теперь пустишь в ход — перед этим и храбрый
смирится».

Только промолвил Арей, громовую молнией грянул
Кроноса грозного сын, — и великий Олимп содрогнулся,
295 Знаменье страшное в ужас повергло мышей и лягушек,
Все же мышинное войско сражения не прекращало,
Крепко надеясь лягушачий род истребить совершенно,
Что и могло бы случиться, если б с Олимпа Кронион,
Сжалившись, в помощь лягушкам не выслал защитников новых.

290 Вдруг появились создания странные: кривоклешневые,
В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою,
Рот словно ножницы, кожа — как кости, а плечи лоснятся,
Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди,
Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому двуголовы —
295 Раками их называют... И тотчас они начинают
Мышьи хвосты отгрызать, заодно уж и ноги и руки.
Струсили жалкие мыши и, копыя назад повернувши,
В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем закатилось,
И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

Сохранилось 34 гимна, которые античная традиция связывала с именем Гомера. Самая ранняя ссылка на них принадлежит Фукидиду в третьей книге «Истории» он цитирует «Прозэрий к Аполлону», считая его гомеровским. Очевидно, гимны исполнялись как прелюдия к рецитации больших поэм. Гимны написаны гексаметром. Их тема — восхваление богов: и в прямом обращении к ним, и через описание их чудесных деяний. Последняя, ареталогическая, задача конструирует сюжеты произведений. Таким образом, и по форме, и по содержанию Гомеровы гимны принадлежат к области исполнительской деятельности рапсодов — странствующих чтецов поэм Гомера и гомеровского цикла. С 500 г. до н. э. засвидетельствовано участие рапсодов в государственных празднествах. На Панафинейх рапсоды состязались в исполнении «Илиады» и «Одиссеи»; все они, разумеется, знали обе поэмы наизусть.

Уже в античности авторство Гомера для большинства гимнов ставилось под сомнение (александрийскими филологами, авторами жизнеописаний Гомера, позднее — схоластиками). Диалектные особенности гимнов говорят лишь об ориентации на язык эпоса, но по всему видно, что они создавались в разных областях греческого мира: в гимне к Аполлону смешались дельфийская и делосская традиции; Гермес воспевается в яркой, несколько грубоватой, подчас юмористической манере — вероятно, этот гимн сочинили в Средней Греции; в гимне к Афродите всюду проявляется нежный и изящный ионийский колорит; свойственная Элевсину мистическая торжественность отличает рассказ о Деметре. Эти четыре больших гимна считаются древнейшими. Нетрудно заметить, что все они связаны с местами, где почиталось соответствующее божество. Возможно, поэты-исполнители, выступавшие в разных местах, получали от жреческих коллегий Дельфов, Элевсина, Делоса и др. заказы на сочинение гимнов.

Античная литературоведческая традиция, отвергнув авторство Гомера, не заменила Гомера никем, кто мог бы претендовать на историчность. Согласно Геродоту, автор древнейшего гимна Аполлону — сказочный ликийский профет Олен — был вдохновлен гипербореями. По Павсанию, Олен намного старше Гомера, после Олена

(но тоже, что характерно, до Гомера) жил якобы некий гимнограф Памф; к Олену и Памфу присоединяются знаменитые Орфей и Мусей — мифические (но не для Павсания) прадедушки всей литературы. Этот ряд продолжается у Псевдо-Плутарха именами Антеса («современника» Орфея) и Филаммона (сына Аполлона и отца Фамиры-кифареда). Были и другие легендарные гимнографы, порожденные фантазией мистиков и стремлением греков для всякой вещи найти изобретателя. (Характерно, что в VI в. до н.э. в Греции стали патентовать изобретения.) Если первооткрыватель был уже забыт, его выдумывали, чаще всего приписывая открытие какому-нибудь мифологическому персонажу. Так случилось и с гимнами. Единственное достоверное свидетельство об авторах гимнов — схолий к Пиндару (II Немейская ода). Как сообщает схолиаст, гимн «к Аполлону Делосскому» сочинен Кинетом, рапсодом с о. Хиос.

Так или иначе, жанр гимнов очень древний, первые гимны были написаны не позднее VII в. до н.э., и даже само слово «гимн» не имеет надежной греческой этимологии. Расцвет гимна пришелся на VI в. до н.э. — эпоху социальных и религиозных брожений. Его отношение к культу неясно. Перед взглядом историка гимны появляются в соревнованиях рапсодов, без прямой связи с религиозным обрядом. Развитие гимнографии в следующую эпоху более или менее совпадает с общей картиной эволюции жанров в греческой литературе. Судьба гимна — превратиться в канонизированную классику литературную форму. В поздних гимнах к Аресу и Пану остроумие состязается с ученостью, а пафос древнего благочестия, кажется, совершенно забыт.

М. М. Позднев

К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

- Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне.
 По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.
 С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
 Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.
- 5 Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
 Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
 С Фебовых плеч многоможных оружие снимает руками
 И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
 Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
- 10 В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
 Нектар отец подает. И тогда божества остальные
 Тоже садятся по креслам. И сердце Лето веселится,
 Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.
- 19 Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
 25 Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет родила,
 К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном

- Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
 На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
 Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.
- 30 Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
 Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
 Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
 Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
 Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
- 35 Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
 Благоустроенный Имброс и Лемнос труднодоступный,
 Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
 Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
 И каменистый Мимант, и высокие главы Корики,
- 40 Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсаги,
 Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
 Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
 Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров не закрытый,
 Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос, —
- 45 Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
 Всех опросила, не хочет ли кто стать родиною сыну.
 Но трепетали все земли от страха, никто не решился
 Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
 В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
- 50 И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:
 «Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище
сын мой,
 Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
 Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
 Думаю я, ни овцами ты не богат, ни быками,
- 55 Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится.
 Если же будешь ты храм Аполлона иметь дальновержца,
 Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
 Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...

 Если б ты только кормил их, владыка, имели бы боги...

 60 От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».
- Так говорила. И радостно Делос богине ответил:
 «Верь мне, Лето, многославная дочь великого Кея:
 С радостью принял бы я Дальновержца-владыки рождение,
 Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
- 65 После же этого все бы почет мне оказывать стали.
 Сильно, однако, — не скрою, богиня, — страшат меня слухи:
 Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
 Неукротим и суров, и великая власть над богами
 И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.

- 70 Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:
Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится, — скалиста, бедна моя почва, —
И в мног шумное море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
75 Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить безобидно.
Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
80 Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на первом
Для провещения божьих велений, и после того лишь...
.....
Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:

- «Этой Землею клянуся и Небом широким над нами,
85 Стикса подземно текущей водой, — меж богов всеблаженных
Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:
Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
Вечно останутся здесь, и почитит он тебя перед всеми».

- После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.
Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собрались вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
95 Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры.
97 Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
100 Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.

- С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
105 Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернули обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде, —
Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
110 Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,

И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Обе помчались, походкой подобные робким голубкам.

115 Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались и родить собралась богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.

120 Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белую тканью повивши, —
Новую, сделанной тонко, — ремнем золотым закрепили.
Грудь своей не давала Лето златолирному Фебу:
Нектар Фемида впустила в нетленные губы младенца
125 Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
130 Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людам начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неисчислимо дорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
135 Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
139 Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.

140 Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон
дальнострельный,
То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревных;
Любы все вышки тебе, уходящие в небо вершины
145 Гор высочайших и реки, течение стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
150 Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,
Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними
бессильны.

- Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
 Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
 155 На корабли быстроходные их и на все их богатства.
 К этому ж — диво большое, которого славе не сгннуть:
 Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки.
 Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
 После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
 160 Стрелолобивую, песни поют о мужах и о женах,
 В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
 Дивно умеют они подражать голосам и напевам
 Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
 Голос его, — до того хорошо их налажены песни.
- 165 Милость свою ниспослите на нас, Аполлон с Артемидой!
 Вам же, о девы, привет! Обо мне не забудьте и позже.
 Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
 Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
 «Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?»
 170 Кто доставляет из них наибольшее вам наслаждение?»
 Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
 «Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
 Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем», —
 Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
 175 Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
 Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
 Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

К ГЕРМЕСУ

- Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
 Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
 И над Килленой царствует он. Родила его Майя,
 Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
 5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
 В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
 Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
 В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
 Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
 10 Время пришло, — и свершилось решение великого Зевса:
 13 Сын родился у богини — ловкач изворотливый, дока,
 Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатай, разбойник,
 15 В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
 Много преславных деяний явить меж богов предстояло.

- [Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона;
Было четвертого это числа, как явился он на свет.]
- 20 После того как из недр материнских он вышел бессмертных,
В люльке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.
- 26 Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
Сочную траву щипала она перед самым жилищем,
Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:
- 30 «Знаменье очень полезное мне, — и его не отвергну!
Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
Пира подруга! Откуда несешь ты так много утехи,
Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?
Дай-ка возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
- 35 Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первую будешь.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
Служишь; зато, как умрешь, превосходною станешь певичей».

- Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
- 40 Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
- 45 Как за миганием глаза другое миганье приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
Их укрепил он над кампеподобной спиной черепахи,
Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
- 50 Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.
Милую эту утеху своими сготовив руками,
Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
- 55 Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
Юноши острой насмешкой друг друга язвят, не готовясь.
Пел он о Зевсе-Крониде и Майе, прекраснообутой,
Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
- 60 Славил прислужников он, и жилище блестящее нимфы,
И изобилие прочных котлов и треножников в доме.

Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
Кончив, отнес он и бережно спрятал блестящую лиру
В люльке священной своей. И мясца ему вдруг захотелось.
65 Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
Хитрость в уме замышляя высокую: темною ночью
Замыслы часто такие в умах воровских возникают.

Гелий меж тем в Океан опустился под землю с конями
И с колесницей своею. Сын Майи бежал без оглядки
70 И к Пиерийским горам наконец прибежал многотенным.
Там у блаженных богов на прелестных лугах некошѐных
Стоило имели коровы стада их, не знавшие смерти.
Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих
Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
75 Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернувши следы им: повадки он хитрые помнил.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.
Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
80 И принялся измышлять несказанные, дивные вещи:
Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил
Вместе с листвою и пошел, избегая проезжей дороги,
86 Словно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
И увидел тут старик, в винограднике землю копавший,
Как чрез богатый травую Онхест на равнину спешил он.
Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:

90 «Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
Только бы вызрели лозы, — вина ты получишь немало!
Если и видишь — не видь! Оглохни, если и слышишь!
Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»

Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
95 Много в пути за собою Гермес многославный оставил
Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий.
Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
101 Сын многомогущий Кронида к Алфею-реке в это время
Широколобых коров подогнал Аполлона-владыки.
Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким
И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
105 Вволю протяжно мычащих коров накормивши травую,
Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.

- Шли они, клевер жуя и рососою обрызганный кипер.
Сам же искусство огонь добывать он измысливать начал.
Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
110 Чтоб по руке приходилась. И дым за клубился горячий.
112 Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
Яму глубокую ими набил. Засветилось пламя
И далеко задышало горячим, пылающим жаром.
115 Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время
Двух крепкорогих, протяжно мычащих коров из загона
Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.
Дышащих тяжело коров повалил он спиной на землю,
* И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
120 Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо от жира,
Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
Бедрa и спины — почетный кусок — и наполненный черной
Кровью кишечника; а рядом на землю сложил остальное.
Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил:
125 И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
Можно на той же скале увидеть. А потом, разложивши
Жирное мясо на камне широком и гладком, разрезал
Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
Жребий метнув. И почет соответственный каждой воздал он;
130 Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы:
Хоть и бессмертен он был, раздражал его ноздри призывно
Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил
Жертвенной шеи священной попробовать, как ни тянуло.
Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким, —
135 Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,
Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,
Ноги и головы все целиком сожжению предал.
После того как исполнил он все сообразно обряду,
В водовороты Алфея сын Майи сандалии бросил,
140 Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.
- 142 Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.
145 Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодаеть,
Съежившись, в дом сквозь замочную скважину тихо
пробрался,
Ветру осеннему или седому подобный туману.
150 Там в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.
Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец,
В руки простынку схватил и ею играл вокруг коленок.
Лиру же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
Скрыться от матери, — бог от богини. И молвила Майя:

- 155 «Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный
бесстыдством,
Ты возвращаешься ночью глухой? Погоди, мой голубчик!
Крепкими узами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда —
Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
160 Прочь убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
Людам и вечным богам произвел тебя на свет отец твой»!

Матери тотчас Гермес хитроумный ответствовал речью:

- «Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым? —
165 Видит, разгневалась мать, — испугался младенец, затрясся. —
Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
Будем мы в день изо дня скотоводничать вместе с тобою.
И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
170 Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,
В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба,
чем дома
В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.
Ну а не даст мне ее мой родитель, — так что же? Другое
175 Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
Если же здесь меня сын многославной Лето и отыщет, —
Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
Тотчас отправлюсь в Пифон, проломаю дворцовую стену,
Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
180 Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
Много и разной одежды. Увидишь сама, — коль захочешь».
Так они оба словами вели меж собой разговоры, —
Зевса эгидодержавного сын и почтенная Майя.

- Смертным несущая свет, спозаранку рожденная Эос
185 Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
Феб в это время в Онхест, многомилую рощу святую
Земледержателя громко шумящего. Там увидел он:
Скармливал изгородь старец волю в стороне от дороги.
Первым сын многославной Лето к старику обратился:
190 «Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травой!
Из Пиерии пришел я, ищу я мой скот запропавший:
Все это были коровы из стада, с кривыми рогами.
Бык же пасся один, от других в отдалении, черный;
Огненнооких четыре собаки за стадом ходили,

- 195 Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
Бык и собаки остались — и это особенно странно, —
Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
Вот что, о древнерожденный старик, мне скажи, не видал ты,
200 Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»

И Аполлону словами ответил старик и промолвил:

«Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется
глазами

- Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
205 Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
Я же весь день непрерывно, покуда не скрылось солнце,
Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне.
Точно, хороший, не знаю, однако мальчишку я словно
Видел, который мальчишка коров подгонял крепкорогих.
210 Малый младенец, с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся,
Взад он коров оттеснял, с головою к нему обращенной».

- Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
215 Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
Быстро направил шаги Аполлон-повелитель, сын Зевса,
Облаком темно-багряным покрывши широкие плечи.
И увидал Дальновержец следы, и промолвил он слово:

«Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!

- 220 Вот на дороге следы предо мною коров круторогих,
Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя;
И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый
225 Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал.
Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче».

- Так сказавши, пошел Аполлон-повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел он на гору Киллену, заросшую лесом,
К густотенистой пещере в скале, где бессмертная нимфа
230 Милого сына на свет родила Громовержцу-Крониду.
Склоны священной горы той окутывал залах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастбище мягком.

Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон-дальновержец.

- 235 Только завидел сын Зевса и Майи могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается куча углей, раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидав дальновержца.
240 Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Только что будто из ванны, приятнейший сон предвкушая,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.

Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын

дальнострельный

- Майю, горную нимфу прекрасную, с сыном любезным,
245 Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.
Все оглядев закоулки жилища великого нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны,
Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
250 Платьев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной, —
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон-Летоид обратился к Гермесу:

«Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?

- 255 Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывести оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий.
Будешь бродить под землею, погибших людей провожая».

- 260 Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал, и слыхом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
265 Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?
Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что.
Мысли мои — о пеленках на плечи, о ванночке теплой.
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
270 Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскочил за дверь,
Чтобы коров воровать. Несуразную вещь говоришь ты!
Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,

275 Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть не повинен,
И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».

Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
Двигать бровями, протяжно свистать и кругом озираться,
280 Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон-дальновержец:

«О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
Темною ночью, — как много народу дотла ты очистишь,
285 Делая в доме без шума свою воровскую работу.
Много и в горных долинах ты бед принесешь овцепасам,
Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,
290 Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:
Будешь главою воров называться во вечные веки».

Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.

В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решение
295 Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух —
Наглого вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
Наземь из рук Аполлон многославного бросил Гермеса,
Сел перед ним, хоть и очень с дальнейшим путем торопился,
300 И, над Гермесом глумясь, такое сказал ему слово:

«Не беспокойся, пеленочник мой, сын Зевса и Майи:
Время придет, и позднее найду я по знаменьям этим
Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты не укажешь!»

Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся килленийский
305 И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками
Крепко пеленку прижал, облекавшую плечи, и молвил:

«О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
Из-за каких-то коров, разозлившись, ты так меня треплешь.
Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
310 Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида!»

- Так, препираясь, подробно в отдельности все перебрали
Пастырь овец Гермес с Аполлоном далекоразящим,
315 Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
Знающий верно, что сцапал того за коров не напрасно,
Тот же, другой, Киллениец, — коварно ласкательной речью
Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.
Но не сумел многохитрый от многоразумного⁹ скрыться,
320 И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
Спереди, сзади же, следом за ним, — Аполлон-дальномержец.

- Прибыли скоро на многoduшистые главы Олимпа
К Зевсу-родителю оба прекрасные сына Кронида.
Там ожидали того и другого весы правосудья.
325 Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою собирались
Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.
Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремющий,
Спрашивать сына блестящего начал и слово промолвил:
330 «Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу —
Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
Важное дело, я вижу, встает пред собранием бессмертных!»

Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему молвил:

- «О мой родитель! Услышишь сейчас не пустое ты слово:
335 Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
Путь совершивши великий, нашел я в горах Килленийских
Этого вот негодяя мальчишку — плута продувного.
В мире мошенников много, — такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не
встречал я.
340 Выкрал он с мягкого луга коров у меня и погнал их
Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
К Пилосу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
Были следы их, — деянье поистине славного бога!
В черной пыли подорожной коровых следов отпечатки
345 Шли в направлении обратном опять к асфодельному лугу.
Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
Способ измыслив какой-то особый, следы натоптал он
Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!
350 Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.
После ж того, как песчаной дороги прошел он немало,
Сделалась твердою почва; и стал на дороге не виден
След ни его, ни коров. Но один человек приметил,

- 355 Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пилос.
После того как коров преспокойно куда-то он запер,
Накуролесивши в разных местах в продолжение дороги, —
С черною сходяствуя ночью, залег он в свою колыбельку,
В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый
360 Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирал он.
А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
Видом твоих я коров не видал, и слухом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»

- 365 Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.
Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,
И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:

«Зевс, мой родитель! Всю правду, как есть, от меня ты
услышишь.

- Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
370 Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров, и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указанья приказывал мне с принуждением великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.
375 Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился, — он и сам это знает, —
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься
милым:
Если коров я домой пригонял — да не буду я счастлив!
380 И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелия я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю и вот этого чу. И ты знаешь
Сам, как невинен я в том. Поклянуся великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь, — невиновен!
385 А уж за обыск я с ним сосчитаюсь так или этак,
Будь он как хочешь силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»

- Кончил Киллениец и глазом хитро подмигнул Громовержцу.
Так и висела на локте пеленка, — ее он не сбросил.
Расхохотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
390 Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес чтоб указывал путь, как вожатый,
И чтоб привел Аполлона-владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрятал.

- 395 Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилья.

Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пилос песчаный, лежащий на брое Алфейском,
К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
400 Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подходя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро к Гермесу промолвил:

- 405 «Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать,—
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?
Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы ты вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»

Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
410 Руки. Но сами собою на нем распустились узы
И, перепутавшись, тотчас к ногам его наземь упали...

-
413 По измышленью Гермеса, лукавого бога. Увидел
Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргая,
415 Аргоубийца могучий оглядывал искоса местность...

.....
Спрятать пытаюсь. И очень легко, как желал, успокоил
Сердце он сына Лето многославной, царя-дальновержца,
Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
Плектром испробовал струны одну за другою. Кифара
420 Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
Радуюсь; в душу владыки с божественной силой проникли
Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
Смело сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
425 Вскоре, прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
Вечноживущих богов воспевал он и темную землю, —
Как и когда родились и какой кому жребий достался.
Первсю между богинями он Мнемосину восславил,
430 Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
Неукротимой любовью душа разгорелась Феба,
435 И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:

- «О скоторез, трудолюбец, искусник, товарищ пирушки,
Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
440 Дивные эти деянья тебе от рожденья ль присущи,
Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным этим
Даром тебя одарил, обучив богогласному пенью?
Слушаю я этот дивный, доселе неслыханный голос, —
Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
445 Ни из бессмертных богов, в Олимпийских чертогах живущих,
Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
Что за искусство? Откуда забвенья забот с ним приходит?
Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
Светлую радость духа, любовь и сон благодатный.
450 Сопровождаю и сам я божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.
Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
Больше, чем к этим деяньям искусным, явленным тобою.
455 Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
Ныне же славу великую ты меж бессмертных получишь, —
Верно тебе говорю я, — и сам ты, и мать твоя также.
460 Этим тебе я клянуся кизиловым дротиком крепким:
Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую!»

Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:

- «Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
465 Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
Нынче ж узнаешь. Желаю тебе от души угодить я
Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно.
Ибо на первом ты месте сидишь меж богов всеблаженных,
Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
470 Зевс-промыслитель. По праву так много даров и почета
Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умешь
С голоса Зевса-отца: ведь все прорицанья от Зевса.
Ныне ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
Выбор свободный тебе — обучаться чему пожелаешь.
475 Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты, —
Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.
Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу,
Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.

- 480 С нею ты будешь желанным везде — и на пире цветущем,
И в хороводе прелестном, и в шествии буйно-веселом.
Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши, —
Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
485 Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
И от работы несчастной забудется. Если же неуч
Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
Выбор свободный тебе — обучаться чему пожелаешь.
490 Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.
И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится,
495 Как бы о выгоде ты ни заботился, гневаться слишком!»

Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Майи.
В левую руку тотчас же кифару Гермесову взявши,
500 На многоснежный Олимп воротились, в собрание бессмертных,
Лирою тешась. И радость взяла промыслителя-Зевса.

.....
Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
Милую дав Дальновержцу кифару как знаменье дружбы.
510 И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.

И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:

- «Очень боюсь я, сын Майи, вожатый, на выдумки хитрый,
515 Как бы кифары моей не стянул ты и гнутого лука:
Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
Производить между смертных людей на земле многодарной.
Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты, —
Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою, —
520 Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».

И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
Не воровать никогда ничего из имущества Феба,
Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный —

- 525 В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных —
Ни человек, от Кронида рожденный, ни бог.

«Превосходным

- Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я
Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из золота.
- 530 Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.
Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь,
Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
- 535 Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
Знать ни единый не будет решений обдуманных Зевса.
Так не настаивай также и ты, златожезленный брат мой,
- 540 Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещи мысли.
Вред я несу одному человеку и пользу другому:
Много имею я дела с родами несчастными смертных.
И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
Лету и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
- 545 Тот от оракула пользу получит, не будет обманут,
Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги, —
Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
- 550 Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодаеть!
Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,
Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы.
Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
- 555 А обитают они в углубленье Парнасской долины,
Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
К сотам они приникают и каждый дотла очищают.
- 560 Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда, —
Всею душою хотят говорить они чистую правду.
Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,
Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
- 565 Тешь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
На попеченье прими лошадей и выносливых мулов...

- Огненноокие львы, белоклыкие вепри, собаки,
570 Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, —
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
Быть лишь ему одному посланцом безупречным к Аиду.
Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».

- Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
575 Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.

- Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
580 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

К ДЕМЕТРЕ

- Пышноволосяю петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
Аидоней, с изволения пространно гремящего Зевса.
Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
5 В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы, -- цветок, из себя порожденный Землею,
По наущению Зевса, царю Полидекту в угоду,
10 Чтоб цветколицую деву прельстить — цветок благовонный,
Ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
15 Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины и прынул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
20 Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных.
Слышала только из темной пещеры Персеева дочь,
25 Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос-царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида-отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,
От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.

- 30 Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя,
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.
Все же, покамест земля и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
- 35 С глаз не исчезли у девы, — надежды она не теряла
Добрую мать увидеть и племя богов вековечных:
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...
-
- Ахнули тяжко от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услышала.
- 40 Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Разодрала на бессмертных она волосах покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремилась по суше и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
- 45 Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.

- Девять скиталася дней непрерывно Део пречестная,
С факелом в каждой руке, обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,
- 50 Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, державшая светоч, —
Вествуй матери, слово сказала и так взговорила:

- «Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра!
- 55 Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно
Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слыхала, однако не видела глазом,
Кто похититель ее. По совести все говорю я...»

- Так говорила Геката. И ей не ответила речью
- 60 Реи прекрасноволосая дочь, но вперед устремилась
С факелом в каждой руке, в сопутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю мать:

«Гелиос! Сжался над видом моим, если словом иль
делом

- 65 Я хоть когда-нибудь сердце и душу тебе утешала.
Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом, —
Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,

- Словно бы как от насилья, однако не видела глазом.
 Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
 70 Все озираешь ты сверху — широкую землю и море.
 Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду.
 Кто из бессмертных богов иль, быть может, из
 смертнорожденных,
 Быстро схватив ее, силой похитил от матери тайно».

Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:

- 75 «Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
 Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве
 Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
 В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков
 собиратель.
 Брату Анду назвать твою дочь цветущей супругой
 80 Зевс разрешил, и ее он, вопящую громко, схвативши,
 В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
 Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
 Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
 Зятем себе считаешь властителя Аидонея,
 85 Единокровного брата родного? Притом же и чести
 Он удостоен немалой, как натрое братья делились.
 С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».

- Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
 Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
 90 Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала,
 Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зевса.
 Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
 Долго она по людским городам и полям плодоносным
 Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
 95 Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
 Прежде чем в дом не пришла она храброго духом Келея
 (Был в это время царем благовонного он Элевсина).
 Сердцем печалуюсь милым, богиня близ самой дороги
 У Парфенейского села колодца, где граждане воду
 100 Черпают, — села в тени под оливковым деревом, образ
 Древней старухи приняв, для которой давно уже чужды
 Венколюбивой дары Афродиты и деторожденье.
 Няни такие бывают у царских детей или также
 Клкчницы, в гулко звучащих домах занятые хозяйством.
 105 Дочери там элевсинца Келея ее увидали.
 Шли за водою они легкочерпною, чтобы, сосуды
 Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.

- Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом, —
Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
110 И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).
И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:

- «Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
115 В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».

Так говорили. Ответила им пречестная богиня:

- «Милые детки! Кто б ни были вы между жен
малосильных,
120 Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне
непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная мать.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле своей. Но, помимо желанья,
125 Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикосу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, улаждающей душу, стремилось.
130 Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
135 Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших, —
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участие и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем
140 Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорождённым ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Стлала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».

- 145 Тотчас ответила ей Каллидика, не зная мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:

- «Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
150 Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,
Долиха, и Поликсена, и знатного родом Евмолпа,
155 Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда,
Видом твоим пренебрегши, твое предложение отвергнет.
Все тебя примут охотно: богине ты видом подобна.
160 Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
Всё подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
В дом наш тебя и к другим обращаться тебе не придется.
Сын у нее многомилый в чертоге, устроенном прочно,
165 Позднорожденный растет, горячо и издавна желанный.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

- Так говорила. Она головою кивнула. И девы
170 Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.
Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
Матери все сообщили, что видели, что услышали.
Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
175 Прыгают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
Так понеслись по дороге ушелистой девы, руками
Тщательно складки держа прелестных одежд; развевались
Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
180 С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
Черный вокруг ее ног развевался божественно легких.
Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
185 И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
Мальчика, отпрыск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
190 Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.

- Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
- 195 Пестрый тогда ей придвинула стул многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
Села богиня, держа пред лицом покрывало руками.
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом.
- 200 Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,
Мучаясь тяжелой тоскою по дочери с поясом низким.
Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:
Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
- 205 Милой с тех пор навсегда ей осталась и в таинствах Ямба.
Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
- 210 Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:

- «Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
Ты приходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
- 215 Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я.
Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
- 220 Поздно его и неожиданно, его горячо я желала.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Тотчас прекрасновечная ей отвечала Деметра:

- 225 «Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастье боги!
Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,
Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки,
Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
Противоядь я знаю сильнее, чем всякие травы,
- 230 Знаю и против вредительских чар превосходное средство».

Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

- Вскармливать стала богиня прекрасного Демофонта,
 Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
 235 Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным.
 Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
 Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
 Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
 Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,
 240 Словно как факел, она погружала, и было им дивно, —
 Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
 И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
 Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
 Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
 245 Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
 В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
 Проговорила слова окрыленные в горе великом:

«Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя
держит,
 Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»

- 250 Так говорила, печалась. Услышала это богиня.
 Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной.
 Милого сына, царицей неожиданно рожденного на свет
 В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
 Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
 255 И взговорила при этом к Метанире с поясом пышным:

- «Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
 Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
 Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
 Клятвой богов я клянуся, водой беспощадною Стикса, —
 260 Сделать могла бы навек нестареющим я и бессмертным
 Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
 Ныне же смерти и Кер уж избежать ему невозможно.
 В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
 К нам он всходил на колени и в наших объятиях спал он.
 265 Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору
 Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
 Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...

 Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
 Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
 270 Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник
в храме
 Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,

Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой
склоняли».

- 275 Так сказала богиня и рост свой и вид изменила,
Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
280 Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
285 С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
290 Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далеко до прежней!

- Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилось утро,
Все рассказали Келею широкодержавному точно,
295 Что приказала Деметра прекрасновечная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемся храм богатейший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
300 Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
После того как исполнили все и труды прекратили,
Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра
Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
Мучаясь тяжелой тоскою по дочери с поясом низким.

- 305 Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновечная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
310 С голоду племя погибло б людей, говорящих раздельно,
Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,

- Если бы Зевс не размыслил и в сердце решенья не принял.
Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
315 Пышнокудрявую, милую видом Деметру-богиню.
Так он сказал. И, словам чернотучего Зевса-Кронида
Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь
пространство,
В город сошла Элевсин, благовонным куреньем богатый,
В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
320 И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:

«Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
Ты же иди, — да не будет напрасным Кронидово слово!»

- Так говорила, прося. Но душой не склонилась богиня.
325 Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили,
Звали богиню и много дарили даров превосходных,
Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждущих.
Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
330 Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
На благовонный Олимп и ногою, сказала, не ступит,
Черной земле не позволит плода ни единого выслать,
Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.

- Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремящий,
335 Тотчас отправил в Эреб златожезлого Аргоубийцу,
Чтобы, приятною речью хитро обольстивши Аида,
Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
На свет, в собранье богов, чтоб, ее увидавши глазами,
Мать оскорбленная гнев свой великий в душе прекратила.
340 И не ослушался Зевса Гермес, но в глубины земные
Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
Аидонея-владыку нашел он в подземных чертогах;
С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным
345 Все еще дух волновался ее на решение бессмертных.
Близко представши, могучий сказал ему Аргоубийца:

- «Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
Зевс мне, родитель, велел достославную Персефонею
Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
350 Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.
Ибо великое дело душою она замышляет, --
Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,

Скрывши в земле семена, и лишить олимпийцев бессмертных Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
355 Знаться с богами. Сидит вдалеке средь душистого храма, Город скалистый избрав Элевсин для себя пребываньем».

Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших, Аидоней, и, послушный веленьям властителя Зевса, Персефонее разумной тотчас же отдал приказанье:

360 «К матери черноодежной немедля иди, Персефона, Кроткую силу и благостный дух во груди сохраняя. И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля. Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом, Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
365 Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит, Почести будешь иметь величайшие между бессмертных. Вечная кара постигнет того из людей нечестивых, Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».

370 Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших Зернышко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда, С замыслом тайным, чтоб навек супруга его не осталась Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
375 Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую. На колесницу богиня вступила. И, в милые руки Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов Аргоубийца могучий; охотно они полетели.
380 Быстро великий проделали путь; ни широкое море Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья. Поверху резали воздух они высоко над землею. Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
385 Остановил он, — пред храмом душистым. Она же, увидев, Ринулась, словно менада в горах по тенистому лесу. А Персефона. Матери милой своей. Бросилась.
390 Ей же

«Дочь моя...

Пищи. Скажи откровенно

395 Ибо тогда, возвратившись,
 Подле меня и отца твоего чернотучего Зевса
 Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтима всеми.
 Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года
 Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней.
 400 Две остальные — со мною, а также с другими богами.
 Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо
 Черную землю покроют, — тогда из туманного мрака
 Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.

 Также о том, как тебя обманул Полидегмон могучий».

405 Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:

«Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.
 После того как Гермес-блագдавец, глашатай проворный,
 Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных
 К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,
 410 Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила, —
 Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку
 Сунул зерно мне граната он в руку, — сладчайшее вкусом, —
 И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
 Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
 415 Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство, —
 Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
 Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.
 Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра,
 Также Мелита и Яхе, Родея и Калироя,
 420 Тиха, Мелббосис и цветколикая с ней Окироя.
 И Хризеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
 Также Родопа, Плуту и прелестная видом Калипсо,
 С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
 Дева-Паллада, к сражениям зовущая, и Артемида
 425 Стрелолобивая — все мы играли, цветы собирали,
 Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,
 Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
 Также нарциссы, коварно землею рожденные черной.
 Радуюсь сердцем, цветок сорвала я. Земля из-под низу
 430 Вдруг раздалась. Взвился из нее Полидегмон могучий.
 Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
 Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
 Хотя и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,
 435 Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
 Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.

Радость взаимно они получали и радость давали. Дева-Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем; Чистую дочь Деметры в объятия она заключила.

440 С этой поры ей служанкой и спутницей стала парига.
С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно
гремящий,

Пышноволосяю Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
В сонм олимпийцев обратно она привела, обещаясь
Почести ей даровать величайшие между бессмертных.

445 Постановил он, чтоб дочь ее в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.
Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.

Быстро покинув вершины Олимпа, она испустилась

450 В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотоле,
Но живоносным теперь уже не был. Без зелени, дикий,
Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
Как порешила Деметра прекраснолодыжная. Вскоре,
С новой весной, предстояло, однако, опять ему пышно

453 Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
Радуюсь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
И взоговорила к ней вот как блестящеодежная Рея:

460 «Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно
гремящий,

В сонм олимпийцев тебя призывает вернуться и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.

Постановил он, чтоб дочь твоя в продолжение года
Третью проводила одну в многосумрачном царстве подземном,

465 Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
В гнев своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живоносные зерна немедля!»

470 Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.

Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
Зеленью буйной, цветами широкую землю одела
Щедра. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам

С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,

475 Силе Евмолпа, а также владыке народов Келею, —
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов

- Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают.
- 480 Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
Тот же, кто им непричастен, по смерти не будет вовеки
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном.
Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
С матерью вместе на светлый Олимп, в собрание
бессмертных.
- 485 Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:
Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель
Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.
- 490 Вы же, под властью которых живут Элевсин благовонный,
Парос, водой отовсюду омытый, и Антрон скалистый, —
Ты, о царица Део, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей, —
Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню!
- 495 Ныне ж, вас помянув, я к песне другой приступаю.

ФИЛОСОФСКИЙ ЭПОС

В VI в. до н. э. бурное развитие философии и науки в греческих колониях вызвало к жизни особую разновидность дидактического эпоса: философские поэмы. Уже начиная с Гомера и Гесиода в сознании греков крепнет внушаемое самими поэтами и находящее отклик в умах современников представление о поэте как о проводнике божественного разума и божественной воли. Это представление активно использовали философы в своих бесконечных спорах. Античные авторы сохранили несколько недостоверных свидетельств о поэзии откровений, основным содержанием которой были путешествия в некие заоблачные выси, где знание обо всем можно получить непосредственно от божества. Неизвестно, существовала ли такая поэзия в действительности, но нечто подобное, очевидно, должно было возникнуть среди первых философов, готовых любыми средствами отстаивать истинность собственных взглядов на окружающий мир. Философы используют поэзию, чтобы вписать себя в ряды «посланцев божества», а свою философскую систему представить как воспринятую в акте божественного откровения. Важным элементом поэтики философского эпоса является поэтому обращение к Музе или иному богу — вдохновителю мудрости. Для нас первый памятник такого рода — философско-дидактическая поэма Парменида Элейского. За Парменидом следует сицилиец Эмпедокл, автор двух больших философских сочинений в стихах. После V в. до н. э. этот жанр почти исчез: боговдохновенность перестала быть аргументом в философском споре (Лукреций является исключением). Однако «научная» поэзия (поэмы о небесных явлениях, медицине и даже гастрономии) сохраняется вплоть до поздней античности и переходит в средневековую литературу.

М. М. Позднев

Парменид

(V в. до н. э.)

Парменид — древнегреческий философ, занимающий особое место в ряду мыслителей VI—V вв. до н.э. Точных дат его жизни мы не знаем, — родился не позднее 515 г. в городе Элея в Южной Италии. Акмэ — первая четверть V в. Визит философа в Афины вместе с учеником Зеноном, описанный Платоном в диалоге «Парменид», имел место около 445 г. Приблизительно в 450 г. Парменид выступил в качестве законодателя своего родного города. Жители Элеи соблюдали его законы в течение нескольких столетий.

Парменид первым заговорил о необходимости различать истинное (достоверное, раздельное) и ложное (недостоверное, смешанное) суждение и попытался построить истинное суждение. Эта попытка привела Парменида к мысли о достоверном существовании единичного сущего, или бытия, в противовес множественному квазисущему, которое у Парменида, соответственно, получает статус небытия. Мнимое существование небытия обнаруживается лишь в иллюзорно-истинных утверждениях вроде «Земля есть шар». Сказав так, мы допустили существование двух вещей и, кроме того, имплицитно подразумеваем существование еще целого множества вещей, которыми Земля не является. Однако мы не знаем, есть ли они, а следовательно, не знаем, истинно ли наше суждение. Таким образом, ситуация незнания неизбежна. В этой строгой системе мы тем более не можем утверждать: «Земля есть», так как данное утверждение подразумевает небытие чего-то («чего-то нет»), а это заведомо невозможно. Поэтому с претензией на истину мы можем сказать только «бытие есть», или просто «есть». Парменида по праву считают основателем метафизики, а иногда с некоторым преувеличением называют даже отцом философии. Его система настолько сложна, что уже Платон испытывает перед Парменидом трепет.

Свои идеи Парменид изложил в поэме (условное название «О природе»), текст которой дошел до нас лишь в цитатах поздних авторов (Симплиций, Секст Эмпирик, Климент Александрийский, Прокл и др.). Тем не менее можно с уверенностью говорить, что по крайней мере треть поэмы мы имеем в надежной традиции. Композиционно поэма делится на пролог и две большие части; в первой излагается критика существующей философской картины мира

и представление Парменида о правильном способе мышления, а во второй — взгляды философа на устройство вселенной. Со второго по шестой и после 12-го фрагмента текст поэмы представляет собой лишенные контекста отрывки, взаимное расположение которых неясно. Здесь получает развитие основной тезис о «двух путях». В 7-м и 8-м фрагментах система предстает в развернутом виде, излагается учение о бытии, то есть «путь истины», или «достоверности». Начиная с 50-го стиха 8-го фрагмента рассматривается «путь мнения» или «кажимости». Мотивы, побудившие Парменида подробно трактовать физику после того, как реальность физического мира была поставлена под сомнение, нам неизвестны.

К сожалению, поэму Парменида невозможно перевести в стихах так, чтобы был передан смысл его рассуждений. То, что Парменид облек свою революционную онтологию в художественную форму, ставилось ему в вину уже античными авторами. Все существующие поэтические переводы Парменида, несмотря на отдельные удаchi, содержат катастрофические для общего хода мысли неточности. Впрочем, без таковых вообще нельзя обойтись, так как по большинству вопросов интерпретации текста Парменида не достигнуто единого мнения. Признав — в порядке исключения — примат мысли над формой, мы даем прозаический перевод, по возможности эквилибренный.

М. М. Позднев

О ПРИРОДЕ

ПРОЭМИЙ

Фр. 1. <Путь богини. Колесница. Врата. Встречи с богиней.>

Кобылицы, те, что носят меня, устремили к крайним
пределам разума,
когда вступили вместе со мной на обильную речами дорогу
богини,
которая одна через все вещи несет наделенного знанием мужа.
По этой дороге меня уносило. Ведь по ней несли меня
смышленные кобылицы,

5 влекущие колесницу, а направляли их девы.

Ось же издавала резкий звук свирели,
дымясь во втулках (ибо два округлых колеса
двигали ее, вращая с обеих сторон), всякий раз, когда
поспешали направить

колесницу девы — дочери солнца, покидающие дом ночи,

10 к свету, отведя руками покрывала с голов.

Там ворота между путями ночи и дня,

и они охвачены притолокой и каменным порогом.
 К эфирным вратам плотно пригнаны огромные створы,
 от которых двойные ключи имеет воздающая сверх меры
 Справедливость.

- 15 Но девы, склонив ее умягчающими речами,
 уговорили отодвинуть для них замыкаемый болтами засов,
 который мгновенно откинула она от ворот. Ворота же
 отверзли широкий зев раскрытых створов, повернув
 поочередно в чашках
 прилаженные петли из сплошной меди,
 20 скрепленные шипами и скобами*. Сюда, прямо в проселок ворот,
 вдоль по широкой дороге направили девы колесницу и коней.
 И меня благосклонно приняла богиня, взяла
 за правую руку и молвила, обратившись ко мне, такое слово:
 «О юноша, в сопровождении бессмертных возниц
 25 и тех коней, которые носят тебя, достигший нашего дома,
 радуйся! Ибо отнюдь не злая судьба послала тебя вперед
 на этот путь (а он ведь действительно лежит вне тропы людей),
 но право и справедливость. Все нужно тебе узнать,
 будь это незыблемая сердцевина прекрасно закругленной
 истины
 30 или мнения смертных, в которых нет истинной правды.
 Но так или иначе ты узнаешь и их; узнаешь, что всем этим
 мнимым вещам,
 проникающим всюду, следует быть кажущимися.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Фр. 2. <Основная посылка: два пути.>

Итак, давай я скажу — ты же, слушая речь, следи за выводами —
 о том, какие пути исследования единственно возможны для
 мысли.

Один: «существует» и «не может не существовать» —
 является стезей убеждения; ведь убеждение следует очевидному.

- 5 А другой: «не существует» и «не должно существовать» —
 это такой путь, о котором я говорю тебе, что узреть его
 вообще нельзя.

Ибо то, что не существует, и никак не распознаешь (ведь
 оно недостижимо),

И не отразишь в мыслях

<...>

* Ворота, охранять которые в качестве «привратницы» поставлена богиня Дика, открываются вовнутрь. Косяк сделан из эфира; засов крепится к нему с двух сторон; отсюда два ключа.

Фр. 3. <Одно из пояснений основной посылки.>

<...> Поскольку одно и то же дано для того, чтобы вещь
мыслить и чтобы вещью быть*.

Фр. 4. <Методический совет в связи с основной посылкой.>

Ты же смотри, что отсутствующее все же неотъемлемо
присутствует в уме.

Ибо ты не отделишь Бытие от сопричастности Бытию,
Пусть оно все рассеяно повсюду согласно порядку
Или собрано вместе
<...>

Фр. 5. <Попутная характеристика верного способа рассуждения.>

<...> А для меня безразлично,
Откуда я начну; ведь туда же я приду снова.

Фр. 6. <Верный путь и поведение людей.>

Необходимо и говорить, и мыслить, что есть Бытие. Ибо
существует Бытие,
тогда как Ничто не существует. Эти вещи я велю тебе
обдумать,
потому что от первого пути исследования <я предостерегаю>
тебя...

А также и от той дороги, по которой блуждают ничего не
ведающие смертные

5 о двух головах. Ведь беспомощность руководит
в их груди блуждающим умом. А они носятся,
глухи и слепы, в тупом изумлении, бессмысленные толпы,
у которых быть и не быть считается одним
и не одним, и все дороги ведут то туда, то обратно.

Фр. 7. <Путь истины.>

Ибо никогда не заставить считать, что несуществующее
существует.

Ты, однако, удержи разум от такого пути исследования,
и пусть не наставит тебя на этот путь многоопытная
привычка, пусть не заставит она
направлять на вещи невидящее око и наполненный пустым
звоном слух

5 и язык. Пользуйся же разумом, судя об оспариваемом многое
доказательстве, которое изречено мной.

* Неясное вне контекста место. Несмотря на свидетельство Прокла, исключена интерпретация в картезианском духе: «мыслить и быть одно и то же».

Фр. 8. <Продолжение. Характеристика Бытия. Переход к «пути мнения».>

А только одно слово о пути

осталось сказать: «существует». Есть же на этом пути
весьма многие вехи: что Бытие не возникло и что оно

неуничтожимо,

целокупно, однородно, недвижимо и замкнуто в себе.

5 Никогда его не было, и никогда не будет, так как оно все
вместе есть сейчас,
одно, совокупное. Какое же возникновение ты отыщешь для
него?

Откуда и как могло бы оно вырасти? Из несуществующего?

Этого я не позволю

тебе ни сказать, ни подумать. Ведь ни сказать, ни подумать
нельзя, что «не существует». Да и какая нужда побудила бы

Бытие,

10 даже если бы оно началось ни из чего, произойти позднее
или раньше?

Таким образом, ему следует или совсем не быть, или быть
всему целиком.

И также не допустит сила достоверности, чтобы из

несуществующего

возникало нечто рядом с ним. Так что возникнуть

или погибнуть запретила Бытию Справедливость,

не ослабляющая пут.

15 Но она держит его крепко. Рассудить же об этих вещах
можно так:

«существует» или «не существует». Следовательно,

по необходимости решено

оставить один путь как немыслимый и ненарекаемый, ибо он
противоречит очевидности,

а другой принять как существующий и согласный с правдой.

Как же может Бытие быть после чего-то? Как может оно

становиться?

20 Ведь если оно стало, значит, оно не существует, и точно так
же, если оно собирается быть.

Так вот, стерто его возникновение и неизвестна гибель.

И оно нераздельно, так как все оно подобно самому себе.

И нигде его не больше — это помешало бы ему быть

совокупным —

и не меньше, но все оно наполнено Бытием.

25 Поэтому оно все совокупно. Ведь Бытие приближено к Бытию.

А еще оно недвижно в путах огромных оков

без начала, без конца, поскольку возникновение и гибель
изгнаны далеко прочь, а удалила их очевидность

доказательства.

- Оставаясь самотождественным, оно находится на одном
и том же месте само в себе
30 и на этом самом месте пребывает устойчиво. Ибо могучая
необходимость
держит его в оковах предела, который охватывает его кругом,
потому что неправильно Бытию быть незавершенным.
Ибо у него нет ничего, в чем бы оно нуждалось. А Небытие
нуждалось бы во всем.
А мыслить вещь и мысль о том, что вещь существует, — одно
и то же.
- 35 Ведь без Бытия, в котором сказывается мышление,
ты не найдешь мысли. Поскольку нет и не будет ничего
другого вне Бытия, раз уж Мойра связала его
с существованием целокупным и недвижимым. Поэтому все
называется Бытием*,
что только смертные ни назвали, убежденные в очевидности
того,
- 40 что оно возникает и гибнет, существует и нет,
переходит на другое место и изменяет яркий цвет.
Ну а в силу того, что у Бытия есть крайний предел, оно
является завершенным
со всех сторон, схожее с телом совершенно круглого шара,
везде, начиная с середины, равной силы. Потому что ни
большим в чем-то,
45 ни в чем-то ослабленным там или тут оно не должно быть.
Ведь нет же Небытия, которое могло бы помешать ему
достигнуть
подобного себе, как невозможно и чтобы Бытие
было там больше, а тут меньше Бытия, так как оно само от
себя неотторжимо.
Ибо оно остается в своих пределах, отовсюду полностью
равное себе самому.
- 50 На этом месте я заканчиваю говорить тебе достоверные слова
и мысли
о том, что истинно. Далее узнавай мнения смертных,
внимая обманному порядку моих речей.
Ибо люди решили называть две формы,
из которых невозможно сделать одну (в этом их
заблуждение).
- 55 Они разделили тело по противоположностям и положили
для них признаки
отдельно друг от друга. Для одной формы пламя эфирного
огня,
мягкое, очень легкое, во всех направлениях самотождественное,

* Возможен перевод: «все является лишь именами».

но другому не тождественное, а кроме того, это другое, также
 само по себе,
 по противоположности — темная ночь, тело густое и тяжелое.
 60 Я изложу тебе весь этот кажущийся истинным миропорядок,
 чтобы никакое мнение смертных никогда не сбило тебя
 с дороги.

Фр. 9. <Мнение людей о свете и ночи.>

Ну а с тех пор, как однажды все было названо Светом
 и Ночью
 и по их свойствам получила имя та или иная вещь,
 все преисполнено одновременно и света, и беспросветной ночи,
 равным образом и тем и другим, так как нет ничего,
 не свойственного каждому из них.

Фр. 10. <О космологии.>

Ты же узнаешь природу эфира, и все сущие в эфире
 знаки, и пагубные деяния чистого
 факела сверкающего солнца, и откуда именно они берут начало,
 и ты поймешь также вращающуюся работу круглоликой луны
 5 и ее природу; ознакомишься с окружающим небом:
 отчего оно возникло, а также — как движущая им
 необходимость связала его так,
 чтобы оно держало границы звезд
 <...>

Фр. 11. <Продолжение.>

<...> Как Земля, и Солнце, и Луна,
 и весь эфир, и небесное молоко, и самый дальний Олимп,
 и жаркая сила звезд были вынуждены появиться.

Фр. 12. <Продолжение.>

Ибо более узкие <кольца> наполнились несмешанным огнем,
 А те, что за ними, — ночью; из них выпущена часть огня.
 А в их середине — богиня, которая правит всем.
 Ведь она везде правит мучительным рождением и смешением,
 5 посылая женское к мужскому для смешивания и, наоборот,
 снова
 мужское к женскому
 <...>

Фр. 13. <Продолжение. Теогония.>

Первым из всех богов она измыслила Эрота.

Фр. 14. <Продолжение.>

Светящийся в ночи чужеродный свет, блуждающий вокруг
 Земли.

Фр. 15. <Продолжение.>

Всегда оглядывающаяся на солнечные лучи.

Фр. 16. <Антропология.>

Ибо какова каждый раз смесь блуждающего телесного состава,
Таковым людям достается и ум. Поскольку одно и то же
Есть то, что природа телесного состава думает
И во всех людях, и в каждом человеке. Ведь полнота есть
мышление.

Фр. 17. <Продолжение.>

С правой стороны юношей, а с левой — девиц.

Фр. 18. <Продолжение.>

Когда мужчина и женщина смешивают семена любви,
Преобразующая сила, сохраняя пропорцию,
Из различной крови формирует правильно составленные тела.
Ведь если две силы стали бы сражаться в смешанном семени
5 и не создали бы одной в смешанном теле, то они жестоко
разрушат двойным семенем рождающийся пол.

Фр. 19. <Заключение второй части.>

Так, согласно мнению, произошли эти вещи и таковы они
теперь,
И, начиная с настоящего, они затем будут расти и погибнут.
А каждой из них люди дали определенное имя.

Эмпедокл

(ок. 494—434 гг. до н. э.)

Эмпедокл — одна из самых ярких фигур в духовной жизни Греции первой половины V в. до н. э. Он был прорицателем и физиологом, натурфилософом, врачом и поэтом. Родом из сицилийского г. Акраганта, аристократ по рождению, он принимал деятельное участие в политической жизни своего полиса. Отец философа, Метон, был защитником тирании, Эмпедокл же стал на сторону аристократии (ему даже был предложен титул царя). После падения правительства аристократов Эмпедокл уехал из Акраганта. Он умер на Пелопоннесе. Бытовала легенда о том, что Эмпедокл бросился в огненный кратер Этны, чтобы соединиться с божеством. Не исключено, что философ сам распространял слухи о таком намерении. Известно, что он любил эпатировать публику и даже изображал из себя бога!

Сохранились большие фрагменты двух поэм Эмпедокла: «О природе» и «Очищения». В первой из них излагается космология. Здесь переплелись различные философские течения; Эмпедокл предпринял попытку примирить монизм Парменида и теории первоэлементов, выдвигавшиеся ионийской философией (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен). Постулируется наличие четырех персонифицированных элементов, или «корней»: огня (Зевс), воды (Гера), земли (Лидоней, или Аид) и воздуха (Нестис — вероятно, сицилийская богиня). Элементы смешиваются и разделяются под воздействием двух сил — любви и ненависти, причем подобное всегда притягивается подобным. Эмпедоклова схема дышит мифологией. Любовь стягивает элементы в «сферу», мыслимую как протовселенная, что-то вроде космогонического яйца орфиков. Из «сферы» элементы снова выделяются, теперь под действием ненависти, так что стабильность недостижима. На этом основании Эмпедокл строит довольно пространную физику и, в частности, антропологию. Последняя основана на представлении о гомеостазе четырех элементов в человеческом организме, оказавшем огромное влияние на развитие медицины (вся т. н. сицилийская медицина и более узко — учение о четырех жидкостях в Гиппократовом корпусе).

«Очищения» — произведение совершенно иного рода. Здесь сказывается пифагореизм Эмпедокла. Религиозной стороне этого уче-

ния сицилийский философ явно сочувствовал. Растения и животных он делает вместилищем душ даймонов; говорит о переселении душ: искуплением и очищением измученные души освобождаются и просветляются. Эмпедокл-мистик до конца не понятен нам, так как его вероучение отражает религиозную философию жизнь VI в., о которой нам мало известно.

М. М. Позднев

О ПРИРОДЕ

Ты же послушай, Павзаний, разумного сыне Анхита!

<...>

Скудные средства познания нашим дарованы членам,
Множество скверн и напастей смущает пытливые думы.
Малый узрев лишь удел человеческой жизни злосчастной,
Гибнут, как дыма струя, скоротечных людей поколенья,
Сердцем постигнув лишь то, что каждому путь преградило
В суетной жизни стезе, а всякий мнит целое ведать:
Оку людскому незримо оно, ни уху невнятно,
Даже умом необъемлемо. Ты же, столь жадный к познанию,
Сведать готовься лишь то, что смертная мысль прозревает.

<...>

Но от глаголов моих отвратите безумцев гордыню,
Чистый источник из уст непорочных пролейте, о боги!
Ты же, молю, белорукая, многожеланная дева,
Муза, ко мне снизойди на послушной тебе колеснице,
Благоговейное слово неся краткодневным созданиям.
Нет, не заставит меня обольщение чести и славы
В мире сем тленном, смирения дерзко нарушив пределы
Речью греховною, к мудрости горним обителям вспрыгнуть.
Нет, но исследовать должен ты всячески, где что открыто,
Зрению вовсе не более веры давая, чем слуху,
Ни громогласному слуху не больше, чем ясному слову;
Ни остальных твоих членов, где только путь есть познанию,
Веры твоей не лишай, а исследуй, где что открыто.

<...>

Речь моя будет двоякая: ибо — то в множества недрах
Крепнет единство, то множество вновь прорастает в единстве.
Тленного также двояко рожденье, двояка и гибель:

Эту рождает и губит всеобщий порыв к единенью,
То же, разладом питаюсь, в нем вскоре конец свой находит.
Сей непрерывный обмен никак прекратиться не в силах:
То, Любовью влекомое, сходится все воедино,
То Враждой ненавистной вновь гонится врозь друг от друга.
Так, поскольку единство рождается без перерыва
В множества недрах, а множество вновь прорастает
в единстве, —

Вечно они возникают и нет у них стойкого века.
Но поскольку обмен сей никак прекратиться не в силах,
Вечно постольку они существуют в недвижимом круге.
Выслушай слово мое: возвращает учение разум.
Как я и раньше сказал, поясняя предел рассужденья,
Речь моя будет двоякая: ибо -- то в множества недрах
Крепнет единство, то множество вновь прорастает в единстве,
Огонь, и вода, и земля, и воздуха высь без предела,
Вне их Вражда смертоносная, всем равновесная порознь,
В них же Любовь, в ширину и в длину одинакая всюду.
К ней ты умом возносишь, покидая очей ослепленье.
Смертные членам своим врожденной ее почитают,
В ней дружелюбия, подвигов дружных находят источник,
Радостью и Афродитой богиней ее величая.
Но ни один смертный муж не познал, что она обегаёт
Недра стихий; ты же выслушай речи нелживой течение.
Все они равны и все одинаково древнего рода,
Всякой, однако ж, иное дано назначенье и всякой
Свойство иное: господствуют вечно они по порядку.
К ним ничто не прибавится, в них ничто не иссякнет:
Если бы гибли они непрерывно, их ныне б не стало.
Что и откуда тогда бы вселенную снова воздвигло?
Где ж и погибнуть бы им, если места от них нет пустого?
Так, все те же они; проникая, однако, друг друга,
В образах разных являются, теми же все оставаясь.

<...>

Ясно то можно узреть в совокупности членов телесных:
То, Любовью влекомые, сходятся все воедино
Органы бренного тела, в расцвете жизненной силы;
То, напротив, Раздором разъятые злым, каждый порознь
В шумном прибое житейского моря у берега блуждают.
Так у растений бывает, у рыб, населяющих воду,
Так и у горных зверей и у птиц, сих ладей окрыленных.

Но на свидетельства прежних речей обрати свои взоры,
Не было ль там уклонений от мысли, положенной нами.

Вот пред тобою горячее и лучезарное солнце,
Вот и бессмертная высь, сиянием дня залитая,
Вот и дождем нисходящая, темная, холодная влага,
Вот и в земле сокровенное твердое мира начало.
Все во Вражде разнovidны и гонятся врозь друг от друга,
Но в Любви сочетаются, страстью пылая взаимной.
Ибо из них все, что было, что есть, и все то, что будет:
В них прозябли деревья, из них стали мужи и жены,
Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
Также и боги из них, многочисимые, долгие днями.
Ибо все те же они, проницая, однако, друг друга,
В видах различных являются: столько их смесь изменяет.
<...>

ОЧИЩЕНИЯ

<...>

Други! о вы, что на склонах златого холма Акраганта
Град обитаете верхний, ревнители добрых деяний,
Злу непричастные, гостю почтенному кров и защита, —
Ныне привет вам! Бессмертному богу подобясь средь смертных,
Шествую к вам, окруженный почетом, как то подобает,
В зелени свежих венков и в повязках златых утопая.
Сонмами жен и мужей величаемый окрест грядущих,
В грады цветущие путь направляю; они же за мною
Следуют все, вопрошая, где к пользе стезя пролегает:
Те прорицаний желают, другие от разных недугов
Слово целебное слышать стремятся, ко мне обращаясь.
Подлинно тяжких страданий исполнена жизнь злополучных!

Стоит ли мне говорить, как о деле великом и важном,
Если я смог превзойти удрученных напастьми смертных?

Други! я знаю, что истину те заключают глаголы,
Ныне которые вам я поведаю; тягостно все же
Людям внедрение веры в их ум, подозрения полный.

Вещее слово Судьбы существует, издревле богами
Вечный закон установлен, скрепленный великою клятвой:
Если из демонов кто, долговечною жизнью живущих,
Члены свои обагрит нечестиво кровавым убийством,
Или же, грех совершив, поклянется преступною клятвой, —
Тридцать тысяч времен вдали от блаженных скитаться
Тот осужден, воплощаясь в различные тленные твари,
Тяжкие жизни пути изменяя в своих превращениях:

Ярость эфира в пучину морскую его увлекает,
Море на землю извергнуть стремится, земля же в сиянье
Яркого солнца, а солнце в эфирные вихри бросает.
Все принимают его, но гнушаются грешником страшным!
Ныне и сам я таков: изгнанник богов и скиталец,
Яростной внявший Вражде.

<...>

ЭЛЕГИЯ

В VII в. до н. э. в Греции наряду с эпическими жанрами начинает развиваться лирическая поэзия. Элегия — один из первых жанров греческой лирики. Ее характеризует особый стихотворный размер — элегический дистих, представляющий собой соединение гексаметра и пентаметра (название пентаметра неточно, поскольку стих содержит шесть метров, а именно две половинки гексаметра, разделенные характерной цезурой после пятой полустопы). Существует традиция, согласно которой элегия происходит из плача по покойнику. Действительно, словом «элегос» у Аристофана («Птицы», 218) и Еврипида («Елена», 184) названа жалобная песнь. Однако элегический дистих вряд ли был долитературной формой: он состоит из пар стихов, что не свойственно фольклору. Кроме того, в элегиях архаического периода звучат темы, имеющие мало общего с ламентациями: военные, политические, нравоучительные, философские, застольные, любовные. Надо полагать, что элегический дистих зародился на грани долитературного и литературного периодов, приблизительно в VII в. до н. э. Греческие поэты всегда интересовало, кто был архетипом того или иного дела, в частности кто первым изобрел тот или иной жанр. Что касается элегии, то, судя по тому, что александрийские граммматики отдавали первенство то Архилоху, то Каллину, то Тиртею, можно предположить, что они не знали других, более ранних элегиков, а перечисленные поэты жили в VII в. до н. э. Относительно места возникновения элегии ясности не было уже в античности. Однако скорее всего этот жанр малоазийского происхождения, ведь все элегии сочинялись на ионийском диалекте, независимо от того, где жил поэт, в Эфесе ли, в Афинах или в Спарте. Кстати, одна из этимологий слова «элегия» связывает его с армянским корнем «elegn-», означающим «тростник». Действительно, элегия исполнялась в сопровождении флейты, а игру на флейте греки заимствовали из Лидии, Фригии; она была известна в Вавилоне. Особенностью элегии было и то, что в отличие от эпических поэм, которые сопровождалась игрой на кифаре, и от монодических песен, которые пели под лиру или барбитон, для элегии требовались два исполнителя. Язык раннегреческой элегии полон гомеровских реминисценций, украшающих эпитетов, сравнений, формул и образов, характерных для гомеровских поэм. Элегия, безусловно, испытала и влияние Гесиода, особенно стихи Солона и Феогнида.

Е. Л. Ермолаева

Каллин

(VII в. до н. э.)

Сведения о Каллине мы черпаем из позднейших авторов. Страбон и Климент Александрийский сообщают, что он был старшим современником Архилоха. Такое заключение выводилось из того, что Каллин говорит о Магнезии (на Меандре) как о цветущем городе, а Архилох знает о ее разорении киммерийцами. Об этом нашествии Каллин упоминает как о современном ему событии. Отсюда вытекает, что Каллин родился в первой половине VII в. до н. э. Следует, впрочем, отметить, что лежащие в основе этого вывода соображения подвергаются сомнениям. Нашествие киммерийцев едва ли было одноактным событием; с другой стороны, не исключена возможность того, что Каллин после упоминания о расцвете Магнезии в прошлом изображал ее бедствия в настоящем.

Каллин, уроженец Эфеса в Малой Азии, является для нас одним из древнейших (если не самым древним) элегиком. Некоторое количество его стихов (немного больше 20) дошло до нашего времени в виде цитат у Страбона и Стобея. Среди фрагментов Каллина имеются и столь незначительные, что по ним нет возможности восстановить содержание целого стихотворения. Таковы обращение к Зевсу с мольбой пожалеть смирнейцев и напоминанием об их жертвоприношениях, упоминания о нашествии киммерийцев, о фракийском племени треров.

Более ясное представление о творчестве Каллина дает небольшой, с лакуной после первого четверостишия, отрывок из элегии военного содержания. Поэт обращается к молодежи с призывом воспрянуть духом и подумать о том, что война охватила всю землю. После лакуны ход мысли таков: долг каждого, даже умирающего, — метнуть копье. Почетно сражаться за родную землю, детей, супругу. Смерть придет тогда, когда ее напружат Мойры. Стихотворение заканчивается строками, восхваляющими доблестного мужа: весь народ оплакивает его смерть, а при жизни смотрят на него как на полубога. Композиция этого стихотворения — с возвращением к одним и тем же мыслям — является типичной для архаической элегии и архаических стихотворений вообще.

А. И. Доватур

Будете спать вы доколе? Когда мощный дух обретете,
Юноши? Даже людей, окрест живущих, и тех
Вы не стыдитесь средь лени безмерной? Вы мните, что в мире
Жизнь провождаете? Нет! — всюду война на земле!

.....
И достохвально и славно для мужа за родину биться,
Биться за малых детей, за молодую жену
С врагом злым. Смерть тогда лишь наступит, когда нам на долю
Мойры ее нарядут... Пусть же с поднятым копьем
Каждый стремится вперед и щитом свою грудь прикрывает,
Мощную духом, едва жаркий завяжется бой!
Ведь и судьбой решено, что никто из людей не избегнет
Смерти, хотя бы он был богом бессмертным рожден.
Часто, от битвы уйдя, от копейного стука, приходит
Ратник домой, и в дому смерть настигает его.
Только для города он ни желанен, ни дорог не будет;
Если ж погибнет храбрец, плачут по нем стар и млад.
Ведь крепкосердого мужа кончина — печаль для народа;
Если же он средь живых, все полубога в нем чтят,
И как на кремль, на него обращают сограждане взоры, —
Подвиги многих бойцов он совершит и один.

Тиртей

(вторая половина VII в. до н. э.)

Фигура поэта Тиртея стала уже в древности достоянием легенды. Существовало предание, согласно которому лакедемоняне, терпя неудачи во время второй Мессенской войны, обратились к дельфийскому оракулу и получили прорицание, по которому следовало призвать советчика из Афин. В ответ на просьбу спартанцев афиняне в насмешку послали им хромого учителя Тиртея. К удивлению афинян, этот человек своими элегиями поднял дух лакедемонских бойцов и тем самым стал виновником их победы над противниками. Историческая критика нового времени отвергает этот рассказ как тенденциозную выдумку афинян. С гораздо большим основанием можно говорить о спартанском происхождении Тиртея. Сам он причисляет себя к спартанцам: «покинув буруеваемый ветрами Эриней, мы прибыли на обширный остров Пелопса». Спартанского царя Феопомпа поэт называет «нашим царем, благодаря которому мы взяли Мессению». Страбон, опираясь, вероятно, на спартанскую традицию, называет Тиртея спартанцем. Вполне надежно определяется время жизни Тиртея. На основании собственных показаний поэта его следует отнести к VII в. до н. э., во второй половине которого происходила вторая Мессенская война (начало ее — около 640 г. до н. э.) Поэт называл себя в одном из утраченных произведений участником этой войны, может быть, даже в качестве полководца.

Поэтическое наследие Тиртея сохранилось главным образом в виде более или менее длинных выдержек у поздних авторов (оратор Ликург, Дион Хризостом, Плутарх, Павсаний, Стобей). В элегии, которую впоследствии называли «Благозаконие», излагались основы спартанского государственного строя. Самый город Спарту даровал спартанцам Зевс. Роль царей, геронтов и рядовых граждан установил Аполлон в вещании, исходившем от дельфийского оракула. Некоторые отрывки стихотворений Тиртея говорят нам о борьбе спартанцев с мессенцами. В одном фрагменте речь идет о покорении Мессении дедами при царе Феопомпе после девятнадцати лет войны; на двадцатый год мессенцы бежали, покинув великие Ифомские горы. В другом поэт рисует бедственное положение покоренных, вынужденных отдавать своим господам половину того, что приносит земля.

Ряд элегических отрывков Тиртея обращен к воинам. Прекрасно умереть, сражаясь за отечество среди передовых бойцов. Покинувший отечество и родные поля впадает в нищету и скитается с родителями, малыми детьми и женой. Его самого и его род ждет бесславие. Следовательно, нужно биться за родную землю и детей, не щадя своей жизни. Молодым подобает стойко сражаться, не думая о позорном бегстве; нельзя покидать в бою старых воинов. С позиций своеобразной эстетики смерти поэт противопоставляет привлекательный вид павшего в бою молодого человека безобразному зрелищу старца, испускающему дух во прахе. В конце — опять призыв стоять, твердо упершись ногами в землю и закусив губу (фрагм. 1.) Этот последний наказ повторяется в середине большого отрывка (в 38 стихов), в котором кроме уже встречавшихся у Тиртея мотивов находим упоминание о постыдном виде бежавшего с поля битвы воина, пораженного в спину вражеским копьем, и прямые наставления храброму воину относительно вооружения и поведения в бою. Еще больший отрывок (44 стиха) отражает взгляды граждан воинственного государства на доблесть. Ни физическая сила, ни быстрота ног, ни красивая внешность, ни богатство, ни царственность, ни красноречие не могут сравниться с воинской доблестью. Стойкий воин умеет ободрить других, находящихся рядом с ним в бою, и обратить в бегство фаланги противников. Погибнув в битве, он своей смертью прославит свой город, народ и отца. Граждане всех возрастов оплачут его, а его могила, дети, внуки и потомки, равно как и память о нем, навеки будут овеяны славой. Храбреца же, оставшегося в живых, ожидают со всех сторон уважение и внешние знаки почтения.

Кроме элегий древние приписывали Тиртею маршевые песни — эмбатерии. От них сохранилось несколько стихов в анапестическом ритме. Свои эмбатерии поэт, не связанный традицией, обязывавшей его в элегиях употреблять ионийский диалект, сочинял на родном, дорийском диалекте.

А. И. Доватур

Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья,
Родину-мать от врагов обороняя в бою;
Край же покинуть родной, тебя вскормивший, и хлеба
У незнакомых просить — наигорчайший удел.
Горе тому, кто бродить обречен по дорогам чужбины
С милой женою, детьми и престарелым отцом.
Впавший в нужду человек покрыл свое имя позором, —
Кто ему дверь отопрет, кто же приветит его?
Всюду несутся за ним восклицанья хулы и презренья,
Как бы ни был именит, как бы красой ни сиял.
Если скиталец такой нигде не находит приюта,
Не возбуждает ни в ком жалости к доле своей,

Биться отважно должны мы за милую нашу отчизну
И за семейный очаг, смерти в бою не страшась.
Юноши, стойко держитесь, друг с другом тесно сомкнувшись,
Мысль о бегстве душе будет отныне чужда.
Мужеством сердце свое наполнив, о ранах и смерти,
Подстерегающих вас, не помышляйте в бою.
Не покидайте своих товарищей, старших годами,
Духом отважных, но сил прежних лишенных, — увь!
Разве не стыд, не позор, чтобы, предан врагам молодежью,
Первым в передних рядах воин лежал пожилой,
Весь обнаженный, и прах подметал седой бороδοю,
Срам окровавленный свой слабой прикрывши рукой?
Право же, зрелища нет на свете ужасней, чем это;
И у кого из людей слез не исторгнет оно?
Тем же, чьи юны года, чьи цветут, словно розы, ланиты,
Все в украшенье, все впрок. Ежели юноша жив,
Смотрят мужи на него с восхищеньем, а жены с любовью;
Если он пал — от него мертвого глаз не отвесь.

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистой считая, а мрачных посланниц кончины
Милыми, как нам милы солнца златые лучи!
Опытны все вы в делах многослезного бога Арея,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжелой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;
Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!
Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступать между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
Труса презренного честь гибнет мгновенно навек:
Нет никого, кто бы мог до конца рассказать все мученья,
Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд!
Трудно решиться ведь честному воину с тылу ударить
Мужа, бегущего вспять с поля кровавой резни;
Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копья острием!
Пусть же, широко шагнув и ногами в землю упершись,
Каждый на месте стоит, крепко губу закусив,
Бедрa и голени снизу и грудь свою вместе с плечами
Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукою пусть он потрясает могучую пику,
Грозный шелома султан над головой всколебав;

Пусть среди подвигов ратных он учится мощному делу
И не стоит со щитом одолеть летающих стрел;
Пусть он идет в рукопашную схватку и длинною пикой
Или тяжелым мечом насмерть врага поразит!
Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан — о султан, шлем — о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется
с врагами,

Стиснув рукою копьё или меча рукоять!
Вы же, гимнеты, иль здесь, или там, под щиты припадая,
Вдруг осыпайте врагов градом огромных камней
Или мечите в них легкие копья под крепкой защитой
Воинов тех, что идут во всеоружии в бой!

Я не считаю достойным ни памяти доброй, ни чести
Мужа за ног быстроту или за силу в борьбе,
Если б он даже был равен киклопам и ростом и силой
Или фракийский Борей в беге им был превзойден,
Если б он даже лицом был прелестней красавца Тифона
Или богатством своим Мида с Киниром затмил,
Если б он был величавей Танталова сына Пелопа
Или Адрастов язык сладкоречивей имел,
Если б он славу любую стяжал, кроме воинской славы, —
Ибо не будет вовек доблестным мужем в войне
Тот, чьи очи не стерпят кровавого зрелища сечи,
Кто не рванется вперед в бой рукопашный с врагом:
Эта лишь доблесть и этот лишь подвиг для юного мужа
Лучше, прекраснее всех смертными чтимых наград.
Общее благо согражданам всем и отчизне любимой
Муж приносит, когда между передних бойцов,
Крепости полный, стоит, забывая о бегстве постыдном,
Жизнь и стойкий свой дух битве вверяя в борьбе,
Бодрость соседа в строю возбуждая отважною речью:
Вот какой муж на войне доблестью славен всегда!
Грозные вражьи фаланги он в бегстве тотчас обращает,
Быстро смиряет один бурную сечи волну!
Если он жизни лишится, в передних рядах пораженный,
Город, народ и отца доброю славой покрыв,
Спереди множество ран на груди могучей зияют:
Панцирь и выпуклый щит всюду пробиты копьем, —
Плачут по нем одинаково юные люди и старцы,
Город родной удручен тяжкою скорбью по нем,
Славится всюду могила его средь народа, и дети,
Дети детей и весь род славой покрыты навек.
Добрая слава и имя его никогда не погибнут:

В царстве Аида живя, будет бессмертен тот муж,
Коего сгубит ужасный Арей среди подвигов ратных;
В жарком бою за детей и за родную страну.
Если ж удастся ему избежать усыпляющей смерти
И, врагов победив, ратную славу стяжать,
Старый и юный его уважают, и, радостей жизни
Полную чашу испив, в мрачный Аид он идет.
Славится он среди граждан, старея; никто не дерзает
Чести иль праву его сколько-нибудь повредить.
Юноши, сверстники, старцы повсюду в собраниях народа
Друг перед другом спешат место ему уступить.
Этой-то доблести ратной высоких пределов достигнуть
Всякий душою стремись, не избегая войны!

Вперед, о сыны отцов, граждан
Мужами прославленной Спарты!
Щит левой рукой выставляйте,
Копьем потрясайте отважно
И жизни своей не щадите:
Ведь то не в обычаях Спарты.

Мимнерм

(вторая половина VII в. до н. э.)

Мимнерм (имевший прозвище Лигиастид — от слова *lig'u* — «звонко»), гражданин Колофона (в Ионии), жил во второй половине VII в. до н. э. Он был флейтистом. Скучными сведениями о нем мы обязаны поздним авторам — географу Страбону, Плутарху, «Суде». Он пережил утрату родным городом самостоятельности и подчинение лидийским царем. Фрагменты элегий Мимнерма сохранены Страбоном и Плутархом, а также Стобеем. Одна из книг его элегий была посвящена флейтистке Нанно. Среди произведений поэта была элегия с описанием битвы между гражданами Смирны и войском лидийского царя Гига. Мимнерм является основателем повествовательного вида элегии, за что его высоко ценили поэты эллинистической эпохи.

Ряд фрагментов Мимнерма носит на себе печать скорби по прошедшей юности. Жизнь без любви кажется ему невыносимой. Он предпочитает смерть старости, которая приносит только заботы, лишает человека способности наслаждаться лучами солнца и делает его безобразным, ненавистным юношам и женщинам (фрагм. 1). Люди подобны недолговечным листьям, рожденным весной; их подстерегают старость и смерть. Вместе с юностью уходит все хорошее; тогда лучше умереть, чем продолжать жить, так как это продолжение сулит одни только несчастья — одни страдают от бедности, другие — от отсутствия детей, третьи — от болезни (фрагм. 2). На разные лады поэт повторяет свою излюбленную мысль о горестях, ожидающих человека в старости.

В одном из стихотворений Мимнерм выражает желание «без болезней и тяжелых забот» в шестидесятилетнем возрасте встретить смерть (фрагм. 4). На это двустигийе Мимнерма Солон, его современник, ответил стихотворением (по крайней мере из четырех стихов), в котором предлагал колофонскому поэту («Лигиастиду») изменить число «шестьдесят» на «восемьдесят».

Некоторые фрагменты посвящены мифологическим сюжетам (бог Гелиос; Ясон и его поход в Колхиду). Один из отрывков принадлежал поэме, в которой воспевались основание и ранняя история

Колофона. Из поэмы «Смирнеида» до нас дошло три фрагмента. Самый большой из них содержит восхваление грека, храбро сопротивлявшегося лидянам.

А. И. Доватур

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе.
Сладок лишь юности цвет и для мужей и для жен.
После ж того, как наступит тяжелая старость, в которой
Даже прекраснейший муж гадок становится всем,
Дух человека терзать начинают лихие заботы,
Не наслаждается он, глядя на солнца лучи,
Мальчикам он ненавистен и в женах презрение будит.
Вот сколь тяжелою бог старость для нас сотворил!

В пору обильной цветами весны распускаются быстро
В свете горячих лучей листья на ветках деревьев.
Словно те листья, недолго мы тешимся юности цветом,
Не понимая еще, что нам на пользу и вред.
Час роковой настает, и являются черные Керы
К людям: у первой в руках — старости тяжкий удел,
Смерти удел — у другой. Сохраняется очень недолго
Сладостный юности плод: солнце взошло — и увяло.
После ж того как пленительный этот окончится возраст,
Стоит ли жить? Для чего? Лучше тотчас умереть!
Беды несчастные душу нещадно терзать начинают:
У одного его дом гибнет, идет нищета.
Страстно другому детей бы хотелось иметь, и, однако,
Старцем бездетным с земли грустно он сходит в Аид.
Душегубительной третий болезнью страдает. И в мире
Нет человека, кого б Зевс от беды сохранил.

Минет пора — и прекраснейший некогда муж пробуждает
Пренебрежение одно в детях своих и друзьях.

Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий
Лет шестьдесят, — а потом смерть бы послала судьба!

Солон

(ок. 634—559 гг. до н. э.)

Солон — древнейший аттический поэт. Происходил из знатного рода Кодридов, был известным государственным деятелем и законодателем.

Когда его отец разорился, Солон путешествовал, торговал, затем, поправив свое состояние, вернулся в Афины. В это время в государстве были раздоры и смута. Остров Саламин отошел к мегарцам, и говорить об этом, по преданию, запрещалось под угрозой смерти. Притворившись сумасшедшим, Солон произносит на агоре свою элегию «Саламин», призывая граждан избавить родину от позора этой потери. Стихи Солона возымели действие: его элегия стала оружием политической агитации, и Саламин был отбит.

Позднее Солон избирают архонтом (594 г. до н. э.), ему удается примирить враждующие партии, и он берется за преобразование законов. Законодательство Солон реформировало государственное устройство. Политическая поэзия Солон — важный источник для позднейших историков, в ней изображена его деятельность как государственного мужа. В элегии «Благозаконие» Солон говорит о том, что его родной город хранят боги. Длань Афины защищает город от бед, но сами граждане могут погубить его своим безрассудством. Солон предостерегает граждан, используя красочный язык сравнений и метафор: призывает «сушить растущие цветы безумия».

Солон интересовала не только политика. Поэт не чужд радостей жизни, однако он не разделяет безоговорочно гедонизм Мимнерма. Вопреки Мимнерму, пределом спокойной старости Солон считал не 60, а 80 лет. «Измени свою песню и пой по-новому», — советует Солон Мимнерму, это одно из первых поэтических посланий одного античного поэта к другому. Признавая радость узнавания и открытия нового, Солон говорил: «Я старею, всегда учась многому». В одном из своих стихотворений, размышляя о человеческой жизни, Солон делит ее на десять отрезков по семь лет, от детства до старости, от рождения до смерти. Это философское стихотворение о станов-

лении, расцвете и угасании человеческого духа впоследствии получило название «Седмицы человеческой жизни».

Античные предания причислили Солона к семи мудрецам. Для греков он олицетворял и полезную деятельность, и душевное равновесие.

Л. Б. Поплавская

<ИЗ ЭЛЕГИИ «САЛАМИН»>

Вестником я прихожу с желанного нам Саламина,
 Но вместо речи простой с песнью я к вам обращаюсь...
 Я предпочту, чтобы родиной мне не Афины служили,
 Но чтобы дали приют мне Фоленгандр и Сикин...
 Мы ведь дождемся того, что повсюду, как клич, пронесется:
 «Родом и он из Афин, сдавших врагам Саламин».
 На Саламин мы пойдем, сразимся за остров желанный,
 Прежний же стыд и позор с плеч своих снимем долой!

БЛАГОЗАКОНИЕ

- Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
 И по решению других присноблаженных богов.
 Ибо хранитель такой, как благая Афина-Паллада,
 Гордая грозным отцом, длани простерла над ней.
- 5 Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
 Граждане сами не прочь город великий сгубить.
 Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
 Жребий бед много снести за своеволие свое.
- 10 Им непривычно спесивость обуздывать и, отдаваясь
 Мирной усладе пиров, их в тишине проводить, —
 Нет, под покровом деяний постыдных они богатеют
 И, не щадя ничего, будь это храмов казна
 Или народа добро, предаются, как тати, хищенью, —
 Правды священной закон в пренебрежении у них!
- 15 Но и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было:
 Пусть хоть и поздно, — за грех все-таки взыщет она!
 Будет тот час для народа всего неизбежною раной,
 К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
 Рабство ж пробудит от дремы и брань и раздор межусобный:
- 20 Юности радостный цвет будет войной унесен.
 Вedomо иго врагов: град любезный оно сокрушает
 Через крамолу, — она неправдолюбцам любя!
 Беды такие народу грозят, а среди неимущих
 В землю чужую тогда мало ль несчастных пойдет,

- 25 Проданных в злую неволю, в позорные ввергнутых узы,
Дабы познали они рабства тяжелого гнет?
Так к дому каждого быстро идет всенародное горе,
Двери не в силах уже бег его задержать,
Через высокую стену оно перейдет и настигнет
- 30 Всюду, хотя б от него спрятался ты в тайнике.
Сердце велит мне афинян наставить в одном убеждении, --
Что беззаконье грозит городу тучею бед,
Благозаконье же всюду являет порядок и стройность.
В силах оно наложить цепь на неправых людей.
- 35 Сгладить неровности, наглость унижить, ослабить кичливость,
Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,
Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
И разномыслия делам вместе с гневливой враждой
Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинает
- 40 Всюду, где люди живут, разум с порядком царить.
Малый ребенок, еще несмышленищем вырастив зубы,
Все их сменяет за срок первой седмицы годов.
Если ж седмицу вторую прожить ему боги дозволят,
Зрелости первой следы он начинает являть.

Столько народу я власти вручил, сколько надобно было:

Чести его не лишив, лишней я не дал ему,
Но и о тех я подумал, кто силой владел и был славен
Деньгами, дабы они злых не вкусили обид.

- 5 Мощным щитом прикрывая и тех и других, не дозволил
Я ни одним, ни другим верх взять в неправо́й борьбе.

Музы Пиэрии, вас, светлых чад олимпийца Зевеса

И Мнемозины, молю просьб не отринуть моих!

Мне от блаженных богов вы даруйте достаток, от ближних --
Вечно, и ныне и впредь, доброю славой владеть,

- 5 Так чтобы сладостен был я друзьям, горек -- вражьему сердцу,
И, чтимый другом своим, был бы грозой я врагу. --

Я от богатства не прочь, только денег, добытых бесчестно,
Я не хочу: не избыть грозной расплаты потом!

Если достаток нам боги дают, пребывает незыблем

- 10 Он навсегда, от основ вплоть до вершины своей;

Если же люди дойдут до него чрез насилие, за ними

Он не по праву тогда и не по воле идет,

Но уступая неправде, и в нем злая гибель таится!

С искорки, как и огонь, гибель начало берет,

- 15 И, чуть затлевшись сперва, под конец она страшной бывает, --
Злого насилия делам срок небольшой уделен! --

- Смотрит Зевес за исходом всего, — он внезапен, подобно
Вешнему вихрю, что вмиг тучи сгоняет, сперва
Моря пустынного волны до дна всколебав и на берег
20 Бросив, чтоб смыли они пышную жатву с земли
Плодоносящей, и вот уже снова он к тверди небесной,
К трону несется богов, ясное небо открыв,
И над землей утучненной вновь яркого солнца сияет
Пламенный свет, и нигде туч не осталось следа.
- 25 Так же и Зевс совершает свой суд, только он не за каждый
Грех, что соделан пред ним, сразу карает, как мы...
Но от него не укрыться тому, кто преступен душою:
Будет и он, наконец, все же в грехе обличен!
Кто кару сразу несет, кто — позднее, а если от кары
30 Грешник уйдет и его божья не тронет рука,
Все же наступит расплата: невинные вины искупят,
Будь это дети его или же дети детей!
Мудр иль не мудр человек, — все мы сходны в одном
убежденьи;
- Верим, что нам изменить наша не может мечта, —
- 35 Верим, пока не нагрянет беда: тогда сетуем горько,
Хоть и вверяли себя тщетной пред этим мечте!
Если тяжелый больной, изнуряемый болезнью злою,
Думает так про себя: «Завтра я буду здоров»;
Если трусливый гадает соделаться доблестным мужем
- 40 И красотою блистать мнит, кто собой некрасив,
То неимущий, страдая под бедности гнетом тяжелым,
Мыслит, что все-таки он много богатств наживет.
Люди то этак, то так свою волю пытаются... По морю,
Полному рыбой, один смело блуждает с ладьей,
- 45 Дабы вернуться к себе с добычей, и, всюду носимый
Ветра порывом, своей вовсе души не щадит;
Этот, лесистую землю взрывая, год целый над нею
Бьется, служа в батраках, с плугом знакомый кривым,
Тот, зная дело Гефеста-искусника или Афины*,
- 50 Тщится работой ручной средства себе раздобыть;
Этот от Муз, что живут на Олимпе, дарами снабженный,
С помощью их познает сладостной мудрости глубь;
Этого царь Аполлон-дальновержец кудесником сделал;
Может он людям проречь близость грядущей беды,
- 55 Если сопутствуют боги ему... Но ни жертвы, ни птица
Веща нас не спасут от неминучей судьбы!
Есть и врачи средь людей, что Пэона-целителя тайны
Ведают, но и для них пользы от этого нет:
Часто и малая боль вызывает большое страданье,

* Дело Гефеста — кузнечное ремесло, Афины — ткачество.

- 60 И не ослабит его нежность лекарственных трав,
Или же тот, кто томится под муками тяжелой болезни,
Сразу здоровым встает от наложенья руки.
Это — судьба смертным людям несет и печали и радость,
И неизбывна для нас воля бессмертных богов!
- 65 Вот почему в начинанье любом злые беды таятся,
И неизвестно, какой делу положен конец!
Часто, пытая удачу, возможность беды не предвидя,
Мы попадаем в беду злую, где выхода нет,
А неудачнику боги во всем посылают удачу
- 70 Полную, — выход простой из неразумья его.
Но для людей и богатства границ не указано точных,
И кто владеет казной, большей, чем прочие все,
Жаждет удвоить ее: ибо досыта кто всех насытит?
Средствами прибыль добыть смертных людей одарил
- 75 Промысл бессмертных богов, но в богатстве и гибель таится, —
Карой на тех иль других шлется от Зевса она.

СЕДМИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

- 5 В третью седмицу, хоть тело растет, но уже обрамляет
Щеки пушок, и затем кожа меняет свой цвет.
А за седмицы четвертой годá расцветает у мужа
Сила, — она для людей знаменье доблести их.
К пятой седмице пора, чтоб мужчина о браке подумал
- 10 И о рождении детей, дабы потомство иметь.
В пору седмицы шестой укрепляется разум у мужа,
И необдуманных дел он уж не хочет свершать.
Но лишь в седьмую седмицу с восьмой вместе — будет
в обоих
Ровно четырнадцать лет — ум расцветает и речь.
- 15 В пору ж седмицы девятой, хоть муж и силен, но не могут
Разум и мудрость его с доблестью вровень стоять.
Если ж седмицы десятой семь лет отведут ему боги, —
В самую пору тогда смертная доля придет.

<МИМНЕРМУ>

Если совет мой прослушать ты хочешь, то выкини слово,
И не сердись, что я стих лучше придумал, чем ты,
Но переделай его, сладкопеец, и так пой отныне:
«Лишь на десятке восьмом смерть да подходит ко мне!»

Феогнид

(VI—V вв. до н. э.)

Сведения о месте рождения Феогнида противоречивы. Он был гражданином Мегар. Название «Мегары» носило несколько населенных греками городов. Самыми известными были Мегары на Истме и Мегары в Сицилии. Одни из античных источников относят Феогнида к Мегарам на Истме. Другие считают его уроженцем Мегар сицилийских. На основании произведений самого Феогнида его никак нельзя считать сицилийцем, так как в одном из своих стихотворений он упоминает о том, что побывал когда-то и в сицилийской земле, и в богатой виноградными лозами долине Эвбеи, и в блистательном спартанском граде на берегу заросшего тростником Эвроты, но ничто не было для него милее отчизны (ст. 783—785). Отсюда следует, что Сицилия, подобно Эвбее и Спарте, не была местом рождения поэта. Относительно времени жизни Феогнида наши источники дают не совсем ясные сведения: следуя одним, Феогнид пользовался известностью во время 57-й или 58-й олимпиады, следуя другим, поэт жил (или родился) в 59-ю олимпиаду. Эти недалекие одна от другой даты падают на середину VI в. до н. э. По всей вероятности, ученые эллинистической поры, задававшиеся вопросом о времени жизни Феогнида, искали точку опоры для своих заключений в его же поэтическом наследии. Феогнид обнаруживает большое беспокойство за судьбы своего родного полиса в связи с военными действиями «мидян» (ст. 775—782). По-видимому, в древности видели в упомянутых стихотворениях Феогнида отголоски настроений времен похода Гарпага против ионийских греков, что и подало повод к соответствующей датировке — Феогнид был достаточно известным поэтом к 540 г. до н. э. В настоящее время часть ученых принимает такую датировку. Другие не видят достаточных оснований для беспокойства балканских греков за свою безопасность ранее 492, 490 и даже 480—479 гг. до н. э. Соответственно и передвигаются предположительные рамки жизни Феогнида. <...>

От Феогнида сохранилось две книги: в первой 1230 стихов, во второй 159 (всего 1389 стихов). Все рукописи Феогнида, за исключением одной, содержат только первую книгу. Относительно характера и назначения сборника стихотворений, составляющих первую книгу Феогнида (этот сборник был известен в Афинах уже в IV в. до н. э., во времена Платона), существует несколько теорий.

1. Сборник составлен по принципу ударных слов: стихотворения подбираются и группируются на основании имеющих в них — повторяющихся или сходных — слов и мыслей. Частично эта теория соответствует действительному положению дел. 2. Сборник является антологией из утраченного собрания элегий Феогнида; при этом составитель сборника добавил немало постороннего материала из стихотворений, не принадлежащих Феогниду. В качестве главного аргумента в пользу этой теории фигурирует ссылка на фрагментарное состояние элегий. Помимо недоказуемости тезиса о существовании «полного» сборника стихотворений Феогнида эта теория грешит в том отношении, что слишком категорически утверждает фрагментарность стихотворений первой книги Феогнида. 3. Перед нами школьная хрестоматия, в которую наряду с подлинными произведениями мегарского поэта включены и посторонние стихотворения. Между тем наличие в сборнике любовных и застольных стихотворений не позволяет рассматривать его как книгу, предназначенную для школы. 4. Книга является сборником застольных песен, которые исполняли на пирушках. Действительно, многие стихотворения сборника подходят под определение застольных песен. Сам поэт говорит о том, что его стихи будут петься на пирушках (ст. 237—250). Тем не менее сборник в целом не может считаться собранием застольных песен, так как содержит немало стихотворений, не подходящих для исполнения на пирушках. 5. Сборник не отличается строгим единством социальных и политических воззрений, в нем нет стройного плана, имеется много дублетов в смысле повторения одних и тех же стихотворений и одних и тех же мыслей. В нем есть стихи, принадлежащие разным поэтам — Каллину, Солону, Мимнерму, Фокилиду и др. На этом основании возникла теория, что сборник представляет собой выборку из разных элегических поэтов. Сборник мог быть составлен в конце V в. Его пестрый состав обеспечивал, в частности, возможность найти в нем и материал для застольных песен. Книга была приписана Феогниду на том основании, что только его имя упомянуто в сборнике и что часть стихотворений была действительно взята из его произведений. В основе этой теории лежит преувеличенное представление об отсутствии идеологического единства в сборнике и о невозможности примирения встречающихся в нем противоречий. 6. Существует и мнение, согласно которому весь сборник должен быть признан принадлежащим одному поэту — Феогниду. Сторонники этого мнения отрицают наличие каких-либо серьезных противоречий в сборнике (и лишь изредка допускают подложность некоторых отдельных стихотворений). Встречающиеся в сборнике стихотворения других поэтов они считают сознательными заимствованиями Феогнида, сделанными отчасти с целью дать вариации на темы других поэтов путем легкого изменения стиха, причем в некоторых случаях эта цель уже осуществлена, а в других (там, где перед нами буквальное повторение чужих стихов) переработка предполагалась в будущем. Сборник в целом понимается как нечто вроде записной книжки Феогнида, в которой наряду с окончательно отделанными стихотворениями оказываются пробы в виде

сырого материала стихов, перепевов своих собственных и чужих мотивов и даже просто выписки из чужих произведений.

Как бы то ни было, трудно не видеть, что стихотворения сборника, дошедшего до нас под именем Феогнида, в значительной степени носят на себе отпечаток единства социальных, политических и этических воззрений. Поэт жил в эпоху обострения социальной борьбы в греческих полисах, и в частности в его родном полисе — Мегарах. На одной стороне была старая родовая аристократия, все более и более терявшая свои социальные и политические позиции, на другой — все прочие слои гражданства. По-видимому, внутри этой второй группы еще не очень сильно и не всегда сказывается антагонизм, проистекавший из имущественного неравенства. Общий фронт против аристократии объединял разные слои свободного населения. Во всяком случае в глазах аристократа, для которого «добрыми», «благородными» были только представители знати, все прочие граждане сливались в единую массу «подлых», «жалких». Феогнид выступает ярким и откровенным идеологом аристократических кругов греческого полиса. Поэт в своих наставлениях, обращенных к молодому другу — Киру (он же Полипаид), хочет преподать ему все то, что сам в дни своей юности усвоил от «добрых» старшего поколения. <...>

Произведения Феогнида в том виде, в каком они до нас дошли, представляют собой очень пестрое по своему содержанию собрание, не лишенное противоречий. Стихотворения сборника относятся к различным жанрам. Можно выделить обращения к богам, наставления в собственном смысле и примыкающие к ним размышления над жизнью, предостережения политического характера, картинки быта, любовные, застольные стихотворения, жалобы поэта. Больше всего места занимают у Феогнида наставления и примыкающие к ним размышления. Различие между ними — в форме: свои взгляды поэт выражает то в форме прямого совета, рекомендации, то в форме наблюдения, афоризма, гномы. <...>

Стиль сохранившихся элегий Феогнида характеризуется близостью к прозе. Поэтические украшения у него редки. Сравнения обычно кратки, лишь в редких случаях поэт дает в сравнениях более или менее развернутую картину. Вообще образность нехарактерна для творчества Феогнида. Нередко его образы так или иначе связаны с морем и мореплаванием. Двустипия и четверостишия поэта заключают в себе обычно ясно и точно сформулированную мысль, хотя тонкая отточенность словесного выражения встречается редко. В стихотворениях большего размера стиль несколько иной: здесь бывают детализированные изображения, описания, рассуждения; повторные возвращения к одной и той же мысли, кольцевая композиция. Мягкий юмор чужд Феогниду. Изредка в стихах его улавливается иронический тон. Гомеровские формулы встречаются у Феогнида реже, чем у других элегиков.

Л. Б. Поплавская

<ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ СБОРНИКА>

Сын Кронида, владыка, рожденный Лето! Ни в начале
Песни моей, ни в конце я не забуду тебя.
Первого буду тебя и последнего и в середине
Петь я, а ты преклони слух свой и благо мне дай!

- 5 Феб-Аполлон — повелитель, прекраснейший между богами!
Только лишь на свет тебя мать-Лето родила
Близ круговидного озера, пальму обнявши руками, —
Как амвросический вдруг запах широко залил
Делос бескрайний. Земля-великанша светло засмеялась,
10 Радостный трепет объял море до самых глубин.

Зевсова дочь, Артемида-охотница! Ты, что Атридом
Жертвой была почтена в час, как на Трою он шел*, —
Жарким молениям внемли, охрани от напастей! Тебе ведь
Это легко, для меня ж очень немалая вещь.

- 15 Зевсовы Дщери, Хариты и Музы! На Кадмовой свадьбе
Слово прекрасное вы некогда спели ему:
«Все, что прекрасно, то мило, а что не прекрасно — немило».
Не человечьи уста эти слова изрекли.

- Кири! Мои поученья тебе да отмечены будут
20 Прочно печатью моей. Их не украдет никто,
Худшим никто не подменит хорошего, что написал я,
Буду везде говорить: «Это сказал Феогнид,
Славный повсюду меж всеми людьми, Феогнид из Мегары».
Но не могу я никак гражданам нравиться всем.
25 Этому, Полипаид, не дивись: и владыка Кронион,
Вёдро давая иль дождь, может ли всем угодить?

- С умислом добрым тебя обучу я тому, что и сам я,
Кири, от хороших людей** малым ребенком узнал.
Будь благомыслен, достоинств, почета себе и богатства
30 Не добивайся кривым или позорным путем.
Вот что замечь хорошенько себе: не завязывай дружбы
С злыми людьми, но всегда ближе к хорошим держись.
С этими пищу дели и питье, и сиди только с ними,
И одобренья ищи тех, кто душою велик.
35 От благородных и сам благородные вещи узнаешь,
С злыми погубишь и тот разум, что есть у тебя.

* По мифу перед отплытием греков из Авриды в Трою Агамемнон, сын Атрея, принес в жертву свою дочь — Ифигению.

** От аристократов.

Помни же это и с добрыми знайся, — когда-нибудь сам ты
Скажешь: «Советы друзьям были не плохи его!»

- Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный
40 Муж дерзновенный* не стал грозных восстаний вождем,
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили.
То негодяи, простор наглости давши своей,
45 Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город, —
Верь мне, недолго она в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
50 Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства,
Также монархи, — от них обереги нас, судьба!

- Город наш все еще город, о Кирн, но уж люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
55 Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасса, как дикий олень, —
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну кто б все это вытерпеть мог?
Лжет гражданин гражданину, и все друг над другом смеются,
60 Знаться не хочет никто с мнением ни добрых, ни злых.
Кирн, не завязывай искренней дружбы ни с кем из тех граждан,
Сколько бы выгод тебе этот союз ни сулил.
Всячески всем на словах им старайся представиться другом,
Важных же дел никаких не начинай ни с одним.
65 Ибо, начавши, узнаешь ты душу людей этих жалких,
Как ненадежны они в деле бывают любом.
По сердцу им только ложь, да обманы, да хитрые козни,
Как для людей, что не ждут больше спасенья себе.

- К низким людям, о Кирн, никогда не иди за советом,
70 Раз собираешься ты важное дело начать.
Лишь к благородным иди, если даже для этого нужно
Много трудов перенести и издалека прийти.
Также не всякого друга в свои посвящай начинанья:
Много друзей, но из них мало кто верен душой.

- 75 Дело задумав большое, умеи доверяться немногим,
Иначе будет, о Кирн, непоправима беда.

* Диктатор, по происхождению не принадлежащий к аристократии.

Не дорожи серебром или золотом. Верные люди
Стоят дороже, о Кирн, в жизненной тяжелой борьбе.

Полипаид мой! Немного найдешь ты товарищей в мире,
80 Кто бы в труднейших делах верен остался тебе,
Кто беззаветно и смело, душою душе откликаясь,
Счастье и горе с тобой был бы готов разделить.

Если бы даже весь мир обыскать, то легко и свободно
Лишь на одном корабле все уместиться б могли
85 Люди, которых глаза и язык о стыде не забыли,
Кто бы, где выгода ждет, подлостей делать не стал.

Что мне в любви на словах, если в сердце и в мыслях иное!
Любишь ли, друг мой, меня? Верно ли сердце твое?
Или люби меня с чистой душою, иль, честно отрекшись,
90 Стань мне врагом и вражду выкажи прямо свою.
Кто ж, при одном языке, два сердца имеет, товарищ
Страшный, о Кирн мой! Таких лучше врагами иметь.

Если тебя человек восхваляет, пока на глазах он,
А удалясь, о тебе речи дурные ведет, —
95 Неблагодарный тот друг и товарищ: приятное слово
Только язык говорит, — мысли ж иные в уме.
Другом да будет мне тот, кто характер товарища знает
И переносит его, как бы он ни был тяжел,
С братской любовью. Мой друг, хорошенько все это обдумай,
100 Вспомнишь ты позже не раз эти советы мои.

Кто тебе стал бы советовать с низким дружить человеком?
Выгоды нет никакой в дружбе с плохими людьми.
В тяжких страданиях, в несчастье к тебе не придет он на
помощь
И не захочет ничем добрым делиться с тобой.
105 Низкому сделав добро, благодарности ждать за услугу
То же, что семя бросать в белые борозды волн.

Если глубокое море засеешь, посева не снимешь;
Делая доброе злым, сам не дождешься добра.
Ибо душа ненасытна у них. Хоть разок их обидел,
110 Прежнюю дружбу тотчас всю забывают они.
Добрые ж все принимают от нас как великое благо,
Добрые помнят дела и благодарны за них.

Между дурными людьми никогда не ищи себе друга.
Гавань плохая они. Мимо свой путь направляй.

- 115 Милых товарищей много найдешь за питьем и едою.
Важное дело начнешь — где они? Нет никого!

Самое трудное в мире, о Кирн мой, узнать человека
Лживого. Больше всего здесь осторожность нужна.

- Золото ль, Кирн, серебро ли фальшиво — беда небольшая,
120 Да и сумеет всегда умный подделку узнать.
Если ж душа человека, которого другом зовем мы,
Лжива и прячет в груди сердце коварное он, —
Самым обманчивым это соделали боги для смертных,
И убедиться в такой лжи нам всего тяжелей.
125 Душу узнаешь — мужчины ли, женщины ль — только тогда ты,
Как испытываешь ее, словно вола под ярмом.
Это не то, что в амбар свой зайти и запасы измерить.
Очень нередко людей видимость вводит в обман.

- Полипайд! Не молись, чтоб тебе выдаваться богатством
130 Иль добродетелью, — нет! Только бы счастье иметь!

Нет ничего в этом мире отца или матери лучше,
Если священная в них, Кирн, справедливость живет.
Кирн! Не сам человек — творец своей жизненной доли.
Счастье и бедствия шлют боги-податели нам.

- 135 Знает ли кто из людей, устремляясь к задуманной цели,
Что достижение даст, благо иль тяжкое зло?
Часто мы думаем зло сотворить, — и добро совершаем;
Думаем сделать добро, — зло причиняем взамен.
И никогда не сбывается то, чего смертный желает,
140 Жалко-беспомощен он, силы ничтожны его.
Тщетно мы, люди, гадаем и ждем. Ничего мы не знаем.
Все совершается так, как порешит божество.

Кто обманул о защите молящего или же гостя,
Скрыться не мог от богов, Полипайд, никогда.

- 145 Лучше прожить с невеликим недостатком, блюдя благочестье,
Чем достоянием большим несправедливо владеть.
Всю целиком добродетель вмещает в себе справедливость.
Если ты, Кирн, справедлив, — весь и вполне ты хорош.

- И нехороших людей божество одаряет богатством,
150 Но добродетель, о Кирн, — только немногих удел.
Гордость — первейшее зло, которым разят человека
Боги, решив из-под ног почву отнять у него.

Если владеет богатством большим человек нехороший,
С глупым, неладным умом, — гордость родит оно в нем.

- 155 Бедностью, дух разрушающей, иль нищетою злосчастной
Не попрекай никого, как бы ни гневался ты.
Зевс то сюда наклоняет весы, то туда и сегодня
Людам богатство дает, завтра лишает всего.

- Самонадеянных слов избегай: не дано человеку
160 Знать, что готовит ему день приходящий и ночь.

Многие разумом низки и скорбны, но счастье везет им.
То, что казалось бедой, им лишь на пользу идет.
Есть же другие, — умом хоть богаты, но бедны удачей.
И не венчает у них дела успешный конец.

- 165 Нет никого между смертных, кто был бы блажен иль
несчастлив,
Был бы хорош или зол без изволения богов.

Разное горе у разных людей. Но на скольких ни смотрит
Солнце, счастливого нет между людей никого.

- Раз ты богами любим, то тебя и насмешник похвалит.
170 Как ни тянись, ничего сам ты не сможешь достичь.

Жарко бессмертным молись: у бессмертных вся сила над
миром,
Всякое зло и добро к людям приходит чрез них.

- Доброго мужа ужасней всего нищета укрощает;
Старость седая, озноб — менее страшны, о Кирн!
175 Чтоб нищеты избежать, и в глубокую бездну морскую
Броситься стоит, и вниз, в пропасть, с высокой скалы!
Каждый, кого нищета поразила, ни делать не может,
Ни говорить ничего: связан язык у него.

- Всюду, о Кирн, по земле и по шири бескрайнего моря,
180 Нужно из тяжелой искать бедности выхода нам.
Лучше, мой Кирн дорогой, умереть бедняку, чем в страданиях
Жизнь на земле проводить, в тяжелой томясь нищете.

- Кирн! Выбираем себе лошадей мы, ослов и баранов
Доброй породы, следим, чтобы давали приплод
185 Лучшие пары. А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, только б с деньгами была!
Женщина также охотно выходит за низкого мужа,
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы.

190 Знатные, низкие — все женятся между собой.
Полипаид, не дивись же тому, что порода сограждан
Все ухудшается: кровь перемешалась в ней.

Знает и сам, что из рода плохого она, и, однако,
Льстясь на богатство ее, в дом ее вводит к себе, —
195 Низкую знатный. К тому принуждаются люди могучей
Необходимостью: дух всем усмиряет она.

Если от Зевса богат человек, справедливо и чисто
Ставши богатым, тогда прочно богатство его.
Если ж, стяжательный духом, несправедно он и случайно
200 Или же ложно клянясь, средства свои приобрел, —
Сразу как будто и выгода есть, но в конце торжествует
Разум богов и бедой делает счастье его.
Вот что, однако, сбивает людей: человеку не тотчас
Боги блаженные мстят за прегрешенья его.
205 Правда, бывает, и сам он поплатится тяжко за грех свой,
И наказание не ждет милых потомков его,
Но иногда беспощадная смерть, приносящая гибель,
Веки смыкает ему раньше, чем кара придет.

Нет у изгнанника милых друзей и товарищей верных*.
210 Это в изгнание больней даже, чем ссылка сама.

Вредно вином упиваться сверх меры. Но ежели люди
С разумом пьют, — от вина польза одна, а не вред.

Каждому другу, о Кирн мой, характер показывай разный,
Приноровляя свой нрав собственный к нраву его.
215 Пусть образцом тебе будет полип многохитрый: к какому
Камню прилепится он, вид он и примет того.
Нынче с одною являйся окраской, а завтра с другою.
Высшая мудрость гласит: приспособляйся, о Кирн!

Не возмущайся чрезмерно жестокою смутой сограждан,
220 Милый мой Кирн, и иди средней дорогой, как я.
Тот, кто уверен, что ближний понять ничего не способен,
Что лишь один из всех он на все руки горазд, —
Непроходимый глупец, повредившийся в добром рассудке,
Право же, все мы равно многое можем свершить.
225 Только один не желает последовать зову корысти,
А у другого душа к козням коварным лежит.

233 Для легкомысленной черни твердынею служит и башней
Муж благородный, и все ж чести так мало ему!

* По-видимому, речь идет об изгнании аристократов из Мегары.

Дал я крылья тебе, и на них высоко и свободно
Ты полетишь над землей и над простором морей,
Будешь присутствовать ты на пирах и на празднествах
пышных,

- 240 Славное имя твое будет у всех на устах.
Милые юноши в пышных нарядах красиво и звонко
Будут под звуки тебя маленьких флейт воспевать,
Ясно звучащих. Когда же сойдешь ты в жилище Аида,
В мрачные недра земли, полные стонов и слез, —
245 Слава твоя не исчезнет, о Кирн, и по смерти, но вечно
В памяти будет людской имя храниться твое.
Ты по Элладе по всей пронесешься, бесплодное море,
Полное рыб, перейдешь, все острова посетишь.
И не на спинах коней ты поедешь, — фиалковенчаных
250 Муз сладкогласных дары всюду тебя понесут.
Всем, кому дороги песни, кому они дороги будут,
Будешь знаком ты, пока солнце стоит и земля.
А между тем от тебя и следа я не вижу почета.
Будто мальчишку, меня словом ты вводишь в обман.

- 255 Лучше всего — справедливость: желанней всего быть
здоровым.
Вещь же приятнее всех, — чтобы желание сбылось.
Я — скаковая, прекрасная лошадь, но плох безнадежно
Правящий мною ездок. Это всего мне больней.
О, как мне часто хотелось бежать, оборвавши поводья,
260 Сбросив внезапно с себя наземь того седока!

- 273 Вот что, поверь мне, ужасней всего для людей, тяжелее
Всяких болезней для них, даже и смерти самой:
После того как детей воспитал ты, все нужное дал им
И накопил, сколько мог, много понесши трудов, —
Дети отца ненавидят и смерти отцовской желают,
Смотрят с враждой на него, словно к ним нищий вошел.

- 289 Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
Граждан; законы теперь странные всюду царят:
Совести в душах людей не ищи; лишь бесстыдство и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землей.

- 313 Если безумствуют люди, я тоже безумствую с ними,
Меж справедливых людей всех справедливее я.

- 351 Бедность проклятая! Что ты так цепко ко мне привязалась?
Что же к другим не идешь? Что так взлюбила меня?
Ну же, иди, посети и жилище другого и вечно
С нами делить перестань эту несчастную жизнь!

- 361 Кирн! При великом несчастье слабеет душа человека.
Если ж отметить удалось, снова он крепнет душой.
- 367 Мыслей сограждан моих уловить я никак не умею:
Зло ли творю иль добро — все неугоден я им.
И благородный и низкий бранят меня с равным усердьем,
Но из глупцов этих мне не подражает никто.
- 373 Милый Зевс! Удивляюсь тебе я; всему ты владыка,
Все почитают тебя, сила твоя велика,
375 Перед тобою открыты и души и помыслы смертных,
Вышею властью над всем ты обладаешь, о царь!
Как же, Кронид, допускает душа твоя, чтоб нечестивцы
Участь имели одну с теми, кто правду блюдет,
Чтобы равны тебе были разумный душой и надменный,
380 В несправедливых делах жизнь проводящий свою?
В жизни бессмертными нам ничего не указано точно,
И неизвестен нам путь, как божеству угодить.
- 407 Лучший мой друг! Погрешил ты. А я — я ни в чем не
виновен.
Сам к нехорошему ты этому мненью пришел.
- 413 Сколько б ни пил я, но так не упыюсь я, до этого пьяный,
Я не дойду, чтоб сказать страшное что про тебя!
- 425 Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видать яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорес в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.
- Смертного легче родить и вскормить, чем вложить ему в душу
430 Дух благородный. Никто изобрести не сумел,
Как благородными делать дурных и разумными глупых.
Если бы нашим врачам способы бог указал,
Как исцелять у людей их пороки и вредные мысли,
Много бы выпало им очень великих наград.
- 435 Если б умели мы разум создать и вложить в человека,
То у хороших отцов злых не бывало б детей:
Речи разумные их убеждали б. Однако на деле,
Как ни учи, из дурных добрых людей не создашь.
- 447 Если омыть пожелаешь меня, то увидишь, какую
Чистой, прозрачной вода будет бежать с головы.
В деле найдешь ты любом, что с червонным я золотом
сходен,
450 Красный имеющим цвет, если потрешь о брусок.

Ржавчины черной иль грязи на теле его не увидишь,
Чистым и ясным оно цветом нетленным цветет.

457 Нет, не подходит жена молодая для старого мужа!

Мало послушной рулю эта бывает ладья.

Также и якорь не держит ее: оборвавши канаты,

Рада зайти ночевать в гавань чужую она.

467 Не заставляй никого против воли у нас оставаться,

Не заставляй уходить, кто не желает того,

И не буди, Симонид мой, заснувших из нас, кто упился

470 Крепким вином и теперь сладким покоится сном.

Тех же, кто бодрствует, спать не укладывай против желанья.

Нет никого, кто б любил, чтоб принуждали его.

Если же хочет кто пить — наливай ему полную чашу.

Радость такую иметь можно не каждую ночь.

475 Что ж до меня, то вина медосладкого пил я довольно

И отправляюсь домой вспомнить о сладостном сне.

Пить прекращаю, когда от вина наибольшая радость.

Трезвым я быть не люблю, но и сверх меры не пью.

Тот же, кто всякую меру в питье переходит, не властен

480 Ни над своим языком, ни над рассудком своим,

Речи срамные ведет, за которые трезвый краснеет,

Дел не стыдится своих, совесть вином замутив.

Прежде разумный, теперь он становится глупым. Об этом

Помни всегда и вина больше, чем нужно, не пей.

485 Из-за стола поднимайся, пока допьяна не напился,

Чтоб не блевать за столом, словно поденщик иль раб.

Или сиди и не пей. А ты, передышки не зная,

Только твердишь: «Наливай!» Вот отчего ты и пьян.

То за любовь, то для спора, то в честь небожителей выпьешь,

490 То потому, что с вином чаша стоит под рукой.

Нет же сказать не умеешь. Совсем для тебя недостижен

Тот, кто и много хоть пьет, но не теряет ума.

Добрые речи ведите, за чашей веселою сидя,

И избегайте душой всяческих ссор и обид.

503 Как тяжело в голове, Ономакрит! Вино беспощадно

Одолевает меня, и языком уж своим

505 Я не владею, и стены кружатся. Но дай попытаюсь,

Встану, — ударит ли мне также и в ноги вино?

В разум — ударит ли? Очень я в сердце боюсь, чтобы

пьяным

Глупостей мне не свершить и не наделать беды.

529 Не предавал никогда я друзей и товарищей верных.

В духе свободном моем рабского нет ничего.

- 531 Милое сердце теплом у меня наполняется, только
Сладкий услышу напев нежно-тоскующих флейт.
Любо мне пить беззаботно и петь свои песни под флейту,
Любо мне также держать звучную лиру в руках.
- 537 Ни гиацинтов, ни роз не дождешься от лука морского;
Также свободных детей не ожидай от рабынь.
- 541 Полипайд, я боюсь, что надменность погубит наш город,
Как погубила уже хищных кентавров она.
- 581 Мне ненавистны жена-непоседа и муж ненасытный,
Любящий плугом своим папшню чужую пахать.
- 611 Ближних нетрудно ругнуть, и нетрудно себя возвеличить.
Низкие люди всегда так поступают, о Кирн!
Люди дурные молчать не желают и злое болтают.
Добрые люди во всем мере умеют блюсти.
- 617 То, чего хочется людям, сбывается в жизни не часто,
Ибо во много мы раз ниже бессмертных богов.
- 625 Трудно разумному долгий вести разговор с дураками.
Но и все время молчать — сверх человеческих сил.
- 643 Много за чашей вина обретишь ты товарищей милых,
В деле серьезном — увы! — мало находится их.
- 649 Бедность проклятая! Как тяжело ты ложишься на плечи!
Как развращаешь зараз тело и душу мою!
Я так люблю красоту, благородство, — а ты против воли
Учишь насильно меня низость любить и позор!
- 653 Слишком в беде не горюй и не радуйся слишком при счастье:
То и другое умей доблестно в сердце нести.
- 687 Смертному против бессмертных богов невозможно бороться
Или же в тяжбу вступать: этого нам не дано.
- 695 Сердце! Не в силах тебе я доставить, чего ты желаешь.
Нужно терпеть: красоты хочешь не ты лишь одно.
- 743 Или еще, о владыка богов: справедливо ли это,
Что справедливейший муж, чуждый неправедных дел,
Не совершивший греха и обманчивых клятв не дававший,
Должен так часто терпеть незаслуженную скорбь?
Кто же, о, кто же из смертных, взирая на все это, сможет
Вечных богов почитать? Что переживает он,
Видя, как злой человек, человек, что не ведает страха
750 Ни перед гневом людей, ни перед гневом богов,

- Гордый, кичится надменно богатством безмерным, а честный
В бедности жалкой влачит темные, тяжкие дни?
Это познавши, мой милый товарищ, живи справедливо,
Благоразумной душой дел нечестивых беги,
755 Не забывай никогда о словах моих. Время настанет,
Будешь ты рад, что внимал мудрым советам моим.
- 773 Благоволя к Алкофю, Пелопову славному сыну,
Сам ты, о Феб, укрепил город возвышенный наш.
Сам же от нас отрази и надменные полчища мидян*,
Чтобы с приходом весны граждане наши могли
С радостным духом во славу тебе посылать гекатомбы
И, твой алтарь окружив, душу свою услаждать
Кликами, пеньем пеанов, пирами, кифарным бряцаньем.
780 Страх мою душу берет, как погляжу я кругом
На безрассудство, и распри, и войны гражданские греков.
Милостив будь, Аполлон, город от бед защиты!
- Некогда быть самому мне пришлось и в земле Сикелийской**,
И виноградники я видел Евбейских равнин,
785 В Спарте блестящей я жил, над Евротом, заросшим осокой;
Люди любили меня всюду, где я ни бывал;
Радости мне ни малейшей, однако, они не давали:
Всюду рвался я душой к милой отчизне моей.
- 801 Не было, нет и не будет вовек человека такого,
Кто бы в Аид низошел, всем на земле угодив.
Даже и Зевс, повелитель бессмертных и смертных, не может
Действовать так, чтоб зараз людям понравиться всем.
- 825 Как же дерзаете вы распевать беззаботно под флейту?
Ведь уж граница страны с площади нашей видна!
Кормит плодами родная земля. Вы ж пируете праздно
В пурпурных ваших венках на волосах золотых!
Скиф! Пробудись, волоса остриги и покончи с пирами!
Пусть тебя болью пронзит гибель душистых полей!
- 833 К гибели, к воронам*** все наше дело идет! Но пред нами,
Кири, из блаженных богов здесь не виновен никто:
В бедствия нас из великого счастья повергли — насилье,
Низкая жадность людей, гордость надменная их.
- 847 Крепко пятою топчи пустодушный народ, беспощадно
Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!

* Греки называли мидьянами персов.

** В Сицилии.

*** Греческое выражение, по смыслу соответствующее русскому «к черту».

Верно, народа с подобной любовью к тиранам ни разу
Не доводилось еще солнцу видать на земле.

855 Как уже часто наш город, ведомый дурными вождами,
Словно разбитый корабль, к суше причалить спешил?

873 Ни восхвалять, о вино, я тебя не могу, ни порочить.
Я ни люблю целиком, ни ненавижу тебя.
Ты и прекрасно и дурно. Ну, кто порицать тебя сможет?
Знающий меру вещей, — кто тебя сможет хвалить?

877 Радуйся жизни, о дух мой! Появятся скоро другие
Люди, а я, умерев, черною стану землей.

879 Выпей вина, что под сенью высокой Тайгетской вершины
Мне виноградник принес. Вырастил лозы старик
В горных укромных долинах, любезный бессмертным
Феотим,

С Платанистунта-реки* влажную водунося.
Выпьешь его — отряхнешь ты заботы тяжелые с сердца.
В голову вступит вино — станет легко на душе.

В городе мир и богатство да царствуют, чтоб с остальными
Мог пировать бы и я: злой не хочу я войны.

Ухом не слишком склоняйся к призывам глашатая громким:
Помни, — сражаемся мы не за родную страну.

943 Возле флейтиста вот так я по правую сторону стану,
Песню зачну и богам вечным мольбу вознесу.

959 Прежде, когда в роднике черноводном я брал себе воду,
Сладкой казалась мне и превосходной вода.
Ныне она замутилась, вода загрязнилась илом.
Буду я пить из другой речки или родника.

1007 Всем я советую людям: пока еще ярко цветешь ты
Юности цветом, пока дух благороден в тебе, —
Пользуйся тем, что имеешь. Не дважды бессмертные боги
Молодость людям дают, и не бывает от них
Нам избавленья от смерти. Придет невеселая старость,
И загрязнит нас она, и за макушку возьмет.

1041 Дайте сюда мне флейтиста! Бок о бок с рыдающим сядем,
Будем смеяться и пить, тешась печалью его!

1047 Будем теперь наслаждаться вином и прекрасной беседой.
Что же случится потом, — это забота богов.

* В Лаконии.

- 1055 Но говорить перестанем об этом. Сыграй мне на флейте
Песню, и оба с тобой вспомним божественных Муз.
Нам они эти дары подарили, приятные сердцу, —
Мне и тебе, чтоб игрой души соседей пленять.
- 1063 В юности ночь проводить с молодой подругой иль другом,
Всею отдавшись душой пылу любовных утех,
Или же песни на пиршестве петь беззаботно под флейту, —
Радостней этого нет в жизни людской ничего
Ни для мужчин, ни для женщин. На что мне почет
и богатство?
Лишь наслаждение одно важно и радостный дух!
- Глупые мы, безрассудные люди! Ушедшую юность
Надо оплакивать нам, а не о мертвых тужить!
- 1090 Тяжесть, одну только тяжесть любовь мне твоя доставляет;
Ни ненавидеть тебя я не могу, ни любить.
Знаю я, как тяжело ненавидеть друзей своих прежних,
Но тяжело и любить тех, кто не хочет того.
- 1107 Горе, как я опустил! Посмешищем стал для врагов я,
Бременем стал для друзей, страшный удар претерпев!
- 1117 Всех бы божеств, о Богатство, желаннее, всех ты прекрасней!
Как бы кто ни был дурен, будет с тобою хорош.
- 1129 Я не горюю за чашей о бедности, губящей душу,
И злослычье врагов мало печалит меня.
Юности милой приходит конец, — вот о чем я горюю!
Плачу о том, что идет трудная старость ко мне!
- 1155 Я не молюсь о богатстве, его не хочу. Но желал бы
Скромные средства иметь, чтоб без лишений прожить.
- 1191 Я не желаю по смерти на ложе покоиться царском.
Только бы мне хорошо было, когда я живу.
Терн ли колючий, ковер ли подстилкою мертвому служит,
Твердо ли ложе тогда, мягко ль, — не все ли равно?
- 1203 Век не пойду я к тирану, не стану к себе его звать я,
В горе не буду я лить слез над могилой его,
И не хочу я, чтоб, если умру, обо мне горевал он,
Чтобы ронял обо мне жаркие слезы с ресниц!
- 1219 Трудно заставить врага-ненавистника верить обману.
Друга же очень легко другу, о Кирн, обмануть.
- 1255 Полно и радостно тот не живет, кто душой неспособен
Мальчиков юных любить, резвых коней и собак.

Ксенофан

(ок. 570 — после 478 гг. до н. э.)

Из разрозненных и противоречивых свидетельств о жизни, поэзии и философских взглядах Ксенофана следует, что он родился ок. 580 г. до н. э. в Колофоне, городе на лидийском побережье Малой Азии, в состоятельной и знатной семье. В 555 г. Колофон был захвачен лидийским царем Крезом. Ксенофана изгнали, он жил где-то в Ионии, а после смерти Креза в 540 г., когда ионийские города перешли под власть персов и надежды на восстановление автономии окончательно рухнули, присоединился к фокейским колонистам, основавшим город Элея в Италии. Всю оставшуюся жизнь Ксенофан провел, странствуя по Великой Греции (так называли греческие поселения на юге Италии), бывал, видимо, и в ионийских городах. Он прожил более ста лет, застав даже правление Гиерона Сиракузского (с 478 г. до н. э.).

Ксенофану приписывается несколько стихотворных сборников, главный из которых — так называемые «Силлы» — полемические элегии с вкраплением ямбов, включавшие также «пародии» (что они собой представляли, неизвестно). Философский эпос, позднее озаглавленный «О природе», также относится к «Силлам»: он содержал критику мифологических толкований явлений природы. Античные источники называют еще два исторических эпоса, принадлежавших Ксенофану («Взятие Колофона» и «Переселение в италийскую Элею»). Ксенофан — философ критического направления; своей системы он не создал, но стал предтечей Элейской философии (его считают одним из учителей Парменида). И талант, и влияние его велики: он предшественник скепсиса и первый монотеист, его суждения о богах позднее толковались как провидческие. «Силлы» — оригинальный прообраз философской сатиры, поэмы о Колофоне и Элее (если Ксенофан действительно был их автором) являются первым эпосом на сюжет, взятый из истории. Сохранилось восемь фрагментов элегий Ксенофана, позволяющих — даже в переводе — судить о его мастерстве.

М. М. Позднев

- Вот уже пол подметен, руки вымыты, вымыты кубки...
Кто возлагает на нас дивно сплетенный венок;
Кто по порядку разносит душистое масло в сосудах;
Высится тут же кратер*, полный утехой пиров;
5 Есть и другое в кувшинах вино, что сулит не иссякнуть, —
Сладкое: нежных цветов слышится в нем аромат;
Посередине хором льет ладан свой запах священный;
Чаши с холодной водой, сладкой и чистой стоят;
Хлеб перед нами лежит золотистый, и гнется под грудой
10 Сыра и сотов густых пышно разубранный стол;
Густо украшен цветами алтарь, что стоит среди зала;
Песня, и пляска, и пир весь переполнили дом...
Прежде всего благочестных толпа священную песнью,
Речью чинной своей бога восславить должна.
15 Но возлиянье свершив и о том помолясь, дабы силы
Были дарованы пир благопристойно провести —
Это ближайший наш долг! — не грех столько выпить, чтоб
каждый,
Если не дряхл он, домой и без слуги мог дойти.
А из гостей тех почтим, кто и выпив нам с честью докажет,
20 Что добродетель живет в памяти, в слове его.
Но не пристало про битвы титанов нам петь, иль гигантов,
Или кентавров: они — вымыслы давних времен,
Или про ярость гражданской войны, — в этом пользы не
много...
- Зиждется благо в ином: в вечном почтении к богам!

- Если кто резвостью ног надо всеми одержит победу
Иль пятиборствуя — там, где возле Писы меж рек
Зевса священный предел**, в Олимпии, — если в кулачном
Кто одолеет бою, боль от ударов стерпев,
5 Или в борьбе, или в том, что «панкратий» зовут, состязанье
И на него земляки с гордостью будут смотреть,
Если сидеть впереди он заслужит победами право,
Если получит прокорм он на общественный счет,
Если ему поднесет дары драгоценные город,
10 Или в ристанях успех столько ж награда ему даст,
Все же достойным меня я его не признаю: ведь наша
Мудрость прекрасней любой силы людей и коней.
Глупо тут думать, как все, и с правдой ничуть не согласно
Силу мышц почитать мудрости выше благой.

* Сосуд, в котором смешивали воду и вино.

** Альтида — роща вокруг храма Зевса в Олимпии.

- 15 Будет ли в нашем народе кулачный боец превосходный,
Будет ли мощный борец иль пятиборец средь нас,
Или бегун резвоногий (за что его все прославляют),
Словом, лучший из всех в подвигах силы людской, —
Благозаконнее город не станет от этого вовсе,
20 Городу, правду сказать, радости мало с того,
Что победил кто-нибудь, на Писейских берегах состязаясь:
Тем не умножит добра он в городских кладовых.

Если быки, или львы, или кони имели бы руки
Или руками могли рисовать и ваять, как и люди,
Боги тогда б у коней с конями схожими были,
А у быков непременно быков бы имели обличье;
Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал.

Черными пишат богов и курносыми все эфиопы,
Голубоокими их же и русыми пишат фракийцы.

Что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою —
То на богов возвести ваш Гомер с Гесиодом дерзнули:
Красть, и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.

Ион

(V в. до н. э.)

Ион, гражданин островного полиса Хиос, — талантливый и необычайно многогранный литературный деятель середины V в. до н. э. Лирик, философ, трагический поэт, автор исторических трудов, он принимал непосредственное участие в литературной жизни Афин в эпоху их высшего расцвета, выступал на афинской сцене с трагедиями и однажды даже одержал победу. В Афины Ион приехал в 460-х гг. с целью пополнить образование. Благородное происхождение открыло ему двери в дом влиятельного политика Кимона, где он познакомился с Эсхилом. Общественная жизнь Афин живо занимала Иона. Он наблюдал народные собрания, приготовления к военным экспедициям, беседовал с философами. Этот интерес находит отражение в его сочинениях. У себя на родине Ион встречался с Софоклом; предположительно он был также знаком с Сократом. Умер Ион незадолго до 421 г.

Античных свидетельств об Ионе и оценок его творчества немало (Аристофан, Платон, Аристотель, Исократ и др.; существовала и его биография, написанная Батоном из Синопы; список произведений Иона был составлен Каллимахом). Обширное наследие Иона Хиосского, в которое помимо трагедий входила мелика, дифирамбы, гимны, элегии, путевые записки, повесть об основании Хиоса и космологический трактат), для нас представлено несколькими десятками коротких фрагментов. В частности, из прозы цитируют пару мест, где Ион — первый в истории мемуарист — описывает встречи с тогдашними знаменитостями (с анекдотическими подробностями). По скудным отрывкам мы догадываемся и о его философии, которая, по-видимому, не была вполне оригинальной. Известно 11 названий трагедий (сюда относится большинство фрагментов). От мелических и элегических стихотворений уцелело несколько более или менее связных частей.

М. М. Позднев

...много превыше других тирсоносный Дионис^{*}:
Повод здесь и исток всяческих слов и речей;
Празднеств всегреческих сходки, вождей пиры и веселья —
С той поры как лоза свой грозденосный росток
Из-под земли подняла и в объятья страстно схватила
Воздух; из почек ее выбежал мальчиков сонм
Тесный; упав друг на друга, они, молчавшие прежде,
Заголосили; когда ж вопль их совместный умолк,
Нектар потек из них, порожденный людям на благо
Сок, самородный бальзам, радость впитавший в себя.
Милые дети его — пиры, и веселья, и хоры:
Этих природу благ царь открывает вино.
Славься ж, Дионис-отец, глава веселых застолий,
Милый всем тем, кто чело любит венками венчать,
Славься и дай нам весь век, о прекрасных дел зачинатель,
Пить вино и шутить, но и рассудок хранить.

Слава тебе и привет, наш отец, повелитель, спаситель!
Пусть виночерпии нам слуги кувшин принесут,
В кружках смешают вино серебряных — а золотую
Чашу кто держит в руках, пусть ее на пол прольет.
С чистой душой возлиянья творя вам, потомки Персея, —
Прокл, Алкмена, Геракл, — мы от Зевеса начнем,
Будем и пить, и шутить; пусть всю ночь не кончается песня;
Кто-нибудь пляску начнет; празднуй, как хочет душа!
Если ж тебя еще ждет и красавица — ложа подруга,
Будешь сегодня ты пить радостней всех остальных.

* Одним из атрибутов культа Диониса был тирс — увитый плющом жезл.

ЯМБ

Истоки литературного ямба связаны с фольклором, с обличительными насмешливыми песнями, которые звучали на праздниках плодородия. Такого рода песни играли сдерживающую роль — люди боялись быть осмеянными, с другой стороны, подобные насмешки могли иметь ритуально-апотропический характер (отвращение зла). Инвектива является неременной чертой как ямба, так и древнеаттической комедии, что свидетельствует об их общих корнях.

Что значит само слово «ямб», неясно, но его нужно соотносить с такими словами, как «дифирамб» и «триамб», связанными с культом Диониса. О мифическом персонаже — Ямбе — впервые говорится в «Гимне Деметре» (202—205) как о старухе, рассмешившей Деметру с помощью «балагурства» и острых шуток. Этот рассказ, выдуманный с целью объяснить непонятное слово, так или иначе, свидетельствует о раннем происхождении жанра. Открытым остается также вопрос, следует ли относить термин «ямб» к размеру стихов или к их язвительному содержанию. Вернее, впрочем, последнее, так как уже первые ямбы не все написаны одноименным размером.

Согласно канону ямбической поэзии, составленному александрийскими учеными, основателем ямбографии считается Архилох, в его поэзии этот жанр достигает и наивысшего расцвета.

Е. Л. Ермолаева

Архилох

(вторая половина VII в. до н. э.)

Архилох — поэт, родившийся на острове Парос, представитель первого поколения ионийской лирики. О жизни Архилоха мы знаем не столько из его стихов (в которых есть яркие самохарактеристики), сколько из комментариев, схолиев и упоминаний о нем поздних авторов. Архилох писал элегии, гимны, но известность приобрел своими сатирическими ямбами (поэтому стихотворения Архилоха в хрестоматии помещены в соответствующий раздел). Потомки преклонялись перед его поэтическим мастерством и отмечали его злоязычие: про Архилоха говорили, что его речь происходит от «желчи собаки и жала осы».

Стихи Архилоха сохранились лишь во фрагментах. Сборник элегий Архилоха открывался словами о том, что он не только служитель Эниалия — «воинственного» (это эпитет бога войны Ареса), но и знает сладостный дар Муз. Архилох участвовал во многих военных походах, в том числе в войне с фракийцами, но заявил, что готов бросить щит, предпочитая жизнь славе всех мифических героев. Это заявление было инновацией в архаические времена.

Поздние свидетельства создали Архилоху славу женоненавистника. Легенда о дочери паросца Ликамба Необуле становится топом от ямбографии. Девушку, сначала обещанную Архилоху в жены, а затем оскорбившую его отказом, поэт так ославил, что она покончила с собой. История о попранной клятве изложена Архилохом в ямбах и иносказательно — в басне об орле и лисице.

Архилох призывает быть умеренным в выражении чувств: человек должен «познавать ритм, который держит людей». Так закладываются основы знаменитой философии золотой середины, которую позднее прославлял римский поэт Гораций.

Дискуссия вокруг легендарной биографии паросского поэта продолжается до сих пор. Граждане Пароса построили Архилоху храм, где приносили ему жертвы как герою. При раскопках этого храма были найдены обломки мраморных столбов, содержащие надпись, датированную второй половиной III в. до н. э. В содержании этой надписи переплелись факты биографии Архилоха, а также легенды

и реальные события истории Пароса и всей Эллады. Надпись, испорченная и не читаемая полностью, включала тексты дельфийских оракулов и стихи Архилоха, ставшего гордостью не только родного острова, но и всех греков.

Л. Б. Поплавская

ЭЛЕГИИ

Я — служитель царя Эниалия, мощного бога.
Также и сладостный дар Муз хорошо мне знаком.

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье.

То не пращи засвистят, и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа,
В бое подобном они опытны боле всего, —
Мужи-владыки Евбеи, копейщики славные...

С чашей в руках ты ходи по настилу ладьи быстроходной,
Крышку проворной рукой с бочки долбленной снимай,
Красное черпай вино до густого осадка! На страже
Трезвым всю ночь простоять силы не хватит и нам!

Носит теперь горделиво саиец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

ЯМБЫ

Нет, не люб мне вождь высокий, раскоряка-вождь не люб,
Гордый пышными кудрями иль подстриженный слегка.
Пусть он будет низок ростом, ноги — внутрь искривлены,
Чтоб ступал он ими твердо, чтоб с отвагой был в душе.

...как осла хребет,
Заросший диким лесом, он вздымается.

Невзрачный край, немилый и нерадостный,
Не то что край, где плещут волны Сириса*.

Своей прекрасной розе с веткой миртовой
Она так радовалась. Тенью волосы
На плечи ниспадали ей на спину**.

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб,
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встреть их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады, — твердо стой, не трепещи.
Победишь, — своей победы напоказ не выставляй,
Победят, — не огорчайся, запершись в доме, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын,
Таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс.
И, как сложатся условия, таковы и мысли их.

Кто падет, тому ни славы, ни почета больше нет
От сограждан. Благодарность мы питаем лишь к живым, —
Мы, живые. Доля павших, — хуже доли не найти.

Можно ждать чего угодно, можно веровать всему,
Ничему нельзя дивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Все должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться вам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

И владыке Дионису дифирамб умею я
Затянуть прекрасновзвучный, дух вином воспламенив.

* В Фасосе.

** Стихотворение посвящено Необуле.

<ИЗ БАСНИ «ОРЕЛ И ЛИСИЦА»>

Есть вот такая басенка:
Вошли однажды меж собой в содружество
Лисица и Орел...

<Орел, сидя на недоступной скале, глумится над лисицею:>
Взгляни-ка, вот она, скала высокая,
Крутая и суровая;
Сию на ней и битвы не боюсь с тобой.

<Лисица призывает Зевса в свидетели совершенного злодеяния:>
О Зевс, отец мой! Ты на небесах царишь,
Свидетель ты всех дел людских,
И злых, и правых. Для тебя не все равно,
По правде ль зверь живет иль нет!

Семонид Аморгосский

(VII в. до н. э.)

Семонид Аморгосский принадлежит к тому же поколению поэтов, что и Архилох. Семонид происходил из аристократической семьи. Он родился на Самосе и участвовал в колонизации небольшого острова Аморгос (693 г. до н. э.).

Семонид стал известен благодаря своим ямбам. Предполагают, что он сочинял и элегии, однако достоверно судить об этом сложно, т. к. творческое наследие поэта сохранилось только в отрывках. Известно около 40 фрагментов стихотворений Семонида, два из них — крупные.

По-видимому, творчество Семонида было окрашено пессимизмом. Один из фрагментов, в 24 стиха, посвящен несчастной доле людей, горестей которых «ни выразить, ни счесть». Прославили Семонида «Ямбы о женщинах» (другое название, данное, как и первое, не самим поэтом, а гораздо позднее, — «Порицание женщин»). Это большой отрывок в 118 стихов, возможно целая поэма без нескольких заключительных стихов. Здесь изображаются различные женские характеры — десять типов, обусловленные происхождением. Женские типы, по своей природе отрицательные, определяют свинья, собака, обезьяна, лошадь, лисица и др. Даже волна, как неподвластная морская стихия, наложила отпечаток на горе-женщину, стихийную, словно Понт. Похвалы достойна лишь женщина-пчела, именно она — дар счастья. (Через сто лет другой поэт — Гиппонакт — скажет, что лишь два дня своей жизни женщина может быть приятна мужчине: лучше всего ее видеть на брачном ложе и на смертном одре.) Вероятно, поэма пользовалась большим успехом.

По свидетельству древних, Семонид сочинял и сатиры личного характера, но они не сохранились. Много стихов посвящено пиршественной тематике, рассуждениям о жизни, обращенным к отроку. В одном из фрагментов, словно вспомнив слова Главка из «Илиады» о том, что люди подобны листьям на деревьях, одни опадают осенью, другие нарождаются весной, Семонид обращается к неизвестному другу с призывом, поняв это, стремиться до конца жизни доставлять своей душе радость. Эту мысль затем подхватит Гораций в своем знаменитом высказывании «*carpe diem*» — «лови момент, живи одним днем».

Л. Б. Поплавская

Внимай, дитя, над всем — один властитель: Зевс.
Как хочет, так вершит гремящий в небесах.
Не смертным разум дан. Наш быстротечен день,
Как день цветка, и мы в неведенье живем:
Чей час приблизил бог, как жизнь он пресечет.
Но лежковерная надежда всех живит,
Напрасно преданных несбыточной мечте.
Один считает дни: «Вот, вот...», другой — года.
«Едва минует год, — мнит каждый, — и ко мне
Богатства притекут и прочие дары».
Но вот один в когтях у старости — конец!
А цель — все впереди. Других сразил недуг,
Иных в бою Арей-воитель сокрушил:
Их шлет уже Аид в предвечный мрак земли.
Тех — море унесло... Как гнал их ураган
И грозные валы багрово-мрачных вод!
Погибли. А могли спокойно жить они.
Тот затянул петлю. О, горькая судьба!
По доброй воле, сам, отвергнул солнца свет.
Все беды налицо, — но Керам нет числа,
И смертных горести ни выразить, ни счесть.
Но если бы они послушались меня,
Мы б не любили зла и горя не несли б,
Порывом яростным влекомые в беде.

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:
Одну из хрюшки он щетинистой слепил, —
Все в доме у такой валяется в грязи,
Разбросано кругом, — что где, не разберешь.
Сама ж — немытая, в замасленном плаще,
В навозе дни сидит, нагуливая жир.

Другую из лисы коварной создал бог —
Все в толк берет она, сметлива хоть куда,
Равно к добру и злу ей ведомы пути,
И часто то бранит, то хвалит ту же вещь,
То да, то нет. Порыв меняется что час.

Иной передала собака верткий нрав,
Проныра — ей бы все разведать, разузнать,
Повсюду нос сует, снует по всем углам,
Знай лает, хоть кругом не видно ни души.
И не унять ее: пусть муж угрозы шлет,
Пусть зубы вышибет булыжником в сердцах,
Пусть кротко, ласково упрасивает он —

Она и у чужих в гостях свое несет.
Попробуй одолеть ее крикливый нрав!

Иную, вылепив из комьев земляных,
Убогою Олимп поднес мужчине в дар,
Что зло и что добро — не по ее уму.
И не поймет! Куда! Одно лишь знает — есть.
И если зиму Зевс суровую послал,
Дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень.

Ту из волны морской. Двоится ум ее:
Сегодня — радостна, смеется, весела,
Хвалу ей воздаст, увидев в доме, гость:
«Нет на земле жены прекраснее ее,
Нет добродетельней, нет лучше средь людей...»
А завтра — мочи нет; противно и взглянуть.
Приблизиться нельзя: беснуется она,
Не зная удержу, как пес среди детей,
Ко всем неласкова, ни сердца, ни души,
Равно — враги пред ней иль лучшие друзья.
Так море иногда затихнет в летний день:
Спокойно, ласково, отрада морякам —
Порой же, грозное, бушует и ревет,
Вздымая тяжкие, ударные валы.
Похожа на него подобная жена
Порывов сменой, стихийных, словно Понт.

Иной дал нрав осел, облезлый от плетей;
Под брань из-под кнута, с большим трудом она
Берется за дела — кой-как исполнить долг.
Пока же ест в углу подальше от людей —
И ночью ест и днем, не свят ей и очаг,
А вместе с тем, гляди, для дел любовных к ней
Приятелю-дружку любому вход открыт.

Иную сотворил из ласки — жалкий род!
У этой ни красы, ни прелести следа,
Ни обаяния — ничем не привлечет.
А к ложу похоти — неистовый порыв,
Хоть мужу своему мерзка до тошноты.
Да вороватостью соседям вред чинит
И жертвы иногда не в храм несет, а в рот.

Иная род ведет от пышного коня:
Заботы, черный труд — ей это не под стать,
Коснуться мельницы, взять в руки решето,

Куда там! — труд велик из дому выместь сор.
К печи подсесть — ни-ни! От копоти бежит.
Насильно мил ей муж. Привычку завела
Купаться дважды в день, и трижды, коль досуг,
А умощениям — ни меры, ни числа.
Распустит локонов гривастую волну,
Цветами обовьет и ходит целый день.
Пожалуй, зрелище прекрасное жена,
Как эта для иных; для мужа — сущий бич!
Конечно, если он не царь или богач,
Чтоб тешиться такой ненужной мишурой.

Иную сотворил из обезьяны Зевс:
Вот худшее из зол, что дал он в дар мужьям:
Лицом уродлива. Подобная жена
Идет по городу — посмешище для всех.
И шея коротка; едва-едва ползет;
Беззаядая, как жердь. Увы, бедняга муж!
Что за красотку он обвить руками рад!
На выдумки ж хитра, уверткам счету нет.
Мартышка чистая! Насмешки ж — нипочем.
Добра не сделает, пожалуй, никому.
Но занята одной лишь думой день-деньской:
Какую пакость бы похуже учинить.

Иную — из пчелы. Такая — счастья дар.
Пред ней одной уста злословия молчат:
Растет и множится достаток от нее;
В любви супружеской идет к закату дней,
Потомство славное и сильное родив,
Средь прочих жен она прекрасней, выше всех,
Пленяя прелестью божественной своей,
И не охотница сидеть в кругу подруг,
За непристойными беседами следя.
Вот лучшая из жен, которых даровал
Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет.
А прочие — увы! — по промыслу его
И были бедствием, и будут для мужей.
Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно, без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою соединил,
И голод вытолкнет не скоро за порог;
А голод — лютый враг, сожигатель — демон злой.
Чуть муж для праздника повеселиться рад —

Во славу Божию иль там почитать кого, —
Жена, найдя предлог, подымет брань и крик.
Верь, у кого жена, тому не к дому гость.
Заезжего с пути радушие не ждет,
И та, что с виду всех невинней и скромней,
Как раз окажется зловреднее других.
Чуть зазевался муж... а уж соседи здесь:
Злорадствуют над тем, как слеп он и как прост,
Свою-то хвалит всяк — похвал не перечсть,
Чужую, не скупясь, поносит и бранит.
Хоть участь общая, — о том не знаем мы;
Ведь это зло из зол зиждитель создал, Зевс,
Нерасторжимые он узы наложил
С тех пор, когда одни сошли в подземный мрак
В борьбе за женщину — герои и вожди.

Гиппонакт

(VI в. до н. э.)

Гиппонакт из Эфеса — последний представитель ранней ямбографии. Он был известен как изобретатель хромого ямба — холиямба. Это ямбический триметр, в котором последняя стопа ямба замещалась спондеем или хореем. Хомиямбом пользовались эллинистические поэты Каллимах, Герод, баснописец Бабрий.

В стихах Гиппонакт обращается к богам с просьбой о милостыне. Автор принимает образ бедняка и попрошайки: «Дай одежку Гиппонакту, дай обувь», а затем упрекает Гермеса за то, что он ничего не дал, а Плутоса — бога богатства — за то, что он не только слеп, но еще и трус, если ни разу не зашел в дом поэта. Нередко герой Гиппонакта выступает в роли шута и даже вора-взломщика. Некоторую резкость и даже озлобленность поэзии Гиппонакта пытались объяснить фактами его биографии: мал ростом, неказист, беден. Возможно, все это имеет мало отношения к подлинной биографии поэта.

Фрагменты ямбов Гиппонакта отличаются вульгарностью речи, а нередко и содержания; его лирический герой вышел из социальных низов портовых городов малоазийской Ионии. В языке много гротескных и эксцентричных составных слов; больше, чем у других поэтов, слов явно негреческих. Это может свидетельствовать о существовании негреческой примеси в ионийском диалекте населения малоазийских городов (так говорят бродяги, моряки, завсегдатаи таверн) или о варварском происхождении.

Скульптор Бупал создал карикатурное изображение поэта, так как тот якобы хвастал, что был близок с возлюбленной Бупала. Гиппонакт ответил едким ямбом. Бупал и его брат Афенид повесились, не вынеся публичного оскорбления. После истории Ликамба и Необулы, ославленных Архилохом, мы снова встречаемся с историей о трагическом финале жизни жертв ямбической инвективы.

Л. Б. Поплавская

Гермес Килленский, Майи сын, Гермес, милый!
Услышь поэта! Весь в дыра́х мой плащ, дрогну. .
Дай одежонку Гиппонакту, дай обувь!
Насыпь червонцев шестьдесят в мошну — веских!

Ты не дал мне хлами́ды шерстяной, теплой
В подарок перед стужей, ни сапог прочных;
И, полуголый, мерзну я зимой лютой.

Богатства бог, чье имя Плутос, — знать, слеп он!
Под кров певца ни разу не зашел в гости
И не сказал мне: «Гиппонакт, пока тридцать
Мин серебра тебе я дам; потом — больше».
Ни разу так он не зашел в мой дом: трус он.

Я злу отдам усталую от мук душу,
Коль не пришлешь ты мне ячменных круп меру.
Молю не медлить. Я ж из круп сварю кашу,
Одно лекарство от несчастья мне: каша!

СОЛЬНАЯ ЛИРИКА

Термин «лирика» предполагает пение под аккомпанемент лиры (кифары или форминги) и применительно к античной поэзии является сугубо условным. Александрийские ученые III в. до н. э. предложили этот термин для того, чтобы отличать малые жанры от эпоса, — между тем, под аккомпанемент кифары исполнялись и эпические поэмы. Канон лириков, составленный также в эллинистической Александрии, включал девять поэтов: Пиндар, Симонид, Вакхилид, Алкей, Сапфо, Алкман, Стесихор, Ивик и Анакреонт. Далеко не все «лирические» стихотворения требовали музыкального сопровождения. Нельзя, однако, сказать, что термин неудачен. Для тех жанров архаической греческой поэзии, которые мы называем собственно лирикой и которые действительно требовали игры на лире, музыка является существенной составляющей. Музыкальное сопровождение гомеровского эпоса или элегий Тиртея (кифара и флейта соответственно) было монотонным и однообразным (фон для речитатива) и во всяком случае не влияло на стихотворный размер. А эпиталями Сапфо, стихотворения Алкея, дифирамбы Вакхилида и другие «лирические» произведения были настолько спаяны с музыкой, что ритм стихов оказывался под ее воздействием. Поэтому Платон в третьей книге «Государства», говоря о лирической поэзии, с полным правом ставит музыкальную гармонию в один ряд с ритмом и словом и определяет все это как «мелос» (буквально — «песня»). В современной науке принят термин «мелика». Античная музыка нам пока недоступна, сохранившиеся нотные записи плохо понятны. Поэтому мы лишь отчасти представляем себе степень воздействия мелики на слушателя. (Метры архаической лирической поэзии сложны; представление о них может дать Гораций, если читать его оды в подлиннике.)

Лирическую поэзию обычно возводят к фольклорной песне. Наличие последней в греческом фольклоре невозможно оспорить. Но неоспоримо и то, что самые ранние памятники сольной и хоровой мелики неизмеримо богаче, чем народные песни, известные нам по поздним записям, причем не только содержательно, но и ритмически, а следовательно — и музыкально. В случае с эпосом ситуация иная: фольклорная традиция, развиваемая аэдами, и по форме, и по содержанию была, очевидно, предельно близкой Гомеру. Первые лирики

использовали народную песню, но внесли в нее так много своего, что в результате этих инноваций возникло новое искусство, быстро достигшее грандиозных успехов. Прежде всего, была реформирована музыкальная часть. Лесбосец Терпандр, живший в Спарте в конце VII в. до н. э., снова ввел в обиход семиструнную лиру вместо четырехструнной и таким образом получил полную гамму. Ему же приписывается и создание первого музыкального периода. Авторы лирических стихотворений использовали материал других жанров — вдохновлялись как мифологическими сюжетами, так и картинами современной жизни. В общем, не будет преувеличением сказать, что греческая лирическая поэзия в лице своих лучших представителей относится к фольклорной песне примерно так, как оперы Чайковского к русской народной песне.

Сольный (иначе — монодический) мелос достиг расцвета у золийцев, на острове Лесбос. В содержательном отношении сольная лирика особенно отличается вниманием к личности: драматизируются душевные движения отдельного человека, лирического героя. Пафос монодических стихотворений часто напоминает элегию, однако сольная песня превосходит элегию в изображении сильных чувств.

М. М. Позднеев

Терпандр

(VII в. до н. э.)

Терпандр считается основателем лесбосской поэтической школы. Он родился на острове Лесбос, затем переселился в Спарту. Там в честь Аполлона он организовал состязания, в которых участвовали поэты. Победителем одного из состязаний стал сам Терпандр. Его стихи нам почти неизвестны. Обращение «К Зевсу» могло быть частью гимна. Фрагмент «Возлияние» также восходит к обрядовой поэзии, когда на мусических агонах приносились жертвы Аполлону и Музам. О жертвах этим богам и идет речь в сохранившемся отрывке.

Л. Б. Поплавская

Зевс всего начало, Зевс,
Вседаятель, в честь тебя
Эту песню я начну.

Здесь процветает копье, и юность, и звонкая песня,
И неумолимая правда, вершители славных деяний.

Льем вино — Музам в честь,
Дщерям памяти — в честь,
И водителю Муз —
Сыну Лето — в честь.

Алкей

(конец VII — начало VI в. до н. э.)

Алкей родился в Митилене, происходил из знатного аристократического рода, участвовал в политической жизни своего полиса. Когда он был ребенком, его братья вместе с политиком Питтаком свергли тирана Меланхра, затем уже подросший Алкей участвовал с Питтаком в войне за город Сигей, который находился на пути к Черному морю. Когда Питтак пришел к власти, у Алкея возникли с ним разногласия, город не поддержал поэта, и он оказался в изгнании. Алкей выступал и против тирана Мирсила. Оказавшись на чужбине, поэт в своих странствиях дошел до Египта, его брат Антимед ушел в войско вавилонского царя в Палестину. В 590 г. до н. э. Питтак разрешил Алкею вернуться на родину.

Мотивы гражданской войны занимают большое место в лирике Алкея. Его стихи объединялись под названием «Песни борьбы». Государственные распри для поэта — это буря, накренившая полис-корабль. Лирика Алкея очень экспрессивна: разыгравшаяся стихия захлестывает поэта и его друзей. Алкей винит Питтака, который, получив неограниченную власть, стал тираном, высмеивает его низкое происхождение, уродство. Алкей упрекает Питтака в пьянстве, хотя именно Питтак в Митилене издал закон о наказании за преступления, совершенные в пьяном виде. Сам поэт хочет утопить все неприятности в дружеской пирушке.

Ряд фрагментов Алкея объединяет тема Троянской войны. Елене достается от поэта за неверность: она не только стала причиной гибели Трои и многих ахейцев, но бросила мужа и дочь. Некоторые золийские династии возводили свое происхождение к эпическим героям, именно в Елене они видели виновницу смерти своих пращуров.

Обращается Алкей и к пейзажу, с точностью живописца передавая картины природы. Пейзаж в греческой лирике еще не стал самоцелью, параллелизма в изображении психологического состояния человека и картин природы у Алкея нет. Но он умеет видеть «звезду в выси», слышать «цикаду в листве». В описании полуденной жары Алкей подражает Гесиоду («Труды и дни». 582—587). Оратор Гимерий позднее скажет: «птицы пели так, как они умеют петь у Алкея».

Алкей сочинял также гимны (к Афине, Диоскурам, Эроту, Гермесу, городу Митилене и реке Гебру), но сохранилось очень не-

многое. Нам известна поэтическая переписка Алкея и Сапфо: любовное признание Алкея и ответ Сапфо.

Гораций сказал о любовной лирике Алкея: «И Либера и Муз тогда твой славил голос, / Венеру, мальчика, что неразлучен с ней» (перевод А. Фета). Квинтилиан с чисто римским пафосом сожалел, что Алкей, способный на большее, растратил свой талант, воспевая юных дев и эфэбов. Многие размеры лесбосской лирики, и прежде всего алкееву строфу, использовал Гораций.

Л. Б. Поплавская

ГИМН ДИОСКУРАМ

К нам, Пелопов край* покидая дальний,
Зевсовы сыны и царицы Леды,
Просияйте к нам благосклонным духом,
Кастор и Поллукс,

5 Вы, что по морям и просторам суши
Мчитесь на конях, несдержимых в беге,
И от ледяной бережете в бедах
Смертных от смерти.

Вы, на крепкий клюв корабельный прянув,
10 По снастям скользнув на вершину мачты,
В злой ночи лучитесь желанным светом
Черному судну...

ГИМН РЕКЕ ГЕБРУ

Гебр, река из рек, под стеной эносской
Рвущийся в багровые волны моря,
Из фракийских стран, пробивая устье,
Славных конями, —

5 К берегам твоим собираясь, девы
Влагою твоей, как священным маслом,
Услаждают, нежной скользя ладонью,
Нежное тело...

Так гласит молва: от твоих, Елена,
От недобрых дел низошли напасти
На Приамов род и в огне палящем
Сгинула Троя.

* Пелопоннес.

- 5 Не такую взял Эакид в супруги,
 Весь блаженный сонм созывая к пиру,
 На завидный брак из хором Нерея
 Нежную деву

- В свой Хиронов дом. Чистоты девичьей
 10 Разрешил он пояс, и цвел любовью
 Брак Пелея с лучшей из дев Нерея;
 А через лето
 Был ему рожден полубог могучий,
 Рыжих жеребцов укротитель гордый;
 15 А Елена смерть принесла фригийским
 Граду и люду.

...А Елене в грудь заронила жажду,
 Чтоб она, аргивянка, в исступленья
 С вероломным вместе пустилась гостем
 В дальнее море,

- 5 Оставляя дома и дочь родную,
 И супругам выстеленное ложе:
 Так гнала Киприда любовью чадо
 Зевса и Леды.

.....
 Черная земля поглотила много

- 10 Братьев, павших в прах на равнине Трои
 Ради Елены.

...пал Деифоб за ним,
 И над стенами к небу дарданских
 Взметнулся плач детей и женщин,
 Всю оглашая равнину Трои.
 5 Аянт, объятый гибельным бешенством,
 Ворвался в сень Паллады священную,
 Страшнее всех богов блаженных
 Казнь назначающей святотатцам;

- Двумя руками деву молящую
 10 Прочь от кумира Зевсовой дочери
 Локриец оторвал, без страха
 Перед воительницей-богиней.

Но, исподбровья черные ужасы
 Метнув, богиня к морю низринулась

- 15 И в темной, как вино, пучине
Взбила мгновенную непогоду...

Мы потерялись в сшибке морских валов!
То справа грянет в борт перекатный вал,
То слева, а меж тем и этим
Мечется черное наше судно —

- 5 И мы без сил страдаем под бурей:
Вода под самой плещется мачтою,
Разорван парус, и лохмотья
Крупными клочьями свисли с реи;

Трещат канаты...

Волна под вихрем опережающим
Встает, и нам без счету вычерпывать
Захлестывающую воду...

.....
Огородиться бы скорее
И безопасной достичь лагуны!
Не поддавайтесь оцепенению!

- 10 Когда невзгода встала насущная
Перед глазами, — всякий помни
Быть пред бедой настоящим мужем.

Не посрамим своим малодушием
Достойных предков, в мире почивших...

.....
Нам ненавистно самовластье,
Мы не хотим над собой тирана.

...И кораблю не до поклажи:
Лишь самому бы остаться целым.

- Рвущим валом тяжело исхлестанный,
Устав бороться с бешеной бурей
5 И ливнем, чает он, что скоро
Треснет над треньем незримой мели.

Но пусть он праздно бьется и мечется —
 О нем хочу забыть я, товарищ мой,
 И вместе с Бикхием и с вами
 10 Душу отрадным предать утехам,

Чтоб вновь и вновь...
 Мешать вино...

...Не плыть ковшу в кувшине в густом вине.
 К чему стараться? Знаем и ты и я,
 Что от рассвета до заката
 Нам не дано распевать за чашей.

5 Так что ж мы медлим в море отважиться,
 Как будто зимней скованы спячкою?
 Скорее встанем, весла в руки,
 Крепким напором на шест наляжем

И оттолкнемся, в море открытое
 10 Направив парус, реей расправленный, —
 И веселее станет сердцу:
 Вместо попоек рука при деле...

Ты с чужбины принес меч с рукояткою*
 Из слоновой кости, вкованной в золото:
 Ты его заслужил при вавилонянах,
 Их народ из беды вызволив подвигом —
 5 Ты такого убил рослого витязя,
 Что пяти был локтей без четырех перстов...

Зевс-родитель! Сжался над нашим горем,
 Дали нам лидийцы монет чеканных
 Тысячу и две, чтобы мы вступили
 В город священный,

5 Хоть они от нас никогда не знали
 И не ждали впредь никакой услуги;
 Но как хитрый лис, от беды надеясь
 С легкостью скрыться..."

* Фрагмент посвящен Антимениду — брату Алкея.

** Античные комментарии свидетельствовали, что лидийский царь Крез хотел завладеть Митиленой, помогая восставшим против Питтака. Однако Крез правил позднее Питтака.

...На всех попойках бражник безудержный,
С утра пьянел он полными кубками
Неразбавляемого хмеля,
А по ночам клокотал в застолье.

5 Он не оставил прежних обычаев
И в новой доле, первый меж первыми,
Задорясь пьяными ночами
Так, что у бочек трещало днище.

Каким отцом, такой же и матерью
10 Рожденный, ты ли требуешь почести,
Как будто вольный и достойный...

А он, гордясь свойством
с родом Атреевым,
Пусть грызет горожан так, как Мирсил их грыз,
Покуда нас Арес
не призовет к мечам, —
И не раньше тогда гнев наш уляжется,
5 Чем кончится раздор
братоубийственный,
Нам терзавший сердца с той приснопамятной
Поры, как некий бог
вверг наш народ в беду,
А Питтаку принес славу желанную...

В былые годы мужи лесбийские
На видном месте это святилище
Богам блаженным посвятили
И алтари возвели в ограде.

5 Здесь славят Зевса именем Встречника,
Здесь нареклась богиня Эолии
Вселенской Матерью, а третьим
Здесь Дионис-Сыроядец читится

С челом безрогим. Ныне, могучие,
10 Явите милость к нашим молениям
И вызволите нас из бедствий
Доли изгнаннической убогой.

А сыну Гирра, клятвопреступнику,
Да будет казнь от мстящей Эринии —
15 Не вместе ль дали мы обеты,
Что не отступит никто из наших,

Но или в землю ляжем, приняв судьбу
От тех, кто были сильными в городе,
Или, повергнув их мечами,
20 Вызволим граждан из горькой муки?

А он, толстяк, не в сердце давал обет —
И, выждав время, нынче на горе нам,
Поправ свою ногами клятву,
Он пожирает несчастный город...

Здесь, в священной земле, Агесилаев сын,
Мне приходится жить, как мужики живут,
И завидовать тем, кто слышит,
Как вестник зовет люд на собрание

5 И совет. Этот крик знали отец и дед
С молодых своих дней и до седых волос
Меж взаимной вражды сограждан.
А мне суждено жить вдалеке от них,

На чужой стороне скрывшись, как беженцу.
10 Точно так Ономакл...

Так, по черной земле тропы измеривши,
Я пришел наконец в божье святилище,
15 Где с пути не сбивает злоба
И радуют взгляд людные празднества:

Собираются здесь жены лесбийские
Состязаться о том, кто всех красивее,
А вокруг ежегодным хором
20 Взлетают к богам звонкие выклики...

Льет ливнем Зевс, ненастье великое
Напало с неба, смерзлась вода в ручьях
.....
Долой ненастье! Жарче огонь раскинь,
Вино разбавь нескупо медвяное

- 5 И запрокинься головою
Между подушек из мягкой шерсти...

Выпьем! Надо ли нам ждать темноты? С палец осталось дня!
Принеси нам больших чаш расписных, мальчик, любимый мой!
Для забвенья забот бог, что рожден Зевсом с Семелою,
Нам вино даровал. Лей до краев! Два к одному смешай

- 5 Воду с чистым вином: пусть поспешат чаша за чашею
Друг за другом вдогон...

Влей в иссохшую грудь каплю вина! Встала звезда в выси —
Нынче тяжкие дни: все от жары мучится жаждою.

Лишь цикада в листве, сладко звуча, льет из-под крылышек
Звонкой песни поток, — а между тем.

- 5 Над широкой землей жар распростерт всеиссушающий.
Колкий сколим* зацвел. Жены теперь мерзки от похоти,
А мужчины — без сил: мышцу и мозг высушил Сириус...

<ПРИЗНАНИЕ ПОЭТЕССЕ САПФО>

В венке из фиалок, святая Сапфо!
О ты, чья улыбка так сладко играет!
Хотел бы сказать тебе слово одно,
Да стыд говорить мне мешает.

* Колючий кустарник.

Сапфо

(VII в. до н. э.)

Сапфо — представительница лесбосской мелики. Она родилась ок. 612 г. до н. э. в г. Эрес, происходила из знатного рода, жила в Митилене. Во время политической смуты Сапфо подверглась изгнанию и вместе с семьей переехала на Сицилию, затем вернулась в Митилену. Жизнь поэтессы нам известна плохо. Мы знаем, что Сапфо дожила до старости, во всяком случае, свою дочь Клеиду она видела взрослой. Легенда о ее неразделенной любви к Фаону, из-за которой она бросилась с Левкадской скалы, возникла позднее, так как основная тематика песен Сапфо — любовная. Сапфо была руководительницей фиаса — женской школы, где воспитанницы учились музыке, пению, поэзии. Знатные семейства доверяли Сапфо обучение своих дочерей. Девичьи хоры этой школы вместе с другими выступали на общегородских праздниках Митилены. В основу лирики Сапфо легли мотивы обрядовых девичьих песен, традиции эпиталямий, которыми на свадьбе славил молодых. В поэзии Сапфо упомянуты имена ее воспитанниц, звучат темы неразделенной любви и ревности, поданные как личные переживания.

В поздней античности знали девять книг Сапфо, только в первой было 1320 стихов, т. е. около 50 песен. Сапфическая строфа, которой было написано большинство ее произведений, состояла из трех стихов идентичного размера и одного короткого, как припев. У Сапфо впервые в европейской лирике появляется четкая форма стихотворения с зачином, серединой и концовкой. Это видно по сохранившемуся полностью гимну к Афродите, в нем использована кольцевая композиция, восходящая к песенному фольклору: призыв к богине из начала гимна еще раз повторяется в конце. Гимн — диалог просительницы и богини — маленькая драма, представленная в виде небольшого стихотворения. Этот гимн открывал первую книгу Сапфо, составленную александрийскими филологами.

Ряд фрагментов посвящен прощанию с вышедшей замуж подругой. Уехавшая в Сарды митиленка блещет среди лидийских женщин, как луна среди звезд. Прощаясь с другой воспитанницей, Сапфо вспоминает «все прекрасное», что они пережили вместе. В фольклорных эпиталиях, когда невесту вели в дом жениха, нередко песню пели два хора: юноши радовались счастью товарища, а девушки жаловались, что

у них похитили подругу. Припев был «Гимен, о Гименей». Это дало название свадебным песням — гименеи (Гименей — божество брака).

Любовь в поэзии Сапфо — это любовь-страсть, страдание. Ни одному поэту до Сапфо не удавалось так выразить это чувство. Эрот — стихийная сила, бороться с которой невозможно.

Известен отрывок эпиграмм о свадьбе Гектора и Андромахи. Сапфо говорит о встрече молодых: Гектор везет Андромаху с приданым, звучит пеан в честь Аполлона — покровителя Трои. Тематика, язык, стиль, размер стихотворения, близкий к эпическому гексаметру, нехарактерны для Сапфо, многие сомневались в ее авторстве. Вполне возможно, что существовала не только ионийская, но и эолийская эпическая традиция, эхом которой было стихотворение Сапфо.

Платон в одной из эпиграмм назвал Сапфо десятой Музой. Мотивы лирики Сапфо звучали впоследствии в римской поэзии (Катулл), ее творчество получило множество откликов в мировой литературе, в том числе в русской.

Л. Б. Поплавская

Пестрым тронем славная Афродита,
Зевса дочь, искусная в хитрых ковах!
Я молю тебя, — не круши мне горем
Сердца, благая!
Но приди ко мне, как и раньше часто
Откликалась ты на мой зов далекий
И, дворец покинув отца, всходила
На колесницу
Золотую. Мчала тебя от неба
Над землей воробушков милых стая;
Трепетали быстрые крылья птичек
В далах эфира.
И, представ с улыбкой на вечном лике,
Ты меня, блаженная, вопрошала, —
В чем моя печаль, и зачем богиню
Я призываю,
И чего хочу для души смятенной.
«В ком должна Пейто, укажи, любовью
Дух к тебе зажечь? Пренебрег тобою
Кто, моя Псапфа?
Прочь бежит? — Начнет за тобой гоняться.
Не берет даров? — Поспешит с дарами.
Нет любви к тебе? — И любовью вспыхнет,
Хочет не хочет».
О, приди ж ко мне и теперь! От горькой
Скорби дух избавь и, чего так страстно
Я хочу, сверши и союзницей верной
Будь мне, богиня!

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Перед тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, — уж я не в силах
Вымолвить слова.
Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.
Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прошусь я.
Но терпи, терпи: чересчур далеко
Все зашло...

Нет, она не вернулась!
Умереть я хотела бы...
А прощаясь со мной, она плакала,
Плача, так говорила мне:
«О, как страшно страдаю я.
Псапфа! Бросить тебя мне приходится!»
Я же так отвечала ей:
«Поезжай себе с радостью
И меня не забудь. Уж тебе ль не знать,
Как была дорога ты мне!
А не знаешь, так вспомни ты
Все прекрасное, что мы пережили:
Как фиалками многими
И душистыми розами,
Сидя возле меня, ты венчалась,
Как густыми гирляндами
Из цветов и из зелени
Обвивала себе шею нежную.
Как прекрасноволосую
Умашала ты голову
Миррой царственно-благоухающей,
И как нежной рукой своей
Близ меня с ложа мягкого
За напитком ты сладким тянулася.
И ни жертвы, ни.
Ни. не было,

Где бы мы.
И от рожи священной».

Звезды близ прекрасной луны тотчас же
Весь теряют яркий свой блеск, едва лишь
Над землей она, серебром сияя,
Полная, встанет.

..... уж любовью
.....
Стоит лишь взглянуть на тебя, — такую
Кто же станет сравнивать с Гермией!
Нет, тебя с Еленой сравнить не стыдно
Золотокудрой,
Если можно смертных равнять с богиней...

...теперь прелестные эти песни
Сладко буду петь я моим подругам.

Между дев, что на свет
солнца глядят,
вряд ли, я думаю,
Будет в мире когда
хоть бы одна
дева столь мудрая.

Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...

Венком охвати,
Дика моя,
 волны кудрей прекрасных.
Нарви для венка
 нежной рукой
 свежих укропа веток.
Где много цветов,
 тешится там
 сердце богов блаженных,
От тех же они,
 кто без венка,
 прочь отвращают взоры.

Анактория*.
Девы поступь милая, блеском взоров
Озаренный лик мне дороже всяких
Колесниц лидийских и конеборцев,
В бронях блестящих.
Знаю я — случиться того не может
Средь людей, но все же с молитвой жаркой...

Я роскошь люблю;
блеск, красота,
словно сияние солнца,
Чаруют меня...

Есть прекрасное дитя у меня. Она похожа
На цветочек золотистый, милая Клеида.
Пусть дадут мне за нее всю Лидию, весь мой милый
[Лесбос]...

О матушка! Не в силах
за станком сидеть я ткацким.
Мне сердце стройный мальчик
покорил чрез Афродиту.

ПОДПИСЬ К СТАТУЕ

Девы! Без голоса я. Но, если кто спросит, ответит
Голос немолчный, что здесь врезан в подножье мое:
«Жрица Ариста, дочь Гермokлида Саонаиада,
Здесь воздвигла меня дочери Лето, — тебе,
О Эфопия**, женщин владычица! Будь благосклонна,
К ней свою милость яви, род наш, богиня, прославь!»

Эй, потолок поднимайте, —
О Гименей! —
Выше, плотники, выше!
О Гименей!
Входит жених, подобный Арею,
Выше самых высоких мужей!

* Подруга Сапфо.

** Артемиды.

Сладкое яблочко ярко алеет на ветке высокой, —
 Очень высоко на ветке; забыли сорвать его люди.
 Нет, не забыли сорвать, а достать его не сумели.

<К АЛКЕЮ>

Будь цель прекрасна и высока твоя,
 Не будь позорным, что ты сказать хотел, —
 Стыдись, ты глаз не опустил бы,
 Прямо сказал бы ты все, что хочешь.

..... глашатай пришел...

Вестник Идэй быстроногий, и вот что поведал он:

.....
 Слава по Азии всей разнеслася бессмертная:
 «С Плакии вечно бегущей, из Фивы божественной,
 Гектор с толпою друзей через море соленое
 На кораблях Андромаху везет быстроглазую,
 Нежную. С нею — немало запястий из золота,
 Пурпурных платьев и тканей, узорчато вышитых,
 Кости слоновой без счета и кубков серебряных».
 Милый отец, услышавши, поднялся стремительно,
 Вести дошли до друзей по широкому городу.
 Мулов немедля в повозки красивоколесные
 Трои сыны запрягли. На повозки народом всем
 Жены взошли и прекраснолодыжные девушки.
 Розно от прочих Приамовы дочери ехали.
 Мужа коней подвели под ярмо колесничное —
 Все молодые, прекрасные юноши.

.....
 закурились ладаном.
 В радости жены вскричали, постарше которые,
 Громко мужчины пеан затянули пленительный,
 Звали они Дальновержца, прекрасного лирика,
 Славили равных богам Андромаху и Гектора.

.....
 Там Андромаха-супруга, бегущая встречу, предстала,
 Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Гетиона.
 Сей Гетион обитал при подошвах лесистого Плака,
 В Фиве Плакийской, мужей-киликян властитель державный;
 Оного дочь сочеталася с Гектором меднодоспешным.

Анакреонт

(вторая половина VI в. до н. э.)

Анакреонт — представитель сольной мелики. Он родился в малоазийском городе Теосе. Когда Теос завоевали персы, он переселился в город Абдеры во Фракии, затем жил в Афинах при дворе Писистратидов, после убийства Гиппарха переехал в Фессалию к Алевадам. Во второй половине VI в. до н. э. формируется особый тип придворной культуры. Искусство обходится без глубоких проблем и серьезной тематики, изящная и легкая поэзия прославляет «вечный праздник» жизни. Певцом атмосферы гедонизма и становится Анакреонт. Анакреонт сочинял застольные песни — сколии, эпиграммы, гимны, элегии. Любовь, вино и веселье — основные темы его творчества: «Я ненавижу тех, кто заботы в душах лелеет». Его лирика окрашена легким, шутливым эротизмом. Любовь в поэзии Анакреонта не страсть-страдание, как у Сапфо, а веселое приключение, приятный эпизод жизни.

Подлинных стихов Анакреонта сохранилось немного, в александрийскую эпоху их было пять книг, мы располагаем лишь разрозненными фрагментами. В памяти последующих поколений Анакреонт остался жизнелюбивым старцем. Даже если осталось жить несколько дней, надо воспользоваться ими, ведь исхода из Тартара, ожидающего новой жертвы, не будет, — это основная мысль фрагмента, известного русскому читателю в переводе А. С. Пушкина («Поредели, побелели...»). Поэт часто сетует, что юность не отвечает на его любовь. Девушку, противящуюся любви, Анакреонт сравнивает с молодой игривой лошадкой, а себя — с наездником, стремящимся во что бы то ни стало ее обуздать. Это стихотворение также известно в переводе Пушкина («Кобылица молодая, честь кавказского тавра...»).

Иногда Анакреонт писал стихи для тирана Поликрата. Об этом сообщает Элиан: тиран покровительствовал образованным людям и послал за Анакреонтом пятидесятивесельный корабль. Элиан хвалит Анакреонта за поэтическое служение Поликрату и полагает, что общение с поэтом обогащало правителя духовно.

Поэтический гедонизм Анакреонта, музыкальность его стиха, легкость содержания и изящество формы вызвали огромное количество подражаний (так называемая анакреонтика). В XVIII—XIX вв. анакреонтическая поэзия была популярна в Европе: К. Батюшков в Рос-

сии, Э. Парни во Франции, Н. Глейм в Германии. Переводами Анакреонта и стихов его подражателей в России занимались Л. М. Мей, А. Баженов. У А. С. Пушкина, кроме упомянутых переводов, есть оригинальное стихотворение «Гроб Анакреонта». М. В. Ломоносов в «Разговоре с Анакреонтом» сделал перевод его стихов со своими ответами.

Л. Б. Поплавская

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеясь презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глазееет.

Пирожком я позавтракал,
отломивши кусочек,
Выпил кружку вина, — и вот
за пектиду* берусь я,
Чтобы нежные песни петь
нежной девушке милой.

Люблю, и словно не люблю.
И без ума, и в разуме.

...бросился я
вновь со скалы Левкадской**
И безвольно ношусь
в волнах седых,
пьяный от жаркой страсти.

Ты, с кем Эрос властительный,
Афродита багряная,
Черноокие нимфы
Сообща забавляются
На вершинах высоких гор, —

* Струнный инструмент.

** По преданию, с этой скалы бросались в море влюбленные и так погибла поэтесса Сапфо.

На коленях молю тебя:
Появись и прими мою
Благосклонно молитву.
Будь хорошим советником
Клеобулу! Любовь мою
Не презри, о великий царь,
Дионис многославный!

Мальчик с видом девическим,
Просьб моих ты не слушаешь
И не знаешь, что душу ты
На вожжах мою держишь.

Я б хотел сойтись с тобою: ты имеешь нрав приятный...

Ибо мальчики за речи полюбить меня могли бы:
И приятно петь умею, говорить могу приятно.

Десять месяцев прошло уж, как Мегист наш благодушный,
Увенчав чело лозою, тянет сусло слаще меда.

А кто сражаться хочет,
Их воля: пусть воюют!

Умереть бы мне! Не вижу никакого
Я другого избавленья от страданий!

ЭПИТАФИЯ

Мощный в сраженьях Тимокрит, — его пред тобою гробница.
Арес не храбрых мужей, трусов одних бережет.

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.

Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

ОДА LVI

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

ХОРОВАЯ ЛИРИКА

Сольный и хоровой мелос развивались параллельно; многие поэты писали и для одного голоса, и для хора. Зародышем хоровой лирики была ритуальная песня, но в целом сказанное по поводу фольклорных корней сольной лирики справедливо и для хоровой. Последняя является наиболее совершенной в отношении композиции и по силе и разнообразию образов. К хоровой лирике относятся оды Пиндара — вершина греческой архаической поэзии (к сожалению, их трудно оценить в переводе).

Песни для хора начали создавать в Спарте. Дорийский диалект — их отличительная черта. Даже в аттической трагедии в партиях хора всегда присутствуют доризмы. В большинстве случаев пел только хор, но иногда наряду с хоровыми была и сольная партия, исполняемая корифеем — экзархом, предводителем хора. Так строился дифирамб.

Хоровая лирика во всех отношениях сложнее монодической. В произведениях, написанных для хора, часто присутствует сюжет — это может быть даже целая поэма, трактующая тот или иной миф. Нетрудно заметить здесь сходство с эпосом. Не только нарративный характер, но и спокойный, торжественный тон хоровой лирики сродни эпическому.

М. М. Позднеев

Алкман

(VII в. до н. э.)

Расцвет творчества Алкмана приходится на вторую половину VII в. На основании произведений самого Алкмана предполагают, что он был уроженцем г. Сарды в Лидии, таким образом его родным диалектом должен был быть ионийский, но все его творчество связано со Спартой, лаконским (дорийским) диалектом и с такими типично спартанскими установлениями, как хоры юных девушек, для которых написаны парфении. Эти произведения, первое из которых было открыто в середине XIX в., дошли до нас в папирусных отрывках. Алкман очевидным образом продолжал традиционные для Греции жанры (помимо парфениев, гимны, пеаны и сколии, т. е. пиришествственные песни), часть которых может восходить к фольклору. Изысканные мелические (песенные) размеры с достаточно жесткой и регулярно повторяющейся строфикой демонстрируют также влияние дактилической поэзии, особенно отрывок «Спят вершины высокие гор и бездн провалы».

Дошедшие до нас фрагменты демонстрируют явное влияние живого лаконского (спартанского) диалекта, однако целый ряд черт, засвидетельствованных в папирусах, появляется в надписях достаточно поздно (примерно в IV в.), поэтому высказывалось предположение о специальной переделке алкмановского текста александрийскими филологами. Алкман входил в канон девяти крупнейших лириков Греции*, но его творчество не оказало существенного влияния на развитие европейской литературы, он остался в истории древнегреческой хоровой лирики как предшественник Стесихора, Пиндара и Вакхилида.

Судя по всему, хоры девушек первоначально были до определенной степени связаны с греческой культовой практикой; Алкман перевел традиционный жанр в светское русло, включив в текст своих произведений имена девушек (Агидо, Агесихора, Астимелоса, имя которой переводчик несколько доризировал вместо Астимелиса), входивших в хор, для которого Алкман писал свои произведения. Эта традиция писать произведения для одного-единственного исполнения прослеживается и впоследствии, в частности в постановках древнегреческой трагедии.

* См. статью «Сольная лирика».

Алкман широко пользуется сентенциями, в частности начинает ряд своих произведений с насыщенных звуковыми повторами почти пословичных высказываний (ср. «однако есть божья месть» в 1-м Парфении) и использует мифологическое предание, которое он упоминает, никогда не пересказывая миф в целом, но лишь приводя характерную деталь или имя мифического героя, достаточное, чтобы слушатели вспомнили подробности сюжета. Никаких попыток подробного изложения мифа у Алкмана не представлено, однако в последующей истории жанра (например, у Стесихора) мифологический сюжет становится центром лирического повествования. При этом очевидно, что Алкман был знаком с древнегреческой эпической поэзией, но не делал попыток расширить изложение за счет мифологического повествования.

Н. Н. Казанский

ПАРФЕНЕЙ

.....
Убитого Полидевом.

Не Ликайса лишь в числе усопших я вспомню, —
Вспомню Энарсфора с быстроногим Себром,
Многомощного Бокола,
В ярких латах Гиппофоя,
И Эвтейха-царя, и Аретия
С Акмоном, славным меж полубогов.

Скея, пастыря дружин
Великого, и Эврита,
В битвах стойкого бойца,
И Алкона — всех их, храбрых,
Не забудет песнь моя.
Сломили Судьба и Порос*
Тех мужей, — старейшие
Меж богов. Усилья же тщетны.

На́ небо взлететь, о смертный, не пытайся,
Не дерзай мечтать о браке с Афродитой,
Кипрскою царицей, или
С дочерью прекрасной Порка,
Бога морского. Одни страстноокие
Входят хариты в Кронидов дворец.

Из мужей сильнее —
Ничто. Божество над всеми

* Местное спартанское божество, связанное с судьбой.

Цартвует. Другьям богов
Оно посылает блага,
Как из почвы бьющий ключ.
Врагов же смиряет. Силой
Грозной некогда пошли
На Зевсов престол Гиганты.
Бой был тщетен. От стрелы одни погибли*,
И от мраморного жернова** — другие.
Всех Аид их ныне принял,
Их, что собственным безумьем
Смерть на себя навлекли. Замышлявшие
Зло претерпели ужасный конец.

Есть богов бессмертных мечь.
Блажен, кто с веселым духом,
Слез не зная, дни свои
Проводит. А я блистанье
Агид^б пою. Гляжу,
Как солнце блесит: его нам
Агидо дает познать.
Но мне ни хвалить прекрасной,
Ни хулить не позволяет та, что хором
Славно правит. Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконогого,
Сходного с быстролетающим сном.

Не видишь? Вон пред нами конь
Енетский***. Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
Золотом беспримесным;
Лицо же ее серебро —
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
После Агидо вторая красотою, —
Колаксаев конь за приз с ибенским спорит****.

* Гиганты, поднявшие восстание против Зевса и укрошенные его перунами.

** Так был сражен один из гигантов.

*** Либо из области венетов (северное побережье Адриатического моря), либо из Иллирии (восточное побережье того же моря).

**** Конь скифского царя Колаксия (т.е. царственный скакун) и конь, по объяснению античного комментатора, получивший название по племени ибенов в Лидии. Первый так же превосходит второго, как Агесихора свою помощницу Агидо.

Поднимаются Плеяды*
В мраке амбросийной ночи
Ярким созвездьем и с нами, несущими
Плуг для Орфии**, вступают в битву.

Изобилем пурпура
Не нам состязаться с ними.
Змеек пестрых нет у нас
Из золота, нет лидийских
Митр, что украшают дев
С блистающим томно взором.
Пышнокудрой нет Нанно
С Аретою богоподобной,
Нет ни Силакиды, ни Клисисеры:
И, придя к Энесимброте, ты не скажешь:
«Дай свою мне Астафиду!
Хоть взглянула б Янфемиды
Милая и Дамарета с Филлеллой!»
Агесихора лишь выручит нас.

Разве стройноногая
Не с нами Агесихора?
Стоя возле Агиды,
Не хвалит она наш праздник?
Им обеим, боги, вы
Внемлите. Ведь в них — начало
И конец. Сказала б я:
«Сама я напрасно, дева,
Хором правя, как сова, кричу на крыше,
Хоть и очень угодить хочу А́бтис:
Ибо всех она страданий
Исцелительница наших.
Но желанного мира дождался
Только чрез Агесихору девы».

Правда, пристяжной пришлось
Ее потеснить без нужды.
Но на корабле должны
Все кормчему подчиняться.
В пенье превзошла она
Сирен, а они — богини!
Дивно десять дев поет,
С одиннадцатью равняясь.

* Плеяды — здесь, возможно, соперничающий хор.

** Т.е. его миниатюрное изображение, посвящаемое богине.

Льется песнь ее, как на теченьях Ксанфа
Песня лебеди; кудрями золотыми...

Музы, царя Олимпийского дочери,
Переполните мне душу
Вождельем песен новых.
Пусть пленяющий напев
[Славословящих дев разлетается в шири
Ясных небес,]
Сон от ресниц отогнав усладительный,
Чтобы душой я восстал к состязанию,
Светлые кудри мои
Встряхнуть в такт песне.

..... страстью крушащая
Взглянет -- и силы лишит, и, расслабленный,
Смерти, не сну обречен!
Не зря взгляд ласков.

Астимелоса* мне слова не молвила,
Стройною ногой ступает,
Словно в небе осиянном
Восходящая звезда,
Словно поросль, цветущая золотом, словно
Нежность сама.

...Мира душистою влагой кинирскою**
Умощены кудри девичьи пышные,
Башня цветочных гирлянд
Красу венчает.

Астимелоса — забота народная —
Выступает словно с войском,
Дань почтения собирая

.....
Только посмотрит, да только приблизится,
Только притронется нежными пальцами, —
Тотчас же я становлюсь
Ее молиттель.

...надела прелестного Белых богинь***,
Где два дерева сладких гранатов

* Буквальный перевод имени — «заботящаяся о городе».

** Благовония, производившиеся на Кипре.

*** Т. е. нерейд.

Среди лоз, разросшихся пышно.

Только из реки прекрасной показались Нереиды,
Каждый возжаждал, чтоб, с девою ложе деля,
Все, что для жен, для мужей уготовано, —
Брака изведать конечную сладость...

Многочтимые от века
У богов и человека
Под землею вечно живы
В богосозданных чертогах
Укрощающие коней
Два умельца — сильный Кастор
И преславный Полидевк.

О Каллиопа! Зачни нам прелестную
Песню, и страстью зажги покоряющей
Гимн наш, и сделай приятным хор!

Златокудрая Мегалострата, в девах
Блаженная, явила нам
Этот дар сладкогласных Муз.

Слова и мелодию эту
Сочинил Алкман-певец,
У куропаток заимствовав их.

Знаю все напевы я
Птичьи...

И сколько их у нас ни есть,
Девы все кифариста жарко хвалят.

А он на флейте будет нам
Мелодию подыгрывать.

Не деревенщина-мужик ты,
Не простака и не дурачина,
Не из фессалийских стран,

И сладкий Эрос, милостью Киприды,
Нисходит вновь, мне сердце согревая.

Как-нибудь дам я треногий горшок тебе, —
в нем собирай ты различную пищу.
Нет еще жара под ним, но наполнится
скоро он кашей, которую в стужу
Любит всеядный Алкман подогретою.
Он разносолов различных не терпит,
Ищет он пищи попроще, которую
ест и народ...

Вот семь столов и столько же сидений,
На тех столах — все маковые хлебцы,
Льняное и сезамовое семя,
И для детей в горшочках—хрисокола*.

Три времени в году — зима
И лето, осень — третье.
Четвертое ж — весна, когда
Цветов немало, досыта ж
Поесть не думай...

* Кушанье из льняного семени с медом.

Стесихор

(конец VII—VI в. до н. э.)

Стесихор родился, как сообщает словарь «Суда», в 37-ю олимпиаду (632—629 гг. до н. э.) и умер в 56-ю олимпиаду (566—553 гг. до н. э.). До того как он начал ставить хоровые песни, его звали Тисий. Прозвище Стесихор буквально значит «устроитель хоров». Имя его матери неизвестно, зато отцом называют Эвферба, Эвклида, Эвфема, а также Гиета; дошли имена двух братьев Стесихора — Гелианакт и Мамерк. Все три брата отличились каждый на своем поприще: Гелианакт стал законодателем, Мамерк — геометром, а Тисий — поэтом. О геометре Мамерке известно, что его помещали между Фалесом (ок. 625 г. — ок. 545 г.) и Пифагором (ок. 540 г. — ок. 500 г.). Разница в возрасте между братьями заставляет исследователей критически рассматривать сообщаемые «Судой» данные. Так, отмечалось, что дата рождения Стесихора может быть на самом деле датой смерти Алкмана.

Традиция связывает Стесихора с Гимерой, городом на северном побережье Сицилии. Там стояла золотая статуя поэта, которую видел еще Цицерон. Могилу Стесихора показывали в Катане. Причиной переселения поэта из Гимеры считали его ссору с тираном Фаларидом Агригентским.

«Суда» сообщает, что наследие Стесихора составляло 26 книг. Несомненно, такое деление принадлежит александрийским ученым и до определенной степени связано с издательской деятельностью александрийцев: можно думать, что книга соответствовала свитку папируса. Даже если включить в число произведений Стесихора помимо поэм «Погребальные игры по Пелию», «ГерIONEИДА», «ЕЛЕНА», «ЕЛЕНА. ПАЛИНОДИЯ», «РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ», «НОСТЫ (ВОЗВРАЩЕНИЯ)», «ЭДИПОДИЯ (ФИВАИДА)», «ЭРИФИЛА», «ОРЕСТЕЯ», «ОХОТА НА ВЕПРЯ», «КИКН» (Кикн, сын Ароя, разбойничал в Фессалии; Геракл победил его) и недавно опубликованные фрагменты под условным названием «Алтея», и сомнительные «Калика», «Ради́на» и «Дафнис», даже если предположить, что существовали отдельные гимны и пеаны и отдельная книга ямбов, все равно ясно, что из наследия Стесихора нам известно не более двух третей. Уже давно было отмечено, что поэмы Стесихора легко группируются по циклам.

Стесихор недаром был назван «наигомеричнейшим»: в его поэмах достижения гомеровского эпоса оказались слитыми с хоровой лирикой, придав лирическим произведениям развернутую фабулу эпического повествования; одновременно сохранялось разнообразие мелодий и интонаций, превосходившее то, что можно постулировать для эпоса. Речи персонажей, диалоги, взятые из эпоса, попав в лирический жанр, звучат по-новому, более живо, и если не более индивидуально, то более фольклорно.

Этические взгляды Стесихора можно проследить по вновь опубликованным фрагментам. У Стесихора уже наличествуют зачатки того, что позднее даст ощущение личной вины, губящей государство. В гибели Трои повинен предводитель троян, произнесший позорящие Афины слова, в Троянской войне виноваты Елена и ее отец Тиндарей, совершивший нечестие по отношению к Афродите. Мы видим, что в дальнейшем развитии греческой литературы именно эти нравственные идеи зреют и крепнут.

Большая часть свидетельств, восходящих к античным грамматикам, отмечает инновации: поэт выступает как новатор в метрике (им составлена триада: строфа, антистрофа, эпод), в сюжетосложении (многие сюжеты лишь благодаря Стесихору приобрели популярность), в мотивации поведения героев. Одновременно общими фразами подчеркивается и его приверженность традиции: «поддержал лирой бремя эпической песни» (Квинтиллиан). Стесихор как новатор выступает только в поздней античной мифографии, но одними инновациями творчество его не исчерпывается. Наряду с новыми трактовками мифов им разрабатывались и вполне традиционные сюжеты.

Бесспорно, новой в истории греческой литературы была триада: антистрофа повторяла полностью метрическую схему строфы, метрика эпода была особой. Это членение нашло продолжение в хоровых частях трагедии и в хоровых произведениях Пиндара, Вакхилида и др. Триада вошла в присловье «ты не знаешь триады Стесихора».

Обращает на себя внимание свобода, с которой обращался Стесихор с мифами. Именно в этом качестве Стесихор может быть признан источником и основой для построения ряда греческих трагедий. Стесихор занимает прочное место в истории греческой литературы благодаря александрийскому канону десяти лирических поэтов. Именно с эпохи эллинизма знакомство с произведениями Стесихора считалось обязательным для любой школы Греции и позднее — Рима. К концу античности его творчество послужило источником для мифологических разысканий. Большая часть свидетельств, дошедших до нас, восходит именно к этому времени.

В русской поэзии только стихотворение Вяч. Иванова «Палинодия» отсылает к творчеству Стесихора.

Н. Н. Казанский

ГЕРИОНЕИДА

<Поэма воспеваает один из подвигов Геракла — похищение быков Гериона. «Герион — сын Каллирои, дочери Посейдона, и Хрисаора. Стихотворец говорит, что у него было шесть рук, шесть ног и крылья» (схолий к «Теогонии», ст. 287). Стадо Гериона пас Эвритион.>

...напротив Эрифии славной,
где с гор сереброносных струятся
токи Тартесской реки
многоструйной, в расселине скал
родила его мать...

<В Эрифию или на какой-то другой остров прибыл Геракл.>

... <вместе с ним>
он по волнам бездонного моря приплыл
на остров прекрасный*. Там боги
населники, там Геспериды в чертогах златых
обитают.

<Геракл прибыл на запад в чаше (ладье) солнца.>

Уже сын Гипериона сильный
собирался взойти во златую ладью,
чтобы в ней, низойдя Океаном,
побывать бы в пустынности черной ночи
заповедной
подле матери, подле супруги своей,
подле милых детей.
А сын Зевса направился в рошу священную,
в кущи лавровые.

<Два папирусных фрагмента позволяют наметить еще одну сюжетную линию (предполагается, что это диалог Гериона с Меноитом, пастухом Аидова стада): Герион посягает на то, чтобы стать одним из олимпийских богов. Речь Меноита:>

Но, мой друг, помяни и мать Каллирою,
и пылкого в бранях
Хрисаора.
...в ответ же ему
Произнес многомошный потомок
Хрисаора бессмертного и Каллирои:
«Не смущай мне отважную душу словами
о хладе смертельном Аида
и не...
Ибо если бессмертен мой род, то, вовек не старея,
пребуду всегда сопричастником жизни Олимпа

* В Атлантическом океане помещали Остров богов, вход в Аид (последнему могла способствовать и близость названий Тартесс / Тартар).

СТРОФА

.....
 Если же я обречен достигнуть до старости страшной, —
 мимолетным жильцом, не причастным к уделу блаженных богов, —
 то не лучше ли ныне и сразу мне все претерпеть,
 что судьбою дано...»

АНТИСТРОФА

.....
 возразил Хрисаорову сыну:
 «Но блаженным богам да не будет любезно такое <слово твое...>»
 ... про наших коров
 <Далее следует диалог Гериона с Каллироей. Сохранилась речь
 Каллирои к Гериону.>

ЭПОД

...несказанно страдав, несказанно терпев,
 родила я тебя...
 <И теперь, Герион, я твои обнимаю колена.
 Моею грудью ты вскормлен...>
 <Герион остается неколебим в своем решении. Собравшись на
 Олимпе, боги решают его участь.>
 ...у Зевса-царя.

СТРОФА

Светлоокая дева Афина-богиня
 прорекла Герионову деду,
 отважному духом: «Коней повелитель,
 памятлив будь о своем обещании.
 Раз обещав,
 не желай Гериона от смерти избавить...»
 <Геракл убил Эвритиона и угнал стадо. Герион настигает его. Про-
 исходит битва.>

...мысленно взвесив

.....
 ...намного выгодней будет
 ...исподтишка воевать.

АНТИСТРОФА

мужу] сильному
 ...замышлял ему
 ...горькую гибель.
 держал он щит, защищая грудь,

но Геракл] по виску
 пора[зил его камнем, и тотчас
 с громким шумом упал] с головы [Герииона
 шлем,] увенчанный конским султаном,
 да так] на земле [и остался.
 ...<Геракл> жребий смерти ужасной
 уже ощущал у себя на челе.
 ...убийцы мужей,
 пестрой Гидры взял яд...
 ...кровью и желчью, которые та

АНТИСТРОФА

изрыгнула в миг смертных страданий,
 он стрелу напитал и нежданно врагу
 изловчился попасть в переносье.
 Божеством предназначенный путь свой
 стрела совершила,
 лишь у самого темени вышла и мышцы с
 кости совлекла.
 Тут на грудь, на покрытые кровью
 запекшейся члены багряная хлынула кровь.

ЭПОД

Голова Герииона склонилась долу, как мак,
 отцветая, когда он
 вдруг потеряет красу свою нежную,
 разом все лепестки осылая...
 <Геракл со стадом Герииона прибывает в Тиринф.>

ЕЛЕНА

<«Когда собрались свататься к Елене самые родовитые и прекрасные юноши Греции, Тиндарей, отец ее, стал опасаться, что, объявив жениха, всех остальных сделает своими врагами. Говорят, поэтому он взял с них общую клятву, что, если будет нанесена обида мужу Елены, все немедленно за него заступятся. Затем отдал Елену Менелая. Вскоре Елена была похищена Александром и все, кто дал клятву, приняли участие в походе. Рассказ у Стесихора» (схолий к «Илиаде» 2, 339). Значительное место в рассказе Стесихора занимало описание свадебных торжеств. Сохранилось описание свадебного поезда.>
 ...горсти яблок кидонских бросали царю в колесницу,
 сыпали ворохи миртовых листьев,
 роз и фиалок венки, пучки ячменных колосьев...
 <Вероятно, было подробное описание приданого.>

...для омовения ног серебра самородного чаша...
 <Далее описывалось похищение Елены Парисом.>
 ...за то, что однажды царь Тиндарей
 Киприду, дарящую кроткую нежность,
 забыл, совершая всем богам приношение.
 Гневом пылая, она
 обрекла дочерей Тиндарея дважды и трижды
 замуж выйти и мужа покинуть.

<В конце поэмы Елена возвращается к Менелаю. Вероятно, была сцена, контрастировавшая с описанием свадебного поезда. «...подобно и Стесихор пишет о тех, кто собирался побить Елену камнями. Он говорит, лишь увидели лик ее, уронили камни на землю» (схолий к «Оресту» Еврипида, ст. 1287).>

ЕЛЕНА. ПАЛИНОДИЯ

(Обратная песня)

<«Есть для погрешающих против мифов о богах древний способ очищения, неизвестный Гомеру, но о котором знал Стесихор. Лишившись за хулу на Елену зрения, он не остался в незнании своей вины, как Гомер, но, приобщенный к Музам, узнал вину и сразу исполнил:

Все неправда в рассказе этом:
 Ты на борт кораблей не ступала,
 Никогда не бывала ты в Трое,

а исполнив всю так называемую «Палинодию», моментально прозрел» (Платон «Федр».)>

РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ

СТРОФА 1

.....
 6 Богиня...
 Дева воспой...
 будь благосклонна.

АНТИСТРОФА 1

Ныне поведай о том, как у ясных стремнин
 10 Симоентских крутящихся волн
 волею грозной Афины-богини
 мужу смертному* было дано видеть меру и суть мастерства...
 Не славою браней и битв, но славою иной

* Мужу смертному — Эпею, строителю деревянного коня.

15 наделенный. Троянскому граду с высокой стеною
 плен он измыслил.

ЭПОД 1

Трои паденье трудами Эпея свершилось...
 Зевсова дочь пожалела его,
 ахейских царей водоноса.

<Далее, вероятно, фрагмент речи троянского вестника.>

250

...данаи

горящие яростью бранною ринулись вдруг
 из коня.

...ни земли колыбатель,

Трои священной защитник — Энносид...

ни Аполлон...

255 ни Афродита...

ни Артемиды святая

...не идут нам на помощь.

Верно, Зевс решил город разрушить.

.....

<Вестник говорил и о вступлении в Трою основного войска греков
 (...они идут напролом / ...вождям своим повинуюсь. Давайте /...), и
 об оказанном им сопротивлении. Слова «конец войны» (ст. 315) и,
 возможно, упоминание Зевса (ст. 314), вероятно, контрастировали
 со следующей речью троянского предводителя.>

Вы, Трои сыны, поспешайте строем
 сплоченным. И вы

ЭПОД 13

спешите, союзники Трои,
 в крепость ко храму. Забудем нас обманувшие
 речи! Злое коня изваянье —
 идол обетный богине — в дань бесчестьем
 мы отдадим на позор!

Нам ли бояться владычицы гнева?

<Сражение на акрополе Трои и во дворце Приама закончилось
 смертью Приама. Гекуба и дочери стали пленницами.>

НОСТЫ

(Возвращения)

<Название этой поэмы единожды засвидетельствовано у Павсания
 (10, 26, 1): «Стесихор пел в «Ностах», что Аристомеха, дочь Приама,
 была женой Критолая, сына Гикетаона». Сюжет поэмы должен со-

относиться с одноименной поэмой эпического цикла, в которой повествовалось о судьбе греческих героев, возвращавшихся из Трои. Как видно из единственного папирусного отрывка, судьба Одиссея была едва ли не в центре повествования. Отправляясь под Трою, Одиссеем оставил Телемаха младенцем. Выросший сын отправляется на поиски отца и прибывает к Менелаю и Елене.>

.....
...божий знак жена младая зрит — Елена
и, обратясь к Одиссееву сыну, такое промолвила слово:
«О Телемах, ты сюда как вестник Олимпа приспел,
пустыней эфира в наш дом с небес низойдя.
...громко крича,
что на вашем пороге явился сам Одиссей.
...муж
...промыслила дева Афина
...само по себе дверное кольцо заскрипело.
...тебя задержу ненадолго.
...ты настолько сын отца твоего
...увидев тебя, Пенелопа... »

ЭДИПОДИЯ

(Фиваида)

<Царь Эдип отрекся от престола и проклял своих сыновей, Этеокла и Полиника, наследников Фиванского царства. Между братьями возникла вражда, кончившаяся братоубийством. Мать Этеокла и Полиника (традиция называет ее Иокастой и Эпикастой; ее имя в поэме Стесихора не упомянуто) и прорицатель Тиресий пытаются положить конец возникшей вражде. >

АНТИСТРОФА 10

- 201 ...страдания не множь сраженной горем,
не угрожай мне бедой,
грядущую скорбь предрекая.

ЭПОД 10

- Нет, не навеки вражду
205 ...бессмертные смертным дают; на земле священной
нет ни распри неизбывной,
ни неизменной любви; переменчивый ум человеку
даруют боги.
Твои предвещанья, о Аполлон, сребролукий владыка,
210 пусть не все свершится.

СТРОФА 11

Если ж судьба мне узреть, как сына сын убивает,
 если судьбы моей нити так спряли Мойры,
 лучше бы сразу кончиною страшной жизнь завершилась,
 прежде чем здесь, во дворце,
 215 мне, стонущей тяжко от боли, плача, видеть
 мертвыми милых детей
 иль град в полоне вражьей рати.

АНТИСТРОФА 11

Дети, прислушайтесь к слову разумному матери вашей,
 Спору детей я нашла исход невраждебный.
 220 Жребию долю доверьте, с волею Мойр согласуясь,
 Пусть остается один
 в отеческих Фивах царить, владетель дома,
 сын же другой пусть уйдет
 со стадом, с золотом отцовским.

ЭПОД 11

225 Так, разуменьем моим,
 по вешему слову пророка избежите
 предреченных скорбей лютых.
 Если же город и отпрысков юных Кадма владыки
 Кронид возлюбит,
 230 пусть на долгие годы отдалит несчастья и беды,
 судеб немилость.

СТРОФА 12

Молвила, так говоря, богине подобная, в доме
 распря детей прекращая словом ласки.
 С нею вместе Тиресий... Он же...
 235 жребии тотчас встрясли.
 По первому жребию — доля домом править,
 градом фиванским владеть
 и всею областью фиванской.
 Жребий другой — уходить, серебром и златом владея,
 240 прочие Кадмова рода взяв богатства.
 козьи стада и отары овечьи...
 ...табун ...коней.

<Следующие стихи содержат напутственную речь Тиресия.>

256 ...слово сказал:

«.....»

263 ...многое ради вас
 ...суждено, чтоб случилось

...владыки Адраста
 ...пусть отдаст прекрасную деву.

.....»

ЭПОД

291 Так многославный прорек. И тотчас царевич-
 изгнанник чертог покинул.
 Милому вслед Полинику фиванские лучшие люди
 шли...

<Следовало описание путешествия Полиника к царю Адрасту (ст. 295: ...вышел к великой стене; ст. 299: ...к Истму пришел; ст. 302: ...к городам прекрасным Коринфа). Полиник женится на дочери Адраста и идет в числе семи героев против Фив. Можно думать, что поэма кончалась братоубийственной смертью.>

ЭРИФИЛА

<Единственный папирусный фрагмент содержит описание пира у Адраста.>

...промолвил, к нему обращаясь, Адраст, герой могучий:
 «Алкмеон, почему ты застолье оставил, прекрасную песню,
 встав, зачем прервал ты?»

Так сказал он. Тут, ему отвечая, промолвил сын Амфиарая,
 Арею любезный: «Милый, ты пей и свой дух улади
 пированьем...»

ОРЕСТЕЯ*

Муза, о войнах забыв,
 ты нынче славишь со мной
 женитьбы счастливых богов,
 мужей застолье,
 блаженных пиры.

 ласточки слышен когда
 щебет весенней порой

 Время пришло оживить
 в честь милых кудрявых Харит
 фригийскую нежную
 песнь — гимн им во славу

* Античные филологи разделили текст этой поэмы на две книги.

спеть: наступила весна.

.....

<Действие поэмы происходит в Лакедемоне. Агамемнон, вернувшийся из Трои, убит женой Клитемнестрой. В обычной версии мифа Клитемнестра мстила за принесение в жертву дочери Ифигении. У Стесихора был, вероятно, иной мотив ее действий, поскольку Ифигению он считал дочерью Тесея и Елены. Орест возвращается на родину отомстить за смерть отца; Аполлон дает ему лук. >

...дам я тебе этот лук —
он рукою моей изукрашен,
мощный, без промаха бьющий.

<Клитемнестра видит пророческий сон.>

Ей же пригрезилось: змей к ней ползет
и кусает в самое темя,
вдруг обернулся и стал
рода Плисфенова царь.

<ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЕСЕН>

хоровода песни
для Аполлона милы
и пляски хора.
Тяжкие стоны и плач —
Аида доля.
оплакивать мертвых совсем бесполезно, вовсе
ненужно...
но лишь умрет и благодарность сгинула.

ИВИК

(VI в. до н. э.)

Ивик из города Регия в Южной Италии был странствующим поэтом и жил при дворах тиранов. У Поликрата на острове Самос он встречался с Анакреонтом.

Ивик родился в то время, когда Стесихор был уже стар, его считают последователем Стесихора. Античные грамматикоты отмечали общность их языка. Ивик придавал новую форму гимну: превратил его в хвалебную оду — экномий. Этому способствовала придворная обстановка, в которой проходила жизнь поэта. Нововведение имело успех при дворе Поликрата, (он и стал одним из первых адресатов хвалебной песни).

Ивик, как и Анакреонт, — представитель любовной лирики, которая также находит выражение в жанре экномия. Страсть Ивик сравнивает с нетронутым «садом дев», где «кидонские яблони» напоены «речной струей». Кидонскими яблоками называли плоды айвы, яблоко в античной поэзии символизировало любовь. Поэт ждет прихода Эрота и одновременно боится его, ведь тот не знает жалости, глядит на свою жертву «влажномерцающим взглядом».

Из семи книг Ивика сохранилось около 40 стихов. Известна позднегреческая легенда о смерти Ивика от рук разбойников, которая легла в основу баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли».

Л. Б. Поплавская

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедры питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною же
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне же никогда не дает вздохнуть

Эрос. Летит от Киприды он —

Темный, вселяющий ужас всем, —
словно сверкающий молнией северный ветер фракийский,
и душу

Мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...

Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит
из-под век на меня

И чарами разными в сети Киприды
Крепкие вновь меня повергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

И горю, как долгою ночью горят
звезды блестящие в небе.

Мирты, и яблоки, и златоцветы,
Нежные лавры, и розы, и фиалки.

И соловьев
полная звуков заря
будит, бессонная

На дереве том,
на вершине его,
утки пестрые сидят
В темной листве;
много еще
там яркозобых пурпурниц
И гальцион быстrokрылых...

Кассандра, Приама дочь,
Синеокая дева в пышных кудрях,
в памяти смертных живет.

Симонид Кеосский

(ок. 556—468 гг. до н. э.)

Симонид родился на Кеосе, одном из Кикладских островов. В правление Гиппарха (сына тирана Писистрата) Симонид появляется в Афинах. Он встречается с другими поэтами — Ласом из Гермियोны и Анакреонтом. После убийства Гиппарха Симонид уже в зрелом возрасте отправляется в Фессалию ко дворам Скопадов и Алевадов, конец жизни он проводит у тирана Гиерона в Сиракузах. Придворная жизнь наложила отпечаток на поэтическое творчество Симонида. Многие его песни были посвящены прославлению властительных покровителей. Симонид даже пользовался влиянием у тиранов Сицилии; говорили, что он предотвратил войну между Гиероном Сиракузским и его зятем Фероном. Как свидетельствует словарь «Суды», Симонид умер в возрасте 89 лет и был похоронен в Сиракузах.

Симонид был очень плодовитым и разносторонним поэтом. Помимо эпиникиев (победные оды) и энкомиев, он был автором многочисленных эпиграмм и эпитафий. Симонид — родоначальник литературной эпиграммы. Из богатого наследия Симонида сохранилось около 100 фрагментов. Под конец жизни Симонид стал свидетелем победы греков над персами, ему принадлежала ода в память битвы при Фермопилах. Особенно известными были его трогательные трены — похоронные песни, в том числе в память 300 погибших героев-спартанцев во главе с царем Леонидом. Но не только герои настоящего трогали сердце и поэтическое воображение Симонида. Искусно драматизирован «Плач Данаи», которую ее отец, аргосский царь Акрисий, заключил в ковчег вместе с новорожденным сыном Персеем и бросил в море. Контрастно переданы тревога и безнадежность матери и безмятежность спящего младенца, не ведающего о своем будущем. Жалоба несчастной Данаи перерастает в колыбельную песню.

Стихи Симонида изящны, он предпочитал сложные эпитеты, но его язык при этом оставался ясным. Краткость выражения мысли у Симонида сродни элегическим поэтам. Многие из его изречений стали знамениты: «По нужде и жесткое сладко», «Что сбылось, тому уже не быть небывшим», «С необходимостью не сражаются даже боги».

Поэзия Симонида уже в древности была популярна и особенно любима в Афинах, чему способствовали не только проникновенная

ясность, афористичность и мастерство, но и то, что внимание поэта привлекали моменты настоящего и мифического прошлого, близкого и дорогого всем его ценителям. Симонида цитировал Аристофан, его тексты для поучений использовали философы во главе с Платоном, стихи Симонида изучали в школе.

Л. Б. Поплавская

Ведь ты человек, —
Не говори ж,
 Что́ нам на завтра готовится.
Счастливец ли зришь, —
5 Ты не гадай,
 Счастье надолго ли.
Быстрее, чем мухи крылатой полет,
В нашей жизни все меняется.

Ибо даже и те, что богами-владыками
Были в прежние дни рождены, полубоги-мужи
Бесконечно, беспечно, безмятежно не прожили
Вплоть до старости поздней.

Ибо все исчезает в одном устрашающем водовороте:
И богатство, и высшие доблести.

...Но мало сил
Есть у людей, и стремленья их тщетны, и краткий их век —
Только смена трудов и тягот,
А смерть нависает над каждым, неизбежна для всех:
5 И этот удел ниспослан равно
И лучшим,
И тем, кто плох.

Иначе как от богов
Никому не дается доблесть, —
Ни человеку, ни граду.
Бог все разумен. Но бrenно
5 Все среди смертных.

Нет такого зла,
Чтоб для смертных было неожиданным:

Во мгновенье ока
Все низвергает бог.

- Бессчетные стаи птиц
Порхают над его головой,
И прямо прядают ввысь
Рыбы из темно-лазурных вод,
5 Когда сладкая манит их песнь.

- Некое слово* гласит:
Доблесть высоко на скалах живет неприступных
И зорко блюдет свой предел заповедный,
Очам не всякого смертного зрима,
5 Но только тому, кто со многим по́том
И муками взыдет туда,
Мужества высей достигнув.

- Кто, полагаясь на разум, похвалит Клеобула, жителя Линда,
Если вечных теченью рек, и вешних цветенью трав,
И пламени Солнца, и свету Луны золотой,
И вихрям морским уподобил
5 Он жизнестойкость кумира над гробом**?
Все, что ни есть, слабее богов. А камень
Разрушат и руки смертных.
Только муж неразумный так мыслит.

<ИЗ ПОХВАЛЬНОЙ ПЕСНИ ПАВШИМ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ>

- Светел жребий и подвиг прекрасен
Убиенных перед дверью фермопильской!
Алтарь — их могила; и плач да не смолкнет о них, но да будет
Память о славных живою в сердцах! Время
5 Не изгладит на сей плите письмен святых,
Когда все твердыни падут и мох оденет их следы!
Тут схоронила свой цвет Эллада, любовь свою.
Ты, Леонид, мне свидетель о том, спартанский воин,
Чей не увянет вечный венец.

* Выражение из поэмы Гесиода «Работы и дни».

** Статуя над гробницей Мидаса; автором надписи на этой гробнице Симонид считает мудреца Клеобула.

<ЖАЛОБА ДАНАИ>

Когда кругом искусного ларца
Забушевали ветер, зной и волны,
Она, с щеками, мокрыми от слез,
Персея шею нежно охватила
И молвила: «Дитя, как стражду я!
Ты ж тихо дышишь здесь и, безмятежно
Покаясь в наряде этом безотрадном,
Среди глубокой, непроглядной тьмы,
Предоставляешь, не тревожась, волнам
Катиться над головкою кудрявой
И буре бушевать.
Ты улыбаешься в пурпурной одежде...
Ах, если б ведал ты весь этот ужас,
Тогда внимал бы мне тревожным слухом.
Носись, дитя! Пусть стихнут волны моря,
И пусть уснет отчаянье во мне.
Ты ж измени решение роковое,
О Зевс! А если просьба эта — грех,
Прости меня, отец, из-за младенца...»

Коринна

(первая половина V в. до н. э.)

Где жила поэтесса Коринна, можно сказать довольно определенно. Павсаний и «Суда» указывают на беотийское селение Танагра как на место ее рождения (правда, в двух других статьях «Суды» есть также указания на Коринф и Фивы). Во всяком случае, имена родителей Коринны (приводимые «Судой») беотийские; содержание и язык ее стихотворений недвусмысленно свидетельствуют о том, что Коринна жила в Беотии. Время жизни установить труднее. Есть сторонники поздней датировки (III в. до н. э.). Античные авторы II в. н. э. (Павсаний, Элиан, Плутарх), основываясь на преданиях, относят Коринну ко времени ее великого соотечественника — Пиндара (якобы она даже учила его сочинять, побеждала его на состязаниях). Язык и стиль поэтессы говорят в пользу ранней датировки, так что большинство ученых датирует творчество Коринны первой половиной V в. до н. э. Коринну цитировали эллинистические авторы, отрывки ее стихов были найдены на папирусах (отмечают, что при воспроизведении текстов Коринны особая орфография, принятая в древней Беотии, была упразднена — это важно для вопроса о датировке); нам известно об издании Коринны в Александрии ок. 100 г. до н. э. Возможно, уже в римскую эпоху Коринна была включена в знаменитый александрийский канон лирических поэтов (которых, таким образом, стало 10).

Судя по дошедшим заглавиям, Коринна обрабатывала сюжеты беотийских мифов («Семеро против Фив», «Июлай»). Сохранился фрагмент, посвященный поэтическому состязанию двух гор — Киферона и Геликона. (Судьи, олимпийские боги, присудили победу Киферону, а Геликон со злости устроил камнепад.) Другой отрывок передает местное предание о речном боге Асопе и его дочерях, одна из которых стала избранницей Зевса. Стиль Коринны очень выразителен: прозрачный (в отличие от Пиндара) метрический рисунок стиха, простой, предельно ясный (опять-таки не как у Пиндара) язык — беотийский диалект с вкраплением гомеризмов. При этом сама поэтесса высоко ставит Пиндара, считает, что женщине уж во всяком случае с ним не сравниться.

М. М. Позднев

СОСТЯЗАНИЕ ГЕЛИКОНА С КИФЕРОНОМ*

Пел он давнее сказанье
О пещере, где куреты
Благодатного младенца,
Зевса, выкормили втайне
От обманутого Реей
Злоизмысливого Крона.

С той поры высокочтима
У бессмертных мать-богиня.
Так он пел. Мгновенно муза
Побудила олимпийцев
Бросить камешек судейский
В златоблещущие урны.

Боги встали, порадели
Киферону. Тотчас Гермий
Возгласил громоподобно
О победе, и овчину
Небожители венками
Разукрасили счастливицу.

Но под бременем обиды
Геликон рванул ревниво
Гладкосточенную глыбу:
Подалась гора, — и ринул
С воплем жалобным громаду
На теснившийся народ...

ДОЧЕРИ АСОПА

Муз фиалкоувенчанных
Дар поведаю — песнями
Славословить бессмертных.

О ту пору, как Зевс-отец,
Благ податель, избрал одну
Асопиду-Эгину: срок
Ей придет, — будет счастлива
На путях громовержца.

* Герои, в честь которых названы самые большие горы в Беотии, состязаются перед богами в пении.

.Оракул Асону
«Трех дочерей Зевс возлюбил,
Зевс, — отец и вселенной царь,
Трех увлек владыка морей
Посейдон, двух преклонил
Феб на брачное ложе,

И могучий Гермий одну,
Майи сын. Так Эроса зов
Властно завлек волю богов
Тайно войти в дом девяти:
Дев похитить — избранниц.

Будет пышен сев матерей.
Рок им судил: племя родить —
Род героев-полубогов.
Так говорю. Ведомо так.
Так пророчит треножник.

Сан мой высок. Вверили мне
Храм пятьдесят грозных моих
Кровников. Здесь, в месте святом,
Я, Акрефэй, призван вещать
Правды верное слово.

Дал Аполлон некогда в дар
Эвониму право вещать;
На треножник Феба воссев,

Эпонима сверг Ири́й,
Стал преемником вещим
Посейдона сын, Ирией!
Орион эти земли взял,
Мой родитель. На́ небе он,
Вознесенный, ныне звездой
Нам во славе сияет.

Непреложно слово мое.
Все, что знаю, — знаю от них.
Ты же, друг, о родич богов,
Сбрось тревог безрадостный груз,
Будь подобен бессмертным».

Так говорил вещий святой.
И, слезу роняя из глаз,
Прикоснулся к правой руке

Прорицателя бог Асон
С лаской. Речью ответил.

Дела героев и героинь
На ионийский лад я пою.

Белоодежным я лишь пою
Танагриянкам песни мои;
Радости много город родной
В тех песнопеньях звонких нашел.

Я Миртиде
Ставлю в упрек звонкоголосой:
Спорить за приз с Пиндаром ей —
Женщине — смысл был ли какой?

Пиндар

(ок. 518—442/438 гг. до н. э.)

Пиндар, по словам Квинтилиана, был самым выдающимся из девяти* греческих лириков. Признание исключительного дарования Пиндара современниками и уважение потомков способствовали тому, что целиком сохранились более сорока его произведений. Пиндар родился в селении Киноскефалы близ города Фивы, был их гражданином. Предполагают, что он был отпрыском знатного дорийского рода Эгидов, представители которого жили в различных городах Пелопоннеса после дорийского нашествия.

Первое известное сочинение Пиндара — X Пифийская ода — относится к 501 г. до н. э. Во время греко-персидских войн Пиндар прославлял роль Афин в этой освободительной борьбе, и Афины вознаградили поэта. Пиндар много странствовал по Греции, предпочитая остров Эгина, который назвал «блестящей звездой Зевса эллинского». В 476 г. он отправился на Сицилию, жил при дворах Гиерона Сиракузского, Ферона Акрагантского, Аркесилая Киренского. Но даже при дворах правителей Пиндар держался независимо. По словам одного из поздних биографов Пиндара, от лести и угодничества поэта предохраняла его гордость. По словам древних, другом и почитателем Пиндара был македонский царь Александр I, сын Аминты. Через сто с лишним лет Александр Великий, разрушив Фивы, пощадил дом поэта. Пиндар умер в Арисе, дожив до преклонного возраста. Последнее его произведение — VIII Пифийская ода — датируется 446 г.

Пиндар работал в разных жанрах торжественной лирики, но известность получил благодаря своим эпиникиям — одам в честь победителей на играх. От большинства стихов, кроме эпиникиев, дошли фрагменты. Эпиникии делятся на четыре книги по названиям состязаний: олимпийские, пифийские, немейские и истмийские. Приветствуя победителя, Пиндар не просто занят славословием, он философски оценивает сам факт победы героя. Поэт полагал, что победа может на краткий миг приблизить людей к богам, а слово поэта — «немеркнувший отсвет ширококосильной доблести» (IV Олимпийская ода). Поэзия для Пиндара не только ремесло, но и высшее знание — мудрость. Он горд своим пред-

* См. статью «Сольная лирика».

назначением поэта. Гораций сравнивал каждого, кто хотел соревноваться с Пиндаром в мастерстве, с Икаром, которому не достигнуть солнца.

Бытует мнение, что Пиндар сочинял эпиникии на заказ и, следовательно, зависел от своих заказчиков — родственников, друзей или покровителей участников агонов. Но сам Пиндар считал, что «от богов рождены все свершения смертных доблестей: все, кто мудр, все, кто силен, все, кто речист» (I Пифийская ода). Пиндар полагал, что обязан восхвалять подвиги современников наряду с деяниями далекого прошлого. В I Олимпийской оде Пиндар славит сиракузского тирана Гиерона, победившего в состязаниях 476 г. От победы самого Гиерона Пиндар переходит к прославлению его предков. В связи с этим упомянута победа древнего Пелопа над Эномаем — царем Олимпии. Тогда Пелоп становится властителем всей страны, получившей его имя — Пелопоннес (остров Пелопа). Затем Пиндар предостерегает Гиерона: нельзя заноситься выше меры, отпущенной человеку богами. Поэт использует миф о Тантале, который тщеславием навлек на себя несчастья: «За великую гордыню понес он от вышнего Отца величайшую казнь». Мифы нужны Пиндару не сами по себе, а как поэтическое обоснование современных побед. Непременное условие успеха — личные добродетели героя. Добродетель человека переходит к нему от его народа и предков. Пиндар прославляет аристократическую доблесть, но подчеркивает, что ее формирует умеренность: «Не рвись быть Зевсом: у тебя есть всё. / Смертному — смертное!» (V Истмийская ода).

В творчестве Пиндара жанр эпиникии достигает наивысшего расцвета. Поэтический язык Пиндара довольно сложен, поэт переходит к новой мысли, используя анаколумы, пропуская союзы. Для лирики Пиндара характерны смелые метафоры, необычные словосочетания и сложный стихотворный размер.

Л. Б. Поплавская

ПЕСНЬ I, ОЛИМПИЙСКАЯ <ПЕЛОП>

*Гиерону Сиракузскому
и коню его Ференику на победу в скачке.
Год — 476*

- 1 с. Лучше всего на свете —
 Вода;
 Но золото,
 Как огонь, пылающий в ночи,
 Затмевает гордыню любых богатств.
 Сердце мое,
 Ты хочешь воспеть наши игры?
 Не ищи в полудневном пустынном эфире
 Звезд светлей, чем блещущее солнце,
 Не ищи состязаний, достойней песни,

Чем Олимпийский бег.

Лишь отсюда многоголосый гимн

Разлетается от мудрых умов,

Чтобы славить Кронида

10

У блаженного очага Гиерона —

1 а. Гиерона, который владеет

Скиптром правосудия в стадообильной Сицилии,

Гиерона, у которого в житнице —

Наливные колосья всех добродетелей,

Гиерона, который блещет

Славословием песнопений

Среди нашего веселья на его гостеприимном пиру.

15

Сними же с гвоздя

Дорийскую лиру,

Если в душу скользнула сладкою заботою

Радость о Писе и о Ференике,

Который, мчась при Алфее,

20

Не касаем бичом,

Причастил победе своего господина —

1 з. Царя Сиракуз,

Любителя конеборств.

Слава Гиерона сияет

В этом славном мужами поселенье лидийского Пелопа —

Пелопа, которого полюбил держатель земли Посидон,

25

Когда Клото воздвигла его из чистой купели

С плечом, блиставшим слоновьей костью.

...Но нет, это сказки:

Ведь так часто людская молва

Переходит за грани истины;

И сказания, испещренные вымыслами,

Вводят в обман.

2 с. Ведь Харита,

30

Подательница всего, что нам мило,

Столько уж раз

Представляла нам неверное верным!

Нет: бегущие дни — надежнейшие свидетели:

Человек о богах

35

Должен говорить только доброе,

И на нем не будет вины.

Пелоп, сын Тантала!

Я скажу о тебе иное, чем предки:

Я скажу, что некогда твой отец,

Созывая богов на милый Сипил,

Благозаконно

- Воздавал им пиром за пир, —
И когда-то сверкающий трезубцем бог 40
Схватил тебя и унес,
2 а. Ибо страсть придавила его сердце.
На своих золотых конях
Он вознес тебя к Зевсу в небесный
широкославный чертог,
Где такая же страсть поселила потом Ганимеда. 45
Ты исчез,
И люди искали, но не нашли тебя для матери;
А завистник-сосед
Стал, таясь, рассказывать людям,
Как в воду, кипящую на огне,
Острым изрубленное ножом,
Падало тело твое,
Как делили его за столом на куски и ели. 50
- 2 э. Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!
Слишком часто кара настигала богохульников.
Если олимпийцы чтили когда-нибудь смертного —
Это был Тантал;
Но не мог он переварить своего великого счастья — 55
За великую гордыню понес он от высшего Отца
Величайшую казнь:
Исполинский камень, нависший над лбом.
Он рвется его свалить,
Он забыл блаженный покой, 60
3 с. В безысходной жизни он окутан мучением,
Четвертым к трем —
Потому что он похитил у вечноживущих
Для сверстных себе застольников
Нектар и амбросию,
В которых было бессмертье. 65
Не прав,
Кто надеется, человек, укрыться от ведома бога!
Оттого-то
И вернули его сына бессмертные
К кратковременной доле жителя земли.
- А когда расцвели его годы,
Когда первый пух отемнил его щеки, 70
Он задумался о брачной добыче,
3 а. О славной Гипподамии, дочери писейского отца.
Выйдя к берегу серого моря,
Он один в ночи

- Воззвал к богу, носителю трезубца,
 К богу, чей гулок прибор, — 75
 И бог предстал пред лицом его.
 Сказал Пелоп:
 «Если в милых дарах Киприды
 Ведома тебе сладость, —
 О Посидон!
 Удержи медное копье Эномая,
 Устреми меня в Элиду на необгонимой колеснице,
 Осени меня силой! 80
 Тринадцать мужей, тринадцать женихов
 Погубил он, отлагая свадьбу дочери:
- 3 а. Велика опасность, и не для робкого она мужа, —
 Но кто и обречен умереть,
 Тот станет ли в темном углу праздно
 варить бесславную старость,
 Отрешась от всего, что прекрасно?
 Испытание это — по мне,
 А желанная победа моя — от тебя!» 85
 Он сказал —
 И слова его были не праздными.
 Для славы его
 Дал ему бог золотую колесницу и коней
 с неутомимыми крыльями*.
- 4 с. Он поверг Эномаеву мощь,
 Он возлег с его дочерью,
 И она родила ему шесть сыновей,
 Шесть владык, блистающих доблестью.
 А теперь, 90
 Почитаемый ярью кровавых возлияний,
 Он почитет у Алфейского брода,
 И несчетные странники стекаются к его могиле
 Помолиться у алтаря. 95
 Но слава его,
 Слава Пелопа
 Далеко озирает весь мир с Олимпийских ристалищ,
 Где быстрота состязается с быстротой
 И отважная сила ищет своего предела;
 И там победитель 100
 До самой смерти
 Вкушает медвяное блаженство
- 4 а. Выигранной борьбы, —
 День дню передает его счастье,

* Так изображали коней Пелопа.

А это — высшее, что есть у мужей.

А мой удел —

Конным напевом, эолийским ладом

Венчать героя.

105

Я знаю:

Никого из ныне живущих,

Столь искушенного в прекрасном, столь

превосходного в могуществе,

Не прославим мы складками наших песен.

Некий бог, пекущийся о твоих помышлениях,

Бдит и над этим твоим признанием, Гиерон.

110

Если он не оставит тебя —

Я верю, что я вновь еще сладостней

прославлю

4 э. Стремительную твою колесницу*,

Проложив колею благодетельной хвалы

По склонам издали видного Крония:

Самую крепкую стрелу свою

Муза еще не сработала для меня.

115

Разным людям — разное величие;

Высочайшее из величий — венчает царей;

О, не стреми свои взоры еще выше!

Будь твоей долей —

Ныне попить вершины;

А моей —

Обретаться рядом с победоносными,

Первому во всем искусстве перед эллинами.

ПЕСНЬ III, ПИФИЙСКАЯ <АСКЛЕПИЙ>

Гиерону Сиракузскому

утешение в болезни.

Год — 474 (?)

1 с. Хирон, сын Филиры!

Общую волю приняв на свой язык,

Как я хотел бы

Видеть его, отошедшего, живым,

Многозаботное чадо Уранида Крона,

Дикое чудо с дружелюбной думой,

5

Хозяина Пелионских долин!

* Победа на колеснице считалась самой почетной.

- Таков он некогда вскормил Асклепия,
Утолителя тел, пугателя недугов,
Доброго плотника безболя, —
- 1 а. Которого еще и не родила
Вспомогаемая Илифией
Дочь конеборного Флегия*,
Как под золотыми стрелами Артемиды 10
Сошла она, правимая Фебом,
Из опочивальни — в незрячий дом:
Не бессилен гнев Зевсова племени!
Пренебрегши богом, скривясь умом, не
сказавшись отцу,
Иной она выбрала брак, —
А была уже смешана с неостриженным Аполлоном,
- 1 а. А несла уже в лоне чистый его посев. 15
Не ждала она, пока грянет брачный хор
В вечерних запевах девушек-подруг, —
Хотела она того, что не дано: 20
Многих горькая участь!
Самая пустая из людских пород —
Та, что порочит ближнего, жаждет дальнего,
В несбыточном чаянье гонясь за тщетой.
- 2 с. Таково было горделивое
Ослепление Корониды в красе ее одежд: 25
На ложе она взошла
К аркадскому пришельцу —
Но не убереглась от бдительного:
Из Пифона, приемлющего стада,
Царственный Локсий**
Внял вернейшему из общников,
Положился на всеведущий свой ум,
Который не лжет,
Которого не ввести в обман
Ни богу, ни смертному, ни думой, ни делом; 30
- 2 а. И познав изменную неправду
Гостя-наложника, Исхия Элатида,
Он послал единокровную сестру свою
В полете неумного гнева
К лакерийским обрываам Бебиады***,
К дому девы. Там чуждый демон,
Совратитель, стал погубителем 35

* Коронида.

** Прозвище Аполлона, буквально переводится как «вещающий иносказательно».

*** Озеро в Фессалии; Лакерия — название города.

- И ее и ближних ее,
Ибо общей была их гибель:
Единое огненное семя
Выжгло нагорный лес.
- 2 а. Но уже положили родичи девушку на сруб,
И уже обегал ее тело буйный Гефестов язык,
Как молвил Аполлон: 40
«Не потерпит сердце мое
В материнской тяжелой страде
Жалкой гибели моей породе».
Он сказал,
Он шагнул,
Он выхватил сына из трупа,
И пылавший пожар расступился перед ним.
- А унес его бог к магнесийскому кентавру 45
Для науки
Исцелять живущих от страдальных недугов.
- 3 с. Шли к нему, кто сжился с язвами, евшими себя,
Кто ранен блеклой медью или дальним камнем,
Кого гложет стужа и летний зной, — 50
Он разрешал их страсти, изымал из мучений,
Одних обхаживал мягкими запевами,
Других миротворным питьем
Или снадобьем, обхватывающим рану,
А иных спасал ножевой разрез.
- 3 а. Но корысть — обуза и умению.
Золото, сверкнув из рук несметной мздой, 55
Совратило его
Вырвать из смерти схваченного смертью;
И палящая молния от Кронидовых мышц,
Пав меж этим и тем*,
Затворила вздох в его груди,
Обоих обомкнула их участью,
Ищи себе смертный у богов
Уменья по уму, ступени по стопе, 60
Помни, в какой мы доле.
- 3 а. Не пытай бессмертия, милая душа —
Обопри на себя лишь посильное.
- Если бы в Хироновой пещере
Жив был здоровый его дух,
Если бы медвяная моя хвала
Чарою запала в его сердце, 65

* Между Асклепием и исцеленным героем.

- То явил бы он знатным людям по мольбам моим
 Лекаря жгучих болей,
 Зовущегося по Фебу или по Фебову отцу.
 И я взрезал бы ладьей ионийскую зыбь
 К истоку Аретусы,
 К этнейскому гостеприимцу,
- 4 с. Пастырю Сиракуз, 70
 Кроткому владыке над гражданами,
 Беззавистному к добрым, чадолюбивому к странникам.
 Я сошел бы к нему, неся двойное благо —
 Золотое здоровье
 И песню,
 Сверкающую венками от пифийских побед,
 Первоскачущим Фереником сорванных в Кирре*:
 Ярче небесной звезды 75
 Я встал бы ему над морскою глубиью.
- 4 а. Теперь же мои мольбы —
 К Матери, великой богине,
 Воедине с Паном величаемой девичьим пением
 У ночного моего порога.
 Если дано тебе, Гиерон, 80
 Всякую речь схватить за острие,
 То ведомо тебе древнее слово**:
 «С каждым счастьем по два несчастья смертным
 шлют небожители».
- Немудреный их красиво не вынесет,
 А вынесет добрый, на лучшее обернув.
- 4 з. Спутник твой — благо, 85
 Смотрит на тебя, единого из всех, большая судьба,
 На царя народов;
 А нескользкой жизни не было дано
 Ни Пелею, сыну Эака,
 Ни Кадму, равному богам.
 Не они ли слынут блаженнейшими меж смертных,
 Не они ли слышали песнь повитых золотом Муз
 И на кручах*** 90
 И в семивратных Фивах,
 Когда брал один волоокую Гармонию,
 А другой — прославленную Фетиду от советного Нерее?
- 5 с. С обоими пировали боги,
 И сыны Кронида сидели на золотых престолах,

* Дельфийский порт.

** Схолиасты ссылаются на Гомера («Илиада». XXIV, 527—532).

*** На горе Пелион Пелей взял в жены Фетиду; в Фивах Кадм женился на Гармонии.

- И дарили дары.
В милости Зевса 95
Пресобразились былые их невзгоды и воспрянул дух.
Но и после
Одного обездолили радостью пронзающие муки
трех дочерей,
Хоть и сам нисходил Зевес к вожделенному ложу
белолокотной Фионы,
- 5 а. А другого единственный сын, 100
Бессмертною Фетидою рожденный во Фтии,
Под луком войны испустивши дух,
С пылающего костра
Плач взметнул меж данайцев.
Нет: чей ум на верном пути,
Тот радуйся выпавшему от блаженных;
Переменчивы ветры в выси,
Ибо недальний попутчик человеку — 105
Давящая полнота обилия.
- 5 з. Малый в малом, большой в большом, —
Это и я,
Осеняющего меня демона
Чтущий всею мерою ума.
Если бог мне явит нежащее богатство, — 110
Надежда моя — на высокую славу впереди.
Нестор и ликиец Сарпедон, живые в молве,
Ведомы по гремящим словам,
Сложенным мудрыми слагателями.
Только в песнях -- увековечение доблести,
Но немногим оно дано.

Вакхилид

(ок. 505—452 гг. до н. э.)

Вакхилид — младший современник Пиндара, племянник Симонида Кеосского, представитель торжественной хоровой лирики. Он также был придворным поэтом, одно время жил с Пиндаром и Симонидом у сицилийского тирана Гиерона. Гиерону Вакхилид посвятил три оды (476, 470, 468 гг. до н. э.). По свидетельству Плутарха, Вакхилид был изгнан с родного острова Кеос, причины нам не известны. Последняя ода была написана Вакхилидом в 452 г. до н. э., это VI ода в честь Лахона. Поэзия Вакхилида охватывала все виды хоровой лирики. Он был популярен, и его включили в александрийский канон девяти лирических поэтов.

В 1896 г. был открыт египетский папирус I—II вв. н. э. с эпиникиями и дифирамбами Вакхилида. До этого было известно лишь 50 фрагментов. Египетский папирус, который хранится в Британском музее, включает 20 произведений Вакхилида, из них 17 полных и несколько отрывков, в общей сложности 1400 стихов.

Эпиникии Вакхилида строятся так же, как у Пиндара: в начале сообщается о факте победы, далее вводится миф, затем следуют моральные сентенции. Ода в честь Гиерона Сиракузского (468 г. до н. э.) — наглядный пример такой композиционной организации произведения. Миф о Крезе, основанный на историческом событии (падение Сард в 546 г. до н. э.), служит подтверждением того, что боги не оставляют своих щедрых почитателей — таких как Крез и Гиерон. Доблесть героя осмысливается Вакхилидом не как врожденное свойство (как это было у Симонида), а как результат деятельности самого человека.

Дифирамб, известный под названием «Юноши, или Фесей» (470 г. до н. э.), связан с аттическим циклом мифов. Фесей (Тезей) был легендарным царем Афин, ему приписывают объединение двенадцати городов Аттики и учреждение Делосского союза. В Афинах находилось святилище героя. По мифу, Афины платили дань критскому царю Миносу: раз в семь лет семерых девушек и семерых юношей посылали на съедение чудовищу Минотавру. Чтобы положить конец этой зависимости, Фесей сам отправился с очередным кораблем на Крит. Во время плавания Минос, который сопровождал жертв, испытал страсть к девушке Эрибее. Защищая ее, Фесей говорит Миносу: «Удержись, многовластный, от насилия!» (перевод М. Л. Гаспа-

рова). Разгневанный Минос, напоминая, что он сын Зевса, призывает небесного отца, и ему в ответ сверкает молния. Затем критский царь бросает в море кольцо. Фесей должен достать кольцо из моря, чтобы доказать свое происхождение от Посейдона; если Посейдон действительно прародитель Фесея, то должен помочь. Фесей прыгает с корабля, и дельфины относят его в подводный дворец, там он видит дочерей Нереея — бога моря, а Амфитрита надевает на Фесея венок. Когда с кольцом в руках Фесей появляется у борта корабля, юноши встречают его ликуя. Отсюда название дифирамба — «Юноши, или Фесей». Считается, что этот дифирамб должен был подтвердить право Афин на морскую гегемонию в Делосском союзе, по другим данным, жанр этого стихотворения — пеан в честь Аполлона Делосского. Поскольку Фесея чтили как основателя государственного устройства Афин и личность этого героя была очень популярна, Вакхилид посвятил ему еще один дифирамб — «Фесей» (до 470 г. до н. э.).

Драматизация лирики, и особенно дифирамба, в творчестве Вакхилида связана с расцветом драмы. В Афинах в это время уже ставили трагедии. Поэт, прославившийся прежде всего благодаря своим дифирамбам, вплотную подошел к зарождавшейся трагедии.

Л. Б. Поплавская

ПЕСНЬ III, ОЛИМПИЙСКАЯ <КРЕЗ>

*ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ,
сыну Диномена, на победу в колесничном беге.
Год — 468*

- 1 с. Владычицу плодотворной Сицилии,
Деметру и Кору* в синем венке
Воспой, Клио,
Дарительница сладких даров,
И воспой стремящихся гиероновых коней
В олимпийском беге,
- 1 а. Где гордая победа и блещущая Харита 5
Ринули их над ширью пенного Алфея,
Ими стяжав блаженные венки
Сыну Диномена, —
- 1 э. — и грянул люд: 10
«Трижды счастлив тот,
Кому от Зевса дано в удел
Многолюднейшее владычество меж эллинов!
Он умеет горы своих богатств

* Гиерон был наследственным служителем их культа в Сицилии.

- Не окутывать черным плащом темноты;
 2 с. Храмы полны празднествами закляний его, 15
 Улицы полны гостеприимством пиров его,
 Золото его мерцающим блеском горит
 На высоко выделанных треножниках
 2 а. Перед храмами
 Где святую Фебову землю 20
 Орошают дельфийцы касталийской струей».

- Богу, богу
 Да воздается наш блеск —
 Нет на свете вернейшего блага!
 2 з. Так когда-то
 Владыку лидян, обуздателей коней,
 В час свершения Зевсова суда*, 25
 В час, как Сарды пали под персидскую рать,
 Спас Креза
 3 с. Феб Аполлон о золотом мече.
 Нечаянного достигнув слезного дня,
 Не желал властелин ждать рабской неволи: 30
 Он воздвиг костер
 Перед кованными медью палатами,
 3 а. Он взошел на него
 С верной женой и неутешными кудрявыми дочерьми,
 Он воздел ладони к крутым небесам, 35
 3 з. Он вскричал:
 «Непосильный бог!
 Где благодарность вышних?
 Где Феб-владыка?
 Вот губится Алиаттов дом** 40
 За несчетные [пифийские дары мои],
 4 с. [Рушится город] перед персами,
 Кровью потек золотой Пактол,
 Неподобно ведут женщин из крепких теремов; 45
 4 а. И, грозная прежде, мила теперь
 Сладчайшая смерть».

Так молвил Крез
 И мягко ступающему*** слуге
 Повелел поджечь деревянный сруб.
 Вскрикнули девы, 50

* По этому суду четвертому потомку (которым и оказался Крез) лидийского царя Гига, убившего царя и захватившего власть, была назначена расплата за этот грех.

** Дом отца Креза.

*** Признак азиатской изнеженности, которой попрекали лидян.

- Милыми руками обвивая мать,
 4 а. Ибо всех смертей страшнее — предвидимая.
 Но когда просквозила уже костер
 Яркая мощь грозного огня, —
 Вывел Зевс 55
 Тучу, в черный окутанную мрак,
 И хлынул на рыжее пламя.
- 5 с. Не превыше веры
 Забота богов:
 Делосский Феб
 И старца-отца, и узконогих дочерей 60
 Унес на покой в края гипербореян, —
- 5 а. Ибо чтит он богов,
 Ибо больше всех
 Присылал он в божественные Дельфы.
- Так и ныне меж владеющих Элладой
 Ни единый не скажет смертный,
 5 а. Будто столько нес он золота Локсию, 65
 Как ты,
 прославляемый Гиерон!
 Кто не кормится завистью,
 У того на устах вечная хвала
 Любимцу богов,
 Любителю коней,
 Воину-мужу,
 Носителю Зевсова [праведного] скиптра, 70
- 6 с. Причастнику синекудых Муз,
 Прежде — грозному [силой рук],
 [Ныне — мирно] следящего насущный [час].
- Коротка жизнь,
 6 а. А крылатая надежда смущает ум 75
 Мимолетных смертных; но владыка Феб
 Молвил недаром сыну Ферета:
 «Кто смертен — тот взращивай двойную мысль:
 6 а. Что завтра — твой последний рассвет 80
 И что пятьдесят еще лет*
 Довершишь ты, погруженный в богатство.
 Честное твори и душой веселись,
 Ибо это — лучшая из прибылей».
- 7 с. Разумеющему ясно слово мое: 85
 Нетленен глубокий эфир,

* Цифра, условно означающая «очень долго».

- Не испятнана морская волна,
 Вечно отрадно золото, —
 Человеку же не дано,
 Миновавши убеленную старость,
 7 а. Воротить себе юношеский цвет.
 Но лучистая доблесть 90
 Не меркнет вслед смертному телу,
 Ибо Муза — питательница ее.
 Ты, Гиерон,
 7 з. Миру явил лучший цвет удачи;
 А кто счастлив в свершениях,
 О том не промолчат, 95
 И в правдивой той похвале
 Помянется песнею и этот тебе медвяный дар
 Кеосского соловья*.

ЮНОШИ, ИЛИ ФЕСЕЙ

Год — до 470

- 1 с. С черною кормою корабль,
 Уносящий с Фесеем
 Дважды семь блистательных юных ионян,
 Разрезал уже Критское море;
 Далеко видимый парус 5
 Выгибался под дующим Бореем,
 Милостью славной Афины,
 Потрясающей воинственной эгидою, —

 Когда уязвили сердце Миноса
 Святые дары Киприды, 10
 Богини, увенчанной страстью:
 Не сдержал он руку перед девушкой,
 Коснулся белых ее щек.
 Вскрикнула Эрибея
 К Пандионову медному внуку**, 15
 Увидел это Фесей,
 Черные под бровями закружились очи,
 Лютая боль помutilа ему дух,
 И молвил он:
 «Сын изобильного Зевса, 20
 Недолжный ты кормчий духу своему:

* Напоминание знаменитого зачина I олимпийской песни Пиндара.

** Фесей как сын Эгея.

- Удержись, многовластный, от насилия!
- 1 а. Что от богов нам назначено необорною Долею,
 Куда клонятся весы Справедливости, — 25
 Все сужденное нам мы примем в свой срок;
 А ты умерь тяжесть духа своего:
 Пусть тебя и от Зевса
 Родила под надбровьем Иды* 30
 Сладко именуемая Финикова дочь**,
 Тебя, несравненного меж смертных, —
 Но и я ведь
 Рожден дочерью имущего Питфея
 Морскому Посидону***, 35
 И недаром ей золотое покрывало
 Подарили Нереиды в синих венках.
 Кносский вождь,
 Я говорю тебе: укроти свою спесь,
 Ибо многими она чревата стонами. 40
 Пусть не видеть мне
 Милого света бессмертной Зари,
 Если ты коснешься насилием
 Хоть единого из этого юношества!
 Нет: сперва мы померимся силой рук, 45
 А о том, что потом, — пусть рассудит бог».

- 1 э. Так сказал он, доблестный копьем,
 И дивились корабельщики
 Гордой Фесеевой отваге.
 Воспалилось сердце Миноса, 50
 Новый умысел умыслил зять Солнца****,
 И слова его были:
 «Всемощный родитель Зевс!
 Если правда, что для тебя
 Родила меня белорукая финикиянка, —
 То услышь меня,
 Ниспошли с небес заведомое знаменье, 55
 Быструю молнию в огневых волосах!
 Если же и тебя
 Родила трезенская Эфра
 Колебателью земли Посидону, —
 То вот золотое 60
 Сверкающее украшение моей руки —

* Критской горы.

** Европа.

*** Посидон считался божественным отцом Эгея.

**** Минос как муж Пасифаи.

Принеси его мне из глуби моря,
 Смело канув в отчий чертог!
 А мою молитву слышит ли Кронид,
 Блуститель мира, владыка громов, — 65
 Сейчас ты усмотришь сам».

2 с. Незазорной молитве внял мощный Зевс —
 Небывалую Миносу явил он честь --
 Милому сыну
 Видную милость: 70
 Грянула молния —
 Желанное чудо,
 Вскинул воитель руки
 К светлому эфиру,
 Молвил:

«Фесей, ты видишь
 Явный мне дар от Дия; 75
 Дерзни же и ты
 В ропотное море,
 И отец твой Кронид, владыка Посидон,
 Высшую подарит тебе славу
 На дубравной земле». 80
 Так сказал он, —

и не погнулась Фесеева душа:
 Став на крепко сколоченную палубу,
 Он прыгнул,
 И ласково приняла его божественная соль. 85

Помутился сын Зевса в сердце своем
 И велел пустить по ветру дивно строенный корабль,
 Но судьба иную стлала дорогу.

2 а. Быстро движимый неся киль, 90
 Дул в корму ему северный Борей,
 И трепетны были юные афиняне,
 Ринутым в море видя вождя,
 И слезы текли из их кротких очей
 В предвиденьи гнетущей неизбежности. 95

А меж тем дельфины, насельники пучин,
 Устремясь, понесли Фесея
 К дому конника, его отца;
 И вошел он в божий чертог, 100
 И увидел, дрогнув,
 Славных дочерей блаженного Нерея, —

От их светлых тел лился огненный блеск,
 Перевиты кудри были золотом, 105
 Сердцем тешились они,
 В хороводе выступая быстрой поступью, —

- И увидел он в том милом дому
 Любезную супругу отца своего,
 Волоокую, высокую Амфитриту; 110
 И она окинула его красным плащом,
 23. И она взложила на густую гриву его
 Безупречный венок, темный от роз,
 Дар лукавой Афродиты для свадьбы морской. 115
 Когда хочет бог,
 То для здравых умов нет невероятного.
 Вот явился он
 Пред ладьею с тонко резанною кормою —
 О, в каких помыслах
 Он застигнул кносского вождя, 120
 Невредимым выйдя из пучины
 На диво всем,
 Божьими блистая дарами,
 И в свежей радости
 Запели девы на светлых престолах*, 125
 Зазвучало море,
 Юноши вокруг
 Завели пеан любезными голосами, —
 О, делосский бог, 130
 От кеосских песен
 Ты возрадуйся в сердце своем
 И пошли от богов нам
 [Причаститься достойных благ.]

* Нереиды.

ΕΠΙΤΡΑΜΜΑ

Эпиграмма — один из самых распространенных и самых древних жанров в античной литературе. Его история начинается с эпиграфических памятников (само слово означает «надпись»). Древнейшую из известных нам греческих надписей («Кубок Нестора» из Питекуса), которая написана «по следам» гомеровских поэм, уже можно классифицировать как эпиграмму. В ранний период своего развития эпиграмма — это стихотворная надпись, сделанная на каком-либо памятном предмете, votивной табличке или на могильном камне (эпитафия). Они сочинялись как любителями, так и профессионалами — на заказ. Первые стихотворения такого рода написаны гексаметром. Начиная с середины VI в. до н. э. появляются эпиграммы, сочиненные элегическим дистихом. Этот размер, заимствованный у элегиков, стал универсальным для литературной эпиграммы, имеющей псевдоэпиграфический характер. Иногда для эпиграммы использовался и ямб.

Эпиграмма является описательным жанром, задача эпиграмматиста — определить предмет, поставить на нем своего рода «клеймо». Важно отметить, что насмешек, которые в наше время почти обязательны для этого жанра, нет в греческой эпиграмме архаического и классического периода. Связь с вещественным объектом остается признаком эпиграммы на протяжении всей античности. У знаменитого римского эпиграмматиста Марциала, чье творчество и определило дальнейшее развитие жанра в мировой литературе, наряду с множеством эпиграмм сатирического характера есть отдельная книга «подарков» (псевдонадписи на каком-либо предмете; одна, например, посвящена восковой свече). Интереснее, конечно, охарактеризовать человека, нежели, например, вазу. Особенно продуктивной поэтому в архаический и классический периоды является эпитафия; впоследствии, с приходом сатирического направления, возникнет и эпиграмма в современном понимании этого слова.

Большинство эпиграмм VI—V вв. до н. э. относятся к эпитафиям и, соответственно, имеют мрачное содержание. Пафос их близок элегии и эпосу. Таковы эпиграммы Симонида Кеосского — признанного классика жанра (см. статью о нем в разделе «Хоровая лирика»).

М. М. Позднеев

Симонид Кеосский

ЗЕВСУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Эллины, силою рук, и Арея искусством, и смелым
Общим порывом сердец персов изгнав из страны,
В дар от свободой Эллады Освободителю — Зевсу
Некогда здесь возвели этот священный алтарь.

ДАР ПАВСАНИЯ АПОЛЛОНУ

Военачальник Эллады, Павсаний, могучему Фебу,
Войско мидян поразив, памятник этот воздвиг.

ФЕРМОПИЛЬСКИЕ НАДПИСИ

Некогда против трехсот мириад здесь сражалось четыре
Тысячи ратных мужей Пелопоннесской земли.

Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемон,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

Памятник это Мегистия славного. Некогда персы,
Реку Сперхей перейдя, жизни лишили его.
Вещий, он ясно предвидел богинь роковых приближень.
Но не хотел он в бою кинуть спартанских вождей.

Славных покрыла земля — тех, которые вместе с тобою
Умерли здесь, Леонид, мощной Лаконики царь!
Множество стрел и коней быстроногих стремительный натиск
В этом сраженьи пришлось выдержать им от мидян.

ПАВШИМ АФИНЯНАМ

Радуйтесь, лучшие дети афинян, цвет конницы нашей!
Славу великую вы в этой стяжали войне.

Жизни цветущей лишились вы ради прекрасной отчизны,
Против бесчисленных сил эллинов выйдя на бой.

АФИНЯНЕ, ПАВШИЕ ПРИ ПЛАТЕЕ

Если достойная смерть — наилучшая доля для храбрых,
То наделила судьба этою долею нас,
Ибо, стремясь защитить от неволи родную Элладу,
Пали мы, этим себе вечную славу стяжав.

АФИНЯНЕ, ПАВШИЕ НА ЕВБЕЕ

Пали в ущелье Дирфисской горы мы, и рядом с Еврипом
Граждане нам возвели этот могильный курган.
Да и недаром! Ведь мы дорогую утратили юность,
Храбро приняв на себя грозную тучу войны.

СПАРТАНЦАМ, ПАВШИМ ПРИ ПЛАТЕЕ

Неугасающей славой покрыв дорогую отчизну,
Черным себя облекли облаком смерти они.
Но и умерши, они не умерли: воинов доблесть,
К небу вспарив, унесла их из Аидовой тьмы.

ЗАЩИТНИКАМ ТЕГЕИ

Доблести этих мужей ты обязана только, Тегея,
Тем, что от стен твоих дым не поднялся к небесам.
Детям оставить желая цветущий свободой город,
Сами в передних рядах бились и пали они.

ЛЕВ НА МОГИЛЕ ЛЕОНИДА

Между животными я, а между людьми всех сильнее
Тот, кого я теперь, лежа на камне, храню.
Если бы, Львом именуясь, он не был мне равен и духом,
Я над могилой его лап не простер бы своих.
Славных покрыла земля — тех, которые вместе с тобою
Умерли здесь, Леонид, мощной Лаконики царь.
Множество стрел и коней быстроногих стремительный натиск
В этом сраженье пришлось выдержать им от мидян.

Врач, по прозванию Павсаний, Архита здесь сын почивает,
В Геле родной погребен, доблестный асклепиад.
Многих людей, погибавших под бременем страшных болезней,
К жизни вернул он, не дав им к Персефоне уйти.

ЭПИТАФИИ УБИТОМУ

Смертью убивших меня накажи, о Зевс-страннолюбец!
Тем же, кто предал земле, радости жизни продли.

В этой могиле лежит Симонида Кеосского спасший.
Мертвый, живому добром он отплатил за добро.

БАСНЯ

Эзоп

Басня — древнейший прозаический жанр в мировой литературе, один из самых ранних и самых примитивных видов литературного творчества. Первые басни, героями которых являются звери, засвидетельствованы в шумерских текстах начала II тыс. до н. э. Цивилизации Междуречья, пришедшие на смену шумерам, заимствуют и развивают этот жанр. Известны ассирийские и вавилонские басни в форме диалога животных (орел и лиса, слон и мышь, орел и змея). Басни существовали в фольклоре многих народов Азии. Греческие авторы указывают на фригийские, карийские, киликийские, ливийские басни. Греческий баснописец Бабрий считал, что первые басни сочинили сирийцы.

В Древней Греции басни рано проникают в литературу. Гесиод рассказывает басню об орле и соловье в «Трудах и днях». Басни использует раннегреческая лирика (Архилох, Стесихор, Семонид), а затем — Эсхил и Геродот. Сравнительно рано появляются достоверные свидетельства о жизни и творчестве Эзопа. В комедиях Аристофана есть недвусмысленные свидетельства в пользу популярности басни вообще и басен Эзопа в частности. Начиная с IV в. до н. э. этот жанр занимает прочное место в античной литературе. Важной деталью полулегендарной биографии Эзопа является его восточное происхождение. Поэтому закономерно ставится вопрос о том, произошла ли античная литературная басня непосредственно из местного фольклора, или она была заимствована греками с Востока. Последнее, хотя и выпадает из общей картины развития греческой литературы, все же следует признать более правдоподобным. Греки постоянно сталкивались с восточными культурами и могли брать из них материал для художественной обработки.

Фольклористами высказывалось мнение, что басня развивается из древнего эпического рассказа о животных, по мере того как характеры этих животных все более схематизируются. Первоначально басня просто иллюстрировала какую-либо жизненную ситуацию. Такой басня была на Востоке, такова она у Гесиода и лириков. Сюда же относятся и так называемые этиологические басни — рассказы о том, откуда взялись те или иные вещи. Но в позднейших баснях сюжет строится таким образом, что слушатель заинтригован, а в финале присутствует остроумное обобщающее замечание — мораль. Александрийский ритор Теон (конец I в. н. э.) определил басню как

«вымышленную историю, которая отображает правду». Именно это мы и видим в сборнике Эзопа, оказавшем решающее влияние на эволюцию жанра басни в мировой литературе.

Хотя традиция об Эзопе сама наполовину фольклорная, можно с уверенностью сказать, что Эзоп действительно существовал и действительно сочинял басни. Первые свидетельства о нем дает «История» Геродота, откуда мы узнаем, что Эзоп, раб самосца Иадмона, был незаконно убит дельфийцами. Историю смерти Эзопа в Дельфах по ложному обвинению в хищении храмового имущества обыгрывает Аристофан. Аристотель считает Эзопа фракийцем, но чаще говорится о его фригийском происхождении. Жизнь на Самосе и мудрые советы, которые Эзоп давал самосцам, упоминаются различными источниками. Его иногда причисляют к семи мудрецам, что дает еще один хронологический ориентир. Очевидно, Эзоп жил в VI в. и был родом из какого-то малоазийского племени, одно время был рабом, несколько лет жил на Самосе и погиб от рук дельфийцев. Все остальные подробности его жизни, которыми изобилует эллинистический «Роман об Эзопе», по всей видимости, вымышленны. Даже его уродливая внешность скорее всего заимствована у гомеровского Терсита, человека из народа.

Так называемый «Эзоповский сборник» принадлежит не одному Эзопу. В таких случаях традиция напоминает снежный ком: на некое ядро нарастает огромный существующий параллельно материал. Показательно, что даже после того, как один из диадочов, правитель Афин Деметрий Фалерский, составил из Эзоповых басен сборник (300 г. до н. э.), позднейшие переписчики продолжали добавлять в него новые басни. При этом басни самого Эзопа вычленить трудно, так как в древнегреческих баснях не хватает материала для сравнительной оценки мастерства их авторов.

М. М. Позднеев

ОРЕЛ И ЛИСИЦА*

Орел и лисица решили жить в дружбе и сговорились поселиться рядом, чтобы от соседства дружба была крепче. Орел свил себе гнездо на высоком дереве, а лисица родила лисят под кустами внизу. Но вот однажды вышла лиса на добычу, а орел проголодался, слетел в кусты, схватил ее детенышей и со своими орлятами их сожрал. Вернулась лисица, поняла, что случилось, и горько ей стало — не столько оттого, что дети погибли, сколько оттого, что отомстить она не могла: не поймать было зверю птицы. Только и оставалось ей издали проклинать обидчика: что еще может делать беспомощный и бессильный? Но скоро орлу

* Это одна из древнейших известных греческих басен: ее перекладывал в стихи еще Архилох (VII в. до н. э.).

пришлось поплатиться за попорченную дружбу. Кто-то в поле приносил в жертву козу; орел слетел к жертвеннику и унес с него горящие внутренности. И только донес он их до гнездовья, как дунул сильный ветер и тонкие старые прутья всполыхнули ярким пламенем. Упали опаленные орлята наземь — летать они еще не умели; и тогда лисица подбежала и съела их всех на глазах у орла.

Басня показывает, что если предавшие дружбу и уйдут от мести обиженных, то от кары богов им все равно не уйти.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД*

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала себе: «Они еще зеленые!»

Так и у людей: иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

РЫБАКИ

Рыбаки поехали ловить рыбу, но, сколько ни мучились, ничего не поймали и сидели в своей лодке унылые. Как вдруг тунец, уплывая с громким плеском от погони, нечаянным прыжком попал прямо к ним в челнок. А они его схватили, отвезли в город и продали.

Так часто случай нам дарует то, чего не могло принести искусство.

ЗВЕЗДОЧЕТ**

Один звездочет имел обыкновение каждый вечер выходить из дому и смотреть на звезды. И вот, прогуливаясь однажды по окраине и всеми мыслями устремившись в небеса, он нечаянно провалился в колодец. Тут он поднял крик и плач; и какой-то человек, заслыша эти вопли, подошел, догадался, что случилось,

* В некоторых рукописях вариант:

Лисица и мышь. Лисица заметила в винограднике спелые гроздья и хотела их съесть, но были они высоко, и ухватить их она никак не могла. Мышь это заметила и спросила ее со смехом: «Что ж ты не угощаешься?» Лиса, не желая перед мышью признаться в неудаче, ответила: «Они еще зеленые!» Басня обличает дурных людей, которых не пронять увещаниями.

** Этот популярный сюжет обычно связывался с именем первого греческого философа Фалеса Милетского.

и сказал ему: «Эх ты! Хочешь рассмотреть, что делается в небе, а что на земле, того не видишь?»

Эту басню можно применить к таким людям, которые хвастаются чудесами, а сами не в силах сделать и того, что может всякий.

ГЕРМЕС И ТИРЕСИЙ

Гермес захотел испытать, безошибочно ли ведовское искусство Тиресия. И вот украл он у него с поля волов, а сам в человеческом облике пришел в город и остановился у него в гостях. Дошла до Тиресия весть, что быки его похищены; взял он с собою Гермеса и вышел за город, чтобы по птичьему полету погадать о пропаже. Спросил он Гермеса, какую видит он птицу; и сперва сказал ему Гермес, что видит орла, летящего слева направо. Ответил Тиресий, что это их не касается. Тогда сказал Гермес, что теперь он видит ворону, которая сидит на дереве и глядит то вверх, то вниз. Тиресий в ответ: «Ну, так это ворона клянется небом и землей, что только от тебя зависит, верну я моих быков или нет».

Эта басня применима против вора.

ВОЛКИ И ОВЦЫ*

Волки хотели напасть на стадо овец, но никак это им не удавалось, потому что овец сторожили собаки. Тогда решили они добиться своего хитростью и послали к овцам послов с предложением выдать собак: ведь из-за них-то и пошла вражда, и если их выдадут, то меж волками и овцами водворится мир. Овцы не подумали, что из этого получится, и выдали собак. И тогда волки, оказавшись сильнее, без труда расправились с беззащитным стадом.

Так и государства, которые без сопротивления выдают народных вождей, незаметно для себя становятся вскоре добычей врагов.

* Плутарх сообщает, что эту басню напомнил афинянам Демосфен, когда в 336 г. до н. э. Александр Македонский потребовал выдать ему вождей антимакедонской партии во главе с самим Демосфеном: «Он сравнил себя и своих товарищей с собаками, бившимися за народ, а Александра назвал неслыханно лютым волком» («Демосфен», 23).

ИСТОРИОГРАФИЯ

Греческая историография, как и естественные науки, зародилась в Ионии; в конце IV в. до н.э. она выделилась из повествования о странах и народах. Начиная с эпохи Геродота она концентрировалась на описании исторических событий, при этом не утрачивая связей с историей и географией. В эллинистическую эпоху определились основные типы и направления историографии: 1) всеобщая история, пытающаяся осветить историю всей ойкумены (Диодор); 2) монографии, посвященные отдельным историческим темам (Фукидид); 3) локальная история; 4) описание древностей, храмов, различного рода курьезов и т.д. К этим типам следует добавить жанр исторической хроники (Эратосфен, Аполлодор), возникший в античности, но получивший развитие в Средневековье, начиная с III в. (Ипполит, Евсевий и др.). К исторической литературе относится и биография, в области политической истории конкурировавшая с историческими трудами, а в области культуры (философия, литература, искусство) являвшаяся почти что монополистом. В раннехристианскую эпоху возникает церковная история («Деяния апостолов», Евсевий и др.). Некоторые историографические произведения были близки беллетристике («Роман об Александре» и др.).

В отличие от современной, древняя историография не уделяла большого значения критике источников, принимая их на веру (впрочем, сомнения чувствуются уже у Геродота), часто была компилятивной (Диодор). Документы и речи исторических лиц обычно приводятся в близкой по смыслу, но измененной форме, а иногда просто вымышлены историком. Наибольшую ценность античная историография представляет, когда в ней идет речь о современных автору событиях, участником или очевидцем которых он был. По мере удаления в прошлое данные античных авторов становятся все более недостоверными. Историки пытались создать общую картину и концепцию истории, в русле которой они осмысливали факты (конфликт между Европой и Азией у Геродота, органическая концепция у Полибия и др.). В первую очередь внимание уделялось выдающимся историческим личностям (Кир, Дарий, Ксеркс, Александр, Перикл, Мильтиад и др.). Экономическая и социальная история почти не представлена (иногда содержатся упоминания о ценах и восстаниях рабов).

Античная историография является важным литературным феноменом, одним из прозаических жанров. Значение формы проявляется как в стиле, так и в построении исторических произведений — в почти постоянном репертуаре составных частей: 1) проэпий; 2) экскурс географического и этнографического характера; 3) характеристики выдающихся личностей; 4) речи (и письма) исторических героев, часто вымышленные, в которых дается оценка определенных событий. Книги группируются в триады, пентады, декады и др. Нередко античные историки продолжали работу предшественников (Ксенофонт мыслил себя продолжателем Фукидида). Это было обусловлено не только историческими, но и литературными соображениями, — продолжатель стремился совершенствовать методы описания и толкования, применявшиеся предшественником. Однако античная теория историографии уделяла гораздо большее внимание предписаниям в области стиля и структурирования текста, чем методическим принципам. Терминологически проводилось различие между «гипомнемой» (заметки, мемуары исторических лиц, собрание фактов, комментарии) и собственно историческим трудом.

Архаическая историография греков была завершена и преодолена Геродотом. Классическая эпоха представлена сочинениями Фукидида, основателя политической истории, чья методика рационального описания и подачи фактов осталась в античности непревзойденной, и Ксенофонта (последний скорее писатель-романист, чем историк). В IV в. до н. э. и в эпоху эллинизма появилось огромное количество исторических произведений, написанных в самых разных жанрах. Фактографическая и литературная стороны историографии все более расходились. От эпохи эллинизма сохранилось единственное крупное произведение — труды Полибия, программой которого стала «прагматическая» история.

Эпоха I в. до н. э. — I в. н. э. считается расцветом римской историографии, в то время как современная ей греческая историография представляет собой обширные компиляции из наспех подогнанных материалов (Диодор, Николаос, Дионисий Галикарнасский). Со II в. н. э. греческая историография вновь демонстрирует заметные достижения (Аппиан, Дион Кассий, Дексипп, Евнапий). Несмотря на колебания в уровне, ей удалось сохранить преемственность вплоть до византийской эпохи (Прокопий).

В. В. Ребрик

Геродот

(484—425 г. до н. э.)

Геродот — великий греческий историк, родившийся в Галикарнасе, городе на юго-западном побережье Малой Азии. Из-за междоусобной борьбы покинул родину (около 450 г. до н. э.), после чего предпринял путешествия в Египет, Малую Азию, Италию, однако большую часть своей жизни провел, видимо, в Афинах.

Геродота называют «отцом истории» (греческое слово «история» в переводе означает «исследование»). Предшественниками автора «Истории» были так называемые логографы — создатели «логосов», сочинений, посвященных чаще всего отдельным эллинским или варварским государствам и народам (из их числа выделялся знаменитый Гекатей Милетский, создавший так называемое «Обозрение земли» — географическое и историческое описание основных стран Азии и Европы). Сочинение Геродота стало настолько знаменитым, что создало определенную моду на произведения подобного жанра, — продолжателями Геродота будут Фукидид и Ксенофонт Афинский.

«История» Геродота затмила славу логографов прежде всего потому, что он создал произведение, имеющее четкий внутренний сюжет: историю греко-персидской войны как важнейшего события в жизни эллинской ойкумены. Это позволило связать воедино события, происходившие в самых разных государствах, придав «Истории» необходимый элемент систематичности. Труд Геродота разделен на девять книг, каждая из которых скорее механически организует объем текста, чем является сюжетно завершенным фрагментом. Можно с уверенностью говорить, что композиционно «История» распределена на две части: огромное историческое, географическое и этнографическое введение, описывающее азиатские государства (Лидию, Персию), а также Египет, Африку, Скифию и Фракию, и начинающаяся с 27-й главы V книги собственно история греко-персидских войн. Сочинение обрывается на описании военных операций близ Сеста (478 г. до н. э.) и оставляет явное впечатление незавершенности. Скорее всего Геродот просто не успел завершить свой труд.

Геродот настроен критически по отношению к книгам своих предшественников. Он утверждает, что его источниками являлись наблюдения, умозаключения, результаты расспросов, а также рассказы людей, с которыми ему довелось беседовать, а не басни, услышанные

из вторых и третьих уст. Все это позволяет ему считать собственное произведение более правдивым и достоверным. Тем не менее стиль «Истории» можно назвать новеллистическим: Геродот создает своеобразное историческое полотно, где встречаются и истории из частной жизни царей, и священные предания, и описания военных уловок, и естественнонаучные наблюдения.

Р. В. Светлов

ИСТОРИЯ

КНИГА II. ЭВТЕРПА

<Египет (5–9), морское происхождение поверхности Египта и продолжающееся ее поднятие (10–18). Нил, его периодические разливы и причины этого явления (19–27). Истоки Нила (28). Народы, живущие на берегах Нила (29–34). Лабиринт и Миридово озеро (148–150).>

5. ...Природные свойства Египта таковы: когда ты только еще подъезжаешь к Египту, находясь на расстоянии одного дня пути от суши, и бросишь лот, то вытащишь ил, причем глубина моря всего одиннадцать сажень; а это показывает, как велики там речные наносы земли.

6. Далее, Египет вдоль берега моря имеет шестьдесят схенов длины согласно тому, как мы определяем Египет от Плинфинетского залива до Сербонидского озера, подле которого тянется хребет Касий; шестьдесят схенов именно от этого озера. Все малоземельные народы измеряют свои страны на сажени, менее малоземельные — на стадиях, имеющие много земли измеряют на парасанги, а очень богатые землей — на схены. В парасанге содержится тридцать стадий, а в каждом схене, составляющем египетскую меру, шестьдесят стадий. Таким образом, прибрежная полоса Египта тянется на три тысячи шестьсот стадий.

7. Отсюда по суше до Гелиополя Египет широк, на всем пространстве ровен, обилен водой и тинист. Путь от моря вверх до Гелиополя по длине такой же, как тот, что идет из Афин от жертвенника двенадцати богов до Писы к храму Зевса Олимпийского. Если бы кто сравнил эти две дороги, то нашел бы между ними лишь ничтожную разницу по длине, не более как на пятнадцать стадий, именно: дороге из Афин в Пису недостает только пятнадцати стадий до тысячи пятисот, а дорога от моря до Гелиополя содержит в себе это последнее число стадий полностью.

8. От Гелиополя далее вверх Египет узок. По одной стороне его тянется хребет Аравии с севера на юг, направляясь непрерыв-

но вверх к так называемому Эритрейскому морю. В этом хребте есть каменоломни, из которых добывали камень для пирамид в Мемфисе. Здесь хребет поворачивает к упомянутой выше границе. Как я узнал, в самой широкой части хребет имеет два месяца пути в направлении с востока на запад. На восточных окраинах его растет ладан. Таков один из хребтов. Со стороны Ливии тянется другой хребет Египта, также скалистый, на котором сооружены пирамиды; он покрыт песком, тянется в том самом направлении, что и часть Аравийского хребта, идущая на юг. От Гелиополя вверх Египет занимает уже немного земли, так как на расстоянии четырнадцати дней плавания по реке он узок. Пространство, лежащее между упомянутыми хребтами, представляет гладкую равнину; однако, как мне кажется, Египет имеет здесь в наиболее узком месте, между Аравийским хребтом и так называемым Ливийским, не больше двухсот стадий. Дальше Египет широк. Таковы свойства этой страны.

9. От Гелиополя вверх до Фив девять дней плавания, а по суше четыре тысячи восемьсот шестьдесят стадий, или восемьдесят один схен. Если все стадии сложить, то получится длина Египта вдоль моря, отмеченная уже раньше (II, 6), в три тысячи шестьсот стадий; каково расстояние от моря в глубь страны до Фив, я скажу, именно шесть тысяч сто двадцать стадий. От Фив до города, называемого Элефантиной, тысяча восемьсот стадий.

10. Большая часть названной страны казалась мне, так говорили и жрецы, добавленной египтянам. Для меня было очевидно, что промежуточное пространство между названными выше хребтами над городом Мемфисом составляло некогда морской залив подобно тому, как окрестности Трои, Тевфрания, Эфес и равнина Меандра, насколько позволительно малое сопоставлять с большим. Действительно, ни одна из рек, образовавших своими наносами эти местности, не может быть по величине сближаема даже с одним каким-либо из устьев Нила, а устьев он имеет пять. Есть, однако, другие реки, не равняющиеся по величине Нилу и все-таки сделавшие много. Поименно я назову из числа этих рек прежде всего Ахелой, который протекает через Акарнанию и впадает в море; он превратил в часть материка уже половину Эхинадских островов.

11. В Аравии недалеко от Египта есть морской залив, от Эритрейского моря углубляющийся в материк, очень длинный и узкий, как я покажу. Длина залива от самого углубленного пункта до открытого моря сорок дней плавания для весельного судна; ширина залива в самом широком месте полдня плавания. Прилив и отлив бывают там ежедневно. Мне кажется, и Египет был некогда таким же заливом; тянулся он от северного моря к Эфиопии, тогда как другой, Аравийский, от южного моря к Сирии, так что бухтами своими они почти входили один в другой, разделяясь

только узкой полосой земли. Если предположить, что Нил направил бы свои воды в Аравийский залив, то нет ничего невозможного в том, что этот залив через двадцать тысяч лет наполнился бы илом этой реки; впрочем, я полагаю, он наполнился бы илом и в десять тысяч лет. Почему за время, протекшее до моего рождения, залив, правда гораздо больший Аравийского, не мог бы наполниться илом столь большой и деятельной реки?

12. Этим рассказам о Египте я верю и сам думаю о нем совершенно то же, и вот почему: я видел, что Египет выступает в море дальше смежной страны, что на горах лежат раковины, а почва покрывается солью, выходящею из земли, разъедающей даже пирамиды, что из всех египетских гор одна только, проходящая выше Мемфиса, покрыта песком, что, кроме того, Египет не похож на пограничные страны, Аравию и Ливию, ни на Сирию — прибрежную полосу Аравии занимают сирийцы, — почва в Египте черноземная, рыхлая, так как она состоит из ила и наносов, отбрасываемых рекою из Эфиопии*. Ливия, напротив, как нам известно, имеет почву красноватую и песчаную, а Аравия и Сирия — глинистую и каменистую.

13. Касательно такого происхождения страны жрецы указывали мне, как на важное свидетельство, на то, что в царствование Мерида река затопляла Египет ниже Мемфиса, когда вода в ней поднималась всего на восемь локтей; между тем от смерти Мерида прошло менее девятисот лет. В настоящее время река не разливается по стране, если вода в ней не поднимается на шестнадцать или по крайней мере на пятнадцать локтей. Поэтому я делаю такое заключение: если Египет будет подниматься в такой же мере, как и прежде, и на столько же становиться выше, если Нил не будет более наводнять страну, то жители той части Египта, которая лежит ниже Меридова озера, особенно жители Дельты, будут впредь всегда терпеть то, что они предсказывали эллинам, именно: они слышали, что вся страна эллинов орошается не реками, как их земля, а только дождями, и замечали, что некогда надежды эллинов будут обмануты и они претерпят сильный голод. Замечание это означает, что если божеству неугодно будет ниспослать эллинам дождь и оно пожелает продлить засуху надолго, то эллины погибнут от голода, ибо нет-де у них иного источника воды, кроме Зевса.

14. Это замечание египтян об эллинах верно, но и самим египтянам я скажу теперь, каково их положение. Если, как я сказал выше (II, 13), часть их страны ниже Мемфиса, то есть та, которая растет, будет подниматься в такой же мере, как поднималась в прошлом, то наверное живущие там египтяне подвергнутся голоду, если только земля их не будет орошаться дождем

* Геродот говорит о Голубом Ниле.

и река не в состоянии будет наводнять поля. Теперь они действительно собирают земные плоды с меньшим трудом, нежели прочие народы и остальные египтяне; они не трудятся над тем, чтобы провести борозды плугом, чтобы взрыхлить землю кирками или исполнить какую-нибудь другую работу над пахотным полем, обязательную для всякого иного народа. Сама собой река наводняет и орошает поля, а оросивши, вступает обратно в свои берега; тогда каждый засекает свое поле и пускает на него свиней, которые и втаптывают семена в землю; затем он ждет жатвенной поры, вымолачивает зерно свиньями и получает таким образом хлеб.

15. Если бы мы пожелали принять мнение ионян о Египте, по словам которых только Дельта составляет Египет, именно от так называемой сторожевой башни Персея вдоль моря до Пелусийских рыбосолелен, — здесь сорок схенов ширины, от моря внутрь страны эта часть Египта тянется до города Керкасора, где Нил разделяется и течет одним рукавом к Пелусию, другим к Канобу. Остальной Египет, по их словам, относится частью к Ливии, частью к Аравии, — если бы мы последовали этому мнению, то могли бы доказать, что прежде у египтян вовсе не было земли, ибо Дельта их, как говорят сами египтяне и как мне думается, представляет землю наносную и, можно сказать, новейшего происхождения. Но если когда-нибудь у египтян не было земли, то какой же глупостью была бы их вера в то, что они — древнейший народ! В таком случае им не было бы нужды в испытании детей, на каком языке заговорят они прежде всего. Со своей стороны, я не думаю, что египтяне произошли в одно время с той страной, которую ионяне называют Дельтою, что, напротив, они существовали искони с того времени, как произошел род человеческий, и, по мере того как земля их выступала вперед, многие из египтян оставались на прежних местах, а многие другие спускались вниз. Ведь в древности только Фивы назывались Египтом, а в окружности область эта имеет всего шесть тысяч сто двадцать стадий.

16. Если наше мнение о Египте верно, то ионяне заблуждаются. Если же ионяне правы, то я покажу, что ни эллины, ни сами ионяне не умеют считать, если они утверждают, что вся земля делится на три части: Европу, Азию и Ливию^{*}; если Дельта Египта не относится ни к Азии, ни к Аравии, то они должны считать ее за четвертую часть земли. Действительно, согласно с мнением ионян о Дельте Нил вовсе не отделяет Азии от Ливии, но так как он разделяется у вершины Дельты, то самая Дельта должна быть помещена в промежутке между Азией и Ливией.

* В Древней Греции под Ливией понималась вся Африка.

17. Мнение ионян мы, впрочем, оставляем в стороне, а сами думаем об этом предмете так: Египет есть вся та страна, которая населена египтянами, как Киликия населена киликиянами, а Ассирия ассириянами, причем мы не знаем в действительности никакой другой границы между Азией и Ливией, кроме Египта. Если мы примем мнение эллинов, то тем самым должны будем признать, что весь Египет, начиная от Катадупов и города Элефантины, разделяется на две части и сообразно с сим причастен к наименованиям обеих стран, потому что одна половина входит в состав Ливии, другая Азии. Начиная от Катадупов, Нил протекает по середине Египта до моря, разделяя страну на две половины. До города Керкасора Нил течет одной рекой, а от этого города разделяется и идет по трем направлениям: один рукав, обращенный на восток, называется Пелусийским, другой обращен на запад и называется Канобским, а прямой путь Нила идет так: река направляется сверху и достигает вершины Дельты, отсюда, разделяя Дельту пополам, вливается в море; этот рукав доставляет в море немалое количество воды и пользуется некоторой известностью. Называется он Себеннитским. Есть еще два других рукава, отделяющиеся от Себеннитского и вливающиеся в море. Имена их таковы: одного Саитский рукав, другого Мендетский. Болбитский и Буколический рукава не естественного, а искусственного происхождения.

18. Что Египет занимает столь значительное пространство, как я говорю, подтверждается и изречением Аммонского оракула; я узнал о нем уже после того, как составил себе понятие о Египте. Жители городов Марей и Аписа в той части Египта, которая граничит с Ливией, считали сами себя ливиянами, а не египтянами; стесняясь египетским способом почитания богов, именно не желая воздерживаться от употребления в жертву коров, они послали сказать Аммону, что между ними и египтянами нет ничего общего; живут-де они за пределами Дельты, языком отличаются от египтян и желают, чтобы им дозволено было употреблять всякую пищу. Но божество не разрешило этого, говоря, что Египет есть вся та земля, которую водами своими орошает Нил, а египтяне — все те, которые живут ниже города Элефантины и пьют воду из реки Нила. Таков был ответ оракула. Во время наводнения Нил заливает не только Дельту, но и некоторые части тех местностей, которые причисляются к Ливии и Аравии, на два дня пути по обеим сторонам реки, иногда даже больше этого, другой раз меньше.

19. О природе Нила я не мог узнать ничего ни от жрецов, ни от кого-либо другого. От них я пытался узнать причину, по которой в Ниле прибывает вода, начиная от летнего солнцестояния, в продолжение ста дней, а по истечении этого времени река возвращается в свои берега, так как вода в ней убывает; таким

образом, в течение всей зимы непрерывно вода в Ниле стоит низко до нового летнего солнцестояния. Ни от кого из египтян я не мог узнать ничего, хотя и расспрашивал, почему Нил по своим естественным свойствам так резко отличается от прочих рек. Посредством расспросов я желал узнать причину этого явления, а также и то, почему из всех рек от одного Нила вовсе не дуют ветры.

20. Однако некоторые эллины, желая прославиться мудростью, предлагают относительно Нила троякое объяснение*. Два способа объяснения я считаю не стоящими упоминания, разве только кратко отмечу их. Одно из этих объяснений состоит в том, будто прибывание воды в реке производится пассатными ветрами, так как они препятствуют Нилу изливаться в море. Но пассатные ветры много раз не дули вовсе, а с Нилом все-таки происходило то же самое. Кроме того, если бы пассатные ветры действительно были причиной этого явления, то и все прочие реки, текущие противно пассатам, подвергались бы тому же самому, что и Нил, притом настолько больше, насколько реки эти меньше и течение в них слабее, нежели в Ниле. Между тем в Сирии и Ливии течет много рек, и с ними не бывает ничего подобного тому, что происходит с Нилом.

21. Второе объяснение еще нелепей первого, еще, можно сказать, изумительнее, именно: будто такого рода повышение и понижение воды в Ниле бывает потому, что он течет из Океана, а Океан кругом-де обтекает всю землю.

22. Третье объяснение кажется правдоподобнейшим, хотя на самом деле оно наиболее ложно. Говоря, что Нил вытекает из тающих снегов, объяснение это не говорит ровно ничего. На самом деле Нил вытекает из Ливии, проходит через середину Эфиопии и вливается в Египет. Каким же образом Нил может вытекать из снегов, если он течет от самых теплых стран в такие, которые большей частью холоднее первых? Для человека, способного анализировать подобные явления, первым важнейшим свидетельством против уверения, будто Нил вытекает из снегов, является то, что дующие из тех стран ветры — теплые. Во-вторых, та страна никогда не имеет ни дождей, ни льда: если где падает снег, то за ним через пять дней должен идти и дождь; следовательно, если бы в этих странах выпадал снег, то шел бы и дождь. В-третьих, тамошнее население имеет вследствие зноя черный цвет кожи; коршуны и ласточки остаются там целый год; журавли, спасаясь от скифской стужи, улетают на зиму в эти местности. Если бы в

* Первое из приводимых ниже Геродотом объяснений, возможно, принадлежит Фалесу Милетскому, второе — путешественнику Евтиму из Массилии (считавшему, что река Сенегал является истоком Нила), третье — Анаксагору из Клазомен.

тех местах, через которые Нил проходит и в которых он начинается, было хоть немного снега, то, несомненно, все это было бы невозможно.

23. Кто говорит об Океане, тот впутывает в объяснение неизвестные предметы, и потому мнение его не подлежит даже обсуждению. Я не знаю о существовании какой-либо реки Океана; мне кажется, что Гомер или другой кто-нибудь из прежних поэтов выдумал это имя и внес его в поэзию.

24. Если, отвергая прежние мнения, необходимо высказаться самому о предмете темном, то я сообщу свое предположение, почему летом Нил разливается. В зимнюю пору солнце вытесняется бурями из своего обычного пути и проходит через верхнюю Ливию. Этим в кратких словах все сказано. Если только это божество, солнце, находится очень близко к какой-нибудь стране и проходит прямо над ней, то, естественно, такая страна испытывает сильнейшую жажду и тамошние реки высыхают.

25. Говоря более подробно, дело состоит в следующем. Проходя по верхней Ливии, солнце производит следующее действие: так как в этой стране воздух всегда ясен, земля нагрета и нет ветров, то во время своего прохождения оно действует так, как в летнюю пору, когда находится в середине неба, именно: оно притягивает к себе воду, а притянувши, снова отталкивает ее в верхние слои земли; ветры подхватывают воду, рассеивают ее и пары снова превращают в жидкость. Вот почему дующие из этих стран ветры, южный и юго-западный, дождливы более всех прочих ветров. Однако мне кажется, солнце отпускает не всю ту воду, которую притягивает ежегодно из Нила; часть ее оно удерживает при себе. Когда зимние холода уменьшаются, солнце опять возвращается на середину неба и с того времени тянет к себе воду одинаково из всех рек. До этой поры реки имеют большое количество воды, потому что к ней в изобилии примешивается вода дождевая, когда землю орошают дожди и взрывают потоки; напротив, летом, когда реки не получают воды из дождей, а солнце притягивает к себе воду, они уменьшаются. Между тем Нил, вовсе не получающий дождевой воды, но притягиваемый солнцем, единственный из всех рек должен быть в зимнюю пору гораздо скуднее водой, нежели в летнюю, ибо летом Нил притягивается солнцем одинаково с прочими реками, а зимою солнце пьет воду только из него одного. Таким образом, источником этого явления я считаю солнце.

26. По моему мнению, солнце виной и тому, что воздух здесь сухой, так как оно накаляет свой путь. Поэтому-то в верхних частях Ливии постоянное лето. Если бы порядок времен года был обратный, так что юг и южный ветер были бы там, где теперь северный ветер и холод зимы, и, наоборот, северный ве-

тер был бы там, где теперь южный, если бы так случилось, то солнце было бы оттеснено с середины неба холодом зимы и северным ветром и проходило бы в верхних частях Европы так, как теперь оно проходит в Ливии, и я полагаю, что, совершая путь через всю Европу, солнце производило бы такое же действие на Истр, какое теперь производит на Нил.

27. Что со стороны Нила не дует ветер, я объясняю тем, что вообще никаких ветров не бывает из стран очень теплых, что, напротив, ветер дует обыкновенно из страны холодной.

28. Но пускай это остается как есть и как было искони. Что касается истоков Нила, то ни один из тех, с кем приходилось мне беседовать, ни из египтян, ни из ливиян, ни из эллинов, не говорил, что знает их, за исключением блюстителя священных сокровищ Афины в египетском городе Саисе*. Но мне кажется, что и он лишь шутя уверял меня, что знает истоки Нила в точности. По его словам, между городами Фиваиды Сиеной и Элефантиной есть две горы с острыми вершинами, из которых одна называется Крофи, другая Мофи; между этими горами и лежат будто бы бездонные истоки Нила, причем половина воды направляется к Египту на север, а другая половина к Эфиопии на юг. Что истоки Нила бездонны, говорил он, узнал египетский царь Псамметих: он велел сплести канат длиной в несколько тысяч сажень; его опустили к источникам и все-таки дна не достали. Этим рассказом хранитель сокровищ, если только говорил он искренне, хотел, как мне думается, сказать, что в том месте существуют сильные водовороты и течения в противоположные стороны, вода разбивается о скалы, вследствие чего опущенный туда лот не может достать до дна.

29. Ничего другого ни от кого я не мог узнать об этом предмете. Но я узнал кое-что другое о Египте на очень большом пространстве, потому что до города Элефантины я доходил сам и являюсь здесь очевидцем, а о местностях, далее лежащих, узнавал из рассказов. Вверх от города Элефантины местность поднимается; судно здесь необходимо тащить, как быка, веревками, привязанными с обеих сторон его; если канат оборвется, то судно уносит сильным течением вниз. Такой путь имеет протяжения четыре дня плавания; в этом месте Нил извилист наподобие Меандра; этим способом нужно плыть на протяжении двенадцати схенов. Затем мы попадаем на гладкую равнину, где Нил обтекает остров, носящий имя Тахонпсо. Область выше Элефантины и половину этого острова занимают эфиопы, другую половину острова населяют

* Речь идет об экономе храма богини Нейт (отождествлявшейся греками с Афиной) в нижнеегипетском городе Саис. Беседы с этим человеком, занимавшим важное место в жреческой иерархии Египта, дали Геродоту значительный материал для его «Истории».

египтяне. За островом следует большое озеро, на берегах которого живут кочевники эфиопы; переплывши через озеро, вступаем в русло Нила, который в это озеро изливается; дальше следует путь вдоль реки в сорок дней, потому что в Ниле торчат острые подводные камни и многочисленные утесы, делающие плавание по реке невозможным. Сделавши этот путь по суше в сорок дней, мы снова садимся в другое судно и плывем двенадцать дней, затем вступаем в большой город по имени Мероэ, считающийся метрополией остальных эфиопов. Здешние жители признают из богов только Зевса и Диониса, воздавая им великие почести; у них есть и прорицалище Зевса. Они совершают военные походы только тогда, когда им посоветует этот поход божество через своего оракула, и идут только туда, куда божество укажет.

30. Идя дальше от этого города, мы спустя такое же время, пятьдесят шесть дней, в какое от Элефантины дошли до метрополии эфиопов, приходим к «перебежчикам». Перебежчики эти называются асмах, египетское слово, по-эллиньски означающее «стоящие по левую руку царя». Это были египетские военные люди, в числе двухсот сорока тысяч, отложившиеся от египтян и перешедшие к эфиопам...

31. Итак, Нил известен, сверх своего течения в Египте, на четыре месяца пути, отчасти водного, отчасти по суше; столько именно месяцев получится, если сложить все дни пути от Элефантины до «перебежчиков». Нил до этого места течет с запада; о его дальнейшем направлении никто не знает ничего достоверного, так как страна эта вследствие зноя пустынна.

32. Однако вот что я слышал от киренян, ходивших, по их словам, к оракулу Аммона и там беседовавших с аммонским царем Этеархом; между прочим речь заходила и о Ниле, о том, что никто не знает его источников; тогда Этеарх заметил, что к нему приходили однажды насамоны. Это — ливийский народ, занимающий земли на Сиртисе и небольшую область на восток от него. Насамоны на вопрос царя, не имеют ли они более обстоятельных сведений о пустынях Ливии, рассказали такую историю: некогда сыновья знатнейших насамонов, люди своевольные и отважные, в зрелом возрасте проделывавшие всевозможные странности, между прочим выбрали из своей среды по жребию пятерых, которые должны были отправиться в пустыню Ливии и посмотреть, не узнают ли чего-нибудь нового там, куда не проникали еще прежние посетители пустыни. Часть Ливии, прилегающую к северному морю*, начиная от Египта и кончая мысом Солоентом, крайней оконечностью Ливии, всю эту часть, за исключением местностей, заселенных эллинами и финикийцами, занимают ливияне и многие ливийские племена. Но Ливия, ле-

* В данном случае — Средиземное море.

жащая внутри материка выше моря и приморских жителей, занята дикими зверями, а еще выше тянется песчаная полоса — страшно безводная, голая пустыня. Итак, говорил Этеарх, молодые люди, посланные своими сверстниками с достаточным запасом воды и пищи, прошли сначала населенную область, перешедши ее, вступили в землю, изобилующую дикими зверями, а отсюда проникли в пустыню, совершая по ней путь в направлении к западу. Прошедши значительную часть песчаной пустыни, они много дней спустя увидели растущие в равнине деревья, подошли к ним и ели висевшие на них плоды; в это время напали на них маленькие люди, ростом меньше обыкновенных людей, взяли их и увели с собой; языка их насамоны не понимали вовсе, а равно и уводившие их люди не знали ничего по-насамонски; молодых людей провели через обширнейшие болота, а потом они прибыли в город, все жители которого были такого же роста, как и их проводники, притом черного цвета; мимо этого города протекала большая река в направлении от запада на восток, а в реке были крокодилы*.

33. О рассказе Этеарха Аммонского сообщено достаточно; прибавлю разве, что, по его словам, насамоны возвратились домой, как передавали киреняне, и что тот народ, к которому они приходили, состоит весь из колдунов. Что касается протекающей там реки, то уже Этеарх предполагал, что это Нил, и здравый смысл так говорит. Действительно, Нил берет свое начало в Ливии и перерезывает ее пополам; если позволительно заключать о неизвестном по сходству с известным, то я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр. Ибо река Истр начинается в земле кельтов, подле города Пирены, и на своем пути пересекает Европу. Кельты живут по ту сторону Геракловых Столбов, граничат с кинесиями, из всех европейских народов наиболее крайним на западе. В конце течения Истр, протекая через всю Европу, вливается в море, именуемое Эвксинским Понтом, там, где лежит Истрия, колония милетян.

34. Если Истр, протекая по населенным землям, известен многим, то об источниках Нила никто не в состоянии утверждать что-либо наверное, потому что необитаема и пустынна та часть Ливии, через которую Нил протекает; о течении его я сообщил раньше (II, 29), насколько можно было узнать. Наконец, он входит в Египет. Египет расположен почти напротив гористой Киликии, откуда в Синопу, что на Эвксинском Понте, пять дней прямого пути для бодрого путника. Синопа лежит против устья Истра. Таким образом, думается мне, Нил, проходя через всю Ливию, по направлению своему уподобляется Истру.

<...>

* Судя по всему, путешественники-насамоны достигли реки Нигер.

148. Цари эти* пожелаали оставить по себе общий памятник, ради чего соорудили лабиринт немного выше Меридова озера, подле так называемого Города крокодилов [Крокодилополя]. Я видел его и нашел, что он выше всякого описания. Действительно, если бы собрать вместе все эллинские укрепления и другие сооружения, то оказалось бы, что они стоили меньше труда и денег, нежели лабиринт, хотя в Эфесе и на Самосе есть замечательные храмы**. Правда, были и пирамиды, превосходящие описание, каждая из них стоила многих даже огромных сооружений эллинов, но лабиринт превосходит самые пирамиды. Это — двенадцать крытых зал, порталами своими расположенных одна против другой и соединенных между собой в одно помещение; шесть зал обращены на север, а шесть на юг. Снаружи они окружены общей стеной. Покои в лабиринте двоякого рода, одни подземные, другие на поверхности земли над первыми; всех покоев три тысячи, по полторы тысячи в каждой половине. Покои наружные мы видели сами, ходили по ним, рассматривали их и на основании этого говорим о них, тогда как о покоех подземных мы узнавали только по рассказам. Египетская стража ни за что не хотела показывать их нам, потому что будто бы там помещаются гробницы царей, соорудивших лабиринт, и священных крокодилов. Таким образом, о подземных покоех мы говорим по слухам, а наружные, превосходящие дела рук человеческих, мы осматривали сами. Действительно, переходы через покои и извилистые повороты от одной залы до другой разнообразны, великолепны и содержат тысячи чудес, когда, бывало, переходишь из залы в покои, из покоев в коридоры, из коридоров в другие покои, из этих покоев в новые залы. Крыша над всеми помещениями, равно как и стены, сделана из камня; на стенах в изобилии рельефные изображения; каждая зала снабжена кругом колоннами из кусков белого камня, отлично сложенных. К тому самому углу, где кончается лабиринт, тесно примыкает пирамида в сорок сажен вышиной с огромными высеченными в стенах изображениями; к пирамиде ведет подземный ход.

149. Если таков лабиринт, то еще большим чудом представляется так называемое Меридово озеро, у которого построен лабиринт. Озеро имеет в окружности три тысячи шестьсот стадий, или шестьдесят схенов, столько же, сколько имеет Египет вдоль

* Речь идет о двенадцати царях дельты Нила (Саисская династия), пришедших к власти после освобождения Нижнего Египта от эфиопов около 655 г. до н.э. Лабиринт, о котором Геродот говорит ниже, на самом деле являлся заупокойным храмом, построенным фараоном Аменемхетом III (1840—1792 гг. до н.э.) и лишь реконструированным царями Саисской династии.

** Имеются в виду храмы Артемиды Эфесской и Геры Самосской.

моря. Озеро тянется в длину с севера на юг и имеет глубины в самом глубоком месте пятьдесят сажен. Озеро это искусственное, вырытое; почти посередине озера стоят две пирамиды, поднимающиеся над поверхностью воды на пятьдесят сажен и на столько же сидящие под водой; на каждой из них помещено по колоссальному каменному изображению, сидящему на троне. Таким образом, высота пирамид сто сажен, а сто сажен составляют стадию в шестьсот футов, если сажень имеет шесть футов, или четыре локтя, фут состоит из четырех, а локоть из шести ладоней. Озеро наполняется водою не из источников, потому что вся эта местность до крайности безводна; вода проведена сюда по каналу из Нила, причем шесть месяцев она течет в озеро и шесть месяцев вытекает из него. Когда вода уйдет из озера, то в царскую казну оно приносит в течение шести месяцев каждый день по одному таланту, выручаемому за рыбу, а когда озеро наполнится водой, то только по двадцати мин.

150. По словам туземцев, озеро это изливается под землей в ливийский Сирт, причем направляется на запад в глубь материка вдоль хребта, что над Мемфисом. Так как я, к удивлению моему, нигде не замечал той земли, которая была выкопана, то спрашивал ближайших к озеру жителей, где ссыпана вырытая земля; они указали место, куда вывезена была земля, и я легко поверил им. Из рассказов я знал, что нечто подобное было и в Нине, ассирийском городе, именно: однажды воры задумали похитить громадные сокровища царя Нина Сарданапала, хранившиеся в подземных кладовых. Воры начали рыть подкоп, начиная от своих жилищ по направлению к царскому дворцу, а выносимую из канавы землю по наступлении ночи бросали в реку Тигр, протекающую мимо Нина, пока работы своей не привели к желанному концу. Подобным образом действовали, как я слышал, и при вырытии Меридова озера в Египте, с тою разницей, конечно, что здесь работа производилась не ночью, а днем; вынимаемую землю египтяне относили в Нил, который и размывал ее. Так, рассказывают, выкопано это озеро.

Фукидид

(ок. 460—396 гг. до н. э.)

Фукидид — знаменитый древнегреческий историк, автор «Истории», в которой описаны главным образом события Пелопоннесской войны до 411 г. до н. э. Принадлежал к богатому афинскому роду, состоявшему в родстве с Мильтиадом и обладавшему имениями на фракийском побережье Эгейского моря. Принимал участие в Пелопоннесской войне, будучи одним из афинских стратегов. После изгнания из Афин (вслед за поражением от спартанцев Брасида его корпуса в 424 г. до н. э.) 20 лет жил в своих северных имениях, где и занимался написанием «Истории».

С одной стороны, Фукидид продолжал традиции Гекатея Милетского и Геродота, однако нет сомнений, что его мировоззрение, как и отношение к способу подачи исторического материала, формировалось во времена расцвета софистики — «греческого просвещения», что наложило явный отпечаток на его труд. Фукидид достаточно скептически относится к народным представлениям о богах, их роли в человеческих судьбах, к народному благочестию. События, описываемые в его истории, в большинстве случаев подаются как результат сцепления стихийных начал и иррациональной природы человеческой души. Им противостоят отдельные герои — вожди противоборствующих партий или государств (Перикл, Демосфен, Брасид), — которые пытаются внести в ход истории рациональный, благоразумный момент.

Общий тон «Истории» Фукидида, в итоге, критически-просветительский. Основной ее адресат — трезвомыслящие люди, а также правители, для которых описание событий Пелопоннесской войны должно стать уроком. По мнению историка, человеческая природа такова, что люди в сходных условиях ведут себя сходным образом. Особого внимания заслуживают речи, которые произносят персонажи «Истории». Фукидид вкладывает в них свои идеи, противопоставляя стихийным представлениям и стремлениям человеческой природы рациональные аргументы в пользу того или иного политического решения.

Фукидид стремился в сжатом виде представить не только множество произошедших событий, но и урок, который из них должен почерпнуть читатель. Его текст изобилует явными и скрытыми противопоставлениями, нарушениями выработанных античной прозой конструкций, можно отметить богатство лексики при сравнительно небольшом количестве

метафор. «История» Фукидида считается одним из самых сложных и интересных — с точки зрения языка и стиля — образцов античной прозы.

Фукидид оказал огромное влияние на античную историографию; его непосредственными продолжателями были Феопомп, Кратипп и Ксенофонт Афинский, первым издавший «Историю» Фукидида.

Р. В. Светлов

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ КНИГА

Фукидид-афинянин написал историю войны между пелопон- 1
несцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. При-
ступил он к труду своему тотчас с момента возникновения войны
в той уверенности, что война эта будет войною важною и самою
достопримечательною из всех предшествовавших. Заключал он
так из того, что обе воюющие стороны вполне к ней подготовле-
ны, а также из того, что прочие эллины, как он видел, стали
присоединяться то к одной, то к другой стороне, одни немедлен-
но, другие после некоторого размышления. Действительно, война
эта вызвала величайшее движение среди эллинов и некоторой
части варваров, да и, можно сказать, среди огромного большин-
ства всех народов. То, что предшествовало этой войне и что про-
исходило в еще более ранние времена, невозможно было, за дав-
ностью времени, исследовать с точностью. Все же на основании
свидетельств, при помощи которых мне удастся проникнуть с
достоверностью в очень далекое прошлое, я заключаю, что тогда
не случилось ничего важного ни в области военных событий, ни
в каком-либо ином отношении.

2

По-видимому, страна, именуемая ныне Элладю, прочно засе-
лена не с давних пор. Раньше происходили в ней переселения, и
каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним каким-
либо другим, всякий раз более многочисленным народом. Дело в
том, что, при отсутствии торговли и безопасных взаимных сноше-
ний как на суше, так и на море, каждый возделывал свои поля
лишь настолько, чтобы было на что жить; никто не имел избытка
в средствах, не культивировал землю, потому что неизвестно было,
когда нападет на него другой и, пользуясь беззащитностью его
жилища, отнимет у него имущество; к тому же каждый рассчиты-
вал, что везде можно будет добыть себе необходимое дневное про-
питание. Вот почему все легко снимались с места, и вследствие
этого же ни у кого не было ни больших сильных городов, ни во-
обще каких бы то ни было приспособлений для обороны. Всегда
перемене населения подвергались преимущественно наилучшие
земли Эллады, именно области, называемые теперь Фессалией и
Беотией, также большая часть Пелопоннеса, кроме Аркадии, нако-

нец, все плодороднейшие области остальной Эллады. Но если, благодаря плодородию почвы, могущество некоторых племен и возросло, то, порождая внутренние распри, ведшие их к гибели, оно вместе с тем еще скорее вызывало посягательство на себя со стороны иноплеменников. Напротив, Аттика, по причине скудости почвы, с самих давних времен не испытывала внутренних переворотов и всегда занята была одним и тем же населением. Весьма важным подтверждением этой мысли служит и то, что в остальных частях Эллады население вследствие иммиграции увеличилось не в одинаковой степени с Атикой. Объясняется это тем, что, вытесняемые войною или междоусобицами, самые могущественные обитатели из прочей Эллады удалялись к афинянам, так как те сидели на земле крепко, и, становясь тотчас гражданами в Аттике, уже с давней поры сделали государство еще большим по количеству населения, так что впоследствии, когда в Аттике не оказалось достаточно земли, афиняне отправили колонии даже в Ионию.

- 3 Точно так же следующее обстоятельство служит для меня преимущественным указанием на бессилие древних обитателей Эллады: до Троянской войны она, очевидно, ничего не совершила общими силами. Мне даже кажется, что Эллада, во всей своей совокупности, и не носила еще этого имени, что такого обозначения ее вовсе и не существовало раньше Эллина, сына Девкалиона, но что названия ей давали по своим именам отдельные племена, преимущественно пеласги. Только когда Эллин и его сыновья достигли могущества в Фенотиде^{*} и их стали призывать на помощь в остальные города, только тогда эти племена, одно за другим, и то скорее вследствие взаимного соприкосновения друг с другом, стали называться эллинами, хотя все-таки долгое время название это не могло вытеснить все прочие. Об этом свидетельствует лучше всего Гомер. Он жил ведь гораздо позже Троянской войны и, однако, нигде не обозначает всех эллинов в их совокупности таким именем, а называет эллинами только тех, которые вместе с Ахиллом прибыли из Фенотиды — они-то и были первыми эллинами, — других же Гомер в своем эпосе называет данаями, аргивянами и ахейцами^{**}. Точно так же Гомер не употребляет и имени варваров, потому, мне кажется, что сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров. Итак, эллины, жившие отдельно по городам, понимавшие друг друга и впоследствии названные все общим именем, до Троянской войны, по слабости и отсутствию взаимного общения, не совершили ничего сообща. Да и в этот-то поход они выступили вместе уже после того, как больше освоились с морем.

* Дор и Эол — эпонимы дорян и эолян.

** Южная часть Фессалии.

*** «Илиада», II, 684 сл.

Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большею частью моря, которое называется теперь Эллинским*, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей. Очевидно также, что Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получать доходы. В древности эллины и те из варваров, которые жили на материке близ моря, а равно все обитатели островов, обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю. Во главе их становились лица наиболее могущественные, которые и поддерживали пиратство ради собственной корысти и для доставления пропитания слабым. Нападая на неукрепленные города, состоящие из отдельных селений, они грабили их и большею частью так добывали себе средства к жизни. Тогда занятие это не считалось еще постыдным, скорее приносило даже некоторую славу. Доказательство этого представляют еще и теперь те из обитателей материка, у которых ловкость в этом деле пользуется почетом, а также древние поэты, везде предлагающие пристающим к берегу людям один и тот же вопрос: не разбойники ли они? — так как ни те, которых спрашивают, не считают занятие это недостойным, ни те, которым желательно это узнать, не вменяют его в порок. Впрочем, жители грабили друг друга и на суше; во многих же частях Эллады и до сих пор практикуется старинный способ жизни, а именно у локров озольских, этолян, акарнанов** и у обитателей пограничного с ними материка. Самый обычай ношения с собою оружия сохранился у этих материковых народов от старинного занятия их разбоем. Дело в том, что жители всей Эллады ходили тогда вооруженные: жилища не были защищены, пути сообщения не безопасны, что и ввело в обычай жить с оружием, как живут варвары. Те части Эллады, в которых ведут еще и теперь такой образ жизни, свидетельствуют о существовании некогда подобных же обычаев и у всех эллинов. Из их числа афиняне первые сняли с себя оружие и, благодаря вольному образу жизни, перешли к большей роскоши; среди них старшие, из числа богатых, вследствие склонности к изнеженности только недавно перестали носить льняные хитоны и укреплять себе волосы на голове в кробил с помощью золотых цикад. Поэтому-то и старшие из ионян, по родству своему с афинянами, долго удерживали у себя такой же убор. С другой стороны, лакедемоняне первые стали носить скромное одеяние нынешнего образца, и вообще у них люди более зажиточные в образе жизни очень приблизились к народной массе. Лакедемоняне же первые, сняв с себя одежду и выступив обнаженными в присутст-

* Т. е. Эгейским.

** Перечисляются племена, жившие в Западной Греции.

вии других, жирно умащали себя маслом при гимнастических упражнениях. А в прежнее время даже на Олимпийских состязаниях борцы состязались с поясом вокруг детородных частей и только немного лет назад перестали надевать его. Впрочем, еще и теперь у тех варваров, преимущественно азиатов, которые устраивают состязания в кулачном бою и в борьбе, последние происходят в поясах. Можно было бы указать и на многое другое в образе жизни древних эллинов, чем они походили на нынешних варваров.

- 7 Все города, основанные в последнее время, когда мореплавание получило уже большее развитие, а средства имелись в большом избытке, обводились стенами и строились непосредственно на морских берегах; кроме того, в видах торговли и для ограждения себя от соседей все старались занимать перешейки. Напротив, древние города, как на островах, так и на суше, вследствие долго державшегося пиратства большею частью были построены вдали от моря, потому что и жители этих городов грабили друг друга так же, как и все береговые жители, хотя бы и не занимавшиеся мореплаванием; и до сих пор города эти расположены
- 8 внутри материка. Ничуть не меньше занимались разбоем и островитяне, именно карийцы и финикияне, заселившие большинство островов. Вот доказательство этого: когда афиняне во время этой войны очищали Делос и удалили все гробницы, бывшие на острове, то больше половины погребенных в них покойников оказались карийцами; их признали по вооружению, положенному вместе с ними в могилы, и по способу погребения, до сих пор существующему. С образованием флота Миноса взаимные сношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами. Кроме того, приморские жители владели уже большими средствами и потому крепче сидели на местах, а некоторые, разбогатеv, оградилv себя стенами. Стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города.* В таком состоянии эллины находились довольно долго, прежде чем они выступили в поход против Трои.
- 9 Мне кажется, Агамемнон собрал свое войско не столько потому, что принудил к этому походу женихов Елены, связанных клятвою с Тиндареем, сколько потому, что выдавался над современниками своим могуществом. К тому же лица, получившие от предков самые достоверные предания о судьбах Пелопоннеса, рассказывают, что Пелопс приобрел силу благодаря прежде всего большому богатству, с которым он явился из Азии к людям бедным. Потому он и назвал страну своим именем, хотя и был пришельцем. Впоследствии потомкам его посчастливилось еще

* Заставили платить дань.

больше, именно: когда в Аттике пал от руки Гераклидов Еврисфей, получивший при отправлении на войну Микены и вручивший власть Атрею, как родственнику, — Атрей был его дядею с материнской стороны, — случилось так, что последний из-за убийства Хрисиппа бежал от отца. Между тем Еврисфей все не возвращался. Тогда Атрей получил царскую власть над Микенами и над всеми землями, которыми правил Еврисфей, согласно желанию самих микенян: они боялись Гераклидов, а Атрей представлялся им могущественным и вместе с тем успел угодить народной массе. Таким-то образом Пелопиды стали могущественнее потомков Персея. Все это достояние, по-видимому, получил Агамемнон; сверх того, он значительно превосходил всех прочих морскими силами и потому собрал войско в поход не столько вследствие расположения к себе, сколько действуя страхом. Очевидно, сам Агамемнон явился под Трою с наибольшим числом кораблей, а также доставил корабли для аркадян, о чем свидетельствует Гомер*, если только на свидетельство его можно полагаться. И в рассказе о передаче скипетра Гомер** сказал об Агамемноне, что он «владеет над многими островами и над всем Аргосом». Действительно, живя на материке, Агамемнон не имел бы власти над островами, за исключением ближайших (этих же не могло быть много), если бы у него вовсе не было флота. По Троянскому походу следует представлять себе состояние Эллады в предшествовавшее время. Если бы из того обстоятельства, что Микены были малы или что какой-нибудь из тог-¹⁰дашних городов оказывается теперь незначительным, кто-нибудь стал относиться с недоверием к тому, что Троянский поход был действительно столь грандиозен, как изображают его поэты и как установилось о нем предание, то такое недоверие было бы недостаточно обоснованным. Предположим, что город лакедемонян*** был бы razoren и от него уцелели бы только святилища да фундаменты строений; при таких условиях, полагаю, у наших потомков по прошествии долгого времени возникло бы сильное сомнение в том, что могущество лакедемонян соответствовало их славе. Между тем они владеют двумя пятими Пелопоннеса, имеют гегемонию над всем им и над множеством союзников за его пределами. Тем не менее город лакедемонян мог бы показаться ниже присущего ему значения, так как он не был объединен путем синэкизма, в нем нет пышных храмов и строений, но, по древнему обычаю Эллады, он состоит из селений. Напротив, если бы той же участи, что Спарта, подверглись афиняне, то по наружному виду их города могущество их могло бы показаться

* «Илиада», II, 576 сл.

** «Илиада», II, 101—108.

*** Спарта.

вдвое большим сравнительно с действительностью. Итак, в указанном случае следует верить преданию и, считаясь более с могуществом городов, нежели с внешним видом их, допускать, что Троянский поход был самым грандиозным из всех предшествовавших, хотя и уступал нынешним, конечно, если можно и здесь сколько-нибудь доверять поэзии Гомера, который, как поэт, разумеется, преувеличил и приукрасил поход. Однако даже и в таком виде он оказывается слишком незначительным. В самом деле, Гомер повествует*, что из числа двухсот кораблей на беотийских было по ста двадцати человек, а на кораблях Филоктета — по пятидесяти, указывая этим, как мне кажется, на самые большие и самые малые корабли; по крайней мере, в списке кораблей о величине других не упоминается. Что все гребцы были в то же время и воинами, видно по кораблям Филоктета: все гребцы их, по Гомеру, были стрелками из луков. Невероятно, чтобы, исключая царей и высших должностных лиц, низшие корабельные слуги отплыли в большом числе вместе с воинами, тем более что им предстояло переплывать море с военными принадлежностями, да и суда их были не палубные, а, скорее, по древнему способу сооружены, как суда пиратские. Итак, если принять во внимание среднюю величину между самыми большими и самыми малыми кораблями, окажется, что эллинов явилось под Трою немного, так как воинов посылала вся Эллада

11 сообща. Причиной этого была не столько малочисленность населения, сколько отсутствие у него материальных средств. Из-за скудости провианта эллины выступили с меньшим войском, таким только, какое, по их расчетам, могло содержаться во время войны на взятые средства. По прибытии к Трое эллины одержали победу в сражении — это несомненно, потому что иначе они не могли бы возвести укреплений подле своей стоянки. Однако и под Троей эллины, очевидно, употребили в дело не все свое войско, а стали заниматься земледелием на Херсонесе и разбоем, по недостатку средств к жизни. Главным образом вследствие этой раздробленности эллинов троянцы и могли оказывать им сопротивление в течение десяти лет, каждый раз будучи равносильны остающимся на месте неприятелям. Напротив, если бы жизненных припасов эллины взяли с собою в изобилии, если бы они не занимались грабежом и обработкою земли и вели войну непрерывно общими силами, они легко одержали бы победу в открытом сражении и овладели бы городом: они давали ведь отпор неприятелю и не будучи все в сборе, а действуя только с тою частью войска, какая каждый раз бывала налицо. Поэтому, если бы они приналегли на осаду, то взяли бы Трою и скорее, и с меньшим трудом. Однако вследствие недостатка материальных

* «Илиада», II, 510, 719.

средств не только предприятия, предшествовавшие Троянской войне, были незначительны, но и эта война, самая замечательная из всех происходивших раньше, оказывается в действительности не столь значительною, как рисует ее молва и установившееся ныне через поэтов предание. Даже и после Троянской войны в Элладе все еще происходили перемещения жителей и новые заселения, так что страна не знала покоя и потому не преуспевала. Возвращение эллинов из-под Илиона замедлилось, что повело к многочисленным переменам: в государствах возникали большею частью междоусобицы, вследствие которых изгнанники стали основывать новые города. Так, на шестидесятом году по взятии Илиона нынешние беотяне, вытесненные фессалийцами из Арны, заселили теперешнюю Беотию, прежде именовавшуюся Кадмейской землей (впрочем, некоторые беотяне и раньше еще жили в этой области; часть их и отправилась в поход на Илион)*. На восьмидесятом году доряне, вместе с Гераклидами, овладели Пелопоннесом. Лишь много времени спустя, и то с трудом, Эллада прочно успокоилась, в ней не было больше передвижений, и эллины стали высылать колонии: афиняне заселили тогда Ионию и большинство островов, пелопоннесцы — большую часть Италии, Сицилии и некоторые местности в остальной Элладе. Все эти заселения имели место после Троянской войны.

В то время как Эллада становилась могущественнее, богатела еще больше прежнего, в государствах вследствие увеличения их материального достатка большею частью стали возникать тирании (раньше там была наследственная царская власть с определенными привилегиями), эллины начали снаряжать флоты и больше прежнего стремились к обладанию морем. Говорят, коринфяне первые усвоили морское дело ближе всего к теперешнему его образцу, и первые в Элладе триеры сооружены были в Коринфе. По-видимому, и для самиян коринфский кораблестроитель Аминокл сколотил четыре судна; с того времени, как он прибыл к самосцам, до окончания этой войны прошло по меньшей мере триста лет. Древнейшая морская битва, насколько мы знаем, была у коринфян с керкирянами; от этой битвы до того же времени прошло не менее двухсот шестидесяти лет. Коринф расположен был на перешейке, и потому с древнейших времен там находился рынок. А так как в старину эллины, жившие в Пелопоннесе и за его пределами, сносились друг с другом больше сухим путем, нежели морем, и сношения эти совершались через Коринф, то коринфяне разбогатели, что видно и из древних поэтов: они прозвали Коринф богатым. Когда эллины стали ходить по морям больше, коринфяне, заведя флот, обратились к уничтожению морских разбоев и, представляя

* «Илиада», II, 494.

для эллинов рынок, усилили свой город притоком богатств в него по обоим путям. У ионян флот появляется гораздо позже, в царствование Кира, первого царя персов, и сына его Камбиса. В войну с Киром ионяне некоторое время были господами на своем море. Тиран Самоса в царствование Камбиса Поликрат также имел сильный флот, подчинил своей власти различные острова, между прочим завладел Ренеей, которую посвятил Аполлону Делосскому. Наконец, фокеяне, населяющие Массалию^{*}, побеждали в морских сражениях карфагенян. Таковы были наиболее значительные морские силы. Хотя флоты эти образовались много поколений спустя после Троянской войны, однако, как и в то время, они заключали в себе, по-видимому, мало триер, состоя все из пентеконтер и длинных судов. Незадолго до Персидских войн и смерти Дария, который был царем персов после Камбиса, появилось очень много триер у сицилийских тиранов и у керкирян. Это были значительные флоты в Элладе, составившиеся в последнее время перед походом Ксеркса. Эгиняне же, афиняне и некоторые другие эллины располагали ничтожным количеством судов, и то большею частью пентеконтер. Триеры появились у афинян позже, с того времени, как Фемистокл убедил афинян во время их войны с эгинянами и ввиду тех средств, какими располагали персы, соорудить корабли; на этих кораблях афиняне и сразились на море^{**}. Впрочем, и эти корабли не были еще вполне палубными.

- 15 Вот каковы были морские силы эллинов в древнее время и каковы они стали впоследствии. Все же эллины, хотя они и обратили внимание на развитие морского дела, приобрели довольно значительную силу частью благодаря притоку денежных средств, частью путем владычества над другими эллинами. Во время морских походов они покоряли острова, особенно те из эллинов, которые не имели в достаточном количестве собственной земли. Напротив, такой сухопутной войны, которая привела бы к возникновению какой-либо сильной державы, не было ни одной. Все войны, какие были, происходили каждый раз только между соседями; походов в чужие земли, далеко от родины, с завоевательными целями эллины не предпринимали. Дело в том, что к сильнейшим государствам более слабые не примыкали на положении подчиненных; с другой стороны, и сами эллины не совершали общих походов на равных для всех условиях, а каждый предпочитал вести войну с соседями самолично. Лишь давно, во время войны, происшедшей между халкидянами и эретриянами, и остальные эллины разделились, вступив
- 16 в союз с тою или другою из воюющих сторон. Для разных эллинов существовали в различных местах препятствия к усилению. Между

* Т.е. Эгейском.

** Марсель.

*** При Саламине в 480 г. до н.э.

прочим, на ионян в то время, когда благосостояние их сильно возросло, обрушилось войною персидское царство, с Киром во главе, после покорения им Креза и всех земель по сю сторону реки Галиса до моря. Кир поработил города на материке, а впоследствии Дарий, опираясь на финикийский флот, подчинил себе и острова. Все тираны, бывшие в эллинских государствах, обращали свои заботы исключительно на свои интересы, на безопасность своей личности и на возвеличение своего дома. Поэтому при управлении государством они преимущественно, насколько возможно, озабочены были принятием мер собственной безопасности; ни одного замечательного дела они не совершили, кроме разве войн отдельных тиранов с пограничными жителями. Так, в течение долгого времени со всех сторон Эллады была задерживаема в своем развитии, не совершала общими силами ничего видного, и отдельные государства ее были слишком мало предприимчивы. ¹⁷

Афинские тираны и большинство тиранов остальной Эллады, ¹⁸ и раньше того долго томившейся под властью тирании, были наконец, исключая тиранов сицилийских, низложены лакедемонянами. (Сам Лакедемон, после заселения его дорянами, живущими теперь в этой области, очень долго, насколько мы знаем, страдал от внутренних волнений; однако с давних уже пор он управлялся благими законами и никогда не был под властью тиранов; в течение четырехсот с небольшим лет, протекших до окончания этой войны, лакедемоняне имеют одно и то же государственное устройство; благодаря этому они стали могущественны и организовывали дела в остальных государствах). Немного лет спустя после упразднения тирании в Элладе произошло при Марафоне сражение персов с афинянами. На десятом году после этой битвы персы снова явились в Элладу с огромным войском с целью поработить ее. Когда над головою всех повисла великая опасность, лакедемоняне, опираясь на превосходство своих сил, стали во главе общеэллинского ополчения, а афиняне при наступлении персов решили покинуть свой город, собрали свое имущество, сели на корабли и, таким образом, сделались морским народом. Вскоре после отражения персов общими силами эллины, как те, что отложились от персидского царя, так и те, которые воевали вместе против него, распределились между афинянами и лакедемонянами. И те и другие действительно оказались наиболее могущественными: лакедемоняне сильны были на суше, афиняне на море. Взаимный союз между ними сохранился недолго. Вскоре, разделенные враждою, лакедемоняне и афиняне вместе с своими союзниками воевали друг против друга, а остальные эллины, в случае если им приходилось где-либо враждовать между собою, стали присоединяться или к афинянам, или к лакедемонянам. Поэтому со времени Персидских войн и до этой войны афиняне и лакедемоняне постоянно то заключали союз, то воевали или между собою, или с отпадав-

- шими от них союзниками; при этом они усовершенствовались в военном деле, изошряясь среди опасностей, и приобрели большой опыт. Лакедемоняне пользовались гегемонией, не взимая дани с своих союзников, а заботясь только о том, чтобы, подобно им, и у союзников был олигархический строй управления. Афиняне, напротив, с течением времени отобрали у союзных с ними государств, за исключением хиосцев и лесбосцев, корабли и обложили всех союзников денежною данью. Оттого ко времени этой войны боевая подготовка афинян была лучше, нежели в пору высшего процветания их союза, когда последний не был еще обессилен.
- 20 Вот какова была древность по моим изысканиям, хотя и трудно положиться на относящиеся сюда, безразлично каковы бы они ни были, свидетельства. Дело в том, что люди перенимают друг от друга предания о прошлом, хотя бы оно относилось к их родине, одинаково без всякой критики. Так, например, большинство афинян полагает, что Гиппарх пал от руки Гармодия и Аристогитона в то время, как он был тираном; они не знают того, что правителем тогда был Гиппий, как старший из сыновей Писистрата, что Гиппарх и Фессал были его братья, что в день заговора, в решительный момент, Гармодий и Аристогитон, возымев подозрение, будто кто-то из сообщников их открыл уже кое-что Гиппию, и что тот, следовательно, предупрежден, не тронули его; однако, желая сделать хоть что-нибудь решительное прежде, чем схватят их, они умертвили Гиппарха, занятого устройством Панафинейской процессии, встретив его подле так называемого Леокория. Точно так же и прочие эллины неправильно представляют себе многие иные события, даже современные, не изглаженные из памяти временем. Например, думают, будто лакедемонские цари подают каждый по два голоса, а не по одному и будто у них есть Питанатский лох, какового никогда и не существовало. Столь мало большинство людей озабочено отысканием истины и охотнее принимает готовые мнения.
- 21 И все же не ошибется тот, кто рассмотренные мною события признает скорее всего в том виде, в каком я сообщил их на основании упомянутых свидетельств, кто в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевающим эти события с преувеличениями и прикрасами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: ими рассказываются события, ничем не подтвержденные и за давностью времени, когда они были, превратившиеся большею частью в невероятное и сказочное. Пусть знают, что события мною восстановлены, с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько это позволяет древность их. Хотя люди, пока воюют, считают всегда каждую в данный момент войну важнейшею, а по окончании ее больше восхищаются стариною, тем не менее эта война окажется важнее прежних, если судить по имевшим в ней место событиям. <...>

ВТОРАЯ КНИГА

Под осень в эту летнюю кампанию^{*} все афинское войско, со- 31
стоявшее из граждан и метеков, вторглось под начальством стра-
тега Перикла, сына Ксантиппа, в Мегариду. Случилось так, что
крейсировавшие в водах Пелопоннеса на ста кораблях афиняне
находились в это время на обратном пути уже подле Эгины; уз-
навши, что остававшиеся в городе афиняне со всем войском на-
ходятся в области Мегар, они направились к ним и соединились
с ними. Это было огромное афинское войско, собранное воедино
в то время, когда государство было еще в полном цвете сил и не
пострадало еще от болезни. Действительно, одних афинских граж-
дан было не меньше десяти тысяч гоплитов (не считая тех трех
тысяч, которые находились у Потидеи); вместе с ними выступило
из Афин не менее трех тысяч тяжеловооруженных метеков. Ос-
тальное войско состояло из значительного числа легковооружен-
ных. Опустошив большую часть территории мегарян, афиняне
возвратились. Впоследствии во время войны афиняне совершали
другие вторжения в Мегариду ежегодно то с конницей, то со всем
войском, пока не взяли Нисеи.

В конце той же летней кампании афиняне обратили в укреп- 32
ление Аталанту, остров подле Локриды Опунтской, до того вре-
мени необитаемый, с целью воспрепятствовать пиратам, выплы-
вающим из Опунта и остальной Локриды, разорять Евбею. Вот
что произошло в эту летнюю кампанию после отступления пе-
лопоннесцев из Аттики.

В следующую за тем зимнюю кампанию акарнан Еварх, желая 33
возвратиться в Астак, уговорил коринфян прибыть к нему на
сорока кораблях с полуторатысячей гоплитов и вернуть его на
родину; сам он также собрал кое-какое наемное войско. Началь-
ствовали над войском Евфамид, сын Аристонима, Тимоксен, сын
Тимократа, и Евмах, сын Хрисиды. Коринфяне прибыли на ко-
раблях и вернули Еварха в Астак. Они желали завладеть некото-
рыми береговыми пунктами и остальной части АкARNАНИИ, сде-
лали попытку, но безуспешно, и отплыли домой. На обратном
пути они держались близко к Кефаллени, высадились в земле
краниев и, будучи введены ими в обман каким-то договором, по-
теряли несколько своих воинов при неожиданном нападении кра-
ниев; жестоко теснимые неприятелем, коринфяне вышли в от-
крытое море и возвратились домой.

В ту же зимнюю кампанию афиняне, согласно обычаю пред- 34
ков, следующим образом совершили на государственный счет
погребение первых воинов, павших в этой войне. За три дня до

^{*} Речь идет о событиях 431 г. до н.э., первого года Пелопоннесской войны.

похорон они соорудили подмостки и там выставили останки павших воинов; каждый афинянин делал приношения своим родственникам, какие хотел. Во время выноса десять колесниц двигались с кипарисовыми гробами, по одному на каждую филу; кости каждого находились в гробу той филы, к которой покойник принадлежал. Несли еще одно пустое ложе, приготовленное для погибших без вести, останков которых не могли отыскать для погребения. В процессии участвовали все желающие, горожане и иноземцы; у могилы присутствовали и женщины, родственницы покойников, плакальщицы. Гробы поставлены были на государственное кладбище, находящееся в красивейшем городском предместье, где всегда хоронили павших в войне; исключение было сделано только для убитых при Марафоне: так как доблесть последних признана была выдающеюся, то их и похоронили на месте сражения. Когда останки были засыпаны, выбранное государством лицо, по общему признанию обладавшее выдающимся умом и занимавшее высокое положение в государстве, произносит над усопшими подобающее похвальное слово, после чего все и расходится. Так совершаются похороны, и в течение всей войны афиняне, при каждом подобном погребении, соблюдали этот порядок. Для произнесения речи над первыми павшими воинами в этой войне выбран был Перикл*, сын Ксантиппа. Когда пришло время, он выступил вперед от места погребения, взошел на высокую трибуну, чтобы голос его был слышен возможно дальше в толпе, и произнес следующую речь.

35

«Большинство уже говоривших с этого места воздает похвалы тому, кто прибавил к погребальному обряду произнесение похвального слова, так как действительно прекрасно произносить такое слово при погребении павших в войнах. Мне казалось бы достаточным, чтобы людям, проявившим доблесть на деле, и почести оказывались на деле, что сделано, как вы видите, и теперь настоящими похоронами, совершенными на счет государства; но мне казалось бы недостаточным ставить оценку доблести многих людей в зависимость от одного человека на том основании, что ему все равно поверят, хорошо ли он скажет или не вполне хорошо. Трудно соблюсти меру в словах там, где уверенность в истине сказанного с трудом лишь становится прочною. В самом деле, слушателю, во все посвященному и благосклонно настроенному, оценка заслуг может показаться недостаточною сравнительно с тем, что ему желательно слышать и что ему известно; напротив, слушатель несведущий из чувства зависти может подумать, что

* Речь Перикла, скорее всего выдуманная самим Фукидидом, содержит апологию афинской государственности, которая могла иметь истоком идеологию, проповедуемую близкими Периклу людьми в последние годы перед Пелопоннесской войной.

некоторые заслуги и преувеличены, коль скоро они в том или ином отношении превосходят его собственные природные силы. Ведь похвалы, воздаваемые другим, терпимы в той только мере, в какой каждый из слушателей сознает себя способным сам совершить те дела, о которых он слышит; то, что в похвалах превосходит эту меру, возбуждает в слушателях зависть и недоверие. Но так как люди старого времени признали обычай этот прекрасным, то и я обязан подчиниться ему и попытаться по мере возможности удовлетворить желаниям и ожиданиям каждого из вас.

Я начну прежде всего с предков, потому что и справедливость, 36 и долг приличия требуют воздавать им при таких обстоятельствах дань воспоминания. Ведь они всегда и неизменно обитали в этой стране и, передавая ее по наследству от поколения к поколению, сохранили ее, благодаря своей доблести, свободною до нашего времени. И за это они достойны похвалы, а еще достойнее ее отцы наши, потому что к полученному ими наследию они, не без трудов, приобрели то могущество, которым мы располагаем теперь, и передали его нынешнему поколению. Дальнейшему усилению могущества содействовали, однако, мы сами, находящиеся еще теперь в цветущем зрелом возрасте. Мы сделали государство вполне и во всех отношениях самодовлеющим и в военное, и в мирное время. Что касается военных подвигов, благодаря которым достигнуты были отдельные приобретения, то среди людей, знающих это, я не хочу долго распространяться на этот счет и не буду говорить о том, с какой энергией мы или отцы наши отражали вражеские нападения варваров или эллинов. Я покажу сначала, каким образом действуя мы достигли теперешнего могущества, при каком государственном строе и какими путями мы возвеличили нашу власть, а затем перейду к прославлению павших. По моему мнению, о всем этом уместно сказать в настоящем случае, и всему собранию горожан и иностранцев полезно будет выслушать мою речь.

Наш государственный строй не подражает чужим учрежде- 37 ниям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве их. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом, скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободною политическою жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни; мы не раздражаемся,

- если кто делает что-либо в свое удовольствие, и не показываем при этом досады, хотя и безвредной, но все же удручающей другого. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов больше всего из страха пред ними и повинuemся лицам, облеченным властью в данное время, в особенности прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые,
- 38 будучи неписаными, влекут общепризнанный позор. Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как и благопристойностью домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние. Сверх того, благодаря обширности нашего города, к нам со всей земли стекается все, так что мы наслаждаемся благами всех других народов с таким же удобством, как если бы это были плоды нашей собственной земли. В заботах о военном деле мы отлича-
- 39 емся от противников следующим: государство наше мы представляем для всех, не высылаем иноземцев, никому не препятствуем ни учиться у нас, ни осматривать наш город, так как нас несколько не тревожит, что кто-либо из врагов, увидев что-нибудь не сокрытое, воспользуется им для себя; мы полагаемся не столько на боевую подготовку и военные хитрости, сколько на присущую нам отвагу в открытых действиях. Что касается воспитания, то противники наши еще с детства закаляются в мужестве тяжелыми упражнениями, мы же ведем непринужденный образ жизни и тем не менее с не меньшей отвагой идем на борьбу с равносильным противником. И вот доказательство этому: лакедемоняне идут войною на нашу землю не одни, а со всеми своими союзниками, тогда как мы одни нападаем на чужие земли и там, на чужбине, без труда побеждаем большею частью тех, кто защищает свое достояние. Никто из врагов не встречался еще со всеми нашими силами во всей их совокупности, потому что в одно и то же время мы заботимся и о нашем флоте, и на суше высылаем наших граждан на многие предприятия. Когда в стычке с какою-либо частью наших войск враги одерживают победу над нею, они кичатся, будто отразили всех нас, а потерпев поражение, говорят, что побеждены нашими совокупными силами. Хотя мы и охотно отваживаемся на опасности, скорее вследствие равнодушного отношения к ним, чем из привычки к тяжелым упражнениям, скорее по храбрости, свойственной нашему характеру, нежели предписываемой законами, все же преимущество наше состоит в том, что мы не утомляем себя преждевременно предстоящими лишениями, а, подвергшись им, оказываемся мужественными не меньше наших противников, проводящих время в постоянных трудах. И по этой, и по другим еще причинам государство наше достойно удивления. Мы любим

красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности; мы пользуемся богатством как удобным средством для деятельности, а не для хвастовства на словах, и сознаваться в бедности у нас непостыдно, напротив, гораздо позорнее не выбиваться из нее трудом. Одним и тем же лицам можно у нас и заботиться о своих домашних делах, и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимся другим делам, не чуждо понимание дел государственных. Только мы одни считаем не свободным от занятий и трудов, но бесполезным того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности. Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно оценить их, не считая речей чем-то вредным для дела; больше вреда, по нашему мнению, происходит от того, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами. Превосходство наше состоит также и в том, что мы обнаруживаем и величайшую отвагу и зрело обсуждаем задуманное предприятие; у прочих, наоборот, неведение вызывает отвагу, размышление же нерешительность. Самыми сильными натурами должны по справедливости считаться те люди, которые вполне отчетливо знают и ужасы, и сладости жизни, и когда это не заставляет их отступать перед опасностями. Равным образом в отношениях человека к человеку мы поступаем противоположно большинству: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них услуги, но тем, что сами их оказываем. Оказавший услугу — более надежный друг, так как он своим расположением к получившему услугу сохраняет в нем чувство признательности; напротив, человек благодетельствованный менее чувствителен: он знает, что ему предстоит возвратить услугу, как лежащий на нем долг, а не из чувства благодарности. Мы одни оказываем благодеяния безбоязненно, не столько из расчета на выгоды, сколько из доверия, покоящегося на свободе. Говоря коротко, я утверждаю, что все наше государство — центр просвещения Эллады; каждый человек может, мне кажется, приспособиться у нас к многочисленным родам деятельности, и, выполняя свое дело с изяществом и ловкостью, всего лучше может добиться для себя самодовлеющего состояния. Что все сказанное не громкие слова по поводу настоящего случая, но сущая истина, доказывает самое значение нашего государства, приобретенное нами именно благодаря этим свойствам. Действительно, из нынешних государств только одно наше выдерживает испытание выше толков о нем; только одно наше государство не будит негодования в нападающих на него неприятелях в случае поражения их такими людьми, [как мы], не вызывает упрека в подчиненных, что они будто бы покоряются людям, недостойным властвовать. Создавши могущество, подкрепленное ясными доказательствами и достаточно засвидетельствованное, мы послужим предметом удивле-

ния для современников и потомства, и нам нет никакой нужды ни в панегиристе Гомере, ни в ком другом, доставляющем минутное наслаждение своими песнями в то время, как истина, основанная на фактах, разрушит вызванное этими песнями представление. Мы нашей отвагой заставили все моря и все земли стать для нас доступными, мы везде соорудили вечные памятники содеянного нами добра и зла. В борьбе за такое-то государство положили свою жизнь эти воины, считая долгом чести остаться ему верными, и каждому из оставшихся в живых подобает желать трудиться ради него.

42 Я и распространялся-то так долго о положении нашего государства с целью показать вам, что мы и враги наши, не имеющие у себя ничего подобного, ведем борьбу за разные вещи, и фактическими доказательствами подкрепить хвалу тем, над которыми я говорю теперь. Важнейшее уже сказано, потому что доблести этих [воинов] и им подобных украсили наше государство всем тем, что я прославил здесь, и немного найдется эллинов, дела которых, как этих граждан, соответствовали бы похвале их. Мне кажется, постигший этих воинов конец впервые обнаружил и окончательно засвидетельствовал их мужество. Ведь справедливость требует, чтобы прочие недостатки людей заглаживались мужественною доблестью их в войнах за отечество: добром они стирают зло, и целому государству они больше приносят пользы, нежели повредили ему своими личными недостатками. Между тем ни один из этих воинов не предпочел дальнейшего наслаждения богатством и не показал себя робким в надежде, что он мог бы еще избавиться от бедности и разбогатеть, и не уклонился от опасности. Отмстить врагу для них было желательнее этих благ, идти на опасности они признали делом самым прекрасным и пожелали ценою этой опасности врагу отмстить, а от предстоящих им благ отказаться. На долю надежды они оставили неверность успеха, в действительной же борьбе, лицом к лицу с опасностью, они считали долгом полагаться только на собственные силы. Они предпочли, отражая врага, пострадать, нежели уступить и тем спасти себе жизнь. Они избегли позорящей молвы, спасли дело своею смертью и в кратчайший роковой момент расстались с жизнью, преисполненные не столько страха, сколько славы.

43 Столь достойными государства оказались эти воины. Оставшимся в живых следует молиться о более безопасном для них исходе, но они должны решиться проявлять нисколько не меньшую отвагу по отношению к врагам. Не обращайтесь внимания на то, что вы слушаете теперь только речи о преимуществах мужества; иной может распространяться о них с излишнею обстоятельностью, хотя вы и сами знаете это не хуже его, и будете вычислять все блага, какие приносит с собой отражение врагов. Напротив, вы обязаны ежедневно на деле взирать на могущество государства

и полюбить его, и, если оно покажется вам великим, имейте в виду, что его стяжали люди отвагою, умением принимать надлежащие меры, люди, руководившиеся в сражениях чувством чести. Если в предприятиях и они терпели в чем-нибудь неудачу, они не считали позволительным лишать государство своей доблести и приносили в жертву ему прекраснейший взнос. Они отдавали ради общего дела свою жизнь, и за то для себя лично они стяжали нестареющую похвалу и почетнейшую могилу, не столько эту, в которой они покоятся теперь, сколько ту, где слава их остается незабвенною, именно в каждом слове, в каждом деянии потомков. Могилою знаменитых людей служит вся земля, и о них свидетельствуют не только надписи на стелах в родной стране. Не столько о самих подвигах, сколько о мужестве незаписанное воспоминание вечно живет в каждом человеке и даже в чужой земле. Соревнуйте этим воинам, считайте счастьем свободу, а свободою мужество, и потому не озирайтесь перед военными опасностями. Не тем несчастным, у которых нет надежды на счастливую долю, более справедливо не щадить своей жизни, но тем, которым предстоит еще опасность обратной перемены в жизни и для которых, в случае поражения, наступят очень большие изменения. Для человека гордого тягостнее оскорбление, связанное с трусостью, нежели смерть, становящаяся нечувствительною, когда на нее идут мужественно и вместе с тем с надеждою на общее благо.

Вот почему, присутствующие здесь родители павших ныне воинов, не горевать я буду о вас, а утешать вас. Вы ведь знаете, при 44
каком многообразном стечении обстоятельств воспитались вы; вы понимаете, что счастье бывает уделом того, кто, подобно этим воинам, кончит дни свои благопристойнейшею смертью, того, кто, подобно вам, скорбит благороднейшею скорбью, того, наконец, кому отмерено было и жить счастливо, и столь же счастливо умереть. Я сознаю, конечно, трудность убеждать вас, потому что вы часто будете вспоминать о своих детях при виде счастья других людей, которым некогда и сами вы гордились; скорбят о лишении не тех благ, которых никто не испытал, но о том благе, к которому привыкли и которого больше нет. Однако находящиеся в том возрасте, когда еще могут быть дети, должны укреплять себя надеждою на других потомков. Будущие дети дадут некоторым возможность забыть о тех, кого уже нет, а государству они принесут двоякую пользу: не уменьшится его население и не умалится его безопасность. Ведь невозможно с равным правом обсуждать дела тем гражданам, которые в одинаковой же мере не подвергались бы опасности потерять своих детей. Все же, перешедшие за этот возраст, считайте своей прибылью ту большую часть вашей жизни, которую вы провели в счастье; считайте, что вам осталось жить недолго, и облегчайте свою скорбь доброю славою павших сыновей. Не стареет только жажда славы, и в дряхлом возрасте услаж-

- даст не столько стяжание, как утверждают иные, сколько почет. Присутствующим же здесь сыновьям и братьям павших, я вижу,
- 45 предстоит великое состязание (обыкновенно всякий хвалит того, кого нет более); если бы вас, при избытке вашей доблести, не то что приравниали к павшим, но поставили только немного ниже их, и то хорошо: людям при жизни завидуют соперники, а сошедшие с пути пользуются благорасположением, не нарушаемым никаким соревнованием. Если я должен упомянуть и о доблести женщин, которые останутся теперь вдовами, то я выскажу все в кратком увещании: быть не слабее присущей женщинам природы — великая для вас слава, особенно если возможно менее громко говорят о ней в среде мужчин в похвалу или порицание.
- 46 В своей речи, произнесенной по требованию обычая, я сказал все, что считал целесообразным. Что касается действительного чествования, то погребаемые частью уже почтены; кроме того, с этого дня государство будет содержать детей их до их возмужалости на государственный счет, тем самым присуждая полезный венок за участие в славной борьбе и умершим, и оставшимся в живых: в том государстве граждане наиболее доблестны, которое назначает за доблесть высшую награду. Теперь, оплакавши каждый своих родных, расходитесь».
- 47 Таковы были похороны, совершенные в эту зимнюю кампанию. С окончанием ее кончился и первый год этой войны. В самом начале летней кампании пелопоннесцы и союзники их вторглись в Аттику с двумя третями своего войска так же, как и в первый раз. Во главе их находился царь лакедемонян Архидам, сын Зевксидама. Пелопоннесцы расположились в Аттике и стали опустошать поля. Немного дней пробыли они в Аттике, как появились первые признаки болезни среди афинян. Говорят, и раньше она захватила многие местности, Лемнос и другие пункты; но столь свирепой чумы и такой смертности людей, насколько помнится, не было еще нигде. Дело в том, что врачи были бессильны: первое время они лечили, не зная характера болезни, и чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными; да и вообще всякое человеческое искусство было бессильно против болезни. Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно; наконец, одолеваемые бедствием люди оставили и это. Как говорят, с самого начала болезнь появилась в Эфиопии, что за Египтом, потом спустилась она в Египет и Ливию и охватила большую часть владений персидского царя. На Афины болезнь обрушилась внезапно и прежде всего поразила жителей Пирея, почему афиняне и говорили, будто пелопоннесцы отравили там цистерны; водопроводов в то время в Пирее еще не было. Впоследствии болезнь достигла и верхнего города, и люди стали умирать уже в гораздо большем числе. Пускай всякий го-
- 48

ворит об этой болезни по своему разумению, врач ли он или обыкновенный человек; пускай каждый рассуждает, от чего она произошла, о причинах, которые, по его мнению, производили такое сильное изменение в состоянии здоровья. Я же изложу только, какова была эта болезнь, и укажу те симптомы ее, при виде которых, если она когда-либо повторится, всякий будет в состоянии, имея хоть кое-какие предварительные сведения, распознать ее; все это я укажу, потому что сам болел и лично наблюдал других, страдавших тою же болезнью.

Все были согласны в том, что год этот в отношении прочих 49 болезней был самый здоровый; если же кто перед тем и заболел чем-нибудь, всякая болезнь разрешалась чумою. Остальных, кто был здоров, без всякой видимой причины внезапно схватывал прежде всего сильный жар в голове, появлялась краснота и воспаление глаз; затем внутренние части, именно гортань и язык, тотчас затекали кровью, дыхание становилось неприятным и зловонным. После этих симптомов наступало чиханье и хрипота, а немного спустя страдания переходили в грудь, что сопровождалось жестоким кашлем. Когда болезнь бросалась на желудок, она производила тошноту, и затем следовали все виды извержения желчи, обозначаемые у врачей особыми именами, причем испытывалось тяжкое страдание. Дальше большинство больных подвергалось икоте без извержений, что вызывало сильные судороги, которые у одних прекращались тотчас, у других продолжались еще долгое время. Тело на ощупь не было слишком горячим, оно не бледнело, но было красноватое, синело, и на нем высыпали пузырьки и нарывы. Больной так горел, что не мог выносить прикосновения самой легкой шерстяной одежды, холщовых покровов и т. п., а раздевался донага и с особенною приятностью кидался в холодную воду. Многие, лишенные ухода, мучимые неутолимой жаждой, бросались в колодцы. И безразлично было, пил ли кто много или мало. Невозможность успокоиться и бессонница угнетали больного непрерывно. Пока болезнь была во всей силе, тело не ослабевало, но, сверх ожидания, боролось со страданиями, так что больные большею частью умирали от внутреннего жара на седьмой или на девятый день, все еще несколько сохраняя силы. Если больной переживал эти дни, болезнь спускалась в живот, там образовывалось сильное нагноение, сопровождавшееся жестоким поносом, и большинство больных, истощенные им, затем умирали. Зародившись прежде всего в голове, болезнь проходила по всему телу, начиная сверху; а если кто переживал самое тяжелое состояние, то болезнь давала себя знать поражением конечностей. Поражению этому подвергались детородные части, пальцы рук и ног, и многие с выздоровлением теряли эти члены, а некоторые лишались и зрения. Были и такие, которые тотчас по выздоров-

- ленин забывали решительно обо всем и не узнавали ни самих себя, ни своих близких. Что характер этой болезни превосходит всякое описание, видно, между прочим, уже из того, что она поражала каждого с такою силою, которой не могла сопротивляться человеческая природа. А что болезнь эта представляла собою нечто необыкновенное, яснее всего видно из следующего: все птицы и четвероногие, питающиеся трупами, — многие трупы оставались без погребения, — или не приближались к ним, или, отведав их, погибали. Доказательством этого служит то, что эта порода птиц на глазах у всех исчезла, и их не видно было ни подле трупов, ни в каком другом месте. Еще больше такое действие трупов замечалось на собаках, так как они живут при людях. Таков был общий характер болезни, причем мы опустили много других особенностей, какими она отличалась у отдельных больных. Никакою другою из обычных болезней люди в то время не болели; если же какая болезнь и появлялась, то разрешалась она чумою. Умирали и те, за которыми не было ухода, равно как и те, которых окружали большими заботами. Не нашлось, можно сказать, решительно ни одного врачебного средства, употребление которого должно было бы помочь больному: что шло на пользу одному, то вредило другому. Никакой организм, был ли он крепкий или слабый, не в силах был выдержать болезнь; она захватывала всех безразлично при каком бы то ни было образе жизни. Самым же ужасным во всем этом бедствии был упадок духа (лишь только чувствовалось недомогание, заболевшие теряли надежду, отдавались скорее на произвол судьбы и уже не сопротивлялись болезни), а также и то, что при уходе друг за другом люди заражались, как и животные, и умирали. Наибольшая смертность происходила именно от заразы. А если иные из страха и не желали приближаться друг к другу, то погибали в одиночестве. Так опустело множество домов по недостатку лиц, которые ухаживали бы за больными. Если же иные и приближались к больным, то погибали сами, больше всего люди, желавшие оказать какую-либо услугу другому. Из чувства чести они не щадили себя и посещали друзей, когда даже члены семьи под конец покидали своих, истомленные горем по умирающим и удрученные ужасным бедствием. Больше сострадания к умирающим и больным обнаруживали оправившиеся от болезни, потому что они сами испытали ее раньше и были уже в безопасности: вторично болезнь, по крайней мере со смертельным исходом, не постигала никого. Благословляемые другими, они сами от чрезвычайной радости в настоящем легко предавались некоторой надежде на то, что в будущем никогда больше никакая болезнь не будет для них смертельною. В довершение к постигнутому бедствию афиняне были угнетены еще скоплением народа с полей в город, особенно пришельцев. Так как домов недоставало и летом

они жили в душных хижинах, то и умирали при полнейшем беспорядке; умирающие лежали один на другом, как трупы, или ползали полумертвые по улицам и около всех источников, мучимые жаждою. Святыни, где расположились в палатках пришельцы, полны были трупов, так как люди умирали тут же. Так как болезнь слишком свирепствовала, люди, не зная, что с ними будет, перестали уважать и божеские, и человеческие установления. Все обряды, какие соблюдались раньше при погребении, были попорчены, и каждый совершал похороны как мог. Многие, раньше уже похоронившие немало своих, прибегли к непристойным похоронам за отсутствием необходимых принадлежностей для погребения: одни клали своего покойника на чужой костер и поджигали его прежде, чем появлялись те, которыми костер был сложен; иные бросали принесенного покойника сверху на костер в то время, как сожигался на нем другой труп, и затем удалялись. И в других отношениях болезнь прежде всего послу- 53
жила для государства началом дальнейшего поправления законов. Теперь каждый легче отживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнузданности: люди видели, с какою быстротой происходила перемена с богачами, как внезапно умирали они и как люди, ничего прежде не имевшие, тотчас завладевали достоянием покойников. Поэтому все желали поскорее вкушать чувственных наслаждений, считая одинаково эфемерными и жизнь, и деньги. Никто не имел охоты заранее переносить страдания ради того, что представлялось прекрасным, так как неизвестно было, не погибнет ли он прежде, чем достигнет этого прекрасного. Что было приятно в данную минуту и во всех отношениях полезно для достижения этого приятного, то считалось и прекрасным, и полезным. Людей несколько не удерживал ни страх пред богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов или не будут; с другой стороны, никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет по суду наказание за свои преступления. Гораздо более тяжким приговором считался тот, который висел уже над головою, а потому казалось естественным прежде, чем он постигнет, наслаждаться хоть чем-нибудь от жизни.

Вот какого рода бедствие обрушилось на афинян и угнетало 54
их в то время, когда и внутри города умирали люди, и за стенами его опустошались поля. В несчастии, что и естественно, вспомнили и о следующем пророчестве, по словам стариков с древнего времени звучавшем так: «Наступит дорийская брань и чума вместе с нею». Между людьми возник спор, что в этом стихе древними названа не чума, а голод. При настоящих обстоятельствах, разумеется, одержало верх то мнение, что в стихе названа чума, потому что люди приурочивали свои воспоминания к переживае-

мым бедствиям. Я же полагаю, что если когда-нибудь после этой войны вспыхнет другая дорийская война и с нею совпадет голод, то, по всему вероятно, так и будут читать этот стих. С другой стороны, сведущие в том люди вспоминали изречение оракула^{*}, данное лакедемонянам, когда на вопрос, обращенный к божеству, следует ли воевать, оно изрекло им, что они одержат победу, если будут воевать с полным напряжением сил, и объявило, что само будет содействовать им. Высказывалось предположение, что события оправдали это изречение, так как за вторжением пелопоннесцев немедленно началась чума. В Пелопоннес болезнь не проникла, по крайней мере в такой силе, чтобы стоило говорить о том; больше всего она охватила Афины, а затем и другие местности, гуще всего заселенные. Так было с чумою.

55 По опустошении равнины пелопоннесцы прибыли в землю, именуемую Паралом, и дошли до Лаврия, где находятся серебряные рудники афинян. Прежде всего они разорили ту часть этой земли, которая обращена к Пелопоннесу, потом обращенную к Евбее и Андросу. Перикл, и в то время бывший стратегом, оставался при том же мнении, что и во время первого вторжения пелопоннесцев, именно что афиняне не должны выходить против неприятеля.

56 В то время как пелопоннесцы находились еще на равнине, Перикл, до появления их в приморской области, снаряжал сто кораблей к нападению на Пелопоннес и, по окончании приготовлений, вышел в открытое море. На корабли он взял с собою четыре тысячи афинских гоплитов и триста человек конницы на судах, приспособленных к перевозке лошадей; тогда впервые сделаны были такие суда из старых кораблей. Вместе с афинянами выступили в поход хиосцы и лесбосцы на пятидесяти кораблях. Когда это афинское войско отчалило, оно оставило позади себя пелопоннесцев в приморской области Аттики. По прибытии к Эпидавру в Пелопоннесе, афиняне опустошили большую часть полей его, напали на город и возымели было надежду взять его, но не преуспели в этом. Отплыв от Эпидавра, они опустошили области Трезенскую, Галийскую и Гермийонскую — все это прибрежные земли Пелопоннеса. Снявшись оттуда, афиняне прибыли в Прасий, приморский городок Лаконики, опустошили часть его полей, а самый городок взяли и разорили; после этого они возвратились домой. В Аттике афиняне не застали уже пелопоннесцев: последние отступили.

57 Все время, пока пелопоннесцы находились в земле афинян, а последние были в морском походе, болезнь истребляла афинян и в войске, и в городе. Поэтому и пошли речи о том, что пелопоннесцы, узнав от перебежчиков о появлении в городе болезни — да они и сами часто видели похороны, — испугались и по-

^{*} Имеется в виду Дельфийский оракул.

спешили покинуть афинскую землю. В это вторжение они дольше всего оставались в Аттике и опустошали всю страну. Действительно, они пробыли в Аттике около сорока дней.

В ту же летнюю кампанию Гагنون, сын Никия, и Клеопомп, 58 сын Клиния, товарищи Перикла по стратегии, взяли с собой войско, которое было в распоряжении у Перикла, и немедленно пошли в поход против халкидян Фракийского побережья и против Потидеи, все еще находившейся в осаде. По прибытии на место они придвинули машины к Потидее и употребили все средства для того, чтобы взять ее. Но это им не удалось, и вообще они не имели успеха, соответствующего их приготовлениям; дело в том, что появившаяся здесь болезнь поставила афинян в крайне тягостное положение, истребляя их войско, так что и прежде находившиеся здесь афинские воины, до того времени здоровые, заразились болезнью от отряда Гагнона. Формиона и тысячи шестисот воинов не было больше в земле халкидян. Таким образом, Гагنون возвратился на своих кораблях в Афины, потеряв от болезни в течение дней сорока полторы тысячи гоплитов из четырех тысяч. Прежние воины оставались на месте и продолжали осаду Потидеи.

После вторичного вторжения пелопоннесцев, когда поля афи- 59 нян были во второй раз опустошены, а наряду с этим угнетали их болезнь и война, у афинян изменилось настроение. С одной стороны, они стали обвинять Перикла за то, что он склонил их к войне и что из-за него они подверглись несчастьям; с другой, они склонны были заключить мир с лакедемонянами и послали к ним несколько послов, но ничего не достигли. Чувствуя себя беспомощными во всех отношениях, афиняне стали нападать на Перикла. Перикл замечал недовольство афинян в виду создавшегося положения дел, видел, что они во всем поступают так, как он ожидал. Поэтому, будучи еще стратегом, он созвал народное собрание с целью ободрить афинян, смирить их раздражение, смягчить и успокоить. Выступив в народном собрании, он произнес следующую речь.

«Я ждал от вас раздражения против меня, и мне известны его 60 причины; поэтому я и созвал народное собрание для того, чтобы кое-что напомнить вам и упрекнуть вас, так как ваше негодование и ваша уступчивость перед несчастьями до известной степени не имеют основания. Я держусь того мнения, что благополучие целого государства, если оно идет по правильному пути, более выгодно для частных лиц, нежели благополучие отдельных граждан при упадке всего государства в его совокупности. Ведь если гражданин сам по себе благоденствует, между тем как отечество разрушается, он все равно гибнет вместе с государством; напротив, если гражданин чувствует себя несчастным, то в благоденствующем государстве он гораздо скорее может найти свое спасение. Итак, если госу-

- дарство способно нести на себе несчастья отдельных лиц, каждый же гражданин, в отдельности взятый, не в состоянии выносить несчастий государства, то разве не следует всем нам помогать ему? И разве позволительно поступать так, как вы поступаете теперь, именно: будучи поражены домашними неудачами, вы упускаете из виду спасение государства и обвиняете меня, посовествовавшего войну, а вместе и себя самих, потому что вы же согласились со мною? Вы негодуете на такого человека, как я, который, я думаю, не хуже всякого другого понимает, что следует делать, умеет выяснить это, любить государство и свободен от корыстолюбия. Ведь кто знает что-либо и не умеет ясно научить этому другого, тот находится в равном положении с тем, который лишен всякого понимания; кто владеет тем и другим, но не благорасположен к государству, тот все равно не в состоянии предложить ничего подходящего; если при этом есть и благорасположение, но человек поддается подкупу, то за одни деньги он может продать все. Если вы убеждены, что я обладаю этими свойствами хотя в немного большей степени, нежели другие, и по моему совету начали войну, то теперь незаслуженно обвиняете меня, будто я поступил неправильно. Действительно, кому при общем благополучии предстоит выбор, то начать войну большое безумие. Но если необходимо было или, уступив, немедленно покориться другим, или ценою опасности спасти себя, то больше заслуживает упрека тот, кто бежит от опасности, а не тот, кто идет на нее. Я остаюсь тем же и не схожу с своей позиции, вы же изменяете себе, так как, пока вас не коснулась беда, вы слушались меня, когда же вас постигла неудача, вы раскаиваетесь. Мои доводы кажутся вам ошибочными вследствие вашего слабодушия, потому что каждый из вас теперь же чувствует горестные последствия, а о пользе у всех вас отсутствует ясное представление. После того как дела приняли решительную перемену, к тому же внезапно, дух ваш принижен, чтобы оставаться при прежнем решении. В самом деле, внезапность и неожиданность событий, обманувших к тому же большую часть расчетов, поработочает рассудок; это и случилось с вами в виду всех других бедствий, особенно же чумы. Однако вам, гражданам великого государства, воспитанным в соответствующих его величию принципах, должно стремиться противиться самым тяжким несчастьям и не затмевать вашего достоинства: люди одинаково осуждают того, кто из трудности оказывается ниже присущей ему славы, и ненавидят того, кто по смелости домогается несоответствующей ему славы. Вы должны, забыв личные невзгоды, добиваться спасения государства.
- 61 Для вас должно бы быть достаточно и тех доводов, какими я при других случаях многократно доказывал неосновательность ваших подозрений, будто мы не одержим победы, как бы ни была трудна и продолжительна война. Теперь я разъясню вам еще одно преимущество касательно громадности средств для поддержания
- 62

вашего владычества; мне кажется, вы никогда не принимали его в соображение, да и я недостаточно указывал на него в прежних речах. Не говорил бы я о нем и теперь, не желая давать повода к излишнему хвастовству, если бы я не видел, что вы испуганы без достаточных оснований. Дело в том, что вы считаете себя владыками только над союзниками; я же утверждаю, что из двух элементов, явно предоставленных в пользование человеку, суши и моря, над одним вы являетесь в полном смысле слова настоящими господами, и не только на том пространстве, на каком пользуетесь им теперь, но и дальше, если бы пожелали. И в настоящее время нет такого царя, нет ни одного народа, которые были бы в состоянии задержать плавание вашего флота при его теперешнем оборудовании. Могущество это так велико, что в сравнении с ним не может идти польза, приносимая домами и полями, потерю которых вы считаете для себя столь тяжелою. Вам надлежит огорчаться из-за них не больше, как из-за потери какого-либо садика или блестящего предмета роскоши; в сравнении с вашим могуществом вы должны считать потери эти ничтожными и сознавать, что с свободою, если мы постараемся спасти ее, легко все это восстановить. Напротив, если мы покоримся чужой власти, то умалятся, как обыкновенно бывает, и те блага, которые приобретены раньше. В том и другом отношении нам не подобает оказаться хуже отцов наших, которые не от других получили это достояние, но, приобретя его своими трудами, сохранили его в целостности и передали нам; постыднее потерять то, что имеешь, нежели потерпеть неудачу в деле приобретения чего-либо. Нам следует мужественно идти на врагов, не только с гордостью, но и с презрением. Дело в том, что кичливость бывает и в трусе, если невежеству помогает счастливый случай; самоуверенность же свойственна тому, кто сознательно уверен в превосходстве над врагом, — а эта уверенность и есть у нас. При одинаковой удаче мужество укрепляется сознанием, основанным на высокой самоуверенности, ищущим опоры не столько в надежде, сила которой сказывается при безвыходности положения, сколько в правильной оценке имеющихся налицо средств, чем обеспечивается более надежное предвидение будущего. 63

Вам надлежит оказывать содействие тому почетному положению, какое занимает наше государство благодаря своему могуществу, которым вы все гордитесь, и или не уклоняться от трудов, или вовсе не гнаться за почетом. Не думайте, что борьба идет только об одном, о рабстве вместо свободы; она идет о потере власти и об опасности, угрожающей вам за ненавистное ваше владычество. Отречься от власти вам нельзя, хотя иные из страха и праздности и разыгрывают теперь роль честных людей; ведь власть ваша имеет уже вид тирании; захватить ее считается несправедливостью, отказаться от нее опасно. Подобного рода люди скоро погубили бы государство, если бы им удалось склонить на

свою сторону других граждан или если бы они устроили для себя где-либо автономное государство. Миротворческая политика, если она не соединяется с энергией, не спасает государства; свободная от опасностей покорность полезна не в государстве господствующем, а в подчиненном.

64 Не давайте совращать себя подобным гражданам и не негодуйте на меня, хотя неприятель и вторгся к нам и причинил вред, какого естественно было ожидать, раз вы не захотели покориться ему: ведь вы сами вместе со мною решились воевать. Правда, сверх того, что мы ждали, постигла нас эта болезнь, единственное обстоятельство, превысившее всякие предположения. И я знаю, что отчасти именно эта болезнь и усиливает еще вашу ненависть против меня. Но это несправедливо: ведь не стали бы вы вменять в заслугу мне какой-либо вашей удачи, если бы она случилась вопреки расчету. То, что исходит от божества, следует принимать с сознанием его неотвратимости, а то, что причинено врагами, — с мужеством. Это было в обычаях нашего государства раньше, и вы не должны служить тут помехою. Со знайте, что государство наше пользуется величайшею славой у всех людей за то, что оно не склоняется перед несчастиями, что в войнах оно потеряло множество людей и потратило много труда, что оно до сих пор располагает величайшим могуществом, память о котором сохранится вечно у потомков, если даже мы теперь слегка и уступим: всему в природе свойственно и убывать. Останется память о том, что мы, эллины, имели под своею властью наибольшее число эллинов и в жесточайших войнах устояли как против отдельных врагов, так и против всех сил их в совокупности, что мы занимали город, богатейший во всех отношениях и величайший. И если нерадивый может порицать все это, то жаждущий деятельности сам будет соревновать нам, а не приобретший столько, как мы, будет нам завидовать. Что нас в настоящее время ненавидят и тяготятся нами, это общая участь всех, которые изъявили притязание господствовать над другими. Но кто стремится к высшему, тем самым навлекая на себя зависть, тот поступает правильно. И в самом деле, ненависть держится недолго, блеск же в настоящем и слава в будущем вечно остаются в памяти людей. И вы в ожидании прекрасного будущего, лишь бы не постыдно было настоящее, теперь же завоюйте своею энергией блеск и славу. С лакедемонянами не вступайте в переговоры и не показывайте вида, будто нынешние невзгоды тяготят вас; те государства и частные лица обладают наибольшей мощью, помыслы которых нисколько не омрачаются бедствиями, но которые на деле проявляют самое упорное сопротивление».

65 Такою речью Перикл старался парализовать раздражение афинян против него и отвлечь их внимание от бедствий настоящего. <...>

TPATEJINP

Аристотель возводит трагедию к двум корням — драме сатиров и дифирамбу (IV глава «Поэтики»). Мотивом для такой генеалогии послужило наличие в аттических трагедиях двух разнородных элементов — песен хора и диалогов. Драматический диалог восходит к шуточной перебранке протоактеров, выступавших в облике козлообразных сатиров, спутников Диониса. Их присутствие на сельском празднике этого бога в Аттике было обязательным задолго до появления первых пьес. Сатиры в своих шутках и плясках, видимо, разыгрывали и некий примитивный сюжет, зачаток трагического действия. С другой стороны, элементом того же праздника было исполнение песен в честь бога, которые, по преданию, древний Арион превратил в дифирамб — своего рода литургическую кантату, прерываемую эпическим по характеру рассказом корифея (предводителя хора). Диалог в дифирамбе представлял собой трактовку мифологического сюжета: корифей излагал его (отсюда, видимо, произошел монолог), а хор реагировал на этот рассказ.

Дихотомия, на которую указал Аристотель, ясно следует из стихотворных размеров трагедии. Диалоги и монологи написаны в основном ямбическим триметром, ритм которого легко уловим и предельно близок к разговорной речи, а партии хора — лирическими колонами, ритмический рисунок которых понять без музыки трудно. С другой стороны, генетическая близость дифирамба и сатировой драмы очевидна: в обоих случаях мы имеем дело с диалогом и попыткой изобразить действие. Их различие заключается в том, что первый предельно серьезен и торжествен, а вторая, наоборот, смешна. Как могли объединиться столь разные по их психологическому воздействию жанры? Аристотель пытался решить проблему следующим образом: приобретая литературную форму, драма механически объединила оба элемента и поэтому поначалу была менее серьезна в диалоге, как бы обобщая комедийное и трагическое. Предположение об изначально меньшей серьезности трагедии — гипотетическая конструкция, а не основанное на реальных знаниях наблюдение. Слишком многое, однако, действительно говорит в пользу того, что драма сатиров сыграла свою роль в литературном оформлении трагедии. Прежде всего, название трагедии — «песнь козлов», затем и непре-

менное исполнение сатировой драмы вместе с трагической трилогией.

Начала трагедии — дифирамб и сатирова драма — и по происхождению, и по содержанию связаны с культом. Но сама греческая трагедия имела светский характер, несмотря на то что исполнялась на празднике Диониса, — в этом ее отличие от тех мистерий, в которых содержался элемент инсценированного действия и которые существовали не только в Греции, но и на Востоке. Зритель приходил в театр не для того, чтобы приблизиться к божеству или обеспечить себе загробное блаженство, но чтобы испытать чисто мирское удовольствие, переживая действие вместе с героями.

Первым автором и постановщиком первой трагедии античные авторы называют поэта Феспида из аттического дема Икарии, который ок. 534 г. до н.э. выступил с хором и актером в Афинах на Великих Дионисиях, празднике, учрежденном Писистратом. У Феспида актер появлялся уже в прологе. Наличие только одного актера не означало, разумеется, что в пьесе было только одно действующее лицо: актер менял маски. Очевидно, в этих примитивных трагедиях (Гораций в «Искусстве поэзии» пишет, что их авторы возили свой театр на телегах) действия почти не было, они представляли собой две-три сцены. Между тем именно изображение действия является главным в определении трагедии. Причем действие серьезной пьесы, по глубокому наблюдению Аристотеля, должно быть связано с неким страданием и вызывать жалость и страх. И уже на первых шагах развития жанра Фриних в трагедии «Взятие Милета» (ок. 494 г.) так разжалобил зрителей, что спровоцировал театральный скандал, был оштрафован, а пьесу запретили. Возможно, главную роль при этом сыграло то, что он изобразил победу персов над греками и гибель ионийцев, родственников афинянам. Главный праздник, во время которого ставились трагедии, — Великие (или городские) Дионисии — справлялся приблизительно в конце марта. Каждый автор представлял три трагедии и одну сатилову драму (так называемая тетралогия). Публика, городская и сельская вперемешку, приходила в театр три дня подряд, успевая, таким образом, посмотреть 12 пьес трех авторов. Исполнение имело соревновательный характер (агон). Десять специально назначенных судей присуждали авторам первое, второе и третье (проигравшему) место.

До нас дошли сохранившимися целиком пьесы трех трагических поэтов — Эсхила, Софокла и Еврипида, — представляющие собой три этапа развития аттической трагедии.

М. М. Позднев

Эсхил

(525—456 гг. до н. э.)

Эсхил считается отцом трагедии: от него первого дошли до нас цельные тексты, у него присутствуют все элементы современного театра (он вводит второго актера, что позволяет драматизировать диалог, использует искусно выполненные декорации и театральные машины, его пьесы, состоящие из нескольких актов, по объему приближаются к современным), и, наконец, по общему признанию, он первый достиг в изображении действия исключительного мастерства.

Основную информацию о жизни Эсхила дает жизнеописание в Медичейской рукописи, дополненное хроникой Паросского Мрамора и статьей «Суды». Эсхил родился в аттическом городе Элевсине, где находился знаменитый во всем греческом мире храм богини Деметры. Детство и юность Эсхила связаны с Элевсином, — а значит, и с элевсинскими мистериями. Не случайно у Аристофана в «Лягушках» он обращается к Деметре как к своей наставнице и покровительнице. Будущий поэт сражался с персами при Марафоне (судя по приписанной Эсхилу автоэпитафии, он сам считал это своей главной заслугой), участвовал в битве при Саламине и Артемисии. Военная жизнь, непосредственное участие в победах над варварами наложили отпечаток на личность Эсхила и его творчество, которые характеризует безусловная уверенность в себе и в истинности своих воззрений. В 484 г. Эсхил впервые получил первое место в театральном агоне. Всего он побеждал 12 раз, но, когда на сцену впервые вышел Софокл, вынужден был ему уступить (468 г.). В 471 и 469 г. по приглашению Гиерона Сиракузского Эсхил посещает Сицилию. Там, при дворе Гиерона, были вторично (впервые в Афинах в 472 г.) поставлены «Персы».

Эсхил — убежденный защитник аристократической республики и ее главного представительного органа, ареопага. Умаление Эфиальтом и Периклом значения ареопага вызвало гнев поэта. В 458 г. после постановки «Орестей», где ареопагу отведена роль вершителя судеб, Эсхил уезжает из Афин. Через два года он умер в городе Гела на Сицилии. Пьесы Эсхила ставились на афинской сцене и после его смерти.

Эсхил написал более 70 пьес. До нас целиком дошли семь из них: «Умоляющие», «Персы», «Семеро против Фив», затем «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды» (трилогия под общим названием «Орестея») и «Прикованный Прометей».

Трагедия «Персы» вместе с другими, недошедшими пьесами тетралогии («Финей», «Главк Потний» и сатирава драма «Прометей — возжигатель огня») принесла Эсхилу победу в 472 г. Показательно, что первая засвидетельствованная тетралогия состояла из четырех самостоятельных пьес. Это должно означать, что к тематически единым композициям Эсхил придет позднее (можно с уверенностью говорить о том, что он первым сочинил и поставил тетралогию, объединенную одним сюжетом, и, возможно, это была «Орестея»). «Персы» — быть может, самое уникальное из всего, что дошло до нас от аттической драмы. Сюжет взят не из мифологии. Трагедия изображает персов (разумеется, эти персы далеки от исторических) после поражения, которое они потерпели от маленького народа — эллинов — при Саламине (эту тему уже использовал Фриних в «Финикиянках», 476 г.). События греко-персидских войн в восприятии греков и были таковы, что авторы трагедий, не смущаясь, ставили их в один ряд с мифами. У Эсхила причинами поражения Ксеркса становятся и собственная чрезмерная дерзость персидского правителя, переступившего предел, установленный богами для человека (ср. трактовку у Геродота), и обман божества, побудившего владыку сухопутной державы затеять войну с народом моряков.

С фиванской тетралогией, которая включала, кроме пьесы «Семеро против Фив», две трагедии на сюжет мифа об Эдипе («Лай» и «Эдип»), а также сатинову драму «Сфинкс», Эсхил одержал победу в 467 г. Это первая его композиция, объединенная общей темой — бедствиями Эдипова семейства. Носитель родового проклятия — Этеокл — обороняет Фивы от своего брата Полиника и вынужден убить последнего. Обоюдное братоубийство успокаивает демона, преследующего род Эдипа, — этот мотив впоследствии разрабатывается в «Орестее».

«Орестея» (458 г.) — первая и единственная трилогия, дошедшая до нас целиком. Тема и ход действия задаются в начале «Агамемнона»: тяготящее над родом Атридов проклятие вызовет двойное убийство — женой мужа и сыном матери. В пародии рассказана история о том, как дочь Агамемнона Ифигения, хотя и ради спасения греческого войска, была принесена в жертву собственным отцом. Именно это Клитемнестра впоследствии приводит в оправдание задуманного ею убийства мужа. Ее сообщник и преступный возлюбленный Эгисф должен помочь осуществить страшный план. Хор отзывается на монологи Клитемнестры ужасом и негодованием. Мрачные видения пленной пророчицы Кассандры замедляют действие. Катастрофа надвигается медленно, но наступает вдруг, в самом конце пьесы, производя жуткое впечатление. Вина Клитемнестры несомненна, и в центре следующей пьесы —

«Хозфор» — месть Ореста. По воле Аполлона он совершает матереубийство, но Аполлон не может помочь Оресту избавиться от безумящих его богинь мщения — Эриний. Герой должен отправиться в Афины, где его будет судить ареопаг. Афина как рядовой член ареопага подает свой голос в защиту Ореста. Герой оправдан. Подчинившись решению ареопага, Эринии успокоятся и станут добрыми богинями, покровительницами Афин (финал «Эвменид»).

Миф об Оресте есть уже у Гомера: Нестор и Менелай ставят Телесмаху в пример героя, отомстившего убийце отца — Эгисфу. Гомер знает о матереубийстве (см. «Одиссея». III, 309, сл.), но предпочитает на эту тему не распространяться. В другой влиятельной традиции — у лириков (Стесихор, Пиндар), отразивших дельфийскую идеологию, — убийство матери присутствует в мифе, но Ореста очищает от греха Аполлон в Дельфах. Эсхил (в «Орестее», пожалуй, даже явственнее, чем в других трагедиях) ставит проблему теодицеи на новом уровне: отныне конечным объяснением происходящего перестает быть непостижимость воли богов. Боги даровали человеку способность выносить суждение о нравственной справедливости миропорядка. Герой Эсхила в страдании узнает, что мир устроен Зевсом по принципу благозакония.

Самая спорная пьеса Эсхила — «Прикованный Прометей». Мы не знаем ее точной датировки (так же как и датировки «Умоляющих» — возможно, самой ранней пьесы Эсхила). Неизвестно, какая сатирическая драма сопровождала трилогию. Сопутствующими трагедиями были «Прометей-огненосец» и «Освобожденный Прометей». Трагедия почти лишена действия. Однако достаточных оснований для атетезы у нас нет. Язык трагедии проникнут эсхиливским колоритом (с характерным отпечатком позднеархаического маньеризма). Мрачные гротескные образы, сценические «чудеса» (крылатая колесница Океана, грифоны и пр. — надо всем этим смеется Аристофан в «Лягушках») — типичные элементы эсхиливского театра.

Сохранившиеся пьесы Эсхила, как и большая часть греческой литературы классического периода, — результат отбора, производившегося позднеантичными и византийскими составителями хрестоматий. Все эти пьесы одерживали победы, все они, несомненно, относятся к вершинам драматического мастерства. И все же мы должны учитывать, что при отборе сказывались вкусы эпохи упадка античной культуры. Библиотекари и учителя выбирали то, что, на их взгляд, было характерно для творчества того или иного автора, но кто знает, было ли выбранное лучшим. Например, не сохранилось сатирических драм Эсхила, которые античность в лице Павсания считала важнейшими для понимания творчества великого драматурга. Не исключено, что новые находки папирусных текстов когда-нибудь внесут коррективы в наши представления о творческом наследии Эсхила.

АГАМЕМНОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дозорный.
Хор аргосских старцев.
Клитемнестра.
Вестник.
Агамемнон.
Кассандра.
Эгист.

ПРОЛОГ

Царский дворец в Аргосе. На плоской крыше его лежит дозорный.

Дозорный

Молю богов от службы этой тягостной
Меня избавить. Год уже в дозоре я,
Лежу на крыше, словно верный пес цепной.
Познал я звезд полночные собрания,
Владык лучистых неба, приносящих нам
Чредою неизменной стужу зимнюю
И летний зной. Погаснут и опять взойдут.
А я все жду условленного светоча,
Столба огня, который возвестит, взывав,
10 Что пала Троя. Так велела женщина
С неженскими надеждами, с душой мужской.
Жестка, тонка, росой ночной пропитана
Моя подстилка, сны ее не жалуют.
Какой тут сон? Товарищ мне — не сон, а страх,
Что ненароком накрепко глаза мои
Сомкнет дремота. Песни завожу с тоски,
Вполголоса, чтоб не уснуть нечаянно,
И плачу я тогда. О доме плачу я:
В нем нет порядков добрых, как в былые дни.
20 О, если б моему труду бессонному
Благой конец пришел. Блесни же, зарево!

Вдалеке вспыхивает костер.

О свет в ночи, хвала тебе, сулящему
Сиянье дня и хороводы в Аргосе!
Ведь это праздник истинный — такая весть!
Огонь! Огонь!
Спешу сказать супруге Агамемнона,

- Чтоб с ложа встала, чтобы криком радостным
Весь огласила дом и этот свет благой
Благодарила. Ибо вестник огненный
30 Уведомляет ясно: Илион погиб.
И сам я первый в пляс пушусь на празднике:
Ведь для господ я трижды по шести очков*
Своим дозором неусыпным выиграл.
Ах, только бы своей рукой коснуться мне
Руки царя, вернувшегося в дом родной.
Молчу об остальном. Пятою тяжкою
Стал бык мне на язык. Когда б вот этот дом
Заговорил, то все б сказал. Мои ж слова
Несведущим темны, понятны сведущим.
Дозорный уходит во дворец.
На орхестре появляется хор аргосских старцев.

ПАРОД

Предводитель хора

- 40 Десять лет уже скоро, как тяжба идет**,
Как Приама Атриды позвали на суд —
Двупрестольная, Зевсом спяженная мощь —
Менелай с Агамемноном-братом.
И, ведомое ими, в чужие края
От родных берегов, от Аргосской земли
Ополчение на тысяче шло кораблей,
И зывали Атриды к Аресу.
Так же коршуны плачут, птенцов потеряв,
50 Над гнездом опустелым кружатся в тоске,
Беспокойными веслами крыльев гребут,
И кричат, и лететь не хотят от гнезда.
Все погибло у них,
Не растить им детенышей милых.
Но услышит пронзительный, жалобный крик
Аполлон, или Пан, или Зевс в вышине,
Пожалеет небесных соседей своих
И Эриний пошлет,
И карают Эринии вора.
60 Так Парису, неверному гостю, на казнь
Зевс Атридов послал, чтобы спор начался
За жену многожизненную, чтобы рука
Уставала колоть, чтоб колено к земле

* Эта сумма очков давала наибольший выигрыш при игре в кости.

** Троянская война.

- Припадало, чтоб копыя ломались щепой,
Чтоб данайцы с троянцами в ратной страде,
В жесточайшей войне
Из-за женщины мерялись силой.
Что вершится, свершиться тому суждено:
Ни соленые слезы, ни жертвенный дым,
70 Ни вино возлияний — ничто никогда
Не погасит священного гнева.
Старики, мы в далекий поход не пошли,
Нас оставили дома: обуза в бою
Одрыхлевшее тело. Как дети слабы,
Мы бредем, опираясь на посох.
Мы младенцам бессильным подобны. У тех
Не успел еще сок забродить молодой,
Не успел еще в сердце вселиться Арес,
Не успели окрепнуть суставы.
80 А на ветхих дубах облетела листва.
И, как призрак трехногий, слабей, чем дитя,
Ковыляет старик по дороге.
О царица, скажи,
Тиндареева дочь, Клитемнестра, ответь,
Что случилось, какую узнала ты весть,
Почему ты велишь обойти алтари
Всех богов-градодержцев, и вышних богов,
И подземных богов,
И домовых богов, и богов площадей?
90 Объясни, Расскажи, госпожа, почему
Алтари запылали дарами?
Пламя к небу вздымается, льется елей,
Погребов Агамемнона дар дорогой,
Разгорается ярче священный огонь,
И под звуки бесхитростных, чистых молитв
Улетают думы благовоний.
О царица, скажи нам, что можно сказать
И что должно сказать.
Исцели от печали, заботы рассей.
100 То тревожные думы снедают меня.
То с огнем алтарей расцветает в груди
Золотая надежда и гонит тоску,
Неуемно грызущую сердце.

Хор

СТРОФА 1

Петь я сегодня хочу о напутственном знаменье, войску
Славный поход посулившем. Нам боги на старости лет

- Песенный даруют дар и слова могучую силу.
Двух сопрестольных царей,
110 Юной Эллады вождей многомошных,
Тевкрам* на муки, с копьем и мечом,
Вещие птицы послали.
В небе цари кораблей увидали крылатых царей:
Черный орел впереди, позади белоснежный орел
Выплыли разом над кровлей дворца одесную,
Логово заячье сверху приметили, камнем
Рухнули вниз, у зайчихи беременной
Клювами чрево вспороли, сожрали приплод.
120 Лейся, печальный напев, но благу да будет победа!

АНТИСТРОФА 1

- В хватке орлов-зайцеедов провидец, искусный в гаданье**,
Воинский пыл полководцев, Атридов обоих, узнал,
Понял он знаменья смысл и мудрое слово промолвил:
«Время такое придет,
Рухнет, поверженный, город Приама.
Все, что в троянских ларях береглось,
130 Взыщет без жалости Мойра.
Только б никто из богов, населяющих горний Олимп,
В гнев порвать не решился огромного войска узду,
Трою стянувшую тугу. Ведь псам небодержца крылатым
Зевсова дочь, Артемида святая, враждебна.
Ей отвратительна тризна кровавая,
140 Мерзостен ей плодоносного лона палач».
Лейся, печальный напев, но благу да будет победа!

ЭПОД

- «О заступница диких чад!
Сосунков-детенышей львицы грозной,
Всякой твари лесной молодое племя
Ты хранишь, прекрасная. Но молю,
150 Если знаменье доброе, то исполни,
Если нет — оберни ты его удачей.
Я Пеана*** и Фебу зову:
Не послала бы встречного ветра данайцам богиня,
Не сковала бы бурей суда,
Не взалкала бы вдруг нечестивой чудовищной жертвы,

* Т. е. троянцам.

** Калхант.

*** Пеан (т. е. «целитель») — эпитет Аполлона.

- 160 Той, что распрю меж ближних родит и жену отдаляет от мужа,
Злая в доме хозяйка — материнская месть.
До поры в темноте притаится, но дом не покинет».
Так по полету орлов прорицатель Калхант
Царскому дому и радость и горе предрек.
Пусть же пророчеству в лад
Льется печальная песнь, но благу да будет победа!

СТРОФА 2

- 170 Кто бы ни был ты, великий бог,
Если по сердцу тебе
Имя Зевса, «Зевсом» зовись.
Нет на свете ничего,
Что сравнилось бы с тобой.
Ты один лишь от напрасной боли
Душу мне освободишь.

АНТИСТРОФА 2

- Непомерной силою кичась,
Прежде бог царил другой.
180 Он давно уже позабыт,
И преемника его
Победитель одолел.
Славить Зевса песнею победной —
Это значит мудрым быть.

СТРОФА 3

- Через муки, через боль
Зевс ведет людей к уму,
К разумению ведет.
Неотступно память о страданье
190 По ночам, во сне, щемит сердца,
Поневоле мудрости уча.
Небеса не знают состраданья.
Сила — милосердие богов.

АНТИСТРОФА 3

Ничего не возразил
Предсказателю Атрид,
Кораблей ахейских вождь,
Не ропща, печальный жребий принял.

А отплыть ахейцам не давал
Встречный ветер. Голод стал томить
200 Воинство, засевшее в Авлиде,
У стены дыбящихся валов.

СТРОФА 4

Потянули ветры от Стримона,
Голодом, досугом, беспокойством
Изводя людей.
С якорей суда срывала буря,
Что ни день, то новая помеха,
Взошел тоскою цвет аргосский.
И тогда Калхант вождям назвал
Страшный выход, бури злой страшной,
210 Артемиды тягостную волю.
Смыслу вещаний гадателя вняв,
Разом вонзили Атриды-цари
Посохи тяжкие в землю, и слез
Не удержали братья.

АНТИСТРОФА 4

И сказал такое слово старший:
«Нелегко судьбе не покориться,
Нелегко и дочь,
Детище свое, отраду дома,
Зарубить отцу, девичьей кровью
220 Обагрив над жертвенником руки.
Как мне быть, как избежать беды?
Вправе ль я покинуть корабли
И в беде соратников оставить?
Ветер утихнет от жертвы такой.
Юная кровь, окропивши алтарь,
Силы в усталое войско вольет.
Да совершится — к благу!»

СТРОФА 5

Ярму судьбы подставляя выю,
Ожесточаясь решением диким,
230 Бесчестным замыслом и безбожным,
Не ведал робости Агамемнон.
Увы, от первого преступления
Родится дерзость у человека.
Он решил дочь убить.

Чтоб отплыли корабли,
Чтоб скорей начать войну
Из-за женщины неверной.

АНТИСТРОФА 5

Ни воплями, ни мольбой дочерней,
Ни молодой красотой нежной
240 Вождей военных не тронет дева.
Отец молитву свершил и слугам
Велел схватить ее, в плащ закутать,
Как козочку, на алтарь повергнуть.
Наклонить лицом вперед
И, чтоб дома своего
В этот миг не прокляла,
Рот зажать ей, да покрепче!

СТРОФА 6

Уздой накрепко стянут рот.
Ручьем шафрановым покрывало
250 Струится наземь. А стрелы глаз,
Как на картине, с немой мольбой,
Она метнула в убийц, как будто
Напоминала о днях былых,
Когда в родимом своем дому,
На пышностольных мужских пирах,
Под третью чашу, чиста, мила,
Отцу заздравную песню пела*.

АНТИСТРОФА 6

Что было после — я не видал.
260 Но исполняются неуклонно
Слова Калханта. За знание мы
Ценой страданий должны платить.
Когда случится беда, горюйте,
Зачем заранее горевать?
Рассвет разгонит ночную тень.
Так пусть ко благу свершится то,
Чего желает, молясь богам,
Царица, оплот земли Апийской.

Из дворца выходит Клитемнестра с прислужницами. Процессия направляется к жертвенникам.

* Песня, исполнявшаяся девушкой, обращенная к Зевсу с просьбой о здоровье и удаче для отца.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Предводитель хора

- 270 О Клитемнестра, пред твоим могуществом
Склоняюсь я. Когда на троне мужа нет,
Супруге царской воздаются почести.
Благая ль весть или надежда светлая
Причиною священным возлияниям —
Узнать я рад, а скроешь — что ж, тебе видней.

Клитемнестра

Пускай, как в поговорке, доброй вестницей
Заря родится, ночи благодатной дочь!
Такой никто не смел и чаять радости:
Аргосцы взяли наконец Приамов град.

Предводитель хора

- 280 Что говоришь ты? Слышу — и не верится.

Клитемнестра

Ахейцы взяли Трою — ясно сказано.

Предводитель хора

Ликует сердце, слезы так и катятся.

Клитемнестра

Что ж, эти слезы — верности свидетельство.

Предводитель хора

Правдиво ли, надежно ли известие?

Клитемнестра

Надежно, если бог не обманул меня.

Предводитель хора

Быть может, сновиденью ты поверила?

Клитемнестра

Я ни во что не ставлю разум дремлющий.

Предводитель хора

Не наяву ли слух пустой смутил тебя?

Клитемнестра

Ты не с ребенком говоришь доверчивым.

Предводитель хора

290 Давно ли войско овладело городом?

Клитемнестра

Он пал в ту ночь, что эту родила зарю.

Предводитель хора

Какой же вестник мчался так стремительно?

Клитемнестра

Гефест, пославший с Иды вестовой огонь.*
Огонь огню, костер костру известие
Передавал. Ответил Иде пламенем
На Лемносе утес Гермейский. Острову
297 Гора Афон, Зевесов дом, ответила.
312 Не мешкая, послали ввысь дозорные
313 Огонь бегущий. Языками жаркими
298 Он рвался к небесам, он ясным сполохом
Морскую красил гладь, он солнцу новому
300 Подобен был, когда его веселый блеск
Со скал Макиста сторожа заметили.
Макист не медлил в праздном нерадении,
Дремать не стал, урок свой честно выполнил.
И вот уже мессапским караульщикам
На берегу Эврипа видно зарево.
Спешат и эти передать известие:
Сухой сгребают вереск, поджигают стог,
Как лунный блеск, лучи костра летучие,
Не угасая, мчатся над равниною
310 Реки Асоп, чтоб кручи Киферонские
Проснулись и преемный запылал огонь.
314 И свет летит над озером Горгониным**
К высотам Эгипланкта*** и опять велит
Устав исполнить, поскорей костер зажечь.
Багряной бороною исполинскою
Взмывает пламя над гористым берегом
Саронских вод, затем, летя, как молния,
320 Воспламеняет силой светозарною

* Огневой телнграф.

** В области Коринфа.

*** Эгипланкт — ни в одном другом античном тексте не упоминается.

Утес Арахны рядом с нашим городом,
И вот в Атридов дом, сюда врывается
Слепящий луч, костру на Иде внук родной!
Так для меня в соревнованье факельном
Сменялись бегуны. Победу выиграть
Двум удалось: последнему и первому.
Теперь ты знаешь знаки и свидетельства:
Из Трои, от супруга, получила весть.

Предводитель хора

Сейчас молитву я начну, о женщина,
330 Но дай еще послушать, подивиться дай
Речам твоим подольше. Говори еще!

Клитемнестра

Сегодня Трою заняли ахеяне.
Нестройный там сейчас, наверно, гул стоит.
Смешай в одном сосуде масло с уксусом —
Недружные, разъединятся жидкости.
И не сольется с кличем победителей
Вопль побежденных: это две судьбы кричат.
Одни простерлись в горе, охватив тела
Мужей и братьев, старики родители
Припали к детям, граждане свободные
Рабами ныне стали, схоронив родных.
340 Зато другие, после всех превратностей
Ночного боя, бросились, голодные,
К еде какой придется, кто куда, бегом:
Здесь ряд и строй забыты и потеряны.
Уже в домах троянских завоеванных
Живут ахейцы — не придется мокнуть им
И мерзнуть на ветру. Всю ночь, счастливые,
Проспят без охраненья, не боясь врага.
Да, коль богов поверженного города,
И храмы, и святыни пожелают чтить,
350 Победа их не станет поражением.
Но худо, если на разбой кошунственный
Решится войско, жадностью сраженное:
Оно еще до родины доплыть должно.
Когда богов не прогневят обидою,
То, может быть, и одолеют воины
Обратный путь. Но бедствия неожиданные
Разбуженное горе мертвецов родит.
А потому запомни волю женщины:
360 Пусть дело полной кончится удачею!
Тогда и веселиться буду вправе я.

Предводитель хора

Как умный муж, о женщина, ты речь ведешь.
 Теперь, когда надежные свидетельства
 Слова твои скрепили, я хвалить начну
 Благих богов за их награду щедрую.

Клитемнестра уходит во дворец.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Предводитель хора

О властительный Зевс, о желанная ночь*,
 Величайшей добытчица славы!
 Ты на башни троянские бросила сеть,
 370 И уйти никому из нее не дано:
 Ни великим, ни малым тенет не порвать,
 От всесильной беды,
 От злосчастливого рабства не скрыться.
 Зевс-хранитель гостей, пред тобой трепещу,
 Это ты в Александра направил свой лук,
 Но до срока спускать не хотел тетиву,
 Чтоб в широкое небо, в надзвездный простор
 Не взлетела стрела понапрасну.

Хор

СТРОФА 1

Не промахнется разящий Зевс,
 380 Узнаешь сразу его десницу.
 Верховный выполнен приговор.
 О нет, не дозволяют боги
 Высокомерно топтать святыню.
 Не оскорбляй богов хулой!
 Тем, кто гордынею обуян,
 Кто спеси полон, кто в дом добро,
 О всякой мере забыв, несет,
 Тем страшен Арес, покровитель мщенья.
 Богатств несметных не нужно нам —
 390 Нужды бы не знать и сберечь без бед
 Достаток скромный, покой душевный.
 Никаким изобильем
 Не откупится смертный,
 Если правду великую
 Попирает ногами.

* Троя пала ночью.

АНТИСТРОФА 1

- Советчик пагубный — злая страсть,
Дитя недоброе ослепленья;
Ее не скроешь, не исцелишь,
Она горит пятном позорным.
400 С монеты медной хождение, время
Стирают блеск. Еще черней
Чекан преступной души нагой.
Как мальчик глупый, злодей и вор
За птицей счастья бежит вотще.
Он город свой вечным клеймит проклятьем,
Его молитве не внемлет бог,
А тех, кто дружить не страшится с ним,
Карают Правда рукою твердой.
Так Парис появился
410 Гостем в доме Атридов
И, закон преступив, жену
У хозяина выкрал.

СТРОФА 2

- Согражданам оставила красавица
Щитов бряцанье, копий стук да корабли морские,
А Трое гибель понесла в приданое.
Походкой легкой выйдя из ворот,
Умчалась прочь преступница. Вопили,
Предсказывали беды домочадцы:
Увы, увы, о дом, о дом царей,
420 О бедное, поруганное ложе!
Не проронив упрека, обесславленный,
В молчанье горестном сидит супруг.
И кажется, что домом призрак правит,
Скорбящий о беглянке.
Изваяний прекрасных
Вид ему ненавистен.
Если скрылась услада глаз,
Что дары Афродиты?

АНТИСТРОФА 2

- Виденья сна, обманчивые, лстивые,
430 Соблазны сладкие сулят, тоской томят напрасной,
Рука спешит к пленительному призраку,
Но тщетно: легкий улетает сон,
И милый облик, спутник сна крылатый,
Испуганною птицей улетает.

Такое горе во дворец вошло.
Другое горе, злее и больнее,
Пришло в дома Эллады. Здесь по воинам,
Поднявшимся в далекий путь морской,
Творили плач. И подступала к сердцу
440 Печальная забота:
Провожаешь кормильца,
А домой возвратится
Только серого пепла горсть
В погребальном сосуде.

СТРОФА 3

Арес-меняла всегда весы
С собою носит, затеяв бой.
Берет он трупы, взамен дает
Не золотой песок, а золу
С пожарищ Трои — любимых пепел.
450 Забравши мужа, он шлет жене
Легкую урну с тяжелым грузом.
Над пеплом плачут навзрыд, хваля
Бойца усопшего: этот был
Искусным воином, тот погиб
Прекрасной смертью. Но кто-нибудь
Прибавит шепотом, про себя:
«Погиб-то он за жену чужую».
И глухо злость на Атридов зреет.
А других схоронили
460 Возле стен Илиона.
Их земля ненавистная
Приняла, ненавидя.

АНТИСТРОФА 3

Молва недобрая горожан —
Проклятье грешнику и позор.
Забота гложет, грызет меня:
Какую новость готовит ночь?
С убийцы глаз не спускают боги.
Эриний черных приходит сонм,
И тот, кто счастья не по заслугам
470 Вкусил однажды, — повержен в прах,
Унижен, сломлен, подавлен, смят.
Безвестность жалкая — вот удел
Того, кто славы чрезмерный груз
Поднять отважился высоко:
На гребнях гор, на крутых вершинах

Гуляют грозные громы Зевса.
Мне бы — верную долю,
Городов бы не рушить,
Но зато и не ведать бы
480 Ни неволи, ни плена.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Предводитель хора

Промчались по городу
Счастливые вести!
Кто знает, поверить ли,
Не шутят ли боги.

Второй старец

Кто столь доверчив иль обижен разумом,
Чтоб загореться, увидав огонь?
Надежда вспыхнет и погаснет,
А в сердце остается боль.

Предводитель хора

Где властвует женщина,
490 Там часто желанья важней, чем дела.

Второй старец

Порывиста, нетерпелива женская
Слепая страсть. Недолго и живут
Посеянные женщинами слухи.

Предводитель хора

Сейчас узнаем, правду ли поведали
Костры сторожевые лученосные
Иль радостный их свет, как сновидение,
Обманчивой усладой только дух смутил.
Вот вестник, осененный ветвью масличной,
Идет от моря. Плотной пеленою пыль,
500 Гляди, его покрыла. Это верный знак.
Теперь не дым, не пламя бессловесное
Лесистых круч, а внятная людская речь
Нас укрепит в великой нашей радости
Иль, может быть, напротив... Но молчу о том.
Пусть наше счастье счастьем увенчается.
А кто иного пожелает городу,
Тот за свое безумье пусть заплатит сам.

Входит вестник с масличным венком на голове.

Вестник

- Земля моя родная, камни Аргоса!
Я на десятый год опять пришел сюда.
510 Надежд погибло много, но одна сбылась.
Не чаял я, что суждено на родине
Мне умереть и в землю лечь Аргосскую.
Привет вам, и земля моя, и солнца свет,
И Зевс, страны владыка, и Пифийский бог.
О Феб, ты в нас уже не сыплешь стрелами:
Довольно у Скамандра пролилось крови.
Так стань же вновь защитником, спасителем,
Бог Аполлон! И всех других богов зову
Отеческих, и своего заступника,
520 Гермеса, бога вестников любимого,
И вас, герои, войско в бой пославшие, —
Благоволите всех, кто уцелел, принять!
Привет и вам, царей покои милые,
Почетные скамьи, святые статуи,
Сверкающим восходом обгаренные, —
И вы царя примите после долгих лет.
Неся вам свет средь ночи, он идет сюда,
Владыка Агамемнон, повелитель ваш.
Так встретьте же всеобщим ликованием
530 Того, кто Трою опрокинул заступом
Карающего Зевса и с землей сровнял.
Ни алтарей, ни храмов, ни посевов нет
В краю опустошенном — только прах и дым.
Такой бедой согнувши выю города,
Он к вам идет, и нет сегодня смертного,
Который мог бы потягаться славою
Со старшим из Атридов. Полной мерою
Пришлось платить Парису за дела свои:
Вор, запятнавший отчий город кражею,
Из рук добычу выпустил и гибели
540 Дом Приамидов, древний царский род, предав,
Двойное наказание за разбой понес.

Предводитель хора

Будь счастлив, вестник воинства ахейского!

Вестник

Я счастлив. Мне теперь и умереть не жаль.

Предводитель хора

Тебя тоска по родине измучила?

Вестник

Так извела, что плачу я от радости.

Предводитель хора

Болезнь вам, значит, сладостная выпала.

Вестник

Не понимаю. Растолкуй слова свои.

Предводитель хора

Пойми: вы тосковали по тоскующим.

Вестник

550 О нас, ты говоришь, скорбела родина?

Предводитель хора

Да, мы рыдали часто, изведясь душой.

Вестник

О чем же так печалилось отечество?

Предводитель хора

Чтоб не накликать горя, я молчать привык.

Вестник

Кого боялся ты? Царей же не было!

Предводитель хора

Скажу, как ты: теперь я умереть готов.

Вестник

Да, дожили до счастья. Но за долгий срок
Что ни случится: то удача выпадет,
То огорченье. Боги лишь бессмертные
Способны без страданий весь свой век прожить.

560 Рассказывать о наших злоключениях,
Как спали без постелей, как без крова мы
Скитались в море — целый день бы стон стоял.
Еще не то пришлось на суше вытерпеть.
Палатки наши возле самых стен врага
Разбиты были. Шли дожди. И сыростью
С лугов тянуло. Шкурою звериною
Ерошился одежды отсыревший ворс.
А что за зимы были — птицы падали,
Когда дышала стужей Ида снежная.

570 А летняя жара, а сном полуденным

Забывшееся море, а безветрие, —
Но что теперь вздыхать? Ведь миновало все.
Да, миновало. Больше никогда уже
Убитые не встанут из могил своих.
Зачем же вновь перечислять скончавшихся
И вновь старинной болью тех, кто жив, казнить?
Нет, мы теперь прощаемся с несчастьями.
А что до тех, кто уцелел в сражении,
То горе их возмещено удачею, .
580 И вправе мы под этим солнцем блещущим
Земле и морю гордые сказать слова:
«Сломивши Троя, воинство аргосское
Добычей сей святилища украсило,
Чтоб данью славной эллинских богов почитать».
И пусть потомки почитают город наш
И полководцев наших, Зевса вечного
Благодаря. Вот все, что я сказать хотел.

Предводитель хора

Не спору, ты рассказом победил меня.
Хорошему учиться — и старик не стар.
590 Но первой подобает эти новости
Узнать царице. С ней и я порадуюсь.

Из дворца выходит Клитемнестра.

Клитемнестра

Уже тогда от счастья закричала я,
Когда, придя в ночи, глашатай огненный
Сказал, что Илион снесен с лица земли.
Смеялись надо мной: «Костер увидела
И мнишь, что Троя вправду обратилась в прах?
Легко ж, однако, сердце тает женское!»
Иным казалось, будто я с ума сошла:
А я обряд свой правила уверенно,
600 И город наполняло ликование
Звонкоголосых женщин, и в святилищах
Благоуханный пламень продолжал гореть.
Какой же новой вестью удивишь меня?
Узнаю все от самого царя теперь.
Потороплюсь, чтоб встретить по достоинству
Властителя-супруга. Что для женщины
Милей, чем день, когда с войны, здоров и цел,
Приходит муж и перед ним распахнуты
Ворота дома? Вестник, ты скажи царю,
610 Чтоб в город, мне на радость, поскорей пришел.

Увидит он, что предана по-прежнему
Ему жена — собака в доме верная:
Хозяину покорна и врагу страшна.
И в остальном все та же я. Не сорвана
Никем за эти годы ни одна печать.
Измены грех, позор молвы мне ведомы
Не больше, чем искусство закалять мечи!
Такою славой, коль она заслуженна,
Похвастать вправе честная жена всегда.

Клитемнестра уходит во дворец.

Предводитель хора

620 Сама тебя наставила. Поистине
Ты передашь владыке слово ясное.
А мне скажи, глашатай, уцелел иль нет
И возвратился ль с воинами вашими
Царь Менелай, любимый вождь земли родной?

Вестник

Нельзя приятной ложью отвечать друзьям:
Обрадуешь обманом, да ненадолго.

Предводитель хора

Приятное пускай сойдется с истинным.
А если не сойдется — ложь откроется.

Вестник

630 Царь без вести пропал, и корабля его
Ахейцы не нашли. Вот правда суцая.

Предводитель хора

Один он вышел в море, на глазах у всех,
Или корабль из строя буря вырвала?

Вестник

Ты метко в цель попал — не хуже лучника:
Коротким словом боль объял огромную.

Предводитель хора

А жив он или нет — не приводилось ли
Вам узнавать, встречаясь с мореходами?

Вестник

Кто это знает? Кто бы нам ответить мог?
Никто! Одно лишь Солнце жизнетворное.

Предводитель хора

Ты говоришь о буре. Это гнев богов.

640 Но как беда случилась? И конец каков?

Вестник

Не отравлять бы новостью печальною
Счастливым день: богов различных розно чтут.

Когда приносит хмурый вестник городу

Тоску и горе о разбитом воинстве,

Когда весь город общею бедой сражен,

А каждый дом еще своя, не общая,

Сиротства рана свежей болью мучает

И вся в крови двойная плоть Аресова —

Тогда и вестник, бедами навьюченный,

650 Эриниям хвалебный пусть поет пеан.

Но мне, победы радостной глашатаю,

Желанному гонцу в счастливом городе,

Пристало ль мне, смешав дурное с радостным,

О буре, гневе божьем, здесь рассказ вести?

Итак, сдружились и вступили в заговор

Огонь и море, недруги извечные,

И порешили, что погубят в плаванье

Ахейцев ночью. И бедой бушующей

Дохнула зыбь. Фракийский ветер на корабль

660 Корабль понес. Рога бурунов бешено

Борта бодали. Вихрем и дождем хлеща,

Суда в пучину бесноватый пастырь гнал.

Когда наутро снова солнце вспыхнуло,

Глядим окрест — кишит вода Эгейская

Телами мертвых и судов обломками.

А нас и наш корабль неповрежденными

Как будто кто украсть решил у гибели —

Должно быть, бог, не смертный, у кормила встал!

Судьба благая судном нашим правила

670 И не дала ни днище проломить волнам,

Ни бросить нас на берег крепкокаменный.

Потом, уйдя от гибельных валов морских,

Не веря счастьем, дню не веря светлому,

Мы новую в сердцах своих растили боль —

О войске бедном, о бойцах потерянных.

Ведь и они, наверно, если выжили,

Нас называют мертвыми. Вот так и мы

Оплакиваем всех, кто в эту ночь пропал.

На лучшее надеюсь. Верить надобно,

680 Что среди первых Менелай воротится.

Да, если хоть единый солнца луч живым
Его под небом видит, если Зевс решил
Старинный род сберечь, то и надежда есть,
Что возвратится царь в свое отечество.
Теперь всю правду знаешь. Я ведь все сказал.

Вестник удаляется.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Кто же именем таким
Эту женщину назвал,
Если не провидец богомудрый?
Только вещие уста
690 Возбудительницу войн
Так наречь могли — Елена:
Это имя значит «Плен»^{*}.
Людам плен, и кораблям,
И столице горький плен
Уготовила она,
Отстранив небрежно тонкотканый
Полог ложа брачного и в море
Выйдя с богом западного ветра.
Ловчие пустились по следам,
700 Но ладья, раздор и кровь суля,
Улетела в устье Симоента.

АНТИСТРОФА 1

Илиону брачный пир
Страшной тризной обернул
Гневный мститель, Зевс-гостеприимец.
Не забыл он отплатить
За поруганный очаг,
За веселый шум на свадьбе,
Где невесту величал
Новых родственников хор,
710 Где Гимену громкий гимн
Запевали свояки.

^{*} Имя Елена (Нелена) Эсхил толкует здесь как производное от корня со значением «быть в плену». Подобные (не всегда верные) этимологические толкования имен встречаются у Эсхила и в других местах.

Ах, теперь не свадебною песней,
Воплем горя, плачем поминальным
Зашумел седой Приамов город.
Там Париса горького клянут
И скорбят о тех, кто кровь и жизнь
За злосчастный брак Париса отдал.

СТРОФА 2

Жил когда-то один пастух,
Он принес к себе львенка в дом,
720 И зверек на овчарне рос,
Брат молочный ягнятам робким.
Поначалу детеныш был
Кроток, ласков. И млад и стар
Забавлялись, играя с ним,
Как дитя, на руках носили.
Есть захочет — хвостом вильнет
И в глаза поглядит умильно.

АНТИСТРОФА 2

Но, подросши, отцовский нрав
Показал прирученный зверь.
730 В благодарность за корм и кров
Он в крови утопил овчарню.
Лев подачки уже не ждет,
И убийством запятнан дом,
И не могут от льва спастись
Беззащитные домочадцы.
Это бог палача взрастил,
Чтобы дом покарать постылый.

СТРОФА 3

Вот так же она в Илион пришла:
Моря затихшего безмятежней,
740 Сокровищ краше, мила, скромна,
Очам плененным — сладкая рана,
Сердцу — цветок любви томящий.
Как обманула, как изменила,
Какой бедой обратила брак!
На слезы и скорбь дочерям Приама,
По воле Зевса-гостеприимца
В облике молодой невесты
Вошла Эриния злая в Трою.

АНТИСТРОФА 3

Давно среди смертных живет молва,
750 Будто бедою чревато счастье
И умереть не дано ему,
Пока невзгодой не разродится.
Я же один — иного мнения:
Я говорю: от дурного дела
Плодится множество дел дурных,
И все с изначальной виною схожи.
А в доме честном и справедливом,
Чуждом злодейству и обману,
Родится радость — дитя святое.

СТРОФА 4

760 Вина старинная родит
Людскую новую вино.
Однажды наступает срок,
И страшный грех, неодолимый демон*,
Из лона материнского выходит.
Черным-черно чудовишное чадо,
Похож на мать преступный плод вины.

АНТИСТРОФА 4

А правда светит и в домах,
Где стены черный дым коптит.
Она лишь с тем, кто сердцем чист.
770 Она бежит от золотого трона,
Грязь увидавши на руках владыки,
Она смеется над богатством чванным,
И все послушно замыслам ее.

На оркестру въезжает Агамемнон на колеснице. С ним — Кассандра.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Предводитель хора

Вот и ты, государь, ты, троянских твердынь
Победитель, Атрид!
Как назвать мне тебя, как тебя мне почтить,
Чтоб не быть мне скупым, чтобы лстивым не быть
В славословье своем?

* Дух мщения Аластор.

- Если смертный личину лицу предпочтет,
780 Он пред правдой святой провинится.
Видя друга в печали, стонать и вздыхать
Сможет всякий. Да всякое ль сердце кольнет
Непритворная боль сострадания?
Точно так же не всякий удаче чужой
Улыбается с чистой душою.
Но овец своих знает хороший пастух,
И легко различает испытанный глаз,
Где вино неподдельное дружеских чувств,
Где вода подслащенная лести.
- 790 Я не скрою, готовя заморский поход
За Еленой, сочувствия в сердце моем
Ты не встретил. Я мнил: у кормила стоит
Неумелый правитель. Казалось тогда,
Что людей, уходящих на верную смерть,
Ты пустыми надеждами тешишь...
Но тому, кто с успехом закончил свой труд,
От души благодарен я, рад от души,
Государь мой. А время покажет тебе,
Кто здесь городу преданный, честный слуга,
- 800 Кто слуга нерадивый, лукавый.

Агамемнон

- Привет свой первый посылаю Аргосу
И вам, о боги родины, помощники
В пути возвратном и в достойном мщении
Земле Приама. Не со слов ответчика
И не со слов истца или свидетелей
Судили Трою боги, в урну гибели
Метнув шары: ведь в урну милосердия
Сама Надежда не дала шарам упасть.
Теперь лишь дым укажет место города.
- 810 Там жив лишь ветер смерти. Чад богатств былых
Куруется там над пеплом умирающим.
За это вечно мы благодарить должны
Богов бессмертных. Страшную поистине
Сплели мы сеть. Столица из-за женщины
Аргосским зверем* в пыль обращена и прах.
Когда Плеяды гаснут, в час полуночный,
Рожденный конским чревом щитоносец-лев
С разбегу прыгнул через стену крепости
И царской кровью жажду утолил сполна:
- 820 Вот что вначале надобно богам сказать.

* Т. е. воинами, спрятанными в чреве троянского коня.

Теперь тебе ответчу. Мне запомнились
Твои слова, и в мыслях мы союзники.
Согласен я. Немногим людям свойственно
Друзей счастливых чтить и не завидовать.
Ведь для того, кого судьба обидела,
Удача друга — это мука новая.
Своя забота душу ест, что ржавчина,
А тут еще чужой успех оплакивай.
Да, я скажу по праву — научила жизнь,
830 Что преданность и дружба так же призрачны,
Как отражение в зеркале обманчивом.
Лишь Одиссей, хоть не своею волею
Пошел в поход, был верен, честно воз тянул.
Вот говорю о нем, а сам не ведаю,
В живых ли он... А что, друзья, касается
Гражданских и священных дел, то вместе мы
Обсудим их в собрание. Позаботимся,
Чтобы успех наш длителен и прочен был.
А где лечение нужно, постараемся
840 То прижиганьем, то железом режущим,
Как врач разумный, вовремя болезнь пресечь.
Теперь в покои, к очагу проследуем
И первым делом воздадим богам хвалу:
Они нас охраняли, привели они.
Пусть и здесь победа нам сопутствует.
Из дворца выходит Клитемнестра.

Клитемнестра

О граждане, о цвет старейшин Аргоса!
Не стыдно о тоске своей супружеской
Мне говорить пред вами: годы катятся,
А с ними увядает и застенчивость.
Скажу не то, что от других услышала,
850 Но то, что, на беду, самой узнать пришлось,
Пока мой муж под Троей бился, за морем!
Большое зло — когда без мужа женщина
Одна в стенах покинутых останется.
За вестью весть, одна другой ужаснее,
Теснясь, толпясь, несутся к ней без устали
И дому горе накликают, каркая.
Когда бы муж мой столько ран воистину,
Сражаясь, принял, сколько сочтено молвой,
Он весь бы в дырах был, как сеть рыбацкая.
860 И если б всякий раз, как мертвым назван был,
Он умирал, то Герион трехтуловый
Пред нами был бы новый, три полотнища

- Пошло б ему на саван: тело каждое
Отдельно умирает у чудовища.
Из-за таких-то слухов — злых, пугающих,
Меня не раз насильно во дворце твоём
Из петли вынимали полумертвую,
И потому не здесь, как подобало бы,
Залог надежный обоюдной верности,
870 Наш сын Орест. О царь, ты не дивись, прошу.
Его воспитывает друг наш преданный,
Фокеец Строфий. С двух сторон беду старик
Мне предвещал: тебя под Илионом смерть,
О царь, подстерегала; здесь же заговор
Народ умыслить мог. Ведь так уж водится,
Что людям бить сподручнее лежащего.
Вот в чем причина. Не ищи в ней хитрости.
Не плачу я. Соленых слез источники
Иссякли, до последней капли высохли,
880 И тусклы стали от недосыпания
Мои глаза, когда, тоской снедаема,
Я по ночам рыдала и костра ждала.
Чуть слышное жужжанье комариное
Меня уже будило, и короткий сон
Казался долгим: столько снилось ужасов.
886 Все позади теперь, и на душе легко.
893 Конец страданий — лучшая из радостей.
887 Наш царь для нас — что пес для стада робкого,
Для корабля канат, для кровли — крепкий столп,
Что для отца родного сын единственный,
890 Для морехода — берег завидневшийся,
Для зябнувших — сиянье дня весеннего,
892 Для путника в жару — вода студеная!
894 Я полагаю, что вполне заслужена
Хвала такая. Зависть прочь! Немало нам
Страдать пришлось. Итак, о повелитель мой,
Сойди же с колесницы, но на землю ты
Ногой, поправшей Трою, не ступай, прошу!
Что медлите, рабыни? Вам приказано
900 Устлать коврами путь. Так поспешите же
Царю дорогу проложить пурпурную!
Пусть Справедливость в дом такой введет его,
Какого и не чаял. Остальное все
Устроят боги, неусыпный труд свершит.

Агамемнон

Дочь Леды, дома царского охранница!
Твои слова под стать разлуке длительной:

Ты говорила долго. Но приятнее
Хвалы почетный дар из рук чужих принять.
Не услаждай речами: я не женщина.
910 Не нужно предо мной, как перед варваром,
С отверстым ртом сгибаться в три погибели,
Не нужно, всем на зависть, стлать мне под ноги
Ковры. Такие почести к лицу богам.
А я ведь только смертный, и по пурпуру
Без страха и сомненья мне нельзя шагать.
Пусть не как бога чтут меня — как воина.
Не пышные подстилки пестротканые —
Молва меня прославит. Да, умеренность —
Вот лучший дар богов, и тот, кто кончит жизнь
920 В благополучье, тот блажен поистине,
Так я сказал, и слову буду верен я.

Клитемнестра

Ах, не противься моему желанию.

Агамемнон

Я не нарушу слова, так и знай, жена.

Клитемнестра

Уж не обет ли в страхе ты богам принес?

Агамемнон

Что говорил, то говорил обдуманно.

Клитемнестра

А как бы поступил Приам, по-твоему?

Агамемнон

Он по ковру наверно бы прошествовал.

Клитемнестра

Так не страшись людского осуждения.

Агамемнон

Молва народа — это сила грозная.

Клитемнестра

930 Лишь тем, кто жалок, люди не завидуют.

Агамемнон

Не женское занятие — словопрение.

Клитемнестра

Кто счастлив, тот позволит победить себя.

Агамемнон

Неужто спор наш для тебя сражение?

Клитемнестра

Уступчив будешь — выйдешь победителем.

Агамемнон

Ну, что ж, коль так желаешь, отвяжите мне
Скорее обувь, ног моих прислужницу,
И пусть не смотрят на меня завистливо
Всевышние, когда я по ковру пойду:
Мне совестно ногами в землю втаптывать
940 В убыток дому эту дорожную ткань.
Но хватит об одном. Ты с чужестранкою
Будь добрей. На кроткого правителя
И боги благосклонно с высоты глядят.
Никто не хочет рабское нести ярмо,
А пленница моя — подарок воинства,
Сокровище сокровищ — вслед за мной пошла.
Итак, тебе я повинуюсь, женщина:
По пурпуру шагаю, чтобы в дом войти.

Клитемнестра

Не бойся, нужды нет. Кто осушить бы смог
950 Просторы моря, вечно нам родящие
Красу холстов, багрянок драгоценный сок?
Хвала богам, достанет в доме золота
И на ковры. Здесь не знакомы с бедностью.
Я б не жалела для подстилок пурпура,
Когда бы бог велел мне чрез оракула
Так расплатиться за твое спасение.
Остался б корень, а листва появится
И даст нам тень в дни Сириуса* жаркие.
Когда ты к очагу пришел родимому,
960 Среди зимы весною вдруг повеяло.
А если в зной, когда вином незрелые
Зевс наполняет гроздья, муж воротится,
То свежестью, прохладой так и дышит дом.
О Зевс, вершитель Зевс, внемли мольбе моей
И все, что ты свершить задумал, — выполни.

Клитемнестра с Агамемноном уходят во дворец.

* Самые жаркие дни лета.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

Ах, откуда этот страх
В сердце бедное запал?
Предвещанья грозные откуда?
Почему напевом неотвязным
970 Темные пророчества звучат?
Почему не в силах я
Отогнуть, как сон дурной,
Этот ужас, почему отвага
Вдруг покинула престол души?
Ведь давно канаты кормовые
Кораблей, ушедших в Илион,
О песок ударились Авлиды!

АНТИСТРОФА 1

Сам я видел, как домой
Наши воины пришли.
980 Почему же радость отдается
Песнею безлирною Эриний,
Почему в слезах душа моя?
Пусть унынье и тоска
Страх и боль родят в груди,
Пусть неложны предвещанья сердца,
Скачущего, словно колесо,
В ожиданье горестных свершений —
Я молю о том, чтоб не сбылись
Дум тревожных страшные посулы.

СТРОФА 2

990 Здоровье и хворость рядом живут,
Соседи они. Болезнь всегда
Самых цветущих согнуть грозит,
Но лечат лекарства недуги тела.
Бывает и так, что счастья корабль
Судьба на камень подводный кинет.
Но искусный мореход
Часть добра метнет за борт,
Чтобы легче стал корабль,
Чтобы с мели соскользнул, —
И опять над хлябью волн
1000 Уцелевший реет парус.
Даже голод — полбеды:

Отвращает голод Зевс
Тучной нивы щедрыми дарами.

АНТИСТРОФА 2

Но если черная кровь струей
На землю хлынула из груди,
Нет никого, кто бы к жизни вновь
Сумел мертвеца заклинаньем вызвать.
Один заклинатель такой* давно
Наказан Зевсом, другим в науку.
1010 Так богами решено:
Доля подданных царя
Царской доле не равна.
А не то поток забот
Сердце б выхлестнуло враз
И язык опередило,
Не стонало бы во тьме,
Не искало бы вотще
Облегченья боли непомерной.

Клитемнестра выходит из дворца.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Клитемнестра

И ты — с тобой, Кассандра, говорю — войди
1020 Сюда без гнева: так уж суждено тебе
Жить в этом доме и в числе других рабынь
Здесь Домодержца Зевса окроплять алтарь.
Сойди же с колесницы без надменности.
Ведь говорят, что сын Алкмены некогда
И тот был продан и на рабских жил хлебах**.
Да, если уж судьба такая выпадет,
Куда милее дом, богатый издавна:
Кто завладел богатством неожиданно —
Жесток с рабами, нетерпим и мелочен.
1030 У нас не так, мы добрые хозяева.

Предводитель хора

Она тебе сказала слово ясное.
Что делать! Ты в сетях судьбы запуталась.
Коль можешь, покорись, коль нет — ослушайся.

* Асклепий.

** Геракл, проданный в рабство медийской царице Омфале.

Клитемнестра

Нет, если внятен ей не щебет варварский,
А наш язык, сумей проникновённые
Найти слова, чтоб речь ей сердце тронула.

Предводитель хора

Послушайся. Ты видишь: госпожа добра.
Спустись же с колесницы, во дворец войди.

Клитемнестра

Здесь, у дверей, нельзя мне медлить долее.
1040 Я тороплюсь. Уже пред алтарем стоит
Овца и ждет ножа. Никак не чаяли,
Что до такой дожить придется радости.
Коль во дворец пойдешь, иди, не мешкая,
А если речь тебе невразумительна,
Пусть знаками с тобою говорит старик.

Предводитель хора

Не обойтись без толмача искусного,
Дикарка — что зверек, силками пойманный.

Клитемнестра

Безумие вошло в нее и бешенство:
Недавно лишь страна ее захвачена,
1050 И прежде чем кровавый гнев не выкипит,
К узде неволи не привыкнет пленница.
Довольно. Просьбой больше не унижусь я.

(Уходит во дворец.)

Предводитель хора

А я тебя жалею, я не гневаюсь.
Сойди же с колесницы, уступи судьбе.
Иди, иди, ярма отдавай рабского.

Кассандра

СТРОФА 1

О, горе мне, о, горе мне!
Аполлон, Аполлон!

Предводитель хора

Зачем кричишь, зачем зовешь ты Локсия?
К нему не с плачем — с песней обращаются.

Кассандра

АНТИСТРОФА 1

1060 О, горе мне, о, горе мне!
Аполлон, Аполлон!

Предводитель хора
Опять вопит, опять зовет, несчастная,
Того, кто не заботится о плачущих.

Кассандра
СТРОФА 2

Аполлон, Аполлон!
Страж путей, погубитель мой!
Второй своей стрелою ты сразил меня.

Предводитель хора
Наверно, о своих пророчит горестях:
И в рабстве не изменит богоданный дар.

Кассандра
АНТИСТРОФА 2

Аполлон, Аполлон!
1070 Страж путей, погубитель мой!
Куда меня завел ты, к чьим стенам привел?

Предводитель хора
Здесь — дом Атридов. Коль сама не ведаешь,
Куда пришла, не стану я обманывать.

Кассандра
СТРОФА 3

О стены богомерзкие, свидетели
Ужасных дел! Жилище палачей!
Здесь кровью детской вся земля пропитана*.

Предводитель хора
Собачий нюх у пленницы поистине:
На верный след напала, кровь почуяла.

Кассандра
АНТИСТРОФА 3

1080 Не мудрено почуять — столько признаков!
Вот слышу я младенцев бедных плач,
Детей несчастных, съеденных родителем!

Предводитель хора
О чужестранка, ты слывешь провидицей,
Но прошлое не нужно и предсказывать.

* Намек на преступление Атрея.

Кассандра
СТРОФА 4

О, горе! Что задумала жена?
Какое преступленье, зло какое,
Еще какую новую беду
Она готовит в доме?
Ах, ниоткуда помощь не придет,
1090 Защита не приспее!

Предводитель хора
Мне невдомек последнее пророчество.
А первое — весь город говорит о нем.

Кассандра
АНТИСТРОФА 4

Проклятая! Неужто ты сейчас
Того, кто ложе брачное с тобою
Делил, омоешь в бане и... но я
Промолвить не осмелюсь.
Недолго ждать конца. Руке рука
Протягивает что-то.

Предводитель хора
Не понимаю. Говорит загадками.
1100 В потемках предсказания как мне путь найти?

Кассандра
СТРОФА 5

Увы! Беда, беда!
Что увидала я!
Не сети ли супруга распростерла,
Помощница Аидовых собак,
Эриний грозных? Пусть они толпой
Заголосят о каре неизбежной
За новое закланье!

Предводитель хора
СТРОФА

Зачем зовешь Эриний в дом? Зачем тебе
Нужна их песнь? Как безотраднa речь твоя!
1110 К испуганному сердцу кровь прихлынула.
Вот так, зари померкнувшим лучом,
И угасает жизнь,
Когда нельзя сдержать
Напор струи багровой.

Кассандра
АНТИСТРОФА 5

Глядите! Началось!
Гоните от быка
Корову прочь! Капканом покрывала
Она его поймала. Черный рог
Бодает грудь его. В купальный чан
1120 Он падает. Воды не пожалела,
Омыла гостя в бане.

Предводитель хора
АНТИСТРОФА

Не похваюсь, не мастер я разгадывать
Пророчества. Но чую здесь недоброе.
Да и когда от ясновидцев слышали
Благие вести? Только скорбь и боль
Оракулы сулят,
Внушая людям страх
Пред мудростью пророка.

Кассандра
СТРОФА 6

О горькая судьба,
1130 Удел многотрадальный!
И я в котел беды
Свою печаль влила.
Зачем сюда привел меня, несчастную?
Чтоб смерть меня постигла здесь! Зачем еще?

Хор
СТРОФА 1

Словно безумная, в божьем наитии,
Плачет она о себе и поет
Песню настройную. Так соловей рыжеватый,
Рощ исступленный певец,
1140 Итиса, Итиса кличет и вечной тоски
Стоном насытить не может.

Кассандра
АНТИСТРОФА 6

О, доля соловья,
Звонкоголосой птицы!
О, сладкая судьба

Пернатого певца!
Ему дано весь век беду выплакивать,
А мне — меча двуострого удар принять.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Где обрела ты на муку напрасную
Вещего слова божественный дар?
1150 С воплями бреда сливается песня пророка,
Стройная песня судьбы.
Где ты нашла для напева такого лады,
Новым грозящие горем?

Кассандра

СТРОФА 7

О гибель дорогих, Париса брачный пир!
О мой Скамандр, земли родной река!
Меня когда-то берега твои,
Несчастную, вскормили.
Но, видно, скоро над Кокитом сумрачным,
1160 Над Ахеронтом буду я предсказывать.

Хор

СТРОФА 2

Теперь ты ясно, слишком ясно вдруг
Заговорила. Понял бы тебя,
Пожалуй, и младенец. Жалом острым
Впился в меня злосчастной девы стон.
Полно тревоги сердце.

Кассандра

АНТИСТРОФА 7

О, город, город мой, повергнутый во прах!
Обильными дарами алтарям
Несчастный мой отец спасти хотел
Троянские твердыни.
1170 Но тщетно! Город наш изведal худшее,
А я комком кровавым упаду сейчас.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Согласна с прежней речью эта речь.
Какой же демон давит грудь твою
Неодолимым грузом и о смерти,

О жалкой доле заставляет петь?
Что впереди — не знаю.

Кассандра

Так пусть же под фатой, как новобрачная,
Не прячется теперь мое пророчество.
В часы восхода гонит ветер на море
1180 Волну к востоку, к солнцу. Так и вещей вихрь
Пуškai выносит ныне за бедой беду
На свет. Не буду говорить загадками.
Я побегу по следу зла давнишнего.
А вы — вы подтвердите правоту мою.
Не покидает этих стен согласное,
Но тягостное пенье: страшный хор поет.
Упившись кровью, буйствуют и бесятся
Засевшие в дому оравой пьяною
Эринии. Не выгонишь таких гостей.
1190 Они всё тянут песнь — об изначальном зле,
Свершенном в доме, а в припеве вновь кланут
Того, кто ложе брата осквернить посмел.
Что ж, промахнулась или бью без промаха?
Болтаю, как гадалка, лгу, как нищенка?
Так поклянись, что ничего не ведаешь
О давних преступлениях, учиненных здесь.

Предводитель хора

Какою клятвой ни клянись, не сделаешь
Несчастий наших благом. Но дивлюсь тебе:
Ты выросла в чужом, заморском городе,
1200 А говоришь о здешнем, будто здесь жила.

Кассандра

Мне Аполлон-гадатель повелел вещать.

Предводитель хора

1203 Он пожелал тебя, земную девушку?

Кассандра

1202 Ах, прежде я стыдилась говорить о том.

Предводитель хора

О да, кичиться свойственно счастливому.

Кассандра

Меня он домогался, он любви хотел.

Предводитель хора
И что ж, ты отдалась его объятиям?

Кассандра
Пообещав, я обманула Локсия.

Предводитель хора
Уже владея даром ясновиденья?

Кассандра
Уже я беды предрекла согражданам.

Предводитель хора
1210 Но как же гнева Локсия избегла ты?

Кассандра
С тех пор мне никогда ни в чем не верили.

Предводитель хора
Я верю. Речь твоя мне вещей кажется.

Кассандра
Опять, опять
Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда, беда!
Глядите! Тенью бледною сидят вот здесь,
У дома, дети, кровными убитые.
И кажется, в ручонках сжали мальчики
Свое же мясо — потроха, кишки свои.
1220 А их отец — о, горестное пиршество! —
Растерзанные внутренности в рот сует.
За это мстить задумал некий лев. Да, лев!
Но лев трусливый, праздностью изнеженный
В постели. Он-то и воздаст хозяину,
Ах, моему хозяину — ведь я раба!
Не знает покоритель илионских стен,
Вождь кораблей, какое зло умыслила
Та, что, подобно суке, с визгом радостным
Его встречала, мерзкий распустив язык.
1230 Что за отвага! Убивает женщина
Мужчину. Но каким же мне чудовищем
Ее назвать? Змеей хвостоголовою?
Иль Скиллой, стражем скал и моряков бичом?
Иль жрицею Аида, что родных своих
И тех щадить не станет? Как, бесстыжая,
Она вскричала! Так в бою боец кричит.

А всем казалось: мужа видеть счастлива.
Не верьте мне иль верьте — все равно теперь.
Что будет — будет. Слишком вещей скоро ты
1240 Меня, свидетель скорбный, назовешь и сам.

Предводитель хора

Да, пир Фиеста, съевшего детей своих,
Узнал я и дрожу от изумления,
Услышав правду — чистую, без вымысла.
Но после сбился с колеи, в тупик забрел.

Кассандра

Так знай: ты смерть увидишь Агамемнона.

Предводитель хора

Язык свой обуздай, молчи, несчастная!

Кассандра

Не отвратишь того, о чем сказала я.

Предводитель хора

Да, коль свершится. Но пускай не сбудется.

Кассандра

Ты молишься, а там убить готовятся.

Предводитель хора

1250 Да кто ж пойдет на это злодеяние?

Кассандра

Видать, и впрямь не понял ты пророчества.

Предводитель хора

Да, я не понял, кто убьет и как убьет.

Кассандра

Я слишком ясно говорю, по-гречески.

Предводитель хора

И Пифия — по-гречески. Да как понять?

Кассандра

Ой, ой, какой огонь! Вот подступает вновь.
О, Аполлон Ликийский! Горе, горе мне!
От львицы от двуногой, той, что с волком спит,
Покуда на охоте благородный лев,

- Погибну я. И для меня найдет она
1260 Глоток в смертельной чаше — плату горькую.
Она на мужа точит меч и молится:
Пусть жизнь отдаст за то, что в дом привел меня.
К чему, к чему же я ношу, не на́ смех ли,
Венок и жезл — вешу́ньи знаки жалкие?
Нет, растопчу их, прежде чем сама умру.
В прах, побрякушки! Я за вами следом — в прах!
Сам Аполлон с меня убор провидицы
Срывает, увидав, каким посмешищем
1270 Стал мой наряд, пока враги и недруги
Согласным хором надо мною тешились.
Меня бранили, называли нищенкой,
Кликушею голодной — все я вынесла.
И вот сегодня наконец пророчицу
Сюда на муку смертную привел пророк:
Передо мною не отцовский жертвенник,
А плаха. На нее прольется кровь моя.
Но уж за гибель нашу боги взыщут мзду!
Еще придет он, тот, кто отомстит за нас:
1280 Сын мать убьет и за отца расплатится.
Скиталец, из страны родимой изгнанный,
Он явится, кровавый замыкая круг!
Так боги поклялись. Взывает к мстителю
Поверженный отец, и сын услышит зов.
О чем я плачу? Ах, о чем я слезы лью?
Ведь я же худший день родного города
Уже пережила. Сегодня вижу я,
Как губят боги погубивших город мой.
Довольно, решено. Теперь на смерть иду.
1290 О, двери дома, о, врата Аидовы!
Молю лишь об одном: чтоб метко пал удар,
Чтоб сразу же, как хлынет кровь, без судорог,
Смогла навеки я закрыть глаза свои.

Предводитель хора

О женщина, в несчастье многомудрая,
Ты говорила долго. Но скажи, зачем,
Свою судьбу предвидя, агнцем жертвенным
Отважно ты и смело к алтарю идешь?

Кассандра

Иного нет пути. Так что же медлить мне?

Предводитель хора

Последние мгновенья ценят смертные.

Кассандра

1300 Мой день пришел. В увертках мало прибыли.

Предводитель хора

Так знай же: ты отважна и в страдании.

Кассандра

1304 О мой отец! О, доблести детей твоих!

Предводитель хора

1303 Да, людям легче умирать со славою.

Кассандра

1302 Но слов таких не говорят счастливому.

Предводитель хора

1305 Что там такое? Почему ты пятишься?

Кассандра

Ой, ой!

Предводитель хора

Чего ты стонешь? Страх какой привиделся?

Кассандра

Дохнули стены кровью человеческой.

Предводитель хора

Да нет же. Это дух от жертв заколотых.

Кассандра

1310 Как из могилы, на меня повеяло.

Предводитель хора

Я слышу запах ладана сирийского.

Кассандра

Я в дом пойду, рыдая о своей судьбе
И Агамемнона. Вот жизнь и кончилась.

Увы, друзья!

Как испугнутая птица над кустарником,
Я заматалась. Вы об этом вспомните,
Когда за гибель женщины, за смерть мою,
Жена заплатит, а за гибель мужа — муж.
Такого дара гостя ваша требует.

Предводитель хора

1320 Мне жаль тебя, несчастная пророчица.

Кассандра

Еще лишь слово. Это по себе самой
Плач поминальный. Я молю последний свет
Всевидающего солнца, чтоб врагов моих,
Моих убийц, такая же постигла смерть,
Как и меня, рабыню беззащитную.

(Уходит во дворец.)

Предводитель хора

О, доля смертных! С линиями легкими
Рисунка схоже счастье: лишь явись беда —
Оно исчезнет, как под влажной губкою.
Не об одной Кассандре, обо всех тужу.
1330 Не насытится счастьем никто из людей,
И никто не поднимет пред домом своим
Заградительный перст, чтобы счастью сказать:
«Не входи, неумное. Хватит».
Вот глядите, бессмертные дали царю,
Сокрушив Илион, возвратиться домой,
Насладиться почетом и славой.
Но теперь, если должен он кровь искупить,
Если должен за тех, кто убит, умереть,
Если смертью за давнюю платится смерть,
1340 Кто назвать бы осмелился счастье свое
Неизменным, природным, надежным?

Голос Агамемнона

(из дворца)

О! Я сражен ударом в доме собственном!

Предводитель хора

Тише! Кто-то стонет тяжело, кто-то насмерть поражен!

Голос Агамемнона

Еще один удар! О, горе, горе мне!

Предводитель хора

Снова царь кричит. Наверно, злодеянье свершено.
Так давайте же обсудим, как нам действовать верней.

Второй старец

Я думаю, что нужно клич по городу
Пусть и горожан сюда, к дворцу, созвать.

Третий старец

По-моему, ворваться в дом немедленно,
1350 Покуда меч не высох, уличить убийц.

Четвертый старец

И я сторонник действий. Это мнение
Я разделяю. Больше ждать нам некогда.

Пятый старец

Все ясно здесь. Начало не сулит добра.
Над городом нависло самовластие.

Шестой старец

Мы только тратим время. А преступникам
Медлительность смешна. Они не мешкают.

Седьмой старец

Не знаю, что мне вам и посоветовать.
Коль действуешь, подумать прежде надобно.

Восьмой старец

Я тоже не решил еще. Не взять мне в толк,
1360 Как можно речью воскресить умершего.

Девятый старец

Неужто мы, за собственную жизнь дрожа,
Согнемся перед тем, кто осквернил дворец?

Десятый старец

Нет, мы не стерпим. Лучше сложим головы.
Достойней смерть, чем иго самовластия.

Одиннадцатый старец

Нет доказательств. Только стоны слышали.
Но разве это значит, что погиб наш царь?

Двенадцатый старец

Сначала б разузнать, а уж потом — шуметь.
Ведь знание и догадка — вещи разные.

Предводитель хора

Вот это мненье самое разумное.
1370 Об участи Атрида мы узнать должны.

Двери дворца отворяются.
Видны тела Агамемнона и Кассандры.
Из дворца выходит Клитемнестра.

Клитемнестра

- Не стыдно мне сказать совсем обратное
Тому, что прежде говорить должна была.
Иначе и нельзя, когда, прикинувшись
Врагу первейшим другом, сеть плетешь ему
Такую, чтобы никакой прыжок не спас.
Давно уж поединок этот выношен
В душе моей. Вот наконец и день пришел.
Вот я стою, гордясь, что дело сделано.
Убила. Отпираться я не стану, нет.
- 1380 Накидкою, огромной, как рыбацья сеть, —
О, злой наряд! — Атрида спеленала я.
Не мог он защититься, убежать не мог.
Ударила я дважды. Дважды вскрикнул он
И рухнул наземь. И уже лежавшему —
В честь Зевса Подземельного, спасителя
Душ мертвецов, — я третий нанесла удар.
Так, пораженный насмерть, испустил он дух,
И с силой кровь из свежей раны брызнула,
Дождем горячим, черным оросив меня.
- 1390 И радовалась я, как ливню Зевсову
Набухших почек радуется выводок.
Вот, цвет старшин аргосских, каковы дела.
Я торжествую, рады иль не рады вы.
Когда б велел обычай возлиять богам
Над мертвецами, то по праву полному
Мы принесли бы жертву. Тот, кто столько бед
Нам уготовил, сам из чаши бед хлебнул.

Предводитель хора

Дивимся мы речам твоим и наглости.
Убила мужа да еще кошунствуешь.

Клитемнестра

- 1400 Ты смотришь на меня как на безумную,
А я — я хладнокровно признаюсь тебе
В своем поступке. Осуждай, хвали меня —
Мне все едино. Вот он, мой супруг, лежит,
Царь Агамемнон. Этою рукой, гляди,
Я славно совершила дело правое.

Хор
СТРОФА

Что с тобой, женщина?
То ли тебя ядовитой земля накормила травой?
То ли отравленным зельем волна напоила?

Злобствуешь ты, проклинаема городом,
1410 Отчуждена, ненавистна, отвергнута.
Родина гонит тебя.

Клитемнестра

Меня ты судишь, мне грозишь изгнанием,
Проклятьем граждан, ненавистью города.
Что ж ты тому перечить не осмелился,
Кто, как овцу — одну из неоглядных стад
Овец прекраснорунных, — дочь, родную дочь,
Дитя мое, убил без сожаления
Затем лишь только, чтоб фракийский ветер стих?
Уж не его ли, скверну нашей родины,
1420 Изгнаньем надо было наказать? А ты
Меня судить намерен. Так запомни же:
Бороться я готова. На насилие
Насилием отвечу. Победишь меня —
И власть твоя. Но ежели рассудит бог
Иначе — хоть и стар, уму поучишься.

Хор АНТИСТРОФА

Как ты заносчива!
Сколько гордыни в речах твоих. Кровь опьянила тебя!
Бешенство душу твою обуяло. Ты веришь,
1430 Будто к лицу тебе пятна кровавые.
Кончишь бесславно, друзьями покинута,
Смертью заплатишь за смерть.

Клитемнестра

Ну что ж, свои слова скреплю я клятвою,
Клянусь тебе отмщеньем за дитя мое,
Клянусь тебе карающей Эринией,
Что страха пред расплатой не узнает дом,
Пока Эгист мой верный здесь очаг блюдет.
Он мне опора, от него — уверенность.
Лежит злодей, позоривший жену свою
1440 И дочек Хриса тешивший под Троєю*.
А это вот — пророчица-гадальщица,
Копьем в бою добытая наложница.
Верна и здесь. На корабельных палубах
Валялись тоже вместе. По заслугам честь:
Вот он лежит, а вот подружка милая —

* «Иллиада». I, 112 и сл.

С ним рядышком. Как лебедь, перед смертью песнь
Пропела. Это муж мой позаботился,
Чтоб лакомством пресладким завершился пир.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Ах, если б легкую, быструю смерть,
1450 Без изнуряющей боли, без мук,
Сон бесконечный, блаженный покой
Мне даровала судьба!
Мертв он, страны моей доблестный страж,
Женщина мукам его обрекла,
Женщина жизни лишила.

О Елена, виновница нашей беды!
Сколько душ, о, какое же множество душ
Ты одна погубила у Трои!
1460 А сегодня вражда, что супругу на казнь
Поселилась однажды в печальном доме,
Расцвела несмываемой кровью.

Клитемнестра

Не печалься об этом и смерти своей
До поры не зови,
Не ропщи на Елену, как будто она,
Мужегубица, на смерть одна обрекла
Войско славных данайцев, как будто она
Нанесла нам глубокую рану.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Демон, что в дом Танталидов* проник,
1470 Женщин трусливых бесстыдная власть,
Горем ты душу терзаешь мою.
Вот, словно ворон, стоит
Демон у тела и звонкую в лад
Песню заводит, и льется из уст
Гимн торжествующий смерти.

О Елена, виновница нашей беды!
Сколько душ, о, какое же множество душ

* Тантал считался предком Атридов и Эгиста.

Ты одна погубила у Трои!
А сегодня вражда, что супругу на казнь
Поселилась однажды в печальном доме,
Расцвела несмываемой кровью.

Клитемнестра

Наконец-то ты верное слово сказал,
Наконец ты назвал
Трижды грозного демона нашей семьи.
Это он не велит, чтоб утихла в сердцах
1480 Жажда крови. Сильна еще старая боль,
А уж новые раны открылись.

Хор

СТРОФА 2

Страшному демону дома,
Страстному гневу ты славу поешь.
Скверная слава! Смертей и смертей
Демон прожорливый алчет.
Зевс изначальный — причина всему,
Все — от него, чрез него, для него.
Что смертному дано без воли Зевса?
Что на земле не богом свершено?

1490 О мой царь, о мой горький, поверженный царь,
Как оплачу тебя?
Что скажу я от сердца над трупом твоим?
Ты лежишь, ты задушен в паучьих сетях,
Ты бесславную гибель изведаль.
О, позорной постели коварная ложь!
Заостренным клинком размахнулась жена,
Навсегда уложила супруга.

Клитемнестра

Ты кричишь, что моей это дело руки.
Ах, моей ли? Меня
1500 Не пристало женой Агамемнона звать.
Это в облике женщины здесь, пред тобой,
Древний демон расплаты, жестокий судья,
За Атреево страшное пиршество мстит,
Мужу гибель неся,
Чтоб за детскую кровь расплатиться.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Женщина, кто твой свидетель?
Кто невиновность твою подтвердит?

Кто же, о, кто же? Пособник лихой,
Демон вины стародавней,
1510 Тот, что по крови отцов и детей
Черным Аресом шагает туда,
Где в искупление отроческой крови
Готова новая пролиться кровь.

О мой царь, о мой горький, поверженный царь,
Как опла́чу тебя?
Что скажу я от сердца над трупом твоим?
Ты лежишь, ты задушен в паучьих сетях,
Ты бесславную гибель изведal.
О, позорной постели коварная ложь!
1520 Заостренным клинком размахнулась жена,
Навсегда уложила супруга.

Клитемнестра

А не он ли коварством, не он ли грехом
Этот дом осквернил?
Он дитя мое, чресел его же дитя,
Ифигению бедную, сам заколол!
По делам и награда, по славе и честь.
Пусть в Аиде своей не кичится бедой.
1530 Да, он пал от меча,
Но наказан мечом по заслугам.

Хор

СТРОФА 3

Блуждают мысли. Кто мне подскажет,
Куда идти? Зашатался дом.
Стою беспомощно на распутье.
Боюсь я, хлынет кровавый дождь:
Первые капли уже упали.
Правда для новых смертей клинок
На новом камне точильном точит.

О земля, приняла бы ты тело мое
1540 До того, как положат в серебряный гроб
Неподвижное царское тело!
Кто его погребет? Кто оплатит его?
Уж не ты ли, убившая мужа жена?
Неужели посмеешь над ним причитать
И неласковой ласкою, льстивой хвалой
Оскорблять отлетевшую душу?

Кто, хороня божественного мужа,
Плач сотворит и разорвет одежды
С тоскою непритворною в душе?

Клитемнестра

1550 Не заботься об этом: печаль не твоя.
Мы удар нанесли,
Мы убили — и нам же его хоронить.
Но не будут рыдать домочадцы над ним,
А у волн Ахеронта навстречу царю
Ифигения, дочь,
Выйдет, ласковым словом приветит отца
И, руками обвив,
Поцелует его, улыбаясь.

Хор

АНТИСТРОФА 3

В ответ упреку упреки слышу.
1560 Кто виноват, разобрать нельзя.
Убит убийца, ловец изловлен.
Доколе властвует в мире Зевс,
Горе преступнику. Вот где правда.
С древним проклятьем семья срослась.
Но как же семя беды исторгнуть?

О земля, приняла бы ты тело мое
До того, как положат в серебряный гроб
Неподвижное царское тело!
Кто его погребет? Кто оплатит его?
Уж не ты ли, убившая мужа жена?
Неужели посмеешь над ним причитать
И неласковой ласкою, лстивой хвалой
Оскорблять отлетевшую душу?

Кто, хороня божественного мужа,
Плач сотворит и разорвет одежды
С тоскою непритворною в душе?

Клитемнестра

О проклятье ты верное слово сказал.
Я хочу, чтоб со мной
Демон рода Плисфена вошел в договор.
Я готова сегодня поклясться ему,
1570 Что навеки с печалью испытанных бед
Примируюсь. Но зато пусть отныне навек
Он покинет наш дом и в другую семью

Цепь смертей унесет.
Поступлюсь и наследным богатством своим,
Если в этих стенах
Стихнет ярость взаимоубийства.

Из дворца выходит Эгист с телохранителями.

ЭКСОД

Эгист

- О, долгожданный свет, о, день возмездия!
Теперь я верю — смотрят боги-мстители
Открытыми очами на земное зло.
- 1580 Увидел наконец я, как запутался
В сетях Эриний враг мой. Да, на радость мне
Сын за жестокость заплатил отцовскую.
Отец его, Атрей, правитель Аргоса,
Борясь за власть, Фиеста, моего отца
И брата своего — добавить надобно, —
Подверг изгнанию из родного города.
Фиест вернулся, к очагу с мольбой припал,
И было тут обещано несчастному,
Что кровью брата царь земли отеческой
- 1590 Не осквернит. Но злой, безбожный замысел
Таил Атрей. На праздничное пиршество,
Как друга друг, позвал он моего отца
И гостя мясом чад его попотчевал:
Поодаль от пирующих рассек Атрей
Ступни и кисти рук — чтоб не узнал никто;
Отец кусок поднес ко рту в неведенье
И, на погибель роду, начал мясо есть.
Вдруг, распознав злодейство богомерзкое,
Он закричал, упал, изверг убоину
- 1600 И, опрокинув стол, проклятьем бешеным
Семью Пелопа проклял, пожелав, чтоб весь
Плисфенов род погиб такой же гибелью.
За эту-то вину и рухнул царь, гляди.
А я — я вправе был царю силки плести,
Я, третий сын злосчастливого родителя,
Грудным ребенком на чужбину посланный.
Меня вскормила Правда и вернула в дом,
И это я стерег в дверях обидчика,
И это я сумел составить заговор.
- 1610 Теперь, когда в тенетах Справедливости
Врага я вижу, и умереть не страшно мне.

Предводитель хора

Эгист, кичиться боясь преступлением!
Ты хвалишься, что хоть и не твоей рукой
Казнь совершилась, но тобой задумана.
Так знай же: не минуют головы твоей
Проклятья граждан. Камни полетят в тебя.

Эгист

У нижних весел сидя, мне грозить посмел?
Нет, судом правит тот, кто наверху сидит.
Что ж, сам посмотришь, каково в лета твои,
1620 Седой глупец, уму учиться, разуму.
Колодки, голод — два искусных лекаря —
И старика излечат от безумия.
Коль ты не слеп, на что тебе надеяться?
Не лез бы уж ты лучше на рожон, старик.

Предводитель хора

По-женски дома поджидал ты воинов.
Они сражались — ты в чужой постели спал.
И ты же уготовил полководцу смерть!
1623 Так почему же — о, душа ничтожная! —
Не сам убил, а, на позор стране родной,
На стыд и ужас божествам отеческим,
Жену заставил? Помни: где-то жив Орест,
Судьбой хранимый. Он вернется мстителем
И вас обоих мощной сокрушит рукой.

Эгист

1628 За эти речи ты еще наплачешься.
Орфей ты, старец, да беда — навыворот:
1630 Тот всех сладчайшим пеньем за собой водил,
Тебя же за твое пустое твяканье
В темницу поведут, чтоб там одумался.

Предводитель хора

Так, значит, стать решил тираном Аргоса
Тот, кто, задумав погубить правителя,
Своей рукой боялся нанести удар!

Эгист

Да ведь жене удобней было сеть плести,
А старый враг всегда на подозрении.
Но уж теперь, когда казна убитого
Досталась мне, — и власть моя. Уздой смирю

1640 Ослушника. Брыкаться норовистому
Не дам коню я. В темноте и голоде
1642 Покорным станет, долго не придется ждать.

Хор

1649 Это все покамест речи. Поглядеть бы на дела.

Эгист

1650 Эй, сюда скорее, стражи! Время действовать пришло!

Хор

Эй, друзья, готовьте к бою обнаженные мечи!

Эгист

Обнажил и я клинок свой, умереть и я готов.

Хор

Что ж, умри! Твою кончину с легким сердцем я приму.

Клитемнестра

Нет, не будем, о мой милый, новой крови проливать.
Без того уже печальна жатва острого меча,
Без того уже довольно горя, ужасов, смертей.
Ты домой ступай, а старцы по своим пойдут домам.
Нет нужды в кровопролитье. Что свершили, то к добру.
Пусть же радостью страданья обернутся наконец!
1660 Натерпелись мы несчастий под копытами судьбы.
Таково, коль знать хотите, слово женское мое.

Эгист

Разве я стерплю такое, чтобы праздным языком
Поносил владыку вволю расшумевшийся глупец,
Чтобы, ругань извергая, дерзкий вызов слал судьбе?

Хор

Не в обычае аргосцев подольщаться к подлецу.

Эгист

Погоди, не нынче-завтра рассчитаешься со мной.

Хор

Если только нам Ореста боги завтра не вернут.

Эгист

Да, кто изгнан на чужбину, для того надежда — хлеб.

Хор

Что ж, твое настало время: попирай, топчи закон.

Эгист

1670 За свою заплатишь глупость, подожди, наступит срок.

Хор

Петушок наш расхрабился у наседки под крылом.

Клитемнестра

Лая глупого не слушай. Править будем мы с тобой.
И теперь, под нашей властью, в доме все пойдет на лад.

ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прометей, титан.

Гефест, бог-кузнец.

Власть и Насилие, демоны, слуги Зевса.

Океан, титан.

Ио, дочь Инаха, в образе коровы.

Гермес, глашатай Зевса.

Хор Океанид, дочерей Океана.

Горная дебрь.

Бог-кузнец Гефест, Власть и Насилие — демоны Зевса —
вводят скованного Прометея.

ПРОЛОГ

Власть

Вот мы пришли к далеким рубежам земли,
В пространства скифов, в дикую пустую дебрь.
Гефест, теперь повинность за тобой — приказ
Родительский исполни и преступника
К скалистоверхим кручам пригвозди, сковав
Булатными кандалными оковами.
Ведь он огонь твой, цвет, чудесно блещущий,
Украл и людям подарил. За грубый грех
Потерпит наказание от руки богов,
10 Чтоб научился тиранию Зевсову
Любить, забывши человеколюбие.

Гефест

Ты, Власть, и ты, Насилье, волю Зевсову
Вы до конца свершили. Дело сделано.
А я посмею ль бога, кровно близкого*,
К скале, открытой ураганам, пригвоздить?
Но должен сметь. Необходимость властвует!
С отцовской волей строгой тяжело шутить.

(К Прометею.)

- Сверхмудрый сын Фемиды правомыслящей,
На зло тебе, на зло себе железами
20 К безлюдному утесу прикую тебя.
Где речи не услышишь и лица людей
Ты не увидишь. Солнца пламень пышущий
Скореежит кожу струпьями. И будешь ждать,
Чтоб день закрыла ночь пестроодетая.
И снова солнце раннюю росу сожжет,
И вечно мука будет грызть и боль глотать,
За днями день. Спаситель не родился твой.
Награда вот за человеколюбие!
Сам бог, богов тяжелый презирая гнев,
30 Ты к людям свыше меры был участливым.
За это стой скалы пустынной сторожем,
Без сна, коленей не сгибая, стой столбом.
Кричать напрасно будешь, в воздух жалобы
Бросать без счета. Зевса беспощадна грудь.
Всегда жестоки властелины новые**.

Власть

Эй-эй, что медлишь? Жалобишься без толку?
Не ненавидишь бога, всем богам врага?
Ведь предал людям он твое сокровище.

Гефест

Родная кровь и старой дружбы власть страшны.

Власть

- 40 Ты прав, конечно. Все же, как отца приказ
Не выполнить? Намного не страшнее ли?

Гефест

Всегда суров и черств ты, с сердцем камнным.

* Гефест — правнук Геи, Прометей — сын Фемиды, которая идентифицируется с Геей.

** Зевс и олимпийские боги.

В л а с т ь

Лить слезы — не лекарство, бесполезный труд.
Оставь! Врага напрасно не оплакивай!

Г е ф е с т

О, как мне ненавистно ремесло мое!

В л а с т ь

Напрасно ропщешь. Рассуждая попросту,
Твое тут не повинно ремесло ничуть.

Г е ф е с т

Пускай бы кто другой им, а не я владел.

В л а с т ь

На каждом божестве свой лежит нелегкий труд.
50 Один лишь Зевс свободен, господин всего.

Г е ф е с т

Я это знаю, спорить не могу с тобой.

В л а с т ь

Тогда живее! В кандалы врага забей,
Чтобы родитель праздным не видал тебя.

Г е ф е с т

Наручники, ты видишь, я схватил уже.

В л а с т ь

Вложи в них руки! Молотом наотмашь бей!
Ударь! Ударь! Злодея пригвозди к скале!

Г е ф е с т

Готово все. Работа ладно сделана.

В л а с т ь

Ударь еще! Забей! Забей! Заклинивай!
И в бездорожьях мастер он пути сыскать.

Г е ф е с т

60 Плечо вот это наглухо заклепано.

В л а с т ь

Теперь другое накрепко закуй! Пускай
Узнает умник, что его разумней Зевс.

Г е ф е с т

Меня лишь он осудит. А другой — никто!

В л а с т ь

Зуб заостренный костыля железного
Теперь сквозь грудь вгони и пригвозди его!

Г е ф е с т

Ай-ай, я плачу, Прометей, от мук твоих!

В л а с т ь

Размяк! Заплакал над врагом Кронидовым?
Гляди, чтоб над собою не пролить слезу.

Г е ф е с т

То видишь ты, на что нельзя смотреть глазам.

В л а с т ь

70 Я вижу, по заслугам получает враг.
Теперь цепями ребра закандаль ему!

Г е ф е с т

Все знаю сам. Напрасно не натравливай!

В л а с т ь

Натравливать я стану и приказывать.
Спустишь теперь и ноги в кандалы забей!

Г е ф е с т

Все слажено. Работа немудреная.

В л а с т ь

Заколоти на кольцах костыли теперь!
Перед судьей жестоким ты отдашь отчет.

Г е ф е с т

Грохочет голос грузности твоей под стать.

В л а с т ь

Будь мягкосердым! А мою решительность
80 И крутость гнева ставить мне не смей в вину!

Г е ф е с т

Уйдем же! Цепью сдавлен он железною.

В л а с т ь
(Прометею)

Что ж, нагличай! Сокровища богов кради
Для однодневок хилых! Поглядим теперь,

Как отчерпают люди лодку бед твоих.
 Напрасно Прометеем, промыслителем,
 Слывешь среди бессмертных*. Так промысли же,
 Как самому из сети болей вынырнуть.

(Удаляются Гефест, Власть и Насилие.)

Прометей
(прикованный к скале)

Святой эфир и ветры быстрокрылые,
 Истоки рек текущих, смех сверкающий
 90 Неисчислимых волн морских и мать-Земля,
 Всевидящего Солнца круг, — вам жалуюсь!
 Взгляните, что терплю я, бог, от божьих рук.
 Поглядите, стою, покалечен
 Изуверством! Мне гнить на века и века,
 Мириады веков! Эту боль, этот стыд
 На меня опрокинул блаженных богов
 Новоявленный князь.
 Ай-ай-ай! О сегодняшних муках воплю
 И о завтрашних муках. Когда же конец
 100 Рассветет этим каторжным болям?
 Но нет! Что говорю я? Все предвидел сам.
 Заранее. Нежданным никакое зло
 На плечи мне не рухнет. Надо с легкостью
 Переносить свой жребий, зная накрепко,
 Что власть непобедима Невозможности.
 И все ж молчать и не молчать об участи
 Моей, и то и это тошно! Зло терплю
 За то, что людям подарил сокровища.
 В стволе сухого тростника родник огня
 110 Я воровски припрятал. Для людей огонь
 Искусства всяческого стал учителем,
 Путем великим жизни. Вот за этот грех
 Под зноем солнца на цепях я распят здесь.
 Ой-ой! Ой-ой!
 Но, чу? Звон возник въявь.
 Пахнул вихрь в лицо мне.
 То люди? То боги?
 Иль что-то иное?
 Зашли в глушь и дебрь,
 120 В расщель снежных гор
 На боль мою полюбоваться? Что еще?
 Взгляните, вот я, бог в оковах, горький бог,

* Греки сближали имя Прометей словом, означающим «предвидение».

Зевса враг ненавистный, чума и напасть
Для богов, гнущих шею у Зевса в дому.
Все за то, что людей я сверх меры любил.
Ой-ой-ой! Снова слышу я посвист и шум
Пролетающих птиц. Вerezжит и звенит
Дальний воздух от стрепета реющих крыл.
Что б ни близилось, все мне ужасно!

ПАРОД

На оркестре в крылатой повозке появляется Хор Нимф-Океанид.

Хор

СТРОФА 1

Не бойся, друг наш!
Мы летим к тебе с любовью
На звенящих острых крыльях.
130 Мы примчались к этим скалам черным,
Слезой отца сердце склонив.
Гулкие в уши свистали ветры.
Железа звон, молота грохот к нам ворвался
В тишину морских пещер.
Стыд мы забыли скромный,
Босыми в крылатой летим повозке.

Прометей

Ай-ай-ай-ай!
Многодетной Тефии птенцы и отца
Океана, который всю землю кругом
140 Обтекает гремучей, бессонной рекой.
О подруги мои!
Поглядите, взгляните, в кандалных цепях
Я распят на скалистых разломах хребтов,
Над разрывами гор,
Здесь стою я на страже постыдной.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Прометей! Прометей!
На глаза нам сумрак рухнул.
Влага слез застлала взоры,
Видим, видим, вот стоишь, огромный!
К уступам скал ты пригвожден
Цепью железной, чтоб гнить и вянуть!

Да, новый князь внове владеет веслом Олимпа.
Новый миру дав закон,
150 Зевс беззаконно правит.
Что было великим, в ничто истлело.

Прометей

О, пускай бы под землю, в поддонный Аид,
Принимающий мертвых, он сбросил меня,
В тартарийскую ночь!
Пусть бы цепью железной сковал, как палач,
Чтоб не мог любоваться ни бог и никто
На мученья мои!
А теперь я, игрушка бродячих ветров,
В муках корчусь, врагам на веселье!

Хор

СТРОФА 2

160 Чье сердце камень, медь и лед?
Кто из богов над тобою посмеется?
Кто слез с тобой не станет лить?
Один лишь Зевс. Он, упрямый и бешеный,
Искореняет в неистовстве
Старое племя Урана.
Нет покоя ему, сердце пока не насытится,
Иль в поединке не вырвут из рук его черной власти.

Прометей

У меня, у меня, хоть в глухих кандалах
Я повис, изуродован, распят, разбит,
У меня он попросит, блаженных главарь,
170 Чтобы заговор новый* раскрыл перед ним,
Угрожающий скиптру и славе его.
Но напрасно! Медовых речей болтовня
Не растопит мне сердце! Угроз похвальба
Не сломает! Что знаю, о том не скажу!
Не раскрою и рта! Пусть железа сперва
Беспошадные снимет! За стыд и за казнь
Пусть меня наградить пожелает!

Хор

АНТИСТРОФА 2

Да, да, ты тверд. Тебя взнудать
Горечь и боль никогда не смогут.

* Тайное знание Прометея, что от Фетиды родится сын, который станет сильнее отца.

- 180 Но рот твой волен чересчур.
Проходит душу ужас пронзительный,
Участь твоя мне страшным-страшна.
Что если море печалей
Не переплыть вовек тебе? Беспощадное, злое,
Несокрушимо жестокое сердце у сына Крона.

Прометей

- Знаю, черств и суров он. И свой произвол
Почитает законом. Но время придет,
Станет ласков и сладок, надломлен и смят
Под копытом судьбы.
190 Этот зычный и ярый погасит он гнев.
Будет дружбы со мной и союза искать...
Поспешит, и навстречу я выйду*.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Старшая Океанида

Открой нам все и научи подробнее,
Вину какую Зевс в тебе нашел? За что
Тебя казнит так горько и чудовищно?
Все расскажи нам! Иль рассказ так тягостен?

Прометей

- Мучительно рассказывать, мучительно
И промолчать. И то и это стыд и боль.
Когда среди бессмертных распри ярые,
200 Раздор жестокий вспыхнул и усобицы,
Когда одни низвергнуть Крона жаждали
С престола, чтобы Зевс царил, другие же,
Напротив, бушевали, чтоб не правил Зевс, —
В то время был хорошим я советчиком
Титанам древним, неба и земли сынам.
Но убедить не мог их. Лесть и хитрости
Они надменно презирали. Силою
Прямой добиться чаяли владычества;
Но мать моя, Фемида-Гея (много есть
210 Имен у ней одной), идущих дней пути
Предсказывала мне не раз. Учила мать,
Что не крутая сила и не мужество,
А хитрость власть созиждет в мире новую.

* Так заканчивалась последняя пьеса трилогии — «Освобожденный Прометей».

- Титанам это все я объяснил. Они ж
Скупилась даже взглядом подарить меня.
Путем вернейшим, лучшим, я почел тогда,
Соединившись с матерью, на сторону
Встать Зевса. Добровольным был союз для нас.
По замыслам моим свершилось то, что ночь
Погибельная Тартара на черном дне
220 Старинного похоронила Крона с верными
Приверженцами. Но за помощь сильную
Богов владыка яростными пытками
Мне отомстил, наградю чудовищной.
Ведь такова болезнь самодержавия:
Друзьям не верить, презирать союзников.
Вы спрашивали, почему постыдно так
Меня калечит. Ясный дам, прямой ответ.
Едва он на престоле сел родительском,
Распределять меж божествами начал он
230 Уделы, власти, почести: одним — одни,
Другим — другие. Про людское горькое
Забыл лишь племя. Выкорчевать с корнем род
Людской замыслил, чтобы новый вырастить.
Никто не заступился за несчастнейших.
Один лишь я отважился! И смертных спас!
И в ад они не рухнули, раздавлены.
За это в болях содрогаюсь яростных, —
Их тошно видеть, а теперь — чудовищно!
Я к людям милосердным был, но сам зато
240 Не встретил милосердия. Безжалостно
Утихомирён. Взорам — страх, и Зевсу — стыд!

Старшая Океанида

Грудь каменная и душа железная
У тех, кто над бедою, Прометей, твоей
Не плачет. Мне же лучше б не видеть совсем
Твоих печалей. Сердце рушат страх и боль.

Прометей

Да, стал я жалок для друзей, наверное.

Старшая Океанида

А большего не сделал, чем рассказывал?

Прометей

Да, я избавил смертных от предвиденья*.

* Т.е. скрыл от них срок их смерти.

Старшая Океанида
От этой язвы исцеленье как нашел?

Прометей
250 В сердцах надежды поселил незрячие.

Старшая Океанида
Большое облегченье роду смертному.

Прометей
Еще не все! Я людям подарил огонь.

Старшая Океанида
Владеют однодневки знойным пламенем?

Прометей
Огонь искусства всяческим научит их.

Старшая Океанида
И за вину такую Зевс казнит тебя?

Прометей
Погнал на пытки. Неустанно мучает.

Старшая Океанида
И срока казни нет, конца палачеству?

Прометей
Нет срока, нет, пока не пожелает Зевс.

Старшая Океанида
Как пожелает? Где ж надежда? Понял ты,
260 Что ошибался? В чем? Про то не сладко нам
Напоминать, тебе же слышать. Прошлого
Не вспоминай. Подумай, как от зла спастись!

Прометей
Пока нога в капканах не завязла бед,
Легко счастливцу поучать несчастного.
Но это все предвидел я заранее.
Сознательно, сознательно, не отрекусь,
Все сделал, людям в помощь и на казнь себе.
Таких вот только пыток я не ждал никак:
На жарком камне гибнуть, иссыхать, сгнивать
270 В просторах злых, пустынных, неприветливых.
Так перестаньте ж плакать о сегодняшнем!

Сойдите наземь и о судьбах будущих
 Проведайте. Узнайте, чем все кончится.
 Послушайтесь, послушайтесь! Со мной, что так
 Страдает, пострадайте! Ведь бродячее
 Кочует злополучье от одних к другим.

Старшая Океанида

Не в обиду нам речи твои, Прометей!
 Мы послушны, гляди!
 Покидаем босою, летучей ступней
 280 Самолетный ковер и звенящий эфир,
 Птиц пугливых тропу голубую;
 На кремнистую землю вступили, рассказ
 О твоих злоключениях услышать.

*(Хор Океанид сходит с повозок.
 Появляется старик Океан на крылатом коне.)*

Океан

Из далеких, далеких краев, Прометей,
 Я дорогою трудной к тебе прихожу.
 Быстрокрылая птица меня принесла,
 Без удил, только волею взнуздан моей.
 Знай, грустна и горька мне невзгода твоя.
 Ты мне родич*, во-первых, а близкая кровь
 290 Мне священной всего. Да и кроме родства,
 Никого нет на свете, кого б, как тебя,
 Я ценил и любил.
 А что искренне слово — узнаешь. Тошны
 Мне притворные, лстивые речи. Вели,
 Назови, как тебе услужить я могу,
 И признайся: верней, чем старик Океан,
 Нет друзей у тебя во вселенной.

Прометей

Ого, вот диво! Поглядеть на боль мою
 И ты приходишь? Как же ты отважился
 300 Тебе одноименный Океан-поток
 Покинуть и пещеры перевозданные,
 Утесистые, и в страну, железа мать**,
 Прийти? Со мною слезы лить, со мной страдать?
 Гляди ж, прекрасно зрелище! Вот Зевсов друг,
 Ему престол помогший добывать и власть,
 Взгляни: его калечит Зевс безжалостно.

* Океан — брат матери Прометея, Фемиды.

** В Скифию.

Океан

- Друг Прометей! Все вижу и совет подать
Тебе хочу хороший. Хоть хитер ты сам.
Пойми границы сил своих, смири свой нрав.
- 310 Стань новым. Новый нынче у богов вожак.
А ты грубишь, кидаешь речи дикие,
Косматые. Сидел бы много выше Зевс,
И то б услышал. И тогда все прежние
Твои злосчастья — детскою игрушкою
Покажутся. Бедняга, позабуди свой гнев!
Лишь об одном заботься: как от мук уйти!
Пожалуй, назовешь ты устарелыми
Слова такие, но речей заносчивых
Теперь и сам ты цену, Прометей, узнал.
- 320 А все не укротился, не согнул себя.
Накликать хочешь за бедой беду вдвойне.
Послушайся учителя радушного:
Против рожна не при! Открой глаза: царит
Не подчиненный никому свирепый царь.
А я пойду. Быть может, и удастся мне
Тебя избавить от мучений яростных.
А ты смирись, пригорбись, придержи язык!
Ведь сам умен и опытен. Так должен знать:
Двойною плетью хлещут празднословного.

Прометей

- 330 Завидую. Себя невинным чувствуешь,
Хоть был ты мой сподвижник, бунтовал со мной,
Сейчас оставь! Забота не твоя уже.
Не сговоришь ты бога. Не отходчив Зевс.
Гляди, заботой на себя накличешь зло!

Океан

Давать советы ты умеешь ближнему
Намного лучше, чем себе. Тому дела,
А не слова порукой. Не держи меня.
Надеюсь, да, надеюсь, богу старому
Помилованье для тебя подарит Зевс.

Прометей

- 340 Благодарю! И благодарным буду, знай,
Тебе всегда. Старанье велико в тебе,
Но не трудись напрасно. Зря и без толку
Трудиться будешь, если вправду примешь труд.
Прочь отойди и в стороне спокойно встань.

- Мне очень больно. Только не хочу совсем,
Чтоб мучились другие из-за этого.
Довольно и того, что сердце рвет мое
Судьба Атланта-брата. В странах западных
Стоит силач, плечами подпирая столб
350 Земли и неба, тяжесть непомерную.
Еще мне вспомнить горько Киликийских гор
Кочевника, диковинное чудище, —
Тифона стоголового, рожденного
Землей. Восстал отважно он на всех богов.
Пылая, страшно скрежетали челюсти.
Из глаз горгоньих стрелы молний сыпались.
Грозился силой Зевса расточить престол.
Но Зевса гром бессонный сбросил в пыль его,
Упавший с неба, полохнувший пламенем,
360 Смирил он похвальбу высокомерную.
В подсердие ударил, и свалился брат,
В золу испепеленный, в головню сожжен.
Беспомощная туша исполинская
Простерлась грузно у пролива узкого,
Раздавлена корнями Этны. Ночь и день
Кует руду Гефест на круче кряжистой.
Но час придет, и вырвутся из черных недр
Огня потоки*. Челюстями жадными
Сглодают пашни спелые Сицилии.
370 Расплавленное, огненное бешенство,
Всепожирающую ярость вырыгнет
Тифон, хоть Зевса он обуглен молнией.
Но сам не слеп ты. Быть твоим учителем
Мне незачем. Спасайся, как умеешь, сам!
Я ж исчерпаю до конца судьбу свою,
Пока от гнева сердце не избавит Зевс.

Океан

Но разве ты не знаешь, Прометей-мудрец,
Больной души врачи — советы добрые?

Прометей

- Да, если сердца вовремя смягчить нарыв,
380 Не бередить гноящуюся опухоль.

Океан

Зато в моих заботах и в решимости
Моей вину какую видишь? — Все скажи.

* Сильное извержение вулкана Этна произошло в 479 или 475 г. до н. э.

Прометей

Добросердечие пустое, праздный труд.

Океан

Болезнью этой поболеть позволь. Расчет
Разумному — порою безрассудным слыть.

Прометей

В мою вину и этот грех запишется.

Океан

Меня домой ты хочешь воротить? Ведь так?

Прометей

Чтоб не хлебнул ты горя, пожалев меня.

Океан

Чтоб тот не рассердился, новый, сильный царь?

Прометей

390 Вот-вот! Остерегайся раздражить его!

Океан

Твоя беда — урок мне, Прометей! Прощай!

Прометей

Иди! Ступай! И трезвый сохрани свой ум!

Океан

Я без твоих советов собрался уйти.
Широкий воздух крыльями скребет уже
Четвероногий птах мой. Стосковался он.
В родимом стойле отдохнуть торопится.

(Океан удаляется.)

СТАСИМ I

Хор

СТРОФА 1

Льем слезы, льем, друг Прометей, над горькой жизнью.
Родники слез покатались,

Стынут капли,

400 Слез ключи текут солено

По равнинам щек девичьих.

Зевс свирепый, Зевс пасет мир,

Произвол в закон поставив.
Зевс пасет копьем железным
Древних демонов и чтимых.

АНТИСТРОФА 1

Гудом гудит, стонет земля протяжным стоном.
О былых стонет веках, о славе древней,
410 О твоём старинном царстве,
О титанах-исполинах.
Кто живет в степях азийских,
Первозданных, стонет стоном.
Над твоею болью плачут,
Сострадая, плачут люди.

СТРОФА 2

Племя девушек-наездниц,
Травы топчущих в Колхиде,
Плачет. Орды плачут скифов,
Что кочуют в конце земли,
У Меотийских мелей*.

АНТИСТРОФА 2

420 И арийцы** — цвет Ареса, —
Над Кавказской крутизною
Город высекие в скалах, —
Плачет войско, и вторит лязг
Остро звенящих копий.

СТРОФА 3

Однажды, раз лишь бога в оковах мы видели.
Он предан был мукам, да, мукам,
Титан Атлант.
Силач, непомерную тяжесть
Земли и оси неба
430 На плечи поднял он и плачет.

АНТИСТРОФА 3

Рокошет, ропшет моря прибой набегающий
И падает в бездну и стонет,

* У Азовского моря.

** Племя, населявшее Персию и соседние области Кавказа.

Гудят в ответ
Земли потаенные щели,
Провалы, ямы ада,
Струи прозрачных потоков плачут.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Прометей
(после молчанья)

Мне не надменность, не высокомерие
Велят молчать. Грызу я сердце жалостью,
Себя таким вот видя гиблым, брошенным.
А разве же другой кто, а не я почет
440 Добыл всем этим божествам теперешним?
Молчу, молчу! Вам незачем рассказывать.
Все знаете. Скажу о маете людей.
Они как дети были несмышленные.
Я мысль вложил в них и сознания острый дар.
Об этом вспомнил людям не в покор, не в стыд,
Но чтоб подарков силу оценить моих.
Смотрели раньше люди и не видели
И слышали, не слыша. Словно тени снов
Туманных, смутных, долгую и темную
450 Влачили жизнь. Из кирпичей не строили
Домов, согретых солнцем. И бревенчатых
Не знали срубов. Врывшись в землю, в плесени
Пещер без солнца, муравьи кишасящие —
Ютились. Ни примет зимы остуженной
Не знали, ни весны, цветами пахнушей,
Ни лета плодоносного. И без толку
Трудились. Звезд восходы показал я им
И скрытые закаты. Изобрел для них
Науку чисел, из наук важнейшую.
460 Сложенью букв я научил их: вот она,
Всепамять, нянька разуменья, мать муз!
Я первый твари буйные в ярмо запряг,
Поработив сохе и выюкам. Тяжести
Сложил я с плеч людских невыносимые.
Коней в телегу заложил, поводьями
Играющих, — забава кошельков тугих.
А кто другой измыслил льяннокрылые,
Бегущие по морю корабельщиков
Повозки? Столько хитростей и всяческих
470 Художеств я для смертных изобрел, а сам
Не знаю, как из петли болей вырваться.

Старшая Океанида

Отравлен мукой, зашатался разум твой.
Ты на врача плохого стал похож. Пришла
Болезнь, и унываешь, и найти себе
Никак не можешь снадобья целебного.

Прометей

Послушай дальше, удивишься, столько я
Искусств, сноровок и ремесел выдумал.
Вот главные: болезни жгли тела людей,
Они ж лекарств не знали, трав целительных,
480 И мазей, и настоек. Чахли, таяли
Без врачеванья. Я открыл им способы
Смешенья снадобий уврачевающих,
Чтоб злую ярость всех болезней отражать.
Установил науку прорицания,
Открыл природу сновидений, что считать
В них вещей правдой. Темных слов значение
Раскрыл я людям и примет дорожных смысл.
Пернатых, кривокогтых, хищных птиц полет
Я объяснил, кого считать счастливыми,
490 Кого — дурными. Птичьи все обычаи
Растолковал, чем кормятся, и любят как,
И как враждуют, как роятся стаями.
Я научил, какого вида черева
Должны быть жертв, чтоб божество порадовать,
Цвет селезенки, пятна пестрой печени.
Огузок толстый и лопатку жирную
Я сжег собственноручно и для смертных стал
Учителем в искусстве трудном. С огненных
Незрячих раньше знаков слепоту я снял.
500 Все это так! А руды, в недрах скрытые,
Железа, медь, и серебро, и золото!
Кто скажет, что не я, а он добыл руду
На пользу людям? Нет, никто не скажет так,
Или бесстыдной похвалбой похвалится.
А если кратким словом хочешь все обнять:
От Прометея у людей искусства все.

Старшая Океанида

Для смертных был ты свыше сил помощником.
Так выручи в несчастье самого себя.
А я надеюсь твердо, скинешь цепи бед
510 И с Зевсом снова силою сравнинешься.

Прометей

Не так судьба свершающая, страшная
Решила в сердце. Тысячами черных мук
И болью сломлен я от кандалов уйду.
Слабее ум, чем власть Необходимости.

Старшая Океанида

Кто ж у руля стоит Необходимости?

Прометей

Три Мойры, Эвмениды с долгой памятью.

Старшая Океанида

Так, значит, Зевс им уступает силою?

Прометей

Что суждено, не избежит и Зевс того.

Старшая Океанида

А Зевсу что же суждено? Навеки власть?

Прометей

520 Не спрашивай об этом, не пытай меня!

Старшая Океанида

В груди ты тайну затаил великую?

Прометей

Поговорите о другом. А этому
Ни срок, ни время не созрели. Тайну скрыть
Как можно глубже должно мне. Тогда спасусь
От истязаний и цепей позорящих.

СТАСИМ II

Хор

СТРОФА 1

Пусть никогда, никогда
В сердце мне Зевс
Злого не вложит упорства!
Ранним утром пусть не забуду
Богов покормить говяжьим мясом,
530 Жиром бычьим,
Встав над потоком гремучим отца Океана.

Пусть никогда не ропщу!
Пусть останусь в этих мыслях и сейчас, и вечно.

АНТИСТРОФА 1

Радостно долгую жизнь,
Мирно дни длить
В сладких и скромных надеждах,
Греться на солнце и сердце тешить весельем. Ужасно
540 Видеть тебя
В тяжких мученьях, висишь, прибит гвоздями,
Горд, своеволен, упрям,
Зевса не боясь, людей ты любишь слишком сильно.

СТРОФА 2

Где ж любовь за любовь, друг любимый, скажи,
Где сила смертных?
Где заступа, скажи! Неужто ты не видишь
Все бессилье людей, уродство, хилость,
Наяву сон? Цепью связан
По рукам, по ногам человеческий род.
Их жизнь — день!
550 Воле людей никогда
Не сломить государства Зевса!

АНТИСТРОФА 2

Прометей, Прометей, научили меня
Твои мученья!
Ах, другая совсем летала, помнишь, песня:
Шла с зарей невеста в баню,
Ты — жених — к постели брачной
В день венчальный жену молодую, —
Велик был выкуп —
Милую нашу сестру,
560 Гесиону повел Моревну.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Вбегает безумная И о. На лбу у нее — коровьи рога.

И о

Что за край, что за племя и кто тут стоит,
Под ударами ветров, в железных цепях,
Над обрывом крутым?

Он расплату несет за какую вину?
Расскажи мне, куда
Я зашла, по широкой скитаясь земле?
Ой-ой!
Опять, опять меня ужалил овод!
Землей рожденный Аргос, призрак, прочь, прочь!
Пастух ужасный, враг тысячеглазый!
Вот он скользит за мной взглядом косым и злым.
570 Ему, и труп, нет в земле покоя.
Девушку горькую
Он, из гроба прыгнув, вспугнул, гонит пес,
Гонит голодную вдоль по морским пескам!

СТРОФА 1

Дудка в ушах дудит! Воском скреплен тростник.
Песнь звенит. Мне бы уснуть, уснуть!
Ой-ой! Куда снова брести? Бежать куда?
В дальнюю даль куда?
Какой мой грех, Кроноса сын, какой мой грех?
Чтоб меня мучить так, чтобы так сердце рвать?
Бедная я, ой-ой!
580 Жжет овод, жжет. И грудь сумасшедший страх
Стегает! Я вся шатаюсь!
Лучше огнем сожги! Лучше в земле зарой! Лучше брось
Тварям морским на корм!
Над мольбой смеяться,
Господин, не смей!
Совсем скитанья скиталицу
Измаяли. Не знаю, где от ужаса
Мир и покой найду.
Услышь! Вся больна, плачет корова-девушка.

Прометей

Как не услышать оводом ужаленной
590 Инаха милой дочери? Красавица
Любовью сердце опалила Зевсово
И бродит, мучаясь, Герою затравлена.

И о

АНТИСТРОФА 1

Имя отца, скажи, ты от кого узнал,
Горькой мне, нищенке мне скажи!
И сам ты кто? Мученик сам, назвал меня,
Сжалься, по имени.
Мою назвал божью болезнь по имени.

Сушит боль! Плечью бьет! Грудь грызет! Гложет, ой!
Гоном гонит, ой-ой!
Голодная, прыжками шатучими,
600 Помчалась я шало. Геры
Злоба гнала меня. Геры калечил гнев. Кто, ай-ай,
Из окаянных кто
Так, как я, покинут?
Правду всю открой!
Скажи, что за напасть еще
Грозит, где свет и снадобье целебное?
Скажи, если знаешь!
Ответь, открой! Просит беглянка-девушка.

Прометей

О чем услышать хочешь, расскажу про все,
610 Не кутаясь в загадки, прямо, попросту,
Как говорить с друзьями полагается.
Я — Прометей, я людям подарил огонь.

И о

Защитник и заступник человеческий.
Друг несчастливый, Прометей! За что ты здесь?

Прометей

Едва я кончил боль свою оплакивать.

И о

Ты в милости и ласке не откажешь мне?

Прометей

В какой, поведай? Правду я открою всю.

И о

Кто над кремнистой крутизной распял тебя?

Прометей

Приказ дал Зевс, а кандалы Гефест сковал.

И о

620 А за грехи какие терпишь каторгу?

Прометей

Того тебе довольно, что рассказано.

И о

Еще одно: мои скитанья, боль моя,
Скажи, они когда-нибудь окончатся?

Прометей

Не знать об этом лучше для тебя, чем знать.

Ио

Того, что претерпеть мне суждено, не прячь!

Прометей

Подарка хочешь? Мне скупиться незачем.

Ио

Зачем же медлишь? Обо всем узнать не дашь?

Прометей

Сказать не жаль. Жаль душу напугать твою.

Ио

Друг, больше, чем сама я, не щади меня.

Прометей

630 Ты требуешь — открою все. Так выслушай!

Старшая Океанида

Нет, погоди. В угоду мне послушайся.

Сперва болезнь узнаем этой девушки.

Свою погибельную жизнь расскажет пусть!

А от тебя услышит о конце невзгод.

Прометей

Должна ты, Ио, выполнить желание их.

Они к тому же сестры твоего отца*.

А горевать и жизнь свою оплакивать

Бывает сладко, если тот, кто слушает,

Льет слезы сострадания, сожаления.

Ио

640 Не знаю, как могла бы отказать я вам.

О чем узнать хотите, все услышите

В словах понятных. Стыдно мне и горестно

Рассказывать о божьей буре, смявшей в пыль

Меня и растоптавшей красоту мою.

Давно, давно в мою девичью спаленку

Скользили сны ночные, сладким шепотом

Нашептывали: «Девушка счастливая!

Зачем хранишь девичество? Ведь ты б могла

Найти любовь високою. Ужален Зевс

* Инах, отец Ио, как всякий речной бог является сыном Океана.

- 650 Стрелой желанья. Хочет он тебя обнять.
Не отвергай постели Зевса, девушка!
Нет, на Лернейский приходи поемный луг*,
Где хлевы и поскотина отцовские.
Пускай любовью Зевса глаз насытится!»
Такими снами я томилась, бедная,
Все ночи. И решила рассказать отцу
О соблазнительных ночных видениях.
И много богомолий разослал отец
И в Дельфы, и в Додону. Все узнать хотел,
660 Как словом или делом ублажить богов.
Но приходили прорицанья смутные,
Невнятные, загадочные, темные.
И наконец вещанье получил Инах
Отчетливое: жестко было велено,
Чтоб из дому от мест родных меня прогнал,
Чтоб я скиталась, божья тварь, из края в край,
Одна. А нет, ударит синей молнией
В нас Зевс и с корнем род Инаха вытопчет.
Отец поверил прорицаньям Локсия**,
670 Прогнал меня. За мною запер дом родной.
Я плакала, и плакал он. Принудила
Узда чудовищная Зевса выгнать дочь.
И сразу ясный ум мой, красота моя
Порушились. На лбу рога — вы видите!
Погнался овод жалящий, и шалыми
Прыжками к водопою побежала я
Керхнеи и к Лернейскому ручью. Пастух,
Землей рожденный Аргос, ярый, бешеный,
Погнал меня, следя неисчислимыми
680 Глазами. Жребий, скорый и негаданный,
Жизнь яростную отнял. Но скитаюсь я
Из края в край. Жжет овод. Гонит божья плоть.
Ты все услышал. Если знаешь бед моих
Конец, скажи! Но только не щади меня!
Слов лестью не подслащивай! Всего больней,
По-моему, искреннюю слушать речь.

Х о р

Ай-ай! Постой, помолчи!
Думала ль, думала ль я, что так
Пронзит уши мне
Странная речь твоя?

* Лерна — болотистое озеро в Арголиде, окруженное цветущими лугами.

** Аполлона.

- 690 Не думала, что жалостная, яростная
Горечь и немочь и бледность твоя
Сердце выстудят студено.
Ой, Судьба! Ой, Судьба!
Дрожу, видя горе бедной Ио.

Прометей

Ты рано испугалась! Слезы рано льешь.
Сдержись, пока о бедах не узнаешь всех!

Старшая Океанида

Скажи, открой! Больным бывает радостно
О болях предстоящих знать заранее.

Прометей

- 700 Исполнил я желанье ваше первое.
Хотели вы сначала, чтобы девушка
Сама печальный путь свой рассказала вам.
Теперь узнайте и про то, что в будущем
Ей предстоит по гневу Геры вытерпеть.
А ты, дитя Инаха, глубоко в груди
Спрячь речь мою, чтоб знать своих дорог конец.
Отсюда ты к восходу солнца путаный
Направишь шаг по целине испаханной
И к скифам кочевым придешь. Живут они
710 Под вольным солнцем на телегах, в коробах
Плетеных. За плечами — метко бьющий лук.
Не подходи к ним близко! Беглый путь держи
Крутым кремнистым взморьем, глухо стонущим.
Живут по руку левую от этих мест
Железа ковачи халибы*. Бойся их!
Они свирепы и к гостям неласковы.
К реке придешь ты Громотухе. Имя ей
Дано по праву. Брода не ищи в реке!
Нет брода! До истоков подымись! Кавказ
720 Увидишь, гору страшную. С ее рогов
Поток подснежный хлещет. Перейди хребты,
Соседящие звездам, и к полудню шаг
Направь! Там амазонок войско встретится,
Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
Они у Фермодонта будут. Отмель там
Опаснейшая, Челюсть Сальмидесская,
Страх кораблей, пловцов дрожащих мачеха.

* Мифическое племя.

- Тебе дорогу там укажут дружески.
Придешь ты после к Истму Киммерийскому,
730 К воротам тесным моря. Там, отжавшись,
Должна ты Меотиды переплыть пролив.
И память в людях славная останется
Об этой переправе. Будет имя ей —
«Коровий брод» — Босфор. Европы кинешь ты
Равнины, на Азийский материк придешь.
Но разве ж не безжалостен тиран богов
К живущей твари? С этой смертной девушкой
Спать пожелал он и погнал в скитания.
Жених тебе достался горький, девушка,
740 Дурная свадьба! Все слова, что слышала,
Твоих страданий только предисловие.

И о

Ой, тошно мне, ой!

Прометей

Ты застонала, бедная, и вскрикнула?
Что сделаешь, узнавши правду всю, до дна?

Старшая Океанида

Ей предвещаешь новые страдания!

Прометей

Печали черной море непогожее.

И о

- Мне жить какая прибыль? Почему б скорей
Вниз головою с крутизны не кинуться?
Удариться о землю и покой найти
750 От бед? Однажды умереть не лучше ли?
Чем день за днем изнемогать в мучениях?

Прометей

Была б невыносима боль моя тебе.
Ведь мне и умереть-то не дано судьбой.
А смерть — покой, от зол освобождение.
Конца и срока нет моим мученьям,
Пока не рухнет Зевса всемогущество.

И о

А разве рухнет Зевса власть когда-нибудь?

Прометей

Тогда б возликовала ты, наверное?

И о

Ну да! Ну да! От Зевса стыд и боль мои.

Прометей

760 Тогда узнай и радуйся! Погибнет Зевс!

И о

Кто ж у него отнимет скиптр владычества?

Прометей

Сам у себя, замыслив безрассудное.

И о

Но как, скажи мне, если без вреда ответ?

Прометей

Он вступит в брак и тяжело раскается.

И о

С богиней? Иль со смертной? Иль сказать запрет?

Прометей

Опять вопросы? Говорить запретно мне.

И о

И что ж: жена отнимет у него престол?

Прометей

Да, сына в мир родит она, отца сильней.

И о

И отворать не может Зевс судьбу свою?

Прометей

770 Нет, если я не скину цепь кандальную.

И о

Кто ж против воли Зевса раскует тебя?

Прометей

Спаситель мой из рода твоего придет*.

И о

Что ты сказал? Мой сын тебя от зла спасет?

* Геракл, правнук Персея.

Прометей

В колене третьем, после десяти колен.

И о

Темно и непонятно предсказание.

Прометей

И о своих мученьях не пытайся знать.

И о

Что обещал мне, не бери назад того!

Прометей

Тебе я тайну подарю из двух одну.

И о

Какую тайну, назови и выбрать дай!

Прометей

780 Так выбирай же! О твоих ли бедствиях
Рассказывать, о том ли, кто меня спасет?

Старшая Океанида

И ей, прошу, услугу окажи, и мне!
Не обессудь на просьбе! Ей узнать позволю,
Куда пути скитанья приведут, а мне
Скажи, твоим кто станет избавителем?

Прометей

Вы просите, отказом не отвечу вам.
Как требуете, так и будет сделано.
Тебе открою, Ио, путь скитальческий,
Впиши его в дощечки горькой памяти,
790 Пройдя поток, материк разрезавший,
На солнечный, палящий поверни восток!
Прибой минуй бурлящий моря! Знойные
Поля Кисфены встретишь ты Горгонины,
И трех Форкид, седоволосых девушек,
На лебедей похожих. Глаз один у них
И зуб один. К ним луч не проникал еще
Дневного солнца и ночного месяца.
А по соседству три сестры крылатые.
Живут, Горгоны, в косах — змеи, в сердце — яд.
800 Кто им в глаза заглянет, в том остынет жизнь!
Рассказываю, чтобы остеречь тебя.
Печального послушай путь скитания!
Острокогтистых бойся грифов, Зевсовых

Собак безмолвных! Войска одноглазого
Остерегайся Аримаспов-конников*,
У золототекучего кочующих
Плутонова потока**! На краю земли
Найдешь народец черный, обитающий
У солнечных ключей, где Эфиоп-река.
810 Напрась шаги по берегу! С Библосских гор
Там Нил обрушивает водопадами
Волну плодоносящую и сладкую.
Укажет путь он в землю треугольную,
К Усть-Нилью. Там дано далекий выселок
Тебе и детям, Ио, заложить твоим.
Когда темна, косноязычна речь моя,
Переспроси, все выпитай старательно.
Досуга больше у меня, чем сам хочу.

Старшая Океанида

Не кончил если или пропустил ты что
820 Из повести о горестных путях ее,
Досказывай! А нет, тогда в угоду нам,
О чем просили, объясни, припомни все.

Прометей

Она узнала о конце скитальчества.
А в знак того, что слушала не зря меня,
Прибавлю, что ей прежде испытать пришлось,
И дам ей правды слов моих свидетельство.
Рассказа долю пропущу я большую.
К ее приближусь странствию недавнему.
Ты в котловину забрела Молосскую,
830 На крутояре там Додона высится
И дом Феспрота-Зевса прорицальческий.
Там говорящие дубы чудесные
Тебя открыто, без загадок славили, —
Избранницу блистательную Зевсову,
Царя богов супругу. Сладко? Льстит тебе?
Ужаленная накатившим бешенством,
Дорогою приморской побежала ты
К широкому заливу Реи. Яростный
Шаг снова повернула. Назовется, знай,
840 Губа морская эта Ионийскою
На память людям о твоих блужданиях.

* Сказочный народ, воевавший с грифами за золото. Стреляя, они за-
жмуривали один глаз, отсюда — «одноглазые».

** Золотой поток Плутон (богатство).

- Вот знак тебе, что дан мне дар предвиденья,
Что видит ум мой дальше, чем открыто всем.
Теперь рассказ закончу для нее, для вас,
На след вернувшись давешних речей моих.
Есть город на краю земли египетской
Каноб, в наносах Нила, в устьях илистых.
Там ясный разум снова Зевс вернет тебе
И, ласковой рукой коснувшись, сына даст.
Эпаф, дитя прикосновенья, — зваться так
- 850 Он будет, в память Зевсова зачатия.
Родится черным и населит Нильскую
Поемную долину. Пять колен пройдет,
И пятьдесят сестер вернутся в Аргос*. Страх
Погонит их пред кровным браком с братьями
Двоюродными. Страстью одержимые,
Погонятся за горлицами коршуны,
Охотясь за добычей недобычливой.
Но бог их не насытит телом девушек.
- 860 Земля Пеласга примет трупы женами
Зарезанных, убитых в ночь бессонную.
Разрежет горло мужу своему жена,
Нож с лезвием двуострым окунув в крови.
Пусть так отмстит Киприда и моим врагам.
Одну лишь завлечет желанье девушку.
И не поднять ножа ей на того, с кем спит.
В ней притупилось сердце. Ей безвольною
Прослыть трусихой легче, чем убийцей стать.
Царей аргосских поросль от нее пойдет.
- 870 Слов надо много, чтоб рассказать про все.
Из этого посева сильный, яростный
Родится правнук, лучник знаменитейший.
Меня спасет он. Эту мудрость древняя
Фемида, мать титанов, предсказала мне.
А как все будет, надо много слов на то,
Тебе же, если б и узнала, пользы нет.

И о

Элелей-элелей!

Накатило опять! Сводит судорог дрожь.
Ум туманит неистовство. Овод впился!

- 880 Жало жжет без огня!
В сердце бешеный ужас стучит и стучит.
Помутнело в глазах, закружилось кругом.
Одержимости темной чудовищный вихрь

* Данаиды.

Сбил с дороги. Бессвязно лепечет язык.
Спотыкаются, вязнут слова. Тонет все
В приливающей накипи бреда.

(Ио убегает в безумии.)

СТАСИМ III

Хор

СТРОФА 1

Мудрым, да, мудрым был тот,
Кто задумал первый в глубокой груди,
Кто первый дал заповедь людям:
890 Каждый пусть жену себе вровень берет! И будет
счастлив.

Нет, не женись на роскоши и богатстве,
Не женись на знатности и породе,
Нищий, кто живет трудами рук своих!

АНТИСТРОФА 1

Пусть никогда, никогда
Не бывать мне, Мойры-владычицы, Зевса страстной
ночною подругой!
Не хочу, чтоб лег со мною в постель пришелец
с неба.
Вся я дрожу, на калеку глядя Ио,
На дитя, убежавшее от ласки:
900 Горьким Гера странствием казнит ее.

ЭПОД

Не страшно повенчаться — ровня с ровней мне.
Только бы любовь богов
Не глянула неумолимым глазом.
Непобедная победа, безысходный плен!
Как прожить и как дышать мне,
Как уйти мне от твоей,
Зевс, сладострастной воли?

ЭКСОД

Прометей

Пушай сейчас надменен Зевс и счастьем горд, —
Смирится скоро! Справить свадьбу хочет он

- Погибельную. Вырвет власть из рук и в пыль
910 С престола сбросит свадьба. Так исполнится
Заклятье Крона. Рухнув с первозданного
Престола, сына проклял он навек и век.
Как гибели избежать, из богов никто
Сказать не сможет Зевсу. Только я один.
Я знаю, где спасенье. Так пускай царит,
Гордясь громами горними! Пускай царит,
В руке стрелою потрясая огненной!
Нет, не помогут молнии. В прах рухнет он
Крушением постыдным и чудовищным.
920 Соперника на горе сам себе родит,
Бойца непобедимейшего, чудного!
Огонь найдет он гибельней, чем молния,
И грохот оглушительнее грома гроз.
Моря взнуздавший, землю потрясающий,
Трезубец Посейдона в щепы раздробит.
И содрогнется в страхе Зевс. И будет знать,
Что стать рабом не то, что быть властителем.

Старшая Океанида

Чего желаешь, Зевсу что пророчишь ты?

Прометей

То говорю, что будет и чего хочу.

Старшая Океанида

- 930 Как верить? Иль осилит Зевса новый царь?

Прометей

И в пытках он застонет тяжелей, чем я.

Старшая Океанида

Кидать такие речи не страшишься ты?

Прометей

Чего бояться? Мне суждена ведь смерть.

Старшая Океанида

Пред неизбежным мудрые склоняются.

Прометей

- Молись, смирайся, лести тому, кто властвует.
Меня же меньше, чем ничто, заботит Зевс.
Пусть действует, пусть правит кратковременно,
940 Как хочет. Будет он недолго царь богов.
Но вот я вижу скорохода Зевсова,

Послушного слугу тирана нового.
Приходит, верно, с новостями важными.

(Входит Гермес.)

Гермес

С тобой, хитрец, насмешник сверхнасмешливый,
С тобой, богов предавший, осчастлививший
Людишек, говорю я. Вор огня, с тобой!
Отец велит все, что болтал о свадьбе здесь,
Владычеству его грозящей, -- рассказать,
Без недомолвок, без загадок, начисто!
950 Все говори, что знаешь, Прометей! И путь
Не вынуждай вторичный совершить меня!
Не размягчишь упрямством сердце Зевсово!

Прометей

Хвастливы как, чванливы и напыщенны
Вот эти речи прихлебателя богов.
Царить вам внове, выскочкам, и верите,
Что век вам в доме золотом блаженствовать.
Я пережил, как два тирана пали в пыль*,
Увижу, как и третий, ныне правящий,
Падет, паденьем скорым и постыднейшим.
960 Ты думаешь, перед богами новыми
Страшусь, гну шею? Тут всего и многого
Недостает. Меси же пыль дороги внове,
Своею речью ты меня не убедил.

Гермес

Строптивостью такой и своеволием
Корабль свой ты загнал уже на камни бед.

Прометей

Мои страдания, слышишь, не сменяю я
На пресмыкательство твое. Не будет так!

Гермес

Что ж, пресмыкаться в кандалах на ребрах скал
Почетней, чем быть Зевса верным вестником?

Прометей

970 Обидой надо отомщать обидчикам.

Гермес

Мученьями своими упиваешься?

* Уран и Кронос.

Прометей

О, упиваюсь! И хочу врагам моим
Такого опьянения! И тебе, Гермес!

Гермес

В своей судьбе несчастной и меня винишь?

Прометей

Скажу открыто: ненавижу всех богов.
Мне за добро они воздали пытками.

Гермес

Бред! Ты болезнью поражен жестокою.

Прометей

Я болен, если ненависть к врагу — болезнь.

Гермес

Была б тебе удача, стал бы страшен ты!

Прометей

980 Ой-ой!

Гермес

Такому слову не обучен Зевс.

Прометей

Его всему, дряхлея, время выучит!

Гермес

Как видно, ты еще не нажил разума?

Прометей

Да! Говорю с тобой, богов прислужником.

Гермес

Отцу ответить, видно, не желаешь ты?

Прометей

А надо бы! За ласку отплатить ему!

Гермес

Глумишься надо мною, как над мальчиком?

Прометей

Да ты-то разве не глупее мальчика?
Ты правда веришь, что тебе я дам ответ?

990 Нет казни, знай, нет хитрости, чтоб Зевс меня

Принудил тайну роковую выболтать,
Пока цепями скован я постыдными.
Так пусть пылающую мечет молнию,
Гремит подземным громом, кружит неба свод
Метелью белокрылою, пусть рушит все, —
Меня согнуть не сможет! Не скажу ему,
Чьи руки вырвут у него владычество!

Гермес

Гляди, тебя спасет ли непокорливость!

Прометей

Все взвесил я, предвидел все и все решил!

Гермес

Решишь, глупец, решишь стать рассудительным.
1000 Пусть пыток боль тебя научит разуму!

Прометей

Напрасно нудишь: бьет о берег вал глухой.
Пусть в мысли не взбредет тебе, что стану я
Из страха перед Зевсом робкой бабой
И плакать буду перед ненавистным мне,
И руки, словно женщина, заламывать, —
Пусть только цепи снимет! Не бывать тому!

Гермес

Я говорил довольно. Трачу зря слова.
Такого сердца не растрогать просьбами.
Ты, как жеребчик необъезженный, узду
1010 Кусая, вздыбился, вожжам противишься.
Бессильны ухищренья, даром мечешься!
Глупца и неразумца своеволие
Бессильнее, ничтожнее ничтожества.
Когда приказа моего не слушаешь,
Гляди, метель какая, треволнения
Каких мучений рухнут на тебя! Скалу
Кремнистую вот эту раздробит отец
Ударом грома и летучей молнией.
Твое схоронят тело руки черных скал.
1020 И много долгих, долгих, долгих лет пройдет,
Пока на свет ты выйдешь. Станет Зевсова
Крылатая собака, весь в крови, орел
Лоскут огромный тела твоего клевать,
Незванный постоялец, каждодневный гость.
И печень рвать, обглоданную, черную!

- И этим страшным пыткам ты не жди конца;
 Пусть прежде добровольно бог какой-нибудь
 Твоим заступит сменщиком и в тусклый ад
 Сойдет и в пропасть сумрачную Тартара*.
- 1030 А потому размысли! Не пустое здесь
 Бахвальство, — твердый и суровый приговор.
 Лгать не умеют Зевсовы бессмертные
 Уста. Зевс держит слово. Так обдумай все!
 Взвесь! Оглядись! Строптивость своевольную
 Не предпочти разумной осторожности.

Старшая Океанида

По-нашему, разумна, своевременна
 Гермеса речь. Строптивость он велит тебе
 Оставить, осторожности тропой ступать.
 Упорствовать в ошибке — стыд для мудрого.

Прометей

- 1040 Все, что мне возвестил он, заранее все
 И предвидел, и знал я. Врагу от врагов
 Казнь и муку терпеть — в том постыдного нет.
 Ну так пусть двулезвейные кудри огня
 В грудь мне ринутся, в клочья пускай разорвут
 Воздух — громы и дурь сумасшедших ветров.
 Пусть тяжелую землю до самого дна,
 До кремнистых корней потрясет ураган.
 Пусть в кипении и в бешенстве хляби морей
 Вперемешку сплетутся с дорогами звезд.
- 1050 Пусть швырнут мое тело в бездонный провал
 Чернокрылого тусклого Тартара, пусть
 Заклубит меня круговерть медной судьбы, —
 Умертвить меня все же не смогут!

Гермес

- Вот послушайте бред, бесноватого речь.
 Сумасшедшие мысли! Что надо еще,
 Чтоб назвать одержимым, безумцем, глупцом
 Болтуна и бахвала. Узду он порвал!
 Вы же — много в вас жалости к болям его —
 Уходите от этих погибельных мест,
- 1060 Убегайте скорее! Не то потрясет,
 Оглушит столбняком львиных грузных громов
 Сокрушительное грохотанье!

* Преемником мук Прометея стал кентавр Хирон.

Старшая Океанида

Говори мне другое. Советы давай
Мне иные. Послушаюсь. Слово сказал
Ты сейчас нестерпимое. Нет, никогда
Не подвигнешь на подлую низость меня.
Вместе с другом судьбу дотерплю до конца.
Ненавидеть училась предателей я.

Язвы нет на земле

1070 Для меня вероломства постыдней.

Гермес

Ну так помните! Вовремя я остерег.
Когда ринется более облава на вас,
Не браните судьбу и не смейте роптать,
Будто Зевс неожиданно в пропасти зла
Опрокинул вас. Губите сами себя!
Все вы знаете. Вас не ловили в силоч,
Не застигли врасплох, вам сетей не плели.
Нет же! Сами в чудовищный невод беды
Вы запутались по неразумью.

(Гермес удаляется.)

Прометей

1080 Вот на деле уже, не в хвастливых словах
Задрожала земля,
Загудели грома грохотаньем глухим.
Ослепительных огненных молний, змеясь,
Извиваются искры. Столбами ветра
Крутят пыль придорожную. Вихри ревут
И сшибаются в скрежете, в свисте. Встает
Вихрь на вихрь! Друг на друга восстали ветра!
Хлябь морская и небо смешались в одно!
Эту бурю, ее опрокинул, ярьась,
1090 Зевс на грудь мне, чтоб ужасом сердце разбить.
О святая, могучая мать моя,
О Эфир, над землей разливающий свет!
Поглядите, страдаю безвинно!
Гром. Молнии. Прометей проваливается под землю.

Софокл

(497—406 гг. до н. э.)

Софокла считают классическим представителем жанра трагедии. Дело даже не столько в нововведениях, сообщивших действию большую сценичность (например, введение третьего актера), сколько в той органичности, которую у него приобретает трагический конфликт. Антагонисты у Софокла в большинстве случаев слабы; вина героя ясна, но справедливость постигшего его сокрушительного возмездия неочевидна, а следовательно, наша жалость к нему всегда психологически мотивирована. В трагедиях Софокла, современника Фидия, друга Перикла и Геродота, воплотилось мировоззрение счастливейшего века европейской культуры — эпохи высшего расцвета Афин после победы над персами.

Софокл родился в Колоне (предмесье Афин) и умер в Афинах. Уже подростком он одерживал победы как в мусических, так и в атлетических агонах. В отличие от Эсхила, Софокл не был консерватором, вполне сочувствуя всем реформам Перикла. Он занимал высокие государственные должности, дважды был выбран стратегом и руководил военными кампаниями против отпавших от Афин островных государств. Он исполнял и жреческие обязанности и прославился, в частности, тем, что основал в Афинах святилища Асклепия и Геракла. Софокла, человека веселого и приветливого, очень любили в Афинах. Его легкий характер и жизнелюбие являли контраст угрюмому неконформизму Эсхила. Софокл не уехал из Афин даже в последние черные годы Пелопоннесской войны, несмотря на то что многие правители приглашали его к себе.

По свидетельству словаря Суды, Софокл написал 123 пьесы. В 468 г. до н. э. он впервые победил в состязании трагических поэтов на Великих Дионисиях, оставив позади Эсхила. Помимо уже упомянутого введения третьего актера — новшества, которое сразу перенял Эсхил, — Софокл также увеличил число хоревогов с 12 до 15 и усовершенствовал сцену (ввел разрисованные декорации). Всего он одержал 24 победы — больше, чем любой другой трагик, несколько раз занимал второе место и ни разу не проиграл. Его драматургию считали непревзойденной и в окружении Сократа, о чем есть прямое свидетельство у Ксенофонта. С IV в. до н. э. Софокл становится школьным автором. Римские поэты подражают ему поч-

ти так же часто, как Еврипиду, а в литературе Нового времени сюжеты Софокла привлекаются едва ли не чаще других афинских драматургов, притом что традиция сохранила лишь 7 трагедий и примерно половину одной сатировой драмы («Следопыты»).

Софокл отказался от тематически или сюжетно связанных тетралогий в духе Эсхила. Самой ранней из известных нам трагедий считаются «Трахинянки» — на сюжет мифа о смерти Геракла, которого по неведению отравила собственная жена. Уже здесь проступают основные мотивы, проходящие сквозь все пьесы Софокла: 1) вина героя относительна и 2) выяснение правды приводит к катастрофе. В трагедии «Аякс» к этому добавляется мотив ответственности божества за позорное деяние человека: Аякс гневлив и несдержан, но до прямого безумия, сломившего жизнь героя, его доводит Афина. Мастерство Софокла в этой ранней пьесе проявляется вполне: Аякс совершает самоубийство примерно в середине трагедии, но напряжение не ослабевает, так как неизвестно, будет ли он похоронен.

Зрелое творчество Софокла начинается для нас с трагедии «Антигона» (442 г. до н. э.). Оба антагониста — Креонт и Антигона — отстаивают обоснованные моралью и традицией позиции, но оба становятся заложниками своей принципиальности. Указ Креонта, запрещающий хоронить побежденных врагов, напавших на Фивы против божественной воли, отвечает настроению жителей города. Но среди погибших — брат Антигоны, и она решает нарушить человеческий закон, подчиняясь, как говорит сама героиня, закону божественному. Любимую тему Софокла — непропорциональное наказание за роковую ошибку — реализует в пьесе не Антигона, а Креонт. Он безучастен к доводам своего сына и, убежденный в своей правоте, допускает даже тиранические заявления («город мне не указ»), что не могло не вызывать неудовольствия афинской публики. Вняв уговорам Тиресия, Креонт меняет свое мнение и идет хоронить Полиника. Но уже поздно: Антигона, замурованная в пещере, повесилась, сын, а вслед за ним и супруга Креонта покончили с собой. Благородная Антигона постоянно впадает в крайности. Но санкционированная божеством правда Антигоны, как правда самого рока, и не должна допускать компромиссов. Ее поведение — сюжетный стержень трагедии. Героиня как бы воплощает зловеющий рок фиванского царя, ошибка которого в том, что он не понимает бессмысленность всех разговоров с этой женщиной. Ее гибель и становится поэтому трагедией Креонта.

«Царь Эдип» поставлен между 429 и 425 г. до н. э. Как ни удивительно, Софокл занял второе место, уступив некому Филоклу. Пьеса, ставшая благодаря неоднократным ссылкам на нее в аристотелевской «Поэтике» каноническим образцом трагедии, более прямолинейна, чем «Антигона». В «Эдипе» нет персонажа, являющего собой рок; последний вынесен за рамки сюжета. Соблюдено знаменитое в будущем «правило трех единств» (времени, места и действия): за один день Эдипу предстоит превратиться из мудрого и почитаемого царя могущественных Фив в презренного изгнанника, отцеубийцу, слепца. Эдип — образец трагического героя: не будучи безнравственным

человеком, он совершает аморальные поступки по неведению; в противном случае наказание героя не вызывало бы у зрителя никаких чувств, кроме удовлетворения. Но вместе с тем Эдип подозревает в заговоре Креонта, оскорбляет ни в чем не повинного Тиресия. Если бы герой был образцом порядочности, зрителю, который знал, чем кончится дело, было бы жаль его с самого начала, и трагедия опять-таки не достигла бы своей задачи — вызвать ужас и сожаление в момент перелома, то есть когда Эдип сам догадается о своей беде. До этого момента напряжение нагнетается всякого рода ложными ходами. Зритель крайне заинтригован, Софокл заставляет его забыть о неизбежной развязке. Этот интерес обуславливает эстетическое наслаждение, которым уравновешено болезненное переживание финала.

«Электра» (ок. 420 г. до н. э.), «Филоклет» (409 г. до н. э.) и «Эдип в Колоне» (возможно, последняя пьеса Софокла) дают картину эволюции указанных мотивов драматургии Софокла. Вина героя становится все менее очевидной. В «Электре» задуманное дочерью и осуществленное сыном убийство матери подано как необходимость; рефлексия почти совершенно отсутствует (тогда как у Эсхила это было главным — недаром голоса ареснага в финале «Эвменид» разделились поровну). Обретение истины уже не становится катастрофическим для центральных фигур. В «Филоклете» юный Неоптолем под влиянием сочувствия раскрывает правду страдальцу Филоклету, но у пьесы счастливый конец: появление Геракла разрешает конфликт и дает желаемое всем героям, включая обманщика Одиссея. Центральный образ «Эдипа в Колоне» безоговорочно положителен. Эта пьеса представляет собой панегирик Афинам.

М. М. Позднеев

АНТИГОНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антигона } дочери Эдипа.
Исмена }

Креонт, фиванский царь.

Евридика, его жена.

Гемон, их сын.

Тиресий, слепой старик прорицатель.

Страж.

Вестник.

Домочадец Креонта.

Хор фиванских старцев.

Без слов: слуги Креонта, прислужницы Евридики.

Действие происходит перед царским дворцом в Фивах.

ПРОЛОГ

Антигона

(вызывая из дворца Исмену)

Сестра родная, общей крови отпрыск,
Исмена, слушай. Тяжелы проклятья
Над семенем Эдипа — и при нас
Им, видно, всем свершиться суждено.
Казалось бы, и горя, и бесчестья,
И скверны, и греха всю чашу мы
До дна с тобой испили? Нет, не всю!
Ты знаешь ли, какой приказ недавно
Всем объявил Креонт-военачальник?..
10 Не знаешь, вижу, — а беда грозит
Ужасная тому, кто мил обеим.

Исмена

О милых я не слышала вестей —
Ни горького, ни радостного слова —
С тех пор, как наши братья друг от друга
Смерть приняли в один и тот же день.
Но вот настала ночь, и рать аргивян
На родину бежала; я не знаю,
Сулит ли скорбь иль радость этот день.

Антигона

Я так и думала — и из дворца
20 Тебя велела вызвать, чтоб о деле
Поговорить с тобой наедине.

Исмена

Ты вся дрожишь... о, что случилось, молви!

Антигона

Вот что случилось. Одного лишь брата
Почтил Креонт, и даже свыше меры;
Другой последней милости лишен.
Могиле отдал прах он Этеокла
По правде праведной и по закону,
И он велик среди теней в аду.
А Полиника труп несчастный в поле
30 Поруганный лежит; никто не волен
Его ни перстью, ни слезой почтить;
Без похорон, без дани плача должно
Его оставить, чтобы алчным птицам
Роскошной снедью стала плоть его.
Так приказал достойный наш Креонт

Всему народу, и тебе, и мне...
О да, и мне! А кто еще не знает,
Тому он здесь объявит свой приказ.
И не пустым считает он его:
Плащ каменный расправы всенародной
Ослушнику грозит. Вот весть моя.
Теперь решай: быть благородной хочешь
Иль благородных дочерью дурной?

И с м е н а

Несчастная, возможно ль? Крепок узел;
40 Мне ни стянуть, ни развязать его.

А н т и г о н а

Согласна труд и кару разделить?

И с м е н а

Какую кару? В чем твое решение?

А н т и г о н а

Своей рукою мертвого зарыть.

И с м е н а

Как — хоронить запрету вопреки?

А н т и г о н а

Да — ибо это брат и мой, и твой.
Не уличат меня в измене долгу.

И с м е н а

О дерзкая! Наперекор Креонту?

А н т и г о н а

Меня моих он прав лишить не может.

И с м е н а

Сестра, сестра! Припомни, как отец наш
50 Погиб без славы, без любви народной;
Как, сам себя в злодействе уличив,
Он двух очей рукою самосудной
Себя лишил. Припомни, как страдальца
Мать и жена — два слова, плоть одна! —
В петле висячей жизнь свою сгубила.
Еще припомни: оба наших брата,
Самоубийственной дыша отвагой,
Одной и той же смертью легли.
Лишь мы теперь остались. Всех позорней

- Погибнем мы, когда, поправ закон,
60 Нарушим власть и волю мы царя.
Опомнись! В женской родились мы доле;
Не нам с мужами враждовать, сестра.
Им власть дана, мы — в подданстве; хотя бы
И горшим словом оскорбил нас вождь —
Смириться надо. Помолюсь подземным,
Чтоб мне простили поправленный завет,
Но власть имущим покорюсь: бороться
Превыше силы — безрассудный подвиг.

Антигона

- Уж не прошу я ни о чем тебя,
И если б ты мне помощь предложила,
70 Я б неохотно приняла ее.
Храни же ум свой для себя, а брата
Я схороню. Прекрасна в деле этом
И смерть. В гробу лежать я буду, брату
Любимому любимая сестра,
Пав жертвою святого преступления.
Дороже мне подземным угодить,
Чем здешним: не под властью ли подземных
Всю вечность мне придется провести?
Ты иначе решила — попирай же
В бесчестье то, что бог нам чтить велел.

Исмена

Я не бесчещу заповеди божьей,
Но гражданам перечить не могу.

Антигона

- 80 При том и оставайся. Я же брата
Любимого могилою почту.

Исмена

Несчастная! Мне страшно за тебя.

Антигона

Меня оставь — живи своею правдой.

Исмена

Храни же в тайне замысел опасный,
Не посвящай чужих! И я смолчу.

Антигона

Всем говори! Услугою молчанья
Ты лишь усилишь ненависть мою.

Исмена

Твой пламень сердца душу леденит!

Антигона

Но тем, кому служу я, он угоден.

Исмена

90 Несбыточны твои желанья, верь мне!

Антигона

Коль так — мой пыл остынет сам собой.

Исмена

И приступать к несбыточному праздно.

Антигона

Так продолжай — и ненавистна будешь
Усопшему навеки, как и мне.
Нет, пусть я буду вовсе безрассудна,
Пусть претерплю обещанный удар —
Но я не отрекусь от славной смерти.

Исмена

Прощай, сестра! Мечта твоя безумна,
Но для родных ты истинно родня.

(Расходятся.)

ПАРОД

Со стороны города появляется Хор фиванских старцев.

СТРОФА 1

Хор

100 Здравствуй, Солнца желанный луч!
Краше всех просиявших зорь
Над Диркейским святым руслом
Ты сверкнул, золотого дня
Ясный взор, после долгой мглы
Свет неся семивратным Фивам!
Ты же, жгучей шпорой вонзаясь,
Вражью рать о белых щитах,
Что к нам Аргос в бой снарядил,
В бегство двинул быстрее.

Корифей

- 110 Поднялась она гордо на нашу страну,
Под грозой Полиниковых гневных речей.
Как блистали доспехи, как веял султан!
Так парит над землею могучий орел:
Белоснежные крылья колышут его,
И угрозой с небес
Его яростный крик раздается.

АНТИСТРОФА 1

Хор

- Над чертогом повис орел;
Лесом гибельных копий он
120 Обложил семивратный вал.
Но вкусить не пришлось ему
Нашей крови, и смольный огонь
Не коснулся венца твердыни.
Вспять направил гордый он лет,
За спиной услышав своей
Гром оружий: хищник узнал
Силу бранную змея.

Корифей

- Ненавидит надменных речей похвальбу
Правосудный Зевес. Он заметил поток
Необорный мужей и бряцающих лат
130 Золоченую спесь — и у грани самой
Огневицей перуна врагов ниспроверг,
Уж разверзших уста
Для ликующей песни победы.

СТРОФА 2

Хор

- В гулком паденье поверженный огненосец*
Землю ударил. Дышал он безумной злобой:
Словно смерч-лиходей,
Мнил смести он державный град.
Такой ему жребий пал;
Смертью иной прочих сразил
Бурный Арес, наш покровитель
140 Благоусердный.

* Капаней.

Корифей

И седмица вождей у ворот семерых,
 Что доверилась удали в равном бою,
 Свои латы оставила Зевсу побед.
 Лишь они, нечестивцы, что, крови одной
 По отцу и по матери, копья свои
 Друг на друга направили, — смерти одной
 Испытали совместную горечь.

АНТИСТРОФА 2

Хор

Нам же дарует всеславный венец Победа,
 Светлая гостья царицы ристаний Фивы,
 150 Чтоб забвения мглой
 Войн годину покрыли мы.
 Пусть пляски вихрь в тьме ночной
 Радости мзду в храмы несет;
 Ты ж, Дионис, будешь нам в Фивах
 Царь хороводов!

Корифей

Но я вижу владыку родимой страны,
 Менекеева сына Креонта: сам бог
 Ему царство недавним решением вручил.
 Он идет. Что за думы волнуют его?
 160 Знать, не даром он старцам гонцов разослал
 И в совет их державный на площадь зовет
 Принуждением царского слова!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Креонт

(выходит со стороны поля боя)

О, мужи Фив! Божественною волей
 Наш город вновь спасен из моря бед.
 И вот я вас созвал — от всех отдельно,
 Посланца гласом каждого, — считая
 Оплотом царского престола вас.
 Так вы уж древней Лаия державе
 Хранили верность; так, затем Эдипу;
 И наконец, по гибели отца,
 Вы так же верно сыновьям служили.
 170 Теперь двойная их скосила доля

В один и тот же день — убийцы оба,
Они ж и жертвы, юную десницу
Братоубийства скверной опорочив, —
И унаследовал царей погибших
Престол, как родственник ближайший, я.

- Я знаю: безрассудно полагать,
Что понял мысль и душу человека,
Покуда власти не отведал он.
Узнайте же, как я намерен править.
Кто, призванный царить над всем народом,
Не принимает лучшего решенья;
180 Кому позорный страх уста сжимает,
Того всегда считал негодным я.
И кто отчизны благо ценит меньше,
Чем близкого, — тот для меня ничто.
Я не таков. Да будет Зевс-всевидец
Свидетель мне! Молчать не стану я,
Когда пойму, что под личиной блага
Беда к моим согражданам крадется,
Не допущу подавно, чтобы дружбу
Мою снискал моей отчизны враг.
Отчизна — вот та крепкая ладья,
Что нас спасает: лишь на ней, счастливой,
190 И дружба место верное найдет.

- Такой закон наш город вознесет,
И с ним согласен тот приказ, который
Я о сынах Эдипа объявил.
Гласит он так: героя Этеокла
За то, что пал он, за страну сражаясь,
Покрытый славой многих бранных дел, —
Почтить могилой и достойной тризной
С славнейшими мужами наравне;
Но брат его — о Полинике слово, —
Кто, изгнанный, вернулся в край родной,
200 Чтоб отчий град и отчие святыни
Огнем пожечь дотла, чтоб кровью граждан
Насытить месть, а тех, кто уцелел,
В ярмо неволи горькой впрячь, — о нем
Народу мой приказ: не хоронить,
Ни плачем почитать; непогребенный,
Оставлен на позор и на съеденье
Он алчным псам и хищникам небес.
Вот мысль моя, и никогда злодея
Не предпочту я доброму средь нас.
Кто ж верен родине, тому и в жизни,
210 И в смерти я всегда воздам почет.

Корифей

Ты так решил, Креонт, сын Менекея,
И о враге отчизны, и о друге;
В твоих руках закон; и над умершим,
И над живыми — нами — власть твоя.

Креонт

Так бдите же над исполнением слова!

Корифей

Не молодых ли это плеч обуза?

Креонт

Конечно; к трупам стражу я приставил.

Корифей

А нам ты что приказываешь, царь?

Креонт

Ослушникам закона не мирволить.

Корифей

220 Кто ж в казнь влюблен? Таких безумцев нет.

Креонт

Наградой казнь ослушнику, ты прав;
Но многих и на смерть влечет корысть.

Страж

(появляясь со стороны поля)

По правде не могу я, государь,
Сказать, чтоб от чрезмерного усердия
Я запыхавшись прибежал сюда.
Нет: остановок на пути немало
Внушала мне забота, и не раз
Уж восвояси я хотел вернуться.
То так, то сяк душа мне говорила:
«Глупец! Куда спешишь? Ведь на расправу!
Несчастный! Что ты медлишь? Вдруг Креонт
230 Узнает от другого, — будет хуже!»
Так мысль свою ворочал я, досужий
Шаг замедляя, — а в таком раздумье
И краткий путь способен долгим стать.
Но верх взяла решимость: я пришел.
Хоть и сказать мне нечего, а все же
Скажу: пришел сюда не без надежды
Не испытать, чего не заслужил.

Креонт

О чем же речь? Ты оробел, я вижу!

Страж

Узнай сначала про меня: то дело

Свершил не я, а кто свершил — не знаю.

240 Ответ держать поэтому не мне.

Креонт

Что за увертки, что за оговорки!

Не мешкай: что за новость, объяви!

Страж

Тут поневоле мешкать будешь: страшно!

Креонт

Так говори — и убирайся прочь!

Страж

Ну вот, скажу: похоронен тот труп.

Печальник скрылся. Слой песку сухого

На мертвеце и возлияний след.

Креонт

Что ты сказал? Кто мог дерзнуть? Ответствуй!

Страж

Почем мне знать? Ни рытвины кругом

250 От заступа или лопаты; почва

Тверда, суха ступне и колесу:

Кто здесь и был, тот не оставил следа.

Так вот, когда дневальщик первый дело

Нам показал — всем и чудно, и жутко

Внезапно стало: мертвеца не видно!

Не то чтоб в землю он ушел: лишь сверху

Был тонким слоем пыли он покрыт,

Как бог велит во избежанье скверны.

И ни от пса, ни от другого зверя

Следов не видно — ни зубов, ни лап.

Тут друг на друга мы с обидной бранью

260 Набросились, страж стража обвинял;

Вот-вот, казалось, до ручной расправы

Дойдет — кому же было нас унять?

На каждого вину взвалить пытались —

И каждый отрицал ее. Готов был

Всяк раскаленное держать в руках железо,

И сквозь огонь пройти, и бога в клятве

Свидетелем призвать, что он невинен,
Что он ни в замысле, ни в исполнении
Не принимал участия. Спорим, спорим, —
Нет, не выходит ничего. Тут слово
Сказал один из нас — такое слово,
Что в страхе все поникли головой:
270 Перечить не могли, а что бедою
Оно чревато — было ясно всем.
Его же слово — вот оно: с повинной
К тебе прийти и обо всем сказать.
Что было делать? Покорились, жребий
Метнули — мне досталась благодать.
И вот я здесь, что враг во вражьем стане;
Еще бы! Всем противен вестник зла.

Корифей

Недоброе нам сердце ворожит;
Подумай, царь, не бог ли тут замешан.

Креонт

280 Умолкни! Гневом душу мне наполнишь.
Ужель с годами ум твой отупел?
Что за кошунство! Чтобы сами боги
Заботились об этом мертвеце!
Что ж, благодетеля они в нем чтили,
Что перстью упокоили его —
Его, пришедшего в наш край, чтоб храмы
В убранстве их колонн огнем разрушить,
Разграбить приношенья, разорить
Мать-землю, надругаться над законом?
А коль злодей он — видано ли дело,
Чтоб о злодее боги так пеклись?
Нет, нет, не то. Уже давно средь граждан
290 Я ропот слышу. Им мое решение
Противно, видно, и строптивой вые
Претит ярмо. Нелюб им новый царь.

(Показывая на стража.)

Они и их — я это ясно вижу —
Посулом мзды презренной обольстили,
Чтоб мой приказ нарушили они.

Да, деньги, деньги! Хуже нет соблазна
Для смертного. Они устои точат
Стен крепкозданных и из гнезд родных
Мужей уводят; их отравя в душу
Сочится добрых, страсть к дурным деяньям

300 Внушая ей; они уловкам учат,
Как благочестья грань переступать.
Но все же те, кого соблазн наживы
Заманит в грех такой — хоть и не сразу, —
Добьются кары строгого судьи.

(Стражу.)

Теперь заметь: как свят мне Зевса облик! —
Ты видишь, клятвой я связал себя —
Моим глазам представите вы вскоре
Виновника запретных похорон;
Не то — вам смерти не простой награда
Назначена: живые вы на дыбе
Заплатите за дерзновенье мне.
310 Я научу вас знать, где к месту алчность,
И воровать с разбором, твердо помня,
Что не везде подачка нам сладка.
Опасна гнусная корысть, и чаще
Ты с ней беду, чем прибыль, наживешь.

Страж

Ответить дашь? Иль сразу уходить?

Креонт

Разгневал ты и так меня довольно!

Страж

Слух ли болит иль сердце у тебя?

Креонт

Еще искать ты вздумал место боли?

Страж

Я огорчил твой слух, виновник — сердце.

Креонт

320 Болтать на диво мастер ты, я вижу!

Страж

Пусть так; но труп похоронил не я.

Креонт

Неправда, ты, продав за деньги душу.

Страж

Увы!

Беда, когда судья нездорово судит.

Креонт

Толкуй себе, что здорово, что нездорово,
Но отыщи виновника, не то
Поймешь: корысть чревата злой невзгодой.

Уходит во дворец.

Страж

И я согласен, чтоб его поймали.
Но будет ли он пойман или нет —
Ведь в этом властен бог один, — с возвратом
330 Меня не жди. И то уж я не думал,
Что жизнь цела останется моя;
Спасибо, боги, вам за милость вашу!

Поспешно уходит.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Много в природе дивных сил,
Но сильнее человека — нет.
Он под вьюги мятежный вой
Смело за море держит путь;
Кругом вздымаются волны —
Под ними струг плывет.
Почтенную в богинях, Землю,
Вечно обильную мать, утомляет он;
340 Из году в год в бороздах его пажити,
По ним плуг мул усердный тянет.

АНТИСТРОФА 1

И беззаботных стаи птиц,
И породы зверей лесных,
И подводное племя рыб
Власти он подчинил своей:
На всех искусные сети
Плетет разумный муж.
Свирепый зверь пустыни дикой
350 Силе его покорился, и пойманный
Конь густогривый ярму повинуетсЯ,
И царь гор, тур неукротимый.

СТРОФА 2

И речь, и воздушную мысль,
И жизни общественной дух
Себе он привил; он нашел охрану
От лютых стуж — ярый огонь,
От стрел дождя — прочный кров.
360 Благодолен! Бездолен не будет он в грозе
Грядущих зол; смерть одна
Неотвратна, как и встарь,
Недугов же томящих бич
Теперь уж не страшен.

АНТИСТРОФА 2

Кто в мудрость искусство возвел,
Превыше бессильных надежд,
Тот путь проторил и к добру, и к худу.
Кто Правды дочь, Клятву, чтит,
Закон страны, власть богов, —
370 Благороден! Безроден в кругу сограждан тот,
Кого лихой Кривды путь
В сердце дерзостном пленил:
Ни в доме гость, ни в вече друг
Он мне да не будет!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Со стороны поля появляется Страж, ведущий Антигону.

Корифей

Непонятное диво мне разум слепит.
Это ты, Антигона? Зачем не могу
Уличающих глаз я во лжи уличить!
380 О Эдипа-страдальца страдальца-дочь!
Чего ради, царица, схватили тебя?
Неужели дерзнула ты царский закон
Неразумным деяньем нарушить?

Страж

Да, да, она виновница; ее мы
Застали хоронящей. Где Креонт?

Корифей

Он вовремя выходит из дворца.

Креонт

С какой потребностью совпал мой выход?

Страж

Да, государь; ни в чем не должен смертный

Давать зарок: на думу передума

Всегда найдется. Вот возьми меня:

390 Я ль не клялся, что ни за что на свете

Не возвращусь сюда? Такого страху

Твои угрозы на меня нагнали.

Но сам ты знаешь: всех утех сильнее

Нежданная-негаданная радость.

И вот я здесь, и клятвы все забыты,

И эту деву я привел: у трупа

Лелеяла покойника. Без жребья,

Без спора мне присуждена находка.

Ее тебе вручаю я: суди,

Допрашивай, меня же от опалы

400 Освободи и отпусти домой.

Креонт

Ее привел ты... как и где найдя?

Страж

Труп хоронящей — этим все сказал я.

Креонт

Ты понимаешь, что ты говоришь?

Страж

Сам видел, хоронила труп она

Тебе наперекор. Ужель не ясно?

Креонт

Как ты увидел? Как схватил ее?

Страж

Так было дело. Я туда вернулся

Под гнетом яростных угроз твоих.

Смели мы пыль, что покрывала труп,

410 И обнажили преющее тело.

Затем расселись на хребте бугра,

Где ветер был покрепче — от жары ведь

Тлетворный запах издавал мертвец.

Чуть засыпал кто — руганью усердной

Его будил сосед: знай дело, значит.

Так время проходило. Вот уж неба

- Средину занял яркий солнца круг,
И стал нас зной палить. Внезапно смерч
С земли поднялся, в небо упираясь
Своей верхушкой. Всю равнину вмиг
420 Собой наполнил он, весь беспредельный
Эфир; кругом посыпались с деревьев
Листва и ветви. Мы, глаза зажмурив,
Старались божью вынести напасть.
Прождали мы немало; наконец
Все успокоилось. Глаза открыли —
И что же? Дева перед нами! Плачет
Она так горько, как лесная пташка,
Когда, вернувшись к птенчикам, застанет
Пустым гнездо, осиротелым ложе.
Так и она, увидев труп нагим,
Взрыдала, проклиная виноватых,
И тотчас пыли горстию сухой
430 И, высоко подняв кувшин узорный,
Трехкратным возлияньем труп почтила.
Увидев это, бросились мы к ней.
Она стоит бесстрашно. Мы схватили
Ее и ну допрашивать: о прежнем
Обряде, о вторичном — и во всем
Она призналась. И отраднo мне,
И жалко стало. Да и впрямь: ведь сладко,
Что сам сухим ты вышел из беды;
А все же жаль, когда беду накличешь
Ты на людей хороших. Ну да что!
440 Всегда своя рубашка к телу ближе.

Креонт
(Антигоне)

Ты это! Ты!.. Зачем склоняешь взор?
Ты это совершила или нет?

Антигона

Да, это дело совершила я.

Креонт
(Стражу)

Теперь иди, куда душе угодно:
С тебя снимаю обвиненье я.

Страж уходит. Креонт обращается к Антигоне.

А ты мне ясно, без обиняков
Ответь: ты о моем запрете знала?

Антигона

Конечно знала; всем он ведом был.

Креонт

Как же могла закон ты преступить?

Антигона

- 450 Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопрестольница богов.
А твой приказ — уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Создание человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных. Этот не сегодня
Был ими к жизни призван, не вчера:
Живет он вечно, и никто не знает,
С каких он пор явился меж людей.
Вот за него ответить я боялась
Когда-нибудь пред божиим судом,
А смертного не страшен мне приказ.
Умру я, знаю. Смерти не избегнуть,
460 Хотя б и не грозил ты. Если жизнь
Я раньше срока кончу — лишь спасибо
Тебе скажу. Кто в горе беспросветном
Живет, как я, тому отрадой смерть.
Нет, не в досаду мне такая участь.
Но если б брата, что в одной утробе
Со мной зачат был, — если б я его,
Умершего, без чести погребенья
Оставила, — вот этой бы печали
Я никогда осилить не смогла.
Ты разума в словах моих не видишь;
Но я спрошу: не сам ли неразумен,
470 Кто в неразумии корит меня?

Корифей

Отца мятежного мятежный дух
В тебе живет: не сломлена ты горем.

Креонт

(Антигоне)

Ну так узнай: чем круче кто в гордыне,
Тем ближе и падение его.
Пусть раскалится в огненном горниле
Железа сила: будет вдвое легче
Его ломать и разбивать тогда.

И пылкого коня лихую удаль
Узда смиряет малая: не след
Кичиться тем, кто сильному подвластен.

(К старцам.)

Что ж нам о ней поведать? Провинилась
480 Уж первый раз сознательно она,
Когда закон, известный всем, пограла;
Теперь же к той провинности вторую
Прибавила она, гордяся делом
Содеянным и надо мной глумясь.
Не мужем буду я — она им будет, —
Коль власть мою ей в поруганье дам.
Нет; будь сестры она мне ближе, ближе
Нам всем родного домового Зевса*:
Они с Исменой не избегнут кары,
И кары строгой. Обе виноваты:
490 Они вдвоем обдумали тот шаг.

(Страже.)

Вы, позовите мне сюда Исмену.
Я только что ее в покоях видел
Безумною от крайнего волнения.
Да, кто во тьме недоброе замыслит,
В своей душе предателя взрастит;
Но хуже тот, кто, пойманный с поличным,
Прикрасы слов наводит на вину.

Антигона

Ты кару ищешь мне сильнее смерти?

Креонт

Нет, этого достаточно за все.

Антигона

Зачем же ждать? Мне речь твоя противна;
500 Не примирюсь я с нею никогда.
Так и тебе не по сердцу мой подвиг.
И все ж — могла ли я славнее славу
Стяжать, чем ныне? Я родного брата
Могилою почтила.

(Указывая на хор.)

Если б страх

Язык им не сковал, они б признались,
Что мыслями со мною заодно.

* Покровителя очага.

Завидна жизнь царей: они лишь могут
И говорить, и делать что хотят.

Креонт

Ужели всех кадмейцев ты умнее?

Антигона

Спроси у них — пусть разомкнут уста.

Креонт

510 Не стыдно ль мыслить розно ото всех?

Антигона

Почтить родного брата — не позорно.

Креонт

А тот не брат, что с ним в бою сразился?

Антигона

О да, и он: одна и та же кровь.

Креонт

За что ж его ты оскорбила тень?

Антигона

Меня покойный не осудит, знаю.

Креонт

Как? Нечестивца ты сравнила с ним!

Антигона

Погиб мой брат, а не какой-то раб.

Креонт

Погиб врагом, а тот спасал наш город!

Антигона

И все ж Аида нерушим закон.

Креонт

520 Нельзя злодеев с добрыми равнять!

Антигона

Почем мы знаем, так ли там судили?

Креонт

Вражда живет и за вратами смерти!

Антигона

Делить любовь — удел мой, не вражду.

Креонт
(указывая на землю)

Ступай же к ним и их люби, коль надо;
Пока я жив, не покорюсь жене!

Из дворца выводят И с м е н у.

Корифей
Посмотрите: Исмена у входа, друзья!
Сердобольные слезы текут из очей;
Ее щеки в крови; над бровями печаль,
Словно туча, нависла, горячей струей
530 Молодой ее лик орошая*.

Креонт
(Исмене)

А, это ты в тени укромной дома
Змеей ползучей кровь мою точила,
И я не ведал, что ращу две язвы,
Две пагубы престола моего!
Скажи мне ныне: признаешь себя ты
Сообщницей в том деле похорон
Иль клятву дашь, что ничего не знала?

Исмена
Коли она призналась — то и я.
Ее вину и участь разделяю.

Антигона
Нет, не разделишь — Правда не велит:
Ты не хотела — я тебя отвергла.

Исмена
540 Но ты несчастна — и в твоём несчастье
Я не стыжусь быть дольщицей беды.

Антигона
Любовь не словом дорога, а делом;
О деле ж знает царь теней, Аид.

Исмена
О, не отталкивай меня! Мы вместе
Умрем и смертью мертвого почтим.

* Исмена появлялась в иной маске, чем та, в которой она выступала в прологе.

Антигона

Ты не умрешь. Чего ты не коснулась,
Своим не ставь; за все отвечу я.

Исмена

Какая жизнь мне без тебя мила?

Антигона

Спроси Креонта: он тебе опора.

Исмена

550 К чему насмешки! Легче ли от них?

Антигона

Верь, горше слез нас мучит смех такой.

Исмена

Чем же утешу я тебя хоть ныне?

Антигона

Себя спаси; тебе я жить велю.

Исмена

О горе, горе! Жить с тобой в разлуке?

Антигона

Ты жизни путь избрала, смерти — я.

Исмена

Но я тебя отговорить пыталась.

Антигона

Кто прав из нас, пускай рассудят люди.

Исмена

Но в этом деле обе мы виновны.

Антигона

Нет. Ты жива, моя ж душа давно
560 Мертва; умерших чтит моя забота.

Креонт

Ума решились эти девы, вижу:
Одна — теперь, другая — с малых лет.

Исмена

Да, государь, ты прав; врожденный разум
Со счастьем вместе покидает нас.

Креонт

Впрямь, коли ты со злой влечешься к злу!

Исмена

Мне жизнь не в жизнь с ней розно, государь.

Креонт

Не говори ты «с ней»! Ее уж нет.

Исмена

И ты казнить решил невесту сына?

Креонт

Есть для посева и другие нивы!

Исмена

570 Нет, коли все давно сговорено!

Креонт

Дурной жены я сыну не желаю.

Исмена

О Гемон, как не дорог ты отцу!

Креонт

Его женитьба — не твоя забота.

Исмена

И сына ты лишишь такой невесты?

Креонт

Лишу не я: разлучница здесь смерти!

Корифей

Как видно, казни ей не избежать.

Креонт

Ты понял верно. Но довольно. Стража!

Домой их уведите... Да, еще:

Двух женщин этих под охраной верной

Держать, свободы не давать отнюдь:

580 И смельчаки не презирают бегства,

Коль сознают, что смерть недалека.

Стража уводит Антигону и Исмену. Креонт остается на орхестре.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Блаженны вы, люди, чей век бедой не тронут!
 Если ж дом твой дрогнул от божьего гнева,
 Смена жизней лишь приумножит наследье кары.
 Мятежится за валом вал,
 Точно лютых вьюг разгул
 Подводный ад на гладь лазурных волн извлек.
 590 На свет ил дна всплывает черный,
 Страждет скал прибрежных кряж,
 Протяжным стоном вою бури вторя.

АНТИСТРОФА 1

Я вижу растущую в роде Лабдакидов
 За бедой беду в череде поколений:
 Не искупит жертва сыновняя отчих бедствий, —
 Сам бог в погибель дом ведет.
 Рос последний в нем цветок,
 600 Последний свет он лил на весь Эдипа дом.
 Увы! Серп бога тьмы подземной
 Срезать и его готов:
 Безумье речи — разума затменье.

СТРОФА 2

Твою, Зевс, не осилит власть
 Человечьей гордыни дерзость,
 И сон-чародей перед тобой бессилен,
 И дней неустанный ход;
 Старости чужд, вечно державен ты,
 Вечно тебя Олимпа
 610 Свет лучезарный нежит.
 Человеку ж дан и в прошлом,
 И ныне, и впредь закон:
 Бди, борись — все тщетно;
 В уделе Земном всё под Бедой ходит.

АНТИСТРОФА 2

Надежд сонм обольщает ум,
 Но одним он бывает в пользу,
 Другим — на беду легкообманной страсти.
 Грядешь ты, не чуя зла, —

И в ярый огонь ступишь негаданно.
620 Видно, недаром предкам
Мудрость внушила слово:
Благодать во зле мы видим,
Когда ослепленный ум
В гибель бог ввергает;
Недолго нам ждать: близко Беда ходит.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Со стороны города появляется Гемон.

Корифей

Но я Гемона вижу; в гнезде он твоём
Стал единственным ныне...^{*} Как тускл его взор!
Знать, о доле невесты проведаль жених;
630 Знать, не сладко с надеждой прощаться!

Креонт

Узнаем вскоре сами без пророков.
Мой сын, ужель ты гневен на отца,
Про приговор решительный невесте
Узнав? Иль, что бы я ни делал, прочен
Сыновнего почтения завет?

Гемон

Отец, я твой; ты путь мне указуешь
Решеньем благостным, и путь тот — мой.
Не так мне дорог брак мой, чтоб заветам
Твоим благим его я предпочел.

Креонт

Ты прав, мой милый. Пред отцовской волей
640 Все остальное отступать должно.
Затем и молим мы богов о детях,
Чтоб супостатов наших отражали
И другу честь умели воздавать.
А кто и в сыне не нашел опоры —
Что скажем мы о нем? Не ясно ль всем,
Что для себя он лишь кручину создал
И смех злорадный для врагов своих?
Нет, нет, дитя! Не допусти, чтоб нега

^{*} Старший сын Креонта, Мегарей, во время осады Фив был принесен в жертву.

Твой ясный разум обуяла; женской
Не покоряйся прелести, мой сын!
Кто с лиходейкой делит ложе — верь мне,
650 Морозом веет от таких объятий!
Нет горше язвы, чем негодный друг.
Отринь и ты ее, презренья полный:
Она нам — враг. Пускай во тьме подземной
Себе другого ищет жениха!
Я уличил ее уликой явной
В том, что она, одна из сонма граждан,
Ослушалась приказа моего;
Лжецом не стану я пред сонмом граждан:
Пойми меня, мой долг — ее казнить.

И пусть вызывает к родственному Зевсу*:
Когда в родстве я зародиться дам
Крамоле тайной — вне родства, бесспорно,
660 Еще пышнее расцветет она.
Нет. Кто в кругу домашних безупречен,
Тот и гражданский долг исполнит свято;
Напротив, кто в безумном самомнении
Законы попирает, кто властям
Свою навязывает волю — мною
Такой гордец отвержен навсегда.
Кого народ начальником поставил,
Того и волю исполняй — и в малом,
И в справедливом деле, и в ином.
Кто так настроен, тот — уверен я —
Во власти так же тверд, как в подчиненье.
670 Он в буре брани на посту пребудет,
Соратник доблестный и справедливый.
А безначалье — худшее из зол.
Оно народы губит, им отраву
В глубь дома вносится, союзной рати
В позорном бегстве узы рвет оно.
Но где надежно воинство — его там
Ряды блюдет готовность послушанья.
Храни же свято стяг законной власти,
Не подчиняя женщине ума.
680 Уж если пасть нам суждено — от мужа
Падем, не в женской прелести сетях!

Корифей

Нам мнится, если возраст нам не враг,
Твоими разум говорит устами.

* Покровителю родственных связей.

Гемон

- Ах, разум, разум... Да, отец мой, высший
То дар богов для смертных, спору нет;
И что не прав ты — это доказать
Не в силах я — и не хочу быть в силах.
Но прав, быть может, также и другой?
Поверь, отец: что делает народ,
Что говорит и чем он недоволен,
690 Мне лучше видно. Страх простолюдину
Твой взор внушает, прерывает речи,
Что неуютны слуху твоему.
А я, в тени, и вижу все, и слышу.
Я слышу, да, как все ее жалеют,
Все говорят: «Ужель погибнет та,
Что гибели всех менее достойна?
Ужель за подвиг столь прекрасный — кару
Столь жалостную понесет она? —
Ту, что, родного брата в луже крови
Найдя, непогребенным не снесла,
Не потерпела, чтоб от псов голодных
Он поруганье принял и от птиц, —
Ее ль златым мы не почтим венком?»
700 Так глухо бродит темная молва.
Отец! Ведь мне всего добра на свете
Дороже благоденствие твое.
И быть не может иначе: ведь слава
Цветущего отца — величье сына,
Как и отцу отраден сына блеск.
Не будь же однодумен: не считай,
Что правда только в том, что ты сказал.
Кто лишь в себе высокий разум видит,
Иль чары слова, иль души величье —
Тот часто вдруг оказывался пуст.
710 Ты — человек, и как бы ни был мудр ты, —
Позора нет познать и уступить.
Когда поток весенних вод избыток
Стремит в долину — гибкие лишь лозы
Его выносят, а деревьяв силу
Он, с корнем вырывая, истребляет.
Когда моряк натянет корабельный
Канат и не захочет отпустить —
Не миновать ладье перевернуться.
Нет, уступи, смири свой гордый дух!
Дозволь и мне, хоть я и молод, словом
Тебя правдивым вразумить, отец:

720 Всех совершенней я того считаю,
Кто сам в себе клад мудрости хранит.
Но он немногим достается; прочим —
И доброму совету внять хвала.

Корифей

Полезно обоюдное ученье,
Коль доля правды у обоих есть.

Креонт

Седые старцы мы; не время нам
У молодого разуму учиться!

Гемон

Одной лишь правде! Если ж молод я, —
Смотреть на дело должно, не на возраст.

Креонт

730 А дело ли ослушника почтить?

Гемон

Почтить дурных я не просил, отец.

Креонт

Ну, а ее ты к ним не причисляешь?

Гемон

Ни я, ни всенародный глас фивян.

Креонт

Народ ли мне свою навяжет волю?

Гемон

Ты ныне слово юное сказал.

Креонт

Своей мне волей править иль чужою?

Гемон

Единый муж — не собственник народа.

Креонт

Как? «Мой народ» — так говорят цари!

Гемон

Попробуй самодержцем быть в пустыне!

Креонт

740 Женс ты покорился, вижу я!

Гемон

Коль ты — жена; я о тебе забочусь.

Креонт

Ты, негодяй? И судишься с отцом?

Гемон

Так должно; Правды ты завет нарушил.

Креонт

Нарушил, если власть я чту свою?

Гемон

Хорош почет, коль ты богов бесчестишь!

Креонт

Презренный, женской прелести угодник!

Гемон

Все ж не дурному делу я служу.

Креонт

Ты в каждом слове лишь о ней радеешь!

Гемон

Нет; и о нас с тобой, и о богах.

Креонт

750 Живой ее ты не получишь в жены!

Гемон

Она умрет... пусть так! Но не одна.

Креонт

Еще угрозы? Вот венец дерзанию!

Гемон

Угрозы? Нет; тщите ответ бессильный.

Креонт

Тщеты питомец не учитель мне!

Гемон

757 Ты говорить лишь хочешь, а не слушать?

Креонт

756 Раб женщины, не раздражай меня!

Гемон

755 Отец!.. другого б я назвал безумцем.

Креонт

758 Что ж, называй! Но не на радость, верь мне,
К хуле и брань прибавил ты.

(Страже.)

Эй вы!

760 Сюда преступницу ведите! Тотчас
На жениха глазах ее казню.

Гемон

Нет, этого не будет! Глаз моих
Уж не увидят боле ни невеста
В мученьях казни горестной, ни ты:
Других ищи союзников безумью!

Уходит.

Корифей

Его шаги торопит гнев, владыка —
Советник лютый в юных дней пылу.

Креонт

Что ж, в добрый час! Пускай в своей гордыне
И дерзости себя хоть богом мнит:
Их он и этим не спасет от казни.

Корифей

770 «Их», ты сказал? Ужель казнишь обеих?

Креонт

Ты прав: лишь ту, что прикоснулась к трупу.

Корифей

Какую ж ей ты приготовил казнь?

Креонт

За городом, в пустыне нелюдимой,
Врыт в землю склеп*; из камня свод его.
Туда живую заключу, немного

* Зброшенная гробница.

Ей пищи дав, — так, как обряд велит,
Чтоб города не запятнать убийством,
Пусть там Аиду молится — его ведь
Она считает богом одного!
Быть может, он спасет ее от смерти.
А не спасет — на опыте узнает,
780 Что почитать подземных — праздный труд.
Уходит во дворец.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

СТРОФА

Хор

Эрот, твой стяг — знамя побед!
Эрот, ловец лучших добыч,
Ты и смертному сердце жжешь
С нежных щек миловидной девы.
Подводный мир чует твой лет; в чаще лесной гость ты;
Вся бессмертная рать воле твоей служит;
Всех покорил людей ты —
790 И, покорив, безумишь.

АНТИСТРОФА

Тобой не раз праведный ум
В неправды сеть был вовлечен;
Ты и ныне лихую рознь
В эти души вселил родные.
Преграды снес негой любви взор молодой девы —
Той любви, что в кругу высших держав судит.
Нет поражений играм
800 Царственной Афродиты!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Из дворца выходит окруженная стражей Антигона.

Корифей

О, что вижу? И сам послушания долг
Позабить я готов, и из старческих глаз
Неудержно струится горячий родник.
Антигону ведут — ах, не в дом жениха:
Ее ждет всеприемлющий терем!

КОММОС

СТРОФА 1

Антигона

В последний путь, старцы земли родимой,
Я собралась теперь.
Этот солнца лучистый круг,
Ах, в последний вижу я раз.
810 Все прошло: живую меня
В дом ведет свой мрачный Аид,
К берегу плача.
Нет мне проводной песни,
Подруг игры не услышит мой
Свадебный терем,
О, нет: владыке невеста я мрака.

Корифей

Но ты чести стяжала нетленный венец,
С ним нисходишь ты славно в обитель теней.
Не ползучая хворь иссушила тебя,
820 Не жестокий булат твою грудь изрубил:
Ты нисходишь живая, одна среди жен,
Своему повинуюсь закону.

АНТИСТРОФА 1

Антигона

Погибла так в горя расцвете, молвят,
Гостя с фригийских гор*:
Где белеет Сипила кряж,
Там живую камня побег,
Точно цепкий плющ, охватил,
Бурный дождь струится по ней,
Снег белеет, —
830 Так говорят сказанья.
Поныне там от бессонных слез
Камень влажнеет;
Такую гибель и мне судил демон.

Корифей

Не забудь: то богиня, бессмертных дитя**,
Мы же смертные люди и дети людей;
А ведь грешен запретной гордынею тот,

* Ниоба.

** Отец Ниобы, Тантал, был сыном Зевса.

Кто с богами и в жизни равняет себя

.....

И в загробной вселили доли.

СТРОФА 2

Антигона

Глумишься ты? Ради богов отчизны нашей!

840 Скоро меня не будет;

Долго ли ждать вам?

О мой родимый край,

О счастливое племя,

О волны Диркеи! О роща

Царицы ристаний, Фивы!

Я вас зову в свидетели,

В какой меня могильный склеп, в страшный плен

Ведут, поправ людской закон,

И нет слезы мне от друзей!

850 О, что ждет меня?

Уж не числюсь среди живых я,

Еще не став между мертвых мертвой.

Хор

Прейдя земной отваги грань,

К престолу Правды вековой

Припала ты теперь, дитя.

Отца, зная, искупаешь горе.

АНТИСТРОФА 2

Антигона

Коснулись вы самой больной моей кручины,

Той незабвенной смерти,

Рока — его же

860 Тяжесть несем мы все,

Славный род Лабдакидов.

О терем проклятья! О ложе!

О ласки родимой крови,

От матери сыну жаркий дар!

От них ведь я несчастных дней нить веду.

И вот безбрачной девой к ним

Меня проклятье гонит — в ад;

А ты, бедный брат,

870 Негу брака познал — и ею

Живую, ах! — мертвый к мертвым сводишь.

* Подразумевается женитьба Полиника на дочери Адраста, Аргии.

Хор

Почет богам — наш долг святой.
Но кто приемлет власти скиптр,
Тот власти должен честь блюсти.
Тебя ж дух гордой мысли губит.

ЭПОД

Антигона

Ах, без друзей, без песни брачной
Меня, несчастную, уводят
В последний, подневольный путь!
Этого ока святого сияние боле
880 Я не вправе видеть;
Боги! И никто меня почтить не хочет
Хоть слезой участия!

Креонт

(выходя из дворца)

Конечно! Дайте волю человеку
Пред смертью чувства изливать свои —
Конца не будет жалобам и плачу!

(Страже.)

Теперь довольно. Уведите деву
Скорей под полого кургана сень,
Как я сказал вам, и одну оставьте.
Там полная ей воля будет. Хочет —
Пусть тотчас примет смерть; а то и дальше
Живет во мраке птицей гробовой.
Нам от нее не будет оскверненья:
Я крови родственной не пролил, только
890 От мира жизни отлучил ее.

Антигона

О склеп могильный! Терем обручальный!
О вечный мрак обители подземной!
Я к вам схожу — ко всем родным моим,
Которых столько, в лютой их кончине,
Приветила царица мглы ночной.
Теперь и я... Казалось, жизни этой
Конц далек, и что же? Злейшей смертью
Последовать за ними я должна.
И все ж — не каюсь я. Я верю, милой

Приду к отцу, к тебе, родная, милой,
К тебе желанной, брат родимый мой.
900 Родители, когда почтили вы,
Своими я омыла вас руками,
Убрала вас и возлияний дань
Вам принесла. А за твою, о брат мой,
Своей я жизнью заплатила честь...
И все ж — не каюсь я. Разумный скажет,
Что и тебя почтила я разумно.
Да, будь детей я матерью — вдовою
Убитого супруга, — я б за них
Не преступила государства воли;
Вам ведом крови родственной закон?
Ведь мужа и другого бы нашла я,
И сына возместила бы утрату,
910 Будь и вдовой я, от другого мужа.
Но раз в аду отец и мать мои —
Другого брата не найти мне боле.
Таков закон. Ему в угоду честью
Тебя великою почтила я.
Тень братняя! Виною зовет Креонт
Поступок мой и дерзкою отвагой.
И вот меня схватили и ведут
На смерть — до брака, до веселья свадьбы,
Не дав изведать мне ни сладких уз
Супружества, ни неги материнства;
Нет, сирая, без дружеской слезы
920 Я в усыпальницу схожу умерших.
Но где ж тот бог, чью правду, горемыка,
Я преступила? Ах, могу ли я
Взирать с надеждой на богов, искать в них
Заступников? За благочестья подвиг
Нечестия я славу обрела!...
Что ж! Если боги — за царя, то в смерти
Познаю я вину и искуплю.
Но если он виновен, — горя чашу
Мою — не более испить ему.

Корифей

Не стихает, я вижу, мятежный порыв
930 В Антигоны душе.

Креонт

Не стихает он, да, по ведущим вине,
И за медленность их наказание ждет.

Антигона

О бездушное слово! Уж в гибели пасть
Ты ввергаешь меня!

Креонт

Да, пожалуй. Совет мой — покончить совсем
С безрассудной надеждой на лучший исход.

Антигона

Что ж, идем; я готова. О боги отцов!
Вы простите — прости ты, родная земля!
940 О, смотрите, фиванцы! Царевна идет —
Остальная наследница древних владык.
Вот судья мой — и вот преступленье мое:
Благочестию честь воздала я!

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

И Данае-красе светоч небесный —
Меднокованных врат тьмой заменить пришлось.
Терем могильный
Скрыл невесту от глаз людских в те дни.
А ведь рода почет был ей велик, дитя,
950 И ей лоно затем Зевса согрел дождь золотой.
Знать, могуча вовек рока над нами власть.
Над ней ни золото, ни булат,
Ни крепкий вал, ни легкий струг,
Забава волн, нам не даст победы.

АНТИСТРОФА 1

Гневен был он и царь Фракии дикой,
Сын Дрианта, Ликург; сам Дионис его
Смелость изведal.
Все ж в затворе и он окончил дни.
В хладном камне остыл гнева багровый жар;
960 Цвет дерзанья поблек; понял тщету мыслей своих
Царь, что бога хулил в злобе безумной он,
Громя вакханок грозный пыл,
Ретивых светочей восторг,
Святую песнь Муз поляны горной.

СТРОФА 2

Там, где в каменных Врат голубеющем мареве
Двум преграду морям положили бессмертные,
970 Где Босфора пловцов в мгле Салмидесс ждет,
Там видел сосед-Арес
Братьев-Финидов рану.
Лихая их мачеха сгубила.
Потух в зрачках страдальцев ясный солнца свет;
Их смял не меч — нет, руки кровавой
Коварный взмах, кознь иглы рабочей.

АНТИСТРОФА 2

В склепе чахли они — и жестокую матери*
980 Долю в плаче глухом вспоминали. Вела она
Славный род от вельмож древлержавных,
Царевны афинской дочь.
Взрастила в пещере дальней
Крутой горы вьюг отцовских стая
Лихая Бореаду, легкую как вихрь.
Но брак приспел — и познала рока
Царица власть, о дитя родное!

Во время исполнения стасима стража медленно уводит Антигону.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Тиресий

(входит, ведомый мальчиком)

Мы к вам пришли, фиванские вельможи,
Путем совместным. Двое нас, но пара
990 Очей одна — и зрячий вождь слепцу.

Креонт

Что нового мне скажешь, друг Тиресий?

Тиресий

Скажу; а ты послушайся пророка!

Креонт

Не в первый раз тебе я повинуюсь.

Тиресий

И оттого ты прямо правишь город.

* Клеопатра, дочь Борея, жена Финея — царя Салмидесса.

Креонт

Недавний опыт говорит: ты прав.

Тиресий

Так знай: опять по лезвию идешь!

Креонт

Тревожит сердце речь твоя; в чем дело?

Тиресий

Внемли, все скажут знаки ведовства.
На древнем сидя волхвовском престоле,
1000 Где вещей птицы гавань для меня,
Неведомые клики я услышал,
Разящий, непривычный слуху глас.
Ударами когтей окровавленных
Друг друга в злобе мечущихся крыл.
Таков был шум их мечущихся крыл.
Мне страшно стало; огненную жертву
На всепалющем алтаре решил
Я принести. И что ж? Гефеста пламя
Не вспыхнуло из тучных бедр овцы;
Лишь на золу сочилась прелой влаги
Струя густая и, дымясь, шипела;
Вверх брызгала из лопнувшей плевы
1010 Желчь черная; покровы тука жижей
Стекали долу, обнажая мяса
Куски кровавые. Все это мне
Вот этот отрок указал, как мглою
Покрылся свет пророческих вещаний.
Ведь он — вожатый мне, народу ж — я.
И в этой мгле, что над страной нависла,
Твой замысел виновен, государь.
И очаги, и алтари святые
Осквернены заразой мертвечины:
Недаром псы и птицы разнесли
Царевича несчастного останки.
Вот почему ни жертвенных молений
1020 От нас, ни бедр воспламененных дани
Бог не приемлет; птица не издаст
Понятных звуков в вещей переключке,
Вкусив отравы человеческой крови.
Мой сын, опомнись. Не в позор ошибка —
Нет, это общий всех людей удел.
Но раз ошибся человек — не будет
Он ни безумным, ни несчастным, если

Путь к исцелению из беды найдет.
Убожества примета — гордый нрав.
Нет, уступи усопшему; кто станет
1030 Лежачего колоть? Какая доблесть —
Вторую смертью мертвого казнить?
Совет мой благ, благой внушенный мыслью,
И радостно его принять ты можешь —
Полезный дар от любящей души.

Креонт

О старче, старче! Все вы, как стрелки,
Себе мишенью грудь мою избрали.
Теперь и ведовством меня донять вы
Пытаетесь, и племенем пророков
Уж расценен, распродан я давно.
Торгуйте, наживайтесь; пусть к вам в дом
Из Сард электр стекается и злато
Из Индии, — его же скрыть в могиле
1040 Не дам! Хотя бы Зевсовы орлы
К престолу бога самого примчали
Его растерзанную плоть — и этой
Не испугаюсь скверны я, Тиресий:
Не властен смертный бога осквернить!
Нет, нет, не быть царевичу в могиле!
И мудрецов крушение терпит мудрость,
Когда прикрыть неправду дела дымкой
Красивых слов внушает им — корысть.

Тиресий

О, люди!
Кто точно взвесит, кто из вас рассудит...

Креонт

О чем вещаешь снова ты, старик?

Тиресий

1050 Насколько лучший дар — благоразумье?

Креонт

Насколько худший — неразумье, мнится.

Тиресий

Своей болезни сущность ты назвал!

Креонт

Не стану бранью отвечать пророку.

Тиресий

А кто сказал, что я в вещаньях — лжец?

Креонт

Волхвам стяжанье свойственно бывает.

Тиресий

А произвол разнузданный царям!

Креонт

Ты с государем говоришь! Забыл?

Тиресий

Нет, помню: мне же царством ты обязан*.

Креонт

О, мудр ты, мудр: когда б и честен был...

Тиресий

1060 Не вынуждай сокрытое открыты!

Креонт

Что ж, открывай! Но не корысти ради.

Тиресий

Моя корысть на пользу лишь тебе.

Креонт

Свое решение я не продаю!

Тиресий

Запомни же. Немного вех ристальных

Минуют в горних Солнца бегуны —

И будет отдан отпрыск царской крови

Ответной данью мертвецам — мертвец.

Ты провинился дважды перед ними:

Живую душу, дочь дневного света,

В гробницу ты безбожно заключил,

1070 А тьмы подземной должника под солнцем

Удерживаешь, не предав могиле

Нагой, несчастный, полный скверны труп.

Он не тебе подвластен и не вышним —

Ты заставляешь их его терпеть!

И вот, покорный Аду и богам,

Уж стелет сеть нещадного возмездья

* Креонту удалось спасти Фивы, потому что он принес в жертву сына, вняв совету Тиресия.

Эриний сонм — и ты падешь в нее,
Равняя кары и обиды чаши.

Корысть вещанье мне внушила, да?

Дай срок: ответят из твоих покоев

Мужчин и женщин стоны за меня.

1080 И города соседние возропшут

В бурливых сходах на тебя, в чьих стогнах

Голодный пес, иль дикий зверь, иль птица

Тлетворной плоти клочья схоронили,

Бесчестя смрадом чистый двор богов.

Стрелком меня назвал ты. Верно; в гневе —

Его ж ты вызвал — много горьких стрел

Пустил я в грудь твою. Не промахнулся

Мой лук: от их ты жара не уйдешь.

(Мальчику.)

Меня же, сын мой, в путь води обратный.

Пусть терпят спесь его, кто помоложе.

Язык ему полезно обуздать

1090 И мысль направить по пути благому.

Уходят.

Корифей

Пророк ушел; пророчество осталось

Ужасное. Прошло немало лет

С тех пор, как кудри черные мои

Засеребрились; но вещаний лживых

Я не запомню от него, мой царь.

Креонт

Сказал ты правду; я и сам смущен.

Что ж, уступить?.. Ах, больно!.. Но большее

В несчастья цепи душу заковать.

Корифей

Благоразумью следуй, государь!

Креонт

Что делать? Молви! Я на все согласен.

Корифей

1100 Освободи из подземелья деву;

Погибшего могилую почти.

Креонт

Так должен поступить я? Вправду так?

Корифей

Да, государь, не медля. Божьи Кары
Стремительно виновных настигают.

Креонт

Ах, трудно побороть души упорство,
Но с Неизвестным в спор вступить — безумье.

Корифей

За дело, царь, — не доверяй другим!

Креонт

Пойду немедленно. Скорее, слуги!
И те, что здесь, и прочие: секиры
1110 Возьмите, и вперед — на скорбный холм.
И я, — коль так решил теперь, — то узел
Сам затянув, — сам развяжу его.
Боюсь, что лучше доживать нам век свой,
Храня давно завещанный закон.
Уходит вместе со слугами по направлению к полю.

СТАСИМ ПЯТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Многозванный*, краса и любовь Кадмейской девы,
Зевса семя, молнии сын!
Тобой Италия полна**,
Ты Элевсина славишь
1120 Луг святой, народов приют,
На лоне Деметры сияя.
Ты в нашей живешь земле,
Где вакханки поют,
Брег влажнит Исмена струя
И сев взошел змеиный***.

АНТИСТРОФА 1

Средь багрового дыма, поверх скалы двуглавой****,
Где журчит Касталии ключ*****,

* Почитаемый под различными именами.

** Греки привезли в Италию культуру виноградарства и виноделия.

*** Богатыри, выросшие из зубов убитого Кадмом дракона.

**** Парнаса.

***** Близ Дельфов.

1130 Под звон кимвалов реешь ты
 В нимф хороводе горных.
В плющ убрал ты Нисы услон*,
 В лоз винных и пурпур, и зелень —
 И все ж ты стремишься к нам,
 Чтоб при крике твоих
Слуг бессмертных снова познать
 Веселье стогн фиванских.

СТРОФА 2

 Бог, влюбивший Фивы,
 Где родила тебя мать,
 Молнией сраженная, —
1140 О, гряди! Болен град: тяжек недуг!
 Ты очистить властен его.
С высот Парнасских чистой стопой к нам гряди,
Презри гнев рокочущих волн пролива!

АНТИСТРОФА 2

 В твою честь пылает
 Алмазных звезд хоровод;
 Ты ночных веселий царь!
О, явись! Светлый бог, Зевса дитя!
1150 Пусть наш град вакханок твоих
Неистовый восторг огласит в тьме ночной,
Твою славя честь, Дионис-владыка!

ЭКСОД

Со стороны поля показывается Вестник — слуга Креонта.

Вестник

Соседи дома Кадмова! по правде
Мы не должны ни горькой, ни счастливой
Жизнь человека называть — до смерти.
Вот счастья баловень — вот горя сын —
И что ж? Случайность манием единым
Того низвергнет, этого возвысит,
1160 А как — того не скажет и пророк.
Доселе думал я: чья жизнь завидней
Креонтовой! Он город от врагов
Освободил, он в блеске самодержца

* Имеется в виду гора на острове Евбея.

Им управлял среди детей цветущих.
А ныне — все погибло. Ведь когда
Свет радости угас для человека —
Он не живой уж, он — бродячий труп.
Сбирай в чертог свой все богатства мира,
Венчай чело властителя венцом:
1170 Коль радости лишен ты — за величье
И тени дыма я не дам твое.

Корифей

Каким же горем взыскан царский дом?

Вестник

Кто умер... а живой — виновник смерти.

Корифей

О, кто убийца, кто убитый? Молви!

Вестник

Смерть принял Гемон — от своей руки.

Корифей

Своей, сказал ты? Сына иль отца?

Вестник

Он сам себя убил, отцу в укор.

Корифей

О вещий старец! Правду молвил ты.

Вестник

Пока свершилось все, как он сказал.

Корифей

Но вот царица Евридика здесь.
1180 Несчастная! Случайность ли из дома
Ее к нам вызвала? Иль весть о сыне
Коснулась слуха чуткого ее?

Евридика
(выходя из дворца)

Да, граждане, я слышала ее.
В путь собралась я, чтоб Палладе грозной
Смиренной дань молитвы принести.
И только дверь я притянула, чтобы
Засовы сдвинуть — как в мой слух стрелою
Вонзилось слово горя моего.
Упала навзничь я; прислужниц руки
Беспамятную подхватили. Ныне

- 1190 Я вышла к вам; молю, скажите все.
Удар не первый от судьбы терплю я.

Вестник

- Царица дорогая, все я видел
И все, как есть, по правде расскажу.
К чему утайкой робкой вызывать
Ближайшей обличение минуты?
Надежно ведь лишь истина стоит.
Слуга царя, последовал за ним я
На край долины, где лежал в позоре
Труп Полиника; псами был жестоко
Истерзан он. С молитвой мы воззвали
1200 К царю теней и к девственной Гекате,
Распутий бдительной богине, гнев свой
Чтоб милостиво отпустили нам.
Затем, омыв в струях купели чистой
Все то, что от царевича осталось,
На свежих отпрысках маслины дикой
Мы упокоили в огне его.
Крутой насыпав холм земли родимой
Покойнику, мы поспешили дальше,
В могильный терем, где на ложе камня
Невеста Ада жениха ждала.
Вдруг, издали еще, один из нас
Услышал громкий вопль — из той гробницы
Заброшенной он доносился. Тотчас
Обратно устремился он к царю.
1210 Прибавил шагу тот. Вторично вопль
Раздался, жалкий и протяжный. Вскрикнул
Несчастный царь: «О боги! Что за звуки?
Недоброе вещает сердце мне!
О безотрадный путь! То голос сына
Ласкает слух мне — лаской смертоносной!
Бегите, слуги! В устье подземелья
Раздвиньте камни и скорей взгляните,
Не Гемона ль то голос был, иль боги
Меня морочат». Так сказал он нам,
Едва живой от страха. Мы приказ
1220 Исполнили. И вот, в глуби гробницы
Пред нами оба — Гемон, Антигона.
Она — висит, повязки крепкотканой
Петлею шею нежную обвив;
Он, как прильнул к ее груди, так держит
Ее в объятьях, проклиная свадьбы
Подземной ужас, и надежды гибель,

И суд суровый своего отца.

За нами и Креонт его увидел —

И с криком раздирающим к нему

Помчался в склеп. «Несчастный, — возопил он, —

Зачем ты здесь? Иль помрачен твой разум?

Какой безумья вихрь тебя принес?

1230 Дитя мое, богами заклинаю,

Оставь могилу!» Гемон дикий взор

В него вперил и, меч за рукоятку

Схвативши, замахнулся на него.

Царь отступил, и в воздухе повис

Отцеубийственный удар. Тогда лишь

Пришел в себя он — и в порыве новом

Отчаянья внезапно в грудь свою

Свой меч вонзил... Еще сознания искра

В нем тлея, видно: слабою рукою

Лежащий труп невесты обнял он,

Прильнул к устам — и, выпуская дух,

Умершей девы бледную ланиту

Румянцем жаркой крови обагрил.

1240 Труп возле трупа — так они лежали;

Союз их брачный Ад благословил.

Да будет же их участь всем наукой,

Что неразумье — злейшее из зол.

Евридики, выслушав, молча уходит во дворец.

Корифей

Что это значит? В гробовом молчанье

Ушла царица: это ли — ответ?

Вестник

Дивлюсь и я; но все ж меня ласкает

Надежды луч: знать, не велит душа

При всем народе о несчастье сына

Плач поднимать; ей хочется скорее

В кругу домашних сердце облегчить.

1250 Она разумна — не поступит криво.

Корифей

Не знаю. Мне ее уход немой

Сильнее грудь шемит, чем если б в крике

Она безумном горе излила.

Вестник

Узнаем тотчас. Если вправду рану

Души больной молчания покров

У ней таит... Да, я войду; ты прав:
Страшнее слез молчание такое.

Уходит во дворец.

КОММОС

Со стороны поля возвращается
Креонт, неся тело Гемона.

Корифей

Приближается царь; что несет он в руках?
Ах, то явственный след, незабвенный навек —
Хоть и больно сказать — не чужой вины,
1260 А своей необузданной воли.

СТРОФА 1

Креонт

Груз ты разума неразумного,
Груз упорства ты смертоносного!
Крови родственной, други, видите
И убийцу вы, и убитого!
О несчастный плод замыслов моих!
Юной смертью ты, юный сын, почил.
О дитя!
Не своей руки пал ты жертвою,
А моим сражен неразумием.

Корифей

1270 О Правда! Поздно ты узнал ее!

Креонт

О да!
Ее познал я — явственно познал.
Видно, бог тогда, бог тогда главу
Тяжкою тяжестью поразил мою,
На безумья путь мысль мою увлек,
Растоптать велел жизни радости.
Вот он, смертных труд — безотрадный труд!

Домочадец
(выходит из дворца)

О царь, тяжелый груз в руках твоих.
Пришел ты с горем не последним, нет, —
1280 Ждет горе новое тебя в чертоге.

Креонт

Какое горе? Есть ли хуже худа?

Домочадец

Лежит в крови царица Евридика,
Младого сына истинная мать.

АНТИСТРОФА 1

Креонт

Где ты, Адова гавань мутная!
Смертью быстрою упокой меня!
Весть несчастную возвестивший мне,
Снявший тьмы покров с горя лютого,
О, зачем терзать сердце мертвое,
Посылать на казнь труп безжизненный?

1290

О жена!

Ах, ужели там жертвой новою
Жертвы прежней боль ты усилила?

Открываются двери дворца.
В глубине видно тело Евридики.

Домочадец

Раскрылась дверь; царица пред тобой.

Креонт

Увы!

Какую бездну горя вижу я!
О, чего ж еще, о, чего мне ждать?
Сына труп в руках я держу своих —
Очи ранит вид трупа нового;
Отовсюду смерть на меня глядит.
Мать несчастная! Бедное дитя!

1300

Домочадец

На алтаре она ножом священным
Желанный мрак на очи навела,
Оплакав славный жребий Мегарея,
Рок Гемона — и в третьем, смертном вопле
Детоубийцу-мужа проклиная.

СТРОФА 2

Креонт

Увы!

Ужас сердце жмет. Кто из вас, друзья,
Меч отточенный в грудь мою вонзит?

1310 О несчастный я! О постылый день!
 Приросла к душе горесть лютая.

Домочадец

Да, государь: виновником обеих
Тебя смертей царица назвала.

Креонт

Но как исторгла жизнь свою она?

Домочадец

Ударом в печень роковым — услышав
О смерти сына жалостную весть.

Креонт

Жалостную весть о моей вине!
Да, никто другой не виновен в том.
И тебя, мой друг, я один убил,
1320 Я — один лишь я. Слуги верные,
 Уведите в глушь поскорей меня —
 Вознесен был я, — стал ничем теперь.

Корифей

Уйти бы лучше — если лучшим вправе
Назвать мы зло: страданью люб конец.

АНТИСТРОФА 2

Креонт

Явись,
Жребий мой, явись! Милость высшую,
Дар прекраснейший принесешь ты мне, —
1330 День предельный мой! О, явись, явись,
 Чтоб не видеть мне завтрашней зари!

Корифей

Он не замедлит.

(Показывая на трупы.)

Ты лишь долг насущный
Исполни свой — а в прочем властен бог.

Креонт

О том молюсь, чего я страстно жажду.

Корифей

Оставь мольбы; нет смертному спасенья
От бед, что предначертаны судьбой.

Креонт

Да, ведите в глушь безрассудного,
1340 Что и сыну дал смерть невольную,
И тебе, жена! О несчастный я!
Здесь — убитый мной, там — убитая!
Страшной тяжестью, нестерпимую
На главу мою рок обрушился.

Уходит во дворец в сопровождении слуг, несущих тело Гемона.

Корифей

Человеку сознание долга всегда —
Благодеяния первый и высший залог.
1350 Не дерзайте ж заветы богов преступать!
А надменных речей беспощадная спесь,
Беспощадным ударом спесивцу воздав,
Хоть на старости долгу научит.

Хор покидает оркестру.

ЦАРЬ ЭДИП

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип, фиванский царь.
Иокаста, жена Эдипа.
Креонт, брат Иокасты.
Тиресий, слепой прорицатель.
Жрец Зевса.
Коринфский вестник.
Пастух Лаия.
Домочадец Эдипа.
Хор фиванских старцев.

Без слов: Антигона и Исмена, дочери Эдипа.
Действие происходит перед царским дворцом в Фивах.

ПРОЛОГ

Перед воротами дворца — группа юношей с молитвенными ветвями
в руках. Во главе их — жрец Зевса.

Эдип

(выходя из дворца)

Птенцы молодые Кадмова гнезда!
Зачем вы здесь — в столь жалобной осанке

И с ветками просителей в руках?
Там в городе клубится фимиама
Седой туман; там песнь мольбы горячей
Возносится — и с ней страданья стон...
Не от чужих услышать я хотел
Про нужды ваши: сам сюда я вышел,
Молвой людей прославленный Эдип...

- Так молви же, старик, — тебе пристало
10 Гласить за всех: что вас сюда ведет?
Загнал ли страх — иль заманила ласка?
Хотелось бы помочь вам; не из камня
Ведь наше сердце: жаль мне, дети, вас!

Жрец

- Эдип, властитель родины моей!
Ты видишь сам, у алтарей твоих,
Собрались дети: долгого полета
Их крылышки не вынесут еще.
Средь них и я, под старости обузой,
Жрец Зевса. Лучший молодости цвет
20 Перед тобой, — а там народ толпами
На площадях увенчанный сидит,
У двух святилищ девственной Паллады*
И над Исмена вещею золой**.

- Зачем мы здесь? Ты видишь сам: наш город
Добычей отдан яростным волнам;
С кровавой зыбью силы нет бороться,
Нас захлестнула с головой она.
Хиреют всходы пажитей роскошных;
Подкошенные, валятся стада;
Надежда жен в неплодном лоне гибнет;
А нас терзает мукой огневицы
Лихая гостья, страшная чума.
Дом Кадма чахнет от ее дыханья,
А черный Ад богатую взымает
30 С него стенаний и мучений дань.

Не бог ты, знаю. Не как к богу мы
К тебе пришли — и я, и наши дети —
И к очагу припали твоему.
Но из людей для нас, Эдип, ты первый,
И в злключеньях жизни безрассчетных,
И в ниспосланных грозных божества.
Не ты ль уж раз, пришедши в город Кадма,

* Имеются в виду храмы Афины Паллады.

** Алтарь Аполлона вблизи реки Исмена.

- Освободил нас от жестокой дани,
Что мы певиче ужасов* несли?
А ведь никто из нас тебе загадки
Не разъяснил; ты божиим внушеньем
Ее постиг и спас страну от бедствий —
Так говорит, так верует народ.
- 40 И вот теперь, могущественный царь,
Тебя, Эдип, мы все с мольбой усердной
Пришли просить: найди для нас защиту,
От бога ли услышав вещий глас,
От смертного ль узнав секрет спасенья.
Твой опыт почве благодатной равен:
Решений всхожесть он блюдет для нас.
Спаси ж наш град, о лучший среди смертных,
Спаси и славу мудрости твоей!
Теперь за то давнишнее усердье
Ты исцелителем земли слывешь;
О, да не скажет про твою державу
Потомков наших память навсегда:
- 50 «При нем мы свет увидели желанный,
При нем нас гибели покрыла мгла».
Нет — стань навеки нам творцом спасенья!
То знаменье счастливое, что в город
Тебя ввело, — да осенит тебя
Оно и ныне! Коль и впредь ты хочешь
Страною править — пусть мужей своих
Тебе на славу сохранит она;
Ведь нет оплота ни в ладе, ни в башне,
Когда защитников погибла рать!

Э д и п

- О дети, дети! Вedom — ах, как вedom
Мне вашей жажды жалостной предмет.
- 60 Вы в горе все; но всех страданий ваших
В груди своей я полноту собрал.
Лишь за себя болеет сердцем каждый
Из вас, родные; а моя душа
Скорбит за город — за себя — за вас.
Нет, не со сна меня вы пробудили:
Я много плакал, много троп заботы
Измерил в долгих странствиях ума.
Один мне путь открылся исцеленья —
Его избрал я. Сына Менекея,
Креонта, — он моей супруге брат —

* Сфинксу.

- 70 Послал я в Дельфы, Фебову обитель,
Узнать, какой мольбой, каким служеньем
Я город наш от гибели спасу.
Теперь я дни считаю и тревожусь.
Что с ним? Давно его с возвратом жду
И не пойму причины промедленья.
Когда ж вернется он, исполню строго —
В том честь порукой — все, что скажет бог.

Жрец
(указывая на юношей)

Счастливым признак! С речию твоей
Они приход Креонта возвещают.

Эдип

- 80 О Аполлон-владыка! Дай, чтоб радость
Явил он словом, как являет видом!

Жрец

Густого лавра плодоносной ветвью
Увенчан он*; несет он счастье, верь.

Эдип

Сейчас узнаем — подошел он близко.

Входит Креонт.

Властитель-брат мой, Менекеев сын!
Какую весть принес ты нам от бога?

Креонт

Счастливую; ведь и невзгodu счастьем
Мы признаем, когда исход хорош.

Эдип

- Что ж молвит бог? Ответ туманный твой
90 Ни бодрости, ни страха не внушает.

Креонт

Готов пред всеми говорить — а также
И, в дом войдя, наедине с тобой.

Эдип

Скажи при всех: мне их несчастье душу
Сильней терзает, чем своя печаль.

* Обращающийся в Дельфы надевал на голову лавровый венок.

Креонт

Что бог мне молвил, то и я скажу.
Владыка Феб велит нам в ясной речи
Заразу града, вскормленную соком
Земли фиванской, истребить, не дав
Ей разрастись неисцелимой язвой.

Эдип

Как истребить? И в чем зараза эта?

Креонт

100 Изгнанием иль кровью кровь смывая, —
Ту кровь, что град обуревает наш.

Эдип

Какую кровь? О ком радуется бог?

Креонт

Предшественник твоей державы славной,
Эдип-властитель, Лаием был зван.

Эдип

Слышал о нем, но видеть не пришлось.

Креонт

Убитый пал он; ныне же к ответу
Бог ясно требует его убийц.

Эдип

А где они? Кто нам найти поможет
Тот тусклый след старинного греха?

Креонт

110 Здесь, молвит бог. Кто ищет, тот находит;
А кто искать ленив, тот не найдет.

Эдип

Где ж пал ваш Лаий? У себя ль в дворце?
Иль среди полей родных? Иль на чужбине?

Креонт

Как говорили, бога спросить
Пустился он — и не вернулся боле.

Эдип

А вестники? А спутники его?
Ужель никто улик вам не доставил?

Креонт

Погибли все, один лишь спасся; в страхе
Он все забыл. Одно лишь мог сказать...

Эдип

120 Что ж мог сказать он? Много даст одно нам;
Надежды край схвати — и ты спасен.

Креонт

Разбойники — так молвил он — сразили
Паломника несметных силой рук.

Эдип

Не посягнул бы на царя разбойник,
Когда б не злата здешнего соблазн!

Креонт

Такая мысль была, но в нашем горе
Никто не встал отмстителем царя.

Эдип

Коль пал ваш царь, то горе не помеха
Его убийц сейчас же разыскать.

Креонт

130 Сфинкс песнею лукавой отвлекла
Наш ум от смутных бед к насущным бедам.

Эдип

Мой долг отныне — обнаружить все.
Достоин Феб — и ты, Креонт, достоин
Заботу о погибшем воскресили.
Союзником вам буду честным я,
Готовым мстить за землю и за бога.
Ведь не о дальних людях я пекусь,
А сам себя от язвы ограждаю:
Тот враг, что Лаия убил, и мне
140 Той самой смертью, мнится, угрожает;
Обоим нам явлю я помощь ныне.
Теперь оставьте, дети, алтари,
С собою взяв молитвенные ветви;
Сюда же граждан Кадма созовите:
Я все готов исполнить, что смогу,
А бог победу нам пошлет — иль гибель.

Эдип уходит во дворец, следом за ним Креонт.

Жрец

Идемте, дети. Царь нам все исполнит,
 О чем просить явились мы к нему.
 Ты ж, Аполлон, чьему мы слову вняли,
 150 Яви спасенье — прекрати болезнь!
(Уходит, сопровождаемый юношами.)

ПАРОД

Оркестру постепенно заполняет хор фиванских старцев.

Хор

СТРОФА 1

Зевса отрадная весть, что приносишь ты в славные Фивы
 С дельфийской рощи золотой?
 Страх обуял мою грудь, в напряжении сердце трепещет, —
 Будь милостив, Феб-исцелитель!
 Новой ли службы от нас ты потребуешь?
 Иль воскресишь из могилы забвения
 Древний обряд? О, поведай, ласкающей
 Чадо Надежды, бессмертное Слово!

АНТИСТРОФА 1

Первой тебя я зову, дочь Зевса, святая Афина,
 160 С сестрой державной твоей,
 Той, что на площади круглой* наш город блюдет, Артемидой
 И с Фебом, стрельцом всеразнящим.
 Троицей свет нам явите спасительный!
 Если когда-либо горя нависшего
 Черную тучу вы мощно развеяли —
 Боги родные, придите и ныне!

СТРОФА 2

Ах, муки несметные терпим мы:
 Охвачен заразою весь народ.
 Оружие дум притупилось!
 170 Гибнут роскошной земли порождения;
 Жалостных мук не выносят роженицы;
 Души, из тел пораженных исторгнуты,
 То здесь, то там
 Мчатся, как птицы небес быстрокрылые,

* На агоре, видимо, находился алтарь Артемиды.

В пламенном рвенье к туманному берегу,
Где бог царит вечерний.

АНТИСТРОФА 2

Их стаи несметные вдаль летят;
Везде неоплаканных груды тел,
180 Из них расцветает зараза!
Жены меж них и согбенные матери,
Все к алтарям, точно к берегу спасения,
С воплем беспомощным в страхе бросаются,
И льется песнь —
Льется отчаянья стон раздирающий.
Внемли, о Зевсова дочери! светлоликую
Яви защиту в горе.

СТРОФА 3

Его ж, что град жаром жжет,
Стону радуясь людей,
190 И без щитов, без копий нас терзает, —
Ареса буйного из края изгони,
Отбрось врага в глубь морей,
В терем Амфитриты,
Отбрось к нелюдимому берегу
Фракии бурливой!
Ведь если дань простит нам ночь —
День взыскать ее спешит.
200 О Зевс! Длань твоя
Молний пламенем грозна:
Срази его безжалостным перуном!

АНТИСТРОФА 3

Владыка Феб! В помощь нам
Стрел-заступниц ярый вихрь
Направь в убийцу с тетивы лучистой!
Лучистый светоч с гор ликийских* принеси,
Страши врага, жги врага,
Дева Артемида!
И ты, моей родины отпрыск**,
210 В митре золотистой
Веди вакханок резвый хор,

* «Ликийский» обычный эпитет брата Артемиды Аполлона.

** Упоминаемый далее бог Дионис, сын фиванской царевны Семелы и Зевса.

Ясноликий Дионис!
 Возьми огонь святой,
 Огонь победный, сокруши
 Среди богов презреннейшего бога!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Эдип
(выходя из дворца)

- Вы молитесь, — меж тем от вас зависит
 Отчизне оборону от болезни
 И отдых от несчастий даровать.
 Внемлите лишь моей усердно речи.
 Не знал я божьих слов, не знал я дела —
 220 Не то — без долгих поисков и спросов
 Напал бы скоро я на верный след.
 Но нет; я — поздний гражданин меж граждан*,
 И вот наказ мой Кадмовым сынам.
 Кому известно, от чьего удара
 Царь Лаий пал, сын Лабдака державный,
 Тот обо всем да известит меня.
 Да не боится он открыть улику
 Сам на себя: вреда ему не будет,
 И лишь страну оставит с миром он.
 230 Да не молчит подавно о другом он, —
 Коли убийца был из иноземцев, —
 Казной за весть и лаской награжу.
 А если вы ответа не дадите —
 О друге ли иль о себе радея —
 То вот дальнейшая вам речь моя:
 Убийца тот, кто б ни был он, повсюду
 В земле, что скиптру моему подвластна,
 От общества сограждан отлучен.
 Нет в ней ему ни крова, ни привета,
 Ни общей с вами жертвы и молитвы,
 240 Ни окропления священных уз.
 Вы гнать его повинны все, как скверну
 Земли родимой, — так мне бог пифийский
 В пророчестве недавнем возвестил.
 И вот я становлюсь по воле бога
 Заступником убитому царю.
 Я говорю: будь проклят тот убийца,

* Эдип стал гражданином (и царем) Фив после того, как избавил город от Сфинкса.

- Один ли иль с пособниками вкупе,
Будь злая жизнь уделом злого мужа!
Будь проклят сам я наравне с убийцей,
250 Когда б под кровом моего чертога
Он с ведома скрывался моего!
А вы блюдите этот мой приказ
В угоду мне, и Фебу, и отчизне,
Лишенной сил и милости богов.
- Так бог велел. Но если б даже слово
Его не грянуло с парнасских круч —
Вам все ж грешно забыть о мести правой,
Когда герой, когда ваш царь погиб.
Уж и тогда был долгом вашим розыск.
Теперь же я его наследство принял,
260 Я стал супругом царственной вдовы,
И если б бог его потомством милым
Благословил, то и детей его
Залогом общим я б владел по праву...
Но нет! Немилостив был бог к нему...
Так за него, как за отца родного,
Я заступлюсь; отныне цель моя —
Найти убийцу Лаия — ему же
Отцом был Лабдак, дедом Полидор,
Кадм — прадедом и прашуром — Агенор.
Молю богов: кто мой приказ отринет,
Да не вернет тому земля посева,
270 Да не родит наследника жена;
Да сгинет он, как гибнет град несчастный,
Иль худшей смертью, коль такая есть!
А тем, кто слову моему послушен,
Союзницей пускай святая Правда
И боги все пребудут на века.

К о р и ф е й

Как ты связал меня своим заклатьем,
Так я отвечу, государь, тебе:
Убил не я; убийцы я не знаю.
Послал нам Феб мудреную загадку —
Он разрешить ее способней всех.

Э д и п

- 280 Сказал ты правду; но заставить бога
Никто не властен из живых людей.

К о р и ф е й

Дозволь второе предложить решение.

Эдип

Не откажи и в третьем, если есть.

Корифей

Владыке Фебу силой вещей мысли
Один Тиресий равен, государь.
Лишь от него узнать мы можем правду.

Эдип

И это я исполнил: по совету
Креонта двух к нему гонцов послал я;
Зачем он медлит — не могу понять.

Корифей

290 Еще есть слово — тусклое, глухое...

Эдип

Какое слово? Все я должен взвесить.

Корифей

От путников он принял смерть — так молвят.

Эдип

Я слышал, но убийца неизвестен.

Корифей

Однако если страх ему знаком —
Не вынесет проклятий он твоих.

Эдип

Кто в деле смел, тот слов не устрашится.

Корифей

Но вот явился грозный обличитель!
Уж к нам ведут почтенного пророка,
Что правду видит из людей один.

Появляется Тиресий, которого ведет мальчик, за ним следуют двое слуг Эдипа.

Эдип

300 Привет тебе, Тиресий, — ты, чей взор
Объемлет все, что скрыто и открыто
Для знания на небе и земле!
Ты видишь, хоть и с темными очами,
Страду лихую города больного;
Единственный его спаситель — ты.
Узнай, коли не знаешь, от гонцов:

- Феб на вопрос наш дал такой ответ,
Чтоб мы, разведав Лаия убийц,
Изгнанием их иль казнью истребили —
Тогда лишь стихнет ярая болезнь.
310 Тебе понятен рокот вещей птицы,
Знакомы все гадания пути;
Спаси ж себя, и город, и меня,
Сними с нас гнев души непримиренной!
Ведь ты — оплот наш; помогать же ближним
По мере сил — нет радостней труда.

Тиресий

О знание, знание! Тяжкая обуза,
Когда во вред ты знающим дано!
Я ль не изведаль той науки вдоволь?
А ведь забыл же — и сюда пришел!

Эдип

Что это? Как уныла речь твоя!

Тиресий

- 320 Вели уйти мне; так снесем мы легче,
Я — свое знание, и свой жребий — ты.

Эдип

Ни гражданин так рассуждать не должен,
Ни сын; ты ж вскормлен этою землей!

Тиресий

Не к месту, мне сдается, речь твоя.
Так вот, чтоб мне не испытать того же...

(Собирается уйти.)

Эдип

О, ради бога! Знаешь — и уходишь?
Мы все — просители у ног твоих!

Тиресий

И все безумны. Нет, я не открою
Своей беды, чтоб не сказать — твоей.

Эдип

- 330 Что это? Знаешь — и молчишь? Ты хочешь
Меня предать — и погубить страну?

Тиресий

Хочу щадить обоих нас. К чему
Настаивать? Уста мои безмолвны.

Э д и п

Ужель, старик бесчестный, — ведь и камень
Способен в ярость ты привести! — ответ свой
Ты утаишь, на просьбы не склоняясь?

Т и р е с и й

Мое упорство ты хулишь. Но ближе
К тебе твое: его ты не приметил?

Э д и п

Как речь твоя для города позорна!
340 Возможно ли без гнева ей внимать?

Т и р е с и й

Что сбудется, то сбудется и так.

Э д и п

К чему ж молчать? Что будет, то скажи!

Т и р е с и й

Я все сказал, и самый дикий гнев твой
Не вырвет слова из души моей.

Э д и п

Да, все скажу я резко, напрямик,
Что видит ум мой при зарнице гнева.
Ты это дело выносил во тьме,
Ты и исполнил — только рук своих
Не обагрил. А если б зрячим был ты,
Убийцей полным я б назвал тебя!

Т и р е с и й

350 Меня винишь ты? Я ж тебе велю —
Во исполнение твоего приказа
От нас, от граждан отлучить себя:
Земли родной лихая скверна — ты!

Э д и п

Напрасно мнишь ты, клеветник бесчестный,
Избегнуть кары за слова твои!

Т и р е с и й

Меня спасет живая правды сила.

Э д и п

Уж не гаданью ль ею ты обязан?

Тиресий

Тебе; ты сам раскрыть ее велел.

Эдип

Скажи еще раз, чтоб понятно было!

Тиресий

360 Ужель не понял? Иль пытаться решил?

Эдип

Не ясно понял; повтори еще раз!

Тиресий

Изволь: убийца Лаия — ты сам!

Эдип

Сугубой лжи — сугубое возмездье!

Тиресий

Велишь наполнить возмущенья меру?

Эдип

Что хочешь молви: речь твоя — лишь дым.

Тиресий

В общенье гнусном с кровию родной
Живешь ты, сам грехов своих не чуя!

Эдип

Уйти от кары поношеньем мнишь ты?

Тиресий

Да, если сила истине дана.

Эдип

370 Есть в правде сила, есть, но не в тебе —
В тебе ж угас и взор, и слух, и разум.

Тиресий

Ах, бедный, бедный! Тот упрек безумный —
Его от всех услышишь скоро ты.

Эдип

Сплошная ночь тебя взрастила; гнев твой
Не страшен света радостным сынам.

Тиресий

Не мне тебя повергнуть суждено:
Сам Аполлон тебе готовит гибель.

Эдип

Креонта ль слышу вымысел — иль твой?

Тиресий

Оставь Креонта; сам себе ты враг.

Эдип

- 380 О власть, о злато, о из всех умений
Уменье высшее среди людей —
Какую зависть вы растить способны!
Я ль добивался этого престола?
Мне ль не достался он, как вольный дар?
И что ж? Креонт, мой верный, старый друг,
Из-за него меня подходом тайным
Сгубить задумал! Хитрого волхва
Он подпускает, лживого бродягу,
В делах наживы зрячего, но полной
В вещаниях окутанного тьмой!
- 390 Скажи на милость, где явил ты Фивам
Искусства достоверность твоего?
Когда с кадмейцев хищная певица
Живую дань сбирала — почему
Ты не сказал им слова избавленья?
А ведь решить ту мудрую загадку
Способен был не первый встречный ум —
Тут было место ведовской науке!
И что же? Птицы вещие молчали,
Молчал и бога глас в груди твоей;
И я пришел, несведущий Эдип.
Не птица мне разгадку подсказала —
Своим я разумом ее нашел!

- И ныне ты меня замыслил свергнуть,
400 Чтобы с Креонтом дружбу завести!
На горе ж вы (и ты, и твой учитель)
Себе самим — надумали наш город
От скверны очищать! И если б я
В тебе не видел старика — я карой
Заслуженной бы вразумил тебя!

Корифей

Нам так сдается: и в его вещаньях
Пылает гнев, и, царь, в твоём ответе.

Не он спасет нас; лучше б обсудить,
Как нам исполнить Аполлона волю.

Тиресий

- Ты — царь, не спорю. Но в свободном слове
И я властитель наравне с тобой.
410 Слугою Феба, не твоим живу я;
Опека мне Креонта не нужна.
Ты слепотою попрекнул меня!
О да, ты зряч — и зол своих не видишь,
Ни где живешь, ни с кем живешь — не чуешь!
Ты знаешь ли родителей своих?
Ты знаешь ли, что стал врагом их злейшим
И здесь, под солнцем, и в подземной тьме?
И час придет — двойным разя ударом
И за отца, и за родную мать,
Тебя изгонит из земли фиванской
Железною стопой проклятья дух,
И вместо света тьма тебя покроет.
420 Где не найдешь ты гавани стенаньям?
Где не ответит крикам Киферон,
Когда поймешь, что к свадьбе в этом доме
С добром ты плыл, но не к добру приплыл,
И все иные беды, от которых
Ты станешь братом собственных детей!
Теперь, коль хочешь, поноси Креонта
И речь мою, но скоро в целом мире
Не будет доли горестней твоей!

Эдип

- Невыносима клевета такая!
430 Сгинь, дерзкий волхв! Скорей уйди отсюда
К себе обратно и оставь мой дом!

Тиресий

И не пришел бы, если б ты не звал.

Эдип

Не знал же я, что вздорных слов наслышусь
Из уст твоих; а то б не звал, поверь!

Тиресий

По-твоему, я вздорен; что ж! Но мудрым
Я звался — у родителей твоих.

Эдип

О ком сказал ты? Кто меня родил?

Тиресий

Родит тебя — и сгубит — этот день.

Эдип

Опять загадка! Кто тебя поймет?

Тиресий

440 Не ты ль загадок лучший разрешитель?

Эдип

Коришь меня за то, чем я велик?

Тиресий

В твоём искусстве и твоя гибель.

Эдип

Зато я землю спас — она важнее.

Тиресий

Я уйду. (*Мальчику.*)

Веди меня, мой сын.

Эдип

Да, уходи! Досаден твой приход

И беспечально будет удаление.

Тиресий

Что ж, я уйду, но раньше дам ответ вам

На ваш вопрос. Тебя не устрасу я —

Меня низвергнуть не тебе дано.

Внемли: тот муж, которого ты ищешь

450 С угрозой кары, Лаия убийца, —

Он здесь! пришлец — таким его считают;

Но час придет — фиванцем станет он,

Без радости отчизне приобщенный.

На слепоту взор ясный променяв,

На нищенство — державное раздолье,

Изгнанником уйдет он на чужбину,

Испытывая посохом свой путь.

Узнает он, что он своим исчадьям —

Отец и брат, родительнице — вместе —

И сын, и муж, отцу же своему —

460 Соложник и убийца. Вот ответ мой!

Теперь иди и взвесь его, и если

Хоть каплю лжи ты в нем найдешь — в вещаньях

Считай меня невеждой навсегда!

Оба уходят: Тиресий в город, Эдип во дворец.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Кто он, чью длань вешего бога
Со скалы дельфийской
Примерил взор — страшного дела
Тайный совершитель?
Пора ему в глубь пустынь
Коней-летунов быстрей
Бежать без оглядки.
Среди зарева молнии гонит его
470 Вседержавного Зевса разгневанный сын,
И рой неотступных
Мчится вслед Эриний.

АНТИСТРОФА 1

Раздался клич — клич с белоснежных
Круч святых Парнаса:
Заросший след тайного мужа
Все раскрыть стремятся.
Он рыщет в глухом лесу,
В пещерах угрюмых гор,
Как зверь бесприютный:
Одинокой стопою скитается он,
480 Лишь бы грозных вещаний тропу обмануть —
Они ж неустанно
Над главой кружатся.

СТРОФА 2

Страшных забот думы вспугнул
В сердце моем мудрый пророк;
Верить невмочь, спорить невмочь,
Как мне решить, знать не могу.
Ни на прошлое надежды, ни на будущее нет —
Но не знал я никогда,
490 Чтобы Лаий Полибиду* супостатом выступал,
Не услышал и теперь.
Где ж улика того дела, где свидетель у меня
Против славы всенародной,
Что Эдипа осенила навсегда?
Не поверю, чтоб убийство он свершил.

* Эдип, считающий себя сыном Полиба.

АНТИСТРОФА 2

Боги одни — Зевс, Аполлон —
Долю людей призваны знать;
Что же пророк? Может ли он
500 Даром святым нас превзойти?
На сомненье нет ответа; но лишь мудростью велик
Человек перед людьми.
Пусть клеветают на Эдипа; пока слово не сбылось,
Не согласен с ними я.
Кто не видел, как пред девой быстрокрылой он стоял?
510 Доказал он свою мудрость
И усердье благородства среди нас;
Мы навеки ему верность сохраним.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Креонт

(поспешно входя со стороны города)

Сограждане, в ужасном преступленьи
Меня винит — так слышал я — Эдип.
Напраслины не вынес я. И так уж
Несчастливы мы; но если он считает,
Что в этой горе я способен был
Ему иль словом повредить, иль делом —
Такая слава всей дальнейшей жизни
Разрушила бы радость для меня.
520 Я не в простой обиде обвинен,
А в величайшей: и перед страной,
И перед вами, и перед друзьями.

Корифей

Да, слово вырвалось из уст его;
Но, видно, гнев его внушил, не разум.

Креонт

Но все ж сказал он, что, научен мною,
Его опутал кривдою пророк?

Корифей

Он так сказал; подумав ли — не знаю.

Креонт

Как? Не кривя ни взором, ни душой,
Он произнес такое обвиненье?

Корифей

530 Не знаю: мне ли знать дела владык?
Но вот он сам выходит из чертога.

Эдип
(выходя из дворца)

Ты здесь? Зачем ты здесь? Ужели лоб твой
Такою наглостью запечатлен,
Что подступаешь к дому моему
Ты, уличенный мной убийца, ты,
Моей державы явный похититель?
Скажи на милость, трусом ли презренным
Тебе казался царь твой иль глупцом,
540 Когда такое дело ты задумал?
Возмнил ли ты, что не замечу я,
Как подползать твое коварство будет,
И, распознав его, не отражу?
Не ты ль скорей — мечтатель безрассудный,
Что без друзей и без богатства власть
Присвоить вздумал, честолюбец жалкий?

Креонт

Прими совет мой: дай сказать мне слово
В ответ тебе — и, выслушав, реши.

Эдип

Учить силен ты, я ж учиться слаб.
Довольно слов; ты — враг мой и предатель!

Креонт

Об этом самом выслушай меня!

Эдип

Об этом самом замолчи, изменник!

Креонт

Не мудр же ты, коль вне стези рассудка
550 Находишь вкус в упрямом самомнении.

Эдип

Не мудр и ты, коль мнишь избегнуть кары,
Предательски нарушив долг родства.

Креонт

Не буду спорить; да, ты прав. Одно лишь
Скажи мне: в чем предательство мое?

Э д и п

По твоему ль совету — да иль нет —
Послал я за пророком многочтимым?

Креонт

И ныне тот же дал бы я совет.

Э д и п

Скажи тогда: давно ли царь ваш Лайй...

Креонт

При чем тут Лайй? Не пойму вопроса.

Э д и п

560 Сраженный, пал, таинственной рукой?

Креонт

Давно успел состариться тот век.

Э д и п

А ваш пророк — он был тогда при деле?

Креонт

Был так же мудр и так же всеми чтим.

Э д и п

Назвал мое он имя в ту годину?

Креонт

Не доводилось слышать мне его.

Э д и п

Вы не старались обнаружить дело?

Креонт

Как не старались? Все напрасно было.

Э д и п

А он, мудрец, зачем вам не помог?

Креонт

Не знаю и в неведение молчу.

Э д и п

570 Зато другое знаешь ты и скажешь.

Креонт

Что именно? Не утаю, коль знаю.

Э д и п

А вот что: это ты его наставил
Меня убийцей Лаия назвать!

Кре о н т

Что он сказал, тебе известно. Ты же
И на мои вопросы дай ответ.

Э д и п

Изволь; убийцы не найдешь во мне.

Кре о н т

Скажи: ты муж моей сестры, не так ли?

Э д и п

Я муж твоей сестры; сказал ты правду.

Кре о н т

Совместно с ней землей ты управляешь?

Э д и п

580 Ни в чем отказа не бывало ей.

Кре о н т

С собой меня сравнивали вы в союзе?

Э д и п

И ты союз изменой разорвал.

Кре о н т

Какой изменой? Ты подумай трезво
И взвесь одно: кто променять согласен
На полное тревоги имя власти —
Влиятельный и сладостный покой?
Я никогда в душе своей не ставил
Сан царский выше царственных деяний;
Так мыслят все, кто разумом не слаб.
590 Что ни хочу я, все могу без страха
Я получить; а если б сам я правил —
Как часто б делал вопреки себе!
Ужель милее царский мне венец
Безбольной чести, мирного величья?
Нет, не настолько я ума лишился,
Чтоб предпочесть тревожной власти бремя
Чете прекрасной: «выгода и блеск».
Теперь привет, улыбки мне повсюду,
Теперь в мою просители твои
Стучатся дверь — успеха им залогом

- Мое вниманье. И все это, мнишь ты,
За звук пустой я уступить готов?
- 600 Нет, с разумом злодейство несовместно:
Ни сам к нему не склонен я, ни в долю
Меня сообщник не возьмет дурной.
- И вот мой вызов: сам отправься в Дельфы,
Проверь дощечки подлинность моей!
Затем мои сношения с пророком
Вели раскрыть; и если тут виновным
Меня найдешь — то вместе со своим
Брось и мой голос в обвиненья урну.
Но без улик не осуждай меня.
- Противно правде — и дурных напрасно
610 Считать друзьями и врагами добрых.
Кто друга верного изгнал, тот жизни
Своей любимейший отрезал цвет.
Что ж, час придет — поймешь ты, что ты сделал.
Одно лишь время — добрым оправданье,
Других же в день ты уличишь один.

Корифей

Он молвит здраво; стерегись паденья!
Решений быстрых ненадежен путь.

Эдип

- Но если быстр предатель нечестивый,
И мне быть быстрым царский долг велит.
- 620 А буду медлить — увенчает счастье
Его коварство, мне ж готова смерть.

Креонт

Что ж ты решил? Чтоб я покинул землю?

Эдип

Нет, не изгнанье твой удел, а смерть.

Креонт

Эдип

Когда поймешь, чего достойна зависть.

Креонт

Ты вовсе не доступен убежденью?

Эдип

Креонт

Безумен ты!

Эдип

Себе кажусь я здоровым.

Креонт

Кажись и мне!

Эдип

Довольно, ты изменник!

Креонт

Где ж разум твой?

Эдип

Почтение царю!

Креонт

Дурному — нет!

Эдип

О мой народ, народ!

Креонт

630 И я народу сын, не только ты!

Корифей

Оставьте спор, властители! Выходит
В час добрый к вам царица из чертога:
Пусть мир меж вас восстановит она.

Из дворца выходит Иокаста.

Иокаста

Несчастные! Теперь ли время ссоре
Бессмысленной? Страдает весь народ,
А вас заботят личные обиды?
Вернись в чертог, супруг мой; удались
И ты, Креонт; ничтожного предлога
В тяжелое не возводите зло!

Креонт

640 Сестра моя! Супруг твой, царь Эдип,
Ужасную вменяя мне вину,
Изгнанием грозит мне или казнью.

Э д и п

Да, это так! В коварном покушенье
На жизнь мою я уличил его.

К ре он т

Пусть пропаду, пусть вечно буду проклят,
Коль в чем-нибудь виновен пред тобой.

И о к а с т а

Ради богов, поверь ему, Эдип!
Яви почет и клятве пред богами,
И мне, и этим гражданам твоим.

КОММОС

СТРОФА

Х о р

Молю, о царь, выслушай
650 Не гневаясь, с разумом!

Э д и п

Чего ж ты хочешь от меня?

Х о р

Его блюдет клятвы сень;
Верным слыл он всегда;
Прости его!

Э д и п

Что хочешь — знаешь?

К о р и ф е й

Знаю!

Э д и п

Что ж, скажи!

Х о р

Клятву дал твой брат; не казни его
Ради тусклой мглы призрачных улик!

Э д и п

Так знай же: этой просьбой для меня
Ты просишь смерти или же изгнания.

Хор

660 О нет, нет! Светлый бог свидетель мне!
Пусть погибну я без богов, друзей,
Если зла тебе я в душе желал.

Плач страны болью грудь давит мне;
Ужель весь горя круг не пройден ей,
Ужель ей новый бедствий вал грозит?

Эдип

Свободен он! Пусть лучше я погибну,
670 Иль из земли в бесчестье удалюсь.

(Хору.)

Твой грустный лик внушил мне состраданье;
Но он повсюду ненавистен мне.

Креонт

Ты уступил, но с гневом. Гнев пройдет.
А гнет останется. Такие души
Себе самим несносны поделом.

Эдип

Оставь меня! Уйди!

Креонт

Я ухожу —
Тобой не понят, но для них — все тот же.

(Уходит.)

АНТИСТРОФА

Хор

(Иокасте)

Зачем, жена, медлишь ты
Уйти с царем в свой дворец?

Иокаста

680 Хочу узнать, как спор возник.

Хор

Глухой упрек грянул вдруг;
Злой извет сердце рвет
И без вины.

Иокаста

Вскипели оба?

Корифей

Оба.

Иокаста

В чем причина?

Хор

Не довольно ли? Истрадались мы!

Что покончено — будь покончено.

Эдип

Вот ты каков! Хоть ты и благомыслен,
Но расслабляешь, притупляешь дух мой?

Хор

О царь, царь! Сколько уж раз клялся я!
690 Я б безумен был, безнадежно слеп,
Если б верности изменил своей.

Мне ль забыть, как в те дни град страдал!
Не ты ль путь верный отыскал для нас?
О, будь вновь лучшим нам водителем.

Иокаста

Скажи и мне, во имя всех богов:
Зачем ты гневом воспылал таким?

Эдип

700 Скажу: ты мне почтенней, чем они.
Креонт злоумышляет на меня.

Иокаста

Скажи яснее: в чем его вражда?

Эдип

Назвал меня он Лаия убийцей!

Иокаста

Со слов других? По собственной догадке?

Эдип

Свои уста хранит он от хулы,
А подослал гадателя-злодея!

Иокаста

О, если так — освободи от страха
Свой ум, Эдип, и от меня узнай,
Что нет для смертных ведовской науки.
710 Тому я довод ясный укажу.

Однажды Лаий — не скажу: от Феба,
Но в Дельфах от гадателей его
Ужасное вещанье получил,
Что смерть он примет от десницы сына,
Рожденного в законе им и мной.
Но Лаий — говорят нам — у распутья,
Где две дороги с третьею сошлись,
Разбойниками был убит чужими!
А мой младенец? От его рожденья
Едва зарделся третий луч зари, —
И он его, сковав суставы ножек,
Рукой раба в пустыне бросил гор!
Да! Не заставил Аполлон малютку
720 Отцеубийством руки обагрить;
Напрасен страх был, Лаию внушенный,
Что от родного сына он падет;
Так оправдались вещи гаданья!
О них не думай! Если бог захочет —
Он сам сорвет с грядущего покров!

Э д и п

Что слышу я, жена моя? Во мне
Смутился дух мой, и в волненье разум.

И о к а с т а

Какой тревогой встрепенулся ты?

Э д и п

Сказала ты, что пал он у распутья,
730 Где две дороги с третьею сошлись?

И о к а с т а

Так молвили, да и поныне молвят.

Э д и п

Где ж эта местность? Где погиб твой муж?

И о к а с т а

Земля Фокидой кличется, а местность —
Где путь двоится в Дельфы и в Давлиду*.

Э д и п

А сколько времени прошло с тех пор?

* Расстояние от Дельфов до Давлиды по прямой составляло не многим более 20 км.

И о к а с т а

Дошла до нас та новость незадолго
Пред тем, как ты объявлен был царем.

Э д и п

О Зевс! Что сделать ты со мной задумал!

И о к а с т а

Эдип мой, друг мой! Что с тобой? Скажи!

Э д и п

740 Постой, постой!.. Каков был видом Лайй?
Каких был лет в то время он? Ответь!

И о к а с т а

Могуч; глава едва засеребрилась;
А видом был он — на тебя похож.

Э д и п

О смерть! Ужель я, сам не сознавая,
Себя проклятью страшному обрек?

И о к а с т а

Что ты сказал? Твое лицо мне страшно.

Э д и п

Боюсь, боюсь — был свыше меры зрячим
Пророк... Но нет! Еще одно скажи.

И о к а с т а

Сказать готова, хоть и страшно мне.

Э д и п

750 С немногими пошел он иль с отрядом
Телохраниителей, как вождь и царь?

И о к а с т а

Всех было пять; один из них — глашатай.
В повозке Лайй восседал один.

Э д и п

Ах, ясно все... так ясно! — От кого же
Узнали вы про смерть его, жена?

И о к а с т а

Один лишь раб от смерти ускользнул.

Э д и п

А где живет он ныне? Во дворце?

Иокаста

О нет. Когда вернулся он, увидел
Тебя царем, а Лаия убитым —
760 К моей руке припав, он умолил
Услать его из города подальше
На пастбища окраинные стад.
Я снизошла к мольбе его; и право,
Не будь рабом он, получил бы больше.

Эдип

Нельзя ль скорей его обратно вызвать?

Иокаста

Конечно, можно. Но на что тебе он?

Эдип

Боюсь, жена, — причин я слишком много
Тебе назвал желанья моего!

Иокаста

Да он придет! Но все ж и я достойна
770 Твою кручину разделить, Эдип.

Эдип

Достойна; и кому еще доверить
Я мог бы страх встревоженной души?
Кто ближе мне в судьбы моей невзгодах?
Мне был отцом Полиб, коринфский царь,
А матерью — дориянка Мeroпа.
На родине вельможей первым слыл я
До случая, который был достоин
Сомнения, но гнева не достоин.
На пиршестве, напившись до потери
Рассудка, гость какой-то в пьяном рвенье
«Поддельным сыном моего отца»
780 Меня назвал. Вскипел я гневом; все же
Себя сдержал я в эту ночь. С зарей же
Пошел к отцу и матери, чтоб правду
От них узнать. Они с негодованьем
Обидчика отвергли. Я был рад,
Но все ж сверлило оскорбленье душу:
Я чувствовал, как дальше все и дальше
Оно ползло. — И вот иду я в Дельфы,
Не говоря родителям ни слова.
Здесь Феб ответа ясного меня
Не удостоил; но в словах вещанья
790 Нашел я столько ужасов и бед —

- Что с матерью преступное общенье
Мне предстоит, что с ней детей рожу я
На отвращенье смертным племенам
И что я кровь пролью отца родного, —
Что я решил — отныне край коринфский
Любить с звездой небесной наравне
И бег туда направить, где б не мог я
Стать жертвою пророческих угроз.
И вот дошел я до тех мест, в которых —
Как молвишь ты — погиб покойный царь.
- 800 Тебе, жена, всю правду я открою.
Когда уж близок был к распутью я,
Навстречу мне повозка едет, вижу;
Пред ней бежит глашатай, а в повозке
Сам господин, — как ты мне описала.
И тот и этот силою меня
Пытаются согнать с своей дороги.
Толкнул меня погонщик — я в сердцах
Его ударил. То увидя, старец,
Мгновенье улучив, когда с повозкой
Я поравнялся — в голову меня
Двойным стрекалом поразил. Однако
- 810 Он поплатился более: с размаху
Я посохом его ударил в лоб.
Упал он навзничь, прямо на дорогу;
За ним и прочих перебить пришлось.
Но если между Лаием погибшим
И тем проезжим есть какая связь —
О, кто несчастнее меня на свете,
Кто боле взыскан гневом божества?
Нет мне у вас ни крова, ни привета,
Вы гнать меня повинны все, повсюду,
И граждане, и пришлые. И сам я
- 820 Проклятье это на себя изрек!
И одр погибшего я оскверняю
Прикосновеньем той руки, что насмерть
Его сразила!... Я ли не злодей?
Я ль не порочней всех во всей вселенной?
Бежать я должен — и в несчастном бегстве
Не должен взором на своих почитать,
Не должен родины своей коснуться,
Не то — грех с матерью, отца убийство,
Родителя и пестуна — Полиба!
О сколь жесток — простится слово правды —
Ко мне был бог, что так меня сгубил!
- 830 Нет, нет, не дай, о чистое светило,

Моим очам увидеть этот день!
Пошли мне смерть, но не клейми при жизни
Меня таким несчастья пятном!

Корифей

И мы в тревоге; все ж, пока свидетель
Не выслушан — надежды не теряй!

Эдип

Своей надежде дал я срок недолгий —
Пока придет с окраины пастух.

Иокаста

Что может дать отрадного тебе он?

Эдип

Пусть в показаньях он с тобой сойдется —
840 Тогда свободен от нечестья я.

Иокаста

В каком же слове видишь ты опору?

Эдип

Он показал — так от тебя я слышал, —
Что от разбойников погиб твой муж, —
От многих, значит. Коль и ныне то же
Покажет он, — убил его не я:
Один прохожий ведь не равен многим.
А если путник одинокий будет
Показан им — тогда уж нет сомнений:
Убийства грех нависнет надо мной.

Иокаста

О, если так, то будь уверен: слово
Он произнес, как я передала.
Его обратно взять не может он:
850 Все слышали его, не я одна!
Но если б даже от тогдашней речи
Отрекся он — вещаний он и этим
Не оправдает. Феб царю судил
От сына моего погибнуть; что же,
Убил его малютка бедный? Нет!
Он сам погибель до того отведал.
Теперь не верю я гаданьям божьим:
Они с дороги не собьют меня.

Э д и п

Ты судишь здраво; все ж за очевидцем
860 Пошли гонцов — прошу тебя, пошли!

И о к а с т а

Пошлю не медля. Но войдем в хоромы;
Тебе во всем я рада услужить.

(Уходит с Эдипом во дворец.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

СТРОФА 1

Судьба моя! Дай мне вечно
Слов и дел святую чистоту блюсти
И чтить Законы, что в небесной выси
Из лона Правды самой взошли.
Их край родной — ясный свет эфира;
Олимп им отец; родил
Не смертного разум их;
870 Не он в забвения мгле их скоронить властен!
Велик в них зиждущий бог; они нетленны.

АНТИСТРОФА 1

Слепая спесь — власти чадо;
Спесь же, снедью благ пресытившись вконец,
Сверх меры пышных, вред в себе несущих —
На счастья крайний уступ взойдя,
С него стремглав в глубь несется бездны.
Но ты, справедливый бог,
Молю, не оставь народ
880 В борьбе, которая нам в граде сулит счастье!
Мне будет зиждущий бог оплотом вечно.

СТРОФА 2

Если ж кто рукам и речи
Путь надменности избрал,
Без страха пред ликом Правды,
Без почтения к богам —
Судьба да постигнет злая
Спесь несчастную его.
Кто в беззаконье к выгоде стремится

890 И кто в нечестии своем
Не признает ненарушимых граней —
Возможно ль нам стрелы гнева своего
От груди отвлечь злодея?
Если честь делам нечестья воздавать —
К чему мои песни?

АНТИСТРОФА 2

Уж с молитвой не пойду я,
Где срединный храм Земли*,
Ни в Фебов чертог Абейский**,
900 Ни к Олимпии холмам, —
Пока с очевидной силой
Бог себя не оградит.
О Зевс-вершитель, выше всех царящий!
Коли права моя мольба —
Твой взор бессмертный обрати на дерзких!
Уж веры нет Феба гаснущим словам;
Меркнет в почестях народных
Бога-песнопевца лучезарный лик;
910 Конец благочестью!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Из дворца выходит Иокаста; за ней прислужница несет цветы
и благовония.

Иокаста

Пришла мне мысль, фиванские вельможи,
Припасть смиренно к алтарям бессмертных
С венком и с горстью ладана в руках.
Волнуется в заботах выше меры
Душа Эдипа; не умеет он,
Как должно здравомыслящему мужу,
По прошлому о будущем судить, —
Он отдается первой встречной речи,
Когда о страхе шепчет эта речь.
Моим советам он не внимлет боле;
И вот к тебе, Ликейский Аполлон, —
920 Ты ближе всех — с мольбой я обращаюсь:
Яви нам добрый выход из беды.

* Дельфы.

** Храм Аполлона в Абах, северо-восточнее Давлиды.

Поник лады отважный кормчий нашей;
Его уныньем все омрачены.

(Кладет цветы и благовоения к подножию статуи Аполлона.)

К дворцу Эдипа приближается коринфский вестник.

Вестник

Дозвольте, граждане, у вас спросить:
Где здесь Эдипа царственный чертог?
Иль лучше — самого мне укажите!

Корифей

Чертог ты видишь; сам он дома, гость мой;
А здесь супруга — мать его детей.

Вестник

Будь счастлива среди счастливых вечно,
930 Царя Эдипа верная супруга!

Иокаста

Тебе, мой гость, того же я желаю
За ласковый привет. Скажи, однако,
В чем — или воля, или весть твоя.

Вестник

Супругу твоему и дому — счастье.

Иокаста

Какое счастье? Кто тебя прислал?

Вестник

Народ коринфский. Шлет тебе он радость...
Конечно, радость... но и горе с ней.

Иокаста

В чем этой вести двойственная сила?

Вестник

Его царем поставят уроженцы
940 Земли истмийской — так судили там.

Иокаста

Но разве власть уж не в руках Полиба?

Вестник

О нет; он сам признал уж смерти власть.

Иокаста

Что ты сказал? Отец Эдипа умер?

Вестник

Да. Если лгу — пускай умру я сам.

Иокаста
(прислужнице)

Скорей, раба, ступай за господином,
Скажи ему... — О, где вы ныне? Где вы,
Вещания богов? — Всю жизнь боялся
Его убить мой муж, и вот теперь
Его судьба сразила, а не он!

Эдип
(поспешно выходя из дворца)

950 Друг Иокаста, милая супруга,
Зачем сюда ты вызвала меня?

Иокаста

Его послушай — он тебя научит,
Как верить им — пророчествам богов!

Эдип

Кто он такой? И что он мне приносит?

Иокаста

Гонец коринфский с вестью о Полибе,
Отце твоём: его уж нет, он умер.

Эдип

Возможно ль, гость мой? Сам мне дай ответ!

Вестник

Уж если с этого начать мне должно —
Да, будь уверен: нет его в живых.

Эдип

960 Болезнь его сразила? Иль коварство?

Вестник

Для старости и мелочи довольно.
Огонь гаснущий и ветерок задует.

Эдип

Болезнь беднягу унесла, я вижу.

Вестник

Еще вернее — поздние года.

Э д и п

Жена, жена! И стоит ли считаться
С пифийским Феба очагом иль с криком
Невнятным птицы над головой людей?
Они судили мне отца убийство —
И вот он умер, схоронен в земле,
А я, беглец, к мечу не прикоснулся!..
Уж не тоска ль по мне его убила,
970 И в этом смысле «от меня он пал»?..
Но нет: все божеские прорицанья
С собой похитил в глубь земли Полиб,
Всю их тщету изобличив пред миром!

И о к а с т а

Не я ль давно тебе о ней твердила?

Э д и п

Твердила, да; но страх меня стегал.

И о к а с т а

Теперь навек ты от него свободен.

Э д и п

А все ж я ложа матери боюсь.

И о к а с т а

Чего ж бояться, если ты уверен,
Что случай правит жизнью твоею,
А провиденью места нет нигде?
Жить надо просто, как позволит доля.
980 Брак с матерью! Иной и в вещем сне
Его свершит; и чем скорей забудет,
Тем легче жизнь перенесет свою.

Э д и п

Меня б легко ты в этом убедила,
Когда б не то, что мать моя жива.
Теперь же страха не сразить словами.

И о к а с т а

Зарей во тьме отца могила светит!

Э д и п

Зарей, не спорю; но живой боюсь.

В е с т н и к

Да что за женщина вас так пугает?

Э д и п

990 Меропа, старче: та, с кем жил Полиб.

Вестник

Что ж страшного находите вы в ней?

Э д и п

Вещаньем бог меня смутил тревожным.

Вестник

О нем дозволено узнать чужому?

Э д и п

Таить не стану. Феб мне предсказал,
Что с матерью сойтись в любви преступной
Мне суждено и кровь отца пролить.
Вот почему уж с давних пор Коринфа
Я не видал. Был счастлив я; но все же —
Отраден блеск родительских очей!

Вестник

1000 Так этот страх прогнал тебя из дома?

Э д и п

Отца убить я не желал, старик.

Вестник

О государь! К тебе с добром пришел я;
Дозволь навеки страх рассеять твой!

Э д и п

Тебе б я был навеки благодарен.

Вестник

А я как раз затем пришел, чтоб вызвать
Тебя домой — и дар твой заслужить.

Э д и п

Я не вернусь, пока жива Меропа!

Вестник

Дитя! ты сам не знаешь, что творишь.

Э д и п

О ради бога! Научи меня.

Вестник

Ты из-за них в изгнание пребываешь?

Э д и п

1010 Чтоб не исполнилось вещанье Феба!

Вестник

Чтоб от родивших скверны не принять?

Э д и п

Да, старче, да; ее страшусь я вечно.

Вестник

Так знай же: страх твой пуст был и напрасен.

Э д и п

Как пуст? мои ж родители они!

Вестник

Нет общей крови у тебя с Полибом.

Э д и п

Что ты сказал? Отец мой — не Полиб?

Вестник

Ничуть не более, чем я, поверь мне!

Э д и п

Ты бредишь! Он отец мой, ты — ничто.

Вестник

1020 Ты не был сыном ни ему, ни мне.

Э д и п

Но как же? Сыном он ведь звал меня!

Вестник

А получил — из этих самых рук.

Э д и п

Из рук чужих? И так любил? Так нежно?

Вестник

Так что ж? Своих им не дал бог детей.

Э д и п

А ты... купил меня? Иль подобрал?

Вестник

Нашел тебя... в долине Киферона.

Э д и п

А что ж тебя в ту местность завело?

Вестник

Был горных стад надсмотрщиком тогда я.

Эдип

Ты пастухом был? Батраком скитался?

Вестник

1030 Я был твоим спасителем, мой сын.

Эдип

В какой беде простер ко мне ты руки?

Вестник

О ней суставы знают ног твоих*.

Эдип

Не вспоминай об этом древнем горе!

Вестник

Я развязал израненные ноги.

Эдип

Да, был в пеленках искалечен я!

Вестник

И именем ты той беде обязан.

Эдип

Кто это сделал? Мать? Отец? Ответь же!

Вестник

Почем мне знать? Ты давшего спроси!

Эдип

Что? Давшего? Не сам меня нашел ты?

Вестник

1040 Да нет же; взял у пастуха другого.

Эдип

Откуда был он? Отвечай, коль знаешь!

Вестник

Ему был, мнится, Лаий господином.

* Лаий велел проколоть ноги младенцу Эдипу.

Э д и п

Покойный царь фиванского народа?

В е с т н и к

Он самый; был его он пастухом.

Э д и п

А где он? Жив? Могу его увидеть?

В е с т н и к

Об этом лучше вам, фиванцам, знать.

Э д и п

(к хору)

Кому-нибудь средь вас пастух тот ведом?

Быть может, видел кто его иль здесь,

Иль в деревнях? Скажите все, прошу вас;

1050 Настало время тайну обличить.

К о р и ф е й

Я полагаю, это — тот пастух

Окраинный, которого и раньше

Хотел ты видеть. Впрочем, лучше всех

О нем царица Иокаста знает.

Э д и п

Жена, скажи: не тот ли это самый,

Кому велели мы прийти сюда?

И о к а с т а

Как? Что? Кого назвал он? Не заботься,

Забудь скорее все его слова!

Э д и п

Тому не быть, чтоб я, с такой уликой,

Раскрыть свое рождение упустил!

И о к а с т а

1060 Коль жизнь тебе мила, оставь расспросы.

Молю богами, — я и так страдаю.

Э д и п

Не бойся; пусть предстану пред тобой

Тройным рабом*, — не станешь ты рабыней**.

* Т. е. сыном рабыни в третьем поколении.

** Женщина, вышедшая замуж за раба, приравнивалась к рабыне.

Иокаста

Эдип, молю, послушайся меня!

Эдип

Послушаться? Не обнаружить рода?

Иокаста

Но я забочусь о твоём же благе!

Эдип

Вот это благо уж давно мне в тягость!

Иокаста

О, век бы не узнать тебе, кто ты!

Эдип

(телохранителям)

Вы, пастуха скорей ведите!

(Иокасте.)

Ты же

1070 Любуйся вволю знатностью своей!

Иокаста

О горе, горе! О злосчастный — это
Тебе последний мой привет; прости!

(Уходит во дворец.)

Корифей

Смотри, Эдип, в каком ужасном горе
Твоя жена умчалась! Я боюсь,
Ее молчанье бурей разрешится.

Эдип

Пусть разрешается чем хочет! Я же
Свой корень — как ни скромн он — хочу
Увидеть. Страх ее и мне понятен:
В ее гордыне женской стыдно ей,
Что я могу безродным оказаться.
1080 Я — сын Судьбы! от матери своей —
Она добра ко мне была — позора
Я не приму. А родичи мои —
Их Месяцами вы зовете, — малым
Меня найдя, поставили великим.
Таким я стал; иным мне не бывать;
Итак, мой род — долой с тебя завесу!

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор
СТРОФА

Если я впрямь прорицатель,
Если верен вещий ум, —
О Киферон! Ты услышишь
Крик и шум в своих ущельях
1090 Завтра в полнолунье:
Будем тебя мы, Эдипа
Кряж родной,
Величать отцом, кормильцем,
Песней-пляскою восславим,
Что фиванскому царству
Ты принес отраду.
А ты, Аполлон-исцелитель,
Ниспошли нам милость!

АНТИСТРОФА

Кто тебе мать, кто, малютка,
В сонме вечно юных дев?
1100 Горного ль Пана подруга,
Иль избранница младая
Феба-властелина?
Он навещает любовно
Склоны гор!
Иль Гермесу на Киллене,
Иль владыке Дионису
В дар принесла тебя нимфа
Там, на горных высях,
Где он с геликонскими нимфами
Водит хороводы?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Показывается старый пастух Лаия, ведомый слугами Эдипа.

Эдип

1110 В лицо его не знаю, но уверен,
Друзья мои, что это он, пастух,
Тот самый, за которым мы послали.
Он очень стар, он впрямь гонцу ровесник;
К тому же в спутниках его как будто
Своих рабов я узнаю. Но вам

Скорей судить возможно: ведь и раньше
Вам был знаком тот Лаиев пастух.

Корифей

Ты не ошибся, это он. Был верен
Царю он так, как только может раб.

Эдип
(Вестнику)

К тебе, коринфянин, вопрос мой первый:
1120 О нем ли говорил ты?

Вестник

Да, о нем.

Эдип
(Пастуху)

Теперь, старик, смотри мне в очи прямо
И прямо на вопросы отвечай.
Скажи мне: был ты Лаия рабом?

Пастух

Да, но не купленным: я в доме вырос.

Эдип

И чем ему служил ты? Чем кормился?

Пастух

Почти всегда к стадам приставлен был.

Эдип

Где ж ты их пас? В каких местах бродил ты?

Пастух

На Кифероне или по соседству.

Эдип

Ты с этим мужем уж встречался в жизни?

Пастух

О ком ты говоришь? И что он делал?

Эдип

1130 О том, кто пред тобой. Ты с ним знаком?

Пастух

Дай посмотреть... нет, государь, не помню.

Вестник

Куда ему! но все же, государь,
Заставлю я его припомнить ясно,
Хоть он и не узнал меня.

(Пастуху.)

Забыл ты,
Как там, на Кифероне мы сходились?
Ты двух был стад надсмотрщиком, а я
Лишь одного. И вот, три года сряду
Мы полное там лето проводили
Вплоть до Арктура*. А на зиму мы
Домой спускались — я к своей избушке,
А ты к родному Лаия двору.
1140 Что ж скажешь? Правду я тебе напомнил?

Пастух

Да. Только было это так давно!

Вестник

Теперь припомни: не давал ли ты
Младенца мне в те дни на воспитанье?

Пастух

К чему об этом спрашивать теперь?

Вестник

А вот к чему: младенец этот — вот он!

Пастух

Да будет проклят твой язык! Молчи!

Эдип

Ты не брани его, старик! Внушенья
Не он достоин, а скорей ты сам!

Пастух

В чем я виновен, государь любимый?

Эдип

1150 Ты о младенце отвечать не хочешь!

Пастух

И отвечать мне нечего: он лжет!

* Появление этой звезды было признаком осеннего равноденствия.

Э д и п

Не хочешь честью, так заставят силой.

П а с т у х

О государь, не мучь меня: я стар!

Э д и п

(телохранителям)

Скрутите руки за спиной ему!

П а с т у х

Зачем, несчастный! Что ты хочешь знать?

Э д и п

Ты дал ему младенца или нет?

П а с т у х

Дал. Лучше б смерть я принял в ту годину!

Э д и п

Ее ты примешь, коль не скажешь правды!

П а с т у х

А коль скажу — приму ее подавно.

Э д и п

1160 Ты вновь уверток ищешь, мнится мне?

П а с т у х

Да нет; сказал ведь, что младенца дал.

Э д и п

А чей был он? Твой сын? Иль сын — другого?

П а с т у х

Не мой, не мой; его — другой мне дал.

Э д и п

Кто он? Фиванец? Имя, род скажи!

П а с т у х

О государь, молю тебя, довольно!

Э д и п

Погиб ты, если повторю вопрос!

П а с т у х

Здесь, в этом доме жил его отец.

Э д и п

Кем был? Рабом? Иль... родственник царю?

П а с т у х

Вот ужас, вот! и мне о нем сказать!

Э д и п

1170 А мне — услышать. Пусть же я услышу!

П а с т у х

То был, как говорили, сын царя.

А прочее тебе жена доскажет.

Э д и п

Она тебе дала младенца?

П а с т у х

Да!

Э д и п

И для чего дала?

П а с т у х

На истребленье.

Э д и п

Свое дитя?

П а с т у х

Из страха злых пророчеств!

Э д и п

Каких?

П а с т у х

Чтоб он не стал отцеубийцей.

Э д и п

А ты зачем меня другому отдал?

П а с т у х

Мне стало жаль тебя, и я подумал:

Пусть на чужбину отнесет! А он

На горе страшное тебя сберег...

1180 И если ты — тот брошенный младенец,

То знай — себе на горе ты рожден!

Эдип

Свершилось все, раскрылось до конца!
О свет! В последний раз тебя я вижу:
Нечестием мое рождение было,
Нечестьем — подвиг и нечестьем — брак!

Эдип поспешно уходит во дворец.
Вестник и пастух расходятся в разные стороны.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Горе, смертные роды, вам!
Сколь ничтожно в глазах моих
Вашей жизни величье!
Кто меж нас у владык судьбы
1190 Счастья большую долю взял,
Чем настолько, чтоб раз блеснуть
И, блеснувши, угаснуть?
Твой наукою жребий мне,
Твой, несчастный Эдип, пример:
От блаженства грядущих дней
Уж не жду ничего я.

АНТИСТРОФА 1

Ты уметил стрелой в цель,
Ты стяжал себе лучший дар,
Счастья дар без изъяна.
Ты — о Зевс! — сокрушил в те дни
Вещей девы жестокий пыл;
1200 Ты несчастной стране моей
Стал от смерти оплотом.
С той поры ты царем слывешь,
Ты венец у людей стяжал
Высшей чести — великих Фив
Многославный владыка!

СТРОФА 2

А ныне кто злополучней меж людей?
Где больше мук? Резче смена жизни где?
Где горше помрачился ум?
О, царь, славный средь царей, Эдип!
Терем ждал тебя —

Терем страшных нег;
В нем отец и сын
1210 От одних пылали уст!
Боги! могла ли столько лет
Нива отца тебя терпеть —
Молча терпеть ужас несказанный!

АНТИСТРОФА 2

Но Время все знало и раскрыло все:
Предстал пред ним тот, кому и брак не в брак,
И кем рожден, от той родил:
То ты, Лаиев потомок, ты!
Лучше б, лучше б мне
Не видать тебя;
Погребальный стон
1220 С уст моих готов слететь.
Правду скажу я: ты мне дал
Дух утомленный перевести,
И ты же вновь тьмой покрыл мне очи!

ЭКСОД

Из дворца выходит домочадец Эдипа.

Домочадец

Земли фиванской славные вельможи,
О, сколько ужасов узнать, увидеть
Вам предстоит! Какое горе вам
Покроет душу, если дому Кадма
Наследственную верность вы храните!
О, если б Истр и Фасис, волны слив,
Струей могучей Фивы затопили —
Им все ж не смыть неслыханную скверну,
Что этот дом таит — еще таит,
Но вскоре обнаружит; скверну бедствий
1230 И вольных и невольных; но душе
Больнее добровольное страданье.

Корифей

Скорбели мы о том, что знали раньше, —
Что нового прибавить можешь ты?

Домочадец

Быстрейшая для речи весть — погибла
Великая царица Иокаста!

Корифей

Несчастливая! Что ж в гроб ее свело?

Домочадец

Своя рука. Лишь тот, кто видел дело,
Его всю горечь в сердце испытал;
Но все ж, поскольку память мне подвластна,
1240 Страдалицы вам участь расскажу.

Вы помните, как в исступленье горя
Она умчалась. Из сеней она
В свой брачный терем бросилась, руками
Вцепившись в волосы свои. А там
Она, замкнувши двери, воззвала
Ко Лаию, погибшему давно,
Коря его: «Ты помнишь ли той ночи
Старинной тайну? В ней ты сам себе
Родил убийцу, а меня, супругу,
На службу мерзкого деторождения
Своей же плоти горестной обрек!»
Она и одр свой проклинала: «Ты мне
1250 От мужа — мужа и детей от сына
Родить судил!» И вслед за тем — конец.
Но как она покончила — не знаю.

Раздался крик — в чертог Эдип ворвался —
Не до нее тут было. Все за ним
Следили мы. Метался он повсюду.
«Меч! Дайте меч мне!» Так взывал он к нам.
То снова: «Где жена моя, скажите...
Нет! Не жена — перст нивы материнской,
Двойной посев принявшей — и меня,
И от меня детей моих зародыш!»
Тут, в исступленье грозе, сам бог —
Не мы, конечно, — в терем оскверненный
Его направил. Страшно вскрикнул он
1260 И, точно силой неземной ведомый,
На дверь закрытую нагрянул, ось
Из гнезд глубоких вырвал — и вломился
Во внутрь покоя. Мы за ним. И вот
Мы видим — на крюке висит царица,
Еще качаясь в роковой петле.
Стоит он, смотрит — вдруг с рыданьем диким
Ее хватает и с петли висячей
Снимает бережно. Вот на земле
Лежит несчастная. Тогда — ах, нет!
Ужасное свершилось тогда!

Эдип срывает пряжку золотую,

- Что на плече ей стягивала ризу,
И, вверх поднявши острую иглу,
1270 Ее в очей зеницы погружает.
«Вот вам! Вот вам! Не видеть вам отныне
Тех ужасов, что вынес я, — и тех,
Что сам свершил. Отсель в кромешном мраке
Пусть видятся вам те, чей вид запрещен,
А тех, кто вам нужны, — не узнавайте!»
С такими причитаньями не раз он,
А много раз, приподнимая вежды,
Колол глаза. Кровавые зрачки
Не редкой каплей темно-бурой влаги,
А черным градом истекая, лик
И бороду страдальца орошали.
1280 Так бедствие двойное прорвалось
В двойном деянии — жены и мужа.
То счастье древнее — ах, древле было
Оно по правде счастьем. А теперь
Царит в чертоге этом грех, стенанье,
Позор, погибель — все, чем только зло
Речь наша нарекла, — все в нем найдешь.

Корифей

Что ж ныне он? Слабеет натиск мук?

Домочадец

- Он требует, чтоб двери мы открыли,
Чтоб показали Кадмову народу
Того, что пролил кровь отца, а мать
Свою — ужасных слов не повторить мне.
1290 Покинуть хочет он и дом, и землю,
Проклятию послушный своему.
Все ж без опоры, без проводника
Не обойтись ему: невыносимы
Его терзанья. Сам ты убедишься.
Уже скрипят дверей дворцовых створы.
Ах, зрелище увидишь ты такое,
Что жалость может и врагу внушить

Домочадец уходит.

На пороге дворца появляется ослепивший себя Эдип.

Корифей

- О ужасное дело! ужаснее всех,
Что когда-либо жизнь омрачили мою!
1300 Что за ярость, несчастный, постигла тебя?
Что за дух кровожадный из адских глубин

Устремился и прынул тяжелым прыжком
На твою горемычную долю?
О несчастный, несчастный! Хотелось бы мне
И спросить, и узнать, и подумать с тобой —
Не могу, не могу! Не выносит мой взор
Этой страшной зияющей раны!

Э д и п

Я несчастный, несчастный... В какие места,
О мой демон, завел ты меня? И зачем
Вдруг рассеялся стон мой в воздушных волнах?
1310 О, куда ты завел меня, демон!

К о р и ф е й

В невиданный, неслыханный позор!

КОММОС

СТРОФА 1

Э д и п

О мрак! О мрак!
Муть ужасная, несказанная,
Тьма проклятая, непроглядная!
О горе!
И снова горе! Боль терзает плоть,
Терзает душу память лютых дел.

К о р и ф е й

В таком страданье нам понятен натиск
1320 Двойной кручины и двойных стенаний.

АНТИСТРОФА 1

Э д и п

О друг мой, друг!
Ты один из всех верность мне хранишь;
Да, тебе слепца не противен вид.
О горе!
Хоть я и темный — речи до меня
Донесся звук, и я тебя узнал.

К о р и ф е й

Как ты дерзнул луч света погасить
В своих очах? Иль бог тебя подвигнул?

СТРОФА 2

Эдип

Аполлон то был, Аполлон, друзья!
1330 Он делам моим злой исход послал.
Но их своей рукой я вырвал — без сторонних сил.
Света дар — к чему?
Что мог отрадного увидеть я?

Корифей

Свершилось так, как ты сказал.

Эдип

Куда глядеть стал бы я,
С кем любовно речь вести,
Чьему привету отвечать, друзья?
1340 Ах, отправьте вдаль поскорей меня!
Я погибелью над землей навис,
Проклял сам себя и богам родным
Ненавистен стал!

Корифей

Так мудр ты, царь, — и так сражен несчастьем;
Ах, было б лучше нам не знать тебя!

АНТИСТРОФА 2

Эдип

О, да сгинет он, он, что с ног моих
Снял оков позор, он, что жизнь мою
1350 В те дни из пасти смерти вырвал, — нет любви ему!
Смерть спасла б меня,
Спасла б друзей моих от стольких бед!

Корифей

И нам бы легче было так.

Эдип

Исторг бы я жизнь отца?
Слыл бы я в речах людей
Супругом той, что родила меня?
1360 Богом проклят я: мать я осквернил,
Стал соложником своего отца!
Есть ли на земле зло превыше зла —
Все стяжал Эдип!

Корифей

Нет, не пойму я твоего решения;
Уж лучше смерть, чем жизнь влечить слепцом!

Эдип

- Мое решение? Нет, оставь советы,
1370 Оставь упреки: лучше не найти!
Скажи, какими б я дерзнул очами
Взглянуть на Лаия среди теней,
Взглянуть на мать несчастную... пред ними
Я так виновен, что вины своей
И тысячью смертей не искупил бы.
Иль скажешь ты, что вид детей отраден
Был для меня — в таком рожденных браке?
Нет, нет, навеки взор для них закрыт.
Иль город наш, иль кремль, иль божьи храмы,
Иль светлые кумиры... Ах, пред вами
1380 Фиванец истый, гражданин меж граждан, —
И я всего, всего себя лишил!
Я сам сказал, чтоб все меня вы гнали,
Меня, безбожника и нечестивца,
Меня, что род свой осквернил грехом, —
И я, бесчестьем сам себя обрекший,
Дерзнул бы взор на Фивы свой поднять?
Нет, нет! Мне жаль, что не могу и слуха
В ушах своих родник засыпать я;
Тогда бы тело жалкое свое
Я отовсюду оградил; я был бы
И слеп, и глух, и уж ничто б о горе
1390 Напоминать мне не могло моем.

- О Киферон! Зачем меня ты принял,
Зачем не мог, принявши, истребить,
Чтоб тайной я для всех людей остался?
О царь Полиб, о родины коринфской —
Так думал я — старинный отчий дом!
В какой красе меня вы воспитали —
Злодея, порожденного во зле!
О горный путь, о мрак укромной рощи,
Где две дороги с третьею сошлись!
Ты помнишь ли, ущельное распустье,
1400 Как длань моя моей же крови влагой
Из отчих жил дорогу напоила?
Что делал я при вас и что потом?
О свадьба, свадьба, — мой трофей победный!
О ты, что родила меня — и снова
От семени рождала моего!

Стал братом сын родителю, и мать
Женою сыну — большего позора
Не мог бы и придумать человек!

Но будет, будет! Гнусные деянья
Не должно в ризу речи облекать.

1410 Богами заклинаю вас: скорее
Меня ушлите за предел страны,
Иль в море бросьте, иль в могиле скройте,
Чтоб ваших взоров не смущал мой вид.
Решитесь к мужу бедствий прикоснуться,
Не бойтесь скверны: зол моих из смертных,
Опричь меня, не вынесет никто.

Корифей

Креонт отныне страж* земли фиванской
Взамен тебя; и словом он и делом
Тебе ответить властен. Он идет!

Входит Креонт.

Эдип

Идет! О боги! Что ему скажу я?
1420 Как убедить его теперь сумею,
Я, что его так гнусно оскорбил?

Креонт

Эдип, не бойся; без злорадства в сердце
Пришел я, без упрека на устах.
Но вы, о люди! Если смертных род
Вам не внушает уваженья — Солнца,
Властителя, всезидущее пламя
Почтить должны вы — и такой заразой
Не осквернять нетленной чистоты.
Ее не примет ни земля сырая,
Ни дождь священный, ни небесный свет.

(Прислужникам.)

Скорее в дом страдальца отведите:
1430 Лишь ближний вправе видеть муки ближних.

Эдип

Молю богами! Ты, великодушно
Избавивший негодного от страха,
Одну еще мне службу сослужи!
Не о себе я — о тебе радею.

* Как единственный взрослый мужчина из царского рода.

Креонт

Какой же службы ждешь ты от меня?

Эдип

Из этих мест отправь меня в изгнание,
Где не видать и не слышать людей.

Креонт

Отказа нет, но должен я сначала
Узнать, как бог судьбу твою решил.

Эдип

1440 Его решение нам известно: смертью
Отцеубийцу, грешника сгубить.

Креонт

Так он сказал; но в положение новом
Вновь спросить его нам долг велит.

Эдип

О нечестивце вопрошать ты будешь?

Креонт

И ты с ответом бога согласишься.

Эдип

Пусть будет так. Но вот еще наказ.
Там, в доме... сам ведь знаешь. Но ее ты
Земле предашь по своему решению:

1450 Она — твоя, твой долг ее почитать.
Но я ведь — жив. О, не дозволяй, чтоб город
Родимый наш был жителя такого
Прикосновеньем осквернен. Отправь
Меня в пустыню, где главу возвысил
Мой Киферон. Законною могилой
Он от отца и матери мне дан:
Пусть волю их исполнит смерть моя.
А впрочем, нет: не истребит Эдипа
Ни голод, ни болезнь. Уж коль тогда я
От верной смерти спасся — знать, исход
Неслыханный мне бережет судьба.

1460 Но будь что будет; я всему покорен.

Теперь — о детях. Сыновей, Креонт,
Твоей заботе поручать не нужно:
Они — мужчины; сами жизнь себе
И без улыбки ласки завоюют.

Но девочек мне жаль, сирот несчастных.
Досель ни разу с яствами трапеза
Им без меня не ставилась; во всем,
Что я вкушал, удел и им давался.
Их приголубь. О, если можно, дай мне
К ним прикоснуться, их слезой согреть.

О брат мой!

О благородный! Раз один обнять
Дозволь мне дочек — и в мечте забыться,
Что все по-прежнему они мои,
1470 Как в ту пору, когда их видел взор мой.

На пороге дворца появляются Антигона и Исмена, сопровождаемые прислужницей.

Что это?

О, ради бога! Плач их слышу я,
Моих голубок! Сжалился Креонт,
Прислал любимиц мне моих! Ведь правда?

Креонт

Да, правда. Знал я, чем тебя утешить,
Чего так страстно жаждал ты душой.

Эдип

Будь счастлив, друг, и пусть тебя за ласку
Не мой хранитель-демон бережет.
1480 О дети, где вы? Братских рук моих
Вы не чуждайтесь. Правда, эти руки
Недружелюбно с ясными очами
Расправились того, кто вас родил...
Родил от той, что родила его,
И этого не видел и не ведал!
Жалею вас... той мыслию, что реет
За раной глаз невидящих: какою
Вам от людей жить жизнью суждено!
Ах, не для вас собранья у соседей,
1490 Взамен веселья с празднеств вы вернетесь
С унылой мглой в заплаканных очах.
Настанет час, наступит время брака —
Кто вас возьмет? Кто презрит мрак позора,
Что вас покрыл, и род ваш, и меня?
Чего в нем нет! Отца убил отец ваш,
Мать опорочил, из родного лона
На свет вас вывел, вас, детей своих!
1500 Вот ваша слава; кто же вас возьмет?
Нет, не надейтесь; будете вы вянуть

Безбрачные, бездетные, одни.

Сын Менекея!* Ты один у них
Отцом остался — мы, что их родили,
Погибли оба. О, не покидай
Их в нищете, безбрачных и безродных,
Не дай сравняться горю их с моим.
Нет, пожалей их — молоды они,
И ты один опорой им остался.
1510 О друг! Кивни главой и дай мне руку.

Креонт подает ему руку.

Спасибо. Вам же, дети, — если б ум ваш
Уже созрел, — я б много дал заветов.
Теперь лишь об одном богов молитесь:
Да будет ласков жребий ваш — да будет
Он легче доли вашего отца!

Креонт

Уж полна стенаний мера; во дворец со мной иди.

Эдип

Как ни грустно — повинуюсь.

Креонт

Все, что впору, хорошо.

Эдип

Но условие дай поставить.

Креонт

Укажи его, Эдип.

Эдип

Изгони меня скорее.

Креонт

Это — бога дар, не мой.

Эдип

Богу стал я ненавистен.

Креонт

Тем скорей получишь дар.

Эдип

1520 Ты решил?

* Креонт.

Креонт

Я слов не трачу попустому; да, решил.

Эдип

Что ж, вели меня отправить.

Креонт

Да, иди, детей оставь.

Эдип

О молю, не отнимай их!

Креонт

Всем владеть ты не хоти:

И того не мог сберечь ты, что своим при жизни звал.

Уводит Эдипа во дворец; за ними уходят Антигона и Исмена.

Корифей

О сыны земли фиванской! Вот, глядите — вот Эдип,
Он, загадки разгадавший, он, прославленный царь; —
Кто судьбе его из граждан не завидовал тогда?

А теперь он в бездну горя ввергнут тою же судьбой.
Жди же, смертный, в каждой жизни завершающего дня;
Не считай счастливым мужа под улыбкой божества

1530 Раньше, чем стопой безбольной рубежа коснется он.

Хор покидает оркестру.

Еврипид

(480—406 гг. до н. э.)

Театр Еврипида — последний яркий феномен античной трагедии. Расцвет таланта Еврипида (его ранние пьесы нам неизвестны) совпал с эпохой партийной борьбы в Афинах. Длительная война со Спартой, окончившаяся поражением Афин, сообщила этой борьбе особенно острый характер. В это же время первые шаги делает рационалистическая философия (Анаксагор, софисты и затем Сократ). Под угрозой оказывается традиционный уклад общественной и религиозной жизни: первая принимает уродливые формы (охлократия), вторая мучительно ищет новое духовное содержание. Еврипид, снискавший репутацию ученого поэта, был в центре этих поисков. Никакой другой художник не испытал столько разочарований, не был вынужден столько раз поклоняться сожженному, переходя от крайнего пессимизма к новым надеждам.

Уцелело 17 из 92 пьес Еврипида (трагедия «Рес» приписана ему по ошибке), в числе которых одна драма сатиров — «Киклоп». В XX в. к ним добавились многочисленные находки папирусных текстов с фрагментами различных пьес, так что теперь мы можем судить о содержании едва ли не половины написанного Еврипидом. Это богатейшее наследие в сочетании с необычайной разнородностью взглядов Еврипида делает краткий анализ развития его творчества невозможным. Мы ограничимся поэтому отдельными замечаниями, касающимися прежде всего публикуемых в данной хрестоматии пьес.

О жизни Еврипида достоверно известно только несколько фактов. Поэт родился в аристократической семье, дважды был женат и, по-видимому, несчастлив в семейной жизни, что сказалось на его от природы невеселом характере. От политической жизни он уклонялся, посвящая все время творчеству и образованию, — он первым из греков собрал большую частную библиотеку. Последние годы жизни Еврипид провел вдали от Афин, при дворе македонского царя Архелая. Никаких существенных формальных новшеств в театральную практику Еврипид не ввел. Он ставил и сюжетно связанные тетралогии, как Эсхил, и разобщенные, как Софокл.

В отличие от двух других великих трагиков, Еврипид не пользовался популярностью у современной ему публики. Он побеждал

всего несколько раз и всю жизнь был в тени Софокла. Трагедия «Медее», которая до сих пор не сходит со сцены, признанный шедевр мировой драматургии, при первой постановке (431 г. до н. э.) получила последнее место! Трактовка мифа, предлагаемая Еврипидом, в большинстве случаев отвергалась афинским зрителем, а новаторские философские взгляды, которыми он наделял своих персонажей, не вызвали сочувствия. Комедиографы, идя на поводу у публики, насмехаются над Еврипидом: Аристофан сделал из него (впрочем, как и из Сократа — см. «Облака») настоящее пугало. Что касается последующих эпох, эллинистической и греко-римской, то для них Еврипид — кумир. Подражание ему вызывает к жизни целые жанры. Таков жанр мещанской драмы, которая отличается от трагедии прежде всего упрощенным нравственным обликом героев. У Еврипида это, например, кощунственно упрямый Пенфей в «Вакханках» (406 г. до н. э.). Несмотря на весь ужас постигшей его судьбы, он изображен страдающим заслуженно. Необыкновенно привлекательной в позднюю эпоху кажется и философичность Еврипида, что неудивительно, учитывая возросший после Платона и Аристотеля престиж философии.

Ни у кого из греческих и римских писателей, за исключением, пожалуй, Лукиана, боги и герои не представлены в таком неприглядном свете, как у Еврипида. Ясон в «Медее» — трусливый эгоист, чуждый всякого благородства. Афродита в прологе к «Ипполиту» (428 г. до н. э.) цинично заявляет, что ради мести Ипполиту, вина которого, кстати, весьма спорна, она погубит и Федру, хотя та глубоко чтит ее. Артемиду же, которую Ипполит особенно почитает, и не думает вступаться за него. Ее отговорка: «У богов не принято мешать друг другу» — выглядит как пародия на теодицею. Еврипид доходит чуть ли не до полного отрицания традиционной религии. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Если боги несправедливы, то они не боги». И вместе с тем он оправдывает «бесчеловечные» поступки божества. В «Вакханках» служение Дионису заставляет мать разорвать на куски собственного сына. Но Еврипид подает это как закономерный, необходимый поступок, заслуженную месть богохульному Пенфею. Диоскуры, Тесей, Аполлон, Геракл появляются в пьесах Еврипида, чтобы уладить конфликт, выручить и наградить героя, подчас даже такого, который, быть может, и не заслуживает награды — как Адмет в «Алкестиде» (438 г. до н. э.). Очевидно, гомеровские боги, которые руководствуются человеческими побуждениями, для Еврипида, ученика Анаксагора и софистов, уже совершенно неприемлемы. Истинный бог тот, который награждает человека, сделавшего правильный нравственный выбор, как Гераклом награждена Алкестиды. Во главу угла поставлена совесть человека.

Еврипид сознательно изображает героев в таких ситуациях, когда они сами, без всякого внешнего побуждения должны сделать выбор между благородством и низостью, справедливостью и злодейством и т. д. Это в первую очередь относится к женским персонажам — центральным и, безусловно, самым ярким образам в большей

части пьес Еврипида. Безумная любовь Медеи, ради которой она совершает свои страшные преступления, вызывает отвращение. Постыдна и страсть Федры. Однако нет благороднее женщины, чем Алкестида, которая ради мужа готова идти на смерть, и ни с чем не сравнимо самопожертвование Ифигении, предпочитающей жалкому прозябанию смерть ради общей славы Греции («Ифигения в Авлиде», 406 г. до н. э.). По свидетельству Аристотеля, Еврипид утверждал, что он изображает людей такими, какие они есть. Ифигения, как и Агамемнон, может отказаться от жертвы, Медея до конца не знает, нужно ли ей убивать детей, а Федра — стоит ли выдвигать роковое обвинение.

Еврипида упрекали в неумении создать драматическое напряжение. Длинные монологи, сочиненные по всем правилам ораторского искусства, нужны не столько для ретардации, сколько для того, чтобы выразить мысли автора, напрямую с сюжетом не связанные. Хор, сопереживая героям, никак не участвует в действии. Некоторые пьесы Еврипида производят впечатление набора патетических картин, слабо связанных между собой. Но если сосредоточиться на отдельных сценах, песнях хора, монодиях, то картина меняется: все частности выполнены с редким мастерством и вниманием к деталям, как языковым, так и сюжетным.

Пьеса Еврипида «Киклоп» — единственная целиком сохранившаяся драма сатиров. Этот жанр, которого мы уже касались в связи с вопросом о происхождении трагедии, как считалось в античности, ввели в литературу дорийцы. Пратин из города Флиунт на Пелопоннесе первым представил сатирову драму в Аттике (начало V в. до н. э.). Сатинова драма была прерогативой трагиков, комедиографы их не писали, хотя многие из известных нам названий сатиновых драм совпадают с названиями комедий. Маска сатира: плешистый, бородастый, курносый, с длинными ушами (видимо, поначалу на их месте были козлиные рога); костюм: набедренная повязка из козьей шкуры, фаллос и конский хвост. Силен, также неотъемлемый персонаж этой драмы, — седобородый старик, весь покрытый волосами, на плечах шкура пантеры, на голове венок из плюща. В таком бурлескном окружении происходит действие, сюжет которого, как и сюжет трагедии, взят из мифов о богах и героях.

М. М. Позднев

МЕДЕЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кормилица.
Дядька.
Медея.
Хор коринфских женщин.
Креонт.
Ясон.
Эгей.
Вестник.
Сыновья Медеи и Ясона.

Действие происходит в Коринфе, перед домом Меден.

ПРОЛОГ

Кормилица

О, для чего крылатую ладью
Лазурные, сшибаясь, утесы*
В Колхиду пропускали, ель зачем
Та падала на Пелий, что вельможам,
Их веслами вооружив, дала
В высокий Иолк в злаченных завитках
Руно царю Фессалии доставить?
К его стенам тогда бы и моя
Владычица не приплыла, Медея,
Ясона полюбив безумно, — там
Убить отца она не научала б
Рожденных им и нежных Пелиад,
10 И не пришлось бы ей теперь в Коринфе
Убежища искать с детьми и мужем.
Пусть гражданам успела угодить
Она в изгнание, мужу оставалась
Покорною женой (а разве есть
На свете что милей семьи, где с мужем
Живет жена согласно?), но удел
Медеи стал иной. Ее не любят,
И нежные глубоко страждут узы.
Детей Ясон и с матерью в обмен
На новое отдать решился ложе,

* В путешествии за золотым руном аргонавты должны были миновать сталкивающиеся морские скалы — Симплегады.

- Он на царевне женится — увы!
- 20 Оскорблена Медея, и своих
Остановить она не хочет воплей.
Она кричит о клятвах и руки
Попранную зовет обратно верность,
Богов зовет в свидетели она
Ясоновой расплаты. И на ложе,
От пищи отказавшись, ночь и день
Отдавши мукам тело, сердцу таять
В слезах дает царица с той поры,
Как злая весть обиды поселилась
В ее душе. Не поднимая глаз
Лица к земле склоненного, Медея,
Как волн утес, не слушает друзей,
В себя прийти не хочет. Лишь порою,
- 30 Откинув шею белую, она
Опомнится как будто, со слезами
Мешая имя отчее и дома
Родного, и земли воспоминанье,
И все, чему безумно предпочла
Она ее унизившего мужа.
Несчастье открыло цену ей
Утраченной отчизны. Дети даже
Ей стали ненавистны, и на них
Глядеть не может мать. Мне страшно, как бы
Шальная мысль какая не пришла
Ей в голову. Обид не переносит
Тяжелый ум, и такова Медея.
И острого мерещится удар
- 40 Невольно мне меча, разящий печень,
Там над открытым ложем, — и боюсь,
Чтобы, царя и молодого мужа
Железом поразивши, не пришлось
Ей новых мук отведасть горше этих.
Да, грозен гнев Медеи: не легко
Ее врагу достанется победа.
Но мальчиков я вижу — бег они
Окончили привычный и домой
Идут теперь спокойно. А до муки
И дела нет им материнской. Да,
Страдания детей не занимают.
Старый дядька ведет двух мальчиков.

Дядька

О старая царицына раба!

- 50 Зачем ты здесь одна в воротах? Или

Самой себе ты горе поверяешь?
Медея ж как рассталася с тобой?

Кормилица

О старый спутник сыновей Ясона!
Для добрых слуг несчастье господ
Не то же ли, что и свое: за сердце
Цепляется оно, и до того
Измучилась я, веришь, что желанье,
Уж и сама не знаю как, во мне
Явилось рассказать земле и небу
Несчастья царицы нашей.

Дядька

Плачет

Поди еще?..

Кормилица

Наивен ты, старик,
60 Ведь горе-то лишь началось, далеко
И полпути не пройдено.

Дядька

Слепая...

Не про господ будь сказано. Своих,
Должно быть, бед она не знает новых.

Кормилица

Каких? Каких? О, не скупись — открой...

Дядька

Нет, ничего. Так, с языка сорвалось.

Кормилица

О, не таи! Касаясь бороды,
Тебя молю: открой подруге рабства.
Ведь, если нужно, мы и помолчать
Сумели бы...

Дядька

Я слышал, — но и виду
Не подал я, что слышу, проходя
У Камешков* сегодня, знаешь, где

* Место, где играли в камешки.

Старейшины сидят близ вод священных
Пирены. Кто-то говорил, что царь
70 Сбирается детей с Медеей вместе
Коринфского лишить приюта. Слух
Тот верен ли, не знаю; лучше б, если
Неверен был он.

Кормилица

Что же, и Ясон
До этого допустит? Хоть и в ссоре
Он с матерью, но дети ведь его же...

Дядька

Что ж? Новая жена всегда милей:
О прежней царь семье не помышляет.

Кормилица

Погибли мы... коль, давешней беды
Не вычерпав, еще и эту впустим...

Дядька

80 Все ж госпоже ее не время знать:
Ты затаишь мои слова покуда.

Кормилица

Вот, дети! Вот каков отец для вас!
Но боги да хранят его! Над нами
Он господин, — хоть, кажется, нельзя,
Чтоб человек больней семью обидел.

Дядька

В природе смертных это. Человек
Всегда себя сильнее, чем друга, любит.
Иль новость ты узнала, удивляюсь...
И должен был для этого Ясон
Пожертвовать детьми утехам ложа?..

Кормилица

Идите с богом, дети, — все авось
90 Уладится. А ты, старик, подальше
Держи детей от матери — она
Расстроена. Запечатлелась ярость
В ее чертах — и как бы на своих
Не вылилась она, увы! Не стихнет
Без жертвы гнев ее — я знаю. Только
Пускай бы враг то был, а не свои...

Мед ея
(за сценой)

Увы!
О, злы мои страдания. О!
О, смерть! Увы! О, злая смерть!

Кормилица

Началось... О дети... Там мать,
Ваша мать свое сердце — увы! —
Мечет по воле и гнев
Ярый катает... Подальше
100 Затаитесь, милые. Глаз
Не надо тревожить ее...
Ни на шаг к ней ближе, о дети:
Вы души ее гордой, и дикой,
И охваченной гневом бегите...
О, скорее, скорее под кровлю...
Это облако стона сейчас
Раскаленная злоба ее
Подожжет... Где предел для тебя,
О сердце великих дерзаний,
Неутешное сердце, коль мука
110 Тебя ужалила, сердце?

Мед ея
(за сценой)

О, горе! О, муки! О, муки и вы,
Бессильные стоны! Вы, дети...
О, будьте ж вы прокляты вместе
С отцом, который родил вас!
Весь дом наш погибни!

Кормилица

На голову нашу — увы! —
Слова эти... Горе, о, горе!
Что ж сделали дети тебе?
Они за отца в ответе ль? Что мечешь
Ты гнев на детей! О милые, я
Боюсь за судьбу вашу, дети.
Ужасны порывы царей,
Так редко послушных другим,
120 Так часто всевластных...
Их злобе легко не уняться...
Не лучше ли быть меж листов
Невидным листом?
О, как бы хотела дождаться

Я старости мирной вдали
От царской гордыни...
Умеренность — сладко звучит
И самое слово, а в жизни
Какое сокровище в нем!
Избыток в разладе с удачей,
И горшие беды на род
130 С божественным гневом влечет он.

ПАРОД

На оркестру вступает хор коринфских женщин.

Хор
ПРООД

Я слышала голос, я слышала крик
Несчастной жены из дальней Колхиды:
Еще ли она, скажи, не смирилась?
Скажи мне, старуха...
Через двери двойные* я слышала стон
И скорби семьи сострадаю,
Сердцу давно уже милой.

Кормилица

Той нет уж семьи — распалась она:
140 Мужа — ложе тиранов,
Терем жену утаил,
Царицу мою с тающим сердцем,
Лаской ничьей, ни единого друга
Лаской она не согрета...

Медее
(за сценой)

О, ужас! О, ужас!
О, пусть небесный перун
Пронижет мне череп!..
О, жить зачем мне еще?
Увы мне! Увы! Ты, смерть, развяжи
Мне жизни узлы — я ее ненавижу...

Хор
СТРОФА

Ты внял ли, о Зевс, ты, мать-Земля, ты, Солнце,
Стонам печальным

* Через две комнаты.

150 Злосчастной невесты?
Безумны, уста, вы — зачем
Желанье холодного ложа?
Смерти шаги
Разве замедлят?
Надо ль молить ее?
Если твой муж пожелал
Нового ложа, зачем же
Гневом бедствие это
Хочешь ты углубить,
Частое в мире? Кронид
Правде твоей поможет:
Только не надо сердце, жена,
Сердце в слезах не надо топить
По муже неверном...

М е д е я
(за сценой)

160 Великий Кронид... Фемида-царица!
О, призрите, боги, на муки мои!
Сама я великой клятвой
Проклятого мужа
Связала с собою, увы!
О, если б теперь
Его и с невестой увидеть —
Два трупа в обломках чертога!
От них обиды, от них
Начало... О боги... О ты,
Отец мой, о город, от вас я
Постыдно бежала, и труп
Родимого брата меж нами.

К о р м и л и ц а

Слушайте, что говорит,
Вопли мечет какие
Фемиде, обетов царице,
170 И Зевсу, кравчему клятвы.
Ужасной, ужасной она
Местью насытит сердце.

Х о р
АНТИСТРОФА

Зачем же она явить нам лицо не хочет?
Слух не преклонит
На нежный мой голос?

Безумную злобу ее,
Души ее темное пламя,
Может быть, я
И утишила б
Словом и лаской.
Пусть же любимые мной
Видят желание сердца...

(Кормилице.)

180 К ней в чертог не войдешь ли?
Пусть она выйдет к нам...
Медлить не надо... Скорей!
Может сейчас несчастье
В этих стенах произойти...
Страшен порыв гнева и мести,
Отчаянье страшно.

Кормилица

Пойти я готова... Но только
Царицу смогу ль образумить?
Труда ж и желаний не жалко...
Как львица в муках родильных,
Так дико глядит она, если
С словами на робких устах
Приблизится к ложу рабыня...
О да, не будет ошибкой
190 Сказать, что ума и искусства
Немного те люди явили,
Которые некогда гимны
Слагали, чтоб петь за столами
На пире священном иль просто
Во время обеда, балуя
Мелодией уши счастливых...
Сказать, что никто не придумал
Гармонией лир многострунных
Печали предел ненавистной,
Печали, рождающей смерти,
Колеблющей ужасом царства,
Печали предел положить...
Лечиться мелодией людям
200 Полезно бы было, на пире
Напрасны труды музыканта:
Уставленный яствами стол
Без музыки радует сердце.

(Уходит.)

Хор
ЭПОД

Я слышу опять
Плачущий голос ее.
Ее протяжные стоны.
На мужа проклятиями с ложа
Воздух пронзая,
Вопли несутся. Фемиду зовет
Несчастное чадо Колхиды,
Зачем увлекала ее
210 Чрез моря теснину на брег
Эллады, туда,
Где волны катает
Пучина, и нет ей предела.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Выходит Медея.

Медея
(к хору)

О дочери Коринфа, если к вам
И вышла я, так потому, что ваших
Упреков не хочу. Иль мало есть
Прославших гордецами оттого лишь,
Что дом милей им площади иль видеть
Они горят иные страны? Шум
Будь людям ненавистен, и сейчас
Порочными сочтут их иль рукою
Махнувшими на все. Как будто суд
Глазам людей принадлежит, и смеем
220 Мы осудить, не распознав души,
Коль человек ничем нас не обидел.
Уступчивым, конечно, должен быть
Меж вас чужой всех больше, но и граждан
Заносчивых не любят, не дают
Они узнать себя и тем досадны...
Но на меня, подруги, и без вас
Нежданное обрушилось несчастье.
Раздавлена я им, и умереть
Хотела бы — дыханье только мука:
Все, что имела я, слилось в одном,
И это был мой муж, — и я узнала,
Что этот муж — последний из людей.
230 Да, между тех, кто дышит и кто мыслит,

- Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим — и не дешево*. А купишь,
Так он тебе хозяин, а не раб.
И первого второе горе больше.
А главное — берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь.
А между тем уйди — тебе ж позор,
И удалить супруга ты не смеешь.
И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы и законы,
Приходится гадать, с каким она
240 Постель созданием делит. И завиден
Удел жены, коли супруг ярмо
Свое несет покорно. Смерть иначе.
Ведь муж, когда очаг ему постыл,
На стороне любовью сердце тешит,
У них друзья и сверстники, а нам
В глаза глядеть приходится постылым.
Но говорят, что за мужьями мы,
Как за стеной, а им, мол, колья нужны.
250 Какая ложь! Три раза под щитом
Охотней бы стояла я, чем раз
Один родить. Та речь вообще о женах...
Но вы и я, одно ли мы? У вас
И город есть, и дом, и радость жизни;
Печальны вы — вас утешает друг.
А я одна на свете меж чужими
И изгнана и брошена. Росла
Меж варваров, вдали я: здесь ни дома,
Ни матери, ни брата — никого,
Хоть бы одна душа, куда причалить
Ладью на время бури. Но от вас
Немногого прошу я. Если средство
260 Иль путь какой найду я отомстить
За все несчастья мужу, — не мешайтесь
И, главное, молчите. Робки мы,
И вид один борьбы или железа
Жену страшит. Но если брачных уз
Коснулася обида, кровожадной
Не сыщете вы сердца на земле.

Корифей

Все сделаю, Медея, справедливым
Желаниям и скорби не дивлюсь

* Речь идет о приданом.

Твоей, жена, я больше. Но Креонта,
Царя земли, я вижу этой, — он
270 Не новое ль объявит нам решенье?

Входит Креонт.

Креонт
(к Медее)

Ты, мрачная, на мужа тяжкий гнев
Скопившая, Медее, говорю я
С тобой и вот о чем: земли моей
Пределы ты покинешь, взяв обоих
Детей с собой, не медля... а приказ
Исполнишь ты при мне, и двери дома
Своей я не увижу прежде, чем
Не выброшу тебя отсюда, слышишь?

Медее

Ай! Ай! Несчастливая, я гибну. Недруг
Весь выпустил канат, и мне на берег
От злой волны уже спасенья нет...
280 Но тяжкая оставила мне силы
Спросить тебя: за что ты гонишь нас?

Креонт

О, тайны нет тут никакой: боюсь я,
Чтоб дочери неисцелимых зол
Не сделала ты, женщина, моей.
Во-первых, ты хитра, и чар немало
Твой ум постиг, к тому же ты теперь
Без мужа остаешься и тоскуешь...
Я слышал даже, будто ты грозишь
И мне, и жениху с невестой чем-то.
Так вот, пока мы целы, и хочу
Я меры взять. Пусть лучше ненавистен
Медее я, чем каяться потом
290 В мягкосердечии.

Медее

Увы! Увы!

О, не впервые, царь, и сколько раз
Вредила мне уж эта слава: зол
Она — источник давний. Если смыслом
Кто одарен, софистов из детей
Готовить он не будет. Он не даст
Их укорять согражданам за праздность...
И что еще? И ненависть толпы

Они своим искусством не насытят.
Ведь если ты невежд чему-нибудь,
300 Хоть мудрому, но новому, обучишь,
Готовься между них не мудрецом
Прослыть, а тунеядцем. Пусть молвою
Ты умников, которых город чтит,
Поставлен хоть на палец выше будешь —
Ты человек опасный. Эту участь
Я тоже испытала. Чересчур
Умна Медея — этим ненавистна
Она одним, другие же, как ты,
Опасною ее считают дерзость.
Подумаешь: покинутой жене
Пугать царей?! Да и за что бы даже
Тебе я зла хотела? Выдал дочь
Ты, за кого желал: я ненавижу,
310 Но не тебя, а мужа. Рассуждал
Ты здраво, дочь сосватав, и твоей
Удаче не завидую. Женитесь
И наслаждайтесь жизнью, лишь меня
Оставьте жить по-прежнему в Коринфе:
Молчанием я свой позор покрою.

Креонт

Да, сладко ты поешь, но злая цель
И в песнях нам мерещится: чем дольше
Я слушаю, тем меньше убежден...
Ведь от людей порыва остережся
Куда же легче нам, чем от таких,
320 Как ты, жена, лукаво-осторожных.
Ну, уходи! Все высказала ты,
Но твоего искусства не хватает,
Чтобы сберечь нам лишнего врага.

Медея

О, я молю у ног твоих — ты нас
Не высылай, хоть ради новобрачных!

Креонт

Ты тратишься без толку на слова.

Медея

О, пощади... К мольбам моим склонися!

Креонт

Своя семья Медеи ближе нам.

Медея

О, край родной! Ты ярко ожил в сердце...

Креонт

Милее нет и нам — после семьи.

Медея

330 Какое зло вы сеете, Эроты!

Креонт

Ну, не всегда — зависит от судьбы.

Медея

Винновому не дай укрыться, боже.

Креонт

Не будет ли, однако? От себя
И болтовни освободи нас лучше...

Медея

Освободить?.. Кого и от чего?
Ты вызволи нас, царь, из этой муки...

Креонт

Ты, верно, ждешь расправы наших слуг?..

Медея

О нет, о нет, тебя я умоляю...

Креонт

Угрозы мало, кажется, тебе?

Медея

Я не о том молю тебя, властитель.

Креонт

Пусти меня... Чего ж тебе еще?..

Медея

340 Дай день один мне сроку: не решила,
Куда идти еще я, а детей
Кто ж без меня устроит? Выше этих
Забот Ясон. О, сжался, царь, и ты
Детей ласкал. Тебе знакомо чувство,
Которое в нас будит слабый. Мне
Изгнание не страшно... Если плачу,
То лишь над их несчастьем, Креонт.

Креонт

Я не рожден тираном. Сколько раз
Меня уже губила эта жалость.
350 Вот и теперь я знаю, что не прав,
Все ж будь по-твоему. Предупреждаю только,
Что если здесь тебя с детьми и завтра
В полях моих увидит солнце, смерть
Оно твою осветит. Непреложно
Да будет это слово... До утра...

(Уходит.)

Корифей

О, злая судьба!
Увы, о жена, что бед-то, что бед!
Куда ж ты пойдешь? У кого ты
Приюта попросишь? Где дом
360 И где та земля, Медея?
В море бездонное зол
Бросил тебя бессмертный.

Медея

О да! Темно на небе... Но на этом
Не кончилось! Не думайте: еще
И молодым счастливым будет искус,
И свату их довольно горя... Разве
Ты думала, что сладкий этот яд
Он даром пил, — все взвешено заране...
370 Он с этих губ ни слова, он руки
Единого движенья без расчета
Не получил бы, верьте... О, слепец!..
В руках держать решение — и оставить
Нам целый день... Довольно за глаза,
Чтобы отца, и дочь, и мужа с нею
Мы в трупы обратили... ненавистных...
Немало есть и способов... Какой
Я выберу, сама еще не знаю:
Чертог поджечь невестин или медь
Им острую должна вогнать я в печень,
380 До ложа их добравшись? Тут одна
Смушает вероятность. По дороге
До спальни их или за делом я
Захвачена могу быть и злодеям
Достаться на глумленье. Нет, уж лучше
Не изменять пути прямому нам,
И, благо он испытан, -- яд на сцену...
Так, решено.

Ну, я убила их... А дальше что ж?
 Где город тот и друг, который двери
 Нам распахнет и, приютив, за нас
 Поручится? Такого нет... Терпенье ж
 Еще хоть ненадолго. Если стен
 390 Передо мной откроется защита,
 На тайную стезю убийства молча
 Ступлю тотчас. Но если нам одно
 Несчастье беспомощное на долю
 Останется, я меч беру открыто
 И дерзостно иду их убивать,
 Хотя бы смерть самой в глаза глядела.
 Владычицей, которую я чту
 Особенно, пособницей моею,
 Родной очаг хранящею, клянусь
 Гекатою, что скорблю Медеи
 Себе никто души не усладит!..
 Им горек пир покажется, а свату
 400 Его вино и слезы мук моих...
 За дело же! Медея, все искусство
 Ты призови на помощь, — каждый шаг
 Обдумать ты должна до мелочей!..
 Иди на самое ужасное! Ты, сердце,
 Теперь покажешь силу. До чего,
 О, до чего дошла ты! Неужели ж
 Сизифову потомству*, заключив
 С Ясоном брак, позволишь надругаться
 Над Гелиевой кровью?..** Но кому
 Я говорю все это? Мы природой
 Так созданы — на доброе без рук,
 Да злым зато искусством всех мудрее...

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор
 СТРОФА 1

410 Реки священные вспять потекли,
 Правда осталась, но та ли?
 Гордые выси коснулись земли,
 Имя богов попирая в пыли,
 Мужи коварными стали...
 Верно, и наша худая молва

* Коринфянам.

** Медея — внучка Гелиоса.

Тоже хвалой обратится,
И полетят золотые слова
420 Женам в усладу, что птица.

АНТИСТРОФА 1

Музы не будут мелодий венчать
Скорбью о женском коварстве...
Только бы с губ моих эту печать,
Только б и женской цевнице звучать
В розовом Фебовом царстве...
О, для чего осудил Мусагет
Песню нас слушать все ту же?
В свитке скопилось за тысячи лет
430 Мало ли правды о муже?

СТРОФА 2

О, бурное сердце менады!
Из отчего дома, жена,
Должно быть, пробив Симплегады,
Несла тебя злая волна.
Ты здесь на чужбине одна,
Муж отдал тебя на терзанье;
И срам и несчастье должна
Влачить за собой ты в изгнание.

АНТИСТРОФА 2

Священная клятва в пыли,
Коварству нет больше предела,
Стыдливость и та улетела
440 На небо из славной земли.
От бури спасти не могли
Отцовские стрелы Медеи,
И руки царя увлекли
Объятий ее горячее.

•

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Входит Ясон.

Ясон

Не в первый раз я вижу, сколько зол
Влачит упорство злобы. Ты и город
Могла б иметь, и дом теперь, царей

Перенося смиренно волю. Если
В изгнание идешь ты, свой язык
450 Распущенный вини, жена. Конечно,
Мне все равно — ты можешь повторять,
Что низость тут виной моя; но меру
Возмездия за то, что ты семье
Властителя сулила, ты, Медея,
Должна считать за благо. Сколько мог,
Я гнев царей удерживал, оставить
Тебя просил я даже — ни к чему
Все это было... У безумья вожжи
Совсем ты распустила — злых речей
Поток не умолкал, и город наш
Тебе закрыт отныне. Но в заботах,
Как верный друг, я устали не знаю.
460 Я хлопочу о вас, чтобы нужды
Не испытать жене моей и детям,
Без денег не остаться. Мало ль зол
Увидишь на чужбине... Ненавистен
Тебе Ясон, но, право ж, не умеет
На вражеский себя настроить лад.

Медея

О низкий... о негодный... я не знаю,
Как выразить сильнее языком,
Что ты не муж, не воин, — хуже, злее
Нельзя уж быть, чем ты для нас, и к нам
Ты все-таки приходишь... Тут не смелость...
Отвага ли нужна, чтобы, друзьям
470 Так навредив, в глаза смотреть? Иначе
У нас зовут такой недуг — бесстыдство.
Но все ж тебе я рада... сердце я
Хоть облегчить могу теперь и болью
Тебя донять... О, слушай... Как начну?
Вот первое из первых... Я тебя
Спасла — и сколько эллинов с собою
На корабле везли: тогда мы, все
Свидетели тому, — спасла, когда ты
Был послан укротить быков, огонь
Метавших из ноздрей, и поле смерти
Засеять. Это я дракона, телом
480 Покрывшего в морщинистых извивах
Руно золотое, умертвила, я,
Бессонного и зоркого, и солнца
Сияние глазам твоим вернула.

Сама ж, отца покинув, дом забыв,
В Фессалию с тобой ушла, — горячка
Была сильнее рассудка. Пелий, царь,
Убит был тоже мною — нет ужасней
Той смерти, что нашел он — от детей!
И все тебя я выручала, — этим
От нас ты не побрезгал, а в награду
490 Мне изменил. Детей моих отец,
Ты брак затеял новый. Пусть бы семья
Твое бесплодно было, жажду ложа
Я поняла бы нового... А где ж?
Где клятвы те священные? Иль боги,
Которые внимали им, теперь
Уж не царят, иль их законы новы?
Ты сознаешь — нельзя не сознавать,
Что клятву ты нарушил... Сколько раз
Руки искал ты этой и колени
Мне осквернял прикосновеньем! Все
Обмануты надежды. Что же друга
В тебе вернет Медее, ждать чего ж
500 Могла бы от тебя она? Но сердце
Мне жжет еще уста — ясней позор
Твой обличить вопросами... Итак,
Куда же нам идти прикажешь? Или
К отцу, домой? Тебе в угоду дом
Я предала. К несчастным Пелиадам?
У них отца убив, конечно, буду
Я принята радушно. О друзьях
Подумаю ли старых, — ненавистна
Я стала им, а те, кому вредить
Пришлось мне — не для себя — в угоду
Тебе ж, Ясон, теперь мои враги.
О, горе мне! Так вот она, та слава,
Блаженство то меж эллинов, что мне
510 Тогда сулил ты лживо... Да, гордиться
Могу я верным мужем, это так...
И славою счастливый младожен
Покроется не бледной, если, точно,
Извергнута из города, одна
И с беззащитными детьми, скитаясь,
И с нищими та, что спасла его,
Пойдет дивить людей своим несчастьем.
О Зевс, о бог, коль ты для злата мог
Поддельного открыть приметы людям,
Так отчего ж не выжег ты клейма
На подлеще, чтобы в глаза бросалось?..

Корифей

520 Неисцелим и страшен гнев встает,
Когда вражда людей сшибает близких.

Ясон

Кто не рожден оратором, тому
Теперь беда. Как шкипер осторожный,
Я опущу немножко паруса
Надутые, иначе, право, буря
Злоречия и эти вихри слов
Потопят нас, жена. Свои услуги
Ты в гордую сложила башню... Нет,
Коль мой поход удачен, я Киприде
Обязан тем, Киприде меж богов
И меж людьми Киприде, — может быть,
Та мысль иным и не по вкусу будет.
Но оцени в ней тонкость: если кто
Одушевлял Медею на спасенье
530 Ясоново, то был Эрот... Зачем
Рассматривать в деталях дело? Да,
Я признаю твои услуги. Что же
Из этого? Давно уплачен долг,
И с лихвою. Во-первых, ты в Элладе
И больше не меж варваров, закон
Узнала ты и правду вместо силы,
Которая царит у вас. Твое
Здесь эллины искусство оценили,
540 И ты имеешь славу, а живи
Ты там, на грани мира, о тебе бы
И не узнал никто. Для нас ничто
И золото в чертогах, и Орфея
Нежнее песни голос по сравненью
С той славою, которая меня
Так дивно увенчала. О себе
Упомянул я, впрочем, лишь затем,
Что этот спор ты подняла. Отвечу
По поводу женитьбы. Поступил,
Во-первых, я умно, затем и скромно,
И, наконец, на пользу и тебе,
550 И нашим детям. Только ты дослушай.
Когда из Иолка цепью за собою
Сюда одни несчастья принес я,
Изгнаннику какой удел счастливей
Пригрезиться мог даже, чем союз
С царвною?.. И ты напрасно колешь

Нас тем, жена, что ненавистно ложе
Медее мне и новою сражен
Я страстию, или детей хочу
Иметь как можно больше... Я считаю,
Что их у нас довольно, и тебя
Мне упрекать тут не за что. Женился
Я, чтоб себя устроить, чтоб нужды
560 Не видеть нам — по опыту я знаю,
Что бедного чуждается и друг.
Твоих же я хотел достойно рода
Поднять детей, на счастье себе,
Чрез братьев их, которые рождаются.
Зачем тебе еще детей? А мне
Они нужны для пользы настоящих.
Ну, будто ж я не прав? Сказала б «да»
И ты, когда б не ревность. Все вы, жены,
Считаете, что если ложа вам
570 Не трогают, то все благополучно...
А чуть беда коснулась спальни, нет
Тут никому пощады; друг ваш лучший,
Полезнейший совет — вам ненавистны.
Нет, надо бы рождаться детям так,
Чтоб не было при этом женщин, — люди
Избавились бы тем от массы зол.

Корифей

Ты речь, Ясон, украсил, но сдается
Мне все-таки, меня не обессудь,
Что ты не прав, Медею покидая.

Медее

О, я во многом, верно, от людей
И многих отличаюсь. Наказанью
Я высшему подвергла бы того,
580 Кто говорить умеет, коль при этом
Он оскорбляет правду. Языком
Искусным величаясь, человек
Такой всегда оденет зло прилично...
Под маской же на что он не дерзнет?
Но есть изъян и в мудрости, увы!..
Ты, например, и тонкою и хитрой
Раскинул сетью речь, а поразить
Нам ничего тебя не стоит. Честный
Уговорил бы близких и потом
Вступал бы в брак, а ты сперва женился.

Я с о н

Скажи тебе заранее, сейчас
Ты так бы и послушалась, — ты злобу
590 И до сих пор на сердце бережешь.

М е д е я

Другого ты боялся, чтоб женатым
На варварской царевне не остаться:
Вам, эллинам, под старость это тяжко.

Я с о н

Пожалуйста, не думай, что жена
При чем-нибудь в моем союзе новом;
Я говорил уже, что я тебя
Спасти хотел, родив единокровных
Твоим сынам царей, опору дома.

М е д е я

Нам счастья не надо, что ценой
Такой обиды куплено; богатства,
Терзающего сердце, не хочу.

Я с о н

600 Моли богов, желания иные
Влагая в грудь Медее, умудрить
Ее, чтоб ей полезное — обидой
И счастье не грезилось несчастьем...

М е д е я

Глумись... тебе приюта не искать.
Изгнанница пред вами беззащитна.

Я с о н

Твой выбор был — других и не вини.

М е д е я

Так это я женилась, изменяла?

Я с о н

Безбожно ты кляла своих царей.

М е д е я

И твоему проклятьем дому буду.

Я с о н

На этом мы и кончим. Если вам —
Тебе иль детям нашим — деньги нужны
610 Ввиду пути, прошу сказать теперь;

Отказа вам не будет. Я и знаки
Гостиные* могу послать друзьям,
Помогут вам... Не хочешь брать? Напрасно.
Открой глаза, не гневайся, тебе ж,
О женщина, поверь — полезней будет.

Мед ея

Твоих друзей не надо нам, и денег
Я не возьму — не предлагай, — от мужа
Бесчестного подарок руки жжет.

Я с он

Богов беру в свидетели, что пользы
620 Я всячески и детской и твоей
Искал, жена, но доброты не ценит
Надменная моей, — и ей же хуже.

(Уходит.)

Мед ея

Ступай. Давно по молодой жене
Душа горит — чертог тебя заждался.
Что ж? Празднуй брак! Но слово скажет бог:
Откажешься, жених, и от невесты.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Когда свирепы Эроты,
Из сердца они уносят
Всю сладость и славы людям
630 Вкусить не дают. Но если
Киприда шлет только радость,
Нет богини прелестней...
Ты мне никогда, царица,
Стрел не мечи золотых
И неизбежных в сердце,
Полных яда желаний.

АНТИСТРОФА 1

Скромной ласки хочу я:
Нет дара бессмертных слаще.

* Глиняные таблички, половинки которых хранились в семьях гостеприимцев.

О, пусть никогда Киприды
640 Ужасной не слышу в сердце,
С грозой ее ярых ударов,
С бурей ссор ненавистой,
С желаньем чужого ложа!
Спальню, где нет войны,
Ложе, где жены не спорят,
Славить гимном хочу я.

СТРОФА 2

Родина, дом отцовский, о, пусть,
Пусть никогда не стану
Города я лишенной...
Злее нет горя в жизни
Дней беспомощных.
Смерти, о, смерти пускай
650 Иго подьемлю, но только
Дня изгнания не видеть...
Муки нет тяжелее,
Чем отчизны лишиться.

АНТИСТРОФА 2

Вижу сама — не люди, увы,
Сказку сложили эту!..
Города ты лишилась,
Друг состраданьем муки
Не облегчает,
Неблагодарный... Пускай
660 Сгибнет, коль друга не чтит он.
Сердце чистое должен
Он открыть ему, сердце:
Друга иного не надо.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Приходит Эгей.

Эгей

О, радуйся, Медея! Я люблю
Приветствовать друзей таким желаньем.

Медея

Привет тебе, о Пандиона сын
Премудрого, Эгей! Откуда к нам?

Эгей

Я навещал оракул Феба древний.

Медея

Зачем тебе был срединный храм?

Эгей

Детей иметь хотел бы я, Медея.

Медея

670 Ты до сих пор бездетен, боже мой!

Эгей

То демона какого-то желанье.

Медея

Но ты женат или не ведал ложа?

Эгей

От брачного ярма я не ушел.

Медея

И что ж тебе поведал бог о детях?

Эгей

Увы! Его не понимаю слов.

Медея

Услышать их могла ль бы я?

Эгей

Еще бы.

Тут именно и нужен тонкий ум.

Медея

Так передай их нам, коль не зазорно.

Эгей

Мол, «из мешка ноги не выпускай».

Медея

680 Пока чего не сделаешь? Иль в землю
Какую не придешь? Должно быть, так?

Эгей

В отцовский дом покуда не вернешься.

Медея

А ты сюда-то прибыл для чего ж?

Эгей

Нам нужен царь Питфей, земли трезенской.

Медея

Сын набожный Пелопов, так ли, царь?

Эгей

Я сообщить ему хочу оракул.

Медея

Да, мудрый муж — в оракулах силен.

Эгей

А мне к тому ж он и соратник близкий.

Медея

Дай бог тебе и счастья, Эгей,
И всех твоих желаний исполненья.

Эгей

Ты ж отчего скажи, Медея, так
Осунулась в лице, глаза потухли?

Медея

690 Муж у меня последний из людей.

Эгей

Скажи ясней причину огорченья.

Медея

Оскорблена я им — и ни за что...

Эгей

Да сделал что ж Ясон? Скажи мне прямо.

Медея

Взял женщину — хозяйку надо мной.

Эгей

Он не посмел бы, нет. Постыдно слишком.

Медея

Вот именно он так и поступил.

Эгей

Влюбился, что ль, или ты ему постыла?

Медя

Должно быть, страсть, — измена ж налицо.

Эгей

Так бог же с ним, коль сердцем он так низок.

Медя

700 К царевне он присватался, Эгей.

Эгей

А у кого? Хотел бы я дослушать.

Медя

Коринфский царь Креонт — ее отец.

Эгей

Вот отчего ты к сердцу принимаешь.

Медя

И мужа нет, и гонят — все зараз.

Эгей

То новое несчастье — откуда ж?

Медя

Все от того ж коринфского царя.

Эгей

С согласия Ясона? Что за низость!

Медя

Послушаешь его, так нет: Ясон

Желание свое по принуждению

Чужому исполняет. Но, Эгей,

710 Ланитою и святостью колен

Тебя молю: о, сжался над несчастной

Изгнанницей покинутой, прими

Ее в страну, ей угол дай. За это

Тебе детей желанных ниспешлют

Бессмертные и славную кончину.

Ты каяться не будешь, и, поверь,

Ты не умрешь бездетным. Знаю средства

Я верные, чтобы отцом ты стал.

Эгей

Тебе помочь хочу, ради бессмертных,
720 Жена, и это главное, но нам
Заманчиво и обещанье сделать
Меня отцом. Я весь ушел душой
В желанье это, им я весь захвачен.
А для тебя я постараюсь быть
Хозяином радушным; брать с собою
Тебя, пожалуй, было б не с руки;
Но если ты сама придешь в Афины,
Я дам тебе приют и никому
Тебя не выдам — можешь быть покойна.
Но этот край покинешь ты без нас.
730 Рассориться с друзьями не желал бы
Из-за тебя я — прямо говорю.

Медее

Пусть так оно и будет. Но поруки
Ты не дал нам. Могу ль покойна быть?

Эгей

Так разве мне не веришь ты, Медее?

Медее

Я верю, да. Но у меня враги:
В Фессалии и здешний царь. И если
Ты будешь связан клятвой, в руки к ним
Не попаду, я знаю, а без клятвы,
Лишь посулив спасенье, разве ты,
Их осажден герольдами и дружбой
Подвинутый, не можешь под конец
И уступить? Я тоже друг, положим,
740 Но слабый друг, а против нас — цари.

Эгей

Ты, кажется, уж слишком дальновидна.
Но, если так тебе душа велит,
Отказа нет тебе от нас и в этом.
Да, может быть, и нам всего верней
Перед твоим врагом сослаться будет
На то, что мы клялись... Тебе ж — залог...
Ну, называй богов, какими клясться.

Медее

Клянись Земли широким лоном, Солнцем,
Отцом отца Медеи и богами...
Всем родом ты божественным клянись.

Эгей

Что сделаю или чего, жена,
Не сделаю, сказать я, верно, должен?

Медее

Что сам Медеи не изгонишь, если ж
750 Кто из врагов потребует меня,
Покуда жив — и волею не выдашь.

Эгей

Святынею Земли и Солнца, всеми
Богами я клянусь не изменить.

Медее

Так хорошо, а если ты изменишь...

Эгей

С безбожником да разделю конец.

Медее

Ну, в добрый час, Эгей, и добрый путь!
Я — следом за тобою, — только раньше
Готовое на свет явлю, и пусть
Желанное свершит судьба Медее.

Эгей уходит.

Корифей

Сын Майи, божественный вождь*,
760 Да к дому приблизит Эгея!
И все, что задумал ты, царь,
Пускай совершится скорее.
Рожденья высокого знак
Ты в сердце зажег восхищенном...

Медее

О, Зевс! О, правда Зевса! Солнца свет!
Победой мы украсимся, подруги,
Победою. Я знаю наконец,
Куда мне плыть. И гавань перед нами
770 Желанная открылась. Стóбит нам
Туда канат закинуть, и Паллады
Нас примет славный город. А теперь
Решение узнай мое, не думай,
Что я шучу, пожалуйста. Сюда

* Гермес, покровитель путников.

- Рабыня к нам потребует Ясона
От имени Медеи. Он найдет
Здесь ласковый прием и убедится,
Что я на все согласна и что мил
Нам приговор Креонта. Лишь о детях
780 Его молить я буду, чтобы их
Оставили в Коринфе. Не затем
Я этого хочу, чтоб меж врагами
Оставить их, -- но мне убить царевну
Они помогут хитростью, чрез них
Я перешлю дары ей: пеплос дивный
И золотую диадему. Тот
Чарующий едва она наденет
Убор, погибнет в муках, -- кто бы к ней
Потом ни прикоснулся -- тоже: ядом
Я напою дары свои, жена.
790 Об этом слов довольно... Но, стеная,
Я передам теперь, какое зло
Глядит в глаза Медее после... Я
Должна убить детей. И их не вырвет
У нас никто. Сама Ясонов с корнем
Я вырву дом. А там -- пускай ярмо
Изгнания, клеймо детоубийцы,
Безбожия позор, -- все, что хотите.
Я знаю, что врага не насмешу,
А дальше все погибни. Точно, в жизни
Чего жалеть бы стала я? Отчизны?
Родительского крова? Ведь угла,
Угла, где схоронить мои несчастья,
Нет у меня на свете. О, зачем
800 Я верила обманам, покидая
Отцовский дом, и эллину себя
Уговорить позволила? А впрочем,
Мы с помощью богов свое возьмем
С предателя. И никогда рожденных
Медеею себе на радость он
Не обольет лучами глаз, невеста ж
Желанная других не принесет.
Ей суждены, порочной, только муки
От чар монх и в муках -- злая смерть.
Ни слабою, ни жалкою, наверно,
В устах людей я не останусь; нас
Не назовут и терпеливой; нрава
Иного я: на злобу я двумя,
А на любовь двойною отвечаю.
810 Все в мире дети славы таковы.

Корифей

Посвящена в твой замысел и только
Добра тебе желая, не могу
Я все ж забыть о Правде, — солнце миру, —
И говорю тебе одно — оставь.

Медия

Мне поступить нельзя иначе. Муки ж
Не испытал моей, тебе, жена,
Понять мои желанья тоже трудно.

Корифей

И ты убьешь детей, решишься ты?

Медия

Чем уязвить могу больней Ясона?

Корифей

Несчастьем еще ль ты не сыта?

Медия

Пусть гибнет все... А вы, уста чужие,
Свое уже сказали.

(Одной из рабынь.)

Ты ступай

820 И приведи Ясона к нам; коль верной
Потребует судьба у нас слуги,
Кого назвать другого? Ничего
Не говори ему о наших планах.
Но госпожу ты любишь, и сама
Ты женщина. Нас, верно, поняла ты.

Рабыня уходит.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

О Эрехтиды* древле блаженные,
Дети блаженных богов!
Меж недоступных хранят вас холмов
Нивы священные.

* Афиняне, происходившие, по преданию, от царя Эрехтея.

830 Там славы жар вам в жилы влит,
Там нега в воздухе разлита,
Там девять чистых Пиэрид
Златой Гармонией повиты.

АНТИСТРОФА 1

Дивной Киприды прикосновение
Струи Кефиса златит,
Ласково следом по нивам летит
Роз дуновение.
840 Благоухая в волосах,
Цветы не вянут там свитые,
И у рассудка золотые
Всегда Эроты на часах...

СТРОФА 2

Тебя ж те чистые волны,
И город, и друг,
Скажи мне, принять
Решатся ли, если
850 Детей ты погубишь?
Представь себе только
Весь этот ужас...
Раны на детях!..
Видишь, твои
Я обняла
В мольбе колена...
О, пощади,
Не убивай,
Медея, милых.

АНТИСТРОФА 2

Откуда же дерзость рука
И сердце возьмут,
Скажи мне, скажи,
Зарезать малюток?
860 Лучи, упавая
Из глаз на дрожащих,
Выжгут ли слез
Детскую долю?
Нет, никогда
Руку в крови
Детей молящих

Ты не дерзнешь
Свою смочить
В гневе безбожном.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Входит Ясон.

Ясон

Я приглашен... и хоть враждебно ты
Настроена, но выслушать хотел бы
Желания, о женщина, твои.

Медея

Прощения за то, что здесь ты слышал,
870 Я у тебя прошу, Ясон, — любовь
Жила меж нас так долго, что горячность
Мою поймешь ты, верно. Я же, царь,
Додумалась до горького упрека
Самой себе. Безбожница, чего ж
Беснуюсь я, и в самом деле злобой
На дружбу отвечая, на властей
И мужа поднимаясь? Если даже
Женился муж на дочери царя
И для детей моих готовит братьев,
Так я должна же помнить, что для нас
Он это делает... Неужто гнев
Так дорог сердцу? Что с тобой, Медея?
Да разве все не к лучшему? Иль нет
880 Детей у нас, а есть отчизна, город?
Иль все мы не изгнанники, друзей
Лишенные? Все это обсудивши,
Я поняла, что было не умно
Сердиться и напрасно. Я тебя
Хвалю теперь... И точно, долг и скромность
Тобою управляли, о Ясон,
Когда ты брак задумал новый; жалко,
Самой тогда на ум мне не пришло
Войти в твой план советом... и невесте
Прислуживать твоей, гордясь таким
Родством... увы! Но что же делать? Все мы
890 Такие женщины — будь не в обиду вам.
Но ты, Ясон, не станешь слабым женам
Подобиться, не будешь отвечать
Ребячеством на женскую наивность...

Я рассуждала плохо, но мои
Решения переменились. Гей!

(Вызывает из дому детей.)

О дети милые! Вы обнимите крепче
Отца и вслед за мною повторяйте
С приветом и любовью, что беречь
На друга зла не будем... Восстановлен
Мир, гнев забыт. Держитесь, дети, так,
Вот вам моя рука... О, горе, горе!
900 Над вами туча, дети... а за ней?
И долго ли вам жить еще, а мне
Глядеть на ваши руки, что во мне
Защиты ищут... Жалкая душа!
Ты, кажется, готова плакать, дрожью
Объята ты. Да, так давно с отцом
Была я в ссоре вашим, и теперь,
Когда мы помирились, слез горячих
На нежные ланиты реки льются.

Корифей

Да, свежая и у меня бежит
Вниз по лицу слеза. Довольно бедствий!

Ясон

Мне нравятся, Медея, те слова,
Которые я слышу, — улетевших
Я не хочу и помнить. Гнев у жен
Всегда кипеть готов, когда мужьям
910 Приходится им изменять на ложе.
Да, хоть не сразу, все-таки пришла
Ты к доброму решению. И скромность
В Медее победила... Вам же, дети,
При помощи богов я доказать
Свои заботы долгие надеюсь...
Когда-нибудь меж первыми людьми
Увижу вас в Коринфе... через братьев,
Которые родятся. А пока
Растите, детки, — дальше ж дело бога,
Коль есть такой, что любит вас, и наше;
Даст бог, сюда вернетесь в цвете сил
920 И юности и недругам моим
Покажете, что расцвели недаром.
Ба... ты опять за слезы... Не глядишь...
И нежные от нас ланиты прячешь...
Иль я опять тебе не угодил?

Мед ея

925 О нет, я так... Раздумалась о детях.

Ясон

929 Несчастлиная, иль думать значит плакать?

Мед ея

930 Ведь я носила их... И вот, когда
Ты им желал подольше жить, так грустно
Мне сделалось; то сбудется ль, Ясон?..

Ясон

926 Смелей, жена! Что сказано, устрою.

Мед ея

О, из твоей не выйду воли я.
Мы, жены, так и слабы и слезливы...
932 Ну, будет же об этом... а теперь,
Вот видишь ли... Царям земли угодно
Меня отсюда выслать, и для нас
Такой исход, пожалуй, не из худших...
Тебе и им помехою, Ясон,
Не буду я, по крайней мере, — тяжело
Быть в вечном подозренье. Парус свой
Сегодня ж поднимаю. Но Креонта
940 Ты упроси, чтоб дал хоть сыновьям
Он вырасти у их отца, в Коринфе.

Ясон

Что ж? Попросить, пожалуй, я не прочь.

Мед ея

Жене вели просить, чтобы малюток
Не удалял отец ее твоих.

Ясон

Да, да, его мы убедим, конечно...

Мед ея

Коль женщина она, одна из нас...
И я приду на помощь вам — подарки
Твоей жене пошлю через детей,
Я знаю: нет прекрасней в целом мире...
950 Постой... сейчас... Рабыни, кто-нибудь,
Там пеплос тонкий есть и диадема.
Да, благо ей на долю не одно,

А мириады целые достались:
На ложе муж, такой, как ты, вельможа,
А с ним убор, что Гелий завещал,
Отец отца, в наследье поколениям...
Берите вено это, дети, вы
Блаженнейшей царевне и невесте
Его снесете. О, завиден дар!

Я с о н

Мотовка! Что нищишь себя? Иль мало
960 Там пеплосов в чертогах у царей
Иль золота? Прибереги на случай...
Коль сами мы в какой-нибудь цене,
Твои дары излишни, я уверен.

М е д е я

Не говори... Богов и тех дары,
Я слышала, склоняют. Сколько надо
Прекрасных слов, чтоб слиток золотой
Перетянуть... к счастливике невесте
И мой убор пойдет... Так молода —
И царствует... О, чтоб остались дети,
Что золото? Я отдала бы жизнь...

(К детям.)

Ну, дети, вы пойдете в дом богатый,
К жене отца и молодой моей
970 Царице, так смотрите ж, хорошенько
Ее вы умоляйте, чтобы, дар
Уважив мой, оставили с отцом вас...
А главное, глядите, чтоб убор
Она сама взяла... Ну, поскорее.
Ответа я нетерпеливо жду,
И доброго, конечно. С богом, дети!

Дети уходят в сопровождении дядьки.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Х о р

СТРОФА 1

О дети! Уж ночь вас одела.
Кровавой стопою отмщенья
Ужасное близится дело:
Повязка в руках заблестела.

980 Минута — Аидом обвит,
И узел волос заблестит...

АНТИСТРОФА 1

Но ризы божественным чарам
И розам венца золотого
Невесту лелеять недаром:
Ей ложе Аида готово,
И муки снедающим жаром
Охватит несчастную сеть,
Гореть она будет, гореть...

СТРОФА 2

990 Ты, о горький жених, о царский избранник,
Разве не видишь,
Что нож над детьми заносят,
Что факел поднес ты к самым
Ризам невесты?
О, как далек ты сердцем,
Муж, от судьбы решенной!

АНТИСТРОФА 2

Вместе плачу с тобою, вместе, Медея,
Детоубийца.
О горькая мать Ясонидов!
Ты брачного ради ложа
Крови их хочешь
1000 За то, что муж безбожно
Взял невесту другую.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Возвращается дядька, с ним дети.

Дядька

О госпожа! Детей не изгоняют.
Дары от них царевна приняла
С улыбкой и обеими руками,
С малютками отныне мир. Но, ба!
Что вижу? Это счастье Медею
Расстроило...

Медея

Ай-ай-ай-ай-ай-ай...

Дядька

К моим вестям слова те не подходят.

Медея

Ай-ай-ай-ай...

Дядька

Я возвестил беду,

1010 Считаю весть отрадною, должно быть...

Медея

Ты передал, что знал, ты ни при чем...

Дядька

Но в землю ты глядишь и слезы точишь?

Медея

Так быть должно, старик, — нам это бог
И умысел Медеи злой устроил...

Дядька

Не падай духом, госпожа, авось
Через детей и ты сюда вернешься.

Медея

Других верну я, горькая, сперва.

Дядька

Одна ли ты с детьми в разлуке будешь?
Для смертного тяжелой муки нет.

Медея

Да, это так... Но в дом войди и детям,
1020 Что нужно на сегодня, приготовь.

Дядька уходит.

О дети, дети! Есть у вас и город
Теперь и дом, — там поселитесь вы
Без матери несчастной... навсегда...
А я уйду в изгнание, в другую
Страну и счастья вашего ни видеть,
Ни разделять не буду, ваших жен
И свадеб ваших не увижу, вам
Не уберу и ложа, даже факел
Не матери рука поднимет*. О,
О горькая, о гордая Медея!

* Во время свадьбы.

- Зачем же вас кормила я, душой
1030 За вас болела, телом изнывала
И столько мук подъяла, чтобы вам
Отдать сиянье солнца?.. Я надеждой
Жила, что вы на старости меня
Поддержите, а мертвую своими
Оденете руками. И погибла
Та сладкая мечта. Чужая вам,
Я буду дни влачить. И никогда уж,
Сменивши жизнь иною, вам меня,
Которая носила вас, не видеть...
Глазами этими. Увы, увы, зачем
1040 Вы на меня глядите и смеетесь
Последним вашим смехом?.. Ай-ай-ай...
Что ж это я задумала? Упало
И сердце у меня, когда их лиц
Я светлую улыбку вижу, жены.
Я не смогу, о нет... Ты сгини, гнет
Ужасного решенья!.. Я с собою
Возьму детей... Безумно покупать
Ясоновы страдания своими
И по двойной цене... О, никогда...
Тот план забыт... Забыт... Конечно... Только
Что ж я себе готовлю? А враги?
1050 Смеяться им я волю дам, и руки
Их выпустят... без казни?.. Не найду
Решимости? О, стыд, о, унижение!
Бояться слов, рожденных слабым сердцем...
Ступайте в дом, вы, дети, и кому
Присутствовать при этой жертве совесть
Его не позволяет, может тоже
Уйти... Моя рука уже не дрогнет...
Ты, сердце, это сделаешь?.. О нет,
Оставь детей, несчастная, в изгнание
Они усладой будут. Так клянусь же
Андром я и всей поддонной силой,
1060 Что не видать врагам моих детей,
Покинутых Медеей на глумленье.
Все сделано... Возврата больше нет...
На голове царевны диадема,
И в пеплосе отравленном моем
Она теперь, я знаю, умирает...
Мне ж новый путь открылся... Новый... Да...
Но только прежде... Дети, дайте руки,
1070 Я их к губам прижать хочу... Рука
Любимая, вы, волосы, вы, губы,

И ты, лицо, какое у царей
Бывает только... Вы найдете счастье
Не здесь, увы! Украдено отцом
Оно у нас... О, сладкие объятия,
Щека такая нежная, и уст
Отрадное дыханье... Уходите,
Скорее уходите... Силы нет
Глядеть на вас. Раздавлена я мукой...
На что дерзаю, вижу... Только гнев
Сильней меня, и нет для рода смертных
1080 Свирепей и усердней палача...

(Уходит в дом.)

Корифей

Люблю я тонкие сети
Науки, люблю я выше
Умом воспарять, чем женам
Обычай людей позволяет...
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна; жены
Не все ее видят улыбку —
Меж тысяч одну найдешь ты, —
Но ум для науки женский
Нельзя же назвать закрытым.
Я думала долго, и тот,
1090 По-моему, смертный счастлив,
Который, до жен не касаясь,
Детей не рождал; такие
Не знают люди, затем что
Им жизнь не сказала, сладки ль
Дети отцам, иль только
С ними одно мученье...
Незнание ж от них удаляет
Много страданий; а те,
Которым сладкое это
Украсило дом растение,
1100 Заботой крушатся всечасно,
Как выходить нежных, откуда
Взять для них средства к жизни,
Да и кого они рбстят,
Достойных людей иль негодных,
Разве отцы знают?
Но из несчастий горше
Нет одного и ужасней.
Пусть денег отец накопит,
Пусть дети цветут красою,

И доблесть сердца им сковала,
Но если налетом вырвет
Из дома их демон смерти
1110 И бросит в юдоль Аида,
Чем выкупить можно эту
Тяжелую рану и есть ли
Больнее печаль этой платы
За сладкое право рожденья?..

ЭПИСОДИЙ ШЕСТОЙ

Выходит Медея.

Медея

Я заждалась, подруги, чтоб судьба
Свое сказала слово — в нетерпенье
Известие зову я... Вот как раз
Из спутников Ясоновых один;
1120 Как дышит трудно, он — с недоброй вестью.

Входит вестник.

Вестник

Беги, беги, Медея; ни ладьей
Пренебрегать не надо, ни повозкой;
Не по морю, так посуху беги...

Медея

А почему же я должна бежать?

Вестник

Царевна только что скончалась, следом
И царь-отец — от яда твоего.

Медея

Счастливое известие... Считаюсь
Между друзей Медеи с этих пор.

Вестник

Что говоришь? Здорова ты иль бредишь?
1130 Царев очаг погас, а у тебя
Смех на устах и хоть бы капля страха.

Медея

Нашелся бы на это и ответ...
Но не спеши, приятель, по порядку
Нам опиши их смерть, и чем она
Ужаснее была, тем сердцу слаще.

Вестник

- Когда твоих детей, Медея, складень
Двустворчатый и их отец прошли
К царевне в спальню, радость пробежала
По всем сердцам — страдали за тебя
Мы, верные рабы... А тут рассказы
- 1140 Пошли, что ссора кончилась у вас.
Кто у детей целует руки, кто
Их волосы целует золотые;
На радостях я до покоев женских
Тогда проник, любуясь на детей.
Там госпожа, которой мы дивиться
Вместо тебя должны теперь, детей
Твоих сперва, должно быть, не видала;
Она Ясону только улыбнулась,
Но тотчас же фатой себе глаза
И нежные ланиты закрывает;
Приход детей смутил ее, а муж
- 1150 Ей говорит: «О, ты не будешь злою
С моими близкими, покинь свой гнев
И посмотри на них; одни и те же
У нас друзья, не правда ли? Дары
Приняв от них, ты у отца попросишь
Освободить их от изгнания; я
Того хочу». Царевна же, увидев
В руках детей убор, без дальних слов
Все обещала мужу. А едва
Ясон детей увел, она расшитый
Набросила уж пеплос и, волну
- 1160 Волос златой прижавши диадемой,
Пред зеркалом блестящим начала
Их оправлять, и тени красоты
Сияющей царевна улыбалась,
И, с кресла встав, потом она прошлась
По комнате, и, белыми ногами
Ступая так кокетливо, своим
Убором восхищалась, и не раз,
На цыпочки привстав, до самых пяток
Глазам она давала добежать.
Но зрелище внезапно изменилось
В ужасную картину. И с ее
Ланит сбежала краска, видим... После
Царевна зашаталась, задрожали
У ней колени, и едва-едва...
- 1170 Чтоб не упасть, могла дойти до кресла...

Тут старая рабыня, Пана ль гнев
Попритчился ей иль иного бога,
Ну голосить... Но... ужас... вот меж губ
Царевниных комок явился пены,
Зрачки из глаз исчезли, а в лице
Не стало ни кровинки, — тут старуха
И причитать забыла, тут она
Со стоном зарыдала. Вмиг рабыни
Одна к отцу, другая к мужу с вестью
О бедствии, — и тотчас весь чертог
1180 И топотом наполнился и криком...
И сколько на бегах возьмет атлет,
Чтоб, обогнув мету, вернуться к месту,
Когда прошло минут, то изваянье,
Слепое и немое, ожило:
Она со стоном возвратилась к жизни
Болезненным. И два недуга враз
На жалкую невесту ополчились:
Венец на волосах ее златой
Был пламенем охвачен жадным, риза ж,
Твоих детей подарок, тело ей
Терзала белое, несчастной... Вижу: с места
Вдруг сорвалась и — ужас! Вся в огне,
1190 И силится стряхнуть она движеньем
С волос венец, а он как бы прирос;
И только пуще пламя от попыток
Ее растет и блещет. Наконец,
Осилена, она упала, мукой...
Отец и тот ее бы не узнал:
Ни места глаз, ни дивных очертаний
Не различить уж было, только кровь
С волос ее катилась и кипела.
1200 Мешаясь с пламенем, а мясо от костей,
Напоено отравой незримой,
Сквозь кожу выступало — по коре
Еловой так сочатся слезы. Ужас
Нас охватил, и не дерзали мы
До мертвой прикоснуться. Мы угрозе
Судьбы внимали молча. Ничего
Не знал отец, когда входил, и сразу
Увидел труп. Рыдая, он упал
На мертвую, и обнял, и целует
Свое дитя и говорит: «О дочь
Несчастная! Кто из богов позорной
Твоей желал кончины и зачем
Осиротил он старую могилу,

- Взяв у отца цветок его? С тобой
1210 Пусть вместе бы убит я был». Он кончил
И хочет встать, но тело, точно плющ,
Которым лавр опутан, прирастает
К нетронутой одежде, — и борьба
Тут началась ужасная: он хочет
Подняться на колени, а мертвец
Его к себе влечет. Усилия ж только
У старца клочья мяса отдирают...
Попытки все слабее, гаснет царь
И испускает дух, не властен больше
Спротивляться муке. Так они
1220 Там и лежат — старик и дочь, — бездушны
И вместе, — слез желанная юдоль.
А о тебе что я скажу? Сама
Познаешь ты весь ужас дерзновенья...
Да, наша жизнь лишь тень; не в первый раз
Я в этом убеждаюсь. Не боюсь
Добавить я еще, что, кто считает
Иль мудрецом себя, или глубоко
Проникшим тайну жизни, заслужил
Название безумца. Счастлив смертный
Не может быть. Когда к нему плывет
1230 Богатство — он удачник, но и только...

(Уходит.)

Корифей

Да, много зол, заслуженных, увы!
Бог наложил сегодня на Ясона...
Ты ж, бедная Креонта дочь, тебя
Жалеем мы: тебе Ясонов брак
Аидовы ворота отверзает...

Медея

- Так... решено, подруги... Я сейчас
Прикончу их и уберусь отсюда,
Иначе сделает другая и моей
1240 Враждебнее рука, но то же; жребий
Им умереть теперь. Пускай же мать
Сама его и выполнит. Ты, сердце,
Вооружись! Зачем мы медлим? Трус
Пред ужасом один лишь неизбежным
Еще стоит в раздумье. Ты, рука
Злосчастная, за нож берись... Медея,
Вот тот барьер, откуда ты начнешь
Печальный бег сейчас. О, не давай

Себя сломить воспоминаньям, мукой
И негой полным; на сегодня ты
Не мать им, нет, но завтра сердце плачем
Насытишь ты. Ты убиваешь их
1250 И любишь. О, как я несчастна, жены!

(Быстро уходит.)

СТАСИМ ПЯТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Ибо! Земля, ты светлый луч,
От Гелия идущий, о, глядите,
Глядите на злодейку,
Пока рука ее не пролила
Крови детей...
О Солнце, не давай,
Чтоб на землю кровь бога
Текла из-под руки,
Подвластной смерти;
Ты, Зевса свет, гони
Эринию* из этого чертога,
Которой мысли
Наполнил демон мести
1260 Кровавыми парами.

АНТИСТРОФА 1

Напрасно ты из-за детей
Страдала и напрасно их рождала.
Те синие утесы,
Как сторожей суровых миновав,
Медея, мать
Несчастливая, с душой,
Давимой гневом тяжким,
Зачем влачишься ты
К убийству снова,
Едва одно свершив?
Безумная! О, горе смертным,
Покрытым кровью.
К богам она вызывает,
1270 И боги щедро платят...

* Так названа Медея.

Хор
СТРОФА 2

Голоса детей... Послушай,
О преступная! О, злой
И жены ужасный жребий!

Один детский голос
Ай-ай... о, как от матери спасусь?

Другой
Не знаю, милый... Гибнем... Мы погибли...

Хор
Поспешим на помощь, сестры;
В дом иду я.

Детские голоса
Скорее, ради бога, — нас убьют...
Железные сейчас сожмут нас сети.

Хор
Ты из камня иль железа,
1280 Что свое, жена, рожденье,
Плод любимый убиваешь?

АНТИСТРОФА 2
Мне одну хранила память,
Что детей любила, мать,
И сама же их убила...
Или в безумии божественном, когда
Ее скитаться осудила Гера.
Волны моря смыли только
Пятна крови,
Она ж, с утеса в море сосупив,
Двух сыновей теперь могилу делит.
Ужас, ужас ты предельный!
1290 Сколько зерен злодеянья
В ложе мук таится женских...

ЭКСОД

Входит Ясон.

Ясон
Вы, жены, здесь уже давно, не так ли?
Злодейка где ж? В чертоге заперлась?

Или в бегах Медея? Только ад
Иль неба высь да крылья птицы разве
Ее спасти могли бы. За тиранов
1300 Она иначе роду их ответит.
Иль, может быть, убив царя земли,
Она себя считает безопасной,
Коли ушла отсюда?.. Но о ней
Я думаю не столько, как о детях:
Ее казнить всегда найдутся руки.
Детей бы лишь спасти, и как бы им
Креонтова родня за материнский
Не мстила грех — вот я чего боюсь.

Корифей

О, ты, Ясон, еще не знаешь бедствий
Последнего предела; не звучат
Они еще в твоих словах, несчастный.

Ясон

Так где же он? Иль очередь за мной?

Корифей

Детей твоих, детей их мать убила.

Ясон

1310 Что говоришь? О, смерть, о, злая смерть!

Корифей

Их больше нет, их больше нет на свете.

Ясон

Убила где ж, при вас или в дому?

Корифей

Вели открыть ворота — сам увидишь.

Ясон

Гей! Вы! Долой запоры, с косяков
Срывайте двери — два несчастья видеть
Хочу я, двух убитых и злодейку.

Появляется колесница, запряженная драконами.
В ней Медея с телами детей.

Медея

*Не надо дверь ломать, чтобы найти
Убитых и виновницу убийства —
Меня. Не трать же сил и, если я
Тебе нужна, — скажи, чего ты хочешь.*

1320 *А в руки я тебе не дамся, нет:
От вражьих рук защитой — колесница,
Что Гелий мне послал, отец отца*.*

Ясон

О, язва! Нет, богам, и мне, и всем,
Всем людям нет Медеи ненавистней,
Которая рожденью своему
Дыханье перервать ножом дерзнула
И умереть бездетным мне велит...
И ты еще на солнце и на землю
Решаешься глядеть, глаза свои
Насытивши безбожным дерзновеньем.
О, сгинь ж ты. Прозрел я наконец.
Один слепой мог брать тебя в Элладу
1330 И в свой чертог от варваров... Увы!
Ты предала отца и землю ту,
Которая тебя взрастила, язва!..
Ты демон тот была, которым боги
В меня ударили... Чтобы попасть
На наш корабль украшенный, ты брата
Зарезала у алтаря. То был
Твой первый шаг. Ты стала мне женой
И принесла детей, и ты же их,
По злобе на соперницу, убила.
Во всей Элладе нет подобных жен,
1340 А между тем я отдал предпочтенье
Тебе пред всеми женами, и вот
Несчастлив я и разорен... Ты львица,
А не жена, и если сердце есть
У Скиллы, так она тебя добрее.
Но что тебе укоры? Мириады
Их будь меж уст, для дерзости твоей
Они — ничто. Сгинь с глаз моих, убийца
Детей бесстыжая! Оставь меня стонать.
Женой не наслаждался и детей,
Рожденных мной, взлелеянных, увы,
1350 Не обниму живыми! Все погибло.

Медея

Я многое сказала бы тебе
В ответ на это. Но Кронид-отец
Все знает, что я вынесла и что
Я сделала. Тебе же не придется,

* Текст, набранный курсивом, пропущен Ин. Анненским.

Нам опозорив ложе, услаждать
Себе, Ясон, существование, чтобы
Смеялись над Медеей. Ни твоя
Царевна, ни отец, ее вручавший,
Изгнать меня, как видишь, не могли.
Ты можешь звать меня как хочешь: львицей
Иль Скиллою Тирренской; твоего
1360 Коснулась сердца я, и знаю — больно...

Ясон

И своего. Тем самым — двух сердец.

Медее

Легка мне боль, коль ею смех твой прерван.

Ясон

О дети, вы злодейкой рождены.

Медее

И вас сгубил недуг отцовский, дети!

Ясон

Моя рука не убивала их.

Медее

Но грех убил и новый брак, невинных.

Ясон

Из ревности малюток заколоть...

Медее

Ты думаешь, — для женщин это мало?

Ясон

Не женщина, змея ты, хуже змей...

Медее

1370 И все ж их нет, — и оттого ты страдаешь.

Ясон

Нет, есть они, и матери грозят...

Медее

Виновника несчастий знают боги...

Ясон

И колдовство проклятое твое.

Медея

Ты можешь ненавидеть. Только молча...

Ясон

Не слушая. Иль долго разойтись?..

Медея

О, я давно горю желаньем этим...

Ясон

Дай мне детей, оплакав, схоронить...

Медея

О нет! Моя рука их похоронит.

В священную я рощу унесу

Малюток, Геры Высей, и никто

1380 Там вражеской десницей их могилы

Не осквернит... В Сизифовой же мы

Земле обряд и праздник установим,

Чтоб искупить невинную их кровь...

Я ухожу в пределы Эрехтея...

И с сыном Пандиона разделю,

С Эгеем, кров его*. Тебе ж осталось

Злодейскую запечатлеть свою

Такой же смертью жизнь, а брака видел

Ты горького исход уже, Ясон...

Ясон

О, пусть

За детские жизни казнит

1390 Тебя Эриния кровавая и Правда!

Медея

Кто слышит тебя из богов,

Ты, клятвопреступник, — кто слышит?

Ясон

Увы! Увы! Детоубийца!

Медея

В чертог воротись. Хоронить

Ступай молодую жену.

Ясон

О дети, о двое детей,

От вас ухожу я.

* Согласно аттическому сказанию, Медея стала в Афинах женой Эгея.

Медея

Не плачь еще: рано ---
Ты старость оплачешь.

Ясон

Любимые дети!

Медея

Для матери, не для тебя.

Ясон

Убийце... нет!

Медея

Да, и тебе на горе...

Ясон

О, как горю я
К устам прижаться,
1400 К устам их детским.

Медея

Ты оттолкнул их...
Теперь и ласки
И поцелуи...

Ясон

О, ради богов... О, дай мне
Их нежное тело
Обнять... только тронуть.

Медея

Ты просишь напрасно.
Колесница с Медеей исчезает.

Ясон

Зевс, о, ты слышишь ли,
Как эта львица,
Грязная эта убийца,
Что она с нами
1410 Делает; видишь ли?
Свидетелем будь нам,
Что, сколько я мог
И слез у меня
Сколько хватало,
Я умолял ее.

Она ж, убив их,
Нас оттолкнула;
Рукой не дала мне
До них коснуться,
Похоронить их...
О, для того ль,
Дети, рождал вас
Я, чтоб оставить
Мертвых убийце?

Хор

(покидая оркестру вслед за Ясоном)

На Олимпе готовит нам многое Зевс;
Против чаянья, многое боги дают:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами.

ИППОЛИТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Афродита.
Ипполит.
Охотники.
Старик слуга.
Хор трезенских женщин.
Кормилица.
Федра.
Тесей.
Вестник.
Артемиды.

Действие происходит в Трезене перед дворцом.

ПРОЛОГ

Афродита

(появляясь в вышине)

Полна земля молвой о нас, и ярк
И в небесах Киприды дивной блеск,
И сколько есть людей под солнцем дальним
От Понта до Атлантовых пределов,

- Того, кто власть мою приемлет кротко,
Лелею я, но если предо мной
Гордиться кто задумает, тот гибнет.
Таков уж род бессмертных, — что дары
Из смертных рук сердцам отрадны нашим.
И правду слов я скоро здесь явлю.
- 10 Из всех один меня в Трезене этом
Тесеев сын, надменный Ипполит,
Могучею рожденный амазонкой
И благостным Питфеем воспоен,
Последнею расславил в сонмах дивных.
Он радостей и уз любви бежит,
А меж богов сестры милее Феба
И Зевсовой нет дочери ему...
И с чистою среди зеленой чащи
Не знает он разлуки. Своры он
По зверю там гоняет с нею рядом,
Сообществом божественным почтен...
- 20 Нет зависти во мне: какое дело
Мне до того? Но в чем передо мной
Он погрешил, за то гордец ответит
Сегодня же... Нависла и давно
Лишь мига ждет, чтоб оборваться, кара.
Когда чертог покинул он Питфея,
Чтоб Элевсина таинства узреть,
Священный град Афины посетил,
Там юношу увидела жена
Его отца, блистающая ролом;
И чарами Эрота сердце в ней
В тот миг зажглось моей державной волей,
И ранее, чем уезжать сюда,
- 30 Влюбленная, она скалу Паллады
С той стороны, что смотрит на Трезен,
Святилищем украсила Киприды,
И храм ее тоскующей любви
Так и прослыл «святыней Ипполита».
Когда ж Тесей, чтобы себя омыть
От пролитой им крови Паллантидов,
В изгнание из Аттики с женой
Сюда, в Трезен, свой парус направляет
На целый год — несчастная, мечты
Безумные со стонами мешая,
Здесь от Эрота жала сохнуть стала.
Она молчит. Из челяди никто
- 40 О тайне и не знает. Только страсти
Не суждено угаснуть без следа:

Отцу о ней я расскажу, Тесею,
И будет нам враждебный Ипполит
Убит его проклятьем. Царь глубинный,
Не даром же Тесею Посейдон
Три посулил желания исполнить*.
Прославлена — но все-таки умрет
И Федра. Пусть! Мне лучше, чтобы Федра
Погибла, чем, виновных поразив,
50 Мне сердца, месть лаская, не насытит.
Но вот и он, вот Ипполит, Тесея
Надменный сын... Покинув лов тяжелый,
Сюда идет — я ухожу... Пора...
С какою он большой, веселой свитой.
Как ярко гимн их Девственной звучит,
Богине их отраден, Артемиде:
Не чуёт он, что Адовы врата
Уж для него открыты... и что солнца
Последнего он пьет теперь лучи...

(Исчезает.)

Входит Ипполит с охотниками.
Навстречу им старик слуга.

И п п о л и т

О, восславьте гимном, други,
Золотую Дия дочь,
60 Артемиду, нашу радость!

О х о т н и к и
(к статуе)

Дева-владычица,
Радуйся, сильная
Зевсова дочь!
Чада Латоны нет
В мире прекраснее.
О, Артемиде, нам
Нет и милей тебя:
В златом украшенных
Залах отца богов
Сколько чарующих,
Сколько небесных дев!
Ты между них одна
70 Девственно чистая,
Солнца отраднее
Ты, Артемиде, нам.

* Посейдон был божественным отцом Тесея.

И п п о л и т

- Прими венок, царица: в заповедном
Лугу, цветы срывая, для тебя
Я вил его... На этот луг не смеет
Гнать коз пастух, и не касался серп
Там нежных трав. Там только пчел весною
Кружится рой средь девственной травы.
Его росой поит сама Стыдливость.
И лишь тому, кто не в ученья муках,
80 А от природы чистоту обрел,
Срывать цветы дано рукою вольной:
Для душ порочных не цветут они.
Но, милая царица, для твоих
Волос златисто-белых их свивала
Среди людей безгрешная рука.
Одним горжусь я даром — быть с тобою,
Дыханьем уст с тобой меняться звучным
И голосу внимать, лица не видя...
О, если бы, как начинаю путь
И обогнув мету, все быть с тобою...

С т а р и к с л у г а

Царь!.. Для меня лишь боги господают...
Готов ли ты принять совет во благо?

И п п о л и т

- 90 Конечно, да. Иль мудрости, старик,
Иначе мы сберечь могли бы славу?

С т а р и к

Ты знаешь ли, что общий есть закон?

И п п о л и т

Какой закон? К чему ты речи клонишь?

С т а р и к

Кто сух душой надменной, нам не мил.

И п п о л и т

Ты прав, старик: надменный ненавистен.

С т а р и к

Лишь ласковый имеет дар пленять.

И п п о л и т

Он без труда друзей приобретает.

Старик

Не то же ли среди богов, что здесь?..

Ипполит

Раз их закон мы, смертные, приемлем...

Старик

С богинею зачем же ты так горд?

Ипполит

100 С какой? Смотри — уста на грех наводят.

Старик

С Кипридою, хранящей твой порог.

Ипполит

Я чту ее, но издали, как чистый.

Старик

Особенно все люди чтут ее.

Ипполит

106 Бог, дивный лишь во мраке, мне не мил.

Старик

Дитя, воздай богам, что боги любят.

Ипполит

104 Кому один, кому другой милее,
И из богов, и меж людей, старик.

Старик

Умен ты, да... Дай бог, чтоб был и счастлив.

Ипполит

(к охотникам)

108 Свободны вы, товарищи! В дому
Нам полный стол отраден после ловли,
110 Подумайте ж о пище — а потом
Вы кобылиц почистите. Вкусивши
Отрадных яств, — я их запречь велю,
Ристалищу свободно отдаваясь.

(К старику.)

Вам много радостей, старик, с Кипридой!

Ипполит и охотники уходят.

Старик
(перед статуей Афродиты)

Нет, с юных мы примера брать не будем,
Коль мыслят так. Но рабские уста
С молитвою к тебе я обращаю,
Владычица Киприда. Снизойди
Ты к юности с ее кичливым сердцем
И дерзкие слова ее забудь:
120 Нас не на то ль вы, боги, и мудрее?

(Уходит.)

ПАРОД

На оркестру вступает хор трезенских женщин.

Хор
СТРОФА 1

Холодна, и чиста, и светла
От волны океана скала,
Там поток, убегая с вершины,
И купает и поит кувшины.
Там сверкавшие покровы
Раным-рано дева мыла,
На хребет скалы суровый,
Что лучами опалило
Колесницы дня багровой,
Расстилая, их сушила:
О царице вестью новой
130 Нас она остановила.

АНТИСТРОФА 1

Ложу скорби судьбой отдана,
Больше солнца не видит она,
И ланиты с косой золотою
За кисейною прячет фатою.
Третий день уж наступает,
Но губам еще царица
Не дала и раствориться,
От Деметры дивной брашна*,
Все неведомой томится

* Фебра отказывается от пищи (брашна), дара Деметры.

Мукой, бедная, и страшный
140 Все Аид ей, верно, снится.

СТРОФА 2

Что нам думать? Уж не Пана ль
Гнев тебя безумит, Федра?
Иль Гекаты? Иль священных
Корибантов? Иль самой
Матери, царицы гор?
Мнится, верней: Артемиду,
Лова владычицу, жертвой
Ты обошла нерадиво:
Властвует над побережьем,
И над пучинами моря,
150 И над землею она.

АНТИСТРОФА 2

Иль владыку Эрехтидов,
Благородного супруга,
Тайная в твоих хоромаш
Связь пленила — и ему
Стала неужодна ты?
Иль из родимого Крита
В гавань, что гаваней прочих
Гостеприимнее, прибыл
Вестник с посланием грустным
И приковала царицу
160 Злая кручина к одру?

ЭПОД

Жребий несчастный жен,
Разве он тайна мне?
Немощи робкие, сколько таится в них
Мрака душевного,
Сколько безумия —
Носят, как мать дитя... Этот порыв
Прихоти немощной в сердце и мне проник.
Но к Артемиде, деве небесной,
Стрелы носящей, я,
В родах хранящей, я
Громко зывала.
И Артемиду мне между бессмертными
Всех и теперь милей.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Из дворца на низком ложе выносят полулежащую Федру.
С ней старая кормилица и служанки.

Корифей

170 Вот старая няня...
За ней из дворца несут сюда ложе царицы.
Какая бледная! Как извелась,
Как тень бровей ее растет, темнея!
О, что с ней?.. Любовью тревожной полна я.

Кормилица

О, слабость людская, о, злые недуги!
Что делать я буду? Чего мне не делать, скажите?

(К Федре.)

И светлое солнце, и чистое небо,
180 Дитя, над твоею недужной постелью...
Ты воли просила.
«На воздух несите», — рабыням твердила.
Минута, — и спальня нам будет милее.
Желанья что волны. Что тень твоя радость.
Что есть — надоело, не мило, а если,
Чего мы не видим, душа загорелась:
Скорее, скорее. Не лучше ль уж, право,
Больною лежать, чем ходить за больной?
Там тело страдает, а тут и душа
Твоя изболеет, и руки устанут...
Да, жизнь человека лишь мука сплошная,
190 Где цепи мы носим трудов и болезней.
Но быть же не может, чтоб нечто милее,
Чем путь этот скучный, за облаком темным
Для нас не таилось. И если мерцанья
Мятежного ищем душой на земле мы,
Так только затем, что иной не причастны
Мы жизни и глаз человека не властен
Подземные тени рассеять лучами,
Что лживые сказки душою играют.

Федра

Подняться хочу я... Поднять с изголовья
Мне голову дайте... Нет силы... Все тело
200 Мое разломило... За белые руки
Возьмите меня вы, за слабые руки.
Долой покрывало! Мне тяжело, рабыни...
Пусть волосы льются и плечи оденут...

Кормилица

Немного терпенья, дитя, не мечись
Так дико... Собою владей, и недуг
Тебе покорится. Ты только подумай:
Ведь ты ж человек — обреченный страданью.

Федра

Мне ключ бы гремучий, студеный и чистый;
Воды бы оттуда напиться... я после
210 В развесистой куще б улечься хотела,
Среди тополей и на зелени нежной.

Кормилица

Опомнись, опомнись,
Не стыдно ль желанья такие безумно
Кидать при народе...

Федра

Оставьте... Туда я... Я в горы хочу,
Где ели темней. Где хищные своры
За ланью пятнистой гоняются жадно.
О, ради богов...
220 Когда бы могла я живить ее свистом,
О, если бы дротик к ланите под сенью
Волос золотистых приблизить могла я...

Кормилица

Уж это откуда желанье, не знаю...
По зверю охота — твоя ли забота?
А если воды ключевой захотелось,
Ходить недалеко — источник у дома,
И пей себе, сколько душа твоя просит...

Федра

Туда, Артемида, царица приморья,
Где кони песчаные отмели топчут!
230 О, если б туда мне, в урочища девы,
И мне четверню бы венетскую* в мыле.

Кормилица

Чего еще просит? Безумные речи!
То в горы, по чаще лесистой с охотой
За ланью гоняться... то ей на побережье
Подай колесницу... Гадателя надо,

* Венеты — племя, славившееся своими конями.

Чтоб бога нам на́звал, которому в мысли
Пришло твой рассудок с дороги обычной
Увлечь в эти дебри. Здесь вещего надо.

Федра

- Несчастлиная! Что я? Что сделала я?
240 Где разум? Где стыд мой? Увы мне! Проклятье!
Злой демон меня поразил... Вне себя я
Была... бесновалась... Увы мне! Увы!
Покрой меня, няня, родная, покрой...
Мне стыдно безумных речей...
О, спрячь меня! Слез не удержишь... бегут.
И щеки горят от стыда... возвращаться
К сознанию так больно, что, кажется, лучше,
Когда б умереть я могла, не проснувшись.

Кормилица

- 250 Закрыла... Чего уж? Самой-то в могиле
Скорей бы землею покрыться. Судьба ведь
За долгие годы чему не научит...
Не надо, чтоб люди так сильно друг друга
Любили. Пусть узы свободнее будут,
Чтоб можно их было стянуть и ослабить,
А так вот, как я эту Федру люблю,
Любить — это тяжкое бремя. На сердце
260 Одно, да заботы, да страхи двойные.
Вот подлинно — где ты уж слишком усерден,
Там много ошибок да мало утехи...
Всегда я скажу: ты излишнего бойся,
Все в меру — и мудрые скажут: все в меру.

Корифей

- Ты, старая и верная раба,
Вспоившая царицу! Видим, горе
Какое-то у Федры, но понять,
Какой недуг у ней, — не понимаем.
270 Душа горит твоих послушать слов.

Кормилица

Когда б сама я, жены, понимала...

Корифей

Причину мук ты знаешь, может быть.

Кормилица

И тоже нет. Она давно таится.

Корифей

А как слаба она... Как извелась...

Кормилица

Не ослабеть... как третий день без пищи!

Корифей

В безумии она?... Иль смерти жаждет?

Кормилица

Конец один. Причины ж я не знаю.

Корифей

На мужа я дивлюсь... Что ж смотрит муж?

Кормилица

Я ж говорю тебе — она таится.

Корифей

280 Но на лице нельзя ж не видеть мук.

Кормилица

Да, как на грех, и муж у ней в отъезде.

Корифей

Но ты? Ужель на все ты не пойдешь,
Чтобы недуг ее разведать, тело
И душу ей снесающий недуг?..

Кормилица

Старалась уж, да никакого проку.
Но рук я не сложу — смотрите все
И помните, что господам в несчастье
Я верная слуга...

(Федре.)

Дитя мое

Любимое, мы прежних лучше обе
Не будем слов и помнить... Ты смягчись
И не гляди так гневно... Я ж покину
290 Унылый путь, которым мрачный ум
Дошел до слов тяжелых, и другую
Речь заведу, получше. Если тайным
Недугом ты страдаешь, эти жены
Тебе помогут опытом, стараньем;
А если он таков, чтоб и мужам
Его открыть, — тебя врачи излечат.

Что ж ты молчишь, дитя? Хоть что-нибудь
Скажи, меня, коли не так сказала,
Оспорь, а не оспоришь, так признай,
Что я права, и поступи согласно
300 Моим словам. Открой же губы... Дай
Хоть посмотреть в глаза тебе... О, горе!
Вот, женщины... Вы видите? Опять.
Уж я ли не старалась?.. Все напрасно:
Как было, так и есть, и как тогда
Была глуха, так и теперь не внемлет.
Пойми ж ты хоть одно. К другому можешь
Ты равнодушной моря быть, но если
Себя убьешь, — ведь собственных детей
Отцовской ты лишаешь части этим.
Я царственной наездницей клянусь,
Что детям родила твоим* владыку,
Пусть незаконного, но с честолюбием,
Законного достойным. Ты его
Отлично знаешь, Федра... Ипполита.

Федра

310 Увы!

Кормилица

Коснулась я живого места разве?

Федра

Ты сделала мне больно... Я молю:
Не повторяй мне больше это имя.

Кормилица

Вот видишь ты — сама ведь поняла;
Так как же, рассудив, не хочешь жизни
Своей сберечь для собственных детей?

Федра

Я их люблю, детей. Но в сердце буря
Мне жребием ниспослана иным.

Кормилица

Нет на руках твоих, надеюсь, крови?

Федра

Душа во мне... душа заражена.

* Сыновья Федры — Демофонт и Акамонт.

Кормилица

Иль это враг тебе какой подстроил?

Федра

О нет, мы зла друг другу не хотим;
Но он убьет, и я убита буду.

Кормилица

320 Перед тобой Тесей не согрешил?

Федра

Мне перед ним не согрешить бы только.

Кормилица

Но что ж тебя в Аидов дом влечет?

Федра

Мой грех — тебя касаться он не может.

Кормилица

Конечно, нет. Но ты покинешь нас...

Федра

Оставь, оставь! Зачем к руке припала?

Кормилица

В мольбе твоих не выпущу колен.

Федра

Тебе же мука, коль узнаешь, мука...

Кормилица

Нет большей мне, как Федру потерять.

Федра

Она умрет, но не бесславной смертью.

Кормилица

330 А слава в чем? Хоть это мне скажи.

Федра

Ее добуду на стезе греха.

Кормилица

Откройся ж нам, — и слава возрастет.

Федра

Уйди, молю... Освободи мне руку...

Кормилица

Нет, ни за что... Молящий дара ждет.

Федра

И ты получишь этот дар молящих.

Кормилица

Тогда молчу... но за тобою речь...

Федра

Какой любви ты сердце отдавала,
О мать, о мать несчастная моя!

Кормилица

Ты вспомнила быка иль что другое?

Федра

О, бедная, и той же рождена
Для ложа Диониса Ариадна...

Кормилица

340 Опомнись, дочь... ты свой порочишь род.

Федра

Мне третьей быть добычей смерти, третьей.

Кормилица

О, ужас... О, куда ж ты клонишь речь?

Федра

Туда, где злой давно таится жребий.

Кормилица

Но в чем же он?.. Когда бы знать могла я!

Федра

О, горе мне... Когда б мои слова
Ты, женщина, сама сказать могла бы.

Кормилица

Я ж не пророк, чтоб чудом их узнать.

Федра

Ты знаешь ли, что это значит — «любит»?

Кормилица

Да, слаще нет, дитя, и нет больней...

Федра

Последнее — вот мой удел, родная.

Кормилица

350 Что слышу я? Ты любишь? Но кого ж?

Федра

(тихо)

Не знаю кто, но сын он амазонки.

Кормилица

Как... Ипполит?..

Федра

Он назван, но не мной.

Кормилица

Не может быть, дитя. Ты убиваешь
Признанием меня. Для старых плеч
Такое иго, жены, слишком тяжко.
Проклятый день, проклятый свет очей...
Нет, в омут мне... Но только эту ношу
Берите прочь... На что ж и жизнь, когда
Порок возьмет насильем добродетель
Влюбленную? Киприда — ты не бог,
360 Ты больше бога. Кто б ты ни была,
Но Федру, и меня, и дом сгубила.

Корифей

Вы слышали, подруги?
Из царских губ внимали ль вы
Неслыханным речам, речам ужасным?
О, лучше бы, о, лучше б умереть,
Покуда в грудь мою
Твои слова проникнуть не успели.
Всем горе, всем нам горе, всем нам горе!
Несчастливая! Какой ужасный рок
Тобой владел?.. О, смертные!.. О, род,
На муки обреченный! Ты погибла,
Отдав лучам позор... Как этот день тебе
Короткий пережить еще?..
370 К концу идет с тобою царский дом,
И больше тайны нет, куда Киприды,
Тебя склоняя, воля губит,
О Пасифаи дочь несчастная, о Федра!

Федра

Вы, дочери Трезена, вы краса
Преддверия Пелоповой державы,
Уже давно в безмолвии ночей
Я думою томилась: в жизни смертных
Откуда ж эта язва, что нас губит?
Природа ль разума виновна в том,
Что мы грешим? Не может быть: ведь многим
Благоразумье свойственно. Я так
Сужу: что хорошо, что нет — все это
380 Мы знаем твердо: лишь на деле знание
Осуществить мы медлим. Почему?
Одним мешает лень, а другой
Не знает даже вкуса в наслажденье
Исполненного долга. Мир — увь! —
Соблазнов полн, и, если волны речи
Людской нас не закружат, — праздность нас,
За радостью гоняя, обесилит...
Ты скажешь, стыд?.. Какой? Есть два стыда:
Священный стыд и ложный, но тяжелый.
А будь меж них светла для света грань,
Они одним бы словом не писались...
И вот с тех пор, как тяжким размышленьем
Я различать их научилась, нет
Мне более к неведенью возврата,
390 И не могу не видеть я греха.
Но я хочу с тобою проследить
Решенья ход... Когда Эрота жало
Я в сердце ощутила, как его
Переносить, я стала думать честно...
И начала с того, чтоб затаить
Его как можно глубже. Проку мало
Для нас в речах. Пусть иногда язык
Поможет нам другого образумить,
Но раны нет больней, чем от него.
Я думала потом, что пыл безумный
Осилью добродетелью... И вот,
400 Когда ни тайна, ни борьба к победе
Не привели меня — осталась смерть.
И это лучший выход. Нет, не надо
Мне возражать. Для славы мы хотим
Свидетелей — для горя только тайны.
Я знала все — недуг, его позор,
И женскому я сердцу цену знала...
Пускай для той проклятий будет мало

- Со всей земли, которая с другим
Впервые обманула мужа. О,
410 Пойти с верхов должна была зараза.
Ведь если зло — игрушка знатных, разве
В толпе оно не станет божеством?
Проклятие и вам, чьи скромны речи,
Но чьи под кровом ночи черной дерзки
Преступные объятья... Как они
Решаются, о, пеною богиня
Рожденная, потом смотреть в глаза
Обманутым мужьям? Как им не страшно,
Что самый мрак их выдаст, что стена
Заговорит, внимавшая лобзаниям?
Я от одной бы мысли умерла,
420 Что мужа бы могла я обесчестить
Или детей. Нет, никогда! Они,
Свободные и гордые, на землю
Священную прославленных Афин
Вступая, нас не постыдятся вспомнить.
Ведь самый дерзкий клонит, точно раб,
К земле чело, когда при нем напоят
Клеймо отца иль матери позор.
И если что-нибудь поспорить может
С желаньем жить, так совесть, у кого
Она еще осталась... Слабодушным,
Как красной девице, когда-нибудь
Подносит время зеркало, но я,
430 Нет, я его не буду дожидаться...

Корифей

Увы! Увы! Нет в мире ничего
Прекраснее, чем добродетель: смертных
Она дарит заслуженной хвалой...

Кормилица

- О госпожа, когда завесу с бед
Ты сдернула так быстро, то, конечно,
В испуге я не выбирала слов
И лишнее сказать могла. Но дело
Совсем не так уж страшно... И всегда
Надежнее второе рассужденье.
Чего-нибудь неслыханного я
Покуда не узнала. Афродиты
Здесь чары несомненны. Любишь ты?
Но не одна ж. Другие тоже любят.
440 И убивать себя!.. Да разве ж всех,

Кто любит иль любви готов отдаться,
За это и казнить? Да польза ж в чем?
Или поток Киприды остановишь?
Ты уступи ему — тебя волной
Он ласково обнимет, а попробуй
Надменно или нагло спорить с ним, —
И что ж? Тебя не искалечит, скажешь?
И в высоте эфирной, и в морской
Пучине — власть Киприды, и повсюду
Творения ее. Она в сердцах
Рождает страсть, и все в ее кошнице
450 Мы зернами когда-то были. Кто
Истории читал седые свитки
Иль песни разучил поэтов, знает,
Как некогда Семелы царь богов
Безумно лежа жаждал, как Кефала
В чертог свой Эос увлекла для ласк,
Румяная. Среди богов и в небе
Они живут, однако ж, и теперь,
И страсти той несут покорно иго...
А ты, ты будешь спорить? Если так
Тебе одной тяжел закон богов,
460 То жаль тогда, что не по уговору
Особому отец тебя родил,
Что не другие над тобою боги
Владычат. Или мало здесь найдется
Таких мужей, что на грехи жены
Глаза благоразумно закрывают...
Я более скажу... Таких отцов,
Что сыновьям не прочь в делах любовных
Способствовать. Да умный человек
И всякий так рассудит, что дурное
Не напоказ. А жизни все равно
Не вымерять, как дома. И карниз
Ведь не всегда положишь по заказу...
470 Ужели же судьбы — да и какой
Еще судьбы! — течение ты осилишь...
Ты — женщина, и если ты могла
Быть честною не реже, чем нечестной,
Считай себя счастливой. Черных дум
Останови ж течение! Это людям
Доступнее... А рваться одолеть
Богов, дитя, — поверь мне, только гордость.
Любить тебе велела Афродита...
А русло мы недугу твоему
Должны найти счастливое... Есть чары,

Соблазны слов... Подумаем — найдем
И от твоей болезни мы лекарство:
480 Мужчины бы не скоро отыскал,
А мы куда на выдумки горазды...

Корифей

Ее слова страдальческой судьбе
Отрадное сулят успокоенье,
Но я несу, царица, восхищенье,
Пусть горькое, но все-таки тебе...

Федра

О, злая лесть — на сладостной облате
Твоих сетей всегда обилен лов.
Я не хочу отрадной неги слов,
Пусть они мне говорят о славе...

Кормилица

490 Да, музыка!.. Но эти ризы слов
Узорные... зачем они? Ведь сердцу ж
Лишь Ипполита речь была б отрадна.
Зачем же прямо так и не сказать?
Тянуть зачем, когда вопрос поставлен
Решительный — о жизни? Будь сама
Женою ты разумной и спокойной,
Иль думаешь: тебе бы этот шаг
Я предлагать решилась... для утехи?
Но речь идет о жизни... И никто
Меня, надеюсь, жены, не осудит.

Федра

О, ужас, ужас!.. Замолчишь ли ты?
Иль ток речей позорных не иссякнул?..

Кормилица

500 Позорных! Пусть... Позорные слова
Теперь тебе полезней благородных...
Не лучше ль жизнь усилием спасти,
Чем славою венчать твою могилу?

Федра

О нет! О нет, ради богов. Права
Ты, да, я знаю... Но позор не меньше
От этого. Я цепь Эраста с честью
Еще носить хочу... Но ты ведь в бездну
Меня зовешь... О нет, о нет, о нет!..

Кормилица

Ну, рассуди ж... Кто спорит, было б лучше
Не полюбить. А полюбила ты,
Так не беда: найдем мы исцеленье.
Есть у меня и средство от недуга
510 Любовного — ни чести не вредит,
Ни разума оно не потемняет...*

Федра

Питье иль мазь твоё лекарство, няня?

Кормилица

В том пользы нет, что много будешь знать.

Федра

Но хитрости твои мне страшны... Нет ли
Дурного в них... Опасного чего?

Кормилица

Чего же ты боишься, не пойму я...

Федра

Речей твоих, чтоб о беде моей
520 Тесеев сын по ним не догадался...

Кормилица

И, полно... Все улажу я, дитя.
Ты только будь за нас теперь, Киприда,
Владычица морская... Остальное
Не перейдет за тесный круг друзей...

(Уходит во дворец.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

О Эрот! О Эрот!
На кого ополчился ты,
Тем глаза желанье туманит,
В сердце сладкая нега льется...
Но ко мне не иди, молю тебя,

* Но не плошай: по ком душа горит,
Пусть ризы край иль докон потеряет,
И вас потом водой не разольешь.

530 Ни с бедой, Эрот, ни в ярости.
 Нет такого огня, и лучи светил
 Со стрелой не сравняются горние,
 Что из рук своих мечет в нас,
 Дия сын, и стрелой Кипридиной...

АНТИСТРОФА 1

 Слепота! Слепота!
 Гекатомбы кровавые
 Мечем мы на бреге Алфея,
 Аполлону — в Пифийских храмах...
 А Эрота, царя над смертными,
 540 Ублажить, дитя Кипридино,
 Не хотим. Пусть ее теремов любви
 Он ключарь, но для нас он жестокий бог:
 Сеет смерть и проклятия,
 Куда ступит Эрот, Зевесов сын...

СТРОФА 2

 Ярма не познавшая дева*
 И брачного чуждая ложа
 550 В садах расцвела эхалийских...
 Но, крови и пламени полны,
 Дымятся палаты Еврита,
 И терем пылает царевны,
 И нимфу дрожащую сыну
 Алкмены под адские гимны
 Проклятий и смерти Киприда
 Вручает для горького брака...

АНТИСТРОФА 2

 Ограда священная Фивы,
 Диркеи кипящая пена,
 Вы ужасы миру о силе
 Могли бы Киприды поведать.
 Она, средь блистаний и громов
 Склонивши на брачное ложе
 560 Грядущую Вакхову мать**,
 В объятия кинула смерти,
 О, страшная сила и сладость!
 Пчела с ее медом и жалом!

* Иола.

** Семелу.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Федра

Оставьте песни, жены... Я погибла.

Корифей

Что ж страшного в чертоге слышишь ты?

Федра

Там голоса. Постойте, дайте слушать...

Корифей

Начало страшное... Молчу... Молчу.

КОММОС

Федра

СТРОФА 1

Ах-ах...

570 Несчастливая! Чего же ждать еще мне?

Хор

СТРОФА 2

Что ты слышишь? Чей же голос,

О любимая царица!

Что тебя, скажи, смутило?

Иль ты страшное узнала?

Федра

Я говорю вам — я погибла... Шум

Там, за стеной... вы слышите ль, как шумно?

Хор

СТРОФА 3

Но ведь ты у самой двери.

Иль сама узнать не хочешь?

О, прислушайся ж, царица,

580 Отчего кричат в чертоге?

Федра

Я слышу сына амазонки: мечет

Он грома на прислужницу мою.

Хор
АНТИСТРОФА 3

Да, я слышу — только смутно;
Разбери ж и мне скажи;
До тебя из двери близкой
Речи их ясней доходят.

Федра
Я слышу ясно, как зовет ее
590 Он своднею, предавшей господина.

Хор
АНТИСТРОФА 2

Горе! Горе... дорогая.
Предана ты — нет спасенья,
Больше нет и тайны, Федра.
И от друга ты погибла.

Федра
АНТИСТРОФА 1

Она меня сгубила... Мой недуг
Ему она пересказала. Мне ж
Она дала в лекарстве выпить яду.

Корифей
Но дальше что ж? Где выход ты найдешь?

Федра
Или сама я знаю?.. Двери дома
600 Аидова я вижу пред собою.
Входит Ипполит, за ним кормилица.

Ипполит
Вы, светлые лучи!.. И ты, земля!..
И это было сказано?.. О, ужас!..

Кормилица
Ах, тише, тише... Могут услышать.

Ипполит
Я не могу молчать... Ведь это ж ужас...

Кормилица
Десницею могучей заклинаю...

Ипполит

Прочь, руки прочь... И выпусти мой плащ...

Кормилица

У ног твоих, у ног молю пощады.

Ипполит

Какой? Ведь ты ж, по-твоему, права.

Кормилица

Огласки я боюсь. Пойми, огласки.

Ипполит

610 Прекрасного молва не оскорбит.

Кормилица

Дитя мое, ты ж клялся, вспомни только...

Ипполит

Устами, да, — но сердце ни при чем.

Кормилица

Ужель друзей, дитя мое, погубишь?

Ипполит

Чур, чур меня! Неправый — мне не друг.

Кормилица

Кому ж прощать, дитя, коли не людям?

Ипполит

О Зевс! Зачем ты создавал жену?

И это зло с его фальшивым блеском

Лучам небес позволил обливаться?

Иль для того, чтоб род людской продолжить,

Ты обойтись без женщины не мог?

620 Иль из своих за медь и золото храмов

Иль серебро не мог бы сыновей

Ты продавать, чего который стоит,

Освободив жилища нам от жен?

Что жены зло, мне доказать не трудно.

Родной отец за дочерью, ее

Взлелеявши, чужому человеку

Приданое дает — освободи

Его от дочки только. Муж, конечно,

630 Отравленной украсив розой сад,

Ей восхищен бывает. Точно куклу

Иль алмаз фальшивый, он жену
Старается оправить подороже.
Но и мужей жена нищит, и только.
А раз женился — не стряхнуть ему
Ярма. Один, свойством польщенный знатным,
Выносит ложе пресное; другой,
Шурьев постыдных за своей красоткой
В родню впустив, полынью приправляет
Медвяную сыту. И хорошо
Еще тому, кому попало в дом
Ничтожное творенье, чтоб ни злого,
Ни доброго придумать не могла.

640 Но умницы!.. Избави, боже, если
В ней на вершок побольше, чем в других,
Ума, излишек этот Афродите
На пользу лишь — коварством станет он.
Напротив, та, которая природой
Обижена, жена, по крайней мере,
На хитрости Киприды не пойдет.
Приспешниц — вот от жен подальше надо.
Вы сторожить поставьте терема
Зверей, когда хотите, да не этих
Пособниц, зверь укусит, да не скажет,
А то хозяйка козни мастерит,

650 А нянюшка их по свету разносит...
Не такова ль и эта тварь? Отца
Священное она дерзнула ложе
Мне, сыну, предлагать. Да после слов
Таких — иди к источнику и уши
Омой священной влагой. Если я
В себе заразу чувствую от звука,
От шума слов, так каково же сердцу
От грязи их? Но я благочестив,
И это вас теперь спасает, жены,
Поверьте, все бы ваши я открыл
Дела отцу, когда бы, как ребенок,
Сковать уста себе я клятвой не дал.
Простор теперь предоставляю вам,

660 Пока Тесея нет, и для признаний
Я не открою губ. Но вместе с ним
И я сюда вернусь — мне любопытно
Вас с госпожой увидеть, как царя
Вы будете встречать. Хотя образчик
Твоей, раба, я наглости видал.
Так будьте же вы прокляты! Не будет
Мне пресыщенья в ненависти к вам,

Хотя б корили все меня, что вечно
Одно и то же я твержу — и вы ведь
Все те же — в зле. О смертные, иль жен
Исправьте нам, иль языку дозвольте
Их укорять, а сердцу проклинать.

(Уходит.)

Федра

О, жребий жены!
О, как над тобою не плакать?
670 Где сила искусства?
Где выход?
О, как этим цепким объятьем
Опутана я безнадежно!
Уж мой приговор
Написан. О солнце! О солнце!
О мать-земля!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою?
О жены! О жены!
Иль бог мне поможет? Но кто же?..
Иль вступится смертный в такое
Позорное дело?.. На плечи
Напала несносная тяжесть.
И смерть, только смерть ее снимет..
Меж женских, увы,
Несчастнее нет моей доли!

Корифей

680 Увы! Увы! Посланныцы искусство
Не удалось. Ты в тяжком положении...

Федра

(кормилице)

О худшая из жен... Друзей своих
Не пощадить... Пускай отец небесный
Тебя, огнем изранив, в порошок
Потом сотрет. Иль я тебя просила
Беду мою по свету разглашать?
Иль я тебе конца не предрекала
Позорного? Да, да. Для Федры больше
Почетной нет кончины. Но довольно.
Теперь важнее дело. Гнев его
690 Не пощадит, конечно, пред Тесеем
Болтливости твоей неосторожной,
И речи, точно реки, потекут

По всей земле постыдные. Проклятье ж
Тебе и всем проклятие, кто рад
С непрошеной готовностью и дерзко
Служить своим измученным друзьям!

Кормилица

Ты не меня бранишь, а неудачу:
Обида ум озлобленный мутит.
О, у меня нашлись бы оправдания,
Когда бы их ты слушала. Тебя
Кто выкормил и вырастил, царица?
Кто преданней служил тебе? Недуг
Я исцелить хотела твой и гибну
За то, что не сумела. А сумей,
700 Из мудрых бы слыла теперь я мудрой.
Ведь ум людей не то же ль, что успех?

Федра

Изранила и диким пререканьем
Мне рану бередишь. Иль это все?
Вся правда? Все, что Федра заслужила?

Кормилица

Постой. Пускай была я не права.
Но и теперь не все еще погибло.

Федра

Нет, более ни слова! До сих пор
Ты только зло нашептывала. Только
Дурное начинала. Уходи
К своим делам. Нам помощи не надо.

Кормилица уходит.

710 Вы ж, жены благородные Трезена,
Не откажите мне в одном — уста
Безмолвием окутать перед тайной.

Корифей

Я чистою богинею клянусь,
Что твоего несчастья не выдам.

Федра

О, будьте же вы счастливы! А я
Еще имею выход, как сберечь
Потомству имя доброе. Да он
И для меня в моем несчастье лучше.
О нет, я славной родины моей

720 Не посрамлю и на показ Тесею
Позорного не вынесу клейма,
Чтоб сохранить остаток жалкой жизни.

Корифей

Кого ж спасешь неисцелимым злом?

Федра

Себя спасу. А как, увидишь после.

Корифей

Стыдись же слов таких.

Федра

А ты стыдись

Нас упрекать. Иль не Киприде я,
Не Афродите на алтарь сегодня
Усладю паду? Мне горек был
Любовный жребий, жены, но, страданьем
Венчанная, я и другую смерть
В своей таю. Есть муж. Из муки этой
730 Смирения он вынесет урок:
Один недуг, одна и кара будет.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

О, если б укрыться могла я
Туда, в эти темные выси,
О, если б, велением бога,
Меж птицами вольною птицей
Вилась я. Туда бы стрелой,
Туда б я хотела, где море
Синеет, к берегам Эридана,
Где в волны пурпурные, блеском
Отцовским горящие волны,
Несчастные девы, не слезы
740 В печали по брате погибшем,
Янтарное точат сиянье.

АНТИСТРОФА 1

Туда, где в садах налилися —
Мечты или песни поэтов —
Плоды Гесперид золотые,

Туда, где на грани волшебной
 Плывущей предел положили
 Триере — морей промыслитель*
 И мученик небодержавный**,
 Туда, где у ложа Кронида
 750 Своею нетленной струею
 Один на всю землю источник,
 Златясь и шумя, животворный
 Для радости смертных пробился...

СТРОФА 2

От берегов родимых Крита
 И от мирной сени отчей
 За ладьею белокрылой
 С шумной жалобой недаром
 Волны пенные бежали:
 Не нашла невеста мира
 В этом браке.
 С Крита ль только птицы злые
 Вашу свадьбу провожали.
 760 Или встретили в Афинах,
 У Мунихия, когда вы,
 В волны новые тяжелый
 Бросив якорь, на священный
 Брег Паллады выходили?

АНТИСТРОФА 2

Там мучительным недугом
 Грешной страсти поразила,
 В оправданье знаков черных,
 Золотая Афродита
 Душу нежную царицы:
 И ужасных испытаний
 Не снести ей!
 Вот идет поспешно в терем,
 770 Вот рука на белой шее
 Петлю вяжет и не дрогнет.
 Страшен демон ненавистный,
 И, спасая честь, царица
 Из души своей свободной
 Жало страсти вынимает.

* Посейдон.

** Атлант.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Кормилица
(за сценой)

Ай-ай...

Сюда! Сюда! Скорее все, кто может:
Повесилась Тесеева царица.

Корифей
Увы! Увы! Все кончено. Висит
Она в ужасной петле. Федры нет.

Кормилица
(за сценой)

780 Скорей же... О, скорей... И нож острей,
Разрезать эту петлю... Помогите...

Одна из хора
Что делать нам, подруги? Во дворец
Пойдем ли вынимать ее из петли?

Другая из хора
Зачем? Иль нет там молодых рабынь?
Кто без толку хлопочет, не поможет.

Кормилица
(за сценой, с плачем)

Снимите ж хоть ее... не дышит больше...
О, горькая палат охрана мужних.

Корифей
Сомненья нет... Скончалась... Тело там
Уж на одре печальном полагают...

Появляется Тесей.

Тесей

790 Гей, женщины... Тут был какой-то крик...
Неясный плач рабынь из зал дворцовых
Издалека до слуха долетел.
А здесь царя, узревшего святыню,
И у дверей покинутых палат
Ничей привет не встретил... Иль с Питфеем
Что новое случилось? На закате
Хоть жизнь его, но все ж с печалью в сердце
Его в могилу проводил бы я.

Корифей

Удар судьбы, Тесей. Но не старик,
А яркий, царь, погас здесь жизни светоч.

Тесей

Увы! Увы! Не из детей же кто?

Корифей

800 Они живут — но матери не видят.

Тесей

Что говоришь? Жена... Но как? Но как?

Корифей

От собственной руки, в ужасной петле.

Тесей

В тоске, скажи, иль жребий оковал?

Корифей

Что знаю, то сказала; лишь недавно
Мы здесь, узнав о горести твоей.

Тесей

О, горе мне... На что ж и лавры эти
На волосах? Не праздники справлять
Придется здесь Тесею... Гей, живет,
Рабы, отбить запоры у ворот,
И настежь их!.. Пускай достойной плача
825 Картиной я насыщу взор, — жены
810 Я видеть труп хочу, себе на горе...

Двери дворца отворяются. Видно тело Феды.

КОММОС

Хор

Увы! Увы! Несчастливая. О жребий,
О злодеяние и ты,
О мука, вы сгубили целый дом...
О дерзость, о натиск безумный
На жизнь, на собственную жизнь.
Кто смел, скажите, кто смел
На голову эту
Покров погребального мрака накинуть?
Кто смел?

Т е с е й

СТРОФА

О, муки!.. О, город!.. Но нет,
Нет горше подъятых Тесеем,
О, тяжело, так тяжело на плечи
Обрушился жребий, увы мне!
820 То демона скрытая метка?
Иль тайная точит нас язва?
Не море ли бедствий темнеет?
Кружат меня волны — не выплыть,
824 И хлещут, наверх не пускают.
826 Твоя ж, о жена, в каких же словах
Предсмертная мука, скажи мне, сокрылась?
Ты легче, чем птица из плена
В эфире, в Аиде исчезла.
830 О, жребий, о, жребий плачевный!
Мне предок оставил пятно, —
Слезами его замываю.

К о р и ф е й

Не первый ты подругу, царь, оплакал,
И не один ты дивную терял...

Т е с е й

АНТИСТРОФА

Туда я... в подземную ночь
Хочу, и в могиле хочу я
Без солнца лежать, потому что
Ты больше меня не обнимешь,
Мертва ты... Я ж тени бледнее...
840 О, как эти страшные мысли,
Жена, в твою душу проникли?
О нет, не таитесь, рабыни:
Иль чужды душою вы дому?..
О, горе, и ты, о зрелище мук!
Умом не охватишь, не вынесешь сердцем.
Без матери дети — и в доме
Хозяйки не стало. Меня же,
Меня ж на кого покидаешь,
850 О лучшая в ярких лучах,
О лучшая в лунном мерцанье?

Х о р

Несчастный, несчастнейший муж!
Ты, бедами дом осажденный!

Над горем твоим, властелин,
Слезами склонились мои орошенные веки,
Но ужас холодных предчувствий
В груди и давней и больней.

Т е с е й

Ба... Погляди...
Ведь белая рука ее застыла,
Письмо сжимая... Или новых мук
Оно несет нам бремя, или в нем
Вдовцу или сиротам свой завет
Она перед разлукой написала?
860 Нет, бедная, в оставленный тобой
Уж не войдет чертог жена другая.
Покойно спи... О да, я узнаю
Кольца печать усопшей золотую...
Мгновение и, складень растворив,
Последних строк ее узнаю тайну.

*(Подходит к телу и, разжав руку Федры, вынимает
складень, распечатывает его и читает.)*

Х о р

О, горе, о, горе...
То новый удар
Нам демон готовит... Увы...
Жизнь цену для меня теряет... Это будет,
Я чувствую, удар смертельный. Пусть же
И на меня он падает:
В обломках на земле
870 Моих царей лежит бывшее счастье...
О боже! Если есть еще возможность,
Услышь мою молитву: не губи нас.
Недоброе душа мне ворожит.

Т е с е й

О, ужас!.. Омерзение и ужас!..
Не вынести, не высказать! О, горький!

К о р и ф е й

Но что? Скажи... Коль смею знать и я!

Т е с е й

О, к небу вопиют,
О, к небу те немые вопиют
Об ужасе неслыханном слова.

880 Куда уйти? Нет... Это слишком... Эти
В какой-то адский хор смешались строки.

Корифей

Увы! Увы!
О, новых бед ужасное начало!

Тесей

О нет, мои уста
Таить не смеют этой язвы страшной,
Уродства этого, что и назвать
Мерзит. Узнай, узнай, земля отцов:
Сын, Ипполит, на ложе посягнул
Отцовское, не устыдился Зевса
Очей. Отец мой, Посейдон, ты мне
Пообещал исполнить три желанья.
Желание одно — пускай мой сын
Не доживет до этой ночи, если
890 Твоим должны мы верить обещаньям.

Корифей

Ради богов! Возьми назад слова...
Раскаешься ты, царь, в своем желанье.

Тесей

Нет, никогда. И из страны его
Я изгоню. Готовы оба кубка
С отравой. Пусть жалобу мою
Пучины царь услышит и сегодня ж
Его сошлет в Аид, иль, осужден,
До вечера, как нищий, он скитанья
Свои начнет велением моим...

Корифей

Смотри: твой сын; он вовремя, владыка.
900 Безумный гнев покинь и осени
Свой дом иным и набожным желаньем.

Входит Ипполит.

Ипполит

(еще не видя трупа)

На голос твой отчаянный, отец,
Я прихожу... Из-за чего он, знать
Хотел бы... А!.. Что вижу?.. Тело
Твоей жены?.. Как это непонятно,
Ведь я ж сейчас расстался с ней, — была

Она совсем здорова. Этот мертвый
Покой ее так странен... Как же смерть
910 Ты объяснить бы мог, отец?.. И что же
Ты все молчишь? Иль думаешь беду
Томительной развеять немотою?
Коль тайна жжет желанием сердца,
В несчастии огонь ее живет,
И ты не прав, скрывая от друзей...
Нет, больше, чем друзей... свои печали.

Т е с е й

О, суета! О, жалкий род слепцов!
Нет хитростей, каких бы допытаться
Ты не сумел, упорный человек.
Десятками ты их считаешь тысяч.
Недостижимым для тебя одно лишь
Умение осталось: научить
920 Безумца здраво действовать и мыслить.

И п п о л и т

Такой учитель стал бы знаменит,
Свой ум в чужие головы влагая.
Но к месту ль тонкость рассуждений ныне?
Несчастье, боюсь, мутит твой разум.

Т е с е й

О, если бы хотя малейший знак
Имели мы, но верный, чтобы друга
От недруга и лживые слова
От истинных мы сразу отличали...
Два голоса пускай бы человек
Имел — один, особенный, для правды,
Другой — какой угодно. Ведь тогда
930 Разоблачить всегда бы ложь могли мы,
Игралищем людей не становясь.

И п п о л и т

Иль кто-нибудь из близких пред тобой
Оклеветал меня? Иль и невинность
От низости не ограждает нас?..
Я с толку сбит. И странные намеки
Твои, отец, измучили меня.

Т е с е й

О, до чего ж дойдешь ты, род людской?
Иль грани нет у дерзости?.. Препоны

- У наглости?.. Рожденьем человек
Приподнимай на палец только гребень
У дерзости, чтобы отца возрос
Хитрее сын, а внук хитрее сына,
И на земле не хватит места скоро
940 Преступникам. Тогда богам придется
Вторую землю к нынешней прибавить,
Чтоб место дать преступности людской.
Смотрите все... Вот сын мой, опозорил
Он ложе мне, — и мертвая его,
Как низкого злодея, уличает.
Нет, покажи родителю твой лик!
Уж раз себя ты осквернить мог делом,
Будь храбр и здесь. Так вот он, этот муж,
Отмеченный богами, их избранник,
Невинности и скромности фиал...
950 Когда б твоим рассказам шарлатанским
Поверил я, — я не богов бы чтил,
А лишь невежд в божественных одеждах.
Ты чванишься, что в пищу не идет
Тебе ничто дышавшее, и плутни
Орфеевым снабдил ты ярлыком*.
О, ты теперь свободен — к посвященным
На праздники иди и пылью книг
Пророческих любовно упивайся:
Ты больше не загадка. Но таких,
Пожалуйста, остерегайтесь, люди,
Позорное таят под благочестьем
Они искусство. Это только труп...
Но от того тебе теперь не легче,
Из низких самый низкий. Уличен
Ты мертвою. Ты уничтожен ею.
960 Перед ее судом что значат клятвы,
Свидетели и вся шумиха слов?
Иль скажешь ты, что был ей ненавистен,
Что незаконный сын, при сыновьях
Законных, им всегда помехой будет?
Но не безумно ль было б отдавать
Дыхание свое и счастье ближних
Взамен твоих страданий?.. Это ложь...
Иль чувственность царит не та же, скажешь,
Над нами, что над женскою душой?

* Тесей приписывает Ипполиту приверженность к учению орфиков, которые верили в переселение душ и потому проповедовали вегетарианство.

Мне юноши известны, что не могут
Наплыва страсти выдержать, — любой
Слабей они девчонки. Только пол
970 Спасает их от осужденья. Впрочем,
Не лишнее ль все это? Здесь лежит
Свидетель неподвижный, но надежный:
Ты осужден. Немедленно покинешь
Трезен. Священная земля Афин
И все моей державы страны будут
Отныне для тебя закрыты. Если б
Тебя теперь простил я, Ипполит,
И Синис бы, грабитель придорожный,
Пожалуй бы, явился и сказал,
Что я его убийством только хвастал,
И скалы бы Скироновы тогда
980 Грозы моей не стали больше славить.

Корифей

О, счастье, ты не прочно на земле:
Твои колонны гордые во прахе.

Ипполит

Твоей души, отец, слепая страсть
И гнев ее тяжелый оставляют
Глубокий след в уме — не оттого,
Чтоб был ты прав, однако. К сожаленью,
Я склонности не чувствую в толпе
Оправдывать себя и, вероятно,
В своем кругу сумел бы доказать
Ясней твою ошибку. И не так ли
Нередко наш страдает тонкий слух
От музыки, которой рукоплещет
Толпа? Увы... Пред горшею бедой
990 О меньшей мы позабываем. Вижу, —
Завесу с уст приходится поднять.
Начну с того же я, с чего искусно
Ты начал речь. Оставь без возраженья
Я первые слова, и я погиб.
Взгляни вокруг на землю, где ступает
Твоя нога, на солнце, что ее
Живит, и не найдешь души единой
Безгрешнее моей, хотя бы ты
И спорил, царь. Богов я чтить умею,
Живу среди друзей, и преступлений
Бегут друзья мои. И стыдно им

- Других людей на злое наводить
Или самим прислуживать пороку;
1000 Высмеивать друзей, пусть налицо
Они иль нет, я не умею. Тот же
Для них я друг. Ты упрекал меня
В страстях, отец, — нет, в этом я не грешен:
Я брака не познал и телом чист.
О нем я знаю то лишь, что услышал
Да на картинах видел. Да и тех
Я не люблю разглядывать. Душа
Стыдливая мешает. Если скромность
В невинности тебя не убедит,
Так объясни ж, отец, каким же мог
Я развратиться способом. Иль Федра
1010 Такой уже неслыханной красы?
Иль у меня была надежда с ложем
На твой престол, ты скажешь? Но ведь это
Безумие бы было, коль не глупость.
Иль быть царем так сладостно для тех,
Кто истинно разумен? Ой, смотри,
Здоров ли ум, коли корона манит.
Я первым быть меж эллинов горел
На играх лишь, а в государстве, право ж,
И на втором нам месте хорошо...
Средь избранных, конечно. Там досуг,
Да и в глаза опасность там не смотрит,
1020 А это слаще, царь, чем твой престол.
Теперь ты все уж знаешь. За себя
Такого же другого, к сожаленью,
Я не могу подставить, чтоб порукой
Тебе служил. Пред Федрою живой
Мне также спор заказан. Ты легко бы
Нашел тогда виновных. А теперь
Хранителем клянусь тебе я клятвы
И матерью-землей, что никогда
Жены твоей не трогал, что ее
Я не желал и что о ней не думал.
И пусть умру, бесславно и покрытый
Позорным именем, ни в море я,
1030 Ни на земле пускай успокоенья
И мертвый не найду, коль это ложно...
Замучена ли страхом, умерла
От собственной руки она, не знаю
И больше говорить не смею. Но
Неправая из дела вышла чистой,
А чистого и правда не спасла.

Корифей

Ты опроверг отлично обвиненье,
И клятвою ты истину венчал.

Тесей

Ну чем не волхв и не кудесник? Раньше
Срастил отца, а после гнев его
Смирением уступчивым и лживым
1040 Пытается, как маг, заморозить.

Ипполит

Я одному, отец, теперь дивлюсь —
Изгнанию. Зачем не смерти ищешь?
Будь на твоём я месте, так обидчик
Казнен бы был за честь моей жены.

Тесей

О, это слишком мягко, сын мой. Казни
Немедленной от нас себе не жди.
Преступнику конец поспешный — милость.
Нет, ты, вдали от родины скитаясь,
Вымаливая хлеб, не будешь жить.
1050 Вот должное преступнику возмездье.

Ипполит

О, небо! Или срока оправдаться,
Или угла покуда мне не дашь?

Тесей

За Понтом бы — когда бы мог, за гранью
Атлантовой*. Ты мерзок мне, пойми.

Ипполит

Как? Без суда? Без клятвы? Без допроса?
И даже без гаданий — приговор?

Тесей

Письмо — твоя улика, и не нужно
Тут жребия. А птицы в небесах
На этот раз меня не занимают.

Ипполит

1060 О боги! Уст ужели и теперь
Не разрешите мне? Ведь эта клятва

* За пределами Земли.

Мне стоит жизни... Нет... я не хочу...
Ведь этот грех мне не вернул бы веры.

Т е с е й

О лицемер! Ты изведешь меня...
Вон из дому без всяких промедлений!

И п п о л и т

Куда ж? О, горе! Кто ж откроет дверь
Изгнаннику с таким ярмом позорным?

Т е с е й

А как узнать? И соблазнитель жен
Иным мужьям бывает милым гостем.

И п п о л и т

1070 Да кто же я?.. Сжимают горло слезы.
Так низко пасть пред миром, пред тобой...

Т е с е й

Не поздно ль ты разнежился? Пока
Преступником ты не был — было плакать.

И п п о л и т

Вы, стены, камни, вы заговорите!
Скажите же ему, что я невинен.

Т е с е й

Ссылаешься ты тонко на немых
Свидетелей,

(показывая на труп)

вот и еще один.

И п п о л и т

Когда бы сам я встретился с собой,
Над этою бы я заплакал мукой.

Т е с е й

1080 Да, сам себе ты был всегда кумир;
Родителей бы лучше почитал ты.

И п п о л и т

О мать моя... О, горькое рождение,
Внебрачное! Не дай бог никому.

Тесей
(*слугам*)

Гей! Взять его. Вы не слыхали разве,
Что приговор над ним произнесен?

Ипполит
Беда тому, кто до меня коснется.
(*Тесею.*)

Душа горит, так сам и изгоняй.

Тесей
И сделаю с ослушником. Нимало
Его при том, поверь, не сожалея.
(*Уходит.*)

Ипполит
1090 Да, решено, и крепко. Есть ли мука
Сильнее той, когда ты знаешь все
И ничего открыть другим не можешь?
(*К статуе Артемиды.*)

Тебя зову, Латоны дочь, милей
Для сердца нет тебя, о дева, ты
Моих охот и спутница и радость!
Закрытый нам и славный город отчий,
И земли Эрехтея, говорю
И вам прости последнее. И ты
Прости, моя Трезенская равнина,
Для юных сил твоя отрадна гладь —
Ее глаза в последний раз ласкают...
Вы, юности товарищи, привет
Скажите мне и проводите друга...
Что бы отец ни говорил, а вам
1100 Уж не найти другого, чище сердцем.
(*Уходит со свитой.*)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор
СТРОФА I

Если я в сердце, как боги велики, помыслю,
Муки смолкают и страх;
Но и желание верить в могучую неба поддержку

Тает, когда о делах и о муках раздумаюсь наших.
Вечно — сегодня одно, а завтра другое...
Жребии смертных, что спицы
1110 Быстрых колес, там мелькают.

АНТИСТРОФА 1

Я у тебя, о судьба, благодатных даров бы молила,
Чуждое сердце забот.
Я не хотела бы видеть глубокую сущность творений,
Но и в потемках коснеть не хотела бы я суеверных.
Солнце хочу я встречать веселой улыбкой,
Благословляя сегодня
И уповая на завтра.

СТРОФА 2

1120 Разум мутится, и нет у сердца крылатой надежды:
Эллады звезда золотая
С неба ее на чужие поля закатилась
Гневною волей отца, —
Глади Трезена родного, от вас,
Дикие чащи, от вас,
Где, золотую звездою венчаный,
1130 Царь с Артемидой за ланью гонялся.

АНТИСТРОФА 2

Брызги с копыт и колес взметая, венетские кони
Берегом мчатся не будут;
Залы и портик чертога безмолвны, и струны
Лиры, и песни молчат.
Деревя Девы над сочной травой
Уж не украсит венок,
1140 Но по тебе не одна, что надежду
В сердце лелеяла дева, вздыхает.

ЭПОД

Дни мои слезами мука
Ипполитова наполнит,
Жизнь не в жизнь нам больше будет.
Мать, зачем его носила?
Иль затем, чтоб сердце гневом
Против бога запылало?
Вы ж, три сестры, три Хариты, зачем из отчизны
1150 Нашу безвинную радость из отчего дома берете?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Приближается вестник.

Корифей

Но вижу я из свиты Ипполита
Идущего сюда. Как мрачен он!

Вестник

Где я царя найду Тесея, жены?
Скажите мне — он во дворце теперь?

Корифей

Он из дворца сейчас сюда выходит.

Показывается Тесей.

Вестник

Тесей, тебе и гражданам твоим,
И в Аттике, и из Трезена вести
Несу. Они должны вас потрясти.

Тесей

1160 Какие же? Или одно несчастье
Готовится обоим городам?

Вестник

Нет Ипполита больше... Хоть и видит
Он солнце, но минуты сочтены.

Тесей

Как умер он? От мести ли супруга,
Чей дом он, как отцовский, осквернил.

Вестник

Его разбили собственные кони, —
Проклятие разбило, что к отцу
Ты обратил, седых морей державцу.

Тесей

О, небо! Да, я точно им рожден,
1170 Внимавшим мне из моря Посейдоном.
Но как погиб, скажи мне, этот муж,
Поправший честь и пораженный правдой?

Вестник

Близ берега, где волны набегают
И плещутся морские, лошадей

- Мы чистили и плакали — узнали
Мы от людей, что Ипполита, царь,
В изгнание ты отсюда усылаешь
И здесь уже не жить ему. Пришел
И сам он следом. С нашей песней грустной
Он и свои соединяет слезы.
- 1180 Без счета их, ровесников, туда
За ним пришло. Тогда, оставив плакать,
Он нам сказал: «Не надо унывать,
Словам отца повиноваться надо.
Живей, рабы, живее запрягайте:
Трезена нет уж боле для меня».
И загорелось дело — приказать
Он не успел, — уж лошади готовы.
Тут ловко он вскочил на передок
И с ободка схватил проворно вожжи,
Но кобылиц сдержал и, к небесам
- 1190 Воздевши руки, стал тогда молиться:
«О Зевс, с клеймом злодея жизни вовсе
Не надо мне. Но дай когда-нибудь,
Останусь я в живых иль не останусь,
Чтобы отец мой понял, как он дурно
Со мною поступил». Стрекало он
Затем приняв, кобыл поочередно
Касается. Мы ж около вожжей
У самой побежали колесницы,
Чтоб проводить его. А путь ему
Лежал, Тесей, на Аргос, той дорогой,
Которая ведет на Эпидавр.
Но вот, когда мы выехали в поле
Пустынное, с которого холмы
- 1200 К Саронскому спускаются заливу,
Какой-то гул подземный, точно гром,
Послышался оттуда отдаленный,
Вселяя страх, и кобылицы вмиг
Насторожились, вытянувши шеи,
А мы вокруг пугливо озирались...
И вот глаза открыли там, где берег
Прибоем волн скалистый убелен,
Огромную волну. Она вздымалась
Горою прямо дивной, постепенно
Застлав от нас Скирона побережье,
И дальний Истм, и даже Эпидавра
- 1210 От глаз она закрыла скалы. Вот
Еще она раздулась и, сверкая,
Надвинулась и на берег метнулась,

- И из нее явилось, на манер
Быка, чудовище. Ущелья следом
Окрестные наполнил дикий рев...
И снова, и ужасней даже будто
Бык заревел. Как выдержать глаза,
Не знаю я, то зрелище сумели?
Мгновенно страх объемлет кобылиц...
Тут опытный возничий, своему
1220 Искусству верный, вожжи намотавши,
Всем корпусом откинулся — гребец
Заносит так весло. Но кобылицы,
Сталь закусив зубами, понесли...
И ни рука возничего, ни дышло,
И ни ярмо их бешеных скачков
Остановить уж не могли. Попытку
Последнюю он сделал на песок
Прибрежный их направить. Но у самой
Чудовище являлось колесницы,
1230 И четверня шарахалась в смятенье
Назад, к высоким скалам, — и тогда
Бык молча следовал за колесницей,
И надвигался он все ближе, ближе...
Вот наконец отвесная стена...
Прижата колесница. Колесо
Трещит — и вдребезги... и опрокинут
Царь с колесницей. Тут смешалось все:
Осей обломки и колес, а царь
Несчастный в узах повлачился тесных
Своих вожжей, — о камни головой
Он бился, и от тела оставались
На остриях камней куски живые.
Тут не своим он голосом кричит:
1240 «Постойте ж вы, постойте, кобылицы!
Не я ли вас у яслей возрастил?
Постойте же и не губите — это
Проклятие отца. О, неужель
Невинному никто и не поможет?»
Отказа бы и не было. Да были
Мы далеко. Уж я не знаю, как
Он путы сбил, но мы едва живого
Его нашли на поле. А от зверя
И кобылиц давно простыл и след.
В ущелиях ли, где ль они исчезли,
Ума не приложу. Хоть я, конечно,
В твоих чертогах царских только конюх,
1250 Но я бы не поверил никогда

Про сына твоего дурному слову,
Пускай бы, сколько есть на свете жен,
Хоть все повесились и писем выше,
Чем Ида, мне наоставляли гору.
Я знаю только, царь, что Ипполит
Невинен и хороший человек.

Корифей

Увы! Увы! Опять удар, и меткий!
Да, от судьбы, как видно, не уйти.

Тесей

Мне пострадавший все же ненавистен,
И сладостны мне были вести мук.
Но я родил его, и узы крови
Священные я помню, потому —
1260 Ни радости, ни горю здесь не место.

Вестник

Но как же быть теперь? Оставить там,
Чтоб из твоей нам, царь, не выйти воли?
Коль смею я советовать, не будь
Ты так жесток, владыка, к мукам сына.

Тесей

Сюда его несите... Заглянуть
В глаза ему хочу и волей бога
И этой карой страшной уличить
Хочу его во лжи и злодеянье.

Вестник уходит.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

О Киприда, суровую душу людей
И богов железную волю
Ты, богиня, сгибаешь.
И над черной землею с тобой,
И над влагой соленой и звучной,
1270 Как радуга, яркий Эрот
На быстрых крылах пролетает...
И если он бурный полет
На чье-нибудь сердце направит,
То дикое пламя мгновенно
От золота крыльев

Там вспыхнет любви и безумья,
А чары его
И в чаще, и в волнах таимых
Зверей укрощают, и всё,
Что дышит в сиянии солнца,
И люди ему
1280 Покорны. Твоя, о Киприда,
Весь мир наполняет держава.

ЭКСОД

Артемида появляется в вышине.

Артемида

Внемли: тебе я говорю,
Сын благородного Эгея,
Тебе, божественная дочь
Латоны. Как ты мог, безумный,
Веселье в сердце ощутить?
Я говорю тебе — судом,
Судом неправым ты убил
Тобой рожденного. Жены
Словами ложными окован,
Неясный грех ты обратил
В мир поразившее злодейство...
1290 Потемок Тартара теперь
Желай для своего позора,
Иль птицей сделаться желай,
Чтоб ввысь от этой оскверненной
Тобою улететь земли.
Нет больше места для тебя
Средь чистых в этом мире вовсе...
Я свиток зол должна перед тобой
Развить, Тесей, без пользы — лишь печали
Прибавит он, я знаю, но пришла
Я для того, чтоб сын твой честно умер,
Оправданный. И я жены твоей
1300 Любовное должна раскрыть безумье
И, может быть, борьбу. Ее Эрот
Ужалил сердце тайно, и любовую
К царевичу царица запылала:
Богиня так хотела, что для нас,
В невинности отраду находящихся,
Особенно бывает ненавистна.
И разумом Киприду одолеть

Пыталася царица, но в ловушку
Кормилицы попалась. Та ее
Царевичу любовь пересказала,
Связав его ужасной клятвой раньше,
Чтоб он молчал. Ее слова твой сын
Отринул, но благочестиво клятвы
Нарушить не дерзнул он, как его
Ни унижал ты здесь. А эту ложь
Оставила царица, умирая,
1310 Боясь улики праведной. А ты,
Ее словам поверив, сына проклял.

Тесей

Увы!..

Артемиде

Мучительны слова мои, Тесей,
Но должен ты их молча слушать дальше,
И, царь... тебе еще придется плакать...
Ты помнишь ли, о низкий, что тебе
Три выполнить желания поклялся
Отец, но гибель вражью ты презрел —
Одно из них направил против сына...
Не изменил обету царь морей:
Исполнил свято он твое желанье.
1320 Ты перед ним и ты передо мной
Единственный виновник, потому что
Ты не искал свидетелей, гаданьем
Ты пренебрег, улик не разобрал
И, времени для истины жалея,
С поспешностью преступною своей
Божественным сгубил проклятьем сына.

Тесей

О, дай мне умереть...

Артемиде

Ты согрешил,
Но и тебе возможно оправданье.
Киприды здесь желания и гнев
Слились, Тесей. А меж богов обычай:
Наперекор друг другу не идти.
Мы в сторону отходим, если бог
1330 Горячие желанья разливает.
О, если бы не страх, что оскорблю
Я Зевса, как хранителя законов,

Иль думаешь, я бы подъяла стыд,
Любимого из смертных уступая
Богам земли? Твоя вина, Тесей,
Неведением ослаблена и тем,
Что воли злой ты не имел; с собою
От правды ключ царица унесла,
А смерть ее твой помутила разум...
Всех тяжелей тебе, конечно, царь,
Но скорбь и я с тобой делю. Печалит
1340 И нас людей благочестивых смерть,
И только злых мы с корнем вырвать рады.

Рабы вносят ложе с Ипполитом.

Корифей

Уж вот он... О, горький... Меж локонов череп,
В обрывках одежды цветущее тело
Разбито, истерзано. Тяжкая доля!
Два траура в доме! Два траура в доме!

Ипполит

О, смерть...
Из уст нечестивых неправда проклятий...
Что сделал ты с сыном, отец?
1350 О, горе! О, горе, о, смерти!
Мне череп пронзили безумные боли.
В мозгу моем жало — вонзится, и выйдет,
И снова вонзится... Минуту покоя,
Минуту покоя пожертвуй, змея!
Ты, ад колесницы. Не вас ли я сам
И рóстил, и хóлил давно, кобылицы?..
Вы рвали меня, вы, терзая, убили...
Ох, тише! Богами молю вас, рабы,
Касайтесь нежней до избитого тела:
1360 Я — рана сплошная. Кто справа?
Не вижу. Тихонько берите
И, шаг умеряя, вперед подвигайте
Забытого небом, кого и отец
В греховном безумии проклял.
О, призри же, Зевс, о, призри с небес.
Богов я всегда почитал — я невинно
И чисто я жил, если кто на земле
Невинно живет. Но в корень моя
Загублена жизнь. И могилы
Я слышу дыханье. И даром
Страдал я и набожен был меж людей.
1370 Ой-ой!

Увы мне... Опять... Эти боли
Впиваются. Жалят.
Оставьте ж меня!
Ты, черная, сжался, возьми нас,
Иль, люди, добейте хоть вы. Нет мочи!
И режущей стали
Удара я жду, точно ласки...
О, злое проклятье отца!
1380 Запятнанных предков, старинных,
Но крови единой — грехи,
Грехи меня губят... возмездье
Растет и покоя не знает...
Но отчего ж надо мной разразился
Гнев этот старый?
Над чистым, невинным, зачем он
Так тешится злобно? Увы мне!
О, что же мне делать? От мук
Страшных куда же укроюсь?
Ты, черная сила Аида, несчастного тихой,
Тихой дремотой обвей.

Артемид а

О, сколько мук, о муж, великим сердцем
1390 Загубленный, я вижу над тобой...

Ипполит

А...
Волшебное благоуханье! В муках
Ты льешься в грудь... и будто легче мне.
Ты здесь со мной, со мною, Артемид а?

Артемид а

Она с тобой, любимый, бедный друг.

Ипполит

Владычица, ты видишь Ипполита?

Артемид а

Из смертных глаз бы слезы полились.

Ипполит

Товарищ твой и спутник умирает.

Артемид а

Но он умрет в лучах моей любви.

Ипполит

Возница твой... твоих лугов хранитель...

Артемида

1400 Кипридою коварной унесен.

Ипполит

О, я познал ее в дыханье смерти.

Артемида

Простить тебе богиня не могла
Ни чистоты, ни алтарей забвенья.

Ипполит

Теперь мне все понятно: не одну,
А целых три взяла Киприда жертвы.

Артемида

Ты, твой отец и Федра, целых три.

Ипполит

Да, и отца судьба достойна плача.

Артемида

Его коварно демон обманул.

Ипполит

Твое, отец, жестоко испытанье.

Тесей

Жестоко так, что адом стал и свет.

Ипполит

Тебе больней, чем мне, твоя ошибка.

Тесей

1410 О, если бы тебя мне заменить...

Ипполит

То горький был подарок Посейдона.

Тесей

Когда бы мог вернуть его Тесей!

Ипполит

Тогда бы гнев его со мной покончил...

Тесей

Затмение, ужасный дар богов...

И п п о л и т

Увы! Увы!

Их наши-то проклятья не достигнут...

А р т е м и д а

Оставь богов. Иль думаешь, что гнев,
Который до могильной ночи сердце
Великое и чистое терзал,
Останется неотомщенным? Я,
1420 Я отомщу одной из стрел моих,
Которые не вылетают даром...
Меж смертными стрела моя найдет,
Кто ей милей других. Тебя же, бедный,
О лучший друг, в Трезене отличу
Я честью высокой. Перед свадьбой
Пусть каждая девица дар волос
Тебе несет. И этот в даль немую
Обычай перейдет веков. И в вечность
Сам в пении девичьих чистых уст
Ты перейдешь. И как тебя любила,
1430 Не позабудут, Федра... Царь Тесей,
Поди сюда, и сына обойми,
И поцелуй его. Чужою волей
Ты умертвил его. И дивно ль вам
Грешить, когда того желают боги?..
Ты ж, Ипполит, я и тебя прошу
Гнев на отца оставить. Ведь таков
Был твой удел. Простимся. Взор небесный
Не должен видеть смерти, и глаза
Туманит нам холодное дыханье.
А черная уж над тобой... я вижу...

И п п о л и т

1440 Будь счастлива, блаженная, и ты
Там, в голубом эфире... Ты любила
Меня и долго, но легко оставишь...
Отцу, как ты велела, я простил...
Я слов твоих не преступал и раньше.

Артемида исчезает.

Но на глаза спадает мрак. Отец,
Возьми меня, приподними немного.

Т е с е й

Дитя мое! Не добивай отца.

Ипполит

Смерть!.. Вот они, подземные ворота!

Тесей

Под бременем злодейства не покинь.

Ипполит

О, я тебя, отец, освобождаю...

Тесей

1450 Как? Этот груз с меня снимаешь? Весь?..

Ипполит

Да, девственной клянусь я Артемидой.

Тесей

О лучший сын! О благородный сын!

Ипполит

1455 Дай бог таких тебе, отец, законных.

Тесей

1454 И потерять такое сердце... О...

Ипполит

1453 Прощай, отец... Прости меня, мой милый.

Тесей

1456 Ты выдержишь... Ты одолеешь смерть.

Ипполит

Я выдержал... я уж в объятьях смерти.

Отец... скорее пеплос на лицо...

Тесей

О, славные афинские пределы,

1460 И ты, Пелопоннес! Кого сейчас

Лишиться вы... А мне, увы! Киприда

Страдания оставила клеймо.

Рабы уносят Ипполита. За ними уходит Тесей.

Хор

(покидая орхестру)

Этот траур двойной и неожиданный...

Лейтесь слезы под веслами скорби,

И далеко, далеко звучи

Весть о горе великом царей!

ВАКХАНКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дионис.
Хор лидийских вакханок.
Тиресий.
Кадм.
Пенфей.
Слуга Пенфея.
Вестник.
Второй вестник.
Агава.

Действие происходит в Фивах перед дворцом Кадма.

ПРОЛОГ

Дионис

Сын Зевса, Дионис, я — у фиванцев.
Здесь некогда Семела, Кадма дочь,
Меня на свет безвременно явила,
Поражена Зевесовым огнем.
Из бога став по виду человеком,
Я подхожу к струям родимых рек.
Вот матери-перунницы могила:
У самого дворца обломки дома
Еще курятся, — в них еще живет
Огонь небесный, Геры горделивой
На мать мою неугасимый гнев...
10 Спасибо Кадму: сделал неприступным
Он дочери святилище; его
Со всех сторон я скрыл и винограда
Кистями нежной зелени обвил.
Покинув пашни Лидии златой,
И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по побережью моря
Соленого простерлась: в городах
Красиво высятся стенные башни,
И вместе грек там с варваром живет.
20 Всех закружил я в пляске вдохновенной

- И в таинства их посвятил свои,
Чтоб быть мне явным божеством для смертных.
А потому из городов Эллады
Вас первыми я, Фивы, огласил
Восторга песнью, нарядил в небриды^{*}
И в руки дал плющом увитый тирс,
Что сестры матери^{**} — кто б мог подумать? —
Во мне Зевеса сына не признали
И утверждали, будто, согрешив
Со смертным, мать Зевесу приписала
Свой женский грех; что ловко сочинил
- 30 Ту басню Кадм и что Зевес Семелу
Убил за дерзко выдуманный брак.
За это их я в бешенстве домá
Заставил бросить: потеряв рассудок,
Они теперь ушли на Киферон
В вакхических одеждах, с жаждой оргий
В груди, и сколько в царстве Кадма есть
Народу женского, — всех с ними вместе
Заставил я покинуть очаги,
Теперь под сенью елей в иступленье
Бездомные блуждают по скалам.
- 40 Да, город, ты почувствуешь теперь,
Что значит таинств Бромия чуждаться.
И матери я память освящу,
Явившись людям тем могучим богом,
Который ею Зевсу был рожден.
Почет и власть царя здесь отдал Кадм
Пенфею, сыну дочери Агавы.
Он — богоборец, и ни разу мне
Не сделал возлиянья, и в молитвах
Упомянуть не хочет. Пусть же царь
И прочие фиванцы убедятся,
Что точно бог я. А когда дела
Устрою здесь, — пойду в другие земли.
- 50 Но если с войском двинутся фиванцы,
Чтоб женщин с Киферона возвратить,
Я дам им бой, став во главе вакханок.
Так вот зачем, обличье изменив,
Из бога стал я с виду человеком.
А вы, со мной покинувшие Тмол,
Вы, Лидии питомицы, подруги

* Шкура молодого оленя.

** По легенде, у Кадма было четыре дочери: Семела, Автоноя (мать Актеона), Ино и Агава, (мать Пенфея).

В пути и власти, — вы теперь, тимпан
Над головой фригийский поднимая,
Подарок Реи-матери и мой,
60 Столпиться около дворца Пенфея:
Пусть громкие удары соберут
Сюда фиванцев. Я ж на Киферон
Пойду теперь, к моим вакханкам новым,
И в хороводы легкие вплетусь.

ПАРОД

Во время последних слов Диониса вступает на оркестру
хор лидийских вакханок.

Хор

Земли Азии, где вы?
Тмол священный, ты покинут! Сладок труд мой.
Я истому в славу Бромия подъямлю,
К богу Вакху я зываю: эвоэ!
Прочь с дороги, с дороги!
70 Скройте в дóмы, и уста благоговейно
Пусть сомкнутся: Диониса петь я буду,
Как его везде я славлю и всегда.

СТРОФА 1

О, как ты счастлив, смертный,
Если, в мире с богами,
Таинства их познаёшь ты;
Если, на высях ликуя,
Вакха восторгов чистых
Душу исполнишь робкую.
Счастлив, если приобщен ты
Оргий матери Кибелы;
80 Если, тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису.
Вперед, вакханки, вперед!
Вы, бога и божьего сына,
Домой Диониса ведите!
С гор фригийских на стогны Эллады
Отведите вы Вакха домой.

АНТИСТРОФА 1

Грянули громы Зевса —
Муки родов приспели:

- 90 Не доносив, извергнула
Бромия мать из чрева
И под ударом молний
Кончила жизнь безвременно.
 Но извергнутого принял
 Зевс в свое немедля лоно,
 И, тая от Геры сына,
 Он его в бедре искусно
 Пряжкой застегнул златою.
- 100 Когда же приспел ему срок,
Рогоносного бога родил он,
Из змей он венок ему сделал:
С той поры этой дикой добычей
 Обвивает менада чело.

СТРОФА 2

- Вы, колыбель Семелы,
Фивы, плющом венчайтесь!
Нежной листвой оденьтесь,
Пурпуром ягод тиса!
Вакха исполнись, город,
110 С зеленью дуба и ели!
 И белоруных кистей
 Больше на пестрой небриде нашей!
Игривый тирс тебя сподобит Вакху, —
И вся страна запляшет за тобою,
 Где свои лики промчит Дионис...
 В гору он мчится, а женщин толпа
 Ждет его там не дождется.
От станков и от ткацкой работы
Их в восторге отбил Дионис.

АНТИСТРОФА 2

- 120 Крита юдоль святая,
Мрачный приют куретов,
Зрел ты рождение Зевса.
С гребнем тройным на шлеме
Там корибанты обруч
Кожей нашли одетый.
 Дико тимпан загудел:
 С сладкими звуками слиться хотел
Фригийских флейт; тимпан вручили Рее,
Но стали петь под гул его вакханки.

130 Сатирам Рея его отдала:
Звонкая кожа с ума их свела.
В триетериды святые*
Его звон веселит хороводы,
Их же любит наш царь Дионис.

ЭПОД

О, как мне любо в полях,
Когда я в неистовом беге,
От легкой дружины отставши,
В истоме на землю паду,
Священной небридой одета.
140 Стремясь ко фригийским горам,
Я хищника жаждала снеди:
За свежей козлиною кровью
Гонялась по склону холма...
Но, чу! Прозвучало: «О Вакх, эвоэ!»
Млеком струится земля, и вином, и нектаром пчелиным,
Смол благовонных дымом курится.
Прянет тогда Дионис...
И вот уже носится вихрем:
150 Он нежные кудри
По ветру распустит.
Вот факел горящий в горах замелькал
На тирсе священном,
И с вакхической песнью слились
Призывные клики:
«Ко мне, мои вакханки,
Ко мне, мои вакханки,
Краса горы Пактола!
Злаченные тимпаны
Пусть тяжко загудят!
Воспойте Диониса,
Ликующего бога,
На свой, фригийский лад!
160 Нежной флейты священные звуки
Пусть нагорный вам путь усладят!»
И призыв еще не смолкнул,
А вакханка в быстром беге
Рядом с Вакхом уж несется:
Точно в стаде жеребенок
Подле матки скачет резвый.

* Справляемые раз в три года празднества в честь Диониса.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Входит Тиресий.

Тиресий

170 Эй, кто там у ворот? Поди скорей
И призови мне из покоев Кадма,
Что башнями наш город укрепил,
Придя из стран сидонских. Доложи,
Что ждет его Тиресий.

Один из стражников уходит во дворец.

А зачем —

Ему известно самому. Условье —
Я, старый, он, старейший, — заключили:
Взять тирсы и, накинувши небриды,
Плющом седые головы увить.

Кадм

(выходя из дворца)

О друг любезный! Выйти не успел я,
Уж мудрого по голосу признал.
180 Иду, иду. Смотри, как обрядился!
Да, сколько в силах наших, я хочу
Сегодня возвеличить Диониса:
Явленный бог — по дочери мне внук.
Ты человек умелый, мой Тиресий,
И я, старик, вверяюсь старику:
Не правда ль, ты укажешь, где плясать мне
И где, остановившись, затрясти
Седую головой? Я столько силы
В себе почувствовал, что день и ночь
Готов стучать о землю тирсом Вакха:
Веселье нам снимает годы с плеч.

Тиресий

Со мною то же, Кадм, — помолодел я
190 И в хоровод вакхический пойду.

Кадм

Но до горы не лучше ль нам доехать?

Тиресий

А богу тем почет не уменьшим?

Кадм

Мне ль, старцу, старца быть проводником?

Тиресий

Сам бог, о Каdm, нам путь наш облегчит.

Каdm

А мы одни на игрище из граждан?

Тиресий

Увы! Разумных больше не нашлось.

Каdm

Что ж медлить дале! Вот моя рука.

Тиресий

Вот и моя, сплети ее с своей.

Каdm

Нет, презирать богов не мне — я смертен.

Тиресий

200 Да, перед богом тщетно нам мудрить.
Предания отцов, как время, стары,
И где те речи, что низвергнут их,
Хотя бы в высях разума витал ты?
Пожалуй, скажут мне: «И как не стыдно?
Старик плясать собрался и плющом
Чело обвил!» А разве где-нибудь
Нам обозначил бог, что пляшет юный,
А не старик в честь Вакха? Нет, почет
От всех равно приятен богу Вакху:
Поклонников не делит Дионис.

Каdm

210 Тиресий, солнце для тебя не светит;
Мой ясный долг — предостеречь тебя.
Вот царь Пенфей, трон от меня приавший,
Сюда спешит. О, как взволнован он!
Что-то нам скажет в гневной речи внук мой?

Входит Пенфей.

Пенфей

Уехал из страны я — праздный путь!
Дурные вести слышу отовсюду.
Нежданная постигла нас беда:
Домá, детей фиванки побросали;
В вакхическом безумии они
Скитаются в горах, поросших лесом,

- 220 И бога Диониса — что за бог,
Не знаю — буйной почитают пляской.
Среди их роев полные вином
Стоят кратеры, а вакханки наши
Тайком, поодиночке, в чащу леса
Бегут — с мужчиной ложе разделить!
По виду — вдохновенные менады,
Но Афродита им милей, чем Вакх.
Иных я уж поймал: связавши руки,
В тюрьме теперь их люди стерегут.
А тех, что нам покуда не попались,
На Кифероне всех переловлю:
Инó, Агаву, что от Эхиона
- 230 Меня родила, Актеона мать —
Я разумею Автоною — крепко
В железо их велю я заковать,
Авось тогда пройдет их беснованье.
Да, говорят, какой-то чародей
Пожаловал из Лидии к нам в Фивы...
Вся в золотистых кудрях голова
И ароматных, сам с лица румяный,
И неа Афродиты у него
В глазах; обманщик этот дни и ночи
С девицами проводит, — учит их
Он оргиям ликующего бога...
Ну, попадись он мне, — тогда стучать
- 240 О землю тирсом, встряхивать кудрями
Не долго будет — голову сниму.
Он смеет богом Вакха называть!
Он говорит, что в Зевсовом бедре
Он был зашит — тот жалкий недоносок,
Которого огнем небесным Зевс
Испепелил, а заодно и мать
За лживую о браке похвальбу!
Все это знают, и неужто дерзкий,
Кто б ни был он, хулой не заслужил
Позорной петли? Ба! Что вижу! Новость!
Вот диво-то! Тиресий-чудодей
- 250 И матери отец, как будто нá смех,
В небридах пестрых, с тирсами в руках
Служить собрались Вакху! Дед, могу ли
Я старость чтить, теряющую смысл?
Да сбросишь ли ты плющ? От тирса руку
Освободишь ли наконец, старик?

(Тиресию.)

Все ты, Тиресий? Видно, снова хочешь,
Вводя к фиванцам бога, погадать
По птицам и за жертвы взять деньжонок!
О, если б не седая голова
Тебя спасала, посидел бы ты
Теперь в оковах там, среди вакханок,
260 За оргии порочные твои!
Нет, тот обряд, где женам подают
Сок виноградный, чистым не признаю.

Корифей

Безумец! Ни богов, ни Кадма чтить,
Посеявшего колос земнородный,
Не хочешь ты и только род позоришь!

Тиресий

Когда умен вития и предмет
Искусно выбран им — пусть речью плавной
Сердца пленяет. Ты ж, Пенфей, лишь словом
Легко владеешь, точно умный муж,
Ума ж не видно в лоске слов твоих.
270 А гражданин тот вреден, коль, речистый
И властью смелый, смысла он лишен.
Смеешься ты над нашим новым богом;
О, если бы внушить тебе я мог,
Как будет славен он по всей Элладе!
Послушай, сын мой: два начала в мире
Суть главные. Одно — Деметра-матерь
(Она ж Земля; как хочешь называй).
Она сухой лишь пищею нас кормит;
Ее дары дополнил сын Семелы:
Он влажную нам пищу изобрел, —
280 Тот винный сок, усладу всех скорбей.
В нем он и сон нам даровал, забвенье
Дневных забот — иного ж не найти
Им исцеленья. Он вдобавок людям
Сам бог, себя дозволил в возлиянье
Другим богам преподносить — и этим
Всех благ он стал источником для них.
Тебе смешно, затем что Вакх зашит
В бедре у Зевса был. Вот смысл преданья:
Когда его из горнего огня
Похитил Зевс и дивного младенца
Возвел в богов обитель, на Олимп, —
290 Его согнать с него хотела Гера;
Но Зевс ей воспротивился и мерой,

- Достойной бога, Диониса спас.
Эфира надземельного частицу
Он оторвал и дал ей образ сына;
Тот призрак он «заложником» супруге
Ревнивой выдал. Люди же потом —
Сказанье извратив, что бог богине
«Заложником» младенца передал,
И таинства слова переиначив,
Слух распустили, будто Дионис
Взаправду вскормлен был в бедре Зевеса.
Он — и вещатель: в исступленье Вакха
Пророческого духа скрыта мощь:
300 Своим наитьем необорным бог наш
Завесу тайн с грядущего срывает.
Он — и воитель: сколько раз в строю
Доспехами сверкающее войско,
Еще копыя не зная супостата,
Рассеялось! От Вакха этот страх.
И ты увидишь: на горе двуглавой*,
Что высится над Дельфами, наш бог
Под пляски шум в дружине тирсоносной
Огнем лучин дубравы озарит
И будет всей Элладой возвеличен.
И ты, Пенфей, послушайся меня:
310 Не царь один повелевает людям, —
И если ум твой поврежден, покинь
Уверенность, что непреложно судишь.
Нет, бога нового в страну приняв,
Почти его священным возлияньем
И таинств ты смиренно приобщись,
Венком зеленым голову украсив.
Конечно, женщин скромности учить
Не Диониса дело: это дар
Самой природы. Чистая душою
И в Вакховой не развратится пляске.
Когда народ толпится у дворца
320 И граждане Пенфея величают,
Тебе приятно, да? И Дионис
Неравнодушен к уваженью смертных.
Итак, покрывши голову плющом,
На смех тебе, плясать мы с Кадмом будем:
В честь бога пляска и седым идет.
И не склонишь меня ты спорить с богом;
Безумец ты, и никакое зелье

* На Парнасе.

Не исцелит недуга твоего, —
Скорее, мнится, зельем ты отравлен.

К о р и ф е й

Приносят Фебу честь твои слова,
И, славя Вакха, старец, ты разумен.

К а д м

- 330 Дитя мое, Тиресий дал совет
Тебе благой: о, не чуждайся веры!
Будь наш. Теперь не здраво судишь ты, —
Ум затемнен в тебе пустым мечтаньем.
Ну, хорошо, пусть он не бог, все ж богом
Признай его, Пенфей: ведь в этой лжи
Семеле честь, в ней слава роду Кадма!
Перед тобой — несчастный Актеон:
Псы хищные, ты помнишь, растерзали
Его в лесу, когда он утверждал,
340 Что в ловле он искусней Артемиды.
Пока ты цел еще, Пенфей, плющом
Дай увенчать тебя, восславим Вакха!

П е н ф е й

Прочь руки, дед! Сам бражничать ступай,
Меня ж безумьем заражать не думай!
А за болезнь твою мне даст ответ
Наставник твой.

(Одному из слуг.)

- Эй, кто там, люди! Живо
Ступай на вышку старого, где птиц
Он поджидает. Все разбей там ломом,
Вверх дном поставь! Его повязки все
350 На жертву кинь ветрам и вихрям буйным.
Злей кары он не выдумал бы сам!
А вы, другие, выследите в Фивах
Лидийца женственного, что принес
Недуг тот новый и пятнает браки;
А изловив, сюда его в цепях
Ведите: пусть он, камнями побитый,
Умрет, на горьком опыте узнав,
Как здесь справляют праздники в честь Вакха.

Т и р е с и й

Несчастный! Сам не знаешь, что творишь:
Твое безумье бешенством сменилось!

(Кадму.)

360 Пойдем, мой Кадм; умолим Диониса
 И за него, хоть и жестоким стал он,
 И за наш город, чтобы бог беды
 Нам не наслал. За мной, с плющом на тирсе
 Скорее в путь! А чтоб нам не упасть,
 Поддерживать мы, Кадм, друг друга будем:
 Два старика упавших — вид печальный...
 Но будь что будет, а должны служить
 Мы Дионису-богу, сыну Зевса.
 Да, Кадм, смотри, как бы Пенфей твой мрачный
 Твой славный дом не омрачил бедой:
 Не по гаданьям так я говорю,
 А по речам, что слышал от безумца.
 Уходят. Пенфей удаляется во дворец.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

370 О богиня из богинь,
 Правда, весь ты мир крылом
 Обвеваешь золотым!
 Неужели же Пенфей
 От очей твоих ушел
 И безбожный гнев укрыл,
 Гнев свой на Бромия-бога,
 Средь венчанного пира
 Первого в сонме блаженных?
 Сладки дары Диониса:
 В хороводы вакханок вплетать,
 380 Да под музыку флейты смеяться,
 Да из сердца гнать думы, когда
 Подают за трапезой богов
 Виноградную влагу,
 Или на плющом венчаных пирах
 Чаша на вежды людские дремоту наводит.

АНТИСТРОФА 1

Необузданным речам
 И безверья слепоте
 Злой конец определен;
 390 А рассудок и покой
 Человека берегут:

С ними жизнь его прочна,
Держатся миром и дѣмы.
С холодной выси эфирной
Видят разумного боги,
Видят они нечестивца.
Да и мудрость не в мудрость, когда
Человек выше смертного смотрит:
Век проходит, и время не ждет,
А ты счастье роняешь из рук,
За мечтою гоняясь!
400 Разума нет у таких мудрецов,
Жизнь расточают они без отрады, без пользы.

СТРОФА 2

Зовет
Сердце Киприйский брег:
Там царит Афродита;
Там Эроты летают под сенью рощ,
Разум у смертных чаруют.
В Фарос,
Где без дождей полны
Воды реки стоустой,
Я за тобой бы умчалась, Вакх...
Иль ты открой мне обитель муз*,
410 Где красотою цветут живой
Славные склоны Олимпа:
Туда уведи меня, Бромий,
Там первый запой «эвоэ»:
Хариты живут там, летает там Нега,
И для плясок вакханкам — свобода.

АНТИСТРОФА 2

Пирь,
Вакху угодны вы,
Милы Зевсову сыну!
Но Ирина милей благодатная,
420 Всей молодежи пестунья.
Вина
Влагу усладную,
Всех печалей забвение,
Дал богачу он и бедному.
И ненавистен ему гордец,

* Пиерия.

Кто без заботы не хочет жить
Утром и милою ночью.
От тех мудрецов горделивых
Я ум свой подальше держу,
430 Душою свободной всегда принимаю
От толпы и обряд я и веру.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Входит слуга Пенфея; за ним двое стражников ведут пленного Диониса. Навстречу им выходит Пенфей.

Слуга

Мы привели желанную добычу,
Не попусту старались, царь Пенфей.
Но зверь ручным тот оказался: он
Бежать не думал, сам и руки дал,
«Вяжите, мол», и молча улыбался;
С лица румяного не побледнев,
440 Себя связать он дал и увести нам.
И я с почтением ему сказал:
«Пришелец, не моя на это воля:
Мой господин связать тебя велел».
А с теми, царь, вакханками, которых,
Связавши раньше, запер ты в тюрьму,
Случилось чудо: узы их распались
И убежали пленницы. Поди
Теперь они к полянам горным скачут
И в чашу леса Бромия зовут.
Никто не помогал им снять оковы,
С дверей никто запоров не срывал.
Да, этот человек немало в Фивы
450 Принес чудес. А воля, царь, твоя.

Пенфей

Оставьте руки пленника. Хоть боек,
А из моих сетей не убежит.
Ну, дай взглянуть, каков ты. Ишь красавец,
Как раз на женский вкус! А ведь для жен
Ты в Фивы и пришел. Да, не в палестре,
Конечно, локон нежный твой взращен,
Что вдоль щеки лежит, соблазна полный;
Не на припеке солнца -- в холодке
Ты кожу белую свою лелеял,
Когда красой Киприду уловлял...
460 Откуда родом? Вот вопрос мой первый.

Дионис

Мне хвастать нечем; все ж тебе отвечу:
Ты, может быть, слышал про Тмол цветущий?

Пенфей

Что город Сарды охватил кольцом?

Дионис

Оттуда я. Мне Лидия — отчизна.

Пенфей

А таинства зачем в Элладу вводишь?

Дионис

Меня послал сын Зевса, Дионис.

Пенфей

Есть Зевс у вас, богов родитель новых?

Дионис

Он здесь с Семелой сочетался браком.

Пенфей

Тебе внушал во сне иль наяву?

Дионис

470 Лицом к лицу, — и таинства преподавал.

Пенфей

В каком же роде таинства? Скажи.

Дионис

О них нельзя непосвященным знать.

Пенфей

А польза в чем поклонникам от них?

Дионис

Узнать тебе нельзя; но знать их стоит.

Пенфей

Поклонников вербуешь ловко ты!

Дионис

Нет, таинства извергнут нечестивца.

Пенфей

Каков же из себя он был, тот бог?

Дионис

Какой хотел, без наших указаний.

Пенфей

Опять виляешь. Дело говори!

Дионис

480 Глупец, кто мудро говорит с невеждой.

Пенфей

Ты с этим богом прямо к нам пришел?

Дионис

Все варвары уж чествуют его.

Пенфей

Умом слабее эллинов они.

Дионис

Как в чем, но в этом варвар выше грека.

Пенфей

А служите вы ночью или днем?

Дионис

Ночь лучше. Мрак имеет обаянье.

Пенфей

Ловушка, чтобы женщин развращать...

Дионис

Как будто днем позорному нет места!

Пенфей

За злые выдумки наказан будешь!

Дионис

490 И ты — за нечестивые слова.

Пенфей

Поклонник Вакха дерзкий! Ты речист.

Дионис

Да чем же ты грозишь мне? Что придумал?

Пенфей

Во-первых, локон нежный остригу.

Дионис

Священен он: его ращу в честь бога.

Пенфей

Затем ты тирс из рук мне передашь.

Дионис

Сам отними. Мой тирс — от Диониса.

Пенфей

Потом в тюрьму тебя мы заключим.

Дионис

Раз захочу — сам бог освободит.

Пенфей

В толпу вакханок прежде попади.

Дионис

500 Зачем? Бог тут, — он видит, что терплю я.

Пенфей

Ну, бога что-то подле не видать.

Дионис

Он здесь, но нечестив ты — и не видишь.

Пенфей

Взять дерзкого! Он оскорбил царя.

Дионис

Оставьте! Зрячий — говорю слепцам.

Слуги останавливаются в нерешимости.

Пенфей

Вяжите же! Я царь, а он в плену.

Дионис

Ты сам не знаешь, что желает сердце;

Ты сам не знаешь, что творит рука;

Ты сам не знаешь, что ты есть и будешь.

Пенфей

Пенфей, Агавы сын от Эхиона.

Дионис

Пенфей!.. И имя мрак тебе сулит.

Пенфей

Вон, дерзкий!

(К слугам.)

В стойле подле яслей крепче

510 Его вы привяжите! Там темно:
Пусть пляшет. А его пособниц, женщин,
Что он с собой привел, я распродам
Иль, отучив от глупого стучанья
И кожаной той музыки, к станку
Приставлю, — мне работницы годятся.

Дионис

(к страже)

Пойдем.

(К хору.)

Не бойтесь: быть чему не должно,
Тому не быть.

(К Пенфею.)

Тебя же за глумленье

Тот Дионис, которого признать
Ты не хотел, накажет. Понося
Меня, ты Диониса оскорбляешь.

Все уходят.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА

Ахелоя-старца дочь,
520 В блеске девственном Диркея!
Помнишь, ты когда-то в волны
Сына Зевса приняла?

Из огня его он вырвал
Из бессмертного и спрятал
У себя в бедре, воскликнув:
«Дифирамб, мой сын, укройся
Ты к отцу в мужское чрево!
Этим именем, о Бромий,
Звать тебя велю я Фивам».

530 Ты ж, блаженная Диркея,
Ты венчанным хороводам

Не даешь приюта в Фивах!
Чем тебе мы не угодны?
Отвергаешь нас зачем?
Нет, клянусь усладой бога,
Пьяным соком винограда:
Ты еще подумаешь о Вакхе.

АНТИСТРОФА

Оправдал же мрачный род свой
540 Царь Пенфей, Земли исчадь
И змеиное отродье,
Это семя Эхиона*,
Сына мрачного земли!
Не похож на человека:
Смертью он и кровью дышит,
Как гигант в борьбе с богами.
На дружину Вакха узы
Изготовил, в стены дома
Моего вождя он спрятал,
Держит связанным в темнице.
550 Дионис, о чадо Зевса!
Вещих слуг в горниле бедствий
Неужели ты покинешь?
Нет, о бог, спустишься с Олимпа,
Тирс колебля златоцветный,
Украти ты ярый гнев безумца!

ЭПОД

Где-то с тирсом золотистым,
Дионис, твой рой летит?
По лугам ли тучной Нисы,
Иль Парнас тебя взманил,
Или заросли лесные
560 По ущелиям Олимпа,
Где игру Орфея слушать
Звери дикие стекались
И сходили с мест деревьев?
О Пиерия, ликуй!
Эвий чтит тебя — и гибких,
Извивающихся в пляске
570 Он ведет к тебе вакханок.
Только две реки пройдет он:

* Т. е. потомок спартов.

Прежде будет быстрый Аксий,
А потом, людей кормилец,
Всю страну обогативший,
Родину коней ретивых,
Будет Лидий чистой влагой
Разливаться по лугам.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Дионис
(за сценой)

И-о!
Услышите мой голос, услышите его!
И-о, вакханки! И-о, вакханки!

Хор
Кто это? Чей
Голос зовет меня? Кликом вакхическим
Кто зовет?

Дионис
(за сценой)

580 И-о! И-о! Снова взываю,
Я — сын Семелы и Зевса!

Хор
И-о! И-о!
Царь ты наш радостный,
О, поспеши
В наш хоровод,
Бромий, мы ждем тебя!

Дионис
(за сценой)

Сила подземная, сила могучая,
Почву земли сотряси!

Корифей
А! А!
Весь на куски дворец сейчас рассыплется...
То бог Дионис в чертоги вступил.
Славьте его!

Хор
590 Слава тебе!

Корифей

Видишь, расходятся балки из мрамора,
И из дворца сейчас
Вакха раздастся победный клик.

Дионис

(за сценой)

Светоч зажги ты Зевесовой молнии!
Испепели ты хоромы Пенфеевы!

Корифей

А!

Видишь, видишь ты пламя...
Вот на гробе Семелы:
Там, где молния Зевса
Мать Диониса убила,
Вечное пламя оставила!
В прах упадите, менады дрожащие,
600 Телом дрожащим в прах!
Царь ваш в чертоги несет разрушенье,
Зевса великого сын.

Дворец на миг загорается. Из него выходит Дионис.

Дионис

Жены Азии, что с вами? Страхом
Вы объаты, пали ниц?.. А, видно,
Содрогнулись вы пред силой Вакха,
Когда дом он рушил? Но держайте,
Поднимитесь и покиньте трепет!

Корифей

Свет возлюбленный! Ты радость таинств
Возвращаешь брошенной менаде.

Дионис

610 Духом пали, жены, вы, покуда
Отводил в тюрьму меня Пенфей?

Корифей

Да ведь ты — одна моя защита...
Как спастись-то удалось тебе?

Дионис

Спас я сам себя, без затруднений.

Корифей

Разве рук тебе он не связал?

Дионис

- В том-то и ошибся он: все время
Он меня вязал в воображенье,
А на деле пальцем не коснулся.
Подле стояла, где мне полагалось
В заключение быть, нашел быка он.
Вот быку-то на ноги и начал
Петли он накидывать, от гнева
620 Задыхаясь, сам в поту, все губы
Искусал он в кровь, — а на безумца,
Тут же сидя, я глядел спокойно.
В это время Дионис явился,
Дом его потряс и пламень ярый
На могиле матери зажег.
Увидал Пенфей и испугался:
Думал, что пожар. И стал метаться
И сюда он и туда; рабам он
Приказал таскать воды, работу
Задал всем, но даром труд пропал.
Вдруг блеснула мысль, что убежал я.
Тут во двор с мечом бежит Пенфей...
И, должно быть, Бромий из эфира
Сделал призрак мой. Я вижу, враг мой
630 Выскочил и тычет в воздух, словно
Горло колет... Вакх на том не кончил:
Рушит дом он — весь чертог в обломках.
«Вот тебе, Пенфей, мои оковы».
Меч из рук роняя, обессилен,
Падает Пенфей. Так вот что значит
Смертному дерзать на битву с богом!
К вам тогда я без препятствий вышел:
О Пенфее думы больше нету.
Но шаги мне слышатся: стучит
За стеной подошва; чу... подходит.
Что-то нам теперь Пенфей расскажет?
640 Гнев его перенесу шутя я:
Мудрый должен быть всегда спокоен.
Выходит Пенфей в сопровождении слуги.

Пенфей

Со мной беда: бежал тот чужестранец,
Которого я только что связал.
Ба! Что я вижу?
Как пред чертогом мог ты очутиться?
Да говори ж, как вышел? Что молчишь?

Дионис

Останови свой гнев и успокойся!

Пенфей

(не слушая)

Как ты ушел, как узы мог ты снять?

Дионис

Я говорил тебе: меня развяжут.

Пенфей

650 Развяжет — кто? Еще что сочинишь?

Дионис

Тот, кто лозу дает нам с виноградом.

Пенфей

Нет, это бред — безумие сплошное!

Дионис

Безумье? Пусть! В нем слава Диониса.

Пенфей

Эй! Запереть ворота все кремля!

Дионис

Зачем? Стене ль остановить богов?

Пенфей

Мудрец, мудрец, а тут ума не стало.

Дионис

Мне верно служит мой природный ум...

Я не уйду... а вот смотри-ка лучше:

С горы к тебе — какой-то человек...

Входит вестник.

Вестник

660 Пенфей, владыка над землей фиванской!

К тебе пришел я с Киферона, где

Блестящий снег не тает в белых хлопьях...

Пенфей

Пришел зачем? По делу по какому?

Вестник

Вакханок видел я могучих, царь,

Что в быстром беге легкими ногами

Покинули страну. Тебе и граду
Пришел поведать я о том, что видел, —
О страшных и неслыханных делах...
Но прежде мне хотелось бы узнать,
Могу ль свободно говорить? Иль речь мне
670 Посдерживать? Ты на решенья скор,
Гневлив и самовластен, и мне страшно.

Пенфей

Все говори — в ответ не попадешь.
На правду ведь сердиться не пристало.
И знай притом: чем больше про вакханок
Наскажешь ужасов, тем я сильнее
Казню его, внушившего им чары.

Вестник

В тот час, как солнца первые лучи
Греть начинают землю, полегоньку
Коров на пастбище я в гору гнал.
680 Вдруг предо мной из женщин три дружины.
В одной заметил Автоною я,
В другой — Агаву, мать твою, а в третьей
Ино. Все спали на привале, кто
Под спину веток ели подложив,
А те — в листве дубовой утопая...
И чинно как! А ты-то уверял,
Что, пьяные вином и звуком флейты,
Они по зарослям Киприду ловят...
Но вот, средь стана спящего вскочив,
690 Агава-мать их зычным криком будит:
Мычанье стад слышала она.
И, легкий сон сгоняя с вежд, вскочили
Те на ноги — все чудо как скромны:
Старухи, и молодки, и девицы...
Все кудри распускают по плечам;
А у кого небрида развязалась,
Те подтянуть спешат и пестрой лани
Святой покров змеею подпоясать.
И змеи их не жалили, а только
Беспечно щеки языком лизали.
Те на руки волчонка брали, те
700 От лани сосунка к грудям набухшим
Прикладывали — знать, детей они
Новорожденных бросили. Венками
Они плюща, иль дуба, или тиса
Цветущего украсились потом.

- Вот тирс берет одна и ударяет
Им о скалу — оттуда чистый ключ
Воды струится. В землю тирс воткнула
Другая — бог вина источник дал.
А кто хотел напиться белой влаги,
Той стоило лишь землю поскоблить
- 710 Концами пальцев, — молоко лилося.
С плюща ж на тирсах капал сладкий мед...
Хулишь ты Вакха, царь; но, раз увидев
Все это, — ты молился бы ему.
Мы, пастухи коровьи и овечьи,
Сошлись тогда и все наперерыв
О чудесах невиданных судили...
Бывалый человек нашелся тут
И мастер говорить — мы стали слушать,
И вот что он сказал нам: «Пастухи,
Священных высей жители, давайте
- 720 Похитим с игрища царицу-мать!
Мы угодим владыке». Тут, конечно,
Все согласились. В зелени кустов
Устроили засаду, притаившись.
Сидим, сидим — и вот в условный час
Под взмахи тирсов игрище открылось,
И в голос стали жены Вакха звать.
Все ликовало с ними — горы, звери;
От топота задвигалась земля.
Случись, что около меня в раденье
Агава очутилась; чтоб схватить
- 730 Ее, я выскочил — и все открылось.
И-их! закричала: «Бóрзые, за мной,
За мною, быстрые! Мужчины ловят.
Тирс в руки, бóрзые, и все — за мной!»
Бегом едва спаслись мы от вакханок,
А то бы разорвали. Там стада
У нас паслись; так с голыми руками
На них менады бросились: корову
Мычащую с набрякшим выем эти
Волочат; те рвут нетелей; там бок
- 740 Растерзанный; там пара ног передних
На землю брошена, и свесилось с ветвей
Сосновых мясо и сочится кровью.
Свирепые быки, что в гневе раньше
Пускали в ход рога, — теперь лежат,
Поверженные тьмою рук девичьих.
Быстрее кожу с мяса там сдирали,
Чем очи царские ты б мог сомкнуть...

- Но вот снялись вакханки: легче птиц
Бегут в поля на берега Асопа,
750 Что свой дают фиванцам тучный колос,
В Эрифры, в Гисии, под Киферон, —
Они несут повсюду разрушенье:
Я видел, как они, детей похитив,
Их на плечах несли, не подвязавши,
И на землю не падали малютки.
Все, что хотели, на руки они
Могли поднять; ни меди, ни железа
Им тяжесть не противилась; на кудрях
У них огонь горел — и их не жег.
Крестьяне, видя, что их скарб вакханки
Разносят беспощадно, — попытались
760 Оружие поднять. И вот-то диво:
Их дротик хоть бы раз вакханку ранил.
Вакханка тирс поднимет, — и бегут
Мужчины; сколько раненых осталось!
Менадам тут не смертный помогал.
Но вот туда вернулись вакханки,
Где бог для них источники открыл.
В прозрачной влаге смыли кровь, а змеи
Лизали капли, щеки освежая.
О господин, кто б ни был этот бог,
770 Но он — велик; прими его в наш город!
Не знаю, так ли, только я слышал,
Что это он, на утешенье горю,
Дал людям виноград, — а без вина
Какая уж любовь, какая радость!

Вестник уходит.

Корифей

Перед лицом тирана говорить
Слова свободные опасно; все же
Скажу: нет бога выше Диониса!

Пенфей

- Нет! Все теснее, все теснее, точно
Пожарный пламень, нас менад злорадство
Охватывает — стыд на всю Элладу!
780 Теперь не время медлить.

(Слуге.)

Ты ступай
К Электриным воротам. Всем скажи,
Кто носит щит тяжелый или конным

Вступает в бой; кто зыблет легкий щит
Иль лука тетиву в сражение щиплет, —
Всем объяви, что мы идем в поход
Против менад. Какой еще беды,
Когда над нами женщины глумятся?

Слуга уходит.

Дионис

Ты не хотел послушаться меня,
Пенфей, и был жесток со мной. И все же
Я дам тебе совет: смириться лучше
Тебе пред богом, а не поднимать
790 Оружья против сильного. Не даст он
Тебе с горы вакханок увести.

Пенфей

Опять меня ты учишь? Ты бежал —
Доволен будь. Иль снова уз ты хочешь?

Дионис

Чем на рожон идти — ты б лучше жертву
Ему принес; ты — человек, он — бог!

Пенфей

И принесу. В ущельях Киферона
Я в жертву Вакху женщин перебью.

Дионис

Пенфей, прогонят вас, и — верх позора! —
Отступит перед тирсом медный щит.

Пенфей

800 Вот навязался-то болтун беспутный:
Ни отдыха, ни срока не дает.

Дионис

Мой друг! Еще возможно дело сладить.

Пенфей

Да? Чтоб своих рабынь рабом мне стать?

Дионис

Я сам вакханок приведу, без боя.

Пенфей

Спасибо! Ты предать меня задумал.

Дионис

Нет, не предать — спасти тебя хочу я.

Пенфей

Тут сговор — чтоб вам вечно Вакха славить!

Дионис

Да, в этом, знай, я сговорился с богом.

Пенфей

(страже)

Доспехи мне сюда!

(Дионису.)

А ты — молчи!

Дионис

810 Послушай:

Хотел бы ты их видеть там, в дубраве?

Пенфей

Да! Грудю б золота за это дал бы я!

Дионис

Опомнись! Что за странное желанье?

Пенфей

Нет, нет! На пьяных и смотреть противно.

Дионис

Противно, да? И все ж — хотел бы видеть?

Пенфей

Ну да; но молча, затаясь под елью.

Дионис

Ведь выследят, как ни таись, любезный!

Пенфей

Ты прав. Туда открыто я пойду.

Дионис

Что ж? Значит, в путь? Вести тебя готов я.

Пенфей

820 Веди скорей! Теряем время мы.

Дионис

Так облачись в виссоновые ткани*.

Пенфей

Как, разве я перечисляюсь в жены?

Дионис

Нельзя иначе — мужа там убьют.

Пенфей

Придумано недурно! Да, ты мудр!

Дионис

Сам Дионис, зная, умудрил меня.

Пенфей

Ну, чем хорош твой замысел? Скажи мне!

Дионис

А чем он худ? Сам наряжу тебя.

Пенфей

В какой наряд? Неужто — в женский? стыдно!

Дионис

Так, значит, видеть их ты расхотел?

Пенфей

830 А что ты мне надеть на тело скажешь?

Дионис

С макушки кудри по плечам распустим...

Пенфей

Потом... какой наряд ты мне придумал?

Дионис

По пяты — пеплос, митру — над челом...

Пенфей

К убору что-нибудь еще прибавишь?

Дионис

Да: в руку — тирс, небриду спустим с плеч.

Пенфей

Нет, я не в силах женщиной одеться.

* Одежда из очень тонкого полотна.

Дионис

В сражение с ними лучше кровь пролить?

Пенфей

Ты прав, — разведки мне необходимы.

Дионис

Умней, чем лихо лихом прогонять.

Пенфей

840 А как пройти чрез Фивы незаметно?

Дионис

Я знаю путь. Мы пустырем пройдем.

Пенфей

Пусть так. Посмешищем для них не стану.
Войдем в чертог; я там решу, что лучше.

Дионис

Изволь; везде к твоим услугам я.

Пенфей

Иду. Решим: в поход ли нам собраться,
Иль лучше сделать так, как ты сказал.

(Уходит во дворец.)

Дионис

Победа наша, женщины: он в мрежу
Уж сам идет. Увидит он вакханок,
Чтоб от вакханок тотчас смерть принять.
Теперь твоей заботе, Дионис, —
Ты же вблизи — его передаю я.
850 Восторгом легким поразив его,
Сведи его с ума: он не захочет
В рассудке здравом женщиной одеться,
В безумье же наденет, что велят.
Посмешищем для Фив хочу я сделать
Лихого супостата моего,
Ведомого средь них в наряде женском.
Пойду Пенфею надевать убор,
В котором он сойдет в чертог Аида,
Руками матери убитый. Бромий
860 Ему себя покажет: бог суровый
Для гордых, а для кротких — нет добрей.

(Уходит во дворец.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА

Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске — белые ноги,
Шею — росе студеной.
Лань молодая усаде
Луга зеленого рада.
Вот из облавы вырвалась,
870 Сеть миновала крепкую.
Свистом охотник пускай теперь
Гончих за ланью шлет,
Ветер — у ней в ногах,
В поле — раздолье.
Берегом мчаться отрадно ей,
Даром, что члены сжимает усталость;
Тихо кругом — она рада безлюдью,
Рада молчанию чащи зеленой.
Когда ж над вражьей головой
Держишь победную руку ты, —
Это ль не мудрость?
880 Это ль не дар от богов нам прекраснейший?
А что прекрасно, то любо всегда!

АНТИСТРОФА

Медленно, твердым шагом
Божья сила к нам движется.
Дерзких она карает,
Тех, кто живет неправдой,
Кто отвергает безумно
Жертвы богам и моления.
890 За нечестивцем издали
Зорко следят бессмертные:
Казнь приближается тихо к ним
С каждым мгновением.
Веры не надо нам
Лучше отцовской;
Легким усилием признаешь ты
Мощным того, кого богом зовем мы,
Вечными, духу врожденными, — истины,
В кои так долго уж веруют люди.
Когда ж над вражьей головой

Держишь победную руку ты, —
Это ль не мудрость?
900 Это ль не дар от богов нам прекраснейший?
А что прекрасно, то люблю всегда!

ЭПОД

Счастлив пловец, что в бурю
В гавань вошел и спасся;
Счастлив и тот, кто в сердце
Бурю сомнений и дум усмирил.
Нет в остальном тебе счастья надежного.
Власть ли, богатство ли — ныне в них первый ты,
Завтра другому уступишь ты их.
Правда, даны и другие надежды нам,
Многие многим; ан, глянешь — к богачеству
Сводятся те, а другие не сбудутся.
910 Нет! Кто доволен дарами мгновения,
Тот нам и счастлив — так веруем мы.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Из дворца выходит Дионис.

Дионис

Ты, видеть запрещенное и делать
В несчастной страсти ищущий — Пенфей!

Из дома выйди и явись одетый
Нам женщиной — неистовой вакханкой, —
Лазутчиком царицына отряда!

Пенфей выходит из дворца в женской одежде.

И с виду ты похож на Кадма дочь.

Пенфей

Мне кажется, что вижу я два солнца,
И Фивы семивратные... вдвойне...
920 Ты кажешься быком мне, чужестранец,
Вон у тебя на голове рога...
Так был ты зверь и раньше? Бык, бесспорно!

Дионис

То божья милость снизошла, Пенфей.
Теперь ты видишь то, что должен видеть.

Пенфей

Кого ж тебе напоминаю я:
Ино́ ли иль Агава пред тобою?

Дионис

927 За ту б тебя я принял и другую.
Но погоди: я локоны под митру
Тебе убрал. Откуда ж эта прядь?

Пенфей

930 Да выбилась. Я, знаешь, был в восторге
И голову все вскидывал да гнул...

Дионис

Сейчас исправим. Я недаром взялся
Тебе служить. Ну, голову прямей!

Пенфей

Изволь. На то я отдался тебе.

Дионис

И пояс распустился. Складки платья
Не рядышком спускаются до ног.

Пенфей

Да, да, здесь, с правой стороны. Но слева
Исправно все, от пояса до пят.

Дионис

Расхвалишь ты меня, когда вакханок
940 Увидишь...

(Про себя.)

О, скромнее, чем ты думал.

Пенфей

Какой рукою тирс мне поднимать,
Чтобы казаться истинной вакханкой?

Дионис

(показывая на правую руку Пенфея)

Вот этой вместе с правой ногой.
Я рад, что ум твой прежний путь оставил.

Пенфей

Как думаешь, смогу ль я Киферон
С вакханками взвалить себе на плечи?

Дионис

Да, коль захочешь. Разум твой был болен;
Теперь он — тот, каким он должен быть.

Пенфей

Рычаг возьмем или рукой скалу
950 Мне обхватить, плечо под склон подставив?

Дионис

Нет, пощади, Пенфей, обитель нимф,
Приют, где Пан играет на свирели.

Пенфей

Ну, хорошо. Действительно, зачем
Их силой брать? Пусть ель меня прикроет.

Дионис

О да, тебя прикроет верный кров, —
Коварного лазутчика вакханок.

Пенфей

Они ведь там в сетях любовной неги,
Как птишки, млеют в зелени кустов!

Дионис

На то ведь ты разведчиком собрался;
960 Поймаешь их...

(Про себя.)

Коль сам не будешь пойман.

Пенфей

По главным улицам меня веди!
На этот подвиг я один дерзаю.

Дионис

Да, ты один за город пострадать
Теперь идешь — ждет бой тебя достойный.
Идем! Туда спасенья путь тебе
Я укажу; оттуда же доставит —
Другой...

Пенфей

Тебя я понял: мать моя?

Дионис

Над всей толпой...

Пенфей

Затем я и иду!

Дионис

Обратно будешь ты несом...

Пенфей

Блаженство!

Дионис

На матери руках...

Пенфей

Нет, слишком пышно!

Дионис

970 О да, так пышно!

Пенфей

Что ж, того я стою!

Дионис

О, ты велик — и велики страдания
Твои; за то и славой вознесешься
Ты до небес. Вперед, Агава, сестры!
К вам юношу на страшный бой веду;
А победит в нем — Дионис да я.
Мои слова вам время объяснит.

Уходят.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА

На Киферон помчитесь, псицы Лиссы*,
Помчитесь, борзые! В челе дружин —
Там Кадма дочери.
980 Под женским убором укрыться мнит
Лазутчик менад, безумный Пенфей.
И первая мать с открытой скалы
Увидит, как крадется он,
И крикнет она:
«Смотрите: чужой
Из Фив на Киферон наш, на Киферон пришел.

* Олицетворение безумия.

Кто породил его? Крови не женской он.
 В нем львицы скорей порода видна,
 990 Ливийских Горгон».
 Гряди же ты, кара, с грозой, с мечом,
 И шею насквозь пронзи
 Тому, кто суд и правду, безбожный, оскорбил,
 Пенфею, чаду праха!

АНТИСТРОФА

Безумна ярость дикого Пенфея,
 О Дионис, на оргии твои
 И Реи-матери!
 1000 Все рвется безумец на дерзкий бой,
 В борьбе роковой победу вкусить...
 Нет, горя не зная
 Дано лишь тому,
 Кто божье оставил богам.
 Что мудрость, коли счастья не может дать она?
 Мне же отраднo чтить ночью и днем богов;
 И если чего в законе их нет,
 1010 То чуждо и мне.
 Гряди же ты, кара, с грозой, с мечом,
 И шею насквозь пронзи
 Тому, кто суд и правду, безбожный, оскорбил,
 Пенфею, чаду праха!

ЭПОД

Быком обернись ты, наш Вакх, наш бог,
 Явись многоглавым драконом
 Иль львом золотистым ты в очи метнись!
 1020 Лазутчик менад нацелил напасть
 На стаю вакханок.
 Приди же и петлю с улыбкой накинь
 Безумцу на шею.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Вбегает второй вестник.

Вестник

О дом, блиставший счастьем в Элладе,
 Дом Кадма старого, что здесь, в полях
 Аресовых, пожал посев змеинный, —
 Хоть я и раб, но плачу над тобой.

Корифей

Ты от вакханок? Что же там случилось?

Вестник

1030 Узнай! Царя Пенфея больше нет.

Хор

О Бромий-владыка! Слава великому богу!

Вестник

Что слышу я? Что это значит? В горе
Наш царский дом, — а ты, жена, ликуешь?

Хор

Я варварской песнью восславила бога
За то, что не надо оков мне бояться.

Вестник

Ты думаешь, так оскудели Фивы,
Что наказать не сможет вас никто?

Хор

Мой повелитель — Дионис, сын Зевса,
Не Фивы, нет!

Вестник

Простительно вам это; но не грех ли —
1040 В виду чужого горя ликовать?

Хор

Ты поведай нам, как погиб твой царь,
Злой безумец, злых исполнитель дел.

Вестник

Оставив за собою хутора
Фиванские и перейдя Асопа
Струи, по склону Киферонских гор
Мы подниматься стали — царь Пенфей,
С ним я да тот кудесник, что коварно
На игрище нас взялся проводить.
В лесную глушь сначала мы забрались
И сели там на травке, притаясь;
Старались не шуметь, едва шептали,
1050 Чтоб не открыли зрителей они.
Глядим — лощина, а вокруг все скалы,
А в той лощине ели да ручьи;
Под елями, глядим, — сидят менады
И все по сердцу делом заняты:

- Те облетевший снова навивают
На тирсы плющ, а те промеж себя
В вакхической резвятся перекличке,
Веселые, что жеребицы, с коих
Возницы сняли пестрое ярмо.
Но царь несчастный их не видел; гостю
Он так сказал: «Отсюда, чужестранец,
1060 Не видно самозванных мне менад.
Вот если б на какой-нибудь пригорок
Мне влезть, с верхушки ели посмотреть,
Я б разглядел все грешные дела их».
Так молвил он; последовало чудо.
Была там ель, под облака верхушкой:
Гость взял ее за верхней ветви край,
Стал гнуть — все гнуть да гнуть к земле сырой.
Она ж круглилась, точно лук упругий
Иль колесо, которому столяр
Его окружность циркулем наметил.
Так до земли, круглясь, она склонилась
В его руках, — не человек то был.
1070 И вот, на ветви усадив Пенфея,
Гость начал потихоньку ель пускать
Так, чтоб она безумца не стряхнула;
И уперлась вершиной ель в эфир,
А на вершине царь сидел несчастный.
Но лучше чем увидеть он их мог,
Он ими сам замечен был. Как только
Я убедился, что взаправду царь
Там, на вершине, озираюсь — гостя
Уж подле нет; и вдруг какой-то голос
Из синевы воздушной зазвучал.
Не иначе как Вакха: «Эй, юницы!
1080 Я к вам привел того, кто осмелял
Меня, и вас, и таинства святые.
Расправьтесь с ним!» И тотчас столб огня
Между землей и небом загорелся.
Замолк эфир, не шевелились листья
Дубравы горной, все кругом притихло.
Они ж, неясно слухом восприняв
Его призыв, поднялись с мест своих,
В недоуменье озираясь. Снова
Он к ним воззвал. Когда же дочери Кадма
Признали голос Диониса, — вмиг
Они в поспешном беге понеслись,
1090 Что диких стая голубей: Агава,
И сестры с ней, и все вакханки следом,

- Наитьем бога одержимы, мчатся
По валунам, по пням и бурелому.
Вот господина моего они
Заметили на ели. По соседству
Утес нашли и камнями бросать
В Пенфея, и еловыми ветвями,
Что дротиками, стали; пригодились
И тирсы тут. Но в бедную мишень
Не удалось попасть им, как ни бились:
Уж очень высоко тогда сидел
1100 Беспомощный Пенфей на этой ели...
И вот они, набравши сучьев дуба,
Стараются (железа нет у них)
Ель отделить от корней, — все напрасно.
Попытку бросили и эту. Мать
Тут крикнула: «Давайте станем кругом,
За дерево возьмемся — и авось
С вершины мы тогда достанем зверя,
Чтоб тайн священных он не разгласил».
Без счету рук за ель тут ухватились
1110 И вырвали с корнями... Высоко
Сидел Пенфей — и с высоты на землю
Он полетел и грохнулся. Раздался
Ужасный крик: он гибель увидал.
И вот всех прежде мать его, как жрица,
Бросается на жертву. Тут Пенфей
С волос срывает митру, чтоб признала
Свое дитя Агава, пощадила,
Несчастливая; щеки касаясь с лаской,
Он молвит: «Матушка, ведь это я,
Пенфей, тобой рожденный Эхиону!»
1120 О, пожалей и за мою провинность
Свое дитя, родная, не губи!»
Но он молил напрасно: губы пеной
У ней покрылись, дико взор блуждал,
И рассуждать была она не в силах:
Во власти Вакха вся тогда была.
Вот в обе руки левую берет
Злосчастного Пенфея руку, крепко
В бок уперлась и... вырвала с плечом —
Не силою, а божьим изволением.
Ино́ с другой напала стороны
1130 И тело рвет. Явилась Автоноя,
За ней толпа. И дикий гул стоял
Над местом мук. Стонал Пенфей несчастный,
Пока дышал, и ликований женских

- Носились клики. Руку тащит та,
А та — ступню с сандалией, и с ребер
Сдирают мясо, кости обнажая,
И обгагранными руками тело
Царя разносят в бешеной игре...
Разбросаны останки по скалам
Обрывистым, в глубокой чаще леса...
Где их сыскать? А голову его
Несчастную Агава — ведь она же
1140 Ее сорвала, — на свой тирс воткнув,
Со склонов Киферона понесла,
Ликуя, будто, льва сразив, победный
Она трофеем на тирсе нам несет.
И вот, сестер покинув в хороводах,
Она к воротам близится, гордясь,
Безумная, добычей злополучной,
И Вакха прославляет, чтоб помог
В охоте, чтоб ее венчал победой.
А всей-то и победы — только слезы.
Подальше от несчастной отойти,
Пока еще близ дома нет Агавы!
1150 Да, скромность и почтение богам —
Вот лучшее, что есть, и кто сумеет
Всю жизнь блюсти их свято, тот мудрец.

(Уходит.)

СТАСИМ ПЯТЫЙ

Хор

- Воспляшем в честь Вакха — и слава ему!
Мы кликом восславим Пенфееву смерть.
Погиб Пенфей — отродье
Ужасное змея:
Он женщиной оделся,
За посох тирс он принял
И с ним в Аид сошел.
Шел бык перед Пенфеем:
В беду его он вел...
1160 А вы, менады Фив,
Вы гимн свой, славы полный,
Победный гимн свели
На стоны и на слезы.
О, славный поединок,
Где матери рука
Багрится кровью сына!

КОММОС

Агава входит в сопровождении толпы фиванских вакханок; на тирсе у нее голова Пенфея.

Корифей

Но вот спешит к Пенфееву дворцу
Агава-мать — безумный взор блуждает...
Приветствуйте поклонниц Диониса!

Агава
СТРОФА

Вакханки Азии...

Хор
Что ты зовешь меня?

Агава
1170 Несем с Киферона
Улов свой счастливый,
Трофей этот свежий,
Кисть плюща к чертогам.

Хор
Я вижу, товарка: приди и ликуй!

Агава
Его без сетей изловила...
Смотрите-ка: львенок,
Ведь можно узнать...

Хор
В глуши где-нибудь?

Агава
О да, Киферон...

Хор
Ну что ж, Киферон?

Агава
Убил... погубил.

Хор
Кто первая коснулась?

Агава

Мой подвиг это, мой!
1180 «Счастливою Агавой» в дружинах я зовусь...

Хор

Одна ты?

Агава

Нет, Кадма...

Хор

Что Кадма?..

Агава

Отродье...

Те после меня, те после меня

За зверя взялися... Добыча на славу!

АНТИСТРОФА

Приди ж, пируй со мной!

Хор

Пир-то где, горькая?

Агава

Детеныш-то молод:
Хоть грива космата —
Волосики пухом
Лицо обрамляют.

Хор

Зверь дикий, конечно: как много волос!

Агава

1190 Да, бог наш — охотник искусный,
И ловко менад он
На след наводил!

Хор

Владыка — ловец!

Агава

Поздравишь меня?

Хор

Поздравлю, изволь.

Агава

Фиванцы... ах... те...

Хор

И сын Пенфей Агаву...

А г а в а

Мой сын поздравит мать!

Она ж взяла добычу неслыханную: льва!

Х о р

На славу...

А г а в а

Со славой...

Х о р

Гордишься?

А г а в а

Еще бы!..

Добычей такой, трофеем таким!

Всем Фивам на диво мой подвиг свершен.

ЭКСОД

К о р и ф е й

1200 Да покажи ж, несчастная, фиванцам
Победную добычу наконец.

А г а в а

Вы, жители твердынь фиванских славных,

Придите и любуйтесь! Вот — трофей!

Мы, дщери Кадма, изловили зверя:

Тут дротик фессалийский ни при чем,

И схвачен зверь не сетью, а кистями

Рук наших белых. Ни к чему теперь,

Оружием обвесившись, кичиться!

У нас учитесь: мы его рукой

И изловили, и на части тело

1210 Разъяли — без железа. Где отец?

Что я не вижу с нами старца Кадма?

И где Пенфей, мой сын? Пускай возьмет

Он лестницу покрепче и к триглифу

Вот эту львиную главу прибьет —

Мою добычу в нашей славной ловле!

Входит Ка д м. За ним несут на носилках останки Пенфея.

Ка д м

Сюда несите свой печальный груз,

Товарищи, поставьте перед домом...

Пенфея труп искать пришлось мне долго,

И по кускам его я подбирал:
1220 В расщелинах глубоких Киферона,
В лесу дремучем долго я ходил.
Мы с игрища с Тиресием обратно
Уж городом фиванским шли домой,
Когда рассказ ужасный мне поведал,
На что дерзнули дочери мои.
Я снова — на гору; оттуда внука,
Менадами убитого, несу.
Я видел там несчастных исступленных:
Мать Актеона, Автоною, с ней
Инó; в лесу поныне остаются
Они. А про Агаву мне сказали,
1230 Что, в бешенстве, вакхической стопую
Она сюда ушла.

(Видит Агаву.)

Был верен слух.
О, зрелище печальное! О, горе!

А г а в а

Отец, гордись! Да, дочерей таких
Еще никто из смертных не посеял...
И сестрами гордись, но больше мной:
Ты знаешь, как я от станка шагнула?
Зверей, отец, руками я ловлю...
Вот полюбуюсь на мою добычу,
И пусть она украсит твой дворец.
1240 Прими ее обеими руками
И, ловлей дочери гордясь, на пир
Зови друзей. Теперь вполне ты счастлив...
Конечно, счастлив — героинь отец!

К а д м

О, скорбь, — ее не смеришь, не оглянешь!
Убили вы — вот дело жалких рук.
Да, славную богам повергла жертву
Ты, что зовешь нас с Фивами на пир.
Да, горе нам: тебе, Агава, горе,
А за тобой и мне. Он, этот бог...
Был справедлив, конечно, но, жестокий,
1250 Не пощадил и рода своего.

А г а в а

Как портит старость человека, боже!
Угрюмый голос, неприветный взор...
Эх, хоть бы сын мой в мать пошел и стал бы

Охотником лихим, за диким зверем
В толпе гоняясь молодых фиванцев...
Да где ему! Он только с богом может
Бороться. Хоть бы ты его, отец,
На ум наставил... Впрочем, где же он?
Пред облик мой его вы призовите,
Чтоб в блеске счастья на меня взглянул.

Ка д м

О, горе, горе! Если только все,
1260 Что сделали, поймете вы, — ужасна
Скорбь ваша будет. Если ж навсегда
Пребудете в безумии, то в горе
Своем вы хоть мечтою насладитесь...

А га ва

Да что же тут дурного? Где тут горе?

Ка д м

В эфир сначала взор свой погрузи.

А га ва

Изволь. Что там увидеть я должна?

Ка д м

Все тот же он? В нем перемены нет?

А га ва

Да, будто ярче стал он и лучистей.

Ка д м

А то... волнение... улеглось оно?

А га ва

Не знаю, что ты говоришь; но будто
1270 В себя я прихожу теперь, отец.

Ка д м

Могла б ты ясно на вопрос ответить?

А га ва

Да; прежнее забыла я, отец.

Ка д м

В чей дом вошла ты с песнью Гименея?

А га ва

За Эхиона отдал ты меня.

Ка д м

А сын какой у твоего был мужа?

А га ва

Пенфей — сын мой и мужа моего.

Ка д м

А чья глава в руках твоих, Агава?

А га ва

Чья? Это лев. Так мне сказали там.

Ка д м

Вглядись в него, — труд невелик, дитя.

А га ва

1280 Что это, боги? Что я принесла?

Ка д м

Гляди, гляди, пока совсем признаёшь!

А га ва

Я вижу, — о! Я вижу смерть свою.

Ка д м

Что ж, голова на львиную похожа?

А га ва

Нет! Голову Пенфея я держу.

Ка д м

Что́, не признавши, обагрила кровью!

А га ва

Убил-то кто? Как он попал ко мне?

Ка д м

О, злая истина, пришла ты поздно.

А га ва

Ах, сердце не на месте, не томи!

Ка д м

Убийца ты, а помогали сестры.

А га ва

1290 Где ж он погиб? В чертогах или где?

Ка д м

Где Актеон собаками растерзан.

А г а в а

Да как же на гору попал несчастный?

К а д м

Пошел глумиться над служеньем вашим.

А г а в а

А мы, отец? Как мы ушли туда?

К а д м

В вакхическом восторге бросив Фивы.

А г а в а

Я поняла: нас Дионис сгубил.

К а д м

Разгневанный, что вами не был признан.

А г а в а

Но где же тело дорогое сына?

К а д м

С трудом его собрал я и принес.

Агава видит на земле носилки, покрытые черным саваном.

А г а в а

1300 На месте все? Все сложено опять?

.....
Я согрешила; но зачем же сын мой
За матери безумие ответил?

К а д м

Как вы, он бога не хотел признать.
За то нас всех одной бедой покрыл он:
Вы, и Пенфей, и весь наш род погиб,
И мне, которому не дал бог сына,
Теперь пришлось смотреть на отпрыск твой,
Убитый так злодейски, так позорно.
Дитя мое, с надеждой на тебя
Мой дом взирал, ты был его опорой!
1310 Тебя, Пенфей, весь город трепетал.
Твой ясный взор грозою был неправых
И от обиды старика спасал.
Теперь же из дому, пожалуй, выгнан
С позором буду я, — великий Кадм,
Тот Кадм, что здесь, посеяв род фиванцев,
Такую жатву дивную собрал.

О мой любимый!.. Нет тебя со мною,
А все тебя по-прежнему люблю.
До бороды рукой уж не коснешься,
Уж не обнимешь деда, дорогой;
Не скажешь: «Кто, старик, тебя обидел?»
1320 Кто сердце растревожил и смутил?
Скажи, отец, — и дерзкий мне ответит!»
Теперь несчастлив я, загублен ты,
Разбита горем мать, несчастны сестры...
О, смертный! Если небо ты презрел,
Взглянув на эту смерть, в богов уверуй!

К о р и ф е й

Старик! Тебя мне жаль: хоть заслужил
Пенфей свой жребий, все же горько деду.

А г а в а

Отец, ты видишь: изменилась я.

Д и о н и с

(появившийся в вышине)

1330 ...Драконом станешь ты, а дочь Ареса
Гармония, что в жены получил
Ты, смертный, тоже примет вид змеинный.
И повезут тебя с женой быки
Перед несчетной варварской дружиной,
И много городов ты разоришь:
Оракул Зевса вам вещает это.
Но Феба прорицалище твои
Разграбят воины и на возвратном
Пути постраждут. А тебя Арес
С Гармонией спасет и вас с женою
На острове блаженных поселит.
1340 Я говорю вам это, сын Зевеса,
Не смертным порожденный Дионис.
Ах, если бы стезю благоразумья
Избрали вы тогда, когда на путь
Нечестья вас толкнула ваша гордость, —
Вы были б счастливы теперь, имея
Союзником Зевесово дитя!

А г а в а

Мы виноваты, сжался, Дионис!

Д и о н и с

Нет, к богу вы идете слишком поздно.

А г а в а

Ты прав, о бог, но чересчур суров...

Д и о н и с

Я, бог, терпел от смертных поношение.

А г а в а

Но разве смертный гнев пристал богам?

Д и о н и с

Отец мой Зевс все порешил давно.

А г а в а

1350 Все кончено, старик! О, мрак изгнания!

Д и о н и с

Что ж медлить? Рок свершится — все равно.

К а д м

Дитя мое, беда приспела злая

На нас — и на тебя, и на сестер,

И мне пришлось на старости печальной

Переселяться к варварам. Увы,

Оракул мне сказал, что на Элладу

Я варварское войско приведу:

Дракон с змеею — Кадм и дочь Ареса, —

Мы во главе их смешанных дружин

1360 Пойдем на алтари, гробницы греков...

И Ахеронта волны не дадут

Злосчастному от бед успокоения.

А г а в а

Отец, как ты уйдешь, меня ушлют...

К а д м

Дитя, к чему бессильного отца,

Как птица-лебедь, обнимаешь ты?

А г а в а

Кто даст приют отверженной, несчастной?

К а д м

Не знаю, дочь. Отцу не защитить.

А г а в а

Ты прости, мой чертог, моя родина! Вас

1370 Оставляю на горе себе, изгнана

Из любимых хороб...

Ка д м

Ты прости, дорогая. *В последний ты раз
Злополучное место увидишь, где рок
Аристеева сына, затем — твоего,
Беспощадный, сгубил.*

А га ва

Как мне жаль тебя, старец!

Ка д м

А мне-то тебя

И сестер твоих бедных!

А га ва

Неслыханных кар
Чередою взыскал этот дом Дионис!

Ди о н и с

Он неслыханных мук натерпелся от вас:
Поруганью вы предали имя его!

(Исчезает.)

А га ва

Будь здоров, мой отец.

Ка д м

Будь здорова и ты,
1380 Горемычная дочь, если можно тебе.

(Уходит.)

А га ва

О подруги мои! Поведите меня
На лужайки лесные, где сестры сестру,
Соизгнанницы жалкие, ждут. А затем —
Да найду я тот край, где проклятый меня
Киферон не увидит, где очи мои
Киферона не узрят кровавых полян,
Где не ведают тирсов, не знают небрид —
Пусть другим они служат вакханкам!

(Уходит.)

Х о р

(покидая оркестру)

Многовидны явления божественных сил,
Против чаянья, много решают они:
1390 Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами.

КОМЕДИЯ

Аристофан

(445 — 386 гг. до н. э.)

Об истоках древней аттической комедии свидетельствует уже само ее имя, которое переводится как «песнь комоса». Комос — веселое шествие крестьян во время сельских праздников, сопровождаемое шутками, подчас непристойными, высмеиванием друг друга и примитивной буффонадой. Аристотель усматривает корни комедии в «фаллических песнях». Не только бросающаяся в глаза деталь костюма комических актеров, но и содержание сольных и хоровых песен комедии легко соотносятся с этой традицией. Не менее очевидна принадлежность комедии к сельскому празднику. Когда урожай был собран и необходимость в тяжелом каждодневном труде на какое-то время отступала, крестьяне устраивали празднества, во время которых как бы снимались запреты, диктуемые повседневной моралью. Отсюда — обценные шутки и вообще та вседозволенность, которой пользуется затем автор комедии, сочиняя свои фантастические сюжеты. Весенние праздники Диониса в Афинах (сперва только Ленеи — в феврале, а затем и Великие Дионисии — в марте) стали, таким образом, идеальным фоном для первых комедий.

Хроника «Паросского мрамора» отодвигает начало комедии в неправдоподобно далекое прошлое — 570 г. до н. э., делая первым комедиографом легендарного поэта Сусариона из аттической деревни Икарии. Во всяком случае, не исключено, что комедия явилась на свет раньше трагедии. Вазовая живопись показывает, что комические актеры были полноправными участниками празднеств Диониса в Аттике ранее 482 г. до н. э., когда комедии были официально «включены в программу» Великих Дионисиев. С 442 г. до н. э. государство взяло на себя их постановку на Ленеях.

Актеры выходили на сцену в масках, которые, как и маски трагедии, покрывали всю голову (наподобие шлема с забралом), но были разнообразнее трагических и отличались большей гротескностью: в «Ахарнях» Аристофана посол персов, наделенный титулом «глаз царя», выходил на сцену в маске в виде огромного глаза. Названия часто давались по костюмам хора («Птицы», «Облака», «Всадники»), само появление которого на сцене должно было производить сильное впечатление.

Насколько мы можем судить по пьесам Аристофана, комедия включала в себя пролог в виде диалога двух главных персонажей, вступительную партию хора — парод; агон, то есть состязание действующих лиц; парабасу — песнь хора без масок; несколько сцен — эпизодиев и, наконец, эксод — уход хора со сцены. Эпизоды, в которых разыгрывались различные комические положения, свободно вставлялись между любыми частями пьесы. Комедия использует разные стихотворные размеры, метрически она богаче трагедии. После V в. до н. э. эта черта древней комедии исчезает.

Античные авторы называют имена трех великих комедиографов — представителей древней аттической комедии: Кратина, Евполида и Аристофана. Они жили приблизительно в одно время и были соперниками на афинской сцене. Кратин и Евполид, судя по небольшим отрывкам, отзывам античных критиков и даже по упоминаниям о них самого Аристофана, были замечательными писателями. Аристофан — единственный, чьи пьесы сохранились полностью. Их одиннадцать, а всего он создал около сорока произведений. В течение V в. до н. э. каждый год ставилось не менее шести пьес. Можно сказать, что потеря текстов древней аттической комедии — самое болезненное упущение традиции, в которой дошла до нас античная литература. Первая пьеса Аристофана была поставлена в 427 г. до н. э., первая из дошедших до нас — «Арханяне» — в 425-м, последняя — «Плутос» — в 388-м.

В комедиях Аристофана мы прежде всего видим то, чего еще не было в литературе, — вымышленный сюжет. (Трагедия берет готовый сюжет из мифа.) В дорийском ареале Греции издавна существовала комедия положений, в которой действовали стандартные герои (влюбленный юноша, строгий старик отец, плутоватый раб). Зритель комедии положений, как правило, знает, чем кончится дело. Мастерство автора сводится к искусству находить новые возможности для создания комического эффекта, используя хорошо известный зрителю материал. Пафос староаттической комедии строится на том, что шутка бывает смешной только в первый раз. В этом смысле мастерство Аристофана уникально: достоверно известно, что одна его пьеса, а именно «Лягушки», была поставлена вторично.

Персонажи Аристофана (боги, герои, знаменитые современники) предстают в вымышленных, нелепых обстоятельствах. Однако такая логика комического. Автор не стремится дать точный портрет. Изображены, причем изображены гротескно, лишь те черты, которые выгодны для главной задачи — рассмешить зрителей. Иногда сама личность оказывается совершенно размытой — таков, например, Сократ в «Облаках». Когда из политической комедия превратится в социальную (к ней близки последние пьесы самого Аристофана — «Женщины в народном собрании» (392? г. до н. э.) и «Плутос» (388 г. до н. э.), типизация образа будет нарастать.

М. М. Позднеев

ЛИСИСТРАТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лисистрата }
Клеоника } афинянки.
Миррина }
Лампито, спартанка.
Советник, афинянин.
Кинесий, муж Миррины.
Спартанский вестник.
Спартанские и афинские послы.
Женщины.
Скифы-стражники.
Хор женщин.
Хор стариков.

ПРОЛОГ

Сцена представляет афинский Акрополь. На площадку перед воротами в крепость (орхестру) выходит Лисистрата.

Лисистрата

Когда б на Вакханалии* позвали их,
На праздник Пана иль богини рожениц**,
Так от тимпанов здесь прохожу б не было,
Сейчас же ни одной не видно женщины.
Моя соседка вот подходит первую.

Входит Клеоника, старая афинянка.

Счастливо, Клеоника!

Клеоника

Ты, Лисистрата,
Будь счастлива! Но что ты? Что насупилась?
Стрелами брови морщить не к лицу тебе.

Лисистрата

Что делать, Клеоника? Сердце горечь жжет.
10 Все из-за нашей горькой женской долюшки,
Из-за того, что у мужчин негодными
Слышем мы.

* Празднества в честь Диониса (Вакха).

** Афродита.

Клеоника

Да и правда, мы — негодные!

Лисистрата

Когда же здесь собраться им приказано,
Чтоб о немалом деле побеседовать,
Так спят и не приходят.

Клеоника

Подожди, дружок!

Придут. Из дома трудно выйти женщине.
Одна, о муже хлопоча, забегалась,
Той — слуг не добудиться, эта — нянчится
С ребенком, та — стирает, у другой — квашня.

Лисистрата

20 Но долг свой предпочесть они должны были
Всему.

Клеоника

Какой же, милая Лисистрата?
К чему нас, женщин, нынче собираешь ты?
В чем дело?

Лисистрата

О, в великом!

Клеоника

В длинном, может быть?

Лисистрата

Ну да, и в длинном.

Клеоника

Так придут, наверное!

Лисистрата

Не то совсем. А то б сбежались сотнями!
Нет, дело я огромное задумала,
Вся истомилась по ночам, бессонная.

Клеоника

Неплохо, верно, по ночам бессонною?

Лисистрата

Еще бы плохо! Слушай, что скажу тебе:
Эллады всей спасенье ныне — в женщинах!

Клеоника

30 За малым дело стало! Боги! В женщинах!

Лисистрата

Да, да! В руках у женщин городов судьба.

А нет — погибнут все лакедемоняне...

Клеоника

Отлично, пусть погибнут! Зевс свидетель мне!

Лисистрата

Повымрет все живущее в Беотии...

Клеоника

Ну нет! Угрей* помилуй из Беотии!

Лисистрата

Что до афинян, говорить не стану я

О них худого. Ты без слов поймешь меня.

Когда ж всех стран соединятся женщины:

40 Коринфянки, спартанки, беотиянки

И мы, — так вместе мы поможем эллинам.

Клеоника

Но что же сделать можем мы разумного

И славного, мы, женщины, нарядницы,

В шафрановых платочках, привередницы,

В оборках кимберийских, в полутуфельках.

Лисистрата

Вот в этом-то и сила, и спасение,

В шафрановых платочках, в полутуфельках,

В духах, в румянах и в кисейных платицах.

Клеоника

Да как же это?

Лисистрата

Знай, того добьемся мы,

50 Что копья в землю все воткнут копейщики.

Клеоника

Сейчас покрашу платье в цвет шафрановый!

Лисистрата

Мечей не тронут...

* Рыба из Копайского озера в Беотии.

Клеоника

Шаль сошью кисейную!

Лисистрата

Доспехов...

Клеоника

Покупаю полутуфельки!

Лисистрата

Ну разве не должны прийти бы женщины?

Клеоника

Прийти? Какое, мало! Прилететь должны!

Лисистрата

Сейчас увидишь, каковы афинянки!

Все слишком поздно делать — вот привычка их.

Но из поморок тоже не пришел никто.

Никто из саламинянок.

Клеоника

Ну эти-то

60 До света, верно, провозились с мачтами.

Лисистрата

И те, в кого я всех сильнее верила,

Ахарнянки, их также нет.

Клеоника

Прийти ли ей,

Жена гадала, верно, Феогенова.

Да вот уже подходят, видишь, милая?

А там еще другие! Го! го! го! Сюда!..

Откуда эти?

Лисистрата

Поселянки здешние.

Клеоника

Вот почему деревней в нос ударило.

Со всех сторон поодиночке и группами подходят женщины. Одна из пришедших — Миррина.

Миррина

Последними пришли мы, о Лисистрата?

Молчишь? Не отвечаешь?

Лисистрата

Не хвалю тебя!

70 Пришла ты поздно, а забота важная.

Миррина

Впотьмах никак не находила пояса.

Когда спешишь, так начинай! Собрались мы.

Лисистрата

Не надо! Подождем еще немножечко!

Пусть подойдут сюда пелопоннесянки

И жены беотийцев.

Миррина

Ты права, дружок!

Да вот, гляди, подходит Лампито сюда.

Входит новая группа женщин.

Лисистрата

Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет!

Какой красотою блещешь ты, любезная!

Румяна как и телом как упитанна!

80 Да ты быка задушишь!

Лампито

Ну, еще бы нет!

Не зря ж борюсь я, прыгаю и бегаю.

Клеоника

А что за груди! Твердые и круглые!

Лампито

Ты что ж меня, как жрец голубку, щупаешь?

Лисистрата

А эта, молодая, из какой страны?

Лампито

Семьи прекрасной, родом из Беотии.

Собралась к вам.

Лисистрата

В час добрый, беотиянка!

Прекрасны нивы ваши.

Клеоника

И пощипаны

Порядочно. Гречиха гладко выбрита.

(Ощупывает ее.)

Лисистрата

А та меньшая?

Лампито

Добрая девчоночка,

90 Коринфянка.

Клеоника

Да уж, конечно, добрая.

Сейчас же видно по тому и этому.

(Жест.)

Лампито

Но кто же этих женщин ото всех сторон
Созвал здесь?

Лисистрата

Я.

Лампито

А для чего, расскажешь, да?
Чего ты хочешь?

Миррина

Объясни нам, милая!

Клеоника

Открой нам, что сказать желаешь важного!

Лисистрата

Сейчас скажу, но прежде об одном спросить
У вас хочу я.

Миррина

Все, что хочешь, спрашивай.

Лисистрата

По тем вы не томитесь, кто детей вам дал?
100 По ним, ушедшим в поле? Знаю, знаю я,
У каждой муж далеко, без кормильца дом.

М и р р и н а

Шестой уж скоро месяц, как во Фракию
Мой бедный муж Евкрата сторожить ушел*.

К л е о н и к а

А мой — уж восемь месяцев у Пилоса!

Л а м п и т о

А мой — едва успеет возвратиться в дом,
Опять за щит берется, да и был таков!

Л и с и с т р а т а

Любовники — и те как будто вымерли!
От самого милетского предательства
И пальчика из кожи я не видела
110 В печальной доле вдовьей утешителя.
Хотите ж, если средство я придумаю,
Помочь мне и с войной покончить?

М и р р и н а

Милая!

Да если надо, хоть сейчас готова я
Продать браслеты и... напиться допьяна.

К л е о н и к а

Да, да, а если надо, так пускай меня,
Как жужелицу, перережут надвое.

Л а м п и т о

А я вползти на скалы Тайгетские
Готова, лишь бы там хоть увидеть мне мир!

Л и с и с т р а т а

Так я скажу! Скрывать не стану дум моих!
120 Услышьте же, подружки! Чтобы силою
Мужчин понудить к миру долгожданному,
Должны мы воздержаться...

К л е о н и к а

От чего, скажи!

Л и с и с т р а т а

Послушаетесь?

К л е о н и к а

Да! На смерть готовы мы!

* Афинского военачальника Евкрата подозревали в продажности.

Лисистрата

Должны мы воздержаться от мужчин, — увы!
Чего ж вы отшатнулись? Что потупились?
Эй вы! Притихли? Головой качаете?
Бледнеете? Ручьями слезы катятся?
Согласны? Не согласны? Отвечайте же!

Миррина

130 Я не согласна! Дальше пусть идет война!

Клеоника

Я тоже не согласна! Пусть идет война!

Лисистрата

Так вот как! Ах ты, жужелица! Только что
Себя разрезать ты давала надвое!

Клеоника

Другое что придумай! Приказанье дай —
В костер я рада прыгнуть. Но не это лишь!
Всего страшнее *это*, о Лисистрата!

Лисистрата
(Миррине)

А ты что скажешь? Говори!

Миррина

И я в костер!

Лисистрата

О род наш женский, подлый, распрюбленный!
Так правду говорят о нас трагедии:
Лишь Посейдон нам нужен и челнок его*.

(К Лампито.)

140 Но ты, спартанка милая, когда б одна
Со мною ты осталась, — все спасли бы мы.
О, согласись со мною!

Лампито

Трудно, трудно, друг,
Без мужа ночью на постели женщине,
Но будь что будет! Мир нам тоже надобен.

* Согласно мифу, элидская царевна Тиро отдалась Посейдону и разрешилась бременем от него в челноке, стоявшем у берега реки.

Лисистрата

О милая! Одна из всех ты женщина!

Клеоника

Но если мы поверим и воздержимся
(Тьфу, да не будет!), разве мир приблизим мы
Такой ценою?

Лисистрата

Да! Клянусь богинями!

Когда сидеть мы будем, надушенные,
В коротеньких рубашечках в прошивочку,
150 С открытой шейкой, грудкой, с шелкой выбритой,
Мужчинам распаленным ласк захочется,
А мы им не дадимся, мы воздержимся.
Тут, знаю я, тотчас они помирятся.

Лампито

И Менелай, увидя грудки голые
Своей Елены, меч на землю выронил.

Клеоника

А если бросят вовсе нас мужчины, а?

Лисистрата

Припомни Ферекрата, — и на суку драч!

Клеоника

Все это болтовня и празднословие!
А если схватят нас и в спальню силою
160 Потащат?

Лисистрата

Упирайся, за косяк держись!

Клеоника

А если станут драться?

Лисистрата

Против воли дай!

В любви насильной нет ведь вовсе радости.
Да мало ль средств различных! Будь уверена —
Отстанут! Знай, не насладится досыта
Мужчина, если женщине не хочется.

Клеоника

Когда вы так решили, так согласны мы.

Лампито

Но вот что: наших-то мужей сумеем мы
Принудить к миру доброму и честному,
170 Но что, когда, узнав про то, афиняне
На землю нашу нападут предательски?

Лисистрата

Об этом наше дело позаботиться.

Лампито

Пока у вас триеры есть и золото
В Акрополе — не быть Элладе мирною.

Лисистрата

Не бойся! И об этом мы подумали.
Сегодня ж овладеем мы Акрополем.
Я поручила самым старым женщинам,
Пока мы здесь о деле совещаемся,
Как будто для молитвы в Парфенон войти.

Лампито

180 Ну, если так, то, значит, все устроено.

Лисистрата

Так почему же то, в чем согласились мы,
Нам не скрепить присягой нерушимую?

Лампито

Так говори присягу, за тобой и мы!

Лисистрата

(служанкам)

Отлично! Что вы зазевались, скифянки!
Изнанкой кверху щит поставьте на землю
И острый нож мне дайте!

Клеоника

О, Лисистрата!

Какою клятвой клясться хочешь?

Лисистрата

Древнею,

Эсхиловскою: «Над щитами медными,
Баранов закалая»*.

* См. «Семеро против Фив» Эсхила (ст. 42 и сл.).

Клеоника

Нет, Лисистрата!

190 Нельзя о мире клясться клятвой воинской.

Лисистрата

Так как же присягнуть нам?

Клеоника

Если б белого

Коня достать и внутренности вырезать!

Лисистрата

Где ж белый конь?

Клеоника

Так что же мы придумаем?

Лисистрата

Когда хотите, я вам присоветую:

Огромный черный ковш поставим на землю,

Потом заколем мех вина фасосского

И поклянемся выпить все без примеси!*

Клеоника

Вот это мне и не сказать, как нравится!

Лисистрата

Так живо мех и ковш несите из дому!

Приносят большой ковш и мех с вином.

Клеоника

Подружки дорогие, вот так кружечка!

200 Кинь-грусть, тоску-размыкай, а не кружечка!

Лисистрата

Сюда поставьте и козленка дайте мне!

Владычица Пифо**, ты, Чаша Дружества,

Явите жертву нам благоприятную!

(Развязывает мех, наливает вино в ковш.)

Клеоника

По цвету и по виду кровь отличная!

Лампито

И пахнет сладко, боги мне свидетели!

* Фасосское вино — одно из лучших вин; обычно вино разбавляли водой.

** Персонифицированное убеждение.

М и р р и н а

Подружки, присягнуть мне дайте первой!

К л е о н и к а

Нет, нет, клянусь Кипридой! Жребий бросим мы!

Л и с и с т р а т а

210 Рукой ковша коснитесь! Лампито, сюда!
И пусть за мною повторяет кто-нибудь,
А вы, другие, присягайте мысленно!

(Торжественно.)

«Вот я клянусь, ни мужа, ни любовника...»

К л е о н и к а

(повторяет)

«Вот я клянусь, ни мужа, ни любовника...»

Л и с и с т р а т а

«Не утолять желаний...»

Клеоника молчит.

Говори же, ну!

К л е о н и к а

«Не утолять желаний...» Не могу! Ай, ай!..
Колени подгибаются, Лисистрата!

Л и с и с т р а т а

«При муже буду жить невинной девушкой...»

К л е о н и к а

«При муже буду жить невинной девушкой...»

Л и с и с т р а т а

220 «В шафрановой рубашечке, нарядная...»

К л е о н и к а

«В шафрановой рубашечке, нарядная...»

Л и с и с т р а т а

«Чтоб в муже распалить хотенье страстное...»

К л е о н и к а

«Чтоб в муже распалить хотенье страстное...»

Л и с и с т р а т а

«Но добровольно мужу не отдамся я...»

Клеоника

«Но добровольно мужу не отдамся я...»

Лисистрата

«Когда ж к любви меня принудит силою...»

Клеоника

«Когда ж к любви меня принудит силою...»

Лисистрата

«Не двинусь с места и позволю нехотя...»

Клеоника

«Не двинусь с места и позволю нехотя...»

Лисистрата

230 «Не подниму персидских туфель к пологу...»

Клеоника

«Не подниму персидских туфель к пологу...»

Лисистрата

«Не встану, словно львица над воротами...»

Клеоника

«Не встану, словно львица над воротами...»

Лисистрата

«Присягу соблюдая, пью до капли все...»

Клеоника

«Присягу соблюдая, пью до капли все...»

Лисистрата

«А изменю, отныне пусть мне воду пить!»

Клеоника

«А изменю, отныне пусть мне воду пить!»

Лисистрата

За мной вы все поклялись?

Миррина

Все поклялись мы!

Лисистрата

(пьет)

Вот посвящаю жертву.

Клеоника

Поделись со мной,
Чтобы с тобою впредь мы были дружными.
Все по очереди пьют из ковша. Крики за сценой.

Лампито

Что там за вопли?

Лисистрата

Что, не говорила ль я?
240 То овладели женщины Акрополем.
И храмом Девы*. Лампито, к своим вернись!
И все устрой, как надо, в Лакедемоне!
И этих женщин нам оставь в заложницы!
А мы войдем в Акрополь и засовами
Ворота в крепость загородим накрепко.

Клеоника

А против нас, вооружась, ты думаешь,
Мужчины не сбегутся?

Лисистрата

Не боюсь я их.
250 Ни силой, ни угрозами, ни пламенем
Они в Акрополь не добудут доступа,
Пока того, чего хотим, не сделают.

Клеоника

О, ни за что! А нет, пусть называют нас
Не женщинами — трусами последними!

Лампито уходит. Остальные женщины поднимаются в Акрополь
и затворяют за собою ворота.

ПАРОД

Разделенные на два отряда, входят двенадцать стариков афинян;
на плечах у них вязанки хвороста, в руках жаровня с углями.

Предводитель хора стариков
(Стримодор)

Иди, Дракет, веди отряд! Пускай потеют плечи
И давит спину толстый ствол маслины серебристой.

* Парфенон.

Первый отряд стариков
СТРОФА

Как много дивного нас ждет
В долгой, долгой жизни!
Ну, кто б поверил, Стримодор,
В то, что вот случилось?
260 Те женщины, что мы в домах
Вскормили на беду себе,
Владеют Девы алтарем,
Владеют городом моим,
Засовами из дуба
Загородили входы.

Предводитель первого отряда
(Дракет)

Скорей же в бой, спеши, Филург! Акрополь перед нами!
Горячим хвороста кольцом мы окружим мятежниц,
Задумавших такое зло, такое зло свершивших.
Своей рукой мы их сожжем, подбросим сами пламя.
270 Одним ударом всех сразим, жену Ликона* первой.

Второй отряд стариков
АНТИСТРОФА

Клянусь Деметрой, над собой
Я не дам смеяться!
И Клеомен, что на тебя,
Город, поднял руку,
Сторицей пеню уплатил,
Лаконский закусивши гнев,
Ушел он вспять, отдав мне меч,
Ушел в разорванном плаще,
Нечесаный, небритый,
280 Шесть лет не умываясь.

Предводитель второго отряда
(Филург)

Его в бою я одолел, могучего стратега.
В четырнадцать рядов у стен его щиты стояли.
А этих тварей дерзкий род, проклятый Еврипидом
И ненавистный всем богам, неужто не сражу я?
Ведь мой трофей на все века стоит над Марафоном.

(Останавливается перед возвышением, ведущим к Акрополю.)

* Родия.

Первый отряд стариков
СТРОФА

Но вот до цели я дошел.
Надо мне взойти теперь
На этот скат крутой перед Акрополем.
Но как поклажу подниму?
Я ж не мерин и не мул!
290 От тяжелых толстых бревен уж давно болит спина.
Поспешайте, старички!
Раздувайте угольки!
Чтоб перед концом дороги не погас огонь в золе.
Фу-фу!
Ну и дыму, у-у-у!

(Раздувают огонь.)

Второй отряд стариков
АНТИСТРОФА

Геракл владыка, вот так дым!
Так и рвется из горшка!
Как пес из подворотни, мне в глаза впился, —
Дивиться нечему, дружок!
300 То Лемнийский огонек.
Ах, ничто еще так больно не щипало глаз моих!
К воротам теперь беги
И богине помоги!
Мой Лахет! Когда не нынче, так когда ж ей удружить?
Фу-фу!
Ну и дыму, у-у-у!

Предводитель хора стариков
(подбегает к воротам)

Но вот, по милости богов, проснулось, дышит пламя.
Сейчас вплотную у ворот дрова и хворост сложим.
Потом на углях разожжем лозы смолистый факел,
310 И пламя высоко зовьем, и бросимся на приступ.
Когда ж засовов и тогда мятежницы не снимут,
Ворота пламенем сожжем, врагов в дыму задушим.
Вязанки наземь бросим, так! А дыму, дыму! Боги!
Уж не позвать ли в помощь нам самосских полководцев?
Теперь давить мне на хребет поклада перестала.
Твое уж дело, друг-горшок, из искры выдуть пламя,
Чтоб прежде всех я мог разжечь горящий мести факел.
Победа-госпожа, приди! И пусть над злобой женской,
Над глупым женским мятежом мы свой трофей поставим!

(Зажигает факел.)

Озабоченно и быстро вбегает хор женщин с кувшинами на плечах.

Предводительница хора женщин
(Стратиллида)

Что видим мы?

320 Вспыхнул огонь, вырвался дым!
Подружки!
Пожар! Пожар!
Вихрем сюда! Мчитесь толпой
На помощь!

Первый отряд женщин
СТРОФА

Лети, лети в битву, Нико!
Сожгут подруг, милых спалят.
Калике смерть, гибель грозит
330 Критилле.
Грозит им суд власти мужской,
Смертельный гнев злых стариков.
Поздно, боюсь, помощь идет,
Только бы в срок поспеть нам.
Встав до зари,
Воду набрать
Я к роднику спустилась.
Там у ручья гомон и гам,
Ругань и крик,
340 Хохот и стук кувшинов,
Служанок визг, плеск родника,
Пинки, толчки, локти, бока.
Живо в кувшин воду набрав,
Прочь я бегу, милым помочь,
Тем, кто в огне, в черном дыму,
Несу в кувшинах воду.

Второй отряд женщин
АНТИСТРОФА

Глухих, гнилых, злых стариков
Видела я, в город бредут,
Еле дыша, хворост несут
350 В охапках.
Словно топить баню хотят,
Страшно бранясь, так говорят:
«Пламенем мы женщин сожжем
И на углях поджарим».
Зевсова дочь,
Зло отврати!
Женщин не дай изжарить!

Пусть они в дом мир возвратят,
Пусть от войны
360 Граждан спасут и город.
За тем одним в храм твой святой
Они теперь, Дева, вошли.
За тем тебя в помощь зову,
Города мать! Если к стене
Бросит огонь мужа рука,
370 Носи кувшины с нами.

Предводительница хора женщин
(*подбегает к воротам*)

Оставьте, эй! За что взялись, чего хотите, воры?
Не добрых, набожных людей, не граждан это дело!

Предводитель хора стариков
Такой беды уж мы никак, никак не ожидали!
370 На помощь запертым в стенах бегут отряды женщин.

Предводительница хора женщин
Дрожите, трусы! Страшно вам? Что, много нас? А мы ведь —
Едва и тысячная часть великих воинств женских.

Предводитель хора стариков
О Федрий, друг! Неужто ж мы ругаться им позволим?
И ртов крикливых не заткнем, и не побьем их палкой?
(*Поднимают посохи.*)

Предводительница хора женщин
Подружки дорогие! С плеч и мы кувшины снимем,
Чтоб не мешало нам ничто, когда придется драться.
(*Ставят кувшины на землю.*)

Предводитель хора стариков
Когда бы в зубы дали им разочка три-четыре,
Как дал Бупалу Гиппонакт, тотчас бы замолчали.

Предводительница хора женщин
380 Ну, попытайся, ну, ударь! Вот здесь стою я, видишь?
Но знай же, так, как я, в тебя не вцепится и сука.

Предводитель хора стариков
Молчи, не то ударю так, что старость позабудешь!

Предводительница хора женщин
Вот — Стратиллида я! Посмей меня хоть пальцем тронуть.

Предводитель хора стариков
Ударю в ребра кулаком, так чем ты мне ответишь?

Предводительница хора женщин
Тебе я горло перерву и выгрызу печенку.

Потасовка. Старика бьют.

Предводитель хора стариков
Теперь я вижу, Еврипид — мудрейший из поэтов.
Ведь он про женщину сказал, что твари нет бесстыдней.

Предводительница хора женщин
С водой кувшины наши где? Подыдем их, Родиппа!

Предводитель хора стариков
390 Забыла бога ты, зачем сюда бежишь с водою?

Предводительница хора женщин
А у тебя на что огонь? Себе костер готовишь?

Предводитель хора стариков
А я вот этим огоньком сожгу твоих подружек.

Предводительница хора женщин
А я вот этою водой залью твой огонечек!

Предводитель хора стариков
Огонь мой хочешь загасить?

Предводительница хора женщин
Сейчас покажет дело.

Предводитель хора стариков
В руках, вот видишь, факел, им тебе прижгу я глотку.

Предводительница хора женщин
Мочалку доставай! Сейчас тебе устрою ванну.

Предводитель хора стариков
Ах ты, гнилушка! Ванну мне?

Предводительница хора женщин
Да, свадебную ванну!

Предводитель хора стариков
Какая дерзость, слышишь, друг?

Предводительница хора женщин
Свободной я родилась.

Предводитель хора стариков
Тебя от крика отучу!

Предводительница хора женщин
В последний раз судил ты.

Предводитель хора стариков
400 Эй! Косы подожгите ей!

(Бросается на женщину с факелом.)

Предводительница хора женщин
Вода, теперь за дело!
(Выливает на него кувшин.)

Предводитель хора стариков
Ай, ай, ай, ай!

Предводительница хора женщин
Тепло тебе?

Предводитель хора стариков
Тепло? Какое! Стой! Уймись!

Предводительница хора женщин
Полью, и розой расцветешь.

Предводитель хора стариков
И так дрожу, насквозь промок.

Предводительница хора женщин
Так что ж, ведь у тебя огонь.
У огонька согрейся!

Пляска женского и мужского хора. Тимпаны. Бубны.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Входит Советник, дряхлый старик, и стражники.

Советник

Когда ж конец придет распутству женскому,
Тимпанам женским, праздникам Сабасия
И оргиям на крыше в честь Адониса?
410 Ведь сам я был свидетелем в собрании:
За Демостратом слово. Предлагает он

Отправить флот в Сицилию, а женщины
Вопят и пляшут: «Ай, ай, ай, Адонис мой!»
Набор в Закинфе предлагает Демострат,
А женщины на крыше скачут пьяные:
«Увы, увы, Адонис!» Так-то женщины
Перекричали горбуна негодного.
Вот каково оно, злонравье женское!

Предводитель хора стариков
А что б сказал ты, если б этих тварей нрав
420 Узнал? Бранили, били, обливали нас
Водою из кувшинов. Видишь — мокрые
Трясем рубашки, как пеленки детские.

Советник

И поделом нам, Посейдон свидетель мне!
Ведь сами помогаем мы распутничать
Своим же женам и разврату учим их,
А после их проделкам удивляемся.
Один заходит к золотых дел мастеру
И говорит: «Кузнец! Вчера за танцами
В любимом ожерелье у жены моей
430 Случайно ключик из замочка выскочил.
А мне на Саламин уехать надобно.
Так ты ко мне зайди сегодня под вечер
И половчее ключик вставь жене моей».
Другой приходит к рослому сапожнику,
Не по летам здоровому и крепкому,
И говорит: «Сапожник! У жены моей
В подъеме что-то жмет и тесно пальчику.
А пальчик нежный! Так к полудню, милый мой,
Ты к ней зайди и растяни немножечко».
440 К чему все это привело, вы видите?
В заботах о деньгах для корабельщиков
Я, ваш советник, прихожу к Акрополю,
И что ж — войти мне запрещают женщины!
Но нечего тут медлить. Ломы дать сюда!
Я научу их быстро, как распутничать.

(К стражнику.)

Негодник, рот разинул, ты куда глядишь?
Одно и знаешь — кабаки высматривать.
Под низ проденьте ломы и потом зараз
Упритесь об ворота, а отсюда я
Вам помогу.

Ломают ворота.

Лисистрата
(выходит)

Напрасно вы стараетесь,
450 Сама к вам выхожу я! Так к чему же лом?
Не лом тут нужен, а сознание здоровое.

Советник
Так вот как, а, негодница! Эй, стражники!
Схватить ее и руки за спиной связать!

Лисистрата
Вот Артемидою клянусь, рукою лишь
Меня коснись — заплачешь, хоть и стражник ты!
Драка. Стражники отступают.

Советник
(стражнику)
Боишься, трус! Хватай ее у пояса!
И ты за ним! Вдвоем ее вяжите, эй!

Выходит Клеоника.

Клеоника
Вот я Пандросою клянусь, мизинцем хоть
460 Притроньтесь к ней, домой уйдете мокрыми.
Драка. Стражники отступают.

Советник
Что, мокрыми? Подать другого стражника!
Сперва вяжите эту вот, болтливую!

Лисистрата
Вот я Фосфорою клянусь, ударить лишь
Ее попробуй, и попросишь пластыря!

Советник
Еще чего? Эй, стражник! Волоки ее!
Я научу вас, как бежать, негодные!

Та же игра.

Клеоника
Вот Таврополою клянусь, коснись ее,
Все волосы по одному я выдеру!

Та же игра.

Советник

Опять несчастье: разбежались стражники.
470 И все же так мы не уступим женщинам.
Смелее, скифы! Мы в ряды построимся
И бросимся на приступ.

Лисистрата

Так узнайте же,
Есть и у нас четыре роты целые
Вооруженных до зубов афинянок.

Советник

Эй, скифы! Руки ей скрутите за спину!

Лисистрата

Сюда, сюда, воинственные женщины!
Молочницы, колбасницы, горшечницы,
Селедочницы, зеленщицы, ключницы!
Тащите, волоките, рвите волосы,
480 Ругайтесь, и кусайтесь, и царапайтесь!
Из Акрополя выбегают женщины. Драка. Стражники отступают.
Довольно, стойте, трупов не бесчестите!

Советник

Беда, беда! Проиграно сражение!

Лисистрата

Чего ж ты ждал? Иль встретить ты надеялся
Рабынь пугливых? Иль не знал, что яростной
И женщина бывает?

Советник

О, еще бы нет!
В особенности выпившая женщина.

Предводитель хора стариков

Довольно ты потратил слов, почтеннейший советник!
Зачем же с этими зверьми вступаешь в разговоры?
Забыл, как обижали нас, водою обливали,
490 Как в ванне выкупали нас, в рубашках и без мыла?

Предводительница хора женщин

Вот видишь, миленький, рукам давать не надо воли!
А тронешь, тут уж не сердись на синяки и шишки.

Скромненько, тихонько сидеть, как девушка, хочу я
И не обижу никого, травинки не задену,
Пока не трогают меня и, как осу, не дразнят.

АГОН

Хор стариков
ОДА

Зевс-отец! Как сразить
Чудищ злых подлый род?
Как стерпеть столько бед?
500 Ты приди в помощь нам!
Дай совет, как узнать,
Для чего, почему захватили они
Город наш? Для чего
На высокой горе, недоступный, святой
Твоей дочери храм?

Пляска.

Предводитель хора стариков
Так задай им вопрос, и не слушайся их, и до корня во всем
допытайся!
Ведь постыдно бы было убраться ни с чем, отступить без
суда и допроса.

Советник ЭПИРРЕМА

Зевс свидетель, вы правы, и прежде всего об одном их спросить я желаю,
Для чего захватили Акрополь они и засовами заперли входы?

Лисистрата

Для того, чтобы золотом вашим владеть и чтоб вы воевать
перестали.

Советник

Так ты думаешь, золото — корень войны?

Лисистрата

510 И войны, и раздоров, и смуты.
Для того, чтобы мог наживаться Писандр и другие правители
ваши.

Постоянно возню затевают они. Ну и пусть и кричат,
и хлопочут,
Как хотят, что есть сил, только денег теперь не видать уж
им больше — и баста!

Советник

Что же делать вы станете?

Лисистрата

Что за вопрос? Управлять будем вашей казною.

Советник

Что? Казной управлять собираетесь вы?

Лисистрата

Что ж ты странного в этом находишь?

А доньше домашнею вашей казной мы, хозяйки, не
правили разве?

Советник

Это вовсе не то.

Лисистрата

Почему же не то?

Советник

Для войны нам нужны эти деньги.

Лисистрата

Да войну-то вам вовсе не надо вести.

Советник

Как себя защитим мы иначе?

Лисистрата

Мы спасем вас, и мы защитим.

Советник

Вот так так! Вы спасете?

Лисистрата

Конечно!

Советник

О боги!

Лисистрата

Хоть ты хочешь не хочешь, а будешь спасен!

Советник

520 Что за речи?

Лисистрата

Сердиться напрасно.

То, что сделать должны мы, то сделаем, знай!

Советник

Милый Зевс, вы насилья хотите?

Лисистрата

Не насилья — спасенья.

Советник

Не просим о нем.

Лисистрата

Но нуждаетесь в нем тем сильнее.

Советник

Да у вас-то откуда взялась, Расскажи, о войне
и о мире забота?

Лисистрата

Расскажу.

Советник

Поспешి, чтоб беды не нажить.

Лисистрата

Ты же выслушай речь терпеливо.

И сдержать потрудись свои руки.

Советник

Как быть? Не могу, поднимаются сами:
Справедливая ярость клоочет в груди.

Клеоника

Осторожней, заплатишься вдвое.

Советник

Нет, старуха, себе это каркаешь ты! Говори же!

Лисистрата

Сейчас начинаю.

Ты ведь помнишь, в начале войны и невзгод терпеливо
нужду мы сносили.

Запрещала нам женская скромность тогда в ваше дело
мужское мешаться.

530 Да и вы не давали ворчать и роптать, хоть не по сердцу
многое было.

Только вскоре узнали мы вас хорошо — и как часто,
за прялками сидя,

Приходилось нам слышать о новой беде и о новых безумиях
ваших,

И, печаль глубоко затаивши, вопрос задавали мы, будто
с улыбкой:

«Что же нового слышно о мире у вас? Что о мире решили
сегодня

На собрании вы?» — «Что за дело тебе? — отвечали
мужчины сердито. —

Ты молчи себе знай». Приходилось молчать.

Клеоника

Ну а я б никогда не смолчала!

Советник

Не молчала б, так криком кричала, поверь!

Лисистрата

Мы молчали и дома сидели.

Но порой уже мы и о худших делах, о постыдных делах
узнавали.

И у мужа хотели спросить, почему поступили вы так
безрассудно?

540 Но, с презреньем взглянув, отвечали мужья: «Принимайся за
пряжу скорее!

А не то берегись, заболит голова. А война — это дело
мужское!»

Советник

Аполлоном клянусь, справедливая речь!

Лисистрата

Справедливая? Ах ты, несчастный!

Так совет и тогда мы не вправе вам дать, если ваше безумно
решенье?

Но когда уже говор открытый пошел и на всех перекрестках
роптали,

Что уж вовсе мужчин не осталось в стране, видит бог, никого
не осталось, —
Вот тогда-то мы, женщины всех городов, заключили
союз нерушимый
И поклялись Элладу спасти сообща. Да чего ж еще ждать
оставалось?
И теперь, если слушаться станете вы благодетельных наших
советов
И начнете молчать, как молчали и мы, вам помочь мы тогда
обещаем.

Советник

550 Это вы-то помочь? Безрассудная речь! Безобразная речь!

Лисистрата

Замолчи ты!

Советник

Ах, проклятая, хочешь, чтоб я замолчал! Перед кем же, мой
бог, перед тварью
В покрывале цветном на пустой голове? Никогда!

Лисистрата

Если в этом помеха,
Не горюй, от меня покрывало прими!
Окрути покрывало вокруг головы
И теперь уж молчи!

Клеоника

Да в придачу с куделью корзинку возьми,
Обвяжись пояском и куделю чеши
Да бобы шелуши,
А война — это женское дело!

(Закручивает советника в покрывале.)

Хор женщин

АНТОДА

560 Подружки милые, пора! Оставим же кувшины,
Чтобы товаркам дорогим в веселой пляске вторить.
В пляске мне не устать.
В песне мне не отстать.
И в ногах хватит сил,
И в груди жарок пыл.

Я готова на все
Ряди милых. В душе у них доблесть живет,
570 Красота, простота,
Справедливость, отвага, к отчизне любовь
И разумная мысль.

Пляска.

Предводительница хора женщин
О царица родильниц и женщин оплот, ты, чьи речи крапивы
колючей,
Будь отважней в бою и врага не щади! Парус ставь по
попутному ветру!

Лисистрата
АНТЭПИРРЕМА

Но когда убеждающий сладко Эрот и Киприда, рожденная
морем,
Золотую тоску в наши груди вдохнет, и расплавит
желаньями члены,
И упругую силу мужам подарит, и протянет их руки
к объятьям,
Вот тогда назовут нас Эллады сыны Разрешительницами
сражений.

Советник

А за что?

Лисистрата

Да за то хоть, что прежде всего вас отучим мы
бегать по рынкам,
Обнаживши мечи и щитами стуча.

Клеоника

Да, отучим! Клянусь Афродитой!

Лисистрата

А теперь, погляди! По горшечным рядам, по зеленому ряду
несутся
580 Копьеносцы, пельтасты, матросы, стрелки — и кричат,
и вопят, и буянят.

Советник

Видит Зевс, так и надо! Отважный народ!

Лисистрата

Да ведь это же просто забавно,
Когда воин с Горгоной на медном щите о снетках торговаться
приходит.

Клеоника

Зевс свидетель, вчера еще видела я, как военный, верхом
и кудрявый,
У старухи торговли яички купил и в свой шлем боевой
положил их.
А недавно фракиец, косматым щитом и копьем, как Терей,
потрясая,
Чуть не до смерти бедную тварь напугал и наелся оладий досыта.

Советник

Ну, а как же распутать надеетесь вы государства
запутанный узел,
На земле и на море направить дела?

Лисистрата

Очень просто.

Советник

Ну, как, Расскажи мне!

Лисистрата

Если пряжа затянется в узел у нас и комками собьется
на прялке,
590 Подхвативши ее, мы распутаем нить, потянув и сюда
и отсюда;
И войну точно так же распутаем мы, если вы нам распутать
дадите,
Заклучив договор, полномочных послов мы пошлем и сюда
и отсюда.

Советник

Это что ж, или пряжей считаете вы, или шерстью овечьей на
прялке
Государственный труд? Неразумный народ!

Лисистрата

Да, когда б вы разумными были,
С государством своим обращались бы вы, как мы, женщины,
с шерстью овечьей.

Советник

Как же так! Расскажи!

Лисистрата

Вот что сделать бы вам! Как сначала в корытах и чанах
Промываем мы шерсть и счищаем репы, так и вам бы из
города надо
Негодяев и трусов повычесать вон и повыдергать злые
колючки.

Все повычесать вон, что свалялось в комки, что в погоне
за теплым местечком
600 Присосалось и тянет народную кровь, их должны положить
вы под ноготь.

А почистив, порядочных граждан собрать и навить их
на прялку союза.

Поселенцев* навить и союзных друзей, если нам они
преданы верно.

Должников государства — и тех не забыть и прибавить
к кудели гражданской,

А потом поглядеть, как живут города, что от нашей державы
родились,

Как в забвенье они сиротливо лежат, словно хлопья
разбросанной пряжи.

Их должны мы заботливо всех подобрать и навить на единую
прялку.

Вот тогда-то спрядем мы единую нить и великий клубок
намотаем.

И, основу скрепивши, соткем из него для народа
афинян рубашку.

Советник

Возмутительно, право, что ткать и прясти вы хотите дела
государства.

610 Да какое вам дело, скажи, до войны?

Лисистрата

Это нам что за дело? Проклятый!

Знай, для женщин война — это слезы вдвойне! Для того ль
сыновей мы рожаем,

Чтоб на бой и на смерть провожать сыновей?

Советник

Замолчи! О, не надо про горе!

Лисистрата

И к тому же в года, когда юность цветет, когда хочется
радость увидеть,

* Жителей Афин, не обладавших гражданскими правами.

Из-за ваших походов, как вдовы, мы спим. Ну, про нас
говорить я не стану.
Наших девушек бедных мне жалко до слез, что стареются,
сидя за прялкой.

Советник

Но мужчина ведь тоже стареется, а?

Лисистрата

У мужчин это дело другое.
Он домой возвратится с седой головой и возьмет себе
девочку в жены.
А у женщины бедной пора недолга, и, когда не возьмут ее
к сроку,
Уж потом не польстится никто на нее, и старуха сидит
и гадает.

Советник

620 Да, конечно, кто может еще полюбить...

Лисистрата

Ну, а ты-то чего? И когда ты помрешь?
Закажи себе гроб, а могилка уж ждет!
А кутью, так и быть, для тебя я сварю!
Вот держи, я дарю тебе венчик!

Клеоника

А вот это на саван прими от меня!

Лисистрата

Эти ленты к венку от меня получи.
Так чего же ты ждешь? К челноку поспеши!
Отплывает Харон.
Он тебя и зовет и торопит.

(Обкручивает советника лентами.)

Советник

Ну как стерпеть такое оскорбление?
630 Свидетель Зевс, сейчас бегу в собрание,
Пусть все увидят, что со мною сделали.

Лисистрата

Обижен, что тебя не отпевали мы?
Утешься, друг, на третьи сутки поутру
Мы по тебе поминки справим славные.

Актеры уходят.

ПАРАБАСА

Хор стариков

ОДА

- Дольше спать нам не годится! Мы от граждан рождены.
Нет, плащи мы наземь скинем, подготовимся к борьбе.
Пахнет здесь большой бедой.
Худшим, чем казалось, злом.
Хитрый план виден тут.
640 Гиппиеву тиранию ясно, ясно чую я.
Ах, боюсь, подошли
От спартанцев сюда
Хитрые и злые люди и, с Клисфеном сговорясь,
Этих женщин ненавистных подучили воровски
Завладеть казною нашей.
Боги, чем же
Я теперь стану жить?

Предводитель хора стариков

ЭПИРРЕМА

- Разве дело, чтобы стали граждан женщины учить,
Чтобы женщины посмели о доспехах рассуждать.
650 Помирить нас захотели с кем — с лаконскими людьми?
А ведь в пасти волка злого больше правды, чем у них.
Нет, сограждане, тирана против нас плетется сеть.
Но не дам тирану править над собой, остерегусь.
Меч отточенный я буду в ветви миртовой носить
И по рынку, как Гармодий, при оружии гулять.
Рядом с ним пускай поставят и меня. Ведь подвиг мой
Так же славен: злой старухе по зубам хочу я дать.

Схватка.

Хор женщин

АНТОДА

- Осторожней! Не признает и родная мать тебя.
О подружки, о старушки, так разденемся ж и мы!
660 К вам теперь слова мои,
Граждане афинские:
В честь земли нам родной,
Что в свободе и в веселье с детства воспитала нас.
Семь годков было мне*,

* В помощь женщинам, ткавшим пеплос для статуи Афины, избирали четырех девочек.

В сумке шерсть я несла.
В десять лет зерно молола для владычицы святой.
В платье алом, во Бравроне, я медведицей была*.
Дочь отцовская,
Потом я шла с корзиной,
670 Спелых смокв гроздь неся.

Предводительница хора женщин
АНТЭПИРРЕМА

Если я советом добрым городу помочь могу,
Хоть я женщина, с презрением не смотрите на меня:
Ведь и я свой вклад любовно в дело общее вношу,
Вклад мой лучший, дар мой ценный — я детей рожаю вам,
А у вас, беззубых, старых, в чем заслуга, в чем ваш дар?
Где он? Дедов клад мидийский расточить сумели вы,
Ну а сами в возмещение и полушки не внесли?
Погодите, доведете нас до гибели еще!
Что, ворчите? Берегитесь! Если тронете меня,
680 Этой тувлей деревянной по зубам мы вам дадим.

Схватка.

Хор стариков
ОДА

Разве ж это не насилие злое?
И чем дальше, тем все хуже, все растет их дерзость.
Так конец стыду положим, если мы еще сильны!
Наземь скинем мы рубашки, пусть мужчиной от мужчин
Пахнет прямо, пахнет честно, тут нам нечего скрывать.
Волчья стая, смело в бой,
Как в Липсидрий по лугам
Молодыми мчались мы.
690 Други, час теперь настал былую юность вспоминать,
Кости старые размять,
Тело снова окрылить.

Предводитель хора стариков
ЭПИРРЕМА

Если мы им поддадимся, если палец им дадим,
И с руками и с ногами к нам привяжутся они.
Корабли они построят, в море выйдут и на нас
Поплывут, как в дни былые Артемисия плыла.
А не то — так в конском строе нападут, тогда беда.

* На празднике в честь Артемиды в Бравроне девушки изображали медведиц — животных, почитаемых в культе этой богини.

- Нет того, кто б пересилил женщин в верховой езде.
Из седла уж их не выбить. Амазонок вспомни рать,
На конях, мужей разящих, как их Микон написал.
700 Нет, всего б надежней было всех в охапку уложить
И ввернуть в гнилые доски наш испытанный бурав.

Хор женщин

АНТОДА

- Если злить меня не перестанешь,
Вот свинью моей отваги на тебя спущу я!
Почешу тебя! Соседей криком напугаешь ты.
Но и нам пора одежды наземь скинуть. Пусть от нас
Пахнет женщиной взбешенной и готовой укусить.
Тронь меня, коснись меня,
Луку уж не есть тебе,
Черных не видать бобов!
710 Слово мне сказать посмей, клоочет желчь, в тебя я,
Словно жук в орла, вцеплюсь
Бабкой повивальной.

Предводительница хора женщин

АНТЭПИРРЕМА

- Не боюсь я вас нисколько! Ведь со мною Лампито
И Исмения, подружка беотийская моя.
Ты ж набрать попробуй войско. Прикажи хоть двадцать раз,
Не пойдут к тебе, негодный! Всем соседям гадов ты!
А когда Гекатин праздник справить захотелось мне
И товарища к детишкам от соседей пригласить,
Благонравного ребенка, беотийского угря, —
720 Нет! — сказали мне. В собрание так постановили вы.
От таких постановлений вас отучим мы, гляди,
Взяв за пятки и встряхнувши и затылок вам свернув.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Лисистрата выходит из ворот.

Предводительница хора женщин

Начальница великого деяния,
О, почему выходишь ты печальная?

Лисистрата

Постыдный нрав ваш женский, слабый разум ваш
Виной тому, что я брожу в раздумии.

Предводительница хора женщин
Что сказала ты, что?

Лисистрата
Ах, горькую правду!

Предводительница хора женщин
Но в чем беда? Подругам расскажи своим!

Лисистрата
Промолвить слово стыдно, тяжелей смолчать!

Предводительница хора женщин
730 И все ж скажи, несчастья не скрывай от нас.

Лисистрата
Взбесились по мужчинам наши женщины.
Предводительница хора женщин
О Зевс! Зевс!

Лисистрата
К чему взываешь к Зевсу? Ах, что есть, то есть!
Я не могу удерживать их более,
Они бегут, таятся, расползаются.
Одну едва от щели оттащила я,
Что под стеной у Панова святилища*.
Та по канату выбраться задумала,
Та просто убежала, та воробушком
Порхнуть решила к Орсилоху в гнездышко, —
Ее едва я ухватила за косы.
740 Они изобретают сотни поводов,
Чтобы домой вернуться. Вот идет одна.
Эй, ты куда, остановись!

Из ворот выходят несколько женщин.

Первая женщина
Домой иду.
Оставила я дома шерсть милетскую**:
Боюсь, чтоб моль не съела.

Лисистрата
Что за моль еще?
Ступай обратно!

* Грот у подножия Акрополя, недалеко от Пропилеев.

** Шерсть дорогого сорта.

Первая женщина

Возвращусь я скоренько.
Немножко на лежанке поваляю...

Лисистрата

Нет!

Не поваляешь! Никуда не выйдешь ты!

Первая женщина

750 Так шерсть моя пропала?

Лисистрата

Пропади она!

Вторая женщина

Ой, горе, ой, несчастье, полотно мое
Некатаное дома!

Лисистрата

Вот еще одна

Спешит домой за полотном некатаным!
Назад! назад!

Вторая женщина

Клянусь тебе владычицей,
Чуть-чуть лишь покатаю и назад приду.

Лисистрата

Катать тебе тут нечего. Одной позволь —
За то же все сейчас возьмутся женщины.

Третья женщина

Молю, богиня, роды задержи мои,
Пока дойду до места подходящего.

Лисистрата

760 А ты куда?

Третья женщина

Сейчас рожу, сейчас рожу!

Лисистрата

Вчера ты вовсе не была беременной!

Третья женщина

Зато сегодня! Отпусти, Лисистрата!
Найти позволь мне бабку повивальную.

Лисистрата
(ощупывая ее)

А это что так твердо?

Третья женщина
Мальчик, милая!

Лисистрата
Клянусь Кипридой, странно! Что-то медное
И звонкое. Сейчас посмотрим, что это.
Негодная! Ты шлем себе подсунула,
А говоришь: беременна.

Третья женщина
Беременная!

Лисистрата
При чем же шлем?

Третья женщина
Когда бы здесь же в крепости
770 Родить пришлось мне, я бы в шлем ребеночка
Тогда родила, как голубка в гнездышко.

Лисистрата
Все выдумки пустые. Дело ясное!
На именины шлема оставайся здесь!

Выходят еще женщины.

Четвертая женщина
Нет, спать я больше не согласна в крепости,
С тех пор как змея в капище увидела*.

Пятая женщина
А вот меня сжимают совы со свету:
Кричат, пугают, стонут, не дают уснуть.

Лисистрата
Оставьте небылицы! Ах вы, дурочки!
780 Вам без мужей тоскливо? А мужа по вас
Не сохнут разве? О, поверьте, черные
Они проводят ночи! Потерпите же!
Еще немножко продержитесь, милые!

* По легенде, на Акрополе обитала священная змея, хранительница города.

Когда не разойдемся, обещает нам
Победу прорицанье; так гласит оно.

Третья женщина
Прочти нам прорицанье!

Лисистрата
Помолчите же!
(Читает.)

«В день, когда ласточки стайей слетятся в единое место,
Грубых удонов оставив, удоновых ласк избегая,
В бедах спасенье дарует и низшее сделает высшим
790 Зевс-громовержец!..»

Третья женщина
Мой бог, значит, сверху лежать нам придется!

Лисистрата
«...Если же, крылья раскинув, от сени священного храма
Ласточки врозь разлетятся, тогда прослынут эти птицы
Между пернатых презренной и самую падкою тварью».

Третья женщина
Все ясно, Зевс свидетель!

Лисистрата
Так не станем же,
Подружки, расходиться в малодушии.
Вернемся в крепость! Ведь постыдно было бы
Не соблюсти священное пророчество.
Лисистрата и женщины входят в крепость.

Хор стариков
СТРОФА

Сказку

Расскажу вам в назиданье; эту сказку
Слышал я в детстве.
Жил на свете молодой Миланион.
800 Женской ласки он боялся как огня.
В дебри он жить ушел.
Сети, капканы плел,
Зайцев, лисиц ловил,
Другом собаку взял.
И домой не возвращался,
И не примирился.

Вот что!
Так он женщин ненавидел,
Вот и мы ничуть не меньше.
810 И Миланиона мы
Не глупей.

Предводитель хора стариков
Поцелуемся, дружок?

Предводительница хора женщин
Заревешь без чеснока!

Предводитель хора стариков
Так поленом в ребра дам!

Предводительница хора женщин
Что за рощей ты оброс!

Предводитель хора стариков
Был и Миронид таков,
Был космат и волосат.
Был угрозою врагам,
Формиону другом.
Схватка.

Хор женщин
АНТИСТРОФА

Сказку

820 Расскажу тогда и я в ответ на сказку
Про Миланиона.
Жил-был Тимон, был он зол и ядовит,
Как репейник, неприступен и колюч.
Вскормлен Эринией.
Черною желчью полн,
Тимон в леса ушел,
В мрачной пещере жил
830 И проклятьем страшным проклял
Вас, мужчин негодных.
Вот что!
Так всю жизнь он ненавидел
Подлый род мужчин негодных,
А для женщин был всегда
Нежный друг.

Предводительница хора женщин
Хочешь в зубы получить?

Предводитель хора стариков
Ох, не надо, ох, боюсь!

Предводительница хора женщин
Так ногой ударю в бок!

Предводитель хора стариков
Все откроешь, берегись!

Предводительница хора женщин
840 И пускай! Хоть я стара,
Не увидишь ты волос:
Гладко все и чисто все,
Выжжено на свечке.

Схватка.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Входит Лисистрата.

Лисистрата

Сюда, сюда, подружки, поскорей ко мне
Бегите!

Вбегают женщины, среди них — Миррина.

Первая женщина

Что случилось? Что за крик? Скажи!

Лисистрата

Вот, вот, мужчина! Он бежит как бешеный,
Охвачен Афродитиным неистовством.

Миррина

Царица Кипра, Кифереи, Пафоса*,
Веди его и впредь такой дорогою!

Первая женщина

850 А кто и где он?

Лисистрата

Возле храма Хлоина.

Первая женщина

Да вот он, вот он! Видит бог! Но кто ж это?

* Культовые имена Афродиты.

Лисистрата

Глядите, не признаете ль?

Миррина

Свидетель Зевс,

Признала я! Да это же Кинесий мой!

Лисистрата

Так стойкой будь! Поджарь и подрумянь его!

Дразни его, люби и не люби его!

Но помни то, о чем клялась над чашею.

Миррина

Все помню, будь покойна.

Лисистрата

Ну, так я сперва

Его приму и встречу доброй шуткою.

Уж я его поджарю! Ты ж уйди пока!

Женщины, кроме Лисистраты, уходят. Появляется Кинесий.

Кинесий

860 О, горе, горе! Что за схватки страшные!

Какие рези! Как на дыбе рвут меня!

Лисистрата

Стой! Кто идет? Здесь караулы!

Кинесий

Я иду.

Лисистрата

Мужчина?

Кинесий

Ох, мужчина!

Лисистрата

Убирайся прочь!

Кинесий

Ты кто ж сама, что гонишь?

Лисистрата

Здесь на страже я.

Кинесий

Так позови Миррину, я прошу тебя.

Лисистрата

Позвать тебе Миррину, вот как? Кто же ты?

Кинесий

Я — муж ее, Кинесий, из Пеонии.

Лисистрата

Так здравствуй же, любезный! Не безвестен ты!

Твое имя нам всем знакомо славное.

870 Жена твоя нам вечно про тебя твердит.

Яйцо ли ест иль грушу: «За здоровье

Кинесия!» — прибавит.

Кинесий

Ах ты, милая!

Лисистрата

Клянусь Кипридой! Если ж разговор зайдет

О вас, мужчинах, говорит жена твоя:

«Щенята все перед моим Кинесиєм».

Кинесий

Зови ж ее!

Лисистрата

Ну вот! А что подаришь мне?

Кинесий

Я хоть сейчас согласен, если хочешь ты.

Одно имею, — что имею, дам тебе.

Лисистрата

Так я пойду и позову.

(Уходит.)

Кинесий

(один)

Скорей иди!

880 Ведь для меня нет в жизни больше радости!

С тех пор, увы, как из дому ушла жена,

И в дом входить противно. Все мне кажется

Несносною пустыней. Удовольствия

В еде не нахожу я. Как в огне горю.

Миррина
(со стены)

Его люблю, люблю я. Но любви моей
Ему не надо. Лучше не зови меня!

Кинесий
О чем ты там, Мирриночка, любовь моя?
Сойди ко мне скорее!

Миррина
Ни за что! Нет, нет!

Кинесий
На голос мой ты не придешь, Мирриночка?

Миррина
890 Тебе меня не нужно! Так зачем идти?

Кинесий
Что говоришь — не нужно? Нужно до смерти!

Миррина
Прощай же!

Кинесий
Не меня, так хоть ребеночка
Послушайся! Зови, сыночек, мать свою!
(Измененным голосом.)

Ай, мама, мама, мама, мама!
(Продолжает.)

Что, жаль тебе? Ведь это ж твой ребеночек,
Шестой уж день не мытый и не кормленный.

Миррина
Ах, мне-то жаль! Но вот отцу до бедного
И дела нет.

Кинесий
Сойди, возьми дитя свое.

Миррина
(выходит из ворот)
Сойду! Как быть! О, сердце материнское!

Кинесий

Теперь она мне и моложе кажется,
900 Чем прежде, и во много раз красивее.
А этот холодок ее и прихоти
С ума меня сведут от страсти бешеной.

Миррина

Отца-злодея маленькое дитяtko!

(Ласкается.)

Дай поцелую, приласкайся к матери!

Кинесий

Ах, глупая! Зачем ты это делаешь?
Послушавшись подруг, меня ты мучаешь
Да и себя изводишь.

(Обнимает ее.)

Миррина

Мне и дела нет!

Кинесий

Нет дела до того, что вышивание
910 Твое растащат куры?

Миррина

Пропадай оно!

Кинесий

И Афродита от тебя давно уже
Не видит угожденья. Возвратись домой!

Миррина

Не возвращусь, пока вы не помиритесь
И воевать не кончите.

Кинесий

Так, может быть,
Мы сделаем и это.

Миррина

Ну так, может быть,
И мы к вам возвратимся. А сейчас нельзя!

Кинесий

Но ты пока приляг со мною, милая!

М и р р и н а

Нет, нет! И все ж люблю тебя без памяти.

К и н е с и й

Ты любишь, любишь? Так приляг, Мирриночка!

М и р р и н а

920 Смешной ты, право! Здесь, перед ребеночком!

К и н е с и й

Нет, нет! Манет! * Ребенка отнеси домой.

(Закрывается.)

Вот видишь — нет сыночка, не видать его.
Приляг же поскорее.

М и р р и н а

Где же ляжем мы,
Глупец?

К и н е с и й

В пещере Пана, превосходно там.

М и р р и н а

Но как в Акрополь я вернусь нечистою?

К и н е с и й

Что за беда, в Клепсидре ты помоешься.

М и р р и н а

Ты хочешь, чтобы клятву я нарушила?

К и н е с и й

Грех на меня! О клятве позабудь своей!

М и р р и н а

Так коврик принесу я.

К и н е с и й

А на что его?

930 И на земле мы можем.

М и р р и н а

Не позволю я,
Чтоб на земле лежал ты. Видят боги, нет!

(Убегает.)

* Имя раба.

К и н е с и й
(один)

Меня, конечно, любит эта женщина.

М и р р и н а
(возвращаясь)

Ну вот, ложись! Ты видишь, раздеваюсь я.
Ай, ай! Как быть? Перинка нам нужна теперь!

К и н е с и й

К чему ее? Не надо!

М и р р и н а
Надо, миленький!

Так жестко будет.

К и н е с и й
Радость, поцелуй меня!

М и р р и н а

Ну вот!

(Целует и убегает.)

К и н е с и й
Ай, ай! Как сладко! Возвращайся же!

М и р р и н а
(возвращается)

Ну, вот перинка! Ляг же! Раздеваюсь я!
Ай, ай! Как быть? Что делать? Ведь подушки нет!

К и н е с и й
940 Не надо мне подушки!

М и р р и н а
Нужно мне зато.
(Убегает.)

К и н е с и й
(один)

О друг мой, как Геракла, угощают нас!

М и р р и н а
(возвращается)

Ну вот, привстань, готово! Будто все теперь?

К и н е с и й
Конечно, все! Приди ж скорее, золотце!

М и р р и н а

Сейчас, снимаю пояс. Ну так помни же
О мире. И не вздумай обмануть меня!

К и н е с и й

Пускай погибну!

М и р р и н а

Боги! Покрывала нет!

К и н е с и й

Не надо покрывала! Я тебя хочу!

М и р р и н а

Вот погоди, успеешь! Я тотчас вернусь.
(Уходит.)

К и н е с и й
(один)

950 Она меня убьет своими тряпками!

М и р р и н а
(возвращается)

Приподнимись немного!

К и н е с и й

Все уж поднято!

М и р р и н а

Натремся маслом, хочешь?

К и н е с и й

Не хочу, нет, нет!

М и р р и н а

Клянусь Кипридой, все равно натру тебя!
(Убегает.)

К и н е с и й
(один)

Владыка Зевс! Пусть масло разольет она!

М и р р и н а
(возвращается)

Ну, протяни же руки и натри себя!

К и н е с и й

Геракл свидетель, масло мне не нравится!
Оно чем хочешь пахнет, а не свадьбою.

М и р р и н а

Что принесла я? Масло деревянное!

К и н е с и й

Оставь его, отлично!

М и р р и н а

Что за глупости!

(Убегает.)

К и н е с и й

(один)

960 Будь трижды проклят тот, кто масло выдумал.

М и р р и н а

(возвращается)

Ну вот, прими же склянку!

К и н е с и й

Вот где скляночка!

Ложись ко мне и больше ничего уже

Не приноси!

М и р р и н а

Дружочек, так и сделаю.

Вот видишь, разубаююсь. Но за договор

Голосовать ты будешь?

К и н е с и й

Да, клянусь тебе!

(Хочет обнять Миррину, та вырывается и убегает.)

Несчастный я! Женой замучен до смерти!

Дразнила, изнурила и оставила.

Ах, куда мне спешить и кого мне любить?

Та, что мне всех милей, обманула меня.

970 Как ребеночка мне без жены прокормить?

Филострат, Филострат!*

Кормилицу найди мне!

Предводитель хора стариков

Велика твоя скорбь, тяжела твоя боль,

Мой несчастный, мой бедный, обманутый друг!

Аи-ай-ай, я тебе сострадаю.

* Содержатель публичного дома.

Чье железное сердце снесет эту боль?
Чьи стальные бока, чей упрямый хребет?
Чья печенка, чьи бедра, чей нежный цветок,
Если с каждой зарей
980 Он тщетно расцветает?

К и н е с и й
(корчится на подстилке)

Что за жгучая боль, что за рези, о Зевс!

Предводитель хора стариков
Ну а кто виноват, кто обидел тебя?
Ненавистная, низкая, мерзкая тварь!

К и н е с и й
Нет, прелестная, нежная, сладостней всех!

Предводитель хора стариков
Что за нежная, — нет!
Безобразная, грязная, вот что! О Зевс!
Как песчинку с земли к облакам ее взвей!
В урагане и буре, в грозе и огне,
Закрути ее вихрем, столбом заверти,
990 Задуши, оглуши, а потом отпусти,
Чтоб обратно на землю упала она
И, с размаху насеив,
Наскочила к мужчине на вертел.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Выходит спартанский вестник.

Спартанский вестник
Афинян где собрание и старейшины?
Пританы где? Пришел я с важной новостью.

А ф и н я н и н
(выходит)

Ты кто такой? Мужчина иль чудовище?

Спартанский вестник
Глашатай я, свидетель Зевс! Пришел сюда
Из Спарты, чтоб о мире разговаривать...

* Члены дежурной секции афинского Совета пятисот, высшего органа исполнительной власти.

Афинянин

1000 А это под мышкой ты копье несешь?

Спартанский вестник

Да нет же, видят боги!

Афинянин

Что ты вертишься?

Накидку закрылся! Или опухоль —
С дороги?

Спартанский вестник

О мой Кастор! Привязался же,
Болтун!

Афинянин

Да ты жениться хочешь, бедненький!

Спартанский вестник

Нисколько, Зевс свидетель! Что за вздор еще!

Афинянин

А это что же!

Спартанский вестник

Трость лакедемонская!
(*Раскрывается.*)

Афинянин

Тогда и это — трость лакедемонская?

Та же игра.

Все знаю я, ты видишь. Расскажи же мне,
Как вам теперь живет в Лакедемоне?

Спартанский вестник

1010 Восстал весь Лакедемон, и союзники
Поднялись. «Дай Пеллану!» — восклицают все.

Афинянин

Но кто ж виновник бедствия народного?
Неужто Пан?

Спартанский вестник

Нет, нет! От Лампито пошла
Зараза. А потом, ее послушавшись,
Все женщины поклялись в Лакедемоне
Не подпускать мужчин к своим смоковницам.

Афинянин

Ну, как же вы?

Спартанский вестник

Одна беда! По городу
Как со свечами бродим, спотыкаемся.
Ведь женщины к себе и прикоснуться нам
1020 Не позволяют, прежде чем с Элладой
Не заключим мы мира и согласия.

Афинянин

Так вот оно! По всей Элладе женщины
О том же сговорились. Понимаю все!
Скажи же в Спарте, чтоб послов отправили
Сюда скорее, и с правами полными.
А я в Совете нашем объясню беду
И предложу послов избрать немедленно.

Спартанский вестник

Бегом бегу. Сказал ты слово здоровое!
Оба уходят.

Предводитель хора стариков

Зверя нет сильнее женщин ни на море, ни в лесу.
1030 И огонь не так ужасен, и не так бесстыдна рысь.

Предводительница хора женщин

Вот и видно! Потому-то и воюешь ты со мной?
А ведь мы с тобой могли бы в нерушимой дружбе жить.

Предводитель хора стариков

Вечно женщин ненавидеть обещаю и клянусь!

Предводительница хора женщин

Как угодно! Только все же видеть не могу тебя
Оголенным. Погляди-ка, все смеются над тобой!
Подойду и душегрейку на тебя надену я.

Предводитель хора стариков

Хорошо ты поступила, видит бог, не ожидал!
Распалившись в жарком споре, наземь сбросил я ее.

Предводительница хора женщин

Вот теперь и ты — мужчина. Не смеются над тобой.
1040 А когда б меня не злил ты, я б из глаза твоего
Злого вытащила зверя, что давно уже сидит.

Предводитель хора стариков

Потому-то так чесалось у меня. Возьми кольцо.
Прогони из глаза зверя, только покажи сперва,
Что так грызло и свербило мой несчастный старый глаз.

Предводительница хора женщин

Так и сделаю, хоть был ты не любезен и сердит.
Зевс великий, ну и зверь же! Погляди, какой комар!
Из Трикорифа, должно быть, родом он. Ну что, хорош?

Предводитель хора стариков

Зевс свидетель, вот спасибо! Буравом сверлил он глаз.
И сейчас еще, ты видишь, слезы катятся ручьем.

Предводительница хора женщин

1050 Вот утру я слезы, хоть и был ты очень зол.
Поцелую.

Предводитель хора стариков

Прочь, не надо!

Предводительница хора женщин

Поцелую все равно!

Предводитель хора стариков

Отойди, меня не трогай! Все вы лстивы, кошки все!
В старой, мудрой поговорке правда сказана о вас:
«Ах, и с ними невозможно — и без них никак нельзя».

Предводительница хора женщин

Будем все-таки мириться! Сговоримся, и уж впредь
Ни тебя я не обижу, ни меня не тронешь ты.
Подойдите ж к нам, и вместе песню новую начнем!

Хоры соединяются.

Первое полухорие

СТРОФА

Зла не помним, зло забудем.
Братя, говорить не будем
1060 Сплетен злых ни про кого.
Мы добры, мы щедры
Делом и советами.
Без того много бед
Боги посылают нам.

Каждый пусть скажет нам,
Женщина, мужчина ли,
Не хотите ли вы денег:
Мины три, или четыре,
1070 Или больше?
Кошельки полны у нас.
А когда настанет мир
И вернуть вы долг решите,
Ни полушки
Не придется вам платить.

Второе полухорие
АНТИСТРОФА

Мы знакомых из Кариста
Поджидаем на пирушку,
Милых, дорогих гостей.
Есть у нас шей горшок,
С кашей поросенок есть.
1080 Нежен он, жирен он,
Только что заколот он.
Просим в дом, всех зовем:
Вместе приходите к нам
Утром сразу после бани,
И детей с собой берите,
И знакомых!
Заходите смело в дом,
Проходите, не спросясь,
Чувствуйте себя как дома,
Только знайте —
1090 Будут двери на замке.

Предводитель хора

Вот идут, погляди, с бородою по грудь, — то посланцы
народа лаконян.
Что за ужас у них: между ребер забор-частокол,
чтоб привязывать свиней.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Входят спартанцы.

Предводитель хора

Привет мой вам, Лакедемона граждана!
Что скажете и как живете, милые?

Спартанский посол
АНТЭПИРРЕМА

К чему слова, о чем еще рассказывать?
Как мы живем, сейчас вы сами видите.

Предводитель хора
Ой-ой-ой-ой, раздулась страшно опухоль,
И воспаление сильно увеличилось.

Спартанский посол
1100 Ужасно, несказанно! Поскорее бы
Найти того, кто может вернуть нам мир!

Предводитель хора
И здешние сюда подходят жители
С накидкой, приподнятой у пояса
Как будто бы для бега. Право, кажется,
Что их болезнь природы гимнастической.

Входят афиняне.

Афинский посол
Кто нам расскажет, где найти Лисистрату?
Мужчины мы, и наша боль неслыханна.

Предводитель хора
Вот-вот, и здесь болезни той же признаки.
И вы под утро судорогой мучитесь?

Афинский посол
1110 О да! И скоро уж вконец измучимся.
И если мира не добудем тотчас же,
Так берегись, Клисфен, не попадайся нам!

Предводитель хора
Подолами прикрыться не мешает вам,
Чтобы, как герму*, вас не обесчестили.

Афинский посол
Совет разумный.

Спартанский посол
Полидевк свидетель мне!
Совет прекрасный. Вот плащом закрылись мы.
И те и другие закрываются.

* Изображение Гермеса.

Афинский посол

Привет, спартанцы! Боль мы терпим страшную.

Спартанский посол

О да, и мы! И как такую опухоль
Соседям мы покажем, и не знаю я.

Афинский посол

1120 Скажите ж прямо нам, лакедемоняне,
Зачем вы здесь?

Спартанский посол

За миром нас отправили.

Афинский посол

Отлично! Для того и мы пришли сюда.
Так почему ж нам не позвать Лисистрату?
Ведь примирить она одна сумеет нас.

Спартанский посол

Прекрасно, позовите же Лисистрату!

Афинский посол

И звать ее как будто не приходится.
Она нас услышала и сама идет.

Из ворот выходит Лисистрата.

Предводитель хора

О владычица женщин, мы славим тебя! Покажи себя снова
царицей,

Непреклонной и кроткой, искусной, прямой, величавой,
прелестной и мудрой!

1130 Колдовством твоим связаны, видишь, стоят пред тобой
полководцы Эллады,

Доверяя тебе, поручая тебе разрешить свое горе и беды!

Лисистрата

Совсем это нетрудно, если мучатся
Они тоской и страстью ненасытную.
Сейчас мы все увидим. Тишина, ко мне!

Является нимфа Тишина.

Возьми сперва лакедемонян за руки,
Не грубо, не насильно, не назойливо, —
Как делали мужчины наши глупые, —
Как женщина, учтиво и приветливо.

1140 А не дадут руки, схвати их иначе.

Вот так! Теперь афинян приведи ко мне!
За то возьми их, что тебе дадут они.
Ко мне приблизьтесь, граждане лаконские!
И вы, другие! Что скажу вам, слушайте!
Я женщина и рождена разумною.
Меня природа наградила знанием:
От старших, от отца немало доброго
Слыхала я и научилась многому.
Вас побранить хочу я, взявши за руки,
И справедливо. Как родные, кровные,
1150 Из одного ковши вы возливаете
На алтари — у Фермопил, в Олимпии,
В Пифо, да где еще, не перечесть всего!
И вот, перед лицом враждебных варваров
Поля Эллады вы опустошаете!

Афинянин
(в сторону)

Меня, увы, опустошают колики!

Лисистрата

Одно я вам сказала — дело важное!
К вам речь моя теперь, лакедемоняне!
Забыли вы, как алтари афинские
С мольбою обнял Периклид-лаконянин,
1160 Бледнее снега, хоть в одежде пурпурной,
И помощи просил. А вся Мессения
Тогда восстала, и земли дрожанием
Казнил вас бог. Щитов четыре тысячи
Повел наш Кимон в Спарту, и пришел — и спас.
И чем же отплатили вы афинянам?
Вы землю, вам помогшую, сжигаете!

Афинянин

Обида, Зевс свидетель, о Лисистрата!

Спартанец

Обида, да!

(В сторону.)

Какие грудки круглые.

Лисистрата

Ты думаешь, афинян я не выбраню?
1170 Забыли вы, как воины спартанские

Пришли к нам в город, в дни, когда ходили вы
В рубашке рабей? Как наймитов Гиппия
Прогнали прочь и фессалийских всадников?
Они одни в тот год друзьями были вам
И вас спасли и, рабье скинув рубище,
Народу возвратили гражданина плащ.

Спартанец
(в сторону)

Нигде разумней я не видел женщины!

Афинянин
(так же)

А я прелестней стана не видал нигде!

Лисистрата

Зачем же, дружбу позабыв старинную,
1180 Вы спорите и споров не кончаете,
Не заключите мира? Что мешает вам?

Спартанец

Мириться мы согласны, возвратите лишь
Колечко наше!

Лисистрата
Что? Колечко?

Спартанец

Пилос наш!
Мы по нему давно уже соскучились!

Афинянин
Свидетель Зевс, колечка мы не выдадим!

Лисистрата
Отдайте им!

Афинянин
Стоянку превосходную?

Лисистрата
Взамен его другое что потребуйте!

Афинянин
Отлично! Так сперва нам дайте, как его?..
Да, Эхинунт! Потом бугры Мегарские
1190 И перешеек и косу Мелийскую!

Спартавец

Не все зараз! Всего отдать не можем мы!

Лисистрата

Из-за косы неужли спорить станете?

Афинянин

Ах, я б рубашку скинул и пахать пошел!

Спартавец

А я сперва навоз бы вывез на поле!

Лисистрата

Вот помириться — и за соху приметесь.

Ну, если так, приступим к совещанию

И заодно уж пригласим союзников.

Афинянин

Союзников? На что их? Все пылаем мы.

Ты думаешь, что не хотят союзники

Того же?

Спартавец

1200 Зевс свидетель, да и как еще!

Афинянин

Клянусь богами, даже и каристяне!

Лисистрата

Отлично! Так идите и очиститесь!

Потом к себе вас пригласим мы, женщины,

И, чем богаты, угостим вас с радостью.

Друг другу там вы присягнете в верности,

А после каждый вновь возьмет жену свою

И в дом свой возвратится. Так ступайте же!

Спартавец

Иди вперед, а там и мы!

Афинянин

Скорей! Скорей!

Уходят.

Первое полухорие
СТРОФА

Есть у нас ковры цветные,

1210 Ожерелья золотые,

Покрывала и платки.
Нам не жаль ничего!
Уносите все с собой.
Мальчик ваш, дочка — пусть
В праздник нарядится в них.
Все для вас, все даем!
Выбирайте все, что есть!
Что в ларях у нас найдете.
И замочков и печатей
1220 Не жалеите!
Рвите смело красный воск!
Что найдете — ваше все!
Но чтоб что-нибудь найти там
И увидеть,
Надо зорче быть, чем я!

Второе полухорие
АНТИСТРОФА

Если хлеба в доме мало,
На руках семья большая,
1230 Слуг, детишек полон дом,
У меня тот пускай
Заберет пшеницы куль.
Хватит меры одной,
Чтобы каравай испечь.
Кто в беде, кто в нужде,
Приходите все ко мне!
Поспешите за пшеницей
С коробами и с мешками,
Все насыплет
Вам до верха мой Манет.
1240 Но прошу к моим дверям
Близко вас не подходить:
Знайте, в доме
На цепи сердитый пес.

Пляска хора.

ЭКСОД

Афинынин
(выходит с факелом)

Кто там? Откройте двери! Ты чего стойшь?
С дороги прочь, не то вот этим факелом
Прижгу тебя, хоть эта шутка грубая!

Предводитель хора стариков
Конечно, да, но чтобы вам понравиться,
Когда угодно, пострадать согласен я.

Предводительница хора женщин
С тобою, друг, согласны пострадать и мы.

Продолжают плясать.

Афинянин

1250 Пошли с дороги! Вот прижгу вам волосы!
Пошли с дороги! Чтоб лакедемоняне
Могли спокойно выйти, пообедавши.

Выходит группа афинян.

Второй афинянин

Такой пирушки мы еще не видели!
И как спартанцы нынче были вежливы!
Мы ж, как всегда, за чашей всех находчивей.

Третий афинянин

Вот-вот! А в трезвом виде — безрассудней всех,
Когда б меня афиняне послушались,
Они б вели переговоры выпивши.
Теперь же в Спарту мы приходим трезвые,
Того и ищем, что бы замутить еще,
1260 Того, что говорят нам, мы не слушаем,
И то подозреваем, что не сказано,
Потом доносим то, чего и не было.
Теперь же все отлично; и пускай они,
Запев «Аякса», кончат «Клидагорою», —
Похвалим мы и присягнем с охотою!

Второй афинянин

(хору)

Но вот они уж снова возвращаются.
Пошли, пошли, с дороги прочь, негодные!

Третий афинянин

Свидетель Зевс, выходят гости из дому!

Выходят спартанцы в сопровождении флейтистов.

Спартанец

(флейтисту)

Возьми, дружок, флейту и играть начни!
1270 А я станцюю и спою вам песенку —
Про нас и про афинян, песню дружества.

Афинынин

Да, да, возьми дуделку и сыграй на ней!
Как рад я слышать песенку лаконскую!

Спартанец
(поет и пляшет)

Мнемосина!
Памяти нашей
Голос дай, вспомнить дай,
Как с афинянами рядом
Дружно мы бились.
Артемисия видела воды
1280 Славу нашу.
И бежали персы.
Помню, в битву Леонид
Нас повел, кабанов стаю.
Крепкие мы наточили клыки.
Струи
Пота текли по щекам,
И сковывал холодный страх колена.
Столько, столько было персов,
1290 Как песка у моря!
О Артемиде, охотница славная,
К нам приди, дева лесов!
Мира желанного, доброго, долгого,
Радости долгой, согласия вечного
Нам положи начало!
Пусть лукавство лисье, норы волчий
Навсегда теперь забудем мы!
Приди же, приди же,
Дева-охотница!

Выходят Лисистрата и женщины.

Лисистрата

Теперь, когда счастливо все покончено,
1300 Своих возьмите жен, лакедемоняне!
А вы — своих! Пусть к мужу подойдет жена
И муж — к жене. Сейчас, друзья, на радостях
Богам во славу спляшем мы, а в будущем
Остерегайтесь, не грешите более!

Спартанцы и спартанки образуют один хор, афиняне и афинянки — другой.

Хор афинян
(поет и пляшет)
Пойте, пляшите,
Зовите прекрасную

- К нам Артемиду, Харит призывайте!
Хоров водителя светлого славьте Изя,
Славьте владыку Нисийского
- 1310 Вакха, менад иступленных властителя буйного.
Зевса зовите, держащего молнию,
Зевса супругу державную,
Все божества призывайте в свидетели,
Вечные, зоркие, мудрые,
Нашего мира, согласия нашего,
Властной Кипридой рожденного!
Ала-ла-ла! Изя! Пеан!*
- Скачите все, изя!
- 1320 Славьте победу! изя!
Эвой! эвой! эва! эва!

Лисистрата

Теперь о новом спойте песню новую!

Хор спартанцев

(поет и пляшет)

- Милый склон оставив Тайгета,
К нам приди, о Муза спартиатов!
Прославь Амиклейского бога,
Владычицу в капище медном**
И Тиндарея детей,
Пляшущих возле Еврота.
Кружитесь дружно, ноги поднимайте!
Свою мы Спарту славим.
- 1330 Эти хоры, топот, пляска — в честь родных богов.
Над Евротом дочери Спарты ведут хоровод.
Разом в землю ногами бьют,
Кружатся быстро.
Косы порхают, как у вакханок,
Поднявших в воздух легкий тирс.
Дочь Леды*** впереди их
Ведет веселый хоровод.
Вплетите в волосы цветы, скачите выше, выше,
Как в поле молодой олень! В ладони ударяйте!
Прославьте грозную в боях богиню в медном храме!

Актеры и хоры покидают оркестру.

* Культовые призывы в честь Аполлона.

** Афине был посвящен храм в Спарте, обшитый медными листами.

*** Елена, мифическая спартанская царица.

ОБЛАКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Стрепсиад, старик.
 Фидиппид, сын его.
 Ксанфий, слуга.
 Сократ, мудрец.
 Ученики Сократа.
 Правда } спорщики.
 Кривда }
 Пасий } заимодавцы Стрепсиада.
 Аминий }

Хор из двадцати четырех женщин-облаков.

Без речей:
 Свидетель.

На сцене два дома: один — Стрепсиада, другой — Сократа.

ПРОЛОГ

Стрепсиад дремлет на крыльце. Ворочается. Встает.

Стрепсиад

Ай, ай, ай, ай!
 Владыка Зевс, какая ночь ужасная!
 Конца ей нет! Когда же рассветет заря?
 Давно уже слышал я, как петух пропел.
 Храпят рабы. Ах, прежде было иначе!
 Война, чтоб ты пропала! Много зла в тебе!
 Из-за тебя и слуг не смеем высечь мы*.

(Указывая на сына, спящего рядом.)

А этот вот молодчик, ладно скроенный,
 Всю ночь без передышки спит, без просыпа,
 10 Свистит, трещит, в двенадцать шуб закутавшись.
 Ну что ж, и я закутаюсь, и я вздремну.

(Ворочается.)

Беда мне: не могу уснуть! Грызут меня
 Корма, овсы, расходы и долги мои.
 Всему виною — сын мой. Закрутив вихор,
 В седле гарцует, правит он четверкою,
 Во сне конями бредит. Я же мру живьем,
 И долг растет.

* Чтобы они не сбежали к противнику.

(К слуге.)

Эй, мальчик, огонек подай!
И книгу принеси мне! Перечесть хочу,
20 Кому и сколько должен, сосчитать лихву.

Слуга приносит светильню и книгу. Держит светильню над господином.

Кому ж я должен?

(Читает.)

«Пасии двенадцать мин».
Как, мин двенадцать? Пасии? За что это?
«За жеребца гнедого». Горе, горе мне!
Пусть сам бы сгнил я! Глаз бы вышиб жеребьем!

Фидиппид
(бормочет во сне)

Плутуешь, Филон! Не виляй! Прямей держи!

Стрепсиад
Вот, вот оно, несчастье! Вот в чем зло мое!
Сын и во сне мечтает о ристаниях.

Фидиппид
(так же)

На сколько едешь ты кругов на празднике?

Стрепсиад
Отца вконец заездил! Ощипал кругом!
30 Кому ж еще я должен, кроме Пасии?
«Три мины, за хомут и хлыст, Аминии».

Фидиппид
(во сне)

Проезди и в конюшню пригони коня!

Стрепсиад
Меня из дому скоро вовсе выгонишь!
И тяжбу проиграю, и лихва меня
Сживет со света.

Фидиппид
(просыпается)

Эй, родитель, что с тобой?
Чего ворчишь? Ворочаешься до утра?

Стрепсиад
Грызет меня из-под перины староста.

Фидиппид

Старик, оставь причуды, не мешай мне спать!

Стрепсиад

- Спи, если хочешь! Только знай: долги мои
 40 Когда-нибудь падут тебе на голову.
 Ох, ох!
 Пускай бы удавилась сваха подлая,
 На матери твоей меня женившая.
 Чудесной, тихой жил я жизнью сельского,
 В уюте, и в достатке, и в спокойствии
 Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.
 Тут в жены взял племянницу Мегаклову*,
 Родню Кесеры, важную, надутую.
 Женился, спать пошел с ней, от меня землей
 50 Воняло, сеном, стойлом и dostatками.
 От барышни — помадой, поцелуями,
 И Афродитой пахло, и расходами.
 Но не была лентяйкой, ткала в две руки.
 Свой рваный плащ тогда я ей показывал
 И говорил: «Супруга, слишком тонко ткешь!»

Слуга

Нет масла в ночнике у нас ни капельки.

Стрепсиад

Проклятье, твой ночник — негодный пьяница!
 Ступай и лопни!

Слуга

Для чего же лопаться?

Стрепсиад

Фитиль купил ты толстый и прожорливый.

Слуга уходит.

(Сам с собой.)

- 60 Позднее сын вот этот родился у нас,
 Ох, у меня и у любезной женошечки.
 Тут начались раздоры из-за имени.
 Жене хотелось конно-ипподромное
 Придумать имя: Каллиппид, Харипп, Ксантипп**.
 Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
 Так спорили мы долго; согласясь потом,

* Мегакл — имя, часто встречающееся в роду Алкмеонидов.

** Корень «иппос» в именах означает «конь».

Совместно Фидиппидом* сына на́звали.
Ласкала мать мальчишку и баюкала:
«Вот вырастешь и на четверке, в пурпуре,
70 Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька».
Я ж говорил: «Вот вырастешь и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев».
Но слов моих сыночек не послушался,
В мой дом занес он лихорадку конскую.
Всю ночь я нынче думал, не смыкая глаз.
Одно придумал средство, но надежное.
Когда сына уговорю, спасемся мы.
Но прежде разбудить его мне надобно.
Как разбудить поласковой, подумаю.
Мой Фидиппид, сыночек, Фидиппид!

Ф и д и п п и д

80

Чего?

Стрепсиад

Дай руку мне и поцелуй родителя!

Ф и д и п п и д

Ну вот! А что?

Стрепсиад

Скажи, меня ты любишь? Да?

Ф и д и п п и д

Да, Посейдоном-Конником клянусь тебе!

Стрепсиад

Ой, ой, ой, ой! Нет, нет, не надо Конника!
Всем огорченьям нашим этот бог виной.
Когда меня от сердца любишь, искренне,
Послушайся, мой мальчик!

Ф и д и п п и д

В чем же слушаться?

Стрепсиад

Переменись, привычки позабудь свои!
И поучись, сходи, куда скажу тебе!

Ф и д и п п и д

90 Чего ж ты хочешь?

* Имя Фидиппид происходит от глагола «фидо» (беречь).

Стрепсиад

А исполнишь?

Фидиппид

Выполню!

Мне Дионис свидетель!

Стрепсиад

Погляди сюда!

Калиточку ты видишь, домик маленький?

Фидиппид

Конечно, вижу, но, отец, зачем он нам?

Стрепсиад

Мыслильня это для умов возвышенных.
Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо — это просто печь железная,
А люди в этой печке — словно уголья.
Того, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.

Фидиппид

100 Но кто ж они?

Стрепсиад

Не знаю точно имени, —
Мудрило-заводилы благородные.

Фидиппид

А, знаю, негодян бледнорожие,
Бахвалы, плуты, нечисть босоногая,
Дурак Сократ и Херефонт помешанный.

Стрепсиад

Цыц, цыц, молчи, не говори бессмыслицы!
Когда тебя заботит дом родительский,
Послушайся, от конной откажись езды!

Фидиппид

Мне Дионис свидетель, нет! Хотя бы ты
Фазанов подарил мне Леогоровых!

Стрепсиад

110 Прошу тебя! Мой миленький, любименький,
Ступай и поучись!

Фидиппид

Чему ж учиться мне?

Стрепсиад

Рассказывают, там, у этих умников,
Две речи есть. Кривая речь и правая.
С кривою этой речью всяк, всегда, везде
Одержит верх, хотя бы был кругом не прав.
Так, если ты кривым речам научишься,
Из всех долгов, которым ты один виной,
Не заплачу я и полушки ломаной.

Фидиппид

Нет, не согласен! Как же показаться мне
Пред всадниками выцветшим и высохшим?

Стрепсиад

120 Клянусь Деметрой, знай же: ничего теперь
Не дам тебе, ни жеребцам, ни меринам!
К чертям, к воронам, вон из дома выгоню!

Фидиппид

Что ж, не потерпит дядя мой Мегакл, чтоб я
Без лошадей остался! Я к нему пойду.

(Уходит.)

Стрепсиад

Что ж, кто упал, тому подняться надобно.
Отправлюсь сам в мыслильню, помолюсь богам,
И сам начну учиться. Горе, горе мне!
Как голове тупой, седой, забывчивой
130 В лапше словес тончайших разобраться, ох!

(Переходит к соседнему дому.)

Но все ж пойду! Чего мне копошиться здесь
И в дверь не постучаться? Эй, привратник, эй!

(Стучит.)

Выходит ученик.

Ученик

Пошел к воронам! Кто здесь в двери ломится?

Стрепсиад

Я, из Кикинны Стрепсиад, сын Фидона.

Ученик

Невежда, Зевс свидетель! Несознательно
Стучишься в дверь и выкидышем пагубным
Рождаемому угрожаешь замыслу!

Стрепсиад

Прости меня! Я — темный, из деревни я.
140 Так объясни, какой же это выкидыш?

Ученик

Ученикам лишь слушать дозволяется.

Стрепсиад

Не бойся, друг любезный, я пришел сюда
Как ученик. В мыслильню поступаю я.

Ученик

Так слушай и считай за тайну страшную!
Недавно Херефонта спросил Сократ:
На сколько ног блошинных блохи прыгают?
Пред тем блоха куснула Херефонта в бровь
И ускользнула на главу Сократову.

Стрепсиад

И как же сосчитал он?

Ученик

Преискуснейше!
Воск растопивши, взял блоху и ножками
150 В топленый воск легонько окунул блоху.
Воск остудивши, получил блошинные
Сапожки, ими расстоянье вымерил.

Стрепсиад

Великий Зевс! Не ум, а бритва острая!

Ученик

Что ж скажешь ты о новом изобретенье
Сократа?

Стрепсиад

О каком, скажи, прошу тебя?

Ученик

Мудрец сфетийский Херефонт спросил его,
Как мыслит он о комарином пении:
Трубит комар гортанью или задницей?

Стрепсиад

И что ж сказал о комарах почтеннейший?

Ученик

160 Сказал он, что утроба комариная
Узка. Чрез эту узость воздух сдавленный
Стремится с силой к заднему отверстию.
Войдя за узким ходом в расширение,
Из задницы он вылетает с присвистом.

Стрепсиад

Тромбоном оказался комариный зад!
Мудрец кишечный, дважды, трижды счастлив ты!
Избавиться от тяжбы — дело плевое
Для вас, разъявших чрево комариное!

Ученик

На той неделе истина великая
170 Погибла из-за ящерицы.

Стрепсиад

Как же так?

Ученик

В полночный час, исследуя движение
И бег луны, стоял он, рот разинувши.
Тут с крыши в рот ему наклала ящерка.

Стрепсиад

Смешно, Сократу в рот наклала ящерка!

Ученик

Вчера ж у нас еды на ужин не было.

Стрепсиад

Ну! ну! И пропитанье как промыслил он?

Ученик

Зашел в палестру, стол слегка золой покрыл,
Взял в руки вертел, циркулем согнул его
И осторожно... из палестры плащ стянул.

Стрепсиад

180 К чему ж еще Фалета прославляем мы!
Открой, открой скорее мне в мыслительную дверь,

Сократа видеть я хочу великого!
К нему иду в науку. Дверь открой скорей!
Дверь открывается, показываются ученики.
Геракл великий, это что за чудища?

Ученик

Чему дивишься. За кого ты принял их?

Стрепсиад

За спартиатов тощих, взятых в Пилосе.
Но в землю почему они уставились?

Ученик

Разыскивают то, что под землей.

Стрепсиад

Ага,
Чеснок! Не надо, не трудитесь, милые,
Я знаю место, там растет отличнейший.
А те, что в кучу скупились, чем заняты?

Ученик

190 Они глубины Тартара исследуют.

Стрепсиад

Зачем же в небо этот поднял задницу?

Ученик

Считает звезды собственными средствами!

(Мыслителям.)

Идите в дом, чтоб здесь он не застигнул вас.

Стрепсиад

Нет, нет, не надо! Пусть они останутся!
Поговорю я с ними о делах моих.

Ученик

Никак нельзя! Им строго запрещается
Дышать так долго чистым, свежим воздухом.

Стрепсиад

(оглядывается, рассматривает диковинные предметы в мысляльне)

200 Богами заклинаю, это что ж, скажи?

Ученик

Вот это — астрономия!

Стрепсиад
(с тою же игрой)

А это, здесь?

Ученик

А это — геометрия.

Стрепсиад
К чему она?

Ученик

Чтоб мерить землю.

Стрепсиад
Понял я. Надельную?

Ученик

Ничуть, всю землю.

Стрепсиад
Очень хорошо, дружок!
Народная наука и полезная.

Ученик

А здесь — изображение всей вселенной. Вот
Афины. Видишь?

Стрепсиад
Пустяки, не верю я:
Присяжных здесь не видно заседателей.

Ученик

А дальше, будь уверен, это — Аттика.

Стрепсиад
210 Кикинна где ж, село мое родимое?

Ученик

Там, позади. А вот — Эвбея, видишь ты,
Как вытянулась, узкая и длинная.

Стрепсиад
Да, растянули мы с Периклом бедную.
Но где же Лакедемон?

Ученик

Где он? Вот он где!

Стрепсиад

Бок о бок с нами? Позаботьтесь, милые,
От наших мест убрать его подальше.

Ученик

Никак нельзя!

Стрепсиад

Час не ровен, поплатитесь!

(Замечает в вышине Сократа.)

А это кто же в гамаке качается?

Ученик

Он сам.

Стрепсиад

Что значит «сам»?

Ученик

Сократ.

Стрепсиад

Привет, Сократ!

220 Послушай, друг, погромче покричи ему.

Ученик

Нет, сам кричи, а у меня нет времени.

Стрепсиад

(кричит)

Сократ!

Сократушка!

Сократ

Чего ты хочешь, праха сын?

Стрепсиад

Скажи сначала, чем ты занимаешься?

Сократ

Пря в пространствах, мыслю о судьбе светил.

Стрепсиад

В гамак забравшись, о богах гадаешь ты.
Но почему ж не на земле?

Сократ
(важно и торжественно)

Бессильна мысль
Проникнуть в тайны мира запредельного,
В пространствах не повиснув и не будучи
230 Соединенной с однородным воздухом.
Нет, обретаясь в прахе, взоры ввысь вперив,
Я ничего б не узрел. Сила земная
Притягивает влагу размышления.
Не то же ли случается с капустою?

Стрепсиад
Ай, ай,
В капусту влагу тянет размышление!
Сойди же наземь, милый мой Сократ, сойди,
Тому, зачем пришел я, обучи меня!

Сократ
Зачем же ты явился?

Стрепсиад
Красноречию
240 Хочу я обучиться. Жмут долги меня.
Худею, чахну, сохну, изведусь вконец.

Сократ
Но как в долги попал ты так нечаянно?

Стрепсиад
Болезнь меня заела, язва конская.
Прошу тебя, той речи научи меня,
С которою долгов не платят. Я ж тебя,
Клянусь богами, награжу сторицею.

Сократ
Каких богов ты разумеешь? Боги здесь
Особого чекана.

Стрепсиад
Чем же клясться вам?
Железными грошами, как в Византии?

Сократ
250 Желал бы ты природу божества узнать
На деле?

Стрепсиад

Зевс свидетель, если есть он, Зевс!

Сократ

Вступить в беседу с облаками хочешь ты,
Которых почитаем за богов?

Стрепсиад

Ну да.

Сократ

На эти козлы сядь тогда священные.

Стрепсиад
(садится)

Вот видишь, сел.

Сократ

Прими теперь из рук моих

Венок.

Стрепсиад

Зачем венок мне? Ой, боюсь, Сократ!
Как Афананта, вы меня зарежете!

Сократ

Нимало. То же с каждым посвящаемым
Мы делаем.

Стрепсиад

А что я получу за то?

Сократ

260 В речах мучнистым станешь, тертым, крупчатым.
Так смиренно стой!

(Обсыпает его мукой.)

Стрепсиад

И правда, Зевс свидетель мне,
Обсыпанный, я стану тертым, крупчатым.

Сократ

Не кричи, замолчи, покорись, старичок, и внимай терпеливо
молитве.

(Молится.)

Господин н владыка, о Воздух святой, обступивший,
объемлющий Землю,
О сверкающий, ясный Эфир. Облака громоносные, матери
молний!
Поднимитесь, взлетите, царицы, свой лик мудролюбцу
седому явите!

Стрепсиад

Погоди, не спеши, дай закутаться мне, а не то до костей
я промокну.
Ах, глупец, ах, несчастный! Сегодня как раз без накидки
я из дому вышел!

(Закутывается.)

Сократ

Облака многотимые! Слушайте зов, где б вы ни были, ныне
явитесь!
На Олимпе ль, на снежной, священной горе залегли вы
семьею лучистой,
270 Или с нимфами в быстрый сплелись хоровод в темных
кущах Отца-Океана,
Или в Нильских далеких верховьях дожди в золотые
черпаете ведра,
Залетели ли в топь меотийских болот иль на льдистые
гребни Миманта,
Нас услышьте, и жертву примите от нас, и порадитесь
нашей молитве.

ПАРОД

Издали доносится пение Облаков.

Первое полухорие

СТРОФА

Вечные Облака!
Встаньте, явитесь, росистые, мгlistые, в легких одеждах!
Бездны Отца-Океана гудящие
Кинем, на горные выси подыдемся,
280 Лесом покрытые,
С вышек дозорных на сторону дальнюю
Взглянем на пашни, на пышные пажити!
Взглянем на реки бурливо-журчащие,
Взглянем на море седое, гремящее!

Око эфирное неутомимо сверкает.
 Даль в ослепительном блеске.
 Двинемся ж, сбросим туманы волнистые
 С тел непорочных и взглядом всевидящим
 290 Землю святую окинем!

Сократ

О священные жены, богини мои, Облака, вы молению вняли!

(*Стрепсиаду.*)

Ты ведь слышал их песни и пенью вослед грохотанье
 тяжелое грома?

Стрепсиад

Да, слышал и молюсь вам, мои госпожи, и хотел бы на гром
 ваш ответить
 Грохотаньем из брюха: так сильно дрожу, так жестоко я вас
 испугался!
 Вот уже, вот оно, пусть прилично, пусть нет, не могу
 удержать! Осрамился!

Сократ

Эти шуточки брось и не смей подражать паяцам — гаерам
 балаганным!
 Благочестья исполнись! Божественный рой продолжает
 священную песню.

Второе полухорие
 АНТИСТРОФА

Девы, несущие дождь!
 300 Город Кекропа богатый, блистательный, землю Паллады*,
 Родину храбрых хотим мы приветствовать.
 Там — несказанные таинства правятся,
 Там открываются
 Пред посвященными двери святилища.
 В честь небодержцев-богов приношения
 Там возвышаются, храмы с кумирами.
 Шествия движутся там богомольные.
 Жертвы приносятся пышные, в зиму и лето —
 310 Праздники, игры и пляски.
 Вот наступила весна, и в честь Бромия

* Аттика.

Песни несутся, хоры состязаются,
Флейты призывно рокочут.

Стрепсиад

Объясни мне, Сократ, заклинаю тебя, это кто же поет так
прекрасно,
Так торжественно, чинно и важно? Скажи, иль слетелись
сюда героини?

Сократ

Да ничуть! Это — дети небес, Облака, а для нас, для
мыслителей, — боги
Величайшие, разум дающие нам, мысли остр^{ые}, силу сужденья,
Красноречия жар, убеждения дар, говорливость и в речи
сноровку.

Стрепсиад

Понимаю. Так вот почему, услышав их напевы, душой
я воспрянул,
320 И к сплетениям слов потянуло меня и к суждениям о дыме
летучем,
Захотелось на слово ответить трем и мыслишкою в споре
ужалить!
Если можно, прошу, дай воочию мне, дай вблизи величавых
увидеть!

Сократ

Погляди же сюда, на Парнеф! Началось! Вижу, вижу,
спокойно и плавно
К нам нисходят они.

Стрепсиад

Где же, где? Покажи!

Сократ

Вот подходят густыми рядами
По расщелинам горным, по склонам лесным. Прямоком.

Стрепсиад

Удивительно, право!
Ничего я не вижу!

Сократ

У входа они.

Стрепсиад

Вот теперь различаю немножко.

Сократ

Хоть теперь-то ты видишь их, глупый старик, иль ты слеп,
или бѣльма на веках?

Стрепсиад

Вижу, вижу! Почтенные! Зевс мне судья! Вся площадка
полна облаками.

Сократ

Что ж, а раньше не знал ты, что боги они? Как богов их
не чтил и не славил?

Стрепсиад

330 Видит Зевс, и не думал. Считал их росой, и туманом,
и слякотью мокрой.

Сократ

Видит Зевс, ошибался ты. Знай же теперь: это вот кто питает
ученых,
И врачей, и гадателей, франтов в кудрях, с перстеньками
на крашенных пальцах,
Голосистых искусников в круглых хорах, описателей
высей надзвездных,
Вот кто кормит бездельников праздных, а те прославляют их
в песнях надутых.

Стрепсиад

Вот зачем воспевают они облака, буревые, несущие грозы,
«Стоголового смерча летучую прядь», «завывание вихрей
ревущих»,
И еще «кривокогтых кочующих птиц заблудившиеся караваны»,
И еще «облаков волокнистых росу», а за это питаются сами
Камбалою копченой, «прозрачной, как сон», и жарким «из
дроздов сладкогласных».

Сократ

340 Незаслуженно разве?

Стрепсиад

Скажи мне теперь, умоляю тебя, если вправду
Облака — эти твари, зачем же тогда на земных они женщин
похожи?
Ведь иначе совсем они выглядят.

Сократ

Как? Расскажи мне, как выглядят тучи.

Стрепсиад

Хорошенько сказать не могу. Например, как летящие шерсти
волокла.
Но совсем не как женщины, Зевс мне судья! А у этих носы,
и большие.

Сократ

А теперь на вопросы мои отвечай!

Стрепсиад

Говори! Что угодно отвечу.

Сократ

Никогда ты не видел, скажи, в небесах облаков, на кентавра
похожих,
На быка, на пантеру, на волка?

Стрепсиад

Видал, Зевс свидетель! Видал! Ну так что же?

Сократ

Как хотят, обернуться умеют они. Завитого увидят красавца,
Вот из этих кудрявых, распутных гуляк, из породы
козла-Ксенофанта*,
350 И тотчас, издеваясь над бешенством их, превратятся
в блудливых кентавров.

Стрепсиад

Если ж Симон**, грабитель народной казны, попадется им,
чем они станут?

Сократ

Подражая разбойной природе его, уподобятся хищному волку.

Стрепсиад

Понимаю. Недавно толстяк Клеоним повстречался им, шит
потерявший,
Увидали трусишку они и тотчас обратились в пугливых оленей.

* Речь идет о сыне Ксенофанта поэте Иерониме.

** Вероятно, нечистый на руку государственный деятель.

Сократ

А теперь повстречали Клисфена они и на женщин похожими
стали.

Хор — женщины-Облака — входит на оркестру.

Стрепсиад

(к Облакам)

Ну так здравствуйте, слава вам, грозные! Речь обратите
ко мне благосклонно!

Если голос ваш прежде слышал кто-нибудь, пусть его
я услышу, богини!

Предводительница хора Облаков

Наш привет тебе, старец с седой головой, за наукой
и правдой пришедший!

(Сократу.)

Ты ж, священнослужитель речей плутовских, объясни нам,
чего ты желаешь.

360 Никого так охотно не слушаем мы из искусников, ныне
живущих.

Одного разве Продика: мудрость его нас пленяет и гордые
мысли.

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь
направо, налево,

Ходишь чванно и важно, в лохмотьях, дрожа, вскинув голову,
нас обожая.

Стрепсиад

О Земля, что за голос! Торжественно как он звучит!
Объявилось нам чудо!

Сократ

Так пойми же: богини они лишь одни, остальное — нелепые
бредни!

Стрепсиад

Ну а Зевс? Объясни, заклинаю Землей, нам не бог разве Зевс
Олимпийский?

Сократ

Что за Зевс? Перестань городить пустяки! Зевса нет!

Стрепсиад

Вот так так! Объясни мне,
Кто же дождь посылает нам? Это сперва расскажи мне
подробно и ясно.

Сократ
(показывая на Облака)

Вот они. Кто ж еще? Целый ворох тебе приведу я сейчас
доказательств.

Что, видал ты хоть раз, чтоб без помощи туч Зевс устраивал
дождь? Отвечай мне!

370 А ведь мог бы он, кажется, хлынуть дождем из безоблачной,
ясной лазури.

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, отличная речь! Ты меня убедил.
Соглашаюсь.

А ведь раньше, и верно, я думал, что Зевс сквозь небесное
мочится сито.

Но теперь объясни мне, кто ж делает гром? Я всегда
замираю от грома.

Сократ

Вот они громяхают, вращаясь.

Стрепсиад

Но как? Объясни мне, скажи мне, кудесник!

Сократ

До краев, до отказа наполняясь водой и от тяжести книзу
провиснув

И набухнув дождем, друг на друга они набегают и давят
друг друга.

И взрываются с треском, как бычий пузырь, и гремят
перекатами грома.

Стрепсиад

Кто ж навстречу друг другу их гонит, скажи?

Ну не Зевс ли, колеблющий тучи?

Сократ

Да нимало не Зевс. Это — Вихрь.

Стрепсиад

Ну и ну! Значит, Вихрь! И не знал я, деревня,

380 Что в отставке уж Зевс и на месте его нынче

Вихрь управляет вселенной.

Только все ж ничего ты еще не сказал о грозе и громов
грохотанье.

Сократ

Ты ведь слышал. Набухнув водой дождевой, облака друг
на друга стремятся
И, как сказано, лопнув, как полный пузырь, громыхают
и гулко грохочут.

Стрепсиад

Как поверить тебе?

Сократ

Объясню тебе все на примере тебя
самого же.

До отвала наевшись рубцов отварных на гулянии
панафинеином,
Ты не чувствовал шума и гуда в кишках и бурчания
в стесненном желудке?

Стрепсиад

Аполлон мне свидетель, ужасный отвар! Все внутри
баламутится сразу,
И гудит, словно гром, и ужасно урчит, и шумит, и свистит,
и клокочет.
Для начала легонько, рот этак: бурр-бурр, а потом уж
погромче: бурр-бурр-бурр.
390 Тут нельзя удержаться, до ветра бегу, а в утробе как гром:
бурр-бурр-бурр-бурр.

Сократ

Ну, прикинь: если столько грозы и громов в животишке
твоем, так подумай,
Как чудовищно воздух безмерно большой и бурчит, и гремит,
и грохочет.

Стрепсиад

Все понятно теперь; так от ветра, от туч говорят у нас:
ходим до ветра.
Ну, а молнии ярко горящий огонь, объясни мне, откуда
берется?
Попадет и живого до смерти спалит или кожу, одежду обуглит.
Ну, не ясно ль, что молнии мечет в нас Зевс в наказание
за лживые клятвы.

Сократ

Об одном бы подумал, глупец, стародум, стародедовским
верящий басням!
Если мстит за присягу подложную Зевс, почему ж не сожжен
еще Симон?

400 Почему не сожжен Клеоним и Феор? Ведь они ж —
из лгунишек лгунишки!
Почему он сжигает свой собственный храм, и предгорье
афинское — Суний,
И вершины высоких дубов? Для чего? Ведь лгунов средь
дубов не бывает.

Стрепсиад

Что ответить, не знаю. Пожалуй, ты прав. Расскажи же,
в чем молнии тайна!

Сократ

Если воздух горячий, поднявшись с земли, залетает
к заоблачным высям,
Изнутри он вздувает огромный пузырь, а затем,
под давлением силы,
Разорвавши пузырь, клокоча и свистя, вылетает и в тренье
сгорает,
От полета, от стрепета в пламенный столб обращаясь
и в пыль разрушаясь.

Стрепсиад

Зевс свидетель мне, то же случилось со мной на Диасиях*
нынешних. Помню,
Колбасу кровяную я жарить взялся для родных, да забыл ее
взрезать.
410 Тут надулась она, стала круглой, как шар, и внезапно возьми
да и лопни!
Все глаза залепила начинкою мне и сожгла, словно молнией,
щеки.

Сократ

(торжественно поднимается)

Человек! Пожелал ты достигнуть у нас озарения мудрости
высшей.
О, как счастлив, как славен ты станешь тогда среди эллинов
всех и афинян,
Если тщателен будешь, прилежен в труде, если есть в тебе
сила терпенья,
И, не зная усталости, зная в себя ты вбирать будешь, стоя
и лежа,
Холодая, не будешь стонать и дрожать, голодая, еды
не попросишь,

* Старинный праздник, посвященный Зевсу.

От пирушек уйдешь, от гимнасий сбежишь, не пойдешь по
пути безрассудства;
И за высшее счастье одно будешь чтить, как и следует людям
разумным:
Силой речи своей побеждать на судах, на собраниях,
в советах и в спорах.

Стрепсиад

420 Что терпенья касается, твердой души и бессонных раздумий
в постели,
Воздержанья во всем, в животе пустоты, на воде и на хлебе
сиденья, —
Будь уверен во мне! Чтоб до цели дойти, на себя дам ковать
я подковы.

Сократ

И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами
мы славим?
Безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык — вот
священная тройца!

Стрепсиад

И словечка другим я теперь не скажу, не признаю, на улице
встретив.
Им молиться не буду, вина не пролью, фимиама ни крошки
не кину.

Предводительница хора Облаков

Говори же скорее, что надо от нас! Не робей, не получит
отказа
Тот, кто нас почитает и молится нам и мыслителем сделаться
хочет.

Стрепсиад

О почтенные женщины! Надо от вас мне немного, чуточку,
крошку!
430 Стадий на десять всех, кто в Элладе живет, превзойти
я хочу в разговоре.

Предводительница хора Облаков

Мы исполнить согласны желание твое. С этих пор на
собраниях народных
Чаще всех ты сумеешь решенья свои проводить, побеждая
речами.

Стрепсиад

Я решений больших проводить не хочу, и совсем мне не
этого надо.
Я закон обернуть вокруг пальца хочу, обмануть
одолживших мне деньги.

Предводительница хора Облаков

Исполнения дождешься стремлений своих. Старичок, ты
немногого просишь.
Передай же себя, ничего не страшась, нашим верным,
испытанным слугам.

Стрепсиад

Так и сделаю. Вам доверяюсь во всем. Не охота, нужда меня
гонит;
Жеребцы воронные, кобылы с клеймом и женитьба меня
разорили.

Как хотите, со мной поступайте теперь.

440 Я согласен на все.

Вам вверяю я тело и душу свою.

Колотите, дерите, держите без сна,

Рвите заживо, трите, морите меня!

Мне бы только словчить и долгов не платить.

А потом пусть народ называет меня

Негодяем, нахалом, шутом, наглецом,

Шарлатаном, буяном, судейским крючком,

Надувалой, громилой, бузилой, шпиком,

Срамником, скопидомом, сутягой, лгуном,

Забиякой, задирой, бахвалом, клещом,

450 Подлипалой, прожженным, паршой, подлецом,

Приживалом, плутом!

Пусть прохожие так окликают меня,

Как хотят, так пускай и поносят меня,

Пусть меня, если надо, Деметрой клянусь,

Изотрут в колбасу

И на ужин дадут мудролюбцам!

Сократ

Что решил, решил он крепко,

Не робея, пламенея.

Твердо знай:

Нашу науку осилив, до неба прославлен

460 Меж людей ты будешь.

Стрепсиад

Что ж делать мне?

Сократ

Со мной проводи свои дни!
Завиднейшей жизнью
Жить начнешь отныне.

Стрепсиад

Будет успех?
470 Счастье, удачу увижу?

Сократ

Будут теперь тесниться у двери твоей
Пришельцев толпы.
Мудрость твою вопрошая, дружбы с тобой ожидая,
В путаных тяжбах своих, в делах опасных
Лишь от тебя добиваясь помощь добыть и совет.

Предводительница хора Облаков

Так начни ж, как обычно: возьми старика в предварительное
обученье,
Испытай его разум, сноровку узнай, остроумие, память изведай!

Сократ

Начнем же! Опиши мне самого себя,
Чтоб, нрав твой изучивши, мог надежнее
480 Уловками поближе приступить к тебе.

Стрепсиад

Ты на меня готовишь приступ! Зевс-отец!

Сократ

Ничуть! Порасспросить тебя мне хочется.
Ты внимателен, скажи?

Стрепсиад

С двойною памятью,
Когда должны мне, помню замечательно,
А должен я — разиня, забываю вмиг.

Сократ

Есть у тебя склонность к красноречию?

Стрепсиад

К двуречию скорей, чем к красноречию.

Сократ

Как станешь ты учиться?

Стрепсиад

Ничего, сойдет!

Сократ

Теперь вопрос из области возвышенной
490 Тебе поставлю. На лету хватай его!

Стрепсиад

Хватать? Как пса, ты хочешь натаскать меня!

Сократ

Тяжелый случай! Глуп он и невежествен.
Боюсь, старик, понадобятся розги нам!
Чем на побои ты ответишь?

Стрепсиад

Дамся бить.
Немного жду, друзей зову в свидетели,
Еще немного — в суд тащу обидчика.

Сократ

Снимай накидку!

Стрепсиад

Разве провинился я?

Сократ

Нет. Голыми заведено входить сюда.

Стрепсиад

Но я же не для обыска в твой дом иду.

Сократ

500 Снимай! Болтать довольно!

Стрепсиад

Мне одно скажи:
Когда прилежен и усерден буду я,
Кому я уподоблюсь из учащихся?

Сократ

На Херефонта будешь ты во всем похож.

Стрепсиад

Беда, беда мне! Полутрупом сделаюсь!

Сократ

Не смей болтать! За мной иди и слушайся!
Сюда скорее!

Стрепсиад

В руки мне вложи сперва
Медовую коврижку. Замираю я.
Мой бог! В пещеру я схожу Трофония.

Сократ

Входи, входи! Чего у двери ежишься?

Сократ и Стрепсиад входят в мыслильню.

ПАРАБАСА

Предводительница хора Облаков

- 510 Так иди же на радость! Есть воля в тебе
И отважная мысль.
Будет пускай удача с ним!
Он, не глядя на старость,
Не побоясь плещи своей, тяжелый груз новых наук
Вздумал вместить в череп седой,
Хочет постигнуть мудрость.
Зрители, хочу говорить с вами откровенно я,
Искренне. Свидетелем мне — мой кормилец Дионис!
- 520 Так же как к победе стремлюсь, к славе и к удаче я,
Так же вас считаю, друзья, за людей понятливых
И игру вот эту мою лучшей среди всех других.
Вам уж я однажды ее предложил. Трудней всего
Мне она досталась, и что ж? Пред толпою грубою
Незаслуженный потерпел я провал. Виной тому
Вы, толковые, знатоки! Ради вас старался я!
Все ж предать я вас не хочу, люди с пониманием.
Ведь и прежде много похвал, зрители разумные,
«Добрый» мой и «ветренный брат»^{*} слышали из ваших уст.
- 530 Был тогда как девушка я, не пристало мне рожать,
И пришлось подкинуть дитя, увидеть в чужих руках.
Вы его вскормили тогда бережно и ласково.
С этих пор надежда на вас выросла в груди моей.
Как Электра, мчится сейчас к вам моя комедия,

* Речь идет о первой комедии Аристофана «Пирующие», в которой были изображены два брата, олицетворяющие две системы воспитания: прогрессивную и патриархальную.

- Ждет и ищет: зрителей тех нет ли здесь, понятливых?
Вмиг узнает, — только б найти, — брата кудри милые.
Как пристойны нравы ее, сами поглядите вы:
Твердой кожи плотный кусок не подвешен спереди,
Сверху — красный, толстый, большой, детям на посмешище.
540 Шуток здесь над лысыми нет, плясок нету кордака*,
Здесь старик, стихи бормоча, палкой собеседника
Не колотит, чтоб прикрыть соль острот подмоченных.
Не кричат здесь: «Горе, беда!», с факелом не бегают.
Верит в силу песен своих и в себя комедия.
Вот и я, хоть славен везде, длинных не ращу волос.
За новинку выдав старье, надувать не стану вас.
Только с новым вымыслом к вам прихожу я каждый год.
Был когда-то грозен Клеон, я по брюху бил его.
550 Но когда упал он ничком, я не тронул павшего.
Эти ж, только раз сплеховать стоило Гиперболу,
Затолкали насмерть плута, да в придачу мать его.
Первым Евполид забежал, «Мариканта» вывел он,
Подлый, подло он обокрал наших славных «Всадников»,
Пьяную старуху приплел, вот и все, для кордака.
А старуху Фриних давно на съедение рыбам дал.
Тут к нему Гермипп подскочил, облевал Гипербола.
Подбежали прочие все, чтоб лягнуть Гипербола.
В мутных водах ловят они, словом говоря моим;
Тот, кто любит шуточки их, на мои не смотрит пусть!
560 Если ж я и речи мои вам теперь понравятся,
Прослывете вы навсегда судьями разумными.

Первое полухорие

ОДА

- В небе высоком грозного
Зевса, богов властителя,
В хор наш зовем мы первым.
С ним и тебя, трезубца царь,
Бог-великан,
Синего моря и земли
Яростный колебатель!
Славного кличем родителя нашего.
570 Вечный Эфир, тебя, жизнь сохраняющий в мире!
С ним и тебя, пламенный бог,
В белых лучах мчащий коней
Над простором земли! Велик
Меж богов ты и смертных.

* Разнузданная пляска.

Предводительница первого полухория
ЭПИРРЕМА

- Рассудительные люди, нас послушайте теперь!
На тяжелую обиду мы пожалуемся вам.
Всех богов опережая, мы лелеем город ваш,
Вы ж из всех богов бессмертных нам не молитесь одним,
Сторожам своим надежным. Если сдуру вы поход
580 Затеваετε, грохочем мы и посылаем дождь.
Помните, когда Клеона-скорняка, врага богов,
Вы избрали полководцем, грозно брови мы свели,
Напугали вас, «из тучи с громом молнии неслись»,
И Селена путь привычный позабыла, свой фонарь
Спрятал Гелиос, исчезнув с небосклона и грозя,
Что светить не станет, если будет властвовать Клеон.
Все же вы его избрали: легкомыслие давно
В этом городе оседло; не впервые божествам
Вашу глупость и беспечность вам на пользу обращать.
А что это справедливо, мы докажем без труда.
590 Если вы Клеона-вора в лихоимстве, в грабеже
Обличите и в колодки закуете наглеца,
Все бывшее вам простится, позабудутся грехи,
Обернется все на благо, счастлив город будет вновь.

Второе полухорие
АНТОДА

- Феб-господин, приди и ты,
Делоса царь, владыка круч
Высокогорных Кинфа!
Ты, что в Эфесе, в золотом
Доме живешь,
600 Горная, с нами будь! Тебе
Девы лидийцев служат.
С нами будь, наша родная, владычица,
Горододержица, с грозной Эгидой, Афина,
Ты, что хранишь горный Парнас,
В блеске пляши смольных костров,
О Дионис, веселый бог,
Вождь вакханок дельфийских!

Предводительница второго полухория
АНТЭПИРРЕМА

- К вам идти мы собирались, да Селена на пути
Повстречалась нам и вот что вам велела передать.
И Афинам, и друзьям их низкий шлет она поклон.
610 Сердится на вас богиня: вы обидели ее.

Хоть не на словах, на деле помогает вам она.
Мало ль драхм вам каждый месяц сберегает лунный свет?
Из дому идя под вечер, говорите вы не зря:
«Факелов не покупай мне! Светит месяц в вышине».
И других услуг немало вам оказывает. Вы ж
Дней ее ничуть не чтите*, повернули все вверх дном.
Боги злобно ей грозятся (жалуется нам она)
Всякий раз, когда вернутся, жертву прозевав, домой.
Счет они ведут привычный срокам праздников своих.
620 Вы же в дни для жертв и песен занимаетесь судом.
А случается, что в сроки наших божеских постов,
В день кончины Сарпедона, в Мемнона печальный день
Вы приносите нам жертвы и смеетесь. Вот за то
Гипербол, когда священным выбрали его послом,
Год назад, по воле божьей потерял венок. Теперь
Знать он будет, что по лунам надо году счет вести.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Выходит Сократ. За ним Стрепсиад.

Сократ

Клянусь Хаосом, Испареньем, Воздухом,
Глупца такого я еще не видывал,
Такого простофилю, никудышника.
630 Зубря несчастных рассуждений несколько,
Все позабыл он, не успевши вызубрить.
Сейчас сюда, за дверь его я вызову.
Эй, Стрепсиад, иди и выноси постель!

Стрепсиад
(показывается голый)

Ой, не могу! Клобы не отпускают. Ой!

Сократ

Неси скорей и будь прилежен.

Стрепсиад
(выходит)

Вот, принес.

Сократ

С чего же мы приступим к изучению
Тех тайн, которых раньше ты совсем не знал?
С размеров, с диалогов иль с ладов — скажи?

* Намек на проведенную в Афинах реформу календаря.

Стрепсиад

По мне, начнем с размеров. Вот недавно лишь
640 Надул меня торговец на две меры ржи.

Сократ

Не в этом дело: отвечай, какой размер,
Трехмерный иль четырехмерный, любишь ты.

Стрепсиад

Я — четверик. Четыре меры полные.

Сократ

Болтаешь вздор.

Стрепсиад

Уж в этом извини меня!
В четверике четыре меры. Кончено!

Сократ

Пошел к воронам, груб и не отесан ты!
Ладами мы займемся, их усвой сперва!

Стрепсиад

На хлеб насущный чем лады помогут мне?

Сократ

650 Ты ладным быть научишься в сношениях,
Лады сумеешь различать: военный лад,
И плясовой, и конный, и на пальчиках.

Стрепсиад

На пальчиках?

Сократ

Ну да.

Стрепсиад

Отлично знаю.

Сократ

Ну!

Стрепсиад

Вот — пальчик. Этот лад давно я выучил.
Забыл когда, еще мальчишкой маленьким.

Сократ

Мужик, невежда!

Стрепсиад
Бросим это, миленький!
Таким вещам учиться не хочу!

Сократ
Чему ж?

Стрепсиад
Скорее кривде, кривде научи меня!

Сократ
Сперва другому научиться должен ты.
Кто из животных мужеского пола? А?

Стрепсиад
660 Кто мужеского? Знаю, не сошел с ума.
Козел, кобель, жеребчик, хряк, баран, фазан.

Сократ
Вот видишь, вздор несешь ты. Ведь и самочку,
Как и самца, фазаном называешь ты?

Стрепсиад
Да, Посейдон свидетель, как же иначе?

Сократ
Зови «фазыней». А самца — «фазелезнем».

Стрепсиад
«Фазыня»? Превосходно. Испареньями
Клянусь, за это лишь одно учение
Тебе мукой наполню я корзину.

Сократ
Стой!
670 Ты говоришь «корзина» — рода женского.
Не крепче ль по-мужски сказать: «корзан»?

Стрепсиад
Корзан?
Но почему ж «корзан»?

Сократ
Ну, как «фазан». А то,
Как «Клеоним».

Стрепсиад
Как Клеоним? При чем это?

Сократ

Фазан, корзан и Клеоним — все родственно.

Стрепсиад

Ну, нет, корзины мало для Клеонима.
В корыте, в бочке месит он жратву себе.
Но как же говорить теперь мне?

Сократ

Сказано.

Корзан — фазан. Корзина и фазыня. Вот!

Стрепсиад

Корзан — фазыня.

Сократ

Будет это правильно.

Стрепсиад

680 Корзина, Клеонима — рода женского.

Сократ

Теперь об именах закончим собственных.
Мужские имена пройдем и женские.

Стрепсиад

Да знаю я про женские.

Сократ

А ну, скажи.

Стрепсиад

Геро, Лизилла, Миррия, Деметрия.

Сократ

Теперь мужские назови мне.

Стрепсиад

Сотни их.

Ну, Филоксен, Милесия, Аминия.

Сократ

Да это ж не мужские имена совсем.

Стрепсиад

Как не мужские? Вот ты как!

Сократ

Конечно, так.

Ну, как ты скажешь, чтоб пришел Аминия.

Стрепсиад

690 «Сюда, сюда», — я позову Аминию.

Сократ

Вот видишь, кличешь женщину — Аминию.

Стрепсиад

И верно: трус он, потому и женщина.

Тому, что всем известно, не учи меня.

Сократ

Так ляг сюда и растянись!

Стрепсиад

Зачем это?

Сократ

В природу погружайся самого себя.

Стрепсиад

Не здесь прошу, не на лежанке, миленький,

Уж на земле я лучше погружусь.

Сократ

Нет, нет!

Нельзя иначе!

Стрепсиад

Горе мне! Несчастный я!

Клопам сегодня уплачу я пошлину.

Сократ уходит в мыслительню. Стрепсиад ложится.

Первое полухорие

СТРОФА

Будь молодцом, будь остряком,

700 Вывернись весь наружу!

Грызи науку!

Когда же будет побеждать отчаяние,

Скачи отважно

К другим размышленьям; пусть глаз твоих

Сон-утешитель бежит!

Стрепсиад

Ай, ай, ай, ай, ай, ай-ай-ай!

Предводительница хора Облаков
Чем болен, что мучит?

Стрепсиад
(катается, закутавшись в плащ)

Погиб, погиб я, бедный! Вот впились в меня
710 Из-под лежанки выползшие конники.
И бока раздирают, и гложут нутро,
И сосут мою душу, и пьют мою кровь,
И нежнейшие скрытые части грызут,
И по теплым потайным проходам ползут,
И живьем меня жрут.

Предводительница хора Облаков
Не вопи через меру, без меры не вой!

Стрепсиад
Как же быть? Как же жить?
Где имение — ау! Где здоровье — ау!
Где покой мой — ау! Где подметки — ау!
720 В довершение всего, в заключение бед
Погибай без сна,
Скоро буду и сам я — аушки!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Сократ
(выходит из мыслильни)

Эй-эй, старик. Ты размышляешь?

Стрепсиад
Я? Ну да,
Свидетель Зевс!

Сократ
О чем же поразмыслил ты?

Стрепсиад
О том, спасу ли от клопов хоть что-нибудь.

Сократ
Чтоб ты пропал!

Стрепсиад
Голубчик, я уже пропал!

Сократ

Не унывай! Залезь в накидку по уши.
Прием измысли мне опровергающий
И опорочь улики.

Стрепсиад
(про себя)

Как измыслить мне
730 Из этих дыр порок опровергающий?

Пауза.

Сократ

Теперь посмотрим, что бедняга делает.
(Раскрывает плащ над Стрепсиадом.)

Эй, эй, ты спишь?

Стрепсиад
Свидетель Феб, не думаю.

Сократ

Ну, что, поймал?

Стрепсиад
Ах, нет еще!

Сократ
Как нет еще?

Стрепсиад
Поймал вот этот хвостик в руку правую!

Сократ
Закройся вновь, продолжи размышления!

Стрепсиад
О чем же размышлять мне, расскажи, Сократ?

Сократ
Чего желаешь, для начала сам скажи!

Стрепсиад
Чего хочу, ты слышал сотню тысяч раз.
740 Вся суть в долгах: платить долгов не хочется.

Сократ
Плащом закройся! Основную мысль найди,
Развей ее и расчлени по косточкам,
Определи и сопряги!

Стрепсиад

Несчастный я!

Сократ

Не шевелись. Когда же в рассуждениях
Заблудишься, оставь их, после вновь вернись,
Накинься, ухвати и осторожно взвесь!

Стрепсиад

Сократушка, голубчик!

Сократ

Что тебе, старик?

Стрепсиад

Нашел я мысль насчет долгов обманную!

Сократ

Развей ее!

Стрепсиад

Скажи, что, если...

Сократ

Если что?

Стрепсиад

Что, если я колдунью фессалиянку
750 Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,
И в круглом сундуке запрячу накрепко,
Как зеркало, и буду сторожить его?

Сократ

А польза в чем от этого?

Стрепсиад

А польза в чем?

Пока всходить не будет месяц на небо,
Лихвы, долгов не стану я платить.

Сократ

Да ну?

Стрепсиад

Ну да. По месяцам растет лихва моя.

Сократ

Отлично! Вот другое предложу тебе:
Когда предъявят иск к тебе в талантов пять,
Его ты как сумеешь устранить, скажи?

Стрепсиад

760 Не знаю как! Не знаю! Поищу, найду!

(Размышляет.)

Сократ

Сжимать чрезмерно разум ты не должен свой,
Направь свободно мысль свою по воздуху,
Как стрекозу, привязанную за ногу.

Стрепсиад

Нашел, нашел, как хитро уничтожить иск!
Меня ты сам похвалишь!

Сократ

Что ж придумал ты?

Стрепсиад

У лекарей такой видал ты камешек,
Красивый и прозрачный, добывают им
Огонь они.

Сократ

Ты говоришь о стеклышке?

Стрепсиад

Ну да! Что, если я добуду стеклышко
И, подождав, пока напишет иск писец,
770 В сторонке стану, солнечный поймаю луч
И растоплю в руках писца ходатайство?

Сократ

Харитами клянусь я, ловко!

Стрепсиад

Счастлив я,
Что в пять талантов уничтожил жалобу.

Сократ

Возьмись теперь проворней за другое!

Стрепсиад

Ну?

Сократ

Как от истца ты будешь защищать себя,
Ни права не имея, ни свидетелей?

Стрепсиад

Пустое, только плюнуть!

Сократ

Так скажи!

Стрепсиад

Скажу,

Когда до дела моего останется
780 Один лишь иск, пойду и удавлюсь.

Сократ

Дурак!

Стрепсиад

Клянусь богами всеми, так и сделаю!
К удушеннику кто ж предъявит жалобу?

Сократ

Все вздор! Иди! Тебя учить не стану я.

Стрепсиад

За что ж? Сократ! Ради богов, прости меня!

Сократ

Что выучил, сейчас же забываешь ты.
Ну вот, скажи, что первым проходили мы?

Стрепсиад

Что первым? Ах, припомнить! Что же первым? Что?
Как звать ее, в чем хлеб пекут, ту самую...
Ой-ой! Ну как же звать ее?

Сократ

Пошел к чертям!

790 Глупейший старикашка и забывчивый!

Стрепсиад

Беда, беда мне! Что со мною станется?
Погиб я, не умею языком молоты!
Вы, Облака, богини, помогите мне!

Предводительница хора Облаков
Старик, тебе мы вот что посоветуем:
Когда толковый, взрослый у тебя есть сын,
Взамен себя пошли его в учение.

Стрепсиад

Есть у меня сыночек, ладно скроенный,
Да не желает он учиться. Горе мне!

Предводительница хора Облаков
И все ж ты терпишь?

Стрепсиад

Крепок и отважен он.

800 Но матери из рода легкомысленных.
Пойду за ним, а если не послушает,
Так выгоню из дома обязательно.

(Сократу.)

Зайди в свой дом и подожди немножечко!
(Уходит.)

Второе полухорие

(Сократу)

АНТИСТРОФА

Видишь теперь, сколько от нас блага тебе. Другие
Бессильны боги!

На все он согласен. Тебе во всем
Теперь послушен.

Свихнулся он, закружился он,
Разум теряет явственно.

810 Рви же его, крепче щипли, шкуру дери,
Не зевай! Спеши! В деле таком
Все изменяет случай.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Стрепсиад и Фидиппид выходят из дома.

Стрепсиад

Клянусь туманом, в доме не останешься!
Ступай! Столбы грызи Мегакла-дядюшки!

Фидиппид

Чудак! Отец! Каким шмелем ужален ты?
Ты не в себе. Свидетель — Олимпийский Зевс!

Стрепсиад

«Зевс Олимпийский»? Ой-ой-ой! Вот глупости!
Такой большой детина в бога верует!

Фидиппид

820 Чего же ты смеешься?

Стрепсиад

Над тобой смеюсь:
Младенчик ты и веришь басням нянькиным.
Но подойди. Сейчас узнаешь важное;
Скажу тебе я что-то — сразу вырастешь.
Зато другим об этом ни гу-гу, ни-ни!

Фидиппид

Ну, говори! В чем дело?

Стрепсиад

Зевсом клялся ты?

Фидиппид

Да, клялся.

Стрепсиад

Видишь, как важно учение:
Нет никакого Зевса, мой сынок. Царит
Какой-то Вихрь. А Зевса он давно прогнал.

Фидиппид

Ай-ай! Вот вздор!

Стрепсиад

Поверь мне, это правильно.

Фидиппид

Да кто сказал?

Стрепсиад

Сократ, безбожник с Мелоса*,
830 И Херефонт, прыжок блохи исчисливший.

Фидиппид

Так далеко зашел ты в помешательстве,
Что веришь людям, бешеным от желчи?

* Родом с Мелоса был не Сократ, а философ Диагор (V в. до н.э.).

Стрепсиад

Цыц!

Не смей бранить людей достойных, доблестных,
Умнейших. Из-за строгой бережливости
Никто из них не мажется, не бреется,
Не ходит в баню мыться. Ты ж добро мое
Собрался смылить, словно б я в гробу лежал.
Иди ж туда и за меня урок возьми!

Фидиппид

840 Чему ж там можно научиться доброму?

Стрепсиад

Ах так! Всему, что называют мудростью.
Поймешь, как неучен, как неотесан ты!
Но погоди немного. Я тотчас вернусь.

(Входит в дом.)

Фидиппид

(один)

Что делать мне? Родитель мой с ума сошел.
Суду ли заявлю о слабоумии,
Гробовщику ль скажу, что уж готов старик?

Стрепсиад

(выходит из дома с птицами под мышкою)

Вот эту птицу как ты назовешь, скажи?

Фидиппид

Фазан.

Стрепсиад

Отлично. Ну, а эту птицу как?

Фидиппид

Фазан.

Стрепсиад

Смешно! Обоих одинаково?

850 Впредь говори иначе. Называй его
Фазаном. А ее зови фазынею.

Фидиппид

Фазынею? Так вот каким премудростям
У этих великанов обучался ты!

Стрепсиад

И многому другому. Но одна беда:
По дряхлости все забываю тотчас же.

Фидиппид

Вот почему и плащ свой там посеял ты?

Стрепсиад

Нет, не посеял — прогадал, промудрствовал.

Фидиппид

А туфли! Горемыка! Их куда ты дел?

Стрепсиад

Да как Перикл, «на надобности важные».
860 Идем, спешим, скорее! После прихотям
Дашь волю, а сейчас отца послушайся!

(Уговаривает.)

Младенцем был ты, лет шести, лепечущим,
А я тебя послушался. За первый грош
Купил тебе тележку на Диасиях.

Фидиппид

(уступая)

Пускай! Но после тяжело раскаешься!

Стрепсиад

Спасибо, что послушался.

(Стучит в дверь мыслильни.)

Сюда, сюда!

Сократ! К нам выйди! Сына я веду к тебе,
Хотя и против воли.

Сократ

(выходит)

Он совсем дитя,

Он не вращался в областях возвышенных.

Фидиппид

870 Ты сам в петле возвышенной повертишься!

Стрепсиад

(сыну)

Пошел в болото! Проклинать наставника?..

Сократ
(поучительно)

Вот, вот, «петля». Как грубо произнес он: «тля» —
Язык прижат к гортани. Зубы стиснуты.
Как изучить ему опровержения,
Введенья, заключенья, обобщения?
(А впрочем, за сто мин Гипербол выучил!)

Стрепсиад

Смелей! Учи! Он у меня понятливый.
Ребеночком еще таким вот крохотным
Кораблики лепил он, клеил домики,
880 Из дерева вырезывал повозочки,
А из кожурок — лягушат. Что думаешь?
Смотри ж, речам обоим обучи его,
Правдивой, честной речи и кривым речам,
Которыми одолевают правые,
Ах нет, одной лишь кривде научи его!

Сократ

Пусть Правда с Кривдой сами объяснят ему,
А я пойду.

Стрепсиад

Так помни, знать обязан он,
Как побеждают кривдой правду всякую.

Хор поет и пляшет.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

В корзинах, как боевых петухов, вносят Правду и Кривду.

Правда

Появись, покажись! На народ погляди!
890 Пусть увидят тебя, как ты дерзок и нагл!

Кривда

Я готов, выхожу. На глазах у людей
Вдвое легче тебя я в речах погублю.

Правда

Ты погубишь? Ты кто?

Кривда

Речь.

П р а в д а

Кривая, прибавь.

К р и в д а

Но тебя разобью. Хоть и Правдой себя
Ты зовешь.

П р а в д а

Разобьешь? Ухищреньем каким?

К р и в д а

Разыщу, изыщу новых мыслей поток.

П р а в д а

Процветают теперь эти мысли у них,
У безумных людей.

К р и в д а

У разумных людей.

П р а в д а

Уничтожу тебя!

К р и в д а

Это чем, объясни?

П р а в д а

900 Слово правды скажу.

К р и в д а

Опровергну тебя.

Возражу, докажу, что по сути вещей
Правды нет никакой.

П р а в д а

Правды нет, говоришь?

К р и в д а

Где ж она, Расскажи!

П р а в д а

У всевышних богов.

К р и в д а

Если правда не вздор, почему тогда Зевс
Не наказан? Ведь в цепи родного отца
Заковал он*.

* Свергнув с престола своего отца Крона, Зевс заключил его в Тартар.

П р а в д а

Вот, вот, началась чепуха!
Распирает, тошнит! Дайте тазик скорей!

К р и в д а

Ах, дубина, чурбан, стародавний чудак!

П р а в д а

Обнаглевший болван! Развращенный дурак!

К р и в д а

910 Сыплешь розы на грудь.

П р а в д а

Площадной скоморох!

К р и в д а

Фимиам мне куришь.

П р а в д а

Оскорбитель отца!

К р и в д а

Сам не зная, покрыл меня золотом ты.

П р а в д а

Это золото прежде мы звали дерьмом.

К р и в д а

Я ж зову украшеньем, ценнейшим венцом.

П р а в д а

Чтоб ты влип, медный лоб!

К р и в д а

Старый гриб, старый гроб!

П р а в д а

Ты виною тому,
Что учиться подростки не ходят совсем.
Но узнают афиняне все же, чему
Наставляешь и учишь ты глупый народ.

К р и в д а

Как ты грязен и груб!

П р а в д а

Ты ж — наряден, ты — люб!

920 А недавно еще побирался с сумой,

И мисийцем Телефом себя называл,
И уныло жевал
Панделетовой* мудрости крохи.

Кривда

О разумная речь!

Правда

О безумная речь!

Кривда

Ты припомнил о ней.

Правда

О твоей и о том,

Что народ тебя чтит,
Развратителя юношей, язву страны.

Кривда

(указывая на Фидиппида)

Ты, беззубый, вот этого хочешь учить?

Правда

930 Да, затем, чтоб спасти и от зла сохранить,
Чтоб в пустой болтовне не погряз он совсем.

Кривда

(Фидиппиду)

Подойди ко мне, мальчик, на вздорного плюнь!

Правда

Берегись! Руки дальше от юноши! Прочь!

Драка.

Предводительница хора Облаков
Перестаньте браниться! Довольно кричать!
Покажи ему ты, как учил молодежь
В дни былые; ты ж прелести новых наук
Перед юным раскрой, чтоб, послушавши вас,
Он наставника выбрал по сердцу себе.

Правда

Я с охотой готов.

Кривда

Я не меньше готов.

* Панделет — клезник и доносчик.

Предводительница хора Облаков

940 Хорошо! Кто же первым начнет говорить?

Кривда

Пусть начнет старичок!
Очень скоро запнется он в речи своей
И под градом новейших словечек и слов,
Рассуждений, сомнений без сил упадет.
Напоследок, едва заикнется бедняк,
Налетят на него и вопьются в лицо,
И в глаза, и во всё, словно рой шершеней,
Мои мысли и насмерть зажалят!

АГОН ПЕРВЫЙ

Первое полухорие

ОДА

950 Теперь должны вы доказать
Ловких речей орудьем,
Игрой ума, мыслей дождем,
Блеском суждений острых,
Кто из двоих вправе прослыть
Красноречья мастером.
Мудрость, сейчас вовлечена
В яростный ты, в тягостный бой.
Из-за тебя друзья мои
На поединок вышли.

Предводительница хора Облаков

(Правде)

ЭПИРРЕМА

Ты, обычаи дедов и нравы отцов увенчавший блестящей
хвалою,

960 Начинай, свой раскатистый голос возвысь, изъясни свои
мысли и душу.

П р а в д а

Расскажу вам о том, что когда-то у нас воспитаньем звалось
молодежи,
В те года, когда я, справедливости страж, процветал, когда
скромность царила.
Вот вам первое: плача и визга детей было в городе вовсе не
слышно.

П р а в д а

Да, конечно. Но это та сила,
Из которой растила наука моя поколения бойцов
марафонских.
Ты ж, негодник, теперешних учишь юнцов до ушей
закрываться в хитоны.
Удавиться готов я, когда погляжу, как на празднике
Панафинейском,
990 Щит на брюхе держа, выступают они, не краснея пред
Тритогией.
А поэтому, сын мой, мужайся: меня избери себе в спутники,
Правду!
Презирать ты научишься рыночный шум, ненавидеть
цирюльни и бани,
Безобразных поступков стыдиться, краснеть, от насмешек —
грозой загораться.
Перед старшими с места учтиво вставать, уступая сиденье
и кресло.
И почтительным сыном родителю быть, не роптать,
не ворчать и не вздорить.
Безрассудств избегать и стыдливости честь не пятнать,
не позорить развратом.
Перед дверью танцовщицы зря не стоять, рот разинув, моля
о вниманье,
Чтобы, яблока ласки добившись у ней, не лишиться почета
и славы.
И отцу-ворчуну не перечить ни в чем, не ругать его
рухлядью старой
И за долгие годы забот и трудов не платить ему черствою
злостью.

К р и в д а

Дионисом клянусь, если вздорной его болтовне
ты поверишь, дружок мой,
1000 Поросят Гиппократу напомнишь собой. Назовут тебя соней
и мямлей.

П р а в д а

Да нисколько! Цветущим, блистающим жизнь проводить
ты в гимнасии будешь,
А не то чтоб на рынке, как нынче народ, кувыряться
в словах и кривляться,
И мытариться зря, извиваясь крючком в пересудах
грошовых и тяжбах.
Нет! В тени Академии, в мирной тиши, в тихо веющих
рощах маслинных,

С камышевою зеленью в смуглых кудрях ты гулять будешь
с другом разумным.
Там цветет повилика, и манит досуг, и трепещет
серебряный тополь,
Там услышишь, как ясень весенней порой перешептывается
с платаном.

- 1010 Если добрые примешь советы мои
И свой слух обратишь к наставленьям моим,
Будет, друг, у тебя —
Грудь сильна, как меха. Щеки — мака алей.
Три аршина в плечах, за зубами — язык.
Зад — могуч и велик. Перед — мал да удал.
Если ж будешь по новым обычаям жить,
Заведешь ты себе восковое лицо,
Плечи щуплые, щучьи, тщедушную грудь,
Язычок без костей, зад — цыплячий, больной,
Перед — вялый, большой; болтовню без конца.
Ты приучишь себя
Безобразно-постыдное — добрым считать,
1020 А добро — пустяком.
В заключение всех бед преисполнишься весь
Антимаховым грязным паскудством.

Второе полухорие
АНТОДА

Привет тебе, мудрых речей,
Славных святынь хранитель!
В словах твоих сладким цветком скромность и честь сияют.
Счастливы, да, счастливы те, кто тебя знал и ведал.

(Кривде.)

- Ты же теперь,
1030 Сложенных ловко мастер слов,
Будь изощрен: противник твой
Спор свой провел на славу!

Предводительница хора Облаков
АНТЭПИРРЕМА

Чудовищно искусным быть теперь в речах ты должен,
Чтоб переспорить старика, себя не обесчестить.

Кривда

Давно уж жжет меня в груди, я весь — как на иголках,
Все рассуждения врага я разом опрокину.
Средь образованных затем меня прозвали Кривдой,
Что прежде всех придумал я оспаривать законы,

- 1040 И правду криво толковать, и побеждать неправдой.
А бочек с золотом литым не стоит это разве:
Кривой дорогой приводить к победе дело слабых?

(Фидиппиду.)

Смотри, как опровергну вмиг я все его советы!
Водой горячею тебе он запрещает мыться?

(Правде.)

В горячих банях что, скажи, запретного находишь?

П р а в д а

Я говорю, что бани — зло и для мужчин — отравы.

К р и в д а

Остановись! Готов! Тебя уже держу я крепко.
Скажи: из Зевсовых детей кого считаешь лучшим,
Кто всех храбрей и всех сильнее и больше всех трудился?

П р а в д а

Славней героя, чем Геракл, нет никого на свете.

К р и в д а

- 1050 Но ведь «Геракловой» зовем горячую мы воду! *
А кто ж храбрее, чем Геракл?

П р а в д а

Вот, вот они, увертки!
Вот то, что делает у нас подростков болтунами,
Гимнасий делает пустым и наполняет бани!

К р и в д а

- На рынке говорящих речь хулишь ты, я хвалю их.
Когда бы рынки были злом, тогда б Гомер не вывел
Витией Нестора-царя и остальных героев.
Перехожу теперь к речам. Велишь ты молодежи
Не упражняться в них совсем. Я ж говорю другое.
1060 Велишь подростку скромным быть. Две грубые ошибки!
Где ж видано, чтоб кто-нибудь стал через скромность славен,
Силен, могуч? Ну докажи, ну научи иному!

П р а в д а

И докажу. За скромный нрав Пелею меч достался.

* Вода из горячего источника в Фермонильском ущелье.

Кривда

Что? Меч? Великое добро бедняга заработал!*
Не то Гипербол-ламповщик. Талантов сто и больше
Обманом, ложью он добыл. Меча ж не заработал.

Правда

За скромный нрав свой получил Пелей Фетиду в жены.

Кривда

Она ж и бросила его. Сбежала. Был он скромник.
Был увалень. И не умел играть с ней ночью темной.
1070 По сердцу женщине — наглец. А ты — беззубый мерин!
Смотри ж теперь, мой юный друг, к чему приводит скромность
И сколько радостей себя из-за нее лишишь ты:
Жаркого, мальчиков, сластей, вина, костяшек, женщин!
Без этих сладостей, скажи, зачем и жить на свете?
Пусть! Перейду теперь к тому, к чему влечет природа.
Влюблен ты, соблазнил жену, поспал, попался мужу —
Погиб ты насмерть, — говорить ведь не умеешь. Если ж
Со мной пойдешь — играй, целуй, блуди, природе следуй!
1080 Спокоен будь! Найдут тебя в постели, ты ответишь,
Что ничего не согрешил. В пример возьмешь тут Зевса:
И тот ведь уступал любви и обаянью женщин.
Так как же, чадо праха, ты сильнее быть можешь бога?

Правда

Когда ж оциплют там его и сзади редьку вставят,
Питомец твой докажет чем, что он не из задастых?

Кривда

Когда б и был задастым, что плохого в том.

Правда

А я спрошу, что может быть постыднее?

Кривда

Что скажешь, если докажу обратное?

Правда

Что мне сказать? Все кончено!

Кривда

Ответь же мне,

В собрание судьи из каких?

* Боги дали Пелею в жены богиню Фетиду в награду за то, что он отказался удовлетворить страсть жены своего друга.

П р а в д а

Из толстозадых.

К р и в д а

Правильно!

1090 Поэты в театре из каких?

П р а в д а

Из толстозадых.

К р и в д а

Именно!

Народоправцы из каких?

П р а в д а

Из толстозадых.

К р и в д а

Видишь ли,

Свою нелепость понял ты.

Теперь из зрителей сочти,

Кто — большинство?

(Показывает на зрителей в амфитеатре.)

П р а в д а

Сейчас сочту.

К р и в д а

Что ж видишь ты?

П р а в д а

Клянусь богами, понял все.

Из толстозадых большинство.

Того я знаю, и того,

1100 И этого, вот там в кудрях.

К р и в д а

Что ж скажешь ты?

П р а в д а

Я побежден, распутники!

Ради богов,

Примите плащ мой, я бегу,

Я к вам перебегаю.

(Убегает.)

Сократ

Ну что ж, теперь обратно увести сына
Желаешь иль в науку мне отдашь его?

Стрепсиад

Учи его, пори его! Старайся, друг,
Мальчишку наострить на обе челюсти,
Чтобы одною грыз он тяжбы мелкие,
Другую ж на большие наточил дела.

Сократ

Спокоен будь! Искусником вернется он.

Фидиппид

(в сторону)

1110 Ах нет! Несчастливым, тощим, бледным, высохшим.

Сократ уводит юношу в дом.

Предводительница хора Облаков

Ступай домой, но мнится мне,

После пожалеешь!

Судьи! Если по заслугам отличите вы наш хор,

Выгод тысячу найдете. Выслушайте нашу речь.

Первое: когда начнете вы поля свои пахать,

Первым вам мы дождь подарим, а соседям уж потом.

Будем сад ваш и зеленый виноградник охранять,

1120 Чтобы зноем их не выжгло, градобоем не смело.

Тот же смертный, кто в безумье не уважит нас, богов,

Вот послушайте, узнайте, сколько бед претерпит он.

Пить вина уж он не будет, есть не будет овощей,

Чуть в саду его маслины зацветут и виноград,

Все завянет, тяжелой дробью из пращей собьем мы цвет.

Кирпичи сушить захочет, хлынем на землю дождем,

Все на кровле черепицы летним градом расшибем.

Если ж свадьбу он затеет, или родич, или друг,

До утра разверзнем хляби так, что взмолился бедняк:

1130 Лучше б мне в Египте дохнуть, чем судить кривым судом.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Стрепсиад

(с мешком выходит из дома)

До новолунья пятый, и четвертый день,

И третий, и второй, и тот, которого

Боюсь, и ненавижу, и пугаюсь я:

За ним последний — «молодой и старый день».
Займодавцы кляззу о взыскании
Пританам подадут, чтоб погубить меня.
Я ж буду их просить о снисхождении:
«Дружок, с долгишком этим не тесни меня,
Тот — отложи, а тот — прости!» — «Ни в жизнь тогда
Не получу их», — скажут, заругаются,
1140 Судом пугая, обзовут мошенником!
Судите сколько влезет! Мне и дела нет!
Кривым речам, наверно, обучен мой сын.
Сейчас узнаю. Постучусь в мыслильню.

(Стучит.)

Эй!

Эй-эй, откройте!

Сократ
(появляется в дверях)

Стрепсиад, привет тебе!

Стрепсиад
(отдает ему мешок)

Тебе привет! Подарок от меня прими!
Уважить мы обязаны наставника.
Скажи мне, сына обучил ты речи той,
Которую недавно здесь показывал?

Сократ

Да, обучил.

Стрепсиад
1150 Хвала тебе, мать Каверза!

Сократ
Теперь любую выиграешь тяжбу ты.
Стрепсиад
А если в долг просил я при свидетелях?

Сократ
Еще и лучше! Хоть при ста свидетелях!

Стрепсиад
(поет и пляшет)

Кричать, кричать буду я на радостях.
Го-го-го-го-го-го! Смерть, займодавцы, вам,
Полушкам вашим, и лихве, и прибылям!

Теперь меня ничем вы не ужалите!
Такой в моем доме растет
Чудный сын, диковинный сын!
1160 На два языка остер!
Хранитель мой, отца оплот, врагов чума!
Дома спаситель он от бесконечных бед!

(Сократу.)

Так поспеши ж за ним и приведи сюда!
Дитя, сыночек!
Из дома выйди!
Здесь ждет родитель.

Ф и д и п п и д, высохший и бледный, выходит в сопровождении Сократа.

Сократ

Вот он, вот он, твой сын!

Стрепсиад

Мой дружок, голубок!

Сократ

Уведи его с собою.

(Уходит.)

Стрепсиад

А-я-я! Мой родной!
1170 Ию! Ию!
Как рад я видеть эту кожу желтую.
Донос, крючок на ней так и написаны.
А на губах так и цветет родимое:
«Ты что сказал?» Обиженного горький вид,
Хоть сам обидчик, добродетель кляузы,
И взгляд при этом истинно аттический!
Спаси теперь, как прежде погубил меня!

Ф и д и п п и д

Пред чем же страх?

Стрепсиад

Пред «молодым и старым днем».

Ф и д и п п и д

1180 А что такое «молодой и старый день»?

Стрепсиад

К суду меня потянут в этот самый день.

Ф и д и п п и д

Истцы отчалят с носом. Как же мыслимо,
Чтоб день один двумя бы днями сделался?

Стрепсиад

Немыслимо?

Ф и д и п п и д

Конечно. Разве может быть
Старуха разом молодой девчонкою?

Стрепсиад

Но так закон определил.

Ф и д и п п и д

Уверен я,
Закона дух остался скрыт.

Стрепсиад

А дух каков?

Ф и д и п п и д

Старик Солон любил народ поистине.

Стрепсиад

1190 Но здесь при чем же «молодой и старый день»?

Ф и д и п п и д

Определил для жалоб двое суток он;
День старый, а за ним день молодой, чтоб суд
На новолунье начал разбирательство.

Стрепсиад

А для чего ж тут старый день?

Ф и д и п п и д

Затем, чудак,
Чтоб накануне доброю охотою
Договориться мог истец с ответчиком.
А нет, так в суд подать на новолуние.

Стрепсиад

Так почему ж и в новолунье денежки
Берет притан, и в «молодой и старый день»?

Ф и д и п п и д

Как пробник* поступает он, по-моему.
Чтоб поскорее прикарманить денежки,
1200 Он накануне их, как жертву, пробует.

Стрепсиад

Отлично.

(К зрителям.)

Вы, глупцы, чего уставились?
Добыча для ученых, стадо темное,
Толпа — не больше, камни, кружки битые!
За здоровье мое и сына-умника
Сейчас спою я праздничную песенку.

(Поет.)

«Счастливцев ты, Стрепсиад!
И сам хитро, ловко жил, —
Сыночка-хитреца родил», —
Так будут мне петь друзья,
Соседи петь,
1210 Завидуя, что в тяжбах всех
Побеждает твой язык.
Войдем же в дом. Тебя я угостить хочу.

Входят в дом.

ЭПИСОДИЙ ШЕСТОЙ

П а с и й-с о с е д
(входит со свидетелем)

Добро свое годится ли растрачивать?
Да ни за что! А, право, лучше было бы
Прогнать его тогда, чем в тяжбу впутаться.
А что теперь? Из-за своих же денег
Тебя тащу свидетелем, к тому ж еще
Врагом соседу стану стародавнему.
1220 И все-таки не посрамлю отечества,
Покуда жив.

(Кричит.)

Эй, Стрепсиада в суд зову.

* Жрец, пробуящий мясо, предназначенное для жертвоприношений.

Стрепсиад
(выходит навеселе)

Тебе чего?

Пасий
На «молодой и старый день».

Стрепсиад
(к свидетелю)

Свидетель будь: два дня назвал он. Суд зачем?

Пасий
Двенадцать мин ты должен за саврасого
Коня.

Стрепсиад
Коня? Чудесно! Ясно слышали?
Ведь знают все, что коней ненавижу я.

Пасий
Долг возвратить клялся ты Зевса именем.

Стрепсиад
Свидетель Зевс, в то время ведь не знал еще
Сынок мой кривды, все опровергающей.

Пасий
1230 Теперь от долга отпираться думаешь?

Стрепсиад
А для чего ж другого нам учение?

Пасий
А если в суд пойдем мы, отречешься ты,
Зовя богов в свидетели?

Стрепсиад
Каких богов?

Пасий
Гермеса, Зевса, Посейдона.

Стрепсиад
Видит Зевс,
И поклянусь, и три гроша в придачу дам!

Пасий
Так пусть чума возьмет тебя, бесстыдного!

Стрепсиад
(разглядывая Пасия)

Посыпать солью, выйдет мех отличнейший.

Пасий
Смеешься надо мною?

Стрепсиад
(так же)

На шесть ведер мех!

Пасий
Великий Зевс и боги мне свидетели,
Так не уйдешь ты!

Стрепсиад
Презанятно! Зевсом ты
1240 Клянешься и богами, знатокам на смех!

Пасий
За это все ответишь мне со временем.
Сейчас же говори, отдашь мне денежки
Иль мне судиться?

Стрепсиад
Подожди немножечко.
Сейчас тебе наверняка отвечу я.
(Уходит в дом.)

Пасий
(свидетелю)
Что сделает, как думаешь? Отдаст мне долг?

Стрепсиад
(возвращается с корзиной)
Где тот, кто денег требует с меня? Скажи!
Вот это что?

Пасий
Корзина, дело ясное.

Стрепсиад
Такой безмозглый дурень денег требует!
1250 Не дам я ни полушки полоумному,
Корзан, мой бог, зовущему корзиною!

Пасий
Что? Не отдашь?

Стрепсиад

Нимало, как мне кажется!

А ты не затрудняйся, убирайся прочь
От двери!

Пасий

Ухожу. Но знай, к пританам я
Иду, подам к уплате, если буду жив.

(Уходит.)

Стрепсиад

(вслед уходящему Пасию)

Побольше потеряешь, чем двенадцать мин!
А я тебе, поверь мне, не желаю зла,
Хоть и назвал ты зря корзан — корзиною.

ЭПИСОДИЙ СЕДЬМОЙ

Аминий-сосед

(входит)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад

Эге!

1260 Кто здесь вопит так горько? Не божок ли то
Заголосил, отродье рака — Каркина.

Аминий

Что я? Кто я? Узнать вам это хочется?
Я — несчастливец!

Стрепсиад

Так иди путем своим!

Аминий

О бог суровый! Рок оседробительный!
Моя упряжка!.. О Паллада! Горе мне!

Стрепсиад

Но чем тебя обидел Тлеподем, скажи?

Аминий

Почтеннейший, не смейся! Прикажи, прошу,
Чтобы вернул мне деньги поскорей твой сын.
Давно я жду, к тому ж сейчас в несчастьи.

Стрепсиад

1270 Какие ж это деньги?

Аминий

Те, что должен он.

Стрепсиад

Дела твои прескверны, как мне кажется.

Аминий

Свидетель бог, свалился с колесницы я.

Стрепсиад

А мелешь вздор, как будто бы с осла упал.

Аминий

Как вздор? Хочу я деньги получить свои.

Стрепсиад

Ты не в своем рассудке. Это ясно.

Аминий

Что?

Стрепсиад

Всего вернее — мозга сотрясение.

Аминий

Всего верней — пойдешь ты в суд, свидетель Зевс,
Когда долгов не возвратишь!

Стрепсиад

Скажи мне, друг,
Как думаешь, для ливней воду свежую
1280 Зевс достает иль силой солнца старая
Вода обратно на небо взбирается?

Аминий

Не знаю. И нисколько не желаю знать.

Стрепсиад

А правомочен разве деньги требовать
Невежда в философии и в физике?

Аминий

Раз денег мало, ты бы хоть лихву на долг
Отдал мне.

Стрепсиад

Что за зверь такой — лихва, скажи?

Аминий

А если с каждым месяцем и с каждым днем
Все больше возрастает — возрастает долг,
Пока проходит время.

Стрепсиад

Верно сказано.

1290 Скажи, а море, что оно, по-твоему!
Растет или все то же?

Аминий

То же, думаю.

Ему расти не подобает.

Стрепсиад

Бедненький!

Да если море, с столькими притоками,
Не возрастает, как же ты надеешься,
Чтобы твои неожиданно деньги выросли!
Ступай, катись! Подальше от дверей моих!

(Рабу.)

Стрекало дай мне!

Аминий

(к зрителям)

Вас зову в свидетели!

Стрепсиад

1300 Но-но! не стой! Нб, трогай, торопись, саврас!

Аминий

Ну не бесстыдство ль это?

Стрепсиад

Торопись! Не то

Под хвост стрекалом, сивка, подбодрю тебя.

(Бьет его, Аминий бежит.)

Бежит! А я бы двинул, раскатал тебя
С колесами, осями и заклепками.

(Входит в дом.)

Первое полухорие
СТРОФА

Сутяжничать, сквалыжничать —
Большое зло!
Упрямый старичок
Решил зажать, не отдавать
Добра и денег, взятых в долг.
А все-таки сегодня же
Приключатся новости.
И кудесник наш, затеявший обман,
1310 За плутни все, за все грехи
Расплатится жестоко.

Второе полухорие
АНТИСТРОФА

Боюсь я, то, чего искал,
Чего желал,
Сегодня он найдет.
Ужасен в споре сын его,
Опровергать, избличать
Неправдою умеет он.
Всяких собеседников
Переспорит трижды лживой болтовней.
Но скоро, скоро взмолится
1320 Старик, чтоб онемел он.

ЭПИСОДИЙ ВОСЬМОЙ

Стрепсиад
(выбегает из дома, преследуемый Фидиппидом)

Увы! Увы!
Соседи! Домочадцы и приятели!
Спасите! Бьют! Бегите, помогите мне!
О голова седая! Щеки старые!
Отца ты бьешь, негодник?

Фидиппид

Да, отца я бью.

Стрепсиад
(к зрителям)

Он признает, что бил меня, вы видите!

Фидиппид

Ну да!

Стрепсиад
Злодей, отцеубийца, висельник!

Фидиппид
Еще, еще брани меня, хули меня!
Но знай, купаюсь я в твоих ругательствах!

Стрепсиад
1330 Распутник!

Фидиппид
Сыпь мне розы, золоти меня!

Стрепсиад
Отца ты бьешь?

Фидиппид
Ну да, и докажу тебе,
Что бил по праву.

Стрепсиад
Вот как, пес негоднейший!
Да кто ж дал право сыну бить родителя?

Фидиппид
Послушай, что скажу я, убедишься сам.

Стрепсиад
Да что ты мне докажешь?

Фидиппид
Очень многое.
Какою речью говорить мне, выбери!

Стрепсиад
Какою речью?

Фидиппид
Да, кривой или правою!

Стрепсиад
На то ль тебя учил я, окаяннейший,
Опровергать законы, чтоб так каверзно
Ты доказал, что нравственно и правильно
1340 Родному сыну избивать родителя?

Фидиппид
И докажу я все же правоту свою,
И ты со мною согласишься с радостью.

Стрепсиад

Ну, что ж сказать сумеешь ты, слушаю.

АГОН ВТОРОЙ

Первое полухорие

ОДА

Подумай, позаботься, поспеши, старик,
 Врага переспорить.
 Когда б в себя не верил он, наверное,
 Не бил так бесстыдно.
 На что-то он надеялся, — в словах его
 1350 И дерзость, и сила.

Предводительница хора Облаков
 ЭПИРРЕМА

Из-за чего и почему у вас возникла тяжба,
 Пред хороводом объясни. Начни не заминаясь!

Стрепсиад

Из-за чего и почему мы начали ругаться,
 Вам расскажу. Мы за столом сидели, как известно.
 Тут в руку лиру взять его я попросил и песню
 Поэта Симонида спеть: «Барашек Крий попался».
 А он сказал, что песни петь за чашей, под кифару —
 Обычай устаревший, баб забота — мукомолок.

Фидиппид

Не прав ли был я, наскочив с руками и с ногами
 1360 На старика? Заставить петь! Кузнечики мы, что ли!

Стрепсиад

Вот те же самые повел и за столом он речи,
 Сказал к тому ж, что Симонид — писатель очень скверный.
 С трудом, но все-таки себя я удержал от злости,
 И, ветку миртовую взяв, прочесть мне из Эсхила
 Я попросил его. А он ответить не замедлил:
 «Эсхила почитаю я первейшим из поэтов
 По части шума, болтовни, нескладицы и вздора».
 Вскипело сердце у меня, представите вы сами,
 Но гнев я все же закусил, сказал: «Тогда, голубчик,
 1370 Из новых что-нибудь мне спой, из песен философских».
 Из Еврипида говорить тут начал* он, о брате,

* Речь идет о трагедии Еврипида «Эол».

С родной сестрой, избави бог, бесстыдно переспавшем.
Тут удержаться я не мог, накидываюсь в злости
С проклятьем, с криком на него. Потом, как и понятно,
На слово — слово, брань — на брань, он вскакивает с места
И ну душить, и ну давить, и мять меня, и тискать!

Ф и д и п п и д

А не по праву, да? Признать готов ты Еврипида
Мудрейшим из поэтов всех?

Стрепсиад

Мудрейшим? Ах ты, горе!
Как обругать тебя? Опять меня побьешь?

Ф и д и п п и д

За дело!

Стрепсиад

1380 За дело? Ах, бесстыдник! Я ж вспоил тебя, взлелеял,
Нескладный детский лепет твой отгадывать умел я.
Едва ты пролепечешь «и» — тебе даю напиток,
А скажешь «мама», уж бегу леплю из хлеба соску,
Кака захочешь — тут как тут, тебя несу я в сени,
Высаживаю там. А ты меня схватил за горло,
Хоть я кричал, хоть я пищал,
Хотел на двор, ты, негодяй,
Не пожалел, за дверь не снес,
Меня душил, и под себя,
1390 Мой бог, кака я сделал.

Второе полухорие
АНТОДА

У молодых стучится сердце, думаем.
Все ждут его речи.
Когда свои такие безобразия
В речах защитит он,
За шкуру стариков мы не дадим тогда
Пустого орешка.

Предводительница хора Облаков
АНТЭПИРРЕМА

Выдумщик, слесарь новых слов, твоя теперь забота
Такие доводы найти, чтоб правым показаться.

Ф и д и п п и д

Наук новейших мастерством как радостно заняться
1400 И научиться презирать закон, обычай старый!

Пока все помыслы мои ристаньям отдавал я,
Трех слов связать я не умел, неловко не запнувшись.
Теперь от скачек отучил меня вот этот самый,
Сложеньем изощренных слов и мыслей я занялся.
И доказать могу, что сын отца дубасить вправе.

Стрепсиад

Лошадничай, свидетель Зевс! Уж лучше заведу я
Тебе четверку лошадей, чем от побоев сдохну!

Фидиппид

Меня от речи ты отвлек, я к мысли возвращаюсь
И вот о чем тебя спрошу: меня дитятей бил ты?

Стрепсиад

1410 Да, бил, но по любви, добра тебе желая.

Фидиппид

Что же,

А я добра тебе желать не вправе точно так же
И бить тебя, когда битие — любви чистейший признак?
И почему твоя спина побоям неповинна,
Моя же — да, ведь родились свободными мы оба?
Ревут ребята, а отец реветь не должен? Так ли?
Ты возразишь, что это все — обязанность малюток.
Тебе отвечу я: «Ну, что ж, старик — вдвойне ребенок».
Заслуживают старики двойного наказания,
Ведь непростительны совсем у пожилых ошибки.

Стрепсиад

1420 Но не в обычае нигде, чтоб был сечен родитель.

Фидиппид

А кто обычай этот ввел — он не был человеком,
Как ты да я? Не убедил речами наших дедов?
Так почему же мне нельзя ввести обычай новый,
Чтоб дети возвращать могли родителям побои?
А порку, что досталась нам до нового закона,
Смахнем со счетов и простим за давностью срока.
Возьмите с петухов пример и тварей, им подобных,
Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны
1430 От нас? Одним, пожалуй, тем, что кляуз они не пишут.

Стрепсиад

Но если петухам во всем ты подражать желаешь,
Дерьма не щиплешь почему, на нашести не дремлешь?

Фидиппид

Ну, это, друг, совсем не то. Сократ со мной согласен.

Стрепсиад

И все-таки не бей! Потом винить себя же будешь.

Фидиппид

С чего же?

Стрепсиад

Как теперь меня, потом тебя обидит,
Когда родится, твой же сын.

Фидиппид

А если не родится?

Так, значит, бит я даром, ты ж в гробу смеяться будешь?

Стрепсиад

(к зрителям)

Приятели, сдается мне, что говорит он дельно.
Должны мы в этом уступить, как видно, молодежи.
И поделом, кто был неправ, пусть на себя пеняет.

Фидиппид

1440 Ты новый довод рассмотри!

Стрепсиад

Теперь меня угробишь!

Фидиппид

Быть может, с тем, что претерпел, сейчас ты примиришься?

Стрепсиад

Да как же? Научи меня. Ты чем меня утетишь?

Фидиппид

Я мать свою отколочу, как и тебя.

Стрепсиад

Что слышу?

Вот дерзость, прежних всех страшней!

Фидиппид

Что ж, если словом кривды

Тебя сумею убедить,
Что матерей законно бить?

Стрепсиад
Когда и это превзойдешь,
Тогда осталось мне одно:
С откоса вниз тебя столкнуть,
1450 К чертям, Сократ!
К чертям и слово кривды!

ЭКСОД

Стрепсиад
(*обращаясь к хору*)

Вы всем моим несчастьям, Облака, виной.
Вам, Облака, я вверил все дела мои!

Предводительница хора Облаков
Нет, нет, в своих несчастьях виноват ты сам:
На ложный путь направил ты дела свои!

Стрепсиад
Но прежде так со мной не говорили вы?
Слепого дурня, старика морочили?
Предводительница хора Облаков
Мы поступаем так же всякий раз, когда
Погрязшего встречаем в преступлениях.
1460 Его в пучину бедствий повергаем мы,
Чтобы богов бояться научился он.

Стрепсиад
Жестоко, Облака мои, но правильно.
Я денег тех, что задолжал, не должен был
Зажиливать.

(*Сыну.*)

Теперь же, милый мальчик мой,
Пойдем Сократа с Херефонтом мерзостным
Побьем! Обоих нас они опутали.

Фидиппид
Но обижать как смею я наставников?

Стрепсиад
Смелей, смелее! Чти лишь Зевса прадедов!

Фидиппид
Сказал же старый филин: «Зевса прадедов»!
1470 Да Зевса нет!

Стрепсиад
Да есть!

Фидиппид
Да нет же, нет! Царит
Какой-то Вихрь, а Зевса он давно изгнал.

Стрепсиад
Да не изгнал! Хотя и сам я думал так
И в Вихря верил. Слепота куриная!
Принять за бога призрак, остов глиняный!

Фидиппид
С собой самим безумствуй и неистовствуй!
(Уходит.)

Стрепсиад
Ах я, дурак! Ах сумасшедший, бешеный!
Богов прогнал я, на Сократа выменял.
(Обращаясь к статуе бога, стоящей на орхестре.)

Гермес, голубчик, не сердись, не гневайся,
Не погуби, прости по доброте своей!
1480 От хитрословий этих помешался я.
Пошли совет разумный, в суд подать ли мне
На негодяев, отомстить ли иначе?

(Прислушивается.)

Так, так, совет прекрасный: не сутяжничать,
А поскорее подпалить безбожников
Лачугу.

(Слуге.)

Ксанфий, Ксанфий! Поспеши сюда!
Беги сюда, топор возьми и лестницу,
И на мыслильню поскорей вскарабкайся,
И крышу разбросай, любя хозяина,
И опрокинь стропила на мошенников!
1490 А мне подайте факел пламенеющий!
Сегодня же заставлю расплатиться их
За все грехи: они не что как жулики!

(Лезет на крышу с факелом.)

Ученик
(лезет из окна)

Ай-ай-ай-ай!

Стрепсиад
(на крыше)

Пылай, мой факел! Жги горючим пламенем!

Ученик
Что делаешь? Несчастный!

Стрепсиад
Что? Беседую
Красноречиво с крышей дома вашего.

Херефонт
Ай-ай! Кто дом наш поджигает? Горе нам!

Стрепсиад
Тот самый, у кого накидку сперли вы!

Херефонт
Погубишь нас! Погубишь!

Стрепсиад
Погубить хочу!
1500 Пусть не обманет лишь топор надежд моих
И сам не упаду я, шею вывихнув.

Сократ
(выбегает из мыслильни)
Голубчик, стой! На крыше что ты делаешь?

Стрепсиад
Парю в пространствах, мысля о судьбе светил.

Сократ
О горе мне, беда мне! Задыхаюсь я!

Херефонт
(выбегает)
И мне несчастье! Жарюсь, как на вертеле!

Стрепсиад
Зачем восстали на богов кощунственно?
Следы Селены вы зачем пытаете?

(Слуге.)

Коли, руби, преследуй! Много есть причин,
А главное — они богов бесчестили!

Дом обваливается.

Предводительница хора Облаков
Поспешайте, ступайте за мной! А игра
1510 Удалась нам сегодня на славу.

Хор и актеры покидают оркестру.

ПЛУТОС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Карион, раб.
Хремил, старик земледелец.
Плутос, бог богатства.
Хор стариков земледельцев.
Блепсидем, друг Хремила.
Бедность.
Жена Хремила.
Честный человек.
Доносчик.
Старуха.
Юноша.
Гермес.
Жрец Зевса.

ПРОЛОГ

Хремил, увенчанный лавровым венком, и его раб Карион, тоже с венком на голове, идут за слепым стариком в лохмотьях.
У Кариона в руках корзина с остатками жертвенного угощения.

Карион
(приостанавливается)

О Зевс, о боги! Что за наказание
Принадлежать хозяину безумному!
Пусть раб дает советы превосходные,
Да господин их не желает слушаться, —
Терпи, слуга, за это неприятности!
Ведь раб владеть не смеет телом собственным,
Кто нас купил, тому мы богом вверены.
Что так, то так. Но все же бога Локсия,
С треножника золотого говорящего,
10 Упреком упрекаю справедливым: он,
Целитель и пророк, как слышно, опытный,
Дал от себя уйти чуть не в безумии

Хозяину. Ведь вот он за слепым идет,
А должен был бы за собой вести его,
Ведь зрячие всегда поводьри слепых!
А этот — сзади сам идет и мне велит.
И ни словца в ответ мне не прохрюкает!

Хремил грозит ему.

Так нет же вот, молчать теперь не стану я,
О господин, и если не ответишь мне,
20 Зачем идем за ним, — беды наделаю!
Ведь не прибьешь меня: венок — защита мне!*

Хремил

Коль станешь досаждать, то отниму венок.
Заплачешь ты тогда!

Карион

Все вздор, и от тебя
Не отвяжусь, пока не объяснишь: кто он?
(Указывает на слепого, который присел на камень в отдалении.)

Узнать хочу, тебе ж добра желаючи.

Хремил
(останавливаясь)

Ну, так и быть, скажу. Из всех рабов моих
Я ведь тебя считаю за ск...вернейшего.

(Помолчав.)

Благочестив и справедлив я был всегда,
Но был и беден, и несчастлив...

Карион

Знаю я!

Хремил

30 Кто ж богател? Безбожники, ораторы,
Доносчики и негодяи.

Карион

Правильно!

Хремил

И вот пошел спросить я у оракула,
Не о себе, несчастном неудачнике, —

* Венок из священного дельфийского лавра делает Кариона неприкосновенным.

Ведь стрел в колчане жизни не осталось, —
Спросить о сыне о моем единственном:
Не лучше ли ему вступить на новый путь,
Не лучше ль стать мошенником, обманщиком?
Полезны в жизни, вижу, эти качества.

К а р и о н

И что ж промолвил Феб из-под венков своих?

Х р е м и л

40 Так слушай же. Ответ оракул ясный дал:
Кого, из храма выйдя, встречу первого,
За тем я должен неотступно следовать
И убедить его со мною в дом войти.

К а р и о н

(указывая на слепого)

И этого ты первым встретил?

Х р е м и л

Этого.

К а р и о н

Неужто ты не понял прорицания?
Глупец! Сказал тебе ведь бог отчетливо,
Чтоб нравам здешним сын твой в жизни следовал.

Х р е м и л

Ты думаешь?

К а р и о н

Слепому ясно, кажется.

Что в наши дни нет ничего полезнее,
50 Чем ничего не делать в жизни путного.

Х р е м и л

Не может быть! Не в этом смысл пророчества!
Тут глубже мысль, тут скрыто что-то большее.
И если б мы могли узнать от этого,

(показывает на слепого)

Кто он, зачем пришел и в чем нуждается,
Мы разгадать смогли бы прорицание.

К а р и о н

(слепому, грубо)

Эй ты, старик! Кто ты таков? Ответь живей,
Не то начну я по-иному спрашивать!

С л е п о й
Чтоб ты пропал!

К а р и о н
Ого, хозяин, понял ты,
Что он за человек?

Х р е м и л
Тебе сказал, не мне:
60 Невежливо ты, грубо начал спрашивать.

(Ласково, слепому.)

Послушай, друг, я человек порядочный,
Ответь мне...

С л е п о й
Будь ты проклят, говорю тебе!

К а р и о н
(ехидно)
Прими, хозяин, мужа и пророчество!

Х р е м и л
(слепому)
Клянусь Деметрой, ты еще раскаешься!

К а р и о н
(грозно подступает к слепому)
Ответь, подлец, не то жди смерти подлой ты!
(Схватывает его.)

С л е п о й
О, если б от меня вы отвязались!

Х р е м и л
Нет!

К а р и о н
Хозяин, наилучший я подам совет:
Я отведу его на гибель подлую.
Над пропастью его поставлю, сам уйду —
70 Пускай себе он сломит шею, падая!

Х р е м и л
Веди скорей!

С л е п о й
Нет, нет!

Хре мил

Так отвечай тогда!

Сле пой

Но стоит вам узнать, кто я, — так горе мне!
Тогда меня вы, знаю, не отпустите.

Хре мил

Лишь пожелай — клянусь, тебя мы выпустим!

Сле пой

Пустите же сперва.

Хре мил

(переставая его держать)

Вот, отпустили мы.

Сле пой

(опять садится на придорожный камень)

Так слушайте. Сказать мне вам приходится
То, что сперва хотел я утаить от вас:
Ведь я — сам Плутос!

Кари он

Как?! Ах ты, негоднейший
Из всех людей! Богатство — ты! И ты молчал?

Хре мил

80 Как, Плутос — ты? В таком обличье жалостном?
О Аполлон! О божества священные!
О Зевс! Как, как? Ты в самом деле он?

Плутос

Ну да!

Хре мил

Ты самый?

Плутос

Да, я самый!

Хре мил

Так откуда же
Идешь такой ты грязный?

Плутос

От Патрокла я,
Который с дня рождения не моется.

Хре мил

А почему ты слеп? Что за беда стряслась?

Плу тос

Зевс ослепил меня, всем вам завидуя.
Ребенком я однажды пригрозил ему,
Что посещать я стану только праведных,
90 Разумных, честных: он и ослепил меня,
Чтоб никого из них я различать не мог.
Настолько людям честным он завидует!

Хре мил

А между тем ведь Зевса чтят лишь добрые
И честные!

Плу тос

Конечно.

Хре мил

А поэтому
Ты, зрячим став, захочешь ли, как ранее,
Всех негодяев избегать?

Плу тос

Конечно же!

Хре мил

И поспешишь к порядочным?

Плу тос

Немедленно!
Давным-давно уже ведь их не видел я.

Хре мил

(смотрит на зрителей)

Что ж странного! Я — зрячий, да не вижу их!

Плу тос

(встает)

100 Пустите же. Всё обо мне узнали вы.

Хре мил

Тем более теперь в тебя мы вцепимся!

Плу тос

Не говорил ли я, что неприятности
Вы причините мне?

Хре мил

Молю — послушайся,
Не покидай меня. Ведь нравом лучшего
Ты мужа не найдешь, хоть обыщи весь свет.
Свидетель Зевс, один такой я, нет других!

Плутос

Все так твердят! Но стоит им найти меня
И в самом деле стать людьми богатыми,
Как тотчас превосходят всех негодностью.

Хре мил

110 Пусть так: но ведь не все же люди — подлые?

Плутос

(собираясь уходить)

Клянуся — все до одного!

Карион

Раскаешься!

Хре мил

(останавливая его)

Когда узнаешь ты, какое счастье
Найдешь, у нас оставшись, передумаешь!
Надеюсь я, надеюсь, с божьей помощью,
От этой слепоты освободить тебя
И зрячим сделать...

Плутос

(испуганно)

Нет, не делай этого!

Я не хочу стать снова зрячим.

Хре мил

(изумленный)

Что с тобой?

Карион

Вот человек, природою обиженный!

Плутос

Узнает Зевс, что вы, глупцы, задумали, —
120 Меня погубит.

Хре мил

Он тебя давно сгубил:
В потемках ты блуждаешь, спотыкаешься.

Плутос

Быть может... Но боюсь его ужасно я.

Хремил

И вправду, ты — из всех божеств трусливейший!
Да знаешь ли, что Зевсову владычеству
И всем его перунам вместе — грош цена,
Как только ты прозришь хоть на мгновение?

Плутос

Ах, замолчи, несчастный!

Хремил

Будь спокоен, друг!
Я докажу тебе, что Зевса много ты
Сильней.

Плутос

Докажешь? Ты?

Хремил

Клянусь всевышними!

(Кариону.)

130 Скажи, что над богами Зевсу власть дает?

Карион

Конечно, деньги. Их ведь много у него.

Хремил

А кто, скажи, ему дает их?

Карион

(указывая на Плутоса)

Этот вот.

Хремил

Не чрез него ль и жертвы получает Зевс?

Карион

Да, и притом все о богатстве молятся.

Хремил

Не этот ли всему причина? Трудно ли
Все прекратить, лишь только пожелает он?

Плутос

Как так?

Хре мил

А так, что в жертву принести нельзя
Быка, лепешку иль другое что, коль ты
Не пожелаешь.

Плу тос
Почему?

Хре мил

Поэ тому!

140 Да кто ж купить что сможет, если ты не дашь
Ему на это денег? Значит, Зевса власть,
Коль в чем он виноват, низвергнуть можешь ты.

Плу тос
Как? Я причина жертв, что Зевсу воздают?

Хре мил

Клянуся — да! Все славное, прекрасное,
Что радует людей, тобой рождается:
Нет ничего, богатству не подвластного.

Ка ри он

А я вот стал рабом из-за безденежья*,
Из-за того, что у меня богатства нет.

Хре мил

А вот гетеры, говорят, коринфские,
150 Пристань к ним бедный, так они внимания
Не обратят совсем, а для богатого
Вертеть сейчас же начинают задницей.

Ка ри он

И мальчики, как слышно, то же делают —
Не по любви, а по корыстолюбию.

Хре мил

Да, мальчики развратные; хорошим же
Не надо денег вовсе.

Ка ри он

Что ж им надобно?

* Свободный гражданин, не уплативший долга казне, продавался в рабство.

Хре мил

Кому — коня, кому — собак охотничьих.

Ка ри он

Стыдятся, видно, деньги прямо требовать;
Название не то, да те же мерзости.

Хре мил

160 Ремесла все даны нам не тобою ли?
Искусства все не чрез тебя ль открыли мы?

(Показывает на зрителей.)

Смотри: вон тот — тачает сапоги весь день...

Ка ри он

(подхватывая)

А тот — кузнец, а тот — древообделочник...

Хре мил

(перебивая)

Тот — ювелир, и ты ж ему дал золото...

Ка ри он

(так же)

А этот вором стал, а этот — взломщиком...

Хре мил

(так же)

Тот — чешет шерсть...

Ка ри он

(так же)

А вон и сукновал сидит.

Хре мил

(так же)

А тот — дубильщик...

Ка ри он

(так же)

Тот — торгует овощью...

Хре мил

(так же)

Без помощи твоей — беда развратнику!..

Плу тос

Несчастный я! Я в полном был неведение!

К а р и о н
(обращаясь к Плутосу)

170 Персидский царь кичится не тобою ли?
Не ты ль ведешь Народное собрание?*

Х р е м и л
Не ты ль, скажи, триеры снаряжаешь нам?

К а р и о н
Не ты ль содержишь нам войска коринфские?
Памфил не без тебя ли горько плачется?

Х р е м и л
Не плачутся ль Памфила прихлебатели?

К а р и о н
Агиррий разве не из-за тебя кряхтит?

Х р е м и л
Не для тебя ль Филепсий** стал рассказчиком?
Не чрез тебя ль союз наш с египтянами?
Не чрез тебя ль Лаисы к Филониду*** страсть?

К а р и о н
180 А башня Тимофея...

Х р е м и л
(перебивая)
Провались ты с ней!
Так не тобой ли это все свершается?
Запомни же, что ты всего единственный
Винovníк — и дурного и хорошего.

К а р и о н
И на войне тот будет победителем,
На стороне кого ты сам находишься.

П л у т о с
И я один все это совершать могу?

* Народное собрание стало источником дохода после введения оплаты за его посещение.

** Филепсий задолжал казне и был посажен в тюрьму, а затем начал придумывать средства, чтобы оправдаться.

*** Лаиса — известная гетера; Филонид — богатый афинянин.

Хре мил
Свидетель Зевс, и много больше этого.
Тобой одним лишь не бывают сытыми,
А всем другим на свете пресыщаются:
190 Любовью...

Кари он
Хлебом.

Хре мил
Музыкою.

Кари он
Лакомством.

Хре мил
Почетом.

Кари он
Пирожками.

Хре мил
Славой.

Кари он
Фигами.

Хре мил
Тщеславьем.

Кари он
Кашей.

Хре мил
Властью.

Кари он
Чечевицею.

Хре мил
Но никогда никто сыт не бывал тобой.
Кто завладел талантами тринадцатью,
Тот только и мечтает о шестнадцати;
Получит их — о сорока он думает,
Иначе, говорит, ему и жизнь не в жизнь!

Плутос
Мне кажется, всё верно говорите вы.
Но одного боюсь...

Хре мил

Чего ж боишься ты?

Плу тос

200 Пусть правы вы, пусть силой обладаю я,
Да как мне подчинить ее себе опять?

Хре мил

Клянусь, недаром стало поговоркою:
«Трусливое богатство»!

Плу тос

Нет! С досады так
Какой-то взломщик вздумал обогатить меня,
Когда из дома ничего украсть не смог.
Найдя все крепко-накрепко затворенным,
Он трусостью назвал предусмотрительность.

Хре мил

Теперь ты можешь больше не заботиться;
На дело если только сам решишься ты,
210 Насквозь все будешь видеть, как Линкей-герой.

Плу тос

Ты, смертный человек, и это сделаешь?

Хре мил

Надеждой обнадежил не напрасною
Меня сам Феб в священном лавра шелесте.

Плу тос
(испуганно)

Как? Он все тоже знает?

Хре мил

Разумеется!

Плу тос

Смотрите же!

Хре мил

Ты можешь не тревожиться!
Но твердо знай: хотя б мне умереть пришлось,
Так сделаю!

К а р и о н

И я, когда захочешь ты...

Х р е м и л

Немало мы еще найдем союзников,
Почтенных, только хлеба не имеющих...

П л у т о с

220 Ай-ай! Плохих готовишь нам союзников!

Х р е м и л

Ничуть, ведь ты сперва разбогатеть им дашь!

(Кариону.)

А ты беги скорей!

К а р и о н

Куда бежать велишь?

Х р е м и л

Соседей-пахарей зови, найдешь их там,
На их полях, в работе утомительной.
Скажи, пускай идти сюда торопятся,
Чтоб разделить богатство всем нам поровну.

К а р и о н

Бегу сейчас.

(Указывая на корзину.)

А из домашних кто-нибудь
Пусть заберет мясца кусочек этот вот.

Х р е м и л

Давай, я позабочусь. Ну, беги скорей!

К а р и о н убегает.

230 А ты, о Плутос, всех божеств сильнейшее,
Войди сюда со мною. Здесь мой дом стоит,
Который ты сегодня же богатствами
Наполнить должен, правдой иль неправдою.

П л у т о с

Клянусь богами я, что в каждый новый дом
Вхожу всегда с великой неохотою:
Добра еще от этого мне не было.
Когда случайно к скряге попадаю я —
Меня он в землю закопать торопится;
Заявится к нему пусть честный друг тогда

- 240 Просить взаймы деньжонок хоть немножечко,
Клянется жизнью он, что не видал меня.
А если к моту мне попасть случается,
Меня на кости и на баб изводит он
И за дверь скоро выгоняет голого.

Хремил

- Ты, значит, граждан не встречал умеренных;
А я всегда был из числа таких людей.
Я бережлив бываю, как никто другой,
А надобно, так я и расточителен.
Войдем же в дом: мне хочется, чтоб видели
250 Тебя моя жена и сын единственный;
Люблю его, но все ж тебя люблю сильней.

Плутос

Ну что ж, войдем!

Хремил

Всю правду я сказал тебе.

Входят в дом.

ПАРОД

Вдали показывается хор земледельцев, которых ведет Карион.

Карион

О вы, делившие хлеб-соль так часто с господином,
Друзья-сограждане его, любители трудиться.
Скорей, скорей спешите вы, совсем не время медлить,
А время вам теперь как раз явиться на подмогу.

Предводитель хора

- Да разве сам не видишь ты, что уж из сил последних
Давно спешим мы, старики бессильные, как можем.
Ты, верно, хочешь, чтобы я бежал, а сам не скажешь,
260 Зачем меня хозяин твой сюда призвал сегодня.

Карион

Я все давно сказал тебе, ты сам не хочешь слушать.
Хозяин объявить велел, что жить вам будет сладко,
Что вы избавитесь теперь от жизни тяжелой, мрачной.

Предводитель хора

Да что за дело, не пойму, взялось оно откуда?

К а р и о н

Ах, что за бестолочь! Пришел сюда старик — весь грязный, Согбенный, жалкий, сморщенный, плешивый и беззубый И даже, небом я клянусь, немного искалечен.

Предводитель хора
(не расслышав)

О, повтори! Златая весть! Премного обеспечен?
Сказать ты хочешь, у него с собой есть денег куча?

К а р и о н

270 Да, старческих-то немощей, наверно, будет куча!

Предводитель хора

Уж не морочишь ли ты нас, надеясь увернуться
И безнаказанно уйти? Ведь у меня есть палка!

К а р и о н

Что ж, вы считаете меня бездельником врожденным
И думаете, что совсем не говорю я правды?

Предводитель хора

Ишь, важно как заговорил! Смотри, чтоб не заплакать!
Давно, мой милый, по тебе соскучились колодки!

К а р и о н

В гробу суди! Такой тебе теперь выходит жребий.
Что ж не спешишь? Ведь сам Харон тебе жетон вручает!

Предводитель хора

280 Чтоб лопнул ты! Наглец какой, обманщик от рожденья,
Морочишь нас, а толком сам никак не растолкуешь,
Зачем хозяин твой велел сюда нас нынче вызывать.
Устали мы, нам недосуг, но все ж сюда охотно
Пришли мы, много луковиц дорогой пропустивши.

К а р и о н

Не буду более скрывать. Привел к себе, о старцы,
Хозяин бога Плутоса — он всех обогатит вас!

Предводитель хора

Неужто это правда, мы теперь разбогатеем?

К а р и о н

Мидасами вы станете, ушей лишь не хватает.

Предводитель хора

И сладостно, и весело, и хочется плясать мне
На радости... Ах, если бы все это было правдой!

Карион

СТРОФА 1

- 290 Третанеллб!* И сам хочу изобразить Киклопа я:
Вот так ногами путаясь, вот так ногами топая,
Веду вас. Деточки, живей! Перекликайтесь сами:
Вы блейте, сбившись кучами!
Вперед, козлы вонючие!
Вверх фаллосы! Эй вы, козлы, мы пьяны будем с вами!

Предводитель хора

АНТИСТРОФА 1

- Третанеллб! Ну, а вот мы найдем тебя, Киклопа-то,
И, блея овцами, тебе уж причиним мы хлопоты!
И грязного и пьяного тебя мы под кустами
Найдем, когда пасешь стада
300 И где-нибудь заснешь, — тогда,
Взяв обожженный кол большой, в твой глаз вонзим мы сами.

Карион

СТРОФА 2

А я так стану Киркой** той, что растирала зелья!
В Коринфе как-то раз она дружочков Филонида
Уговорила, как свиней,
Пожрать растертый кал, сама его им намесила...
Так подражать я буду ей!
Вы веселитесь, хрюкая, бегите вслед за матерью —
За мною, поросята!

Предводитель хора

АНТИСТРОФА 2

- Тогда тебя мы, Кирку ту, что растирала зелья,
310 Что может обморачивать друзей да куролесить,
С весельем мы тебя возьмем,
Чтоб, как Лаэртос сын***, тебя нам за ноги повесить;
И калом мы твой нос натрем.

* Подражание звуку лиры, под которую Киклоп пляшет посреди овечьего стада.

** Киркой Аристофан называет гетеру Лаису.

*** Одиссей.

Ты ж, как дырявый Аристилл, тогда козлом проблещешь нам:
«За мною, поросята!»

К а р и о н
(приостанавливаясь)

Ну, хватит! Надо прекратить теперь нам эти шутки;
К другому представлению пора вам обратиться.
А я домой хочу пойти,
Тихонько хлеба с мясом взять,
320 Чтоб не видал хозяин.
Жевать я буду — вот моя на будущее помощь.

(Уходит.)
Хор пляшет.

Х р е м и л
(выходит из дома)

«Сограждане! Пусть радость вам сопутствует!» —
Такой привет уж стар, и век свой отжил он.
Приветствую вас просто. Ведь охотно вы
Пришли; с трудом и все ж без промедления,
Чтобы во всем мне оказать содействие
И чтоб самим спасителями бога стать.

Предводитель хора
Не бойся, друг! Увидишь, сущий я Арес!
Когда за три обола мы в собрании
330 Толкаемся, то странно было б, если б я
Из рук своих отнять позволил Плутоса.

Х р е м и л
А вот сюда, я вижу, Блепсидем идет.
Об этом нашем деле он, наверное,
Услышал: вот шагает он, торопится.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Б л е п с и д е м
(входит, рассуждая сам с собой)

В чем дело тут? Каким же это способом
Разбогател Хремил внезапно? Верить ли?
А между тем, клянусь Гераклом, шумная
Идет молва в цирюльнях, средь собравшихся, —
Внезапно-де Хремил богатым сделался!
340 Но если так, всего мне удивительней,
Что он, в удаче, все ж друзей к себе зовет!
В стране у нас ведь это не в обычае!

Хре мил

Не утая, скажу: со дня вчерашнего,
О Блепсидем, дела мои поправились
И есть чем поделиться. Ты ж — мой старый друг.

Блепсидем

Так слухи верны — ты богатым сделался?

Хре мил

Я стану им, как только соизволит бог.
Но есть — да, есть — опасность в предприятии!..

Блепсидем

Какая же?

Хре мил

(нерешительно)

Такая...

Блепсидем

Договаривай!

Хре мил

350 Удастся нам свершить — так наше счастье,
А если нет — так будем мы раздавлены...

Блепсидем

Гм! Дело-то, по-видимому, тяжкое!
Не нравится мне это. Неожиданно
Разбогатеть безмерно так и трусить так:
Уж, видно, мало сделал ты хорошего!

Хре мил

При чем тут я?

Блепсидем

(тихо, отводя его в сторону)

А так: уж не украл ли ты
Там, в храме бога*, серебра иль золота
И вот теперь, быть может, в этом каешься?

Хре мил

Хранитель Феб! Клянусь тебе, конечно нет!

Блепсидем

360 Довольно вздор молоть, мой друг, все ясно мне!

* В храме Аполлона в Дельфах.

Хремил

Ни в чем таком не смей подозревать меня!

Блепсидем

Увы! Где ж люди честные, разумные?
Во всех сердцах — одно корыстолюбие!

Хремил

Ты сам безумным стал, клянусь Деметрою!

Блепсидем

С недавних пор как сильно изменился он!

Хремил

Клянуся небом, человек, рехнулся ты!

Блепсидем

Не смотрит он, глаза отводит в сторону,
И ясно, что уж в чем-то он смошенничал.

Хремил

Я знаю, что ты лаешь: в долю просишься.
370 Украл я, думаешь?

Блепсидем

Проситься в долю мне?!

Хремил

А дело здесь не в том, совсем в другом оно.

Блепсидем

(испуганно)

Не кража, значит, а грабеж?

Хремил

С ума сошел!

Блепсидем

И ничего чужого не присвоил ты?

Хремил

Да нет же.

Блепсидем

О Геракл! К чему же клонится
Весь разговор? Сказать не хочет правды он.

Хре мил

Ты обвиняешь, дела ж сам не ведаешь.

Бле п си де м

Мой друг, пока еще не знают в городе,
Готов помочь тебе. Не стану много брать,
Чтоб рты заткнуть ораторам монетою.

Хре мил

380 Клянусь богами, ты двенадцать мин с меня
По-дружески возьмешь, а им лишь три отдашь.

Бле п си де м

Я вижу на скамье для обвиняемых
С женой, с детьми кого-то. Ветвь масличная
В руках у них, — ну, Гераклиды чистые
Или Памфил, молящий о спасении.

Хре мил

Да нет, несчастный ты! Людей порядочных,
И нравственных, и честных в состоянии
Богатством наделить я.

Бле п си де м

Неужели же?

Так много ты украл?

Хре мил

О горе! Право же,

390 Меня погубишь ты!

Бле п си де м

Ты губишь сам себя!

Хре мил

Нисколько, о глупец, когда богатство я
Имею!

Бле п си де м

Ты? Какое?

Хре мил

Бога Плутоса!

Бле п си де м

Где ж он?

Хремил
(указывая на дом)

Да там.

Блепсидем
Где?

Хремил
Дома.

Блепсидем
У тебя?

Хремил
Ну да!

Блепсидем
Да пропади совсем! Сам Плутос у тебя?

Хремил
Клянусь...

Блепсидем
Воистину?

Хремил
Да.

Блепсидем
Гестией клянись!

Хремил
Клянусь я богом Посейдоном!

Блепсидем
Как? Морским?

Хремил
А коль иной найдется, так иным клянусь!

Блепсидем
Так что ж ты Плутоса не шлешь к друзьям своим?

Хремил
Пока не в этом дело.

Блепсидем

Как? Делить его

400 Не нужно?

Хремил

Нет. Сначала нужно...

Блепсидем

Что же, что?

Хремил

Нам сделать зрячим...

Блепсидем

Зрячим? Да кого ж, скажи?

Хремил

Кого же, как не Плутоса, — любим путем.

Блепсидем

Так он и вправду слеп?

Хремил

Слепой, клянусь тебе.

Блепсидем

Вот то-то он ко мне совсем не заходил!

Хремил

По милости богов зато теперь придет!

Блепсидем

А может быть, к нему врача бы нам позвать?

Хремил

Какой же врач найдется в нашем городе?
Вознаграждения нет — так и леченья нет.

Блепсидем

Поищем!

(Обводит взглядом зрителей.)

Хремил

Что искать!

Блепсидем

Мне тоже кажется.

Хремил

410 Конечно, так. Но я придумал лучшее:
Давай его положим в храм Асклепия.

Блепсидем

Вот это так! Ты прав, клянусь богами я!
Не мешкай же, а делай, что задумано.

Хремил

(направляясь к дому)

Иду.

Блепсидем

Спеши.

Хремил

Вот это я и делаю!

Хремил хочет уйти. Блепсидем направляется к хору. Обоих их останавливает торопливо идущая старуха страшного вида, в лохмотьях.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Старуха

(свилено)

На дерзкое, преступное, безбожное
Дерзнувшие, людишки вы несчастные, --
Куда? Бежать? Нет, стойте!

Блепсидем

(в ужасе)

Помоги, Геракл!

Старуха

Вас, жалкие, я погублю безжалостно:
Дерзнули вы на дерзость нестерпимую,
420 Какой никто и никогда не пробовал,
Ни человек, ни бог. За то -- погибнете!

Хремил

(собираясь с духом)

Да кто же ты? Бледна, как привидение...

Блепсидем

Эриния, должно быть, из трагедии!
Глядит она безумно и трагически...

Хре мил

Нет факела у ней.

Блепсидем

Так ей достанется!

Старуха

Вы кем меня считаете?

Хре мил

Кабатчицей

Иль рыночной торговкою. Иначе бы
Так не орала, раз тебя не трогают...

Старуха

Не трогают? А кто же дело страшное
430 Затеял — изо всей страны изгнать меня?

Хре мил

Тебе не остается ль преисподняя?
Однако кто ты? Надо бы давно сказать.

Старуха

Я — та, что вам воздаст по праву нынче же
За то, что вы изгнать меня задумали.

Блепсидем

Быть может, то соседняя трактирщица,
Что в счет всегда мне ставит чарки лишние?

Старуха

Я — Бедность, та, что с вами много лет живет!

Блепсидем

(в ужасе хочет бежать)

Владыка Аполлон! О боги! Скрыться где?

Хре мил

Эй, ты, куда? Трусливое животное,
440 Постой!

Блепсидем

Нет, ни за что!

Хре мил

Ты не останешься?
Два мужа, от одной сбежим мы женщины?

Блепсидем

Пойми, несчастный, — Бедность это! Нет нигде
На свете существа ее зловреднее.

(Снова хочет бежать.)

Хремил

Стой, стой, прошу!

Блепсидем

Клянусь, я не останусь здесь!

Хремил

(догоняет и хватает его)

А я скажу, что дела нет позорнее.
Из всех тех дел, что мы на свете делаем,
Чем бога одного бросать беспомощным
И, струсив, убежать, не поборовшись с ней.

(Указывает на Бедность.)

Блепсидем

Да сила где и где у нас оружие?
450 И где тот щит, где панцирь тот, которого
В заклад не отнесла б она, проклятая!

Хремил

Не бойся. Знаю, что с ее характером
Один лишь Плутос сладить в состоянии.

Бедность

Вы, грязные, дерзить и хрюкать смеее,
Когда с поличным в страшном деле пойманы?

Хремил

А ты, мерзавка, пропади ты пропадом,
Что здесь ругаешься? Тебя не трогают!

Бедность

По-вашему, меня вы не обидели,
Пытаясь так устроить, чтобы Плутос ваш
460 Опять прозрел?

Хремил

Да что же тут обидного,
Когда для всех людей добро мы сделаем?

Бедность

Какое же добро, скажи?

Хремил

Какое же?

Тебя, во-первых, из Эллады выгоним!

Бедность

Меня? Тогда какое же есть худшее

Из зол, возможных для людей?

Хремил

Какое зло?

Когда б забыли мы, что делать надо нам.

Бедность

На это вам я буду возражать сейчас.

Сперва о главном: докажу, что я одна

Для вас причиной всяких благ являюсь,

470 Что живы только мною вы. А если нет,

То делайте со мной, что пожелаете!

Хремил

Ты смеешь это утверждать, о мерзкая?

Бедность

А ты — внимай! Легко я докажу тебе,

Что ты во всем жестоко ошибаешься,

Желая сделать праведных богатыми.

Хремил

О палки, о колодки! Не поможете ль?

Бедность

А ты не злишь и не вопи, а выслушай!

Хремил

Да кто бы мог, такую вещь услышавши,

Не возопить?

Бедность

Кто? Всякий благомыслящий!

Хремил

480 Ну что ж, к какой мне пене присудить тебя,

Коль проиграешь?

Бедность
Да к любой!

Хремил
Ну, ладно же!

Бедность
Но если вы мне оба проиграете...

Хремил
(Блепсидему)
Достаточно ли будет двадцати смертей?

Блепсидем
Да, для нее. А нам и двух достаточно!

Бедность
Не медлите, вы их сейчас получите!
Что ж можно возразить мне справедливого?

АГОН

Предводитель хора
Только мудро должны говорить вы теперь, чтоб
над ней одержать вам победу!
Возражайте речами на речи ее и ни в чем не давайте
ей спуска.

Хремил
Эпиррем

Ясно, кажется, всякому, думаю я, — и у всех одинаково мнение, —
490 Справедливо, чтоб честные люди одни в благоденствии
жизнь проводили;
Негодяев же всех и безбожников всех да постигнет обратная
участь!
Ну так вот, всей душой к этой цели стремясь, мы с трудом
наконец отыскали
Благородное средство, прекрасную мысль, применимую
к нашему делу.
Если Плутос теперь станет зрячим у нас и не будет вслепую
скитаться,
Он к порядочным людям направит свой путь и уж их
никогда не оставит,

А дурных и безбожников будет бежать. И затем всех людей
осчастливит,
Их богатыми сделав, но в них сохранив благочестье
и прежнюю честность.
Ну, скажи, кто придумать бы мог для людей лучше
что-нибудь этого плана?

Блепсидем

Да никто! И свидетелем этому — я.

(С пренебрежением указывает на Бедность.)

У нее и не спрашивай вовсе!

Хремил

500 Если только представить себе, как у нас жизнь людская
теперь протекает,
Кто ее не признает безумьем сплошным, а быть может,
еще и похуже?
Мы ведь знаем, что многие между людей негодяи,
а все же богаты,
И несправедливо обогатились они; ну, а многие, будучи честны,
Голодают, и терпят различное зло, и с тобой чуть не всю
жизнь проводят.
Утверждаю я: этому впредь не бывать, если Плутос, прозрев,
уничтожит
Вот тебя. И кто вступит на путь на такой — наибольшее
благо даст людям.

Бедность

Изо всех из людей, видно, легче всего вас к безумству
склонить удалось,
Вас, двух старцев седых, сотоварищей двух в болтовне
и пустых заблуждениях!
Если б даже случилось, как хочется вам, — это вам не пошло
бы на пользу!
510 Да ведь если бы Плутос стал зрячим опять и раздал себя
поровну людям,
То на свете никто ни за что бы не стал ремесло изучать
иль науку.
А коль скоро исчезнут у нас ремесло и наука, то кто же захочет
Иль железо ковать, или строить суда, или шить,
или делать колеса,
Иль тачать сапоги, иль лепить кирпичи, или мыть,
иль выделывать кожу,
Или, «плугом разрезавши лоно земли, собирать урожай
Деметры»,

Если сможете праздными жить вы тогда, ни о чем о таком
не заботясь?

Хремил

Пустяки говоришь! Потому что над всем, что теперь
перечисляла нам ты,
Будут слуги, конечно, трудиться у нас.

Бедность

Да откуда же слуги возьмутся?

Хремил

Разумеется, купим за деньги мы их!

Бедность

Ну, а кто же займется продажей,
520 Если денег у каждого будет хватать?

Хремил

Что ж, какой-нибудь, в жажде наживы,
К нам приедет сюда фессалийский купец, ненасытный
торговец рабами.

Бедность

Но, во-первых, не станет на свете никто заниматься
торговлей рабами,
Как вполне это ясно из слов из твоих. Кто ж захочет,
владея богатством,
За подобное дело приняться и жизнь подвергать
постоянному риску? *
Так что сам поневоле ты будешь пахать, и копать,
и все прочее делать,
И гораздо мучительней жизнь проводить, чем теперь...

Хремил

Чтоб тебе провалиться!

Бедность

А затем — не надейся, что будешь ты спать на кровати:
кроватей не будет!
На коврах? Тоже нет: кто захочет их ткать,
сам достаточно денег имея?
Благовонными маслами не умастишь ты невесту, вводя ее
в дом свой,

* Торговля свободными людьми каралась смертью.

530 Не украсишь ее расточительно ты пестроцветно окрашенным
платьем.
Между тем что за польза богатыми быть, если радостей
всех вы лишитесь?
От меня ж получаете вы это все, в чем нуждаетесь, в изобилие:
У ремесленника, как хозяйка, сижу в доме я и его принуждаю
И нуждою и бедностью путь отыскать, чтобы денег
на жизнь заработать.

Хре мил

Да, уж ты! Что ты можешь хорошего дать?
Разве только ожоги от бани,
Только плач и стенанья голодных детей
и голодных старух причитанья!
О бесчисленных блохах, о вшах, комарах говорить
я уж вовсе не стану,
Их великое множество, над головой они выются, жужжат,
досаждают,
Заставляют вставать бедняка, говоря: «Хоть голоден,
а все ж подымайся!»
540 И к тому ж вместо платья имеет бедняк лишь лохмотья,
а вместо кровати —
Сноп соломы, клопами кишачий; засни — так они тебя живо
разбудят!
И гнилую рогожу он вместо ковра постилагает,
а вместо подушки
Он под голову камень побольше кладет, и питается он
вместо булки
Корнем мальвы, а вместо ячменных хлебов —
пересохшими листьями редьки;
От большого кувшина разбитого верх стулом служит ему;
бок корчаги,
Весь потрескавшийся, заменяет квашню. Ну, теперь доказал
я наглядно,
Что причиной многих неслыханных благ для людей
ты являешься, Бедность?

Бедность

Ты не жизнь бедняка описал, а скорей, нищеты
беспросветной обличье.

Хре мил

Ну конечно, недаром же Бедность зовем Нищеты
мы сестрою родною.

Бедность

550 Вас послушать, окажется, что Фрасибул Дионисию* равен,
тирану!

Нет, клянусь, не такая совсем моя жизнь, никогда
и не будет такою.

Участь нищего, как описал ты ее, в том, чтоб жить,
ничего не имея;

Участь бедного — быть бережливым всегда и всегда быть
прилежным в работе,

Нет избытка совсем у него, но зато не бывает ни в чем
недостатка.

Хремил

Да, Деметрой клянусь, ты блаженную жизнь бедняка описала
прекрасно:

Век свой трудится он и гроши бережет, а умрет —
и на гроб не оставит.

Бедность

Насмехаться пытаешься ты и острить, уклоняясь от дельного
спора,

И не знаешь того, что не Плутос, а я помогаю стать лучшими
людям

И душою и телом. Ведь вот: от него, от богатства, —
подагрики люди,

560 Толстопузые и толстоногие все, разжиревшие до безобразья;
У меня ж — сухощавы, страшны для врагов и с осиною
талией тонкой.

Хремил

Верно, с голоду сохнут они у тебя, вот откуда и талии тонки.

Бедность

А теперь речь о нравственности поведу и немедленно вам
докажу я,

Что пристойность и скромность со мною живут,
а с богатством — одна только наглость.

Хремил

Ну конечно! Ведь скромно вполне — воровать и устраивать
кражи со взломом!

Блепсидем

Вору надо скрываться, и, Зевсом клянусь, разве это —
не высшая скромность?

* Сиракузский тиран.

Бедность

Посмотрите теперь на ораторов вы в государстве:

пока они бедны,
То с народом своим, с государством они поступают всегда
справедливо;

Но лишь станут богаты, казну обобрав, — справедливость их
тотчас исчезнет;

570 Строят козни они против граждан своих, поступают
враждебно с народом.

Хремил

Это все ты не ложно теперь говоришь, хоть при этом
и сильно злословишь:

Что ж из этого? Нечего нос задирать, берегись, как бы после
не плакать.

Если нас пожелаешь ты все ж убедить, будто бедность
гораздо желанней,

Чем богатство.

Бедность

А ты мне на речи мои возразить ничего не
умеешь,

Трепыхаешься только да вздор говоришь.

Хремил

Отчего ж тебя все избегают?

Бедность

Оттого, что я лучшими делаю их. И на детях ты можешь
наглядно

Это видеть: они ведь бегут от отцов, хоть отцы и желают им
блага.

Да, нелегкая это задача всегда — распознать,
где и в чем справедливость!

Хремил

Ты, пожалуй, готова сказать, что и Зевс распознать не умеет
благое:

580 Ведь богатством не малым владеет он сам!

Блепсидем
(указывая на Бедность)

А вот эту на нас насылает!

Бедность

Гноем басен прадедовских, жалкие вы, залепило обоим вам
 разум!
 Ну, конечно, Зевс беден! И это я вам докажу как нельзя
 очевидней.
 Если Зевс сам богат, отчего же тогда он, создав
 Олимпийские игры,
 На которые эллинов всех и всегда через каждые пять лет
 сзывает,
 Отчего же тогда победителей он в состязанье, борцов
 украшает
 Лишь масличным венком? Золотым должен был
 увенчать бы, имей он богатство!

Хремил

Ну, не ясно ль вполне, что так делает Зевс потому, что он
 ценит богатство?
 Сберегает его; расточать же его он желанья совсем не имеет:
 Победителям он пустяки лишь дает, а богатство себе
 оставляет.

Бедность

590 Вещь постыднее бедности хочешь ему приписать ты,
 когда полагаешь,
 Что, владея богатством, не малым притом, Зевс настолько
 и скуп, и корыстен.

Хремил

Ах, проклятая! Зевс пусть погубит тебя, увенчавши венком
 из маслины!

Бедность

Так посмейте ж еще утверждать, будто все, что есть только
 благого на свете, —
 Не от бедности!

Хремил

Что ж! У Гекаты самой нам об этом теперь
 остается
 Разузнать: что же лучше — богатым ли быть или бедным?
 Пускай она скажет,
 Как богатые люди в указанный день каждый месяц приносят
 еду ей
 И как бедные сразу всю эту еду похищают, не дав
 и поставить...
 Однако — сгинь! Не хрюкай ты

Ни словечка больше!
600 Не убеждай — не убедишь!

Бедность
О Аргос, их речам внимли!*

Хремил
Павсона-друга** призови!

Бедность
Что ж мне, горькой, делать?

Хремил
Скорей проваливай от нас!

Бедность
Куда же мне деваться?

Хремил
Колодки ждут тебя! Спеши!
Нечего тут медлить!

Бедность
Однако знайте, вы меня
Обратно позовете!

Хремил
610 Тогда придешь, теперь же сгинь:
Ведь лучше мне разбогатеть,
А Бедности — башку сломить!

Блепсидем
Богатым быть хочу, о Зевс,
С детьми, с женою пировать!
Когда же, умастившись,
Пойду домой из бани, —
Плевать хочу на ремесло,
Да и на Бедность тоже!

(Выгоняют Бедность вон.)

Хремил
Ну, наконец ушла от нас проклятая!
620 Теперь скорей возьмем с собой мы Плутоса
И поведем — положим в храм Асклепия.

* Стих из Еврипида.

** Павсон — афинский бедняк.

Блепсидем

Не станем медлить, чтобы снова кто-нибудь
Не помешал нам в замысле задуманном.

Хремил

(зовет)

Эй, Карион, подстилку выноси сюда,
И Плутоса веди, как то положено,
И все возьми, что дома приготовлено.

Карион выводит слепого Плутоса. Все уходят, хор пляшет.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Карион

(вбегает)

О мужи-старцы! На Тезейских празднествах*
Похлебку вы хлебали часто коркою,
Вам счастье теперь, вам радость выпала,
630 А с вами всем, кто в жизни шел путем добра!

Предводитель хора

Что доброго принес ты, друг друзей своих?
Ты, видно, к нам пришел как вестник радости!

Карион

Счастливо жизнь хозяина сложилась.
А Плутоса — еще того счастливее:
Слепой прозрел, блещут теперь глаза его
По милости Асклепия-целителя.

Предводитель хора

Готов я от радости громко кричать!

Карион

Да, радуйтесь, хотите ль, не хотите ли!

Хор

Восславим отца прекрасных детей,
640 Асклепия, свет для смертных.

Шум, радостные крики. Из дома выходит жена Хремилла.

* Празднества в Афинах, справлявшиеся в конце октября в честь Тезея.

Ж е н а

Что тут за крик такой? Уж нет ли весточки
Какой-нибудь хорошей? Ведь давно уже
Я, сидя дома, ожидаю этого.

К а р и о н

Скорей, скорей, хозяйка, выноси вино
И пей при всех, — вино, я знаю, любишь ты, —
Ведь блага все тебе несуща охапками!

Ж е н а

Да где ж они?

К а р и о н

Из слов моих узнаешь все.

Ж е н а

Так расскажи скорей, что хочешь рассказать.

К а р и о н

Ну, слушай же теперь; я всю историю
650 От головы до пяток изложу тебе.

Ж е н а

Ах, головы не тронь моей!

К а р и о н

Не хочешь ты

Добра себе?

Ж е н а

Нет, не хочу историй я!

К а р и о н

Как только мы ко храму бога прибыли,
Ведя того, кто был тогда несчастнейшим,
Теперь же стал блаженным и счастливейшим, —
Сперва мы взяли к морю повели его,
Потом омыли...

Ж е н а

Зевс свидетель, счастлив был
Слепой старик, в холодном море вымытый!

К а р и о н

Потом мы ко святилищу направились.
660 На алтаре лепешки, жертвы разные

Мы предали огню Гефеста мрачного;
И Плутоса, как надо, уложили мы,
Себе ж подстилки из соломы сделали.

Ж е н а

А были там другие, бога ждавшие?

К а р и о н

Был там и Неоклид, который хоть и слеп,
Да в воровстве заткнет за пояс зрячего,
И многие другие с всевозможными
Болезнями. Когда же, потушив огни,
Жрец нам велел ложиться спать немедленно
670 И приказал молчать, коль шум послышится, —
Мы тотчас же в порядке улеглись спать.
Заснуть не мог я: не давал покоя мне
Горшок с пшеничной кашею, поставленный
Какою-то старушкой в изголовии.
Чертовски мне хотелось подползти к нему.
Но тут, глаза поднявши, вижу я, что жрец
Утаскивает фиги и пирожные
От трапезы священной. После этого
Стал обходить проворно алтари кругом —
680 Не пропустил ли где лепешки жертвенной.
Потом все это посвятил... в мешок себе!
Уразумев всю святость дела этого,
Я кинулся к горшку с пшеничной кашею.

Ж е н а

Ах ты, несчастный, бога не боялся ты?!

К а р и о н

Клянусь, боялся: как бы до меня к горшку
Не подошел тот бог, венком увенчанный!
Ведь жрец его уже мне показал пример,
Но тут старушка, шум услышав близ себя,
Горшок рукой прикрыла. Свистнул я, как змей
690 Священный, и впился зубами в руку ей.
Старуха быстро руку вновь отдернула,
Сама ж лежала тихо, вся закутавшись
И хуже кошки навоняв от ужаса.
Горшок пшеничной каши я уплел зараз.
Когда ж набил себе живот, то снова лег.

Ж е н а

А бог еще не приходил к вам?

К а р и о н

Нет еще.

Затем я штуку выкинул забавную:
Лишь только сам он подошел поближе к нам,
Я грохнул, — сильно так живот мне вспучило.

Ж е н а

700 Конечно, бог тут отвращенье выразил?

К а р и о н

Нет, но Ясо, что шла за ним, сконфузилась,
А также Панакия отвернулася,
Зажавши нос: воняю я не ладаном!

Ж е н а

А бог?

К а р и о н

Клянусь, не обратил внимания!

Ж е н а

По-твоему, бог, видно, деревенщина!

К а р и о н

Скорей, дерьма любитель он.

Ж е н а

Ах, дерзкий ты!

К а р и о н

Но, струсив все же, быстро я закрыл лицо
Своим плащом, а бог тут, обходя вокруг,
Внимательно всех страждущих осматривал,
710 Затем служитель-мальчик дал Асклепию
Из камня ступку, пестик и коробочку,

Ж е н а

Из камня?

К а р и о н

Что? Коробочку? Конечно, нет!

Ж е н а

Ах, пропади совсем! Да как ты видеть мог,
Раз весь закутан был?

К а р и о н

Да через дырочки!

Их у меня в плаще, клянусь, достаточно!
И прежде всех для Неоклида начал он
Готовить пластырь; положил для этого
Головки три он чесноку теносского
И в ступочке растер их с соком сильфия*.
720 Все это он полил сфеттосским уксусом
И налепил на глаз да веко вывернул,
Чтоб было побольнее. С криком, с воплем тот
Стал убегать, а бог ему сказал, смеясь:
«Так и сиди здесь, пластырем залепленный,
Чтоб ложных клятв ты не давал в собрании...»

Ж е н а

Какой бог мудрый, как он любит город наш!

К а р и о н

А вслед за тем подсел уж он и к Плутосу,
Со всех сторон его ощупал голову,
Потом, взяв чистую льняную тряпочку,
730 Протер ему глаза он. Панакия же
Ему закрыла покрывалом пурпурным
И голову и все лицо. Тут свистнул бог —
Из алтаря вдруг два дракона выползли
Огромные!

Ж е н а

О боги милосердные!

К а р и о н

Под покрывало тихо подползли они,
Ему глаза лизали, как мне кажется.
И прежде чем, хозяйка, десять шкаликов
Успела бы ты выпить, — Плутос зрячим встал!
В ладоши тут захлопал я от радости
740 И разбудил хозяина. Немедленно
И бог и змеи скрылись во святилище.
Лежавшие ж кругом, как ты сама поймешь,
Приветствовали Плутоса; ночь целую
Не спал никто, пока не занялась заря.
И бога я благодарил восторженно
За то, что Плутоса вновь зрячим сделал он,
А Неоклида ослепил еще сильнее.

* Целебное растение.

Ж е н а

Владыка бог, вот сила какова твоя!
Но где, скажи мне, Плутос?

К а р и о н

Он идет сюда,

750 Но окружен толпою он несметною.
Все люди, что доселе были честными
И бедными, теперь его приветствуют
И руку жмут ему, сияя радостью;
Богатые ж, владевшие имуществом
Обильным, да нечестно приобретенным,
И хмурят брови, и глядят все пасмурно...
А те идут, венками увенчав себя,
Смеясь, благословляя. Мерной поступью
Шагают старики, стуча подошвами.

(Хору.)

760 И вы здесь, все до одного, не медлите,
Скакать, плясать и танцевать пришла пора!
Никто теперь уж дома не объявит вам,
Что хлеба нет, что нет в мешке муки у вас!

Хор шумно выражает радость.

Ж е н а

Гекатою клянусь, баранок связкою
За вести добрые, что ты принес, хочу
Тебя я увенчать.

К а р и о н

Смотри, не медли же!
Пред нашими дверями скоро будут все.

Ж е н а

Пойду домой, чтоб сласти для обсыпки взять*.
Как будто бы глаза — покупка новая.

(Уходит в дом.)

К а р и о н

770 А я теперь пойти хочу навстречу им.

Уходит.
Хор пляшет.

* Нового раба, впервые входившего в дом, осыпали сладостями и сушеными фруктами.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Появляется шествие: впереди Плутос, за ним -- Хремил и народ, все с венками на головах.

Плутос
(воздевая руки)

И прежде всех — тебе привет, о Гелиос!
Священная Паллада — мир земле твоей
И всей стране Кекропа, давший мне приют!
Своих несчастий прежних я стыжусь теперь:
Не ведал я, с какими раньше жил людьми!
А всех достойных моего сообщества
Я избегал, не видя их. О, горе мне!
Неверно поступал в обоих случаях.
Иначе я теперь все это сделаю,
780 И докажу всем на земле отныне я,
Что против воли был я с негодяями!

Хремил
(отталкивая назойливых)

Подите прочь! Как, право, надоедливо
Друзья, что тут как тут, лишь повезет тебе!
Толкаются и наступают на ноги,
И всякий хочет выразить любовь свою.
Кто только не приветствует! Какой толпой
Был окружен я стариков на площади!
Из дома выходит со сладями жена Хремила.

Жена
(обращается к мужу и к Плутосу)

Привет тебе, любимый, и тебе привет!
Постой-ка, по обычаю, сладями я
790 Тебя осыплю.

Плутос

Нет, ни в коем случае.
С тех пор как я прозрел, я в первый дом вхожу.
А потому, друзья мои, не из дому
Мне уносить, — напротив, надо в дом вносить!

Жена

Ты, стало быть, не примешь эти лакомства?

Плутос

У очага, внутри, да, по обычаю.
Избежим тем и шутки балаганной мы.

Не подобает нашему учителю
Бросать и лакомства, и фиги зрителям,
Чтоб к смеху их принудить этой выходкой.

Жена

800 Ты прав, войдем. А то Дексиник* — вон, гляди, —
Уж с места встал, чтоб фиги на лету хватать.

Плутос и Хремил входят в дом; остальные понемногу расходятся. Хор пляшет.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Из дома выходит Карион.

Карион

Как сладко жить, коль валит счастье, граждане,
И ничего тащить не надо из дому!
Добра такая куча в дом вломилась к нам,
Хоть никого ни в чем мы не обидели.
Разбогатеть — такая вещь приятная!
Наполнены лари мукою белою,
Кувшины же — вином душистым доверху;
Посуда вся и серебром и золотом
Полным-полна — ну, просто удивительно!
810 Колодец полон масла, а бутылочки —
Душистой миррой, кладовые — фигами;
А уксусницы, блюда, утварь разная —
Вся стала бронзовой. Дощечки старые
Для рыбы — все серебряными сделались.
Очаг же вдруг у нас слоновой кости стал.
Мы, слуги, в «чет и нечет» лишь статерами
Играем, подтираемся ж не камешком,
Но лист чесночный в негу погружает нас.
Хозяин мой теперь, венком увенчанный,
820 Свинью, козла, барана колет в жертву там,
Меня же дым прогнал. Не в состоянии
Я оставаться там: глаза мне выело!

Входит честный человек в сопровождении мальчика-раба;
последний несет старый плащ и башмаки.

Честный

За мною следуй, мальчик, чтобы к богу мы
Пришли скорей.

* Лицо неизвестное.

К а р и о н

Эй, кто сюда шагает к нам?

Ч е с т н ы й

Несчастливым раньше был, теперь — счастливый я.

К а р и о н

Один из честных ты людей, как кажется?

Ч е с т н ы й

Ты прав.

К а р и о н

Чего же ты желаешь?

Ч е с т н ы й

К богу я

Иду; он мне причиной стал великих благ.

Я, от отца изрядное имущество

830 Наследуя, друзьям стал помогать в нужде;

Я думал, в жизни это пригодится мне.

К а р и о н

И скоро расточил все состояние...

Ч е с т н ы й

Вот именно!

К а р и о н

И стал совсем несчастным ты.

Ч е с т н ы й

Вот именно! В то время, впрочем, думал я,

Что если-де я помогу в нужде друзьям,

Они потом помогут мне при случае.

Все отвернулись, точно не узнав меня!

К а р и о н

К тому ж и насмеялись!

Ч е с т н ы й

Вот именно!

Меня сгубила засуха имущества!

840 Теперь уже не так! За это бога я

Иду почтить молитвой подобающей.

К а р и о н

Но, ради всех богов, к чему же этот плащ,
Который мальчик твой вслед за тобой несет?

Ч е с т н ы й

Хочу его я богу в дар пожертвовать.

К а р и о н

В нем, верно, посвящался ты в мистерии?

Ч е с т н ы й

Нисколько; просто мерз я в нем тринадцать лет.

К а р и о н

А башмаки?

Ч е с т н ы й

И в них я зимовал всегда.

К а р и о н

И это в жертву ты несешь?

Ч е с т н ы й

Свидетель Зевс!

К а р и о н

Занятные несешь подарки богу ты!

Вбегает доносчик, за ним его постоянный свидетель.

Д о н о с ч и к

850 О, горе мне! Пропал, погиб, несчастный я,
Несчастный дважды, трижды и четырежды,
Двенадцать раз и десять тысяч раз! Ой-ой!
Я предан власти божества всесильного!

К а р и о н

Спаситель Феб и боги многотимые!
Что за беда постигла неудачника?

Д о н о с ч и к

Не претерпел ли я теперь все ужасы?
И не погибло ль все мое имущество?
Всему виною этот бог; ослепнуть он
Вновь должен, коль суды еще имеются!

Честный

860 Мне кажется, суть дела понимаю я:
К нам человек прескверный приближается.
Чекана, видно, он совсем неважного.

Карион

Тогда пусть пропадет, клянусь, я буду рад!

Доносчик
(приближается)

Где он, где этот бог, который всех один
Сулился нас обогатить немедленно,
Лишь только зрячим станет, как был ранее?
Куда там! Разорил уже он кой-кого!

Карион

Но с кем же так он поступил?

Доносчик

Да вот со мной!

Карион

Ты что ж — из негодяев и грабителей?

Доносчик

870 Свидетель Зевс, в вас нет ни капли честности!
Конечно же, у вас мое имущество!

Шныряет по сцене и заглядывает в дом.

Карион

Какой шальной влетел, клянусь Деметрою,
Доносчик к нам! Понятно: голодает он.

Доносчик
(Кариону)

А ты ступай скорей на площадь, живо, ну!
На колесо там вздернутый по правилам,
Расскажешь, как смошенничал.

Карион

Чтоб сгинул ты!

Честный

Спаситель Зевс! Как много благодарности
Заслужит этот бог от всех от эллинов,
Когда он злом погубит злых доносчиков!

Д о н о с ч и к

880 О, горе мне! Грабитель, издеваешься?!
Скажи ж, откуда взял ты этот новый плащ?
Я на тебе вчера видал изодранный.

Ч е с т н ы й

Ты для меня ничто. Купил за драхму я
Эвдамово кольцо заговоренное*.

К а р и о н

Но силы нет в нем отразить доносчика!

Д о н о с ч и к

Не страшное ли это издевательство?
Глумитесь вы! А что хотите делать здесь —
О том молчок! Уж видно, что не доброе!

К а р и о н

Да, для тебя недоброе! Ты так и знай.

Д о н о с ч и к

(принюхивается)

890 Клянусь, за мой вы счет хотите пир задать!

К а р и о н

И вправду так! А ты, с твоим свидетелем,
Хоть лопните — ни крошки не получите.

Д о н о с ч и к

Вы отпираетесь? Мерзавцы! Жарится
Там, в доме, мясо, рыба там навалена.

(Нюхает.)

Ю-хю, ю-хю, ю-хю, ю-хю, ю-хю, ю-хю...

К а р и о н

Ну, чем, проклятый, пахнет?

Ч е с т н ы й

Пахнет холодом, —
Ведь он закутан в этот плащ изодранный.

Д о н о с ч и к

О Зевс, о боги! Непереносимые
Терплю от них обиды! О, как горестно,
900 Что я, примерный гражданин, страдаю так!

* Кольцо, якобы исцеляющее от укуса змеи и скорпиона.

Честный
Ты — гражданин примерный?

Доносчик

Как никто другой!

Честный
Ответь тогда мне на вопросы.

Доносчик

Что тебе?

Честный
Ты земледелец?

Доносчик

Разве я с ума сошел?

Честный
Тогда купец?

Доносчик

Прикидываюсь им порой.

Честный
Что ж? Ремеслу учился ты?

Доносчик

Клянусь, что нет!

Честный
Так чем живешь ты, ничего не делая?

Доносчик

О всех делах — и частных и общественных —
Забочусь я.

Честный
Ты? А зачем?

Доносчик

Так хочется!

Честный
Так в чем твоя примерность? Ненавидимый,
910 Суешься ты, грабитель, не в свои дела!

Доносчик

Ах ты, глупыш! Не должен ли заботиться
По мере сил я о своем отечестве?

Честный

Соваться всюду — значит ли заботиться?

Доносчик

Да! Помогать законам установленным
И преграждать пути их нарушителям!

Честный

Не для того ли судьи в нашем городе
Нарочно избраны?

Доносчик

А обвинитель кто?

Честный

Кто пожелает.

Доносчик

Ну, так я — желающий!
Настолько благо города мне дорого.

Честный

920 Плохого же имеет он защитника!
Скажи: что ж ты не хочешь жить в спокойствии
И без забот?

Доносчик

Такая жизнь — собачья жизнь,
Раз мы ее проводим не в занятиях.

Честный

И ты не переменишься?

Доносчик

Хоть золотом
Меня осыпь и молока дай птичьего!

Карион

Снимай же плащ скорей!

Честный

Тебе ведь сказано!

Карион

И башмаки!

Честный
Тебе все это сказано!

Доносчик
А ну-ка, пусть ко мне из вас подступится
Кто пожелает!

Карион
(силой раздевает его)

Ну, так я — желающий!

Доносчик
930 О, горе мне! Средь бела дня ограблен я!

Карион
Что, будешь жить, в дела чужие путаясь?

Доносчик
(своему свидетелю)
Ты видишь? Я беру тебя в свидетели!
Свидетель убегает.

Карион
Но удирает, погляди, свидетель твой!

Доносчик
Попался я один! Увы!

Карион
(бьет его)

Кричишь теперь?

Доносчик
Увы, увы, увы!

Карион
(Честному)
Дай мне твой рваный плащ,
Чтоб облачить им этого доносчика!

Честный
Нет, плащ мой посвящен давно уж Плутосу.

Карион
Для дара места лучше и не сыщется,
Чем возложить на вора и грабителя!
940 А Плутоса плащом украсим праздничным.
Закутывают доносчика в рваный плащ.

Честный

Скажи теперь, что делать с башмаками нам?

Карион

А башмаки ко лбу его немедленно
Мы пригвоздим, как к дереву священному.

Вешают башмаки на голову доносчика.

Доносчик

Я ухожу. Я знаю — вы сильнее меня.
Но если бы найти мне содоносчика,
Хоть глупого, и бога я могучего
К ответу потяну тогда немедленно.
Он явно разрушает демократию —
Один, не испросив на то согласия
950 Совета и Народного собрания.

(Уходит, взбешенный.)

Честный

(вслед ему)

Теперь, когда шагаешь снаряженный ты
Во все мои доспехи, в баню ты спешить
И грейся, став на место корифейское.
Когда-то я ведь тоже занимал его!

Карион

Но банщик в двери вышвырнет, схватив его
За задницу. По виду разгадает ведь,
Что человек совсем плохой чеканки он.
А мы пойдем и богу вознесем хвалу.

Уходят в дом.

Хор пляшет.

ЭПИСОДИЙ ШЕСТОЙ

Входит старуха, накрашенная и разряженная; в руках у нее блюдо
с пирожными и лакомствами.

Старуха

(хору)

Туда ли я попала, старцы милые?
960 Не здесь ли этот новый бог находится,
Иль совершенно я с дороги сбилася?

* Бедняки зимой часто искали приют в общественных банях.

Корифей

Ты у его дверей, красotka юная,
Чей голос полон робости девической.

Старуха

Ну так из дома кликну я кого-нибудь.

Хремил

(выходит ей навстречу)

Не надо. Выхожу и сам я из дому.
А ты зачем являешься? Выкладывай!

Старуха

Ах, милый мой, дела свершились страшные,
Безбожные: с тех пор как этот бог прозрел,
Мне жизнь не в жизнь он сделал окончательно.

Хремил

970 Да дело в чем? Неужто ты доносица
Средь женщин?

Старуха

Нет, клянусь тебе, конечно нет!

Хремил

Так обнесли тебя, наверно, чаркою?

Старуха

Смеешься ты, а я терзаюсь, бедная!

Хремил

Да что ж тебя терзает так? Рассказывай!

Старуха

Ну, слушай. Я имела друга — юношу,
Хоть бедного, да милого, красивого
И честного. Чуть выскажу желание, —
Исполнит все так чинно, так прекрасно он!
Зато и я, что ни попросит, делала.

Хремил

980 Что ж у тебя просил он главным образом?

Старуха

Немного: был со мной стыдлив до крайности.
Попросит он драхм двадцать, чтоб купить себе

Гиматий*, восемь -- чтоб купить сандалии;
Да для сестер попросит на хитончики,
Да для старухи матери -- накидочку,
Зерна четыре меры -- на питание.

Хре мил

Немного же, клянуся Аполлоном я,
Ты назвала! И впрямь стыдлив был юноша!

Старуха

И это все не из корыстолюбия, --
990 Так говорил, -- он просит из одной любви:
Чтоб вспоминать меня, нося гиматий мой...

Хре мил

Да это не любовь, а страсть безмерная!

Старуха

Да, но теперь совсем переменился он
И думает, противный, не по-прежнему.
Когда вот это самое пирожное
И все другие, что на блюде, лакомства
Заботливо послала я, сказав ему,
Что вечером приду...

Хре мил

Скажи, что сделал он?

Старуха

Все это он обратно отослал ко мне,
1000 Чтоб больше у него не появлялась я,
И, отсылая, мне он передать велел:
«Что было, то уж больше не воротится».

Хре мил

Как видно из всего -- способный юноша:
Богатым став, не хочет чечевицы он,
А раньше все готов был есть от бедности.

Старуха

Да, раньше, что ни день, клянусь богинями,
К дверям моим сам направлял стопы свои...

* Верхняя одежда.

Хремил

На вынос твой?

Старуха

Ах нет, клянусь: лишь голос мой
Любил он слышать.

Хремил

Ну, не бескорыстно же...

Старуха

1010 И если он печальной заставлял меня —
«Голубкою» звал ласково и «уточкой»...

Хремил

И тут же он просил купить сандалии.

Старуха

Взглянул раз кто-то на меня, — в повозке я
Спешила на Великие мистерии*, —
Так он потом день целый колотил меня!
Вот как ревнив был мальчик ненаглядный мой!

Хремил

Все съесть хотел, как видно, в одиночку он!

Старуха

Он говорил, что руки хороши мои...

Хремил

Когда они ему давали двадцать драхм.

Старуха

1020 Он говорил, что пахнет кожа сладко так...

Хремил

Когда вином фасосским угощала ты.

Старуха

Что взор мой неги полон, обаяния...

Хремил

Не глуп был парень — видно, разбирался он,
Как обобрать старуху похотливую!

* Элевсинские мистерии.

Старуха

Так праведно ль, мой милый, поступает бог?
А хвастал — помогать всегда обиженным.

Хремил

Что ж должен делать он? Скажи, и сбудется!

Старуха

Клянусь — заставить справедливо было бы,
Чтоб мне добром воздал, кто получал добро,
1030 А коль не так — он недостоин благ земных!

Хремил

Ночь каждую ведь он тебе платил долги?

Старуха

Пока жива, клялся не покидать меня.

Хремил

Теперь тебя живую не считает он.

Старуха

В печали, милый друг, я вся истаяла...

Хремил

Сгнила, а не истаяла, мне кажется...

Старуха

И сквозь кольцо меня теперь проденешь ты!

Хремил

Когда кольцо да с решето окажется!

Старуха

Да вот сюда тот мальчик приближается,
Которого так долго обвиняю я.
1040 Не на пирушку ли собрался?

Хремил

Видимо:

Идет, венком увенчанный и с факелом.

Входит нарядный юноша навеселе, с горящим факелом в руке.

Юноша

Привет!

Старуха
(не расслышав)

Что он сказал?

Юноша
Подруга ветхая,
Клянусь богами, скоро ж поседела ты!

Старуха
Бесчестием меня бесчестят, бедную!

Хремил
Как кажется, давно тебя не видел он.

Старуха
Давно? Негодный! У меня вчера он был!

Хремил
Иначе с ним, чем с многими, случилось:
Подвыпив, он острее видит, кажется.

Старуха
Нет, он всегда таким был неотесанным.

Юноша
(поднося факел к ее лицу)
1050 О Посейдон морской, о боги старости!
Да сколько на лице морщин у ней!

Старуха
Ай, ай!
Не подноси ты факела!

Хремил
Права она:
Коснись ее хотя б одна лишь искорка, —
Спалит совсем, как ветку пересохшую*.

Юноша
Эй, хочешь поиграть со мной?

Старуха
Да где ж, милоч?

* Масличная ветвь вывешивалась над входом в дом как символ благополучия.

Юноша

Да хоть бы здесь, орехами.

Старуха

Во что ж играть?

Юноша

Вот: сколько... у тебя зубов?

Хремил

Да это я

Сам знаю: три-четыре приблизительно.

Юноша

Плати! Один лишь клык у ней единственный!

Старуха

1060 Негоднейший, ты, видно, не в своем уме:
Мне баню задаешь пред посторонними!

Юноша

Кто вымоет тебя — прекрасно сделает.

Хремил

Ну нет, — она теперь так разукрашена,
Что, если смоешь эти притирания,
Лишь сеть морщин увидишь на лице ее.

Старуха

И ты, старик, как видно, не в своем уме!

Юноша

По-моему, тебя схватить пытается
За титьки он. Иль думает, не вижу я?

Старуха

Противный, нет! Клянуся Афродитою!

Хремил

1070 А я, клянусь Гекатой, не сошел с ума!
Но, юноша, ты эту деву юную
Не презирай!

Юноша

Люблю ее безмерно я!

Хре мил

А вот она винит тебя.

Ю но ша

А в чем винит?

Хре мил

Обидчик будто ты и говорил-де ей:
«Что было, то уж больше не воротится».

Ю но ша

Я за нее с тобой не ссорюсь!

Хре мил

Что же так?

Ю но ша

Твой возраст уважаю я. Другому же
Я никому так сделать не позволил бы:
Бери же деву, счастьем с нею радуйся!

Хре мил

1080 Да, знаю, знаю мысль твою: не хочешь ты
С ней больше жить!

Старуха

Да кто же разрешит ему?..

Ю но ша

Зачем иметь мне дело с той, которую
Мужчин тринадцать тысяч перещупали?

Хре мил

Однако раз вино тебе пить нравилось,
Так пить изволь ты и подонки с дрожжами!

Ю но ша

Да дрожжи слишком старые, прокисшие!

Хре мил

Исправить можно это все цедилкою.

Ю но ша

Войдем, однако, в дом. Желаю богу я
В дар принести венки вот эти самые.

Старуха

1090 И я ему желаю кой о чем сказать.

Юноша

Тогда я не войду.

Хремил

Не трусь, спокоен будь!

Тебя не изнасилует!

Юноша

Вот правильно!

Ведь я ее достаточно просмаливал!

Старуха

Иди вперед. Я за тобою следую.

Хремил

Владыка Зевс! Вот крепко присосалася
Старуха к юноше, как к камню устрица!

Входят в дом.

Хор пляшет.

ЭПИСОДИЙ СЕДЬМОЙ

Вбегает Гермес, сильно стучится в дом Хремила, но, услышав шаги, прячется.

Карион

(открывая дверь)

Эй, кто такой стучится в дверь? Да что это,
Нет никого? Ну, дверь сама, наверное,
Скрипела зря. Вот я ее!

(Хочет закрыть дверь.)

Гермес

Послушай-ка!

1100 Эй, Карион, стой!

Карион

(оборачиваясь)

Не ты ль, скажи-ка мне,
Так сильно в эту дверь стучался только что?

Гермес

Хотел стучать, а ты предупредил, открыв.

(Возбужденно.)

Теперь скорей беги — зови хозяина,
Потом зови жену его с детишками,
Потом рабов зови и пса домашнего,
Потом — себя, потом — свинью...

Карион

Да ты скажи,

В чем дело тут?

Гермес

О ты, несчастный! Хочет Зевс
В один мешок связать вас до единого
И всех швырнуть немедленно в преисподнюю!

Карион

1110 Язык бы вырезать такому вестнику!
За что ж так с нами поступить намерен он?

Гермес

За что? За то, что самое ужасное
Вы совершили! С той поры как зрячим стал
Бог Плутос — нет ни лавра, нет ни ладана,
Ни пирога, ни жертвы: нам, богам, никто
И ничего не жертвует!

Карион

И впредь тому
Так быть, клянусь! Вы плохо опекали нас!

Гермес

Ну, до других богов мне дела вовсе нет,
Но сам погиб, пропал я...

Карион

Судишь правильно!

Гермес

1120 Бывало, получал от всех торговок я
С утра добра немало: слойку сдобную,
И мед, и фиги, как и подобает мне;
Теперь — лежу, задравши ноги с голоду!

Карион

И поделом: под штраф не подводи людей,
От них добра имея столько!

Гермес

Горе мне!

Где ты, пирог, что мне пекли в четвертый день!*

Карион

Ты зря зовешь, мечтаешь о несбыточном!

Гермес

Где ты, нога свинья! Я едал тебя!

Карион

Попрыгай здесь в прохладе на одной ноге!

Гермес

1130 Горячие кишки, где вы! Едал я вас!

Карион

Ну, а теперь в кишках, как видно, колики!

Гермес

Где ты, стаканчик с влагой ароматною!

Карион

(поворачиваясь к нему задом)

Вот это выпей и скорей проваливай!

Гермес

Неужто не поможешь ты товарищу?

Карион

Да в чем нужда? Коль в силах я — готов помочь.

Гермес

Ты вынеси мне хлеба пропеченного,
Добудь мне мяса жертвенного, свежего,
Что в жертву там приносите.

Карион

Не вынесу!

Гермес

А ведь когда ты из домашней утвари,
1140 Бывало, крал — всегда я покрывал тебя!

* Гермесу приносились жертвоприношения в четвертый день каждого месяца.

К а р и о н

И сам, грабитель, в доле ты участвовал:
От пирога кусок перепадал тебе.

Г е р м е с

Кусок, который сам же ты съедал потом!

К а р и о н

Делился разве я с тобой побоями,
Когда меня ловили в плутовстве моем?

Г е р м е с

Уж раз ты Филу взял, не будь злопамятным,
Но, ради всех богов, возьми в сожители!

К а р и о н

Богов покинув, хочешь ты остаться здесь?

Г е р м е с

Хочу; ведь жизнь у вас гораздо лучшая.

К а р и о н

1150 Неужто дезертирство — вещь почетная?

Г е р м е с

Где лучше нам — там наше и отечество.

К а р и о н

Да в чем же ты полезен дома будешь нам?

Г е р м е с

«Привратником» поставьте у дверей меня.

К а р и о н

Привратником? Да здесь ведь не придется врать.

Г е р м е с

«Торгующим»!

К а р и о н

И без того богаты мы!
Гермес-барышник в доме нам не надобен.

Г е р м е с

Ну, «Хитрецом»!

К а р и о н

И хитреца не надобно:
Не в хитрости теперь нужда, а в честности!

Г е р м е с

«Водителем»!

К а р и о н

Зачем? Наш бог прозрел теперь,
1160 Прекрасно без вожатого обходится.

Г е р м е с

Тогда «Судьей на играх»! Как ты думаешь?
Для Плутоса ведь самое пристойное
В игре, в борьбе устроить состязания.

К а р и о н

Удобно многие иметь прозвания:
Вот и нашел он хлебное занятие!
Недаром в списки судьи все стараются
Внести себя под несколькими буквами*.

Г е р м е с

Так, значит, я войду?

К а р и о н

Войди и вымой сам,
Пройдя к колодцу, внутренности жертвы ты,
1170 Чтоб показать, что ты слугой способен быть.
Входят в дом.

ЭПИСОДИЙ ВОСЬМОЙ

Жрец Зевса
(вбегая)

Кто скажет толком — где найти Хремила мне?

Хре мил
(выходя из дома)

А что случилось?

Жрец

Что же, кроме скверного?
С тех самых пор как Плутос снова зрячим стал,

* Т.е. получить судейское жалованье сразу в нескольких секциях гилиэри, которые обозначались разными буквами.

От голода я гибну, есть мне нечего.
И это мне — жрец Зевса я спасителя!

Хре мил

Да в чем же здесь причина, ради всех богов?

Жрец

Жертв приносить никто не хочет!

Хре мил

Что же так?

Жрец

А то, что все богаты стали! Прежде же,
Хоть бедны были, жертву приносили в храм
1180 Спасенный путешественник иль следствия
Удачно избежавший. Если кто хотел
Счастливое услышать прорицание,
То и меня, жреца, он звал. Никто теперь
Жертв больше не приносит, не приходит в храм...
А вот нагадить — ходят прямо тысячи!

Хре мил

И ты берешь с них, что тебе положено?

Жрец

Мне кажется, что с Зевсом я спасителем
Прощусь, а сам приду сюда, останусь здесь!

Хре мил

Так не робей: все к лучшему устроится
По воле бога. И спаситель Зевс уж здесь.
1190 Явился сам...

Жрец

О, вести благодатные!

Хре мил

Но погоди, мы Плутоса немедленно
Там поместим, где пребывал он ранее;
Паллады он оберегал святилище.

(Кричит в дом.)

Эй, факелы сюда подать зажженные!

(Жрецу.)

Ты их возьми, чтоб перед богом шествовать.

Жрец

Быть посему!

Хремил

Сюда ведите Плутоса.

ЭКСОД

Из дома выходит праздничное шествие.
В числе других старуха.

Старуха

А мне что делать?

Хремил

Богу посвященные
Возьми горшки и их на голове неси
Торжественно. Ведь в платье ты расцвеченном!

Старуха

1200 А то, за чем пришла я?

Хремил

Все устроится,
И вечером придет к тебе твой юноша!

Старуха

Ну, если так и если ты ручаешься,
Что он придет ко мне, то понесу горшки!

(Ставит горшки себе на голову.)

Хремил

Как не похожи эти вот горшки мои
На все другие! Ведь во всех других горшках
Всегда седая пена сверху плавает,
А здесь — седая пена под горшком плывет!

Из дома выводят Плутоса.

Предводитель хора

Так не будем и мы тратить время, друзья, но, немного назад
отступивши,
Вслед за богом пойдем, провожая его подобающей случаю
лесней.

Хор и актеры в праздничном шествии покидают оркестру.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАННИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ФИЛОСОФЫ

Древнейшие образцы научной прозы представлены для нас сочинениями греческих философов VI—V вв. до н. э., предшествовавших Сократу и его ученикам. Наука не сразу находит свой собственный способ выражения. Пафос полемики, прямая связь с философией и терминологическая неопределенность сообщают своеобразную афористичность и подчас даже поэтичность стилю первых научных трактатов, что делает их интересными не только для историков науки. Первые греческие философы (Фалес, Пифагор), видимо, вообще ничего не писали. Сочинения других дошли до нас в ничтожных отрывках, а некоторые (например, писания Анаксимена, ученика Анаксимандра) вовсе не сохранились, и мы вынуждены судить о них по пересказам.

Представитель ионийской философии, младший современник Фалеса, Анаксимандр Милетский (ок. 610 — после 546 гг. до н. э.), создатель физики и астрономии, написал свой космологический трактат в 63 года. Его название — «О природе» — становится общим для многих натурфилософских работ. От Анаксимандра дошла одна фраза: в метафорах, взятых из жизни человеческого общества, описывается возникновение различных субстанций (они платят пеню друг другу). Перед нами иллюстрация учения о беспредельном («апейрон»), первоначальной субстанции, контролирующей, согласно Анаксимандру, равновесие противоположных качеств (холодного и горячего, мокрого и сухого и пр.).

Довольно много фрагментов сохранилось от Гераклита Эфесского (ок. 554—483 гг. до н. э.), благодаря интересу к его личности и огромному влиянию его философии (знаменитое «все течет» — один из постулатов Гераклита). Доксографы сообщают о его мрачном, неуживчивом характере и уединенной жизни. Труд Гераклита («О природе») хранился в знаменитом храме Артемиды в Эфесе. Неуловимость субстанции (огонь лучше всего подходил для ее вещественного выражения), постоянное движение микро- и макрокосма — основная мысль Гераклита. Все существующее есть становление; смерть и жизнь — одно; бог и мир едины. Гераклит не признает авторитетов, смеется над мнениями смертных, Гомер и Гесиод для него неучи. Язык философа сложен, его считали и продолжают считать «темным» автором.

Фрагмент Зенона Элейского (акмэ ок. 464 г. до н. э.) из небольшой работы, название которой идентично вышесказанному, иллюстрирует его приверженность взглядам Парменида, чьим учеником и любимцем он был. Зенона признают основателем диалектики, что подтверждается сведениями о создании им первых философских диалогов.

Анаксагор (ок. 500—428 гг. до н. э.), родившийся в ионийском городе Клазомены, долгое время жил в Афинах. Как позднее Сократ, он был обвинен в «нечестии» и, воспользовавшись помощью Перикла, бежал из Афин в Азию. Умер в г. Лампсак в Вифинии. Труд Анаксагора с уже знакомым нам названием написан в середине V в. до н. э. Сохранившиеся фрагменты дают возможность судить и о содержании, и о стиле этого сочинения. Главный тезис Анаксагора — «все содержится во всем», кроме управляющего Ума, который является основой миропорядка.

Демокрит (460—371 гг. до н. э.), родом из фракийской Абдеры, отчасти принадлежит уже к новой эпохе в античной философии. Некоторые его идеи, как, впрочем, и идеи Анаксагора, являются реакцией на рационалистические взгляды софистов и Сократа. Демокрит слушал Сократа в Афинах, но не поддался обаянию Сократовой мысли. Существование атомов и пустоты, знаменитый постулат Демокрита, — одно из многих его достижений. Демокрит всесторонне образован и необычайно плодовит (что не делает его полиматом). От него дошло множество фрагментов из самых различных сочинений по математике, музыке, физике, этике, антропологии. Его живой и энергичный стиль — последнее достижение досократической философской поэтики. После Демокрита появляется совершенно новое и оригинальное направление литературы и философии, которое найдет свое воплощение в диалогах Платона.

М. М. Позднеев

АНАКСИМАНДР

Фр. 1. А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время.

ГЕРАКЛИТ

Фр. 1. Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его — ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь все совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и к таким делам, какие я излагаю, разделяя каждое по природе и разъясняя по существу. От остальных же людей скрыто то, что они делают бодрствуя, точно так же как они свои сны забывают.

Фр. 2. Поэтому необходимо следовать всеобщему. Но, хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание.

Фр. 3 (О величине солнца). Шириной в ступню человеческую.

Фр. 4. Если бы счастье заключалось в телесных удовольствиях, мы бы назвали счастливыми быков, когда они находят горох для еды.

Фр. 5. Но напрасно они, запятнанные кровью, жертвоприношениями хотят очиститься, как если бы кто-либо, вступив в грязь, грязью пожелал бы обмыться. Безумным посчитал бы его человек, заметивший, что он так поступает. И этим статуям они молятся, как если бы кто-либо захотел разговаривать с домами; они не знают, каковы боги и герои.

Фр. 8. Враждующее соединяется, из расходящихся — прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу.

Фр. 15. Если бы не в честь Диониса они совершали шествия и пели фаллический гимн, они бы поступали бесстыднейшим образом. Дионис же, ради которого они неистовствуют в вакханалиях, тождествен Аиду.

Фр. 16. Как мог бы кто укрыться от незаходящего [огня].

Фр. 17. Большинство людей не понимает того, с чем встречается, да и научившись, они не понимают, им же самим кажется, [что понимают].

Фр. 26. Человек в ночи себе зажигает свет. Умерев, он жив. Уснув, угаснув очами, он соприкасается с мертвым и с уснувшим соприкасается, бодрствуя.

Фр. 29. Лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу — преходящим вещам; толпа же насыщается подобно скоту.

Фр. 30. Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим.

Фр. 31. Превращения огня: сначала—море, море же — наполовину земля и наполовину прерастер. [Это значит, что огонь посредством всеуправляющего] логоса [и бога через воздух превращается в воду — как бы семя мирообразования, которую он называет] морем; [из воды же происходит земля и небо и все между ними находящееся. Каким же образом он в обратном направлении восстанавливается и возжигается, он разъясняет так]: море мерами разлагается по тому же логосу, какой и прежде был до возникновения земли.

Фр. 34. Те, кто, слушая, не понимает, уподобляются глухим, о них свидетельствует изречение: «присутствуя, они отсутствуют».

Фр. 36. Психеям смерть — стать водою, воде же смерть — стать землею; из земли же вода рождается, а из воды — психея.

Фр. 40. Многознание не научает быть умным, иначе бы оно научило Гезиода и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея.

Фр. 41. Мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего.

Фр. 51. Они не понимают, как расходящееся само с собой согласуется: возвращающаяся [к себе] гармония, как у лука и лиры.

Фр. 56. В познании явных [вещей] люди совершенно обманываются, подобно Гомеру, который был мудрейшим из всех эллинов;

ведь ребята, убивавшие вшей, обманули его, сказав: «То, что мы увидели и поймали, мы выбросили, а чего не увидели и не поймали, то носим».

Фр. 58. И добро и зло [одно]. Действительно, врачи, мучающие больных, режущие и жгущие всячески, требуют еще сверх того платы, хотя ее не заслужили, так как они делают то же самое: добро и болезни.

Фр. 70. Огонь живет земли смертью, и воздух живет огня смертью; вода живет воздуха смертью, земля — воды [смертью].

Огня смерть — воздуха рождение и воздуха смерть — воды рождение. Из смерти земли рождается вода, из смерти воды рождается воздух, [из смерти] воздуха — огонь, и наоборот.

Фр. 104. Каков у них ум, или разумение? Народным певцам они верят, и учитель для них — толпа, ибо не знают они, что «многие — плохи, немногие же — хороши».

Фр. 121. Правильно поступили бы эфесцы, если бы все они, сколько ни есть возмужалых, повесили друг друга и оставили город для несовершеннолетних, — они, изгнавшие Гермодора, мужа наилучшего среди них, со словами: «да не будет среди нас никто наилучшим, если же таковой окажется, то пусть он живет в другом месте и среди других».

ЗЕНОН ЭЛЕАТ

Фр. 1. Если же оно существует, то каждая вещь обязательно должна иметь какую-либо величину, толщину и расстояние от любой другой вещи. И к лежащей перед ней вещи применимо то же самое рассуждение. А именно: и она будет обладать величиной, и перед ней будет лежать какая-либо другая вещь. Итак, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до бесконечности, ибо ни одна такая вещь не будет последней и никогда не будет вещи, у которой не было бы указанного отношения к другой вещи. Таким образом, если сущее множественно, то оно должно быть и малым, и большим: настолько малым, чтобы вовсе не иметь величины, и настолько большим, чтобы быть бесконечным.

АНАКСАГОР

Фр. 1 <О первоматерии>. Все вещи были совокупными, беспредельные и по множественности, и по малой величине. Ибо и малое было беспредельным. И ничто из совокупно сущего не было явным по причине малой величины. Ибо все сдерживали воздух и эфир, которые оба были беспредельны. Ибо они — величайшие из всего и по количеству, и по величине.

Фр. 3 <Онтология>. Ибо нет наименьшего от малого, но всегда меньшее (ведь существующее не есть небытие), но и от большого всегда есть большее. И по множественности оно равно малому, а по отношению к самой себе всякая вещь и велика, и мала.

Фр. 4 <О других мирах>. А поскольку это обстоит таким образом, следует думать, что многое и разнообразное есть во всех смешивающихся вещах, и в них семена всех предметов, имеющие различные образы, цвета и запахи. И люди были сформированы там, и прочие животные, сколько их ни есть обладающих душами. И у людей есть населенные города и приспособления для труда, как у нас, и есть у них солнце и луна, и земля рождает им многие разнообразные плоды, из которых самые полезные они собирают и пользуются ими для повседневной жизни. Итак, это я сказал об отделении, так как не только у нас оно может произойти, но и в другом месте.

А прежде чем это отделилось, когда все было совокупным, не было даже никакого явного цвета. Ибо этому мешало смешение всех вещей: влажного и сухого, теплого и холодного, ясного и темного, и там же было много земли и беспредельное множество семян, ни в чем не схожих друг с другом. Ибо и из прочих вещей не было ничего сходного. А раз дело было так, следует думать, что во всем содержались все вещи.

Фр. 6 <Онтология>. И поскольку одинаковое число частей наличествует в большом и в малом, то и по этой причине каждое должно содержаться в каждом. И не может быть такого, чтобы каждое было обособлено для себя, но все сопричастно всему. А так как невозможно, чтобы существовало наименьшее, оно также не может быть отделено или быть только для себя, но оно должно, как и поначалу, теперь также быть совокупным. Но во всем есть множество вещей, причем и в больших, и в меньших содержится равное количество долженствующего отделиться.

Фр. 12 <Ум как принцип миропорядка>. Прочие вещи имеют часть во всем, но ум есть нечто бесконечное и правящее самим собой. И он не смешан ни с одной вещью. Ибо если бы он был смешан с чем-то другим, то в силу этого был бы сопричастен всему. Ведь, как я уже излагал ранее, в каждой вещи содержится часть всякой другой. А уму смешанные с ним вещи только мешали бы, так что он не смог бы править никакой вещью таким же образом, как если бы он был один для себя. Ибо он — самая тонкая и самая чистая из всех вещей, обладает знанием о каждой вещи и имеет величайшую силу. И над всем, что наделено душой, ум властен. И эта власть ума распространяется на все круговращение мира, причем благодаря уму и началось это вращение. Началось же оно сперва от некой малой точки, но захватывает все более широкие области и будет захватывать вокруг себя еще больше. И все вещи, которые смешивались и ограничивались и отделялись друг от друга — все их ум распознавал. И как все должно стать, и как было то, что теперь не существует, и как оно теперь — все это упорядочил ум; также и то круговращение, которое теперь совершают солнце, звезды, и луна, и воздух, и эфир, отделившиеся друг от друга. Именно круговращение осуществило это отделение. И отделилось от тонкого густое, от холодного теплое, от темного светлое и от влажного сухое. Но частей есть в них множество от многих вещей. Ничего нет такого, что не было бы совершенно

отдельным от всего остального, за исключением ума. Каждый ум одинаков, больший так же как и меньший. Из прочих же вещей ни одна не похожа на другую, но чего в каждой вещи больше всего содержится, то именно она и есть с наибольшей ясностью.

Фр. 13 <О начале движения мира>. И когда ум начал двигать, оно отделилось от всего движимого, и все то, что ум привел в движение, было разделено. Обращение же движущихся и разделяющих-ся вещей заставляло разделяться еще намного сильнее.

Фр. 14 <Об уме>. Ум, который вечен, и теперь наличествует там, где есть и все другие вещи, в окружающем множестве; и в том, что с ним соединилось, и в отделенном.

Фр. 16 <Об «отделении»>. Из этого, когда оно отделяется, сбивается земля, из облаков отделяется вода, из воды земля, из земли же сбиваются камни под действием холода. Впрочем, скорее они происходят из воды.

Фр. 17 <Мнения людей>. Эллины неверно называют возникновение и уничтожение. Ведь никакая вещь не возникает и не уничтожается, но смешивается из существующих вещей и отделяется от них. Так что, пожалуй, правильнее было бы назвать возникновение смешиванием, а уничтожение отделением.

ДЕМОКРИТ

Фр. 10. Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, в действительности же существуют только атомы и пустота.

Фр. 12. Начало вселенной — атомы и пустота... Миров бесчисленное множество, и они имеют начало и конец во времени. И ничто не возникает из небытия, не разрешается в небытии. И атомы бесчисленны по разнообразию величин и по множеству; носятся же они во вселенной, кружась в вихре, и таким образом рождается все сложное: огонь, вода, воздух, земля. Дело в том, что последние суть соединения некоторых атомов. Атомы же не поддаются никакому воздействию и неизменяемы вследствие твердости.

Фр. 28. Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости.

Люди измыслили идол [образ] случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность. Ибо редко случай оказывает сопротивление разуму, чаще же всего в жизни мудрая проницательность направляет [к достижению поставленной цели].

Фр. 51. Из этого правила человек должен узнать, что он далек от [подлинной] действительности [что от него действительность скрыта].

В самом деле, мы ничего ни о чем не знаем, но для каждого из нас в отдельности его мнение есть [результат] притекающих [к нему образов]. Однако [далее] выяснится, что трудно познать, какова каждая [вещь] в действительности.

Фр. 52. [Лишь] в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, в действительности же [существуют только] атомы и пустота.

В действительности мы не воспринимаем ничего истинного, но [воспринимаем лишь] то, что изменяется в зависимости от состояния нашего тела и входящих в него и оказывающих ему противодействие [истечении от вещей].

Много раз [мною] было показано, что мы не воспринимаем, какова в действительности каждая [вещь] есть и какие свойства в действительности ей не присущи.

Фр. 53. Согласно общепринятому мнению существует теплое, согласно мнению существует холодное, в действительности же [существуют лишь] атомы и пустота. На самом же деле мы не знаем ничего, ибо истина скрыта в глубине [лежит на дне морском].

Фр. 72. Такие легкие исследования сообщают душам стройное и полезное движение, речей же спорщиков и мастеров на софизмы следует избегать.

Фр. 139. Есть два рода познания: один — истинный, другой — темный. К темному относятся все следующие [виды познания]: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Что же касается истинного [познания], то оно совершенно отлично от первого. Когда темный [род познания] уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование [должно проникнуть] до более тонкого [недоступного уже чувственному восприятию], <тогда на сцену выступает истинный [род познания], так как он в мышлении обладает более тонким познавательным органом>.

ГИППОКРАТ

(ок. 460–370 гг. до н. э.)

Фигура знаменитого врача Гиппократы вызвала к жизни не только апокрифические легенды, но и коллекцию ранних медицинских трактатов, известную как Гиппократов корпус. Подавляющее большинство из 60 или 62 сочинений этого сборника было составлено между 430 и 330 гг. до н.э. Эти труды были собраны под именем Гиппократы в эллинистическое время, в середине III в. до н.э., в Александрии, уже тогда признанном центре образования. Ученые врачи, работавшие в качестве комментаторов в александрийском Мусейоне, были обеспокоены неоднородностью стиля и противоречивым содержанием и поэтому заимствовали методы критики у своих коллег-филологов. Была выдвинута версия, что Гиппократ прожил очень долго, возможно 109 лет, и, следовательно, написал одни сочинения, будучи молодым, а другие в старости. По другому предположению считалось, что было целых семь Гиппократов, членов того же семейства, писавших на протяжении нескольких поколений. Традиционно комментаторы полагали, что «лучшие» сочинения были созданы рукой «Большого Гиппократы, отца медицины».

Сам Корпус состоит из сочинений, распределяемых по разделам «Этика и деонтология», «Общая медицина», «Теория медицины. Анатомия. Физиология. Патология», «Диететика», «Прогностика», «Частная патология и терапия», «Хирургия», «Глазные болезни», «Акушерство и гинекология», «Резюме ко всем разделам», «Биографические легенды».

Этические сочинения Гиппократова корпуса составляют «золотой фонд» профессиональной морали. Первой в истории медицины врачебной присягой считается знаменитая «Клятвы». И первые же ее строки обнаруживают глубокую связь с религией. Врачевание, представленное в Корпусе, относится к рациональному знанию. Но этические воззрения греческих врачей отличались глубоким смирением и искренним сознанием ограниченности этого знания. Религиозные основы врачебной морали подчеркиваются и в других сочинениях, например, в трактате «О благоприличном поведении». Глубокая вера обусловила в «Клятве» строгий запрет на любое действие, угрожающее жизни человека. Та же глубокая вера позволяет правильно оценить многократно декларируемый принцип невмешательства, когда

в ряде сочинений Гиппократова корпуса врачу предлагалось не начинать лечения в безнадежных случаях. Известно, что параллельно с научной медициной в Греции существовало храмовое врачевание с центрами в асклепейонах — святилищах бога Асклепия. Подразумевалось, что в тяжелых случаях, при бессилии рационального знания, оставалась последняя надежда на богов.

Нормы гиппократовой медицины рекомендовали в ряде случаев сдержанность и даже отказ от вознаграждения, если речь шла о малообеспеченных пациентах. Принимать «почетный дар» после успешной терапии было нормальным явлением, вполне отвечающим духу «Наставлений». Обязанности врача заключались в следующем:

- не снабжать никого смертельными ядами;
- не предоставлять абортивные средства;
- не вступать в полемику с родственниками больного;
- хранить в тайне сведения о больном, не подлежащие разглашению;
- не заниматься самовосхвалением;
- обращаться к коллегам в трудных случаях;
- быть умеренным в плате за услуги, при необходимости предоставлять таковые безвозмездно;
- быть чистым и порядочным в личной жизни, т. е. быть философом в высоком смысле слова;
- соблюдать опрятность в одежде, не употреблять благовоний и вина при пациенте.

Этот свод правил порядочности, созданный во врачебной среде, вполне мог служить этическим руководством для всякого свободного гражданина эпохи культурного расцвета Греции.

С. Ю. Трохачев

КЛЯТВА

1. Клянусь врачом Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панакеей, а также всеми богами и богинями*, делая их свидетелями, исполнять по силам и разумению моему данную клятву и письменное обязательство.

Считать научившего меня этому искусству равным моим родителям, делиться с ним средствами и при необходимости помогать ему в нуждах, потомство его принимать как братьев и по их желанию учить их этому искусству безвозмездно и без договора; наставления, устные уроки и все прочее в учении сообщать моим сыновьям, сыновьям моего учителя и ученикам, связанным обязательством и принесшим клятву по закону врачебному, но никому другому.

2. Я направлю режим больных им на пользу сообразно моим силам и разумению, воздерживаясь от причинения какого-либо вреда или несправедливости.

* Типовой зачин греческой присяги.

3. Я не дам никому просимого смертельного средства и не покажу пути к такой цели, равно как и ни одной женщине не вручу abortивного пессария.

4. Чисто и свято я буду проводить свою жизнь и свое искусство.

5. Я не буду производить камнесечения, предоставив это людям, занимающимся таковым.

6. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больных, будучи далек от всего умышленно несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, как свободными, так и рабами.

7. Что бы при лечении, а также и вне лечения я ни увидел или ни услышал о жизни людей такого, чего не следует болтать, о том я умолчу, считая все это постыдным для разглашения.

8. Мне, исполняющему и не нарушающему клятву, да будет счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

ЗАКОН

1. Медицина поистине есть самое благородное из всех искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые необдуманно судят о них, она уже далеко отстает от всех искусств. И мне кажется, причиной такого падения служит больше всего то, что в полисах одной лишь медицине не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но оно ничуть не задевает тех, от которых неотделимо. По-моему, эти последние очень похожи на тех, которых выпускают на сцену в трагедиях*, ибо как они принимают наружность, одежду и маску актера, не будучи актерами, так и врачи: по прозванию их много, на деле же крайне мало.

2. Тому, кто захочет обрести действительное знание медицины, необходимо иметь: природное расположение, обучение, удобное место, наставление с детства, любовь к труду и время. Итак, прежде всего необходимо природное расположение; если природа противодействует, — все тщетно; если же она сама показывает путь ко всему наилучшему, тогда уже начинается изучение искусства, которое следует приобретать с разумением, пользуясь наставлением с детства и в месте, от природы хорошо приспособленном для науки. Сюда же надо еще присоединить многолетнее прилежание, чтобы учение, укorenившись прочно и глубоко, приносило зрелые плоды.

3. В самом деле, наблюдение того, что рождается из земли, показывает то же, что изучение медицины. Действительно, природа наша — поле, а наставления учителей — семена. Обучение, начатое с детства, соответствует благовременному сеянию, а место для учения — окружающему воздуху, из которого обыкновенно заимствует себе пищу все то, что рождается из земли. Трудолюбие есть

* Имеются в виду статисты, немые актеры.

земледелие. Время же все это укрепляет и вскармливает до зрелости.

4. Когда все эти условия для врачебного искусства совмещены и приобретено истинное знание, тогда только люди, обходящие города для практики, не только на словах, но и на деле признаются врачами. Но неопытность — плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей: и во сне, и наяву благодушную и благоразумную чуждая, она — кормилица трусости и дерзости. Но ведь трусость знаменует бессилие, дерзость же — неумение. Ибо есть наука и мнение: первая рождает знание, второе — невежество.

5. Но священные действия раскрываются только людям посвященным, профанам же это не позволено до введения их в таинства науки.

НАСТАВЛЕНИЯ

1. Во времени содержится удобный случай, а в удобном случае — малое время: исцеление достигается временем, но иногда также и удобным случаем. Кто это знает, должен приступать к лечению, обращаясь прежде всего не к вероятному рассуждению, но к опыту, соединенному с разумом. <...> 2. Из того, что выводится только путем рассуждения, нельзя почерпнуть ничего; это возможно только из показаний дела, ибо обманчивым и непрочным бывает утверждение, основанное на болтовне. <...> И не нужно стесняться разузнавать от простых людей, если что покажется полезным для удобства лечения... Поэтому должно обращать внимание на случайные обстоятельства, которые встречаются на каждом шагу, и делать дело с пользой и тихо... <...> 4. <...> Об установлении вознаграждения не следует заботиться, так как мы считаем, что обращать на это внимание вредно для больного, в особенности при остром заболевании: быстрота болезни, не дающая случая к промедлению, заставляет хорошего врача искать не выгоды, а скорее приобретения славы. Лучше упрекать спасенных, чем наперед обирать находящихся в опасности. 5. Однако некоторые больные, предпочитая то, что необыкновенно и таинственно, достойны, конечно, пренебрежения, но не наказания. Поэтому им, движимым волнами непостоянства, ты естественно будешь противодействовать. <...> 6. И я советую, чтобы ты не слишком негуманно вел себя, но чтобы обращал внимание на обилие средств (у больного) и на их умеренность, а иногда лечил бы и даром, считая благодарную память выше минутной славы. Если же случай представится оказать помощь чужестранцу или бедняку, то таким в особенности должно ее доставить, ибо где любовь к людям (филантропия), там и любовь к своему искусству (филотехния). <...> 8. <...> Нет ничего постыдного, если врач, затрудненный в каком-либо случае у больного и не видя ясно, по причине своей неопытности, просит пригласить других врачей, с которыми он мог бы совместно выяснить положение больного и которые подействовали бы ему найти помощь. <...> Врачи, вместе осматри-

вающие больного, не должны ссориться между собою и высмеивать друг друга. Ибо я с клятвою заверяю, что никогда суждение одного врача не должно возбуждать зависти другого; это значило бы показывать свою слабость... <...> 10. Должно также избегать щегольства головными повязками для приобретения себе авторитета, а также изысканного запаха духов, ибо внешность необычная в сильной степени навлекает клевету, в небольшой же степени сообщает приличный вид. <...> 12. Желание устраивать чтение перед толпой недостойно славы; по крайней мере не надо приводить свидетельства поэтов, ибо это трудолюбие показывает бессилие. Я отвергаю пользование чужим трудолюбием, изложенным с трудом, так как оно имеет привлекательность только само по себе. Это значило бы подражать пустой работе трутня.

О БЛАГОПРИЛИЧИИ

Не без основания некоторые утверждают, что мудрость полезна для многих вещей, именно мудрость, относящаяся к жизни. <...> Поэтому я оставляю в стороне те диалектические тонкости, которые не приносят никакой пользы; ибо приятнее мудрость, направленная на что-либо иное, становящаяся именно искусством, — искусством, ведущим к благоприличию и славе. <...> 5. Поэтому должно, собравши все сказанное в отдельности, перенести мудрость в медицину, а медицину в мудрость. Ведь врач-философ равен богу. Да и немного в самом деле различия между мудростью и медициной, и все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха пред богами, божественное превосходство. <...> 6. ...В различных страданиях и случаях медицина расположена почтительно относиться к богам. Врачи склоняются перед богами, ибо в медицине нет чрезвычайного могущества. И хотя они многое лечат, однако есть много такого, что превосходит их силу и делается само по себе. <...> 18. Таковы условия для приобретения доброй славы и благоприличного поведения и в мудрости, и в медицине, и в прочих искусствах... И те, которые идут этим путем, будут в славе и у родителей, и у детей; если даже кто не имеет познания во многих вещах, из самых дел получит понимание.

О ВРАЧЕ

Врачу сообщает авторитет, если он хорошего цвета и хорошо упитан, соответственно своей природе, ибо те, которые сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других. Затем, ему прилично держать себя чисто, иметь хорошую одежду и натираться благоухающими

мазями, ибо все это обыкновенно приятно для больных. Должно также ему наблюдать все это и в отношении духа; быть благоразумным не только в том, чтобы молчать, но также и в остальной, правильно устроенной жизни. И это наиболее принесет ему помощь для приобретения славы. Пусть он также будет по своему нраву человеком прекрасным и добрым и, как таковой, значительным и человеколюбивым. Ибо поспешность и чрезмерная готовность, даже если бывают весьма полезны, презираются. <...> Что касается внешнего вида врача, пусть он будет с лицом, исполненным размышления, но не суровым, потому что это показывает гордость и мизантропию. Тот врач, который изливается в смехе и сверх меры весел, считается тяжелым, и этого должно в особенности избегать. Он должен быть справедливым при всех обстоятельствах, ибо во многих делах нужна бывает помощь справедливости, а у врача с больными — немало отношений: ведь они поручают себя в распоряжение врачам, и врачи во всякое время имеют дело с женщинами, с девицами и с имуществом весьма большой цены, следовательно, в отношении всего этого врач должен быть воздержным. Итак, вот этими-то доблестями души и тела он должен отличаться. <...>

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
<i>А. И. Зайцев. Введение в античную литературу</i>	7
ЭПОС	15
Гомер	17
ИЛИАДА (I, 1–312; VI, 370–502; XVIII, 428–616; XXIV, 1–632)	
<i>Перевод Н. Гнедича</i>	24
ОДИССЕЯ (I, 1–99; V, 1–49, 295–494; VI, 1–246; IX, 1–38, 168–505; XII, 151–259; XXII, 1–99, 379–389; XXIII, 85–116, 153–372)	
<i>Перевод В. Жуковского</i>	49
Гесиод. Перевод В. Вересаева	83
РАБОТЫ И ДНИ	85
О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ (Теогония)	98
Батрахомиахия. Перевод М. Альтмана	104
ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ. Перевод В. Вересаева	113
К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ	116
К ГЕРМЕСУ	120
К ДЕМЕТРЕ	134
ФИЛОСОФСКИЙ ЭПОС	147
Парменид. Перевод М. Позднева	150
О ПРИРОДЕ	151
Эмпедокл. Перевод Г. Якубациса	158
О ПРИРОДЕ	159
ОЧИЩЕНИЯ	161
ЭЛЕГИЯ	163
Каллин. Перевод Г. Церетели	166
Будете спать вы доколе? Когда мощный дух обретете...	167
Тиртей	168
Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополчения...	
<i>Перевод О. Румера</i>	169

Так как потомки вы все псоборного в битвах Геракла...	
<i>Перевод В.Латышева.</i>	170
Я не считаю достойным ни памяти доброй, ни чести...	
<i>Перевод В.Латышева</i>	171
Вперед, о сыны отцов, граждан... <i>Перевод В.Латышева</i>	172
Мимнерм. <i>Перевод В.Вересаева</i>	173
Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?	174
В пору обильной цвстами весны распускаются быстро...	174
Минет пора — и прекраснейший некогда муж пробуждает...	174
Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий...	174
Солон. <i>Перевод Г.Церетели</i>	175
<Из элегии «Саламин»>	176
Благозаконие	176
Столько народу я власти вручил, сколько надобно было...	177
Музы Пизрии, вас, светлых чад олимпийца Зевеса...	177
Седмицы человеческой жизни	179
<Мимнерму>	179
Феогид	180
<ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ «СБОРНИКА»>. <i>Перевод В.Вересаева</i>	183
Ксенофан	196
Вот уже пол подметен, руки вымыты, вымыты кубки...	
<i>Перевод Г.Церетели</i>	197
Если кто резвостью ног надо всеми одержит победу...	
<i>Перевод С.Ошерова</i>	197
Если быки, или львы, или кони имели бы руки...	
<i>Перевод Ф.Петровского</i>	198
Черными пишут богов и курносые все эфиопы...	
<i>Перевод Ф.Зелинского</i>	198
Что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою...	
<i>Перевод Ф.Зелинского</i>	198
Ион. <i>Перевод С.Ошёрова</i>	199
...много превыше других тирсоносный Дионис...	200
Слава тебе и привет, наш отец, повелитель, спаситель!...	200
ЯМБ	201
Архилох	204
ЭЛЕГИИ. <i>Перевод В.Вересаева</i>	205
Я — служитель царя Эниалия, мощного бога...	205
В остром копье у меня замшен мой хлеб. И в копье же...	205
То не пращи засвистят, и не с луков бесчисленных стрелы...	205
С чашей в руках ты ходи по пастилу лады быстроходной...	205
Носит теперь горделиво санец мой щит безупречный...	205
ЯМБЫ. <i>Перевод В.Вересаева</i>	205
Нет, не люб мне вождь высокий, раскоряка-вождь не люб...	205
...как осла хребет...	205
Своей прекрасной розе с веткой миртовой...	206
Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб...	206

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой....	206
Настраения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын...	206
Кто падет, тому ни славы, ни почета больше нет...	206
Можно ждать чего угодно, можно верить всему...	206
И владыке Дионису дифирамб умею я...	206
[Из басни «Орел и лисица»]	207
Семонид Аморгосский. Перевод Я.Голосовкера	208
Внимай, дитя, над всем — один властитель: Зевс...	209
Различно женщин прав сложил вначале Зевс...	209
Гиппонакт. Перевод Вяч. Иванова	213
Гермес Килленский, Майи сын, Гермес, милый!	213
Ты не дал мне хламиды шерстяной, теплой...	214
Богатства бог, чье имя Плутос, — знать, слеп он!	214
Я злу отдам усталую от мук душу...	214

СОЛЬНАЯ ЛИРИКА 215

Терпандр	219
Зевс всего начало, Зевс... <i>Перевод Г.Церетели</i>	219
Здесь процветает копые, и юность, и звонкая песня...	
<i>Перевод Г.Церетели</i>	219
Льем вино — Музам в честь... <i>Перевод Я.Голосовкера</i>	219
Алкей. Перевод М.Гаспарова	220
Гимн Диоскурам	221
Гимн реке Гебру	221
Так гласит молва: от твоих, Елена...	221
...А Елене в грудь заронила жажду...	222
...пал Деифоб за ним...	222
Мы потерялись в свибке морских валов!	223
...И кораблю не до поклажи...	223
...Не плыть ковшу в кувшине в густом вине...	224
Ты с чужбины принес меч с рукояткою...	224
Зевс-родитель! Сжался над нашим горем...	224
...На всех попойках бражник безудержный...	225
А он, гордясь свойством...	225
В былые годы мужи лесбийские...	225
Здесь, в священной земле, Агесилаев сын...	226
Льет ливнем Зевс, напасть великое...	226
Выпьём! Надо ли нам ждать темпоты?	227
Влей в иссохшую грудь каплю вина!	227
[Признание поэтессе Сапфо]	227
Сапфо. Перевод В.Вересаева	228
Пестрым треном славная Афродита...	229
Богу равным кажется мне по счастью...	230
Нет, она не вернулась!	230
Звезды близ прекрасной луны тотчас же...	231
...уж любовью...	231
...теперь прелестные эти песни...	231
Между дев, что на свет...	231
Словно ветер, с горы на дубы налетающий...	231

Венком охвати...	231
Эрос вновь меня мучит истомчивый...	232
...Из Сард к нам сюда она...	232
На земле на черной всего прекрасней...	232
Я роскошь люблю...	233
Есть прекрасное дитя у меня. Она похожа...	233
О матушка! Не в силах...	233
Подпись к статусе	233
Эй, потолок поднимайте...	233
Сладкое яблочко ярко алесет на ветке высокой...	234
К Алкею	234
...глашатай пришел...	234
Анакреонт	235
Бросил шар свой пурпуровый... <i>Перевод В. Вересаева</i>	236
Пирожком я позавтракал... <i>Перевод В. Вересаева</i>	236
Люблю, и словно не люблю... <i>Перевод В. Вересаева</i>	236
...бросился я... <i>Перевод В. Вересаева</i>	236
Ты, с кем Эрос властительный... <i>Перевод В. Вересаева</i>	236
Мальчик с видом девическим... <i>Перевод В. Вересаева</i>	237
Я б хотел сойтись с тобою... <i>Перевод В. Вересаева</i>	237
Ибо мальчики за речи полюбить меня могли бы... <i>Перевод В. Вересаева</i>	237
Десять месяцев прошло уж, как Мегист наш благодушный...	
<i>Перевод В. Вересаева</i>	237
А кто сражаться хочет... <i>Перевод В. Вересаева</i>	237
Умереть бы мне! Не вижу никакого... <i>Перевод В. Вересаева</i>	237
Эпитафия. <i>Перевод В. Вересаева</i>	237
Кобылица молодая... <i>Перевод А. Пушкина</i>	237
Ода LVI (Поредели, побелели...). <i>Перевод А. Пушкина</i>	238
Ода LVII (Что же сухо в чаше дно?). <i>Перевод А. Пушкина</i>	238

ХОРОВАЯ ЛИРИКА 239

Алкман	242
Парфеней. <i>Перевод В. Вересаева</i>	243
Музы, царя Олимпийского дочери... <i>Перевод Н. Казанского</i>	246
...падела прелестного Белых богинь... <i>Перевод Н. Казанского</i>	246
Многочтимые от века... <i>Перевод Н. Казанского</i>	247
О Каллиона! Зачни нам прелестную... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
Златокудрая Мегалострата, в девах... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
Слова и мелодию эту... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
Знаю все напевы я... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
И сколько их у нас ни есть... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
А он на флейте будет нам... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
Не деревенщина-мужик ты... <i>Перевод В. Вересаева</i>	247
Тише! крик все девушки подняли... <i>Перевод В. Вересаева</i>	248
Милые деды, певицы прелестного голоса! Больше... <i>Перевод В. Вересаева</i>	248
Спят вершины высокие гор и бездн пропалы... <i>Перевод В. Вересаева</i>	248
Часто на горных вершинах, в то время как... <i>Перевод В. Вересаева</i>	248
Я песу тебе с молитвой... <i>Перевод В. Вересаева</i>	248
Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный дурачится...	
<i>Перевод В. Вересаева</i>	248

И сладкий Эрос, милостью Киприды... <i>Перевод В. Вересаева</i>	249
Как-нибудь дам я треногий горшок тебе... <i>Перевод В. Вересаева</i>	249
Вот семь столов и столько же сидений... <i>Перевод В. Вересаева</i>	249
Три времени в году — зима... <i>Перевод В. Вересаева</i>	249
Стесихор. <i>Аннотированный перевод Н. Казанского</i>	250
Герионсида	252
Елена	254
Елена. Палинодия (Обратная песня)	255
Разрушение Трои	255
Носты (Возвращения)	256
Эдиподия (Фиваида)	257
Эрифилы	259
Орестей	259
Из неизвестных песен	260
Ивик. <i>Перевод В. Вересаева</i>	261
Только весною цветут цветы...	261
Эрос влажномерцающим взглядом очей своих черных глядит...	262
И горю, как долгою ночью горят...	262
Мирты, и яблоки, и златоцветы...	262
И соловьев...	262
На дереве том...	262
Кассандра, Приама дочь...	262
Симонид Кеосский	263
Ведь ты человек... <i>Перевод Г. Церетели</i>	264
Ибо даже и те, что богами-владыками... <i>Перевод С. Ошерова</i>	264
Ибо все исчезает в одном устрашающем водовороте... <i>Перевод С. Ошерова</i>	264
...Но мало сил... <i>Перевод С. Ошерова</i>	264
Иначе как от богов... <i>Перевод С. Ошерова</i>	264
Нет такого зла... <i>Перевод С. Ошерова</i>	264
Бессчетные стан птиц... <i>Перевод С. Ошерова</i>	265
Несколько слово гласит... <i>Перевод С. Ошерова</i>	265
Кто, полагаясь на разум, похвалит Клеобулу, жителя Линды... <i>Перевод С. Ошерова</i>	265
<Из похвальной песни павшим при Фермопилах> <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	265
<Жалоба Дапаи> <i>Перевод И. Ашпенского</i>	266
Коринна	267
Состязание Геликона с Кифероном. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	268
Дочери Асопа. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	268
Дела героев и героинь... <i>Перевод В. Вересаева</i>	270
Блосудежным я лишь пою... <i>Перевод В. Вересаева</i>	270
Я Миртиде... <i>Перевод В. Вересаева</i>	270
Пиндар. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	271
Песнь I, олимпийская <«Пелоп»>	272
Песнь III, пифийская <«Асклепий»>	276
Вакхилид. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	281
Песнь III, олимпийская	282
Юноши, или Фессей	285

ЭПИГРАММА 289

Симонид Кеосский. Перевод Л. Блуменау	292
Зевсу-освободителю	292
Дар Павсания Аполлону	292
Фермопильские надписи	292
Павшим афинянам	292
Афиняне, павшие при Платее	293
Афиняне, павшие на Евбее	293
Спартамцам, павшим при Платее	293
Защитникам Тегей	293
Лев на могиле Леонида	293
Врач, по прозванию Павсаний, Архита здесь сын поживает,...	294
Эпитафии убитому	294

БАСНЯ 295

Эзоп. Перевод М. Гаспарова	297
Орел и лисица	298
Лисица и виноград	299
Рыбаки	299
Звездочет	299
Гермес и Тиресий	300
Волки и овцы	300

ИСТОРИОГРАФИЯ 301**Геродот 305****ИСТОРИЯ 306**

Книга II. Эвтерпа (5—34, 148—150). Перевод Ф. Мищенко в редакции Р. Светлова	306
---	-----

Фукидид. Перевод Ф. Мищенко в редакции Р. Светлова 318**ИСТОРИЯ**

Первая книга (1—21)	319
Вторая книга (31—65)	329

ТРАГЕДИЯ**Эсхил 349****АГАМЕМНОН. Перевод С. Анта 352****ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Перевод А. Пиотровского 402****Софокл. Переводы Ф. Зелинского 438****АНТИГОНА 440****ЦАРЬ ЭДИП 488****Еврипид. Перевод И. Анненского 547****МЕДЕЯ 550****ИППОЛИТ 600**

ВАКХАНКИ	653
КОМЕДИЯ	703
Аристофан. <i>Перевод А. Пиотровского</i>	705
ЛИСИСТРАТА	707
ОБЛАКА	770
ПЛУТОС	843
ПРИЛОЖЕНИЕ	908
РАННИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ФИЛОСОФЫ. ФРАГМЕНТЫ	908
Анаксимандр. <i>Перевод А. Маковельского</i>	909
Гераклит. <i>Перевод О. Дынича</i>	909
Зенон Элсат. <i>Перевод А. Маковельского</i>	911
Анаксагор. <i>Перевод М. Позднева</i>	911
Демокрит. <i>Перевод А. Маковельского</i>	913
ГИППОКРАТ. <i>Перевод С. Трохачева</i>	915
Клятва	916
Закон	917
Наставления	918
О благоприличии	919
О врачах	919

ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В первый том хрестоматии включены произведения древнегреческой литературы эпохи так называемого «культурного переворота». Это гомеровский эпос, сольная и хоровая лирика, историческая проза Геродота и Фукидида, басня, философская проза Эмпедокла и Парменида, драматургия Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана. Произведения даны в лучших переводах таких мастеров, как М. Гаспаров, В. Вересаев, Н. Казанский и др. Некоторые переводы были специально подготовлены для этого издания и публикуются впервые. Тексты предваряются статьями, в которых читатель найдет необходимые сведения не только об их авторах, но также о становлении и развитии основных жанров и направлений древнегреческой литературы. Хрестоматия адресована учащимся гимназий и школ, студентам гуманитарных вузов и всем, кто интересуется античной литературой.

ISBN 5-352-00988-2

9 785352 009888

WWW.AZBOOKA.RU